СОЧИНЕНІЯ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ приложеніемъ очерка Эд. Бернштейна:
„Фердинандъ Лассаль, его жизнь и значеніе для рабочаго класса“,
автографомъ и портретомъ Ф. Лассаля.

2-ое исправленное и дополненное изданіе.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

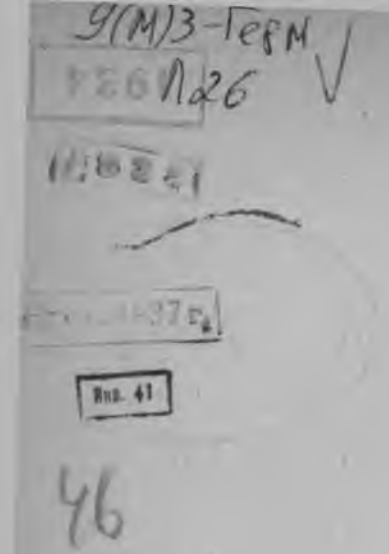
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Laplace.

Типографія Монтвида, Конная, 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭД. БЕРНШТЕЙНЪ.

ФЕРДИНАНДЪ ЛАССАЛЬ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РАБОЧАГО КЛАССА.

„Всеобщее и прямое избирательное право есть не только вашъ политическій, но и вашъ основной соціальный принципъ, основное условіе всякаго соціальнаго улучшенія".

Лассаль. (Гласный отвѣтъ).

ПЕРЕВОДЪ
І. ДАВЫДОВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей работѣ я имѣю въ виду дать краткую характеристику жизни и дѣятельности Лассаля. Я съ большой охотой взялся за эту работу. Не разъ приходилось мнѣ читать рабочимъ лекціи, и я всякій разъ убѣждался, какъ мало знакомо съ Лассалемъ въ особенности молодое поколѣніе рабочихъ. Большинство изъ нихъ совсѣмъ ничего не знаетъ о томъ богатомъ духовномъ наслѣдствѣ, какое Лассаль оставилъ рабочему классу. Настоящей работой я и хотѣлъ бы вновь оживить для многихъ это забытое наслѣдство.

Та оцѣвка, которую я даю Лассалю въ настоящей работѣ, кое въ чемъ отличается отъ прежней, какая была дана мной въ вступительной статьѣ къ нѣмецкому полному собранію сочиненій Лассаля. Эта разница объясняется просто тѣмъ, что послѣдующее, болѣе обстоятельное, изученіе Лассаля и мое собственное теоретическое развитіе позволили мнѣ лучше понять его. Въ настоящее время образъ Лассаля вырисовывается передо мною въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ это было тогда, когда я писалъ упомянутое выше введеніе. Но и теперь я старался только объ одномъ — воздать должное истинѣ. Я старался избѣгать слѣпого и преувеличеннаго преклоненія передъ личностью Лассаля. Я хотѣлъ только дать надлежащую оцѣнку тому, кто пробудилъ нѣмецкое рабочее движеніе. Рабочій классъ не нуждается въ четьи-минеи. Ему нечего бояться, если его передовые борцы будутъ изображены людьми, недостатки которыхъ открыто выносятся на свѣтъ божій. Но и Лассалю не страшно, если его недостатки и слабости будутъ показаны всему міру. Это, все же, недостатки свѣтила, ядро котораго сверкаетъ чистымъ золотомъ.

Кое въ чемъ моя оцѣнка Лассаля почти дословно совпадаетъ съ сужденіями Г. Онкена въ его недавно появившейся біографіи Лассаля [1]). По этому поводу я долженъ замѣтить, что съ книгой Онкена я познакомился лишь тогда, когда рукопись настоящаго сочиненія была уже сдана въ типографію.

---

[1]) Hermann Onken. „Lassale“, Stuttgart, 1905.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ЮНОСТЬ ЛАССАЛЯ.

Его дневникъ.

Фердинандъ Лассаль родился въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 года. Его отецъ, Гейманъ Лассаль, насколько можно судить по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ, былъ, повидимому, человѣкомъ дѣльнымъ и съ характеромъ. Онъ былъ богатъ и торговалъ шелкомъ. Самъ Лассаль всегда говорилъ объ отцѣ съ большимъ почтеніемъ и любовью. Менѣе симпатичной, повидимому, была его мать, и отъ нея то онъ и унаслѣдовалъ часть своихъ недостатковъ. Лассаль былъ рослымъ, красивымъ, въ высшей степени одареннымъ мальчикомъ. Онъ необычайно рано проявилъ самыя разнородныя способности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его дневникъ, появившійся въ печати впервые въ 1891 г. въ Бреславлѣ. Онъ началъ вести его, не имѣя еще полныхъ пятнадцати лѣтъ отроду, съ 1 января 1840 г., и довелъ до весны 1841 года. Дневникъ этотъ довольно хорошо вскрываетъ передъ нами семейную жизнь въ домѣ Лассаля и его собственное духовное развитіе и, въ то же время, знакомитъ съ культурной жизнью тогдашней эпохи. Такъ какъ авторъ прямо не задавался такой задачей, то получилась вполнѣ безпристрастная картина тогдашней культурной жизни.

Лассаль сперва обучался въ реформистской гимназіи въ Бреславлѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ гимназію св. Магдалины. Въ это время и былъ имъ написанъ дневникъ. Лассаль не былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ примѣрнымъ ученикомъ. Съ учителями у него бывали постоянныя стычки. Онъ вытворялъ всевозможныя шалости, свойственныя легкомысленнымъ и своевольнымъ юношамъ. Онъ легко относился къ своимъ школьнымъ занятіямъ и, въ случаѣ нужды, преспокойно списывалъ у товарищей. Зато онъ охотно читалъ и, какъ это видно изъ дневника, понималъ такія вещи, которыя обыкновенно не привлекаютъ къ себѣ вниманія мальчиковъ,

Уже пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ могъ вести разговоръ „какъ взрослый“, и взрослые часто относились къ нему въ разговорѣ, какъ къ равному себѣ. Характерно для него, напр., слѣдующее замѣчаніе, занесенное имъ въ дневникъ подъ 4 апрѣля 1840 г. Отецъ какъ то сказалъ ему, что вмѣсто нѣмецкихъ романовъ и поэтическихъ произведеній, ему слѣдовало бы лучше читать греческихъ и римскихъ поэтовъ: „Итакъ,—замѣчаетъ Лассаль,—по мнѣнію отца, это слѣдуетъ дѣлать не ради самаго дѣла, читаютъ Гомера не для того, чтобы облагородить умъ и сердце, не для того, чтобы восхищаться его красотами, его поэтическимъ дарованіемъ, не ради его вліянія на наши нравственные принципы,—а лишь для того, чтобы научиться по-гречески!!“

За четыре дня до этого, подъ 31 марта, мы читаемъ въ дневникѣ: „Сегодня я всталъ съ постели и читалъ Виланда: „Музаріонъ“, „Граціи“ и „Обвиненный Амуръ“. Этотъ старый, сластолюбивый Виландъ, этотъ проказникъ и любовникъ цѣнитъ выше всего округлость формъ. Всегда говорятъ, что слѣдуетъ избѣгать плохихъ романовъ и читать только классиковъ. Пусть прочтутъ превосходнаго Виланда! Развѣ въ немъ не больше грязи, чѣмъ въ худшемъ изъ романовъ Поля де Кока?“ [1]).

Итакъ, юноша, еще не достигшій пятнадцатилѣтняго возраста, уже читалъ Поля де Кока и, какъ взрослый мужчина, судитъ о непристойности обоихъ авторовъ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого, въ апрѣлѣ 1840 года, отецъ открылъ, что Фердинандъ долгое время обманывалъ его относительно своихъ школьныхъ отмѣтокъ и даже поддѣлывалъ его подпись. Отецъ былъ сильно, до слезъ, огорченъ этимъ открытіемъ, и Лассаль, согласно его собственному желанію, былъ переведенъ въ коммерческую школу въ Лейпцигѣ. Здѣсь опять повторяется та же бреславльская исторія. Лассаль шалопайничаетъ, постоянно ссорится съ учителями и товарищами. Зато въ умственномъ отношеніи онъ всегда остается на высотѣ своего положенія. Отъ августа 1841 года у насъ имѣются свѣдѣнія о хорошихъ отмѣткахъ по всѣмъ главнымъ предметамъ. Но при этомъ сдѣлана такая помѣтка: „Могъ бы еще лучше заниматься. За нимъ необходимъ строгій надзоръ“. Директоръ замѣчаетъ далѣе: „Онъ не встрѣчалъ уваженія ни со стороны учителей, ни со стороны учениковъ“. Но тутъ имѣлись особенныя обстоятельства. Причиной такого отношенія къ Лассалю были не упомянутые его

---

[1]) Ф. Лассаль. «Дневникъ». Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Петербургъ, 1901 г., стр. 125.

недостатки. Во всякомъ случаѣ, не въ нихъ однихъ только было дѣло. Въ это время Лассаль проникся новымъ духомъ. Пятнадцатилѣтній юноша началъ интересоваться политическими вопросами и превратился въ рьянаго демократа. Его дневникъ подтверждаетъ то, что онъ много лѣтъ спустя писалъ Карлу Марксу: „Письменные документы и статьи доказываютъ, что уже съ 1840 года я сталъ революціонеромъ". (Письмо къ Марксу отъ 11 марта 1860 года).

Вотъ нѣкоторыя характерныя мѣста: „Ничего новаго, кромѣ того, что я началъ читать сочиненіе Эльснера: „Знаменитые дни въ жизни Наполеона". Какой сильный языкъ, какое негодованіе противъ деспотіи тирановъ! Почти не вѣрится, чтобы у нѣмца любовь къ свободѣ была такъ сильна! Превосходная книга!" (3 и 4 іюля 1840) [1]).

„..... Хотя я настроенъ революціонно-демократически-республикански, но чувствую, что на мѣстѣ графа Лаваньи („Фіеско" Шиллера) я поступилъ бы также и не удовольствовался бы ролью перваго гражданина Генуи, а протянулъ бы руку къ королевской коронѣ. Изъ этого слѣдуетъ, если разсмотрѣть дѣло получше, что я просто эгоистъ.

Родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы и душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого буржуа, то буду въ свое время демократомъ". (19 іюля 1840) [1]).

Эти строки свидѣтельствуютъ, что авторъ ихъ много размышлялъ, что онъ обладалъ большою склонностью къ самокритикѣ.

„..... Я же добровольно оставилъ искусство, чтобы сдѣлаться торговцемъ, хотя мои родители отговаривали меня и побуждали къ научнымъ занятіямъ... Вообще, я слишкомъ рано очутился на распутьи, и еслибы не родители, то, все равно, меня принудило бы къ этому мое тогдашнее отвратительное положеніе, изъ котораго я хотѣлъ выйти какой-угодно цѣной. Я видѣлъ, что дальше продолжать ложь было невозможно... Въ интересахъ справедливости я долженъ сказать, что никто не заставлялъ меня отказываться отъ общественной, эстетической или политической дѣятельности... Я вѣрю въ случай и въ мое твердое желаніе имѣть дѣло скорѣе съ музами, чѣмъ съ главными и черновыми книгами, знакомиться съ Элладой и Востокомъ, нежели съ индиго и свекловицей, съ Таліей и ея жрицами, нежели съ торговцами и ихъ приказчиками, интересоваться болѣе вопросами свободы, чѣмъ торговыми дѣлами, больше и сильнѣе

---

[1]) «Дневникъ», стр. 179.

[1]) Тамъ же, стр. 184.

бичевать аристократическихъ собакъ, которыя отнимаютъ у людей ихъ наивысшее благо, чѣмъ конкурентовъ, которые ухудшаютъ цѣны. Но на одномъ бичеваніи дѣло не остановится...“ (3 августа 1840) [1]).

„Но нѣтъ, я не хочу быть льстивымъ, малодушнымъ царедворцемъ, еслибы даже у меня имѣлись таланты для этого (!)! Я хочу провозгласить свободу народамъ, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть при этой попыткѣ... О, Франція, страна моихъ грезъ и моихъ страстныхъ желаній! Какъ влечетъ меня къ тебѣ! Ты обитель свободы, которую ты завоевала! Но ты не выпустила еще оружія изъ своихъ рукъ. Ты поняла, что еще должно быть достигнуто, и не даешь усыпить себя обѣщаніями коварныхъ аристократовъ“. (26 августа 1840) [2]).

„Вообще, мнѣ непріятно, что я не учился дальше. Теперь мнѣ ясно мое желаніе быть писателемъ...

Изъ Парижа, этого пріюта свободы, я, какъ Бернс, обращусь ко всѣмъ народамъ, и всѣ князья затрепещутъ отъ страха и поймутъ, что пришелъ ихъ часъ. Но какихъ только препятствій не поставилъ я самъ себѣ на пути! Какъ будутъ издѣваться мои враги надъ сбѣжавшимъ торговцемъ, который промѣнялъ аршинъ на перо... „Приказчикъ!“ „Рыцарь аршина!“— зашипятъ изо-всѣхъ угловъ. Но съ тронами придется покончить и барышамъ, и приказчикъ заговоритъ съ ними такимъ языкомъ, что они умолкнутъ“ (26 августа 1840) [3]).

„Я люблю этого Гейне. Онъ—мое второе „я“. Какія смѣлыя идеи и какая всесокрушающая сила языка!... И этотъ человѣкъ сорвалъ съ своей головы якобинскую шапку и надѣлъ на свои благородные локоны шляпу съ галунами!

Но я, все же, постоянно думаю, что онъ только шутитъ, когда говоритъ: „Я роялистъ, но не демократъ“. Мнѣ кажется, это иронія. И, вѣроятно, это такъ“. (9 октября 1840) [4]).

„Сегодня, послѣ обѣда, Гейшкель (учитель) возвратилъ мнѣ мою нѣмецкую работу „о правилахъ дружбы“. Въ ней я сильно нападалъ на всѣхъ филистеровъ и глупыхъ теоретиковъ. Далекая отъ того, чтобы устанавливать какія бы то ни было правила дружбы, моя работа представляла не что иное, какъ жестокую насмѣшку надъ тѣми, кто хочетъ предписывать правила нашимъ чувствамъ...

---

1) «Дневникъ», стр. 188—189.

2) Тамъ же, стр. 193—194.

3) Тамъ же, стр. 195.

4) Тамъ же, стр. 198—199.

Гейшкель вступилъ со мной въ споръ, изъ котораго я вышелъ побѣдителемъ. За идеальный взглядъ на истинную, благородную дружбу, который я высказалъ, меня назвали экзальтированнымъ. Жалкіе люди! Если уже теперь они такъ трезво судятъ о дружбѣ, то что же они скажутъ о ней черезъ 50 лѣтъ!

Сегодня вечеромъ ко мнѣ пришелъ Л., и я игралъ съ нимъ въ вистъ. Такое отсутствіе самолюбія поражаетъ меня. Прійти къ человѣку, который вчера указалъ ему двери! Этого я не понимаю.

Непріятное чувство охватываетъ меня, когда я смотрю на подобныхъ людей. Въ нихъ я нахожу разгадку того, почему такъ сильно презираютъ евреевъ. Такого сорта люди способствовали этому. Эта низость взглядовъ, это раболѣпство, эта пошлость,—фу, какая отвратительная смѣсь!..

Я разговариваю съ Л., позволяю ему навѣщать меня, чтобы имѣть возможность изучить характеръ людей этого сорта.

Единственное, прирожденное евреямъ, хорошее качество — добродушіе, и онъ обладаетъ имъ въ высокой степени". (17 февраля 1841) [1]).

„Сегодня давали „Эгмонта". Нужно удивляться, какъ этотъ вѣчно улыбающійся Гёте могъ написать произведеніе, въ которомъ говорится такъ много о свободѣ и конституціи. Но, конечно, рѣчь о свободѣ можетъ имѣть значеніе лишь для народа, а не для его князя" (27 марта 1841) [2]).

Изъ этихъ цитатъ видно, какое сильное броженіе переживала эта юная голова. Разумѣется, не всѣ высказанныя здѣсь, крайне рѣзкія мысли можно приписать самому Лассалю. Кто знакомъ съ литературой Молодой Германіи и лѣваго радикальнаго крыла гегельянцевъ, которые именно въ это время переживали періодъ очень сильнаго броженія,—тотъ легко услышитъ въ словахъ Лассаля отголосокъ этой литературы. Но, все же, слова Лассаля не только отголосокъ. Эти мысли пустили корни къ юной головѣ и дали новые ростки. Охваченный духомъ борцовъ противъ сгнившаго зданія абсолютизма, Лассаль до тѣхъ поръ не успокаивается, пока снова не покидаетъ, съ согласія отца, коммерческой школы. Онъ хочетъ посвятить себя теперь занятіямъ, которыя не должны служить простымъ кускомъ хлѣба. Послѣдняя замѣтка въ дневникѣ сообщаетъ о разговорѣ съ отцомъ, который, вѣроятно, происходилъ около Троицы 1841 г. На вопросъ отца, что онъ намѣренъ изучать, Лассаль отвѣтилъ: „Величайшую и обширнѣйшую науку міра, науку, которая самымъ тѣснымъ образомъ связана съ свя-

[1]) «Дневникъ», стр. 229—231.

[2]) Тамъ же, стр. 255.

щеннѣйшими интересами человѣчества: науку исторіи“. На замѣчаніе отца, что, какъ еврей, онъ не можетъ разсчитывать получить въ Пруссіи каѳедры или вообще какого-либо чиновничьяго мѣста, у Лассаля готовъ отвѣтъ: „Врачъ, какъ и адвокатъ, купцы, торгующіе своими знаніями“. А онъ, Лассаль хочетъ работать ради самаго дѣла, ради дѣятельности.

Не производятъ впечатлѣнія на эту горячую голову и предостерегающія слова отца: зачѣмъ онъ стремится быть мученикомъ, жертвой, онъ, единственная надежда своихъ родителей, ихъ единственная опора въ будущемъ.

„.... Если бы всѣ такъ разсуждали, если бы всѣ были такъ трусливы“,—заноситъ Лассаль въ свой дневникъ,—„то откуда взялся бы борецъ? Почему же я долженъ сдѣлаться мученикомъ? Почему? Потому, что божественный голосъ во мнѣ призываетъ меня на борьбу, потому что Богъ далъ мнѣ силы, которыя,—я чувствую это,—дѣлаютъ меня способнымъ къ борьбѣ. Потому что я могу бороться и страдать за благородную цѣль; потому, что я не хочу обманывать Бога, который далъ мнѣ силы для опредѣленной цѣли,—словомъ, потому, что я не могу иначе“. И, все же, отецъ не понимаетъ его. „Онъ позволяетъ мнѣ учиться, но не признаетъ святой, облагораживающей идеи, которую онъ называетъ либерализмомъ! Какъ будто не она, эта идея, побуждаетъ меня учиться, какъ будто не за нее именно хочу я бороться. И безъ нея я охотнѣе предпочелъ бы остаться тѣмъ, что я есть въ настоящую минуту“.

Этими словами заканчивается дневникъ. Это какъ бы программа для возвышеннаго духа юноши-Лассаля. Достойный конецъ. Проникнутый такими идеями, Лассаль принимается теперь за подготовку къ университетскимъ занятіямъ. Отъ этой исповѣди Лассаля вѣетъ старымъ, великимъ и всеобъемлющимъ либерализмомъ, сплошь и насквозь проникнутымъ еще идеей освобожденія человѣчества. Въ цитированномъ выше письмѣ къ Марксу Лассаль говоритъ также, что онъ уже „съ 1840 года былъ соціалистомъ“. Итакъ, всего два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лассаль занесъ въ свой дневникъ послѣднія слова, и онъ воспринимаетъ уже соціалистическія идеи, какъ онѣ нашли себѣ выраженіе въ „Рейнской Газетѣ“ и въ другихъ тогдашнихъ листкахъ. Восемнадцатилѣтній юноша и самъ не могъ бы остановиться, въ духовномъ отношеніи, на полъ-пути.

Прошелъ всего годъ, какъ Лассаль покинулъ коммерческую школу, и онъ подумываетъ уже отказаться отъ намѣренія держать вступительный университетскій экзаменъ. Сперва онъ изучаетъ языковѣдѣніе, затѣмъ переходитъ къ философіи и набрасываетъ планъ большой работы въ обѣихъ этихъ научныхъ областяхъ. Эта работа Лассаля есть его изслѣдованіе о

философія Гераклита Эфесскаго, одного изъ греческихъ философовъ, который, изъ-за трудности пониманія, всегда служилъ камнемъ преткновенія для ученыхъ. И, въ то же время, никто изъ мыслителей древности не сумѣлъ выразить въ болѣе яркой формѣ ту революціонную мысль, что все въ мірѣ охвачено потокомъ непрестанныхъ измѣненій, какъ именно Гераклитъ.

То, что Лассаль принялся за такую трудную работу, очень характерно для него. Это свидѣтельствуетъ какъ о его глубокой вѣрѣ въ свои силы, такъ и о его преданности величайшимъ идеямъ человѣчества: для своей первой работы онъ избираетъ мыслителя, отъ котораго до насъ дошли лишь отрывочныя изреченія. Впрочемъ, работу эту онъ закончилъ лишь черезъ 14 лѣтъ послѣ этого.

II.

ПРОЦЕССЪ ГРАФИНИ ГАЦФЕЛЬДЪ.

Ради занятій Лассалю пришлось переѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ вращался среди самыхъ выдающихся ученыхъ. Здѣсь отъ Александра фонъ-Гумбольдта онъ получилъ прозвище: „чудное дитя“. Необходимость работать въ различныхъ библіотекахъ привела его затѣмъ въ Рейнскую область и въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ познакомился, между прочимъ, съ Гейнрихомъ Гейне. Поэту, жившему здѣсь въ изгнаніи, Лассаль оказалъ цѣнныя услуги въ одной наслѣдственной тяжбѣ. Какъ высоко цѣнилъ Гейне Лассаля, объ этомъ свидѣтельствуетъ его рекомендательное письмо къ Фарнгагену фонъ-Энзе. Здѣсь говорится: „Съ основательнѣйшей ученостью, съ обширнѣйшими знаніями, съ величайшимъ остроуміемъ, какое я когда-либо встрѣчалъ, онъ соединяетъ такую силу воли, такую практическую ловкость, что я невольно изумляюсь этому“. Лассаль для Гейне является „истымъ сыномъ новаго времени, которое ничего не хочетъ знать о томъ самоотреченіи и скромности, какими мы въ свое время, съ большей или меньшей искренностью, пробавлялись и щеголяли. Это новое поколѣніе людей хочетъ наслаждаться, оно хочетъ въявь заявить о себѣ“. Удивительно, какъ больной поэтъ въ немногихъ словахъ сумѣлъ схватить тѣ особенности, какія такъ рѣзко бросились намъ въ глаза уже въ днезникѣ юнаго Лассаля Хотя тамъ все это носило еще зачаточную форму.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что именно во время этого пребыванія въ Парижѣ Лассаль добавилъ къ своей фамиліи—Lassal—французскій слогъ „le“. Трудно сказать, почему онъ сдѣлалъ это: хотѣлъ-ли онъ облегчить

французамъ произношеніе своей фамиліи, или для этого имѣлись какія-либо другія основанія. Во всякомъ случаѣ, новая форма его фамиліи такъ ему понравилась, что отнынѣ онъ сохранилъ ее навсегда. Для Германіи здѣсь имѣлось то удобство, что теперь не такъ то легко можно было распознать іудейское происхожденіе ея носителя. Лассаль неоднократно говорилъ, что іудейское происхожденіе тяготитъ его; что въ душѣ у него нѣтъ ничего общаго съ современнымъ ему еврействомъ; что въ своихъ современникахъ-евреяхъ онъ видитъ лишь „въ высшей степени выродившихся потомковъ великаго, но уже давно исчезнувшаго прошлаго". Такъ писалъ онъ въ октябрѣ 1860 г. въ своей исповѣди Софіи Солнцевой. Въ этомъ сказалось преувеличенное, но и вполнѣ понятное обобщеніе нѣкоторыхъ дурныхъ сторонъ іудейства.

По возвращеніи въ Германію, Лассаль познакомился въ январѣ 1846 г. въ Берлинѣ съ графиней Софіей фонъ-Гацфельдъ. Съ своимъ мужемъ, однимъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ прусскихъ феодаловъ, она вела въ то время отчаянную борьбу изъ-за развода и изъ-за выдѣла принадлежащей ей части имущества. Благодаря вліятельнымъ связямъ мужа, графиня была покинута даже тѣми изъ своихъ родственниковъ, которые возмущались его грубымъ и насильственнымъ обращеніемъ съ нею. Она уже потеряла было всякую надежду добиться своего права. Всюду, куда бы она ни обращалась, она встрѣчала препятствія. Было ясно, что только судъ въ состояніи сломить упорство властнаго графа. Но и обращеніе къ суду являлось очень сомнительнымъ средствомъ, такъ какъ феодальное дворянство въ то время пользовалось большими привилегіями. Да и помимо того, самый фактъ обращенія къ суду необходимо оттолкнулъ бы отъ графини всѣхъ лицъ ея круга: въ этой сферѣ гораздо меньше гнушаются виновникомъ скандала, нежели тѣмъ, кто выноситъ его на свѣтъ божій. Такимъ образомъ, графиня рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Отчаяніе ея достигло крайнихъ предѣловъ, когда на Пасху 1846 г. графъ хотѣлъ было отнять у нея, путемъ угрозъ, и послѣдняго бывшаго у нея ребенка, ея четырнадцатилѣтняго сына Павла. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Лассаль познакомился съ графиней. Ея судьба поразила его, и онъ предложилъ ей свою помощь. Лассаль не былъ юристомъ. Но этотъ молодой человѣкъ, въ возрастѣ двадцати одного года, чувствовалъ въ себѣ силы вести дѣло графини. Въ его глазахъ графиня являлась жертвой преслѣдованія. И роль преслѣдователя игралъ здѣсь классъ или каста, къ которому Лассаль съ самаго юнаго возраста питалъ глубокую ненависть, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его дневникъ. Процессъ графини превратился въ его глазахъ въ п о л и т и ч е-

ское событіе громадной важности. Впослѣдствіи онъ писалъ Софіи Солнцевой, что къ дѣлу графини онъ отнесся такъ, какъ этого требуетъ Робеспьеръ въ своей конституціи, который говорилъ, что угнетеніе одной единственной личности есть уже угнетеніе всего общества. Борьба изъ-за правъ графини представлялась ему революціонной борьбой противъ привилегій верховъ въ государствѣ.

Это, конечно, было преувеличеніемъ. Въ данномъ случаѣ, рѣчь шла вовсе не о защитѣ новаго права, а объ истолкованіи уже существующаго стараго права; рѣчь шла о юридической тяжбѣ въ рамкахъ старыхъ привилегій, на почвѣ уже отжившаго свое время права. Но если съ формальной стороны здѣсь была ошибка, то исключительныя обстоятельства отчасти оправдывали поведеніе Лассаля. Общественное зданіе можно потрясать и изнутри; переворота въ правѣ можно добиваться и тѣмъ, что его истолковываютъ въ новомъ духѣ. И, дѣйствительно, временами борьба Лассаля въ защиту графини принимала характеръ революціоннаго натиска,— а затѣмъ снова все превращалось въ обыкновенный и довольно-таки нечистоплотный бракоразводный и имущественный процессъ, съ обычными компромиссами, сдѣлками и т. п.

Особенно приковала къ себѣ общественное вниманіе вся эта исторія въ знаменитомъ процессѣ о шкатулкѣ.

Лѣтомъ 1846 года Лассаль подослалъ двухъ своихъ друзей, врача Мендельсона и судью Оппенгейма, предложившихъ ему свои услуги, къ любовницѣ графа, чтобы разузнать отъ нея о дарственной записи, какая, по всѣмъ соображеніямъ, должна была у нея находиться. Это послужило важной уликой противъ графа. Въ Кёльнѣ Оппенгейму представилась возможность завладѣть шкатулкой, въ которой, повидимому, находился искомый документъ,—и онъ, не раздумывая долго, попросту стащилъ ее. Шкатулку онъ передалъ Мендельсону. Но послѣдній не успѣлъ еще спрятать ее куда либо въ безопасное мѣсто, какъ къ нему уже нагрянула полиція. Только благодаря бѣгству удалось ему избѣжать ареста. Ему пришлось бросить свой сундукъ, куда онъ запряталъ было шкатулку. Сундукъ попалъ въ руки полиціи. На основаніи найденныхъ въ немъ бумагъ, полиція арестовала Оппенгейма по подозрѣнію въ кражѣ и затѣмъ привлекла его къ судебной отвѣтственности. На судѣ онъ во всемъ сознался и указалъ мотивы, побудившіе его къ такому поступку. Судъ оправдалъ его. Затѣмъ вернулся изъ за границы Мендельсонъ и точно также предсталъ передъ судомъ. Въ январѣ 1848 г. Кёльнскій судъ присяжныхъ приговорилъ его къ пяти годамъ заключенія въ смирительномъ домѣ. Затѣмъ эта кара, путемъ поми-

лованія, была замѣнена годомъ тюремнаго заключенія, съ обязательствомъ покинуть предѣлы родины. Но графъ Гацфельдъ не удовольствовался этимъ суровымъ приговоромъ, въ которомъ, несомнѣнно, сказалось стороннее вліяніе на общественное мнѣніе, если только не прямой подкупъ. Противъ Лассаля, который, между тѣмъ, причинилъ ему массу хлопотъ цѣлымъ рядомъ процессовъ, онъ возбудилъ обвиненіе въ интеллектуальномъ подстрекательствѣ къ кражѣ. Были добыты всевозможные свидѣтели. Графъ сорилъ деньгами направо и налѣво и, между прочимъ, подкупилъ къ лжесвидѣтельству слугу Лассаля. Но взрывъ мартовской революціи и неукротимая энергія Лассаля разстроили всѣ планы графа. Въ августѣ 1848 года началось публичное разбирательство дѣла, длившееся семь дней. Лассаль защищался самъ. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ силы своего краснорѣчія, всѣ силы пріобрѣтенной имъ за это время юридической діалектики. „Пока я велъ эти процессы",—говоритъ онъ о своей подготовкѣ въ этомъ отношеніи,—„я самъ сталъ юристомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я могъ уже потягаться съ адвокатами, а черезъ два года, я могу это сказать, я стоялъ уже выше ихъ всѣхъ". (Исповѣдь Софіи Солнцевой). Его заключительная рѣчь длилась шесть часовъ. Съ поразительнымъ искусствомъ сумѣлъ онъ превратить ее въ тяжкое обвиненіе противъ графа. Рѣчь эта вышла затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ и стала извѣстна подъ именемъ „Рѣчи о шкатулкѣ".

Лассаль былъ оправданъ. Благодаря этому процессу, онъ сталь очень популяренъ. Онъ сумѣлъ привлечь на сторону защищаемаго имъ дѣла демократическую прессу и сравнивалъ—опять-таки не безъ преувеличенія—положеніе графини съ положеніемъ пролетаріата.

Когда онъ возвращался въ Дюссельдорфъ, гдѣ онъ въ это время поселился, громадная толпа народа привѣтствовала его кликами. Изъ его экипажа выпрягли лошадей, и онъ, какъ тріумфаторъ, проѣхалъ по всему городу.

III.

ЛАССАЛЬ ВЪ ГОДЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Рѣчь передъ судомъ присяжныхъ.

Но не ради корысти прибѣгалъ Лассаль къ содѣйствію демократіи. Теперь онъ самъ отдаетъ ей свои силы. Онъ становится однимъ изъ руководителей дюссельдорфскихъ демократовъ. Онъ вступаетъ въ сношенія съ центральнымъ комитетомъ рейнскихъ демократовъ, который имѣлъ свое мѣсто-

пребываніе въ Кёльнѣ. Главой этого комитета былъ Карлъ Марксъ. Лассаль часто ѣздилъ въ Кёльнъ и скоро сталъ съ Марксомъ на ты. Но друзьями въ истинномъ смыслѣ этого слова они никогда не были, не стали они ими и впослѣдствіи. Однако, Лассаль съ величайшимъ уваженіемъ относился къ духовной мощи Маркса, который былъ старше его на семь лѣтъ. Какъ соціалистъ, онъ чувствовалъ свою тѣсную духовную близость съ нимъ и въ годы реакціи остался ему вѣрнымъ другомъ.

Въ ноябрѣ 1848 года прусское правительство распустило Національное Собраніе. Въ Берлинѣ было объявлено осадное положеніе. Окружной комитетъ рейнскихъ демократовъ потребовалъ, чтобы всѣ демократическія общества Рейнской провинціи отказались платить налоги и организовали вооруженное сопротивленіе. Дюссельдорфъ принадлежалъ къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ призывъ этотъ нашелъ благодарную почву. И Лассаль самымъ рьянымъ образомъ занялся дѣломъ организаціи и вооруженія. Онъ вступилъ въ гражданскую милицію и уже 19 ноября опубликовалъ составленный имъ отъ имени ополченцевъ дюссельдорфскаго округа адресъ къ Національному Собранію. Здѣсь говорится:

„Мы клянемся Національному Собранію, что съ оружіемъ въ рукахъ ждемъ его призыва, чтобы доказать, что въ сынахъ отечества еще не изсякла сила“.

Въ другомъ адресѣ дюссельдорфскихъ милиціонеровъ, также вышедшемъ изъ-подъ пера Лассаля, говорится:

„Пассивное сопротивленіе уже исчерпано. Мы заклинаемъ Національное Собраніе: призывайте къ оружію, призывайте къ долгу!“

Затѣмъ въ письмѣ Лассаля отъ 21 ноября къ землевладѣльцу Штангиру въ Вёльфенѣ, въ Альтенкирхенскомъ округѣ, мы читаемъ:

„Скоро вся страна будетъ стоять подъ ружьемъ. Вооружайте вашихъ людей, позаботьтесь о снаряженіи. Въ Дюссельдорфѣ скоро вспыхнетъ борьба. Я разсчитываю, что, въ отвѣтъ на это сообщеніе, ты тотчасъ же явишься сюда съ нѣсколькими сотнями людей... Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ мы побѣдимъ, и тогда вашей нуждѣ навсегда конецъ“.

Въ тотъ же день на народномъ собраніи, созванномъ Лассалемъ вмѣстѣ съ рабочимъ Петромъ Вейерсомъ, по близости отъ Дюссельдорфа, въ Нейссѣ, онъ вновь призывалъ народъ къ вооруженію. А Вейерсъ, который призывалъ къ тому же, воскликнулъ, кромѣ того: „Смерть королю!“

Всего черезъ день послѣ этого Лассаль и Вейерсъ были арестованы. Слѣдствіе тянулось цѣлые мѣсяцы. Всѣ старанія ускорить ходъ дѣла не приводили ни къ чему. Чѣмъ больше Лассаль протестовалъ въ тюрьмѣ про-

тивъ своего ареста, чѣмъ сильнѣе становилось въ обществѣ движеніе въ его пользу,—тѣмъ больше было основаній для его обвинителей выжидать наиболѣе благопріятнаго момента для разбора дѣла. Вождь дюссельдорфскихъ демократовъ, Кантадоръ, также подвергшійся аресту, уже въ серединѣ марта находился на свободѣ. Возбужденное противъ него преслѣдованіе было прекращено. Но Лассаля и Вейерса все не освобождали. Вейерсъ, очевидно, служилъ лишь маскировкой для возбужденнаго противъ Лассаля обвиненія. Трудно было сомнѣваться, что главную роль, въ данномъ случаѣ, играли личныя вліянія и личная месть, направленная противъ Лассаля. Чтобы навѣрняка добиться осужденія, противъ Лассаля было возбуждено двойное обвиненіе: если бы судъ присяжныхъ оправдалъ его, то оставался бы еще судъ исправительной полиціи.

И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ оправдалъ эти опасенія. Правда, буржуазія отказалась отъ борьбы съ реакціей, но она еще не предалась ей душой. 3 и 4 мая 1849 г. началось судебное разбирательство, — и судьи Лассаля сумѣли еще нѣсколько заявить о себѣ. За день до судебнаго разбирательства Лассаль выпустилъ въ свѣтъ свою защитительную рѣчь. Ссылаясь на это, судьи постановили разбирать дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Всѣ протесты Лассаля оказались тщетными. Тогда онъ совсѣмъ отказался отъ защиты и убѣждалъ присяжныхъ, чтобы и они, въ свою очередь, также отказались отъ своей обязанности судей. Кажется, нѣкоторые присяжные склонны были послѣдовать этому совѣту. Но большинство рѣшило иначе. Не раздумывая долго, они вынесли оправдательный приговоръ обоимъ, Лассалю и Вейерсу. Но Лассаль не получилъ еще тотчасъ свободы. На основаніи второго обвиненія, которое можно было бы назвать резервнымъ, запаснымъ обвиненіемъ, онъ продолжалъ оставаться въ заключеніи. Наконецъ, насталъ и судъ исправительной полиціи. Профессіональные судьи оказались податливѣе, и Лассаль былъ приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Упомянутая защитительная рѣчь Лассаля была издана и вновь переиздавалась много разъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь передъ судомъ присяжныхъ“, произнесенная въ Дюссельдорфѣ 3 мая. Какъ мы уже знаемъ, рѣчь эта не была произнесена на судѣ. Она была лишь вручена судьямъ. Рѣчь эта не лишена нѣкоторой театральной риторики. Но, несмотря на это, она, все же, является превосходной защитой права народа на вооруженное сопротивленіе противъ всякихъ посягательствъ на конституцію. Въ то же время, она даетъ яркую картину конституціонной формы борьбы въ 1848 году.

IV.

ГОДЫ РЕАКЦІИ И КОНЕЦЪ ГАЦФЕЛЬДСКАГО ПРОЦЕССА.

Философія Гераклита.

Но тюрьма не помѣшала Лассалю съ неослабѣвающей энергіей вести процессы графини Гацфельдъ. Среди другихъ льготъ, онъ добился также права покидать тюрьму всякій разъ, какъ только ему нужно было выступать на судѣ по дѣлу графини. Между тѣмъ, настала реакція,—и настроеніе судей измѣнилось. Раньше всѣ симпатіи клонились на сторону графини.— Теперь же судьи были исполнены ненависти къ революціи и ко всему, что только напоминало о ней. Лассаль проигрывалъ одинъ процессъ за другимъ. Но онъ не уступалъ. Съ упрямой настойчивостью и неизсякаемой изобрѣтательностью онъ вновь и вновь находилъ новые пункты для нападенія, онъ снова и снова принимался за борьбу и своими письменными и устными отвѣтами не мало досаждалъ какъ адвокатамъ графа, такъ и судьямъ. Наконецъ, лѣтомъ 1854 г. онъ сломилъ упорство графа. Онъ самъ пишетъ объ этомъ такъ: „Наконецъ-то, я сломилъ этого знатнаго господина! Наконецъ-то онъ лежитъ у моихъ ногъ! Я продиктовалъ ему такія условія мира, которыя не только унизили его, но и лишили его чести. Наконецъ-то, я вырвалъ изъ его власти эту женщину и заставилъ его уступить ей очень большую часть имущества“.

Значительную часть этого имущества графиня потеряла во время большого биржевого кризиса 1857 года. Другую часть она передала своему сыну, Павлу, который въ это время началъ свою дипломатическую карьеру. Достаточно осталось и на ея долю,—и она могла жить вполнѣ богато и независимо. Лассаль получилъ ренту, которая приносила ему 7,000 талеровъ ежегоднаго дохода. Теперь онъ могъ свободно слѣдовать своимъ влеченіямъ.

Если гацфельдскій процессъ и закончился благопріятно для Лассаля, то, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, онъ сыгралъ для него отрицательную роль. Едва-ли можно сомнѣваться, что лишь дружба и симпатія связывала Лессаля съ графиней Гацфельдъ. И, все же, значительная часть публики—и не только буржуазные филистеры—косилась на него за эту связь. Его считали человѣкомъ какъ бы свихнувшимся,—въ чемъ, пожалуй, была повинна графиня, съ ея нѣсколько вызывающимъ поведеніемъ. Во время процесса, Лассалю поневолѣ приходилось обращаться къ содѣйствію

разныхъ темныхъ личностей, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія о половой разнузданности графа. А такія комбинаціи едва-ли могли благотворно вліять на его характеръ. Въ концѣ концовъ, можно думать, что дружба съ Софіей фонъ-Гацфельдъ не могла оказать особенно благотворнаго вліянія на всю послѣдующую дѣятельность Лассаля. Именно на людей, подобныхъ Лассалю, сильнѣе всего вліяютъ отношенія, которымъ совершенно чужда любовь, которыя проистекаютъ изъ внутренняго духовнаго родства. Софія фонъ-Гацфельдъ была умной, образованной и одаренной женщиной. Ея обширныя связи и ея мнѣнія, какъ свѣтской дамы, навѣрное, не разъ бывали полезны Лассалю. „Она сдѣлала меня гораздо лучше, чѣмъ я былъ до этого“,—пишетъ онъ Софіи Солнцевой. „Я могу, конечно, сказать, что обладалъ превосходнымъ добрымъ сердцемъ, но во мнѣ были и всѣ пороки силы. Во мнѣ были дикіе инстинкты, я бывалъ способенъ приходить въ страшный гнѣвъ, меня, случалось, охватывала безудержная страсть, я могъ становиться ужасно жестокимъ, я могъ забывать о всякомъ состраданіи. Отъ всего этого она отучила меня. Она пробудила во мнѣ добрые инстинкты и подавила дурные“. Онъ не въ состояніи достаточно высоко оцѣнить „величія ея души и возвышенности ея чувствъ“, и отъ своей будущей супруги онъ требуетъ, чтобы она любила Софію фонъ - Гацфельдъ, какъ свою собственную мать, „съ истиной нѣжностью дочери“. „Если этого не будетъ, то я не могу быть счастливымъ“,—добавляетъ онъ. Несомнѣнно, таковы были его чувства и въ дѣйствительности.

Затѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что графиня Гацфельдъ, насколько могла, усвоила себѣ всѣ соціалистическія идеи Лассаля. Юліусъ Фальтейхъ, въ своемъ недавно появившемся сочиненіи о Лассалѣ, говоритъ, что когда графинѣ не удалось, послѣ смерти Лассаля, стать во главѣ вызваннаго имъ движенія и руководить имъ по-своему, то она удалилась будто бы со сцены и до самой смерти ничѣмъ не заявляла о себѣ. Это не совсѣмъ такъ. Конечно, съ чувствомъ непріязни стояла она въ сторонѣ. Но когда въ 1878 г., въ годъ покушенія на императора, Бисмаркъ готовился издать исключительные законы противъ соціалъ-демократіи, то графиня, позабывъ о якобы причиненной ей и памяти Лассаля несправедливости, предоставила въ распоряженіе партіи документы, которые, какъ ей казалось, могли сослужить добрую службу въ борьбѣ съ Бисмаркомъ. Партія, дѣйствительно, воспользовалась этими документами Если литературное наслѣдство Лассаля, важное значеніе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, осталось необработаннымъ и попало въ ненадлежащія руки, то повинна въ этомъ не она одна. Все время отыскивала она подходящаго человѣка, который

могъ бы взять на себя обработку оставленнаго Лассалемъ литературнаго наслѣдства. И если она, въ то же время, выражала желаніе контролировать работу, то такое желаніе, по меньшей мѣрѣ, было понятно. Она была близкимъ человѣкомъ Лассалю, до самой смерти его она очень близко стояла къ нему и съ нѣкоторымъ правомъ могла считать себя его духовнымъ душеприказчикомъ. Да кромѣ того, важно было не то какъ комментировалось бы наслѣдство Лассаля, а то, чтобы оно вообще было опубликовано. А потому, нельзя не упрекнуть тѣхъ лицъ, къ которымъ, въ данномъ случаѣ, обращалась графиня Гацфельдъ. Впрочемъ: одно не можетъ подлежать сомнѣнію, что если графиня и смотрѣла на рабочее движеніе иначе, чѣмъ это дѣлаетъ въ настоящее время соціалъ-демократія, то она отнюдь не имѣла въ виду подчинять его цѣлямъ какихъ-либо другихъ политиковъ или партій. Ея ошибки и промахи проистекаютъ изъ того, что она смотрѣла на движеніе исключительно глазами Лассаля и остановилась на той точкѣ, до которой онъ дошелъ подъ конецъ своей жизни. При жизни Лассаля, она, конечно, нерѣдко пыталась оказывать на него политическое вліяніе. И такъ какъ, по всему своему общественному воспитанію, она хорошо знала всяческіе окольные пути, то вліяніе ея, въ этомъ отношеніи, не всегда могло быть благотворнымъ. Пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, она слишкомъ много дѣлала изъ того хорошаго, за что такъ сильно восхваляетъ ее Лассаль въ цитированномъ выше письмѣ.

Но въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, это не имѣло еще особеннаго значенія. Во всякомъ случаѣ, какъ его отношенія къ графинѣ, такъ и его политическій радикализмъ дѣлали Лассаля подозрительнымъ въ глазахъ тѣхъ общественныхъ круговъ, къ которымъ онъ принадлежалъ по своему положенію. Въ настоящее время, можно считать уже вполнѣ опровергнутымъ тотъ когда-то широко распространенный взглядъ, что въ годы реакціи Лассаль совершенно будто бы отстранился отъ демократическаго и соціалистическаго движенія. Опубликованныя Фр. Мерингомъ письма Лассаля къ Марксу показываютъ, что это отнюдь не было пустой фразой въ устахъ Лассаля, когда онъ обращался въ 1863 г. къ рейнскимъ рабочимъ съ слѣдующими словами: „Вамъ было извѣстно, чей домъ, несмотря на бѣлый терроръ Гинкельдея, несмотря на все дикое беззаконіе, царившее въ то время, вплоть до послѣдняго момента моего пребыванія въ Рейнской провинціи, оставался безстрашнымъ убѣжищемъ демократической пропаганды, вѣрнымъ убѣжищемъ самой смѣлой и самой рѣшительной партійной помощи“ (Изъ рѣчи: „Празднества, пресса и т. д.“). Письма Лассаля убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываютъ, что онъ все время оставался

вѣренъ партіи, помогалъ въ нуждѣ многимъ изъ своихъ партійныхъ друзей и искренне старался поддержать движеніе, пока вообще были люди, съ которыми можно было что-либо предпринять въ этомъ отношеніи. Въ особенности Марксу оказалъ онъ большія услуги въ годы реакціи. Онъ содѣйствовалъ, между прочимъ, и контрабандному ввозу его сочиненій. Онъ внимательно слѣдилъ за экономическими явленіями и за политическими событіями. Онъ старался выяснить ихъ значеніе какъ для интересовъ демократіи, такъ и для возможности начала новой борьбы. Письма Лассаля, съ этой точки зрѣнія, въ высшей степени характерны. Они показываютъ намъ, какъ серьезно относился онъ къ дѣлу рабочаго люда, какъ глубоко затрогивалъ онъ вопросы времени и старался добраться до самой сути ихъ. Въ этомъ отношеніи, въ вопросахъ внутренней и внѣшней политики, ему, очевидно, оказывали большую пользу связи графини Гацфельдъ. За время Крымской войны 1854—1856 гг., Лассаль имѣлъ возможность сообщать Марксу цѣнныя свѣдѣнія о дипломатическихъ дѣлахъ. Эти свѣдѣнія и служили Марксу матеріаломъ для его корреспонденцій въ „New Iork Tribune". Нѣкоторыя изъ этихъ корреспонденцій Маркса являются просто переводами писемъ Лассаля.

Въ тѣ же годы реакціи Лассаль закончилъ и свою филологически-философскую работу о Гераклитѣ. Благодаря этой работѣ, онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы ему позволили жить въ Берлинѣ. Съ этой цѣлью, 31 мая 1855 г., онъ подалъ одно прошеніе берлинскому полицей-президенту фонъ-Гинкельдею, а другое—15 іюня 1858 г., принцу прусскому, впослѣдствіи императору Вильгельму I. Оба эти документа опубликованы въ журналѣ „Deutsche Rundschau", іюнь 1903 г., тайнымъ архивнымъ совѣтникомъ Bailleu. Отсюда уже они были перепечатаны въ журналѣ „Dokumente des Socialismus". Документы эти бросаютъ невыгодный свѣтъ на Лассаля. Правда, онъ не отрицалъ своего образа мыслей; еще меньше обнаружилъ онъ склонности отрекаться отъ своихъ принциповъ. Онъ имѣлъ, конечно, право ссылаться на научный характеръ своей работы, какъ на основаніе для переселенія въ Берлинъ, гдѣ имѣются необходимыя научныя учрежденія. Но, все-же, въ обоихъ документахъ онъ слишкомъ далеко шелъ навстрѣчу властямъ, дальше, чѣмъ это нужно. Кто проникнутъ чистотой демократически-республиканскихъ взглядовъ Лассаля, тотъ не можетъ не пожалѣть объ этомъ. Здѣсь сказывается свойственная Лассалю черта, при выборѣ средствъ, итти дальше, чѣмъ это можетъ сдѣлать человѣкъ убѣжденій, изъ чувства собственнаго достоинства. Эта черта замѣтна уже въ его дневникѣ. Но гацфельдскій процессъ, конечно, еще усилилъ ее.

Но какъ бы тамъ ни было, уже весной 1857 г. Лассаль могъ переселиться въ Берлинъ. Правда, долгое время полиція лишь терпѣла его здѣсь. Въ Берлинѣ же въ 1858 г. появился его трудъ: „Философія Гераклита Эфесскаго“. Этотъ трудъ создалъ ему имя въ ученыхъ кругахъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать его. Въ сущности, онъ представляетъ собой не что иное, какъ филологическое и философское истолкованіе различныхъ памятниковъ, говорящихъ о Гераклитѣ. Для характеристики духа, въ какомъ написана эта работа, я приведу здѣсь двѣ цитаты:

„Одной изъ глубочайшихъ философскихъ идей, когда-либо высказанныхъ, является та идея, что ничто не можетъ быть познано въ отдѣльности, само по себѣ, что все, наоборотъ, можетъ быть понято надлежащимъ образомъ лишь въ органической связи съ своимъ „откуда и куда“ въ физической и духовной вселенной, т. е., въ связи со всѣмъ цѣлымъ или абсолютнымъ. И лишь такое познаніе и можно назвать разумомъ (Томъ II, стр. 309)“—Другая цитата:

„Гераклитъ создалъ истинное основное формальное понятіе умозрѣнія вообще, тождество противоположностей, по мѣрѣ ихъ дальнѣйшаго развитія. И онъ же создалъ истинное основное формальное понятіе нравственности вообще. Его этика сводится къ одной мысли, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть вѣчное основное понятіе нравственности: „Преданность всеобщему“.

Философскій радикализмъ и соціалистическое мышленіе Лассаля находятъ себѣ здѣсь яркое выраженіе.

V.

НОВАЯ ЭРА И ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

„Францъ фонъ-Зикингенъ“.

Ко времени переселенія Лассаля въ Берлинъ, въ Пруссіи началась новая эра. Крымская война сильно подорвала престижъ Россіи, этотъ главный оплотъ европейской реакціи. Николай I скончался, а его вѣрный союзникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, сошелъ съ ума. На очередь были поставлены національные вопросы глубокой важности, какъ освободительное движеніе въ Италіи и Германіи. Вся Европа была заинтересована въ этомъ. Вильгельмъ, принцъ прусскій, замѣнившій у власти своего заболѣвшаго брата, понималъ, что нельзя оставаться при прежней системѣ управленія.

Правда, онъ отнюдь не былъ склоненъ порывать съ прусскимъ юнкерствомъ. Но онъ на собственной шкурѣ слишкомъ многое испыталъ отъ его романтически-реакціоннаго крыла, заигрывавшаго съ католичествомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не желать сбросить съ себя ярма этого общества, этой „небольшой, но могущественной“ партіи „Крестовой Газеты“. При этомъ, пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу буржуазіи. Но и помимо того, все возраставшая нужда въ деньгахъ заставляла правительство поддерживать добрыя отношенія съ буржуазнымъ финансовымъ міромъ. Все это нашло себѣ выраженіе въ извѣстныхъ заявленіяхъ принца. Прусская буржуазія, всегда склонная преувеличивать значеніе словъ правящихъ лицъ, ликовала по поводу этихъ признаковъ новой либеральной эры. И, дѣйствительно, слова принца имѣли ту цѣну, что открыто признавалось, что бюрократическая машина сбилась съ толку, и что народъ снова нашелъ въ себѣ мужество заговорить болѣе властнымъ языкомъ. Въ палатѣ образовалась фракція „Молодыхъ Литовцевъ“, впослѣдствіи превратившаяся въ прогрессивную партію. Правда, она состояла отчасти изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, дѣти которыхъ въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ являются истыми юнкерами. Но это обстоятельство не помѣшало ей въ то время выступить подъ демократическимъ флагомъ. Постепенно движеніе распространилось на всѣ классы населенія. И когда весной 1859 года вспыхнула война между Франціей, Италіей и Австріей, то общественное мнѣніе Пруссіи сильно заволновалось. Всѣ склонялись къ тому мнѣнію, что теперь поставленъ на очередь или долженъ быть поставленъ на очередь вопросъ о единствѣ Германіи.

Какое же положеніе слѣдовало занять по отношенію къ итальянской войнѣ? Человѣкъ, настроенный демократически или хотя бы только либерально, не могъ отказать въ своей симпатіи итальянцамъ, которые боролись за право своего народа на свободное самоопредѣленіе. Но во главѣ итальянцевъ сталъ Наполеонъ III, герой государственнаго переворота 1851 года, человѣкъ, въ лицѣ котораго демократы ненавидѣли клятвопреступнаго убійцу Французской республики. Кромѣ того, война велась противъ Австріи и австрійской области, а Австрія принадлежала къ Нѣмецкому Союзу. Что же, неужели самимъ посягнуть на союзную область? Неужели не прійти на помощь союзному государству и дать спокойно его завоевать?

Все реакціонное въ Германіи, естественно, приняло сторону Австріи. Но и многіе свободомыслящіе политики, даже изъ рядовъ крайней демократіи, считали нужнымъ бороться—при данныхъ обстоятельствахъ, противъ

недруговъ Австріи. Объединеніе Италіи,—такъ думали въ этихъ кругахъ,—не можетъ быть куплено цѣной жертвъ со стороны Германіи. Въ настоящее время важно всю націю поднять противъ Наполеона. Борясь противъ покушеній послѣдняго на Германію, нѣмецкій народъ необходимо подниметъ знамя своего собственнаго освободительнаго движенія.

Между тѣмъ, были и такіе люди, которые считали иллюзіей этотъ взглядъ и, въ свою очередь, думали, что нѣмецкій народъ не имѣетъ никакого основанія защищать австрійскіе интересы въ Италіи. Они говорили: Австрія—это исконное реакціонное государство, оно сохраняетъ свою неприкосновенность только цѣной насилія, и, потому, оно никогда не станетъ на сторону освободительнаго движенія. Разгромъ Австріи или, по крайней мѣрѣ, ея униженіе является необходимымъ предварительнымъ условіемъ объединенія Германіи въ демократическомъ духѣ. Дѣло итальянцевъ безусловно справедливое, и ни одинъ свободомыслящій человѣкъ не можетъ итти противъ него, не попирая ногами своихъ собственныхъ принциповъ. Вмѣсто того, чтобы поднимать Германію на защиту Австріи, необходимо, наоборотъ, поднять Германію, для того, чтобы, въ надлежащій моментъ, она могла осуществить свое объединеніе, осуществить вопреки Австріи, осуществить такъ, чтобы не приносить жертвъ на защиту ея внѣ-нѣмецкихъ владѣній.

Но эту послѣднюю программу можно было осуществить двоякимъ образомъ: или путемъ революціоннаго движенія противъ всѣхъ существующихъ нѣмецкихъ правительствъ, или же путемъ борьбы въ пользу главенства Пруссіи въ Германіи, борьбы рука объ руку съ прусскимъ правительствомъ. Лассаль давно уже пришелъ къ тому убѣжденію, что пока нельзя еще было разсчитывать на революціонное движеніе народа. „Мнѣ кажется,—пишетъ онъ 20 іюня 1859 года Марксу,—что, живя уже десять лѣтъ вдали отъ родины, вы, дѣйствительно, совершенно не представляете себѣ, какъ мало нашъ народъ утратилъ свои монархическія чувства. Лишь въ Берлинѣ съ грустью убѣдился я въ этомъ". Но, въ то же время, Лассаль былъ ярымъ противникомъ мелко-нѣмецкой либеральной партіи, которая стремилась къ главенству Пруссіи въ Германіи, безъ Австріи, и къ сохраненію, безъ всякихъ измѣненій, всѣхъ отдѣльныхъ государствъ. Лассаля привлекала идея республики, которая охватила бы весь нѣмецкій народъ,—„Великая Германія безъ династій",—какъ писалъ онъ Родбертусу четыре года спустя послѣ этого. Это была несбыточная идея при настоящихъ условіяхъ. Но Лассаль не могъ остаться стороннимъ зрителемъ развертывавшихся передъ нимъ событій, онъ не могъ не начать

борьбы противъ сторонниковъ Австріи. Такъ возникла брошюра: „Итальянская война и задача Пруссіи“, которую онъ первоначально напечаталъ безъ своей подписи. Она носила подзаголовокъ: „Голосъ изъ рядовъ демократіи“. Во второмъ изданіи брошюра вышла уже подъ его собственнымъ именемъ.

Вотъ основныя мысли этой брошюры:

1. Протестъ противъ Франціи, — говоритъ Лассаль, — совершенно неумѣстенъ. Конечно, слѣдуетъ ненавидѣть Наполеона III. Но, въ данномъ случаѣ, необходимо отдѣлять личность отъ государственнаго строя. Правительственная система Луи Бонапарта противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, какіе онъ самъ же возвѣщаетъ. Она необходимо разобьется объ это противорѣчіе, которое создаетъ безконечныя тренія. Поэтому, она гораздо менѣе опасна, нежели австрійская правительственная система, которая стоитъ прочно и по всему своему нутру—реакціонна. Дальше Лассаль говоритъ, что правительственная система, теоретическіе принципы которой демократичны, а средства управленія реакціонны и насильственны, можетъ, конечно, быть ожесточеннѣйшимъ врагомъ демократическаго развитія. Но она менѣе опасна для него, нежели система, цѣликомъ воплотившая въ себѣ реакціонный принципъ. „Луи Наполеонъ можетъ, сколько ему угодно, подвергать конфискаціи всевозможныя сочиненія, какія тайкомъ ввозятся во Францію изъ Лондона и Джерсея.—Но кто конфискуетъ его собственные манифесты, статьи изъ Монитёра и прокламаціи?“ Его правительство исполнено внутреннихъ противорѣчій, внутренняго тренія. Временами оно можетъ нанести болѣе тяжкія раны демократіи, нежели Австрія; оно можетъ быть охвачено тяжкой острой болѣзнью, но болѣзнь эта не можетъ стать хронической, какъ это наблюдается въ Австріи. Какъ разъ ходъ вещей во Франціи доказываетъ это. Въ то время, какъ Наполеонъ старается использовать національный принципъ, поскольку онъ „еще“ можетъ быть „консервативнымъ“,—страна принимаетъ олэ исключительно въ его революціонномъ значеніи. „Французскіе органы тотчасъ же опять заиграли революціонныя пѣсенки, въ войскахъ распѣвается марсельеза, среди рабочихъ идетъ громадное броженіе.“ Это была бы величайшая ошибка со стороны нѣмецкой демократіи, если-бы въ такой моментъ она пошла противъ Франціи и воспрепятствовала ей прійти на помощь итальянцамъ. Въ тотъ моментъ, когда Нѣмецкій Союзъ въ интересахъ Австріи вступилъ бы въ предѣлы Франціи, французскій народъ оказался бы вынужденнымъ сплотиться вокругъ Наполеона, и французская демократія должна была бы „со скрежетомъ зубовнымъ“ итти подъ его знаменемъ. Начать войну противъ Наполеона можно

было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ вздумалъ захватить себѣ отнятую у австрійцевъ добычу, или если-бы онъ вздумалъ посадить на тронъ Средней Италіи своего дядю, принца Наполеона. „Итакъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, войну можно вести только въ союзѣ съ итальянскимъ народомъ и въ согласіи съ демократическими инстинктами французской націи". А до тѣхъ поръ, пока этого еще нѣтъ и въ настоящую минуту, нѣмецкому народу приличествуетъ одно: зорко-внимательно присматриваться ко всему и ждать.

2. Что же касается прусскаго правительства, то, навѣрное, какой-нибудь Фридрихъ Великій призналъ бы „настоящій моментъ самымъ подходящимъ, чтобы двинуться на Австрію и провозгласить нѣмецкую имперію. А габсбургская династія пусть уже сама устраивается во внѣ-нѣмецкихъ земляхъ, какъ и насколько она это можетъ". Но ожидать чего-либо подобнаго отъ прусскаго кабинета рѣшительно невозможно. И всѣ прекрасно понимаютъ это. Наоборотъ, отъ него прежде всего слѣдуетъ требовать сохраненія нейтралитета. Свои войска онъ долженъ держать на-готовѣ и, въ то же время, пусть заявитъ: „Если Наполеонъ вздумаетъ произвести новое перераспредѣленіе на картѣ южной Европы,—прекрасно, то же самое дѣлаемъ и мы на Сѣверѣ. Если Наполеонъ освободитъ Италію,—прекрасно, мы беремъ себѣ тогда Шлезвигъ-Гольштинію! И, сдѣлавъ такое заявленіе, мы двигаемъ свои войска противъ Даніи"! Если правительство рѣшится послѣдовать такой политикѣ, то на его сторонѣ будетъ нѣмецкая демократія. Если оно станетъ колебаться и не сдѣлаетъ ничего, то это только вновь „докажетъ, что монархія въ Германіи уже неспособна на національное дѣло". Наконецъ, если Франція не совершитъ нападенія, и если не произойдетъ ни одного изъ указанныхъ выше случаевъ, а правительство, все же, втянетъ Германію въ братоубійственную войну съ Франціей, тогда „демократія будетъ *противъ правительства*".

Въ одномъ письмѣ безъ указанія числа, но, судя по содержанію, относящемся приблизительно къ 20 іюня 1859 г., Лассаль пишетъ Марксу, что „изъ *хорошаго* источника" ему извѣстно, что принцъ-регентъ прусскій рѣшился вмѣшаться въ пользу Австріи. Въ такомъ случаѣ, брошюра его служила какъ бы подготовкой къ походу противъ офиціальной прусской политики. Съ этой точки зрѣнія, онъ всегда настойчиво защищалъ ее противъ Маркса и Энгельса, которые по поводу войны стояли за другую тактику. Въ войнѣ они усматривали тайную интригу Россіи и Наполеона, направленную прежде всего противъ Германіи. Въ случаѣ удачи, это должно было укрѣпить власть Наполеона во Франціи и снова создать

вліяніе Россіи на судьбы Европы. Рекомендуемая Лассалемъ политика, въ ихъ глазахъ, практически сводилась къ той программѣ, которую Наполеонъ пропагандировалъ въ Германіи черезъ своихъ агентовъ. Онъ хотѣлъ изолировать Австрію. Марксъ и Энгельсъ и ставили задачей для своей партіи парализовать эти махинаціи. Въ противоположность Лассалю, они считали ошибкой хотя бы только временно поддерживать пропагандируемую агентами Бонапарта точку зрѣнія.

По поводу этого разногласія, между Марксомъ, Энгельсомъ и Лассалемъ возникали иногда очень рѣзкія объясненія. И хотя въ скоромъ времени споръ и прекратился, но послѣдствія его остались и на будущее время. Съ этого момента переписка между Лассалемъ и Марксомъ становится менѣе сердечной, чѣмъ раньше. Послѣ посѣщенія Лассалемъ Лондона лѣтомъ 1862 года, переписка между ними совсѣмъ прекращается.

Трудно рѣшить, какая тактика была болѣе правильна, такъ какъ война разыгралась иначе, чѣмъ это предполагали обѣ стороны. Да и самыя событія во многомъ сложились иначе. Что же касается Лассаля, то о немъ можно только сказать, что, съ точки зрѣнія своихъ предпосылокъ, онъ дѣйствовалъ и послѣдовательно, и демократично. Конечно, призывъ его обращался къ прусскому правительству. И, въ этомъ отношеніи, Лассаль игралъ ему въ руку, если-бы оно вздумало послѣдовать рекомендуемой имъ политикѣ. Это былъ очень рискованный шагъ. Но, какъ я упоминалъ уже выше, Лассаль былъ убѣжденъ, что прусское правительство не послѣдуетъ этой политикѣ. Такъ можно думать и на основаніи слѣдующихъ словъ изъ его брошюры:

„На какую бы изъ двухъ войнъ ни рѣшилось правительство,—но въ тотъ день, когда оно окажется вынужденнымъ обратиться съ призывомъ къ силамъ народа, оно узнаетъ, на чьей сторонѣ сила общественнаго мнѣнія“.

Въ этихъ заключительныхъ строкахъ брошюры звучитъ вполнѣ опредѣленная угроза войной. Съ этимъ согласуется и взятый у Виргилія эпиграфъ брошюры: «Flectere si nequeo Superos, Acheronta movebo»,— „если я не смогу склонить боговъ, то я приведу въ движеніе живущихъ тамъ, внизу!“ Эта брошюра, согласно замыслу Лассаля, была оповѣщеніемъ его радикально-демократическихъ принциповъ.

* * *

Почти одновременно съ „Итальянской войной“ появилась въ печати драма Лассаля: „Францъ фонъ-Зикингенъ“. Она была закончена уже въ 1858 году. Сперва Лассаль предложилъ было ее для исполненія королевскому театру. Но послѣдній отказался принять ее. Съ точки зрѣнія театральныхъ требованій, драма, дѣйствительно, не свободна отъ недостатковъ. Но она представляетъ интересъ, какъ тенденціозная драма. И этотъ интересъ ея зависитъ не столько отъ личности самого героя Зикингена, который представляетъ собой идеализацію историческаго Зикингена, сколько отъ основной трагической идеи произведенія. По этому поводу Лассаль высказался въ одной заслуживающей вниманія статьѣ, которая была распространена лишь среди его близкихъ друзей. Одинъ экземпляръ ея нашелся и въ бумагахъ Маркса. Лассаль доказываетъ, что трагизмъ положенія Франца фонъ-Зикингена заключался въ томъ, что, поднявъ знамя возстанія, онъ не развернулъ полностью всей своей программы—борьба противъ принципа отдѣльныхъ, независимыхъ княжествъ. Онъ боролся подъ ложнымъ флагомъ, какъ будто бы все дѣло шло о мѣстномъ спорѣ съ архіепископомъ Трирскимъ. Благодаря этому, громадная масса народа, безъ помощи котораго онъ рѣшительно не могъ достигнуть своей цѣли, не представляла себѣ ясно, чего-ради ведется борьба. И, поэтому, народъ не оказалъ ему поддержки. А его противники,—князья,—своимъ болѣе изощреннымъ классовымъ чутьемъ тотчасъ же поняли, о чемъ идетъ здѣсь дѣло. И своею сплоченностью разбили всѣ начинанія Зикингена. Зикингенъ,—говоритъ Лассаль,—„не только не взывалъ открыто къ принципамъ, онъ не только не придалъ имъ революціонной силы, — но, благодаря его Трирскому походу, историческая идея и національное дѣло совершенно утратили всякое общее значеніе. И все такимъ образомъ, получило обликъ чего-то случайнаго“. Какъ ни старался Зикингенъ избѣжать, путемъ самой строгой предусмотрительности, все случайное, но онъ самъ же взывалъ къ случайности. Самъ же онъ создалъ себѣ такое положеніе, что лишь случай могъ прійти ему на помощь. Не дѣйствительная непреодолимая сила старыхъ отношеній, а его собственные промахи сгубили его.

Эту основную свою мысль Лассаль влагаетъ въ уста тайнаго секретаря Зикингена, Валтазара Слёра, въ послѣднемъ актѣ драмы:

„Не первый вы, да вы и не послѣдній
Поплатитесь своею головой
За страсть перехитрять въ дѣлахъ великихъ.
. . . . . . , ... на аренѣ

Исторіи... не служитъ ни къ чему
. . . переодѣванье. Каждый долженъ
Туда являться съ знаменемъ своимъ
И на себѣ носить его цвѣта.
Тогда лишь можетъ онъ въ борьбѣ великой
Испробовать всю жизненность тѣхъ силъ,
Которыя ему опорой служатъ,
И устоитъ онъ или упадетъ—
Онъ все свершитъ, на что способенъ только“ [1]).

Если герои драмы являются скорѣе героями либерализма, нежели героями социалъ-демократіи, то, въ то же время, „мораль“ драмы содержитъ въ себѣ осужденіе тактики либеральныхъ партій, съ точки зрѣнія прогрессивнаго радикализма. Тенденція драмы чисто революціонная. Такъ какъ,—доказываетъ Лассаль въ упомянутой выше статьѣ—революціи, въ концѣ концовъ, дѣлаются массами, а массы всегда интересуются только крайнимъ, цѣлымъ, то всѣ тѣ, кто въ дѣлахъ революціи подчиняетъ свое поведеніе исключительно наличнымъ средствамъ, всегда окажутся въ минуту рѣшительной борьбы безъ сторонниковъ. Въ эпохи великихъ историческихъ революцій абстрактные идеалисты, лучше положительныхъ политиковъ, схватывали возможное для даннаго времени, то, что реально должно осуществиться.

Было бы въ высшей степени комично, если-бы дирекція королевскаго театра въ Берлинѣ, которой Лассаль представилъ свою драму, согласилась принять ее, въ виду сравнительно невиннаго ея характера. Съ придворной сцены раздались бы тогда слова осужденія либеральной половинчатости, съ точки зрѣнія революціоннаго радикализма. Но дирекція почуяла что-то неладное и отвергла драму. Какъ я упоминалъ уже выше, драма Лассаля не свободна отъ техническихъ недостатковъ. Но, несмотря на это, она, все же не лишена красоты и очень богата мыслями. Я приведу здѣсь еще одно мѣсто изъ драмы. Какъ и многія другія мѣста, оно выражено тѣмъ же сжатымъ, лапидарнымъ языкомъ. Это—слова Зикингена, сказанныя имъ по поводу Ульриха фонъ-Гуттена:

„ . . . . . . Не только цѣль
Мнѣ укажи, но путь, что къ ней приводитъ.
Всегда такъ тѣсно связанъ съ цѣлью путь,
Что отдѣлять нельзя ихъ другъ отъ друга;
Путь измѣнивъ, измѣнимъ мы и цѣль“ [2]).

---

[1]) „Францъ фонъ-Зикингенъ“. Переводъ А. и С. Криль. С.-Петербургъ, 1873, стр. 213.
[2]) Тамъ же, стр. 104.

VI.

СИСТЕМА ПРІОБРѢТЕННЫХЪ ПРАВЪ.

Въ 1860—61 годахъ Лассаль напечаталъ въ издаваемомъ Людвигомъ Валесроде журналѣ: „Demokratische Studien" двѣ статьи: „Политическое завѣщаніе Фихте и новѣйшая современность" и „Готтгольдъ Эфраимъ Лессингъ". Первая статья—это гимнъ идеѣ великой единой нѣмецкой республики. Вторая — превозноситъ Лессинга, какъ революціонера мысли. Обѣ эти статьи не представляютъ собой самостоятельныхъ работъ. Зато весной 1861 г. Лассаль выпустилъ въ свѣтъ большой самостоятельный трудъ, который по-справедливости слѣдуетъ считать его главной научной работой. Это — его двухтомное сочиненіе: „Система пріобрѣтенныхъ правъ", которое онъ посвятилъ своему отцу, къ семидесятилѣтней годовщинѣ дня его рожденія, „въ знакъ любви и уваженія".

Въ дальнѣйшемъ, мы познакомимъ нѣсколько читателя съ этимъ трудомъ, затрагивающимъ самые абстрактные вопросы права.

Система пріобрѣтенныхъ правъ носитъ подзаголовокъ: Примиреніе положительнаго права съ философіей права. Это значитъ, что книга Лассаля хочетъ указать тотъ путь, какимъ возможно согласовать положительное право, т. е. право, исторически развившееся, какъ выраженіе фактическихъ потребностей и соотношенія общественныхъ силъ, съ правовыми принципами, вытекающими изъ общаго философскаго разсмотрѣнія сущности права. Такъ какъ принципы эти не зависятъ отъ условій времени, а, наоборотъ, имѣютъ значеніе для всѣхъ временъ, то они называются также естественнымъ правомъ. Естественное право, въ извѣстномъ смыслѣ, не-историческое право, такъ какъ оно не зависитъ или не должно зависѣть отъ особенныхъ историческихъ условій. Поэтому, оно неизбѣжно является абстрактнымъ правомъ: оно даетъ абстрактныя положенія, которыя формулируются въ такой общей формѣ, что никогда не могутъ исчерпать какого-либо опредѣленнаго правового вопроса. Напримѣръ, ученіе, признающее пріобрѣтеніе имущества естественнымъ правомъ, рѣшительно ничего еще не говоритъ о томъ, допустима или нѣтъ какая-либо опредѣленная форма пріобрѣтенія имущества, напримѣръ, покупка земли. Съ другой стороны, положительное право, выраженное въ сводахъ законовъ, конечно, рѣшаетъ эти вопросы о допустимости такой формы

пріобрѣтенія. Но это рѣшеніе можетъ покоиться на такихъ правовыхъ воззрѣніяхъ, которыя служатъ выраженіемъ, быть можетъ, уже несуществующихъ отношеній, или отношеній, уже настолько разложившихся, что соотвѣтствующее имъ право самымъ вопіющимъ образомъ попираетъ новыя потребности. Если новыя потребности—напр., переходъ городской земли въ руки городского самоуправленія (муниципализація городской земли) — настолько назрѣли, что требуютъ уже выработки новаго закона и новаго права,—то возникаетъ вопросъ, какъ далеко можетъ вторгаться новое право въ тѣ правовыя отношенія, какія возникли еще на почвѣ стараго права. Другими словами, при какихъ условіяхъ можно признать за новыми законами обратную силу.

Вопросъ этотъ возбуждаетъ горячіе споры среди юристовъ. И всякій человѣкъ, если только онъ не склоненъ слѣпо преклоняться передъ грубой силой и произволомъ, долженъ согласиться, что крайне важно найти такой принципъ или такое правило, которое разъ навсегда устанавливало бы способъ рѣшенія такихъ конфликтовъ, способъ, одинаково считающійся съ интересами той и другой стороны. Въ сущности, здѣсь рѣчь идетъ о правѣ всего новаго, возникающаго, въ противоположность праву всего стараго, традиціоннаго. Или, другими словами, о правѣ революціи, въ противоположность праву устарѣвшихъ учрежденій или отжившихъ свой вѣкъ общественныхъ классовъ.

Тѣ права, которыя возникли на основѣ положительнаго права, нашедшаго себѣ выраженіе въ законахъ, или санкціонируются имъ,—такія права называются пріобрѣтенными правами. Система пріобрѣтенныхъ правъ, между прочимъ, устанавливаетъ, насколько эти права могутъ имѣть значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, она устанавливаетъ и границу для нихъ.

Эту задачу собственно и ставитъ себѣ Лассаль. Не можетъ быть сомнѣній, что на этотъ вопросъ онъ натолкнулся, благодаря гацфельдскому процессу. Въ немъ довольно часто приходилось касаться такихъ правовыхъ отношеній, которыя возникали въ феодальную пору, особенно въ періодъ до 1848 г., и продолжали существовать въ новое время. Часто возникали, при этомъ, споры, не были ли всѣ эти правовыя отношенія фактически уничтожены новыми законами. Но и самый ходъ развитія прусскаго законодательства невольно привлекалъ вниманіе къ этому вопросу. Въ періодъ реакціи, юнкерство воспользовалось принципомъ пріобрѣтенныхъ правъ, для того, чтобы получить очень высокій выкупъ за отмѣну феодальныхъ повинностей. Между тѣмъ какъ отмѣна эта была рѣшена въ 1848 г. и

стала неизбѣжной. Да и во многихъ другихъ случаяхъ, „пріобрѣтенныя права“ стояли на пути очень неотложнымъ политическимъ реформамъ.

Какъ же быть съ этими „пріобрѣтенными правами“? Что же, за всякій прогрессъ, народы должны тяжелой цѣной откупаться отъ искони привилегированныхъ? Что же, нужно признать за послѣдними право назначать какую угодно цѣну за этотъ выкупъ прогресса? Что же, законодательство всегда, при всякихъ условіяхъ, должно пасовать передъ „пріобрѣтенными правами“?

Лассаль даетъ отвѣты на эти вопросы. Онъ прежде всего старается найти новую формулу для понятія пріобрѣтеннаго права, которая рѣзче отграничивала бы его, чѣмъ это дѣлалось раньше. Онъ даетъ такое, чуждое всякихъ неточностей, опредѣленіе въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

1) „Никакой законъ не долженъ имѣть обратной силы, если онъ касается индивидуума только при посредствѣ его волевой дѣятельности“.

2) „Всякій законъ долженъ имѣть обратную силу, если онъ касается личности безъ посредства такой свободной волевой дѣятельности, если онъ, слѣдовательно, касается личности непосредственно въ его непроизвольныхъ, обще-человѣческихъ, или природныхъ, или заимствованныхъ отъ общества свойствахъ, или если онъ касается личности лишь постольку, поскольку онъ измѣняетъ самое общество въ его органическихъ установленіяхъ“.

Значеніе этихъ положеній можно лучше всего выяснить на какомъ-либо примѣрѣ. Положимъ, что издается законъ, который требуетъ, для вступленія въ бракъ безъ родительскаго согласія, достиженія не 21 года, какъ это было раньше, а тридцатилѣтняго возраста. Въ такомъ случаѣ, всѣ лица моложе 30 лѣтъ, обладавшія раньше этимъ правомъ, какъ достигшія назначеннаго закономъ возраста, отнынѣ лишаются этого права. Ибо они обладали этимъ правомъ не благодаря своей личной волевой дѣятельности, а въ силу признаннаго за ними со стороны государства правомочія, которое они пріобрѣтали при достиженіи опредѣленнаго возраста, независимо отъ того, хотѣли они этого или нѣтъ. Наоборотъ, бракъ, заключенный лицомъ моложе 30 лѣтъ, остается въ силѣ и при новомъ законѣ, хотя послѣдній и повышаетъ брачный возрастъ до 30 лѣтъ. Причина этому та, что бракъ этотъ зависѣлъ отъ волевого акта, на совершеніе котораго личность имѣла право согласно прежнему праву. Бракъ этотъ и всѣ вытекающія изъ него юридическія послѣдствія—напр., назначеніе законнымъ наслѣдникомъ рож-

деннаго отъ этого брака ребенка—составляютъ уже пріобрѣтенное право.

Это сравнительно простой случай. Въ жизни обстоятельства нерѣдко складываются куда какъ запутаннѣе. Бываетъ, что рѣчь идетъ не о томъ, наступитъ ли правоспособность на нѣсколько лѣтъ раньше или позже, а о дѣйствительности правъ, начало которыхъ лежитъ за десятки, а то и за сотни лѣтъ назадъ. Права эти, путемъ наслѣдственной передачи, могутъ оказаться увѣковѣченными навсегда. И тогда возникаетъ вопросъ, можно ли считать наслѣдственную передачу такимъ волевымъ актомъ, который всякій разъ снова создаетъ пріобрѣтенное право и продолжаетъ срокъ дѣйствія уже существующаго права. Если бы это было такъ, то мало чему помогало бы и данное выше въ двухъ положеніяхъ Лассаля опредѣленіе. Прогрессъ человѣчества оказался бы въ зависимости отъ доброй воли привилегированныхъ группъ или личностей. И людямъ въ борьбѣ противъ злой воли оставалось бы только взывать къ силѣ, попирающей ногами всякое право.

Но Лассаль удачно справляется съ этимъ затрудненіемъ: пріобрѣтенное индивидуальной волевой дѣятельностью право онъ ограничиваетъ также и со стороны его содержанія. Право считается пріобрѣтеннымъ лишь до тѣхъ поръ, пока его содержаніе можетъ разсматриваться какъ дозволенное существующими законами. Для большей ясности, возьмемъ опять примѣръ. Возьмемъ, напр., феодальное право на барщинныя работы. Пока законъ признаетъ барщинныя обязательства дозволенными, до тѣхъ поръ права на барщинныя работы,—поскольку они „пріобрѣтены", въ указанномъ смыслѣ,—могутъ быть уничтожены, въ случаѣ надобности, только путемъ выкупа. Но если законъ, выражающій общественное сознаніе, заявляетъ, что барщинныя обязательства вообще должны считаться недозволенными,—тогда всякое притязаніе на нихъ, по мнѣнію Лассаля, утрачиваетъ характеръ пріобрѣтеннаго права, и вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и право на выкупъ. „Единственнымъ источникомъ права",—говоритъ онъ,— „является всеобщее сознаніе всего народа, всеобщій духъ" (Bd. 1, 2 Aufl., S. 164). Если этотъ всеобщій духъ позволяетъ распознать вполнѣ ясно, путемъ опредѣленнаго поступка, что извѣстное право, раньше имѣвшее значеніе, признается имъ теперь противнымъ своему правовому сознанію, т. е., недозволеннымъ,—тогда утрачиваютъ всякую силу и всѣ индивидуальные волевые акты, несогласные съ этимъ. „Личность не въ силахъ вбить ни одного колышка въ правовую почву, она не можетъ объявить себя этимъ способомъ самодержавной на всѣ времена и вопреки всѣмъ будущимъ,

принудительнымъ или запретительнымъ, т. е., создающимъ общіе запреты, законамъ" (Тамъ же, S. 166). Въ обществѣ нѣтъ никакого права, кромѣ права, создаваемаго самимъ же обществомъ. Поэтому,—говоритъ Лассаль,—только тотъ можетъ устранить себя отъ всякаго воздѣйствія со стороны всеобщаго правового сознанія, кто „навсегда отказался бы,—если бы только это было возможно,—отъ всякаго намѣренія пріобрѣтать права, пользоваться ими, или имѣть ихъ" (S. 165). Но такое положеніе немыслимо [1]. И именно обладатели пріобрѣтенныхъ правъ меньше всего могли бы стать на такую точку зрѣнія, такъ какъ тогда ихъ пріобрѣтенныя права превратились бы въ ничто, и они сами провозгласили бы произволъ единственно опредѣляющей силой. Кто согласенъ съ этимъ, тотъ необходимо долженъ признать и то положеніе, какое является центральнымъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Лассаля:

„Всякій договоръ съ самаго начала необходимо предполагаетъ молчаливо признаваемую оговорку, что договариваемое для себя или для другихъ право сохраняетъ свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока законодательство вообще признаетъ такое право" (S. 164).

Пояснимъ это на другомъ примѣрѣ, который уже много разъ встрѣчался на практикѣ. Пока законъ признаетъ дозволеннымъ торговлю спиртными напитками, владѣлецъ питейнаго заведенія вправѣ требовать вознагражденія, если общество, въ силу какихъ-либо соображеній, напр., ради проведенія улицы, лишитъ владѣльца его заведенія. Но если законъ вообще не допускаетъ торговли спиртными напитками, тогда, согласно положенію Лассаля, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо притязаніи на вознагражденіе со стороны владѣльца питейнаго заведенія.

Но не всегда и не при всѣхъ обстоятельствахъ необходимъ законодательный актъ, чтобы стало извѣстно, что общественное сознаніе уже не признаетъ дозволеннымъ то или иное правовое содержаніе. Общая воля можетъ находить себѣ выраженіе и такъ, что народъ, путемъ опредѣленнаго дѣянія, просто разрушаетъ извѣстный правовой строй. Такъ, напр., Конвентъ, во время французской революціи, разсматривалъ день штурма Бастиліи, какъ начало новаго правового строя. И съ этого момента получали силу всѣ послѣдствія, созданныя этимъ переворотомъ въ господствующей правовой идеѣ. Законъ отъ 17 нивоза II года (2 января 1794 г.) опредѣлялъ, что предписанія этого закона, вообще отмѣнявшія фидеикомиссную

[1]) Быть можетъ, анархисты самой чистой воды могли бы защищать такую точку зрѣнія. Хотя и сомнительно, чтобы кто-либо могъ послѣдовательно проводить ее.

форму наслѣдованія, имѣютъ силу и для всѣхъ тѣхъ наслѣдованій, которыя открылись бы послѣ 14 іюля 1789 года (день штурма Бастиліи). Это требованіе закона, по мнѣнію Лассаля, нисколько не погрѣшало противъ принципа пріобрѣтенныхъ правъ, оно нисколько не погрѣшало противъ правового принципа, что законы не имѣютъ обратной силы. Законъ здѣсь лишь заявлялъ, что никакое распоряженіе, принятое до 14 іюля 1789 года, не можетъ имѣть силы надъ новымъ закономъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ провозглашенному въ Деклараціи правъ человѣка принципу, что ни одинъ вѣкъ не можетъ давать наказовъ послѣдующимъ законамъ.

Глубокое революціонное значеніе сказаннаго ясно само по себѣ. Быть можетъ, кто-либо замѣтитъ, можно ли вообще питать какую-либо увѣренность въ прочности пріобрѣтенныхъ правъ, если для ихъ уничтоженія достаточно, чтобы законъ просто призналъ недозволеннымъ ихъ содержаніе, или чтобы былъ совершенъ какой-либо революціонный актъ, направленный противъ этого. Но, при этомъ, упускаютъ изъ виду, что не всякое разрушеніе какого-либо зданія народной толпой имѣетъ значеніе штурма Бастиліи. Этотъ штурмъ получилъ такое глубокое историческое значеніе лишь благодаря тѣмъ условіямъ, при какихъ онъ совершился, благодаря тому отношенію, какое онъ встрѣтилъ среди націи. Точно также никакой законодѣтельный корпусъ не можетъ наложить запрета на какое-либо содержаніе права—напр., на право пріобрѣтать поземельную собственность,—не можетъ сохранить за этимъ запретомъ силы, если для этого нѣтъ на-лицо необходимыхъ условій. Слѣдовательно, рѣчь идетъ отнюдь не о томъ, чтобы попросту отдать на произволъ законодательнаго корпуса или на волю мятежныхъ массъ рѣшеніе вопроса о срокѣ дѣйствія пріобрѣтенныхъ правъ. Важно лишь обезпечить народамъ право на самоопредѣленіе, обезпечить отъ посягательствъ со стороны того, что утратило уже свои разумныя основанія.

Такова задача, поставленная себѣ Лассалемъ въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ". И, по нашему мнѣнію, онъ удачно справился съ ней, насколько вообще практическіе вопросы могутъ быть разрѣшены въ теоретическихъ работахъ. Онъ даетъ руководящую нить, которая въ одинаковой степени можетъ удовлетворить и революціонера, и юриста. Если только послѣдній не склоненъ усматривать въ положительномъ правѣ начала и конца правообразованія.

Не можемъ останавливаться здѣсь на доказательствахъ Лассаля, что уже великіе римскіе юристы болѣе или менѣе отчетливо высказали формулированный имъ принципъ. Мы не станемъ касаться и того, какъ

Лассаль, на примѣрѣ различныхъ категорій права, доказываетъ значеніе и дѣйствительность этого принципа. Краткая передача его остроумныхъ разсужденій лишь затруднила бы ихъ пониманіе, если не исказила бы ихъ совсѣмъ. Поэтому, отмѣтимъ только еще то, что Лассаль развиваетъ здѣсь цѣлую теорію экспропріаціи, а въ одномъ длинномъ примѣчаніи онъ набрасываетъ цѣлую историко-философскую программу, которая включаетъ въ себѣ и политическую экономію. Въ основу ея положена программа политико-экономическаго труда, который Лассаль собирался написать по окончаніи „Системы“. Уже по одному этому слѣдуетъ привести здѣсь хотя бы только обѣ главныя мысли этой программы.

Вотъ онѣ:

1. Общій ходъ культурно-историческаго развитія права выражается въ томъ, что все больше и больше ограничивается сфера собственности частнаго лица, что все большее и большее число объектовъ изъемлется изъ сферы частной собственности.

2. Параллельно съ этимъ ходомъ историческаго развитія права, въ экономическомъ развитіи наблюдается вполнѣ соотвѣтствующая ему тенденція, что все большее и большее число факторовъ производства, а также и продуктовъ, изъ возмездныхъ, все больше и больше становятся безвозмездными (Благодаря пониженію продажной цѣны и постоянному уменьшенію издержекъ производства). Лассаль добавляетъ при этомъ, что ту же мысль высказывалъ уже Бастіа въ своемъ сочиненіи объ экономическихъ гармоніяхъ. Но „онъ высказалъ ее въ совершенно ложной и односторонней формѣ, благодаря некритическому пониманію экономическихъ категорій“. Впослѣдствіи Лассаль писалъ Родбертусу, что это слѣдуетъ понимать такъ, что рабочіе, благодаря желѣзному закону заработной платы и благодаря закону возрастанія поземельной ренты, лишены возможности пользоваться этой все увеличивающейся безвозмездностью продуктовъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ этого положенія ясно одно, что Лассаль очень глубоко понималъ экономическія проблемы.

Такъ какъ пріобрѣтенныя права могутъ передаваться по наслѣдству и, благодаря этому, могутъ тяжко обременять послѣдующія поколѣнія, то вопросъ о правѣ наслѣдованія необходимо пріобрѣтаетъ громаднѣйшее значеніе. Въ виду этого, во второй части „Системы“ Лассаль и останавливается на этомъ вопросѣ. Онъ приходитъ къ такому выводу. Право завѣщаній заимствовано въ новое время изъ древняго римскаго права. Здѣсь оно покоилось на томъ представленіи, что наслѣдникъ есть продол-

жатель воли умершаго. И, такимъ образомъ, право это, въ концѣ концовъ, коренилось въ культѣ домашнихъ и семейныхъ боговъ, а обязанность отправленія этого культа переходила отъ наслѣдодателя на наслѣдника. Такъ какъ наше время уже не знаетъ этого культа, то право послѣдняго распоряженія дается индивидууму исключительно обществомъ, и общество во всякое время можетъ отнять его, отнюдь не противорѣча этимъ принципу пріобрѣтенныхъ правъ. Въ пользу этого положенія Лассаль приводитъ, между прочимъ, слова философа Лейбница, что завѣщанія, т. е., выраженіе воли послѣ смерти, были бы лишены всякаго разумнаго смысла, если бы душа не была безсмертна. Итакъ, если вѣра въ безсмертіе души признается несостоятельной, то рѣшительно невозможно обосновать права завѣщанія, какъ права пріобрѣтеннаго. Этимъ доводомъ Лассаль наноситъ новый ударъ праву прошлаго надъ современностью. Можно не соглашаться съ отдѣльными положеніями Лассаля. Таково, напр., его мнѣніе объ основахъ и историческомъ ходѣ развитія римскаго права. Но въ цѣломъ его логика неуязвима, она словно вылита изъ одного куска.

VII.

ЛАССАЛЬ И БЕРЛИНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Лотаръ Бухеръ и „Юліанъ Шмидтъ“.

„Система пріобрѣтенныхъ правъ“ сильно подняла престижъ Лассаля въ глазахъ берлинскаго образованнаго общества. Ему охотно прощали его радикальныя тенденціи, такъ какъ онѣ прежде всего направлялись противъ ненавистныхъ либераламъ полуфеодальныхъ учрежденій, перенесенныхъ прусскимъ юнкерствомъ въ новое время. Въ то же время, Лассаль боролся и противъ княжескаго абсолютизма отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ. Правда, Лассаль затронулъ и великій соціальный вопросъ, и затронулъ его какъ вопросъ экономическій. Кромѣ того, въ томъ же цитированномъ выше примѣчаніи соціальный вопросъ формулируется имъ прямо такъ: должно ли и дальше существовать право эксплоатаціи рабочаго предпринимателемъ? Но пока все это высказывалось лишь въ отвлеченно-теоретической формѣ. Пока все это казалось не страшнымъ. Тѣмъ болѣе, что совсѣмъ еще не замѣчалось рабочаго движенія, которое могло бы придать этой мысли грозный для буржуазіи обликъ. Именно въ это время представители буржуазіи начали дѣлать попытки организовать рабочихъ въ образовательныхъ обще-

ствахъ. Они оказывали имъ также содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Ближе затрагивалъ ихъ другой вопросъ собственности, который Лассаль считалъ вопросомъ времени: это—выражаясь его собственными словами—„уничтоженіе того факта, что публичная воля цѣлой націи составляетъ собственность одной семьи". Онъ имѣетъ въ виду тотъ фактъ, что въ Германіи „не только содержаніе народной воли, но даже то, чтобы вообще не было никакого нѣмецкаго народа—право на разъединенность народнаго духа—составляютъ право собственности нѣскольких семействъ". Онъ имѣетъ здѣсь въ виду, конечно, династіи отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Этотъ вызовъ, брошенный союзному строю тогдашней Германіи, былъ понятъ, какъ слѣдуетъ. Онъ пришелся по сердцу либеральнымъ филистерамъ. Но и теоретическій радикализмъ Лассаля нисколько не смущалъ буржуазныхъ идеологовъ. Ученые круги относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, и, вѣроятно, оно было бы еще гораздо больше, еслибы въ самомъ поведеніи Лассаля не было чертъ, которыя отталкивали отъ него многихъ безпристрастныхъ людей. Правда, Лассаль умѣлъ быть обольстительнымъ. Но, въ то же время, онъ всегда охотно подчеркивалъ свое превосходство и создавалъ себѣ этимъ много враговъ. Эта черта сказалась въ Лассалѣ уже во дни его юности, какъ это видно изъ его дневника. Извѣстно его столкновеніе съ интендантскимъ совѣтникомъ Фабрисемъ. Въ одинъ прекрасный день Лассаль такъ раздражилъ его своимъ снисходительнымъ смѣхомъ, что Фабрисъ вызвалъ его на дуэль. Лассаль благоразумно уклонился отъ вызова. Тогда Фабрисъ съ однимъ изъ своихъ друзей однажды остановилъ его на улицѣ и хотѣлъ было отстегать хлыстомъ. Но онъ дорого поплатился за эту попытку. Лассаль оказалъ ему энергичное сопротивленіе и даже нанесъ тяжкую головную рану. Случай этотъ вызвалъ большой шумъ, и Лассалю едва было не пришлось изъ-за этого покинуть Берлинъ. Только благодаря хлопотамъ передъ всевозможными властями,—въ это время и было подано упомянутое выше прошеніе принцу прусскому, — Лассалю удалось избѣжать непріятности. Но если правда и была, въ этомъ случаѣ, на сторонѣ Лассаля, то, все же, кое-что отъ скандала не могло не пристать къ нему.

Въ глазахъ многихъ людей, Лассаль былъ въ своемъ родѣ ловеласомъ. Очевидно, репутація эта создалась, благодаря его щеголеватой манерѣ одѣваться и его постояннымъ успѣхамъ у женщинъ. Однако, нельзя не вѣрить ему, когда въ письмѣ отъ 20 марта 1860 года онъ пишетъ Марксу: „Я никогда не зналъ распутства". Въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ онъ

менѣе всего былъ ригористомъ, какъ объ этомъ можно судить по различнымъ его письмамъ. У него, конечно, не мало было разныхъ любовныхъ исторій. Но если вспомнить, какъ много сдѣлалъ онъ за сравнительно короткій періодъ своей жизни и въ научной области, и въ сферѣ политики, тогда невольно начинаешь думать, что всѣ эти любовныя исторіи являлись для него какъ бы отдыхомъ отъ напряженнаго труда, посвященнаго высшимъ интересамъ человѣчества. Конечно, это еще не освобождаетъ его отъ возможныхъ упрековъ.

Двѣ изъ этихъ любовныхъ исторій, носили болѣе серьезный характеръ. Героиней первой была юная русская барышня, дворянскаго происхожденія, по имени Софія Солнцева. Лассаль познакомился съ ней осенью 1860 года въ Аахенѣ. Она пріѣхала сюда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, который думалъ здѣсь лѣчиться. Ради той же цѣли жилъ здѣсь и Лассаль. Очевидно, Софія Солнцева произвела на него сильное впечатлѣніе, такъ какъ онъ настойчиво добивался ея любви и предложилъ ей вступить въ бракъ. Но она не соглашалась, несмотря на всю его бурную и страстную настойчивость. Среди писемъ Лассаля къ Софіи Солнцевой имѣется одно громадное письмо въ 36 печатныхъ страницъ. Въ этомъ письмѣ Лассаль какъ бы исповѣдуется передъ юной дѣвушкой и раскрываетъ передъ ней всѣ свои помыслы и борьбу своей жизни. Несомнѣнно, подобная исповѣдь никогда не вскрываетъ полной истины, въ особенности если дѣло идетъ о томъ, чтобы произвести—какъ въ данномъ случаѣ—впечатлѣніе на юную женскую душу. Но, все же, знакомство съ этимъ посланіемъ необходимо для всякаго, кто хотѣлъ бы правильно судить о Лассалѣ.

Въ этомъ письмѣ Лассаль говоритъ о своихъ бывшихъ отношеніяхъ къ женщинамъ:

„До сихъ поръ моя любовь была только пожирающимъ пламенемъ, въ которое бросались женщины. Я не знаю ни одной, которая, убѣдившись хотя бы на минуту, что меня не страшитъ мысль жениться на ней, не постаралась бы захватить меня. Я говорилъ вамъ, что всегда избѣгалъ молодыхъ дѣвушекъ. Два раза только говорилъ я о любви молодымъ дѣвушкамъ, которыя любили меня страстно и вызвали во мнѣ желаніе обладать ими. И въ обоихъ случаяхъ я начиналъ съ полнаго признанія, что никогда не женюсь на нихъ. За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, я всегда имѣлъ сношенія только съ замужними женщинами, у которыхъ я былъ, какъ вы разъ выразились, „баловнемъ“. И нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, любили меня. Вы знаете, что женщины, когда любятъ, имѣютъ

привычку всегда задавать вопросы. И не было ни одной, которой бы я не отвѣтилъ съ своей обычной откровенностью, что, будь она свободна, я, все же, не женился бы на ней. Но, несмотря на это, а можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, меня сильно любили. Я хотѣлъ брать, но не отдавать себя".

Прошелъ годъ, какъ Лассаль получилъ рѣшительный отказъ отъ Софіи Солнцевой. Въ это время онъ познакомился въ домѣ адвоката Гирземенцеля въ Берлинѣ съ Еленой фонъ-Дённигесъ, дочерью одного изъ высшихъ баварскихъ чиновниковъ. О своихъ отношеніяхъ къ Лассалю она написала мемуары. Она говоритъ здѣсь, что ихъ общіе друзья дали имъ понять, что они вполнѣ подходятъ другъ для друга, и что Лассаль, при первой же встрѣчѣ, далъ ей почувствовать, что она ему нравится. Но на этомъ пока все и остановилось. Прошло цѣлыхъ два года, прежде, чѣмъ эта жизнерадостная дѣвушка съ золотисто-рыжими волосами сыграла такую роковую роль въ судьбѣ Лассаля.

Изъ одного письма Лассаля къ Марксу видно, что онъ поддерживалъ сношенія съ такими людьми, какъ филологъ Бёкъ, философъ Мишле, юристъ Гнейстъ; что Фарнгагенъ фонъ-Энзе очень благоволилъ къ нему. Затѣмъ извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Лассаля Александръ фонъ-Гумбольдтъ, и какъ усиленно хлопоталъ онъ за него передъ принцемъ прусскимъ, когда Лассалю угрожала высылка изъ Берлина. Одно время Лассаль былъ въ тѣсной дружбѣ съ Францемъ Дункеромъ, издателемъ берлинской «Народной Газеты», и его женой Линой, дочерью Гейнриха Лауба, въ домѣ которыхъ собиралось много художниковъ и политиковъ. Изъ художниковъ, съ которыми дружилъ Лассаль, особенно слѣдуетъ упомянуть музыканта Ганса фонъ-Бюлова. Во время своихъ путешествій, Лассаль завязалъ сношенія съ революціонерами, жившими во Франціи, Швейцаріи, Италіи. Особенно онъ былъ близокъ съ супругами Гервегами и съ гарибальдійскимъ полковникомъ Рюстовымъ. Онъ посѣтилъ также и самого Гарибальди на островѣ Капрера. Благодаря этому, онъ пріобрѣлъ обширный кругъ друзей и знакомыхъ. А когда въ 1861 году была объявлена амнистія, по поводу вступленія на прусскій престолъ Вильгельма I, и въ Германію вернулись очень многіе изъ политическихъ эмигрантовъ, то число друзей и знакомыхъ Лассаля стало еще больше. Карла Маркса эта амнистія не коснулась. Всѣ хлопоты Лассаля передъ министрами новой либеральной эры за Маркса не привели ни къ чему. Марксъ такъ и не былъ возстановленъ въ утраченныхъ имъ правахъ гражданства. Отчасти благодаря этому, потерпѣлъ крушеніе планъ Лассаля издавать, совмѣстно съ Марксомъ и Фридрихомъ

Энгельсомъ, большую политическую газету въ духѣ «Новой Рейнской Газеты», которая должна была служить органомъ прогрессивной демократіи.

Въ числѣ вернувшихся эмигрантовъ былъ и Лотаръ Бухеръ, когда-то отказавшійся отъ уплаты податей. Лассаль завязалъ съ нимъ теперь дружескія отношенія и старался привлечь его на свою сторону. Но это не удалось ему вполнѣ. Изъ одного письма Бухера къ Лассалю отъ 19 января 1862 года видно, что Лассаль въ это время сильно разсчитывалъ на возможность новаго нападенія итальянскихъ революціонеровъ на Австрію и подумывалъ объ одновременномъ съ этимъ возстаніи въ Германіи. О тѣхъ же надеждахъ Лассаля свидѣтельствуетъ и одно его рекомендательное письмо къ Марксу, которое онъ далъ въ іюлѣ 1862 года нѣкоему капитану Швейгерту. Послѣдній стоялъ во главѣ нѣмецкихъ кружковъ вооруженія и отправился въ Лондонъ затѣмъ, чтобы собрать тамъ денегъ для пріобрѣтенія 3.000 ружей. Лассаль рекомендуетъ этого капитана какъ человѣка дѣла— „homme d'action". Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться.

Между тѣмъ, въ Пруссіи возникъ конфликтъ между правительствомъ и либерально-демократической партіей палаты изъ-за новой организаціи войска. Часть старо-либераловъ хотѣла было уклониться отъ этой борьбы. Противъ одного изъ литературныхъ застрѣльщиковъ этого направленія, писателя Юліана Шмидта, Лассаль выступилъ съ крайне рѣзкимъ полемическимъ сочиненіемъ. Это его брошюра: „Господинъ Юліанъ Шмидтъ, историкъ литературы. Изданіе съ примѣчаніями наборщика". Хотя брошюра эта имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Юліана Шмидта, какъ литературнаго критика, и подвергаетъ его безпощаднѣйшей антикритикѣ, но, въ концѣ концовъ, она, все же, поражаетъ апостола „Малой Германіи", адвоката опрусаченія Германіи. Въ брошюрѣ Лассаль выступаетъ въ роли „наборщика", который дѣлаетъ примѣчанія къ цитатамъ изъ исторіи нѣмецкой литературы Шмидта. Онъ показываетъ всѣ ея грубые промахи и нелѣпыя сужденія и сильно издѣвается надъ авторомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наборщика смѣняетъ „жена наборщика". Подъ этимъ псевдонимомъ разумѣется Лотаръ Бухеръ.

VIII.

ПЕРВЫЯ ТРИ ЛЕКЦІИ ЛАССАЛЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.

„Философія Фихте“.—„О сущности конституціи.“—„Программа работниковъ“.

Въ это же время Лассаль прочиталъ въ Берлинѣ три лекціи. Всѣ онѣ имѣютъ большое значеніе. По времени послѣдней изъ нихъ была юбилейная рѣчь: „Философія Фихте и значеніе нѣмецкаго народнаго духа“. Она была произнесена Лассалемъ 19 мая 1862 года на праздновании столѣтняго юбилея дня рожденія философа Фихте, устроенномъ философскимъ обществомъ и научно-художественнымъ ферейномъ. Самый фактъ, что именно Лассалю было поручено прочитать эту лекцію, свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ этихъ кругахъ. И Лассаль оправдалъ это довѣріе. По своему построенію и глубокому развитію мыслей, рѣчь Лассаля была мастерскимъ произведеніемь. Въ яркой формѣ характеризуетъ онъ роль Фихте, какъ одного изъ звеньевъ въ великомъ философскомъ созвѣздіи Канта, Фихте, Гегеля. Въ связи съ изложеніемъ спекулятивной философіи Фихте, Лассаль восхваляетъ его популярную философію, примѣненіе спекулятивныхъ мыслей къ практическимъ вопросамъ времени и жизни народовъ. Особенно сильно оттѣняетъ онъ демократическое зерно, лежащее въ основѣ рѣчей и государственно-философскихъ статей Фихте. Лассаль поднимается до величайшаго паѳоса, когда начинаеть развивать мысль Фихте, что нѣмецкому народу всей его исторіей предназначено „быть своимъ собственнымъ сознательнымъ творцомъ“. Въ глазахъ Лассаля, это значило, что нужно создать нѣмецкое государство,— какъ онъ выражается въ этомъ случаѣ—въ противоположность нѣмецкимъ князьямъ. Княжеская власть въ Германіи,—говоритъ онъ,— не есть настоящее государственное установленіе; это „нѣчто частное и стороннее, это частное право на обладаніе этими случайными долями народа, право, покоящееся на особенной, свойственной ему, святости. (Лассаль имѣетъ въ виду отдѣльныя государства). Это право исторически уже отжило свой вѣкъ. А мы уже знаемъ изъ „Системы пріобрѣтенныхъ правъ“, какъ относился Лассаль къ тѣмъ частнымъ правамъ, содержаніе которыхъ исторически устарѣло. Мы легко поймемъ, поэтому, мысль Лассаля, когда онъ говорить въ заключеніе своей рѣчи: „Въ тотъ день, когда всѣ колокола громко возвѣстятъ воплощеніе этого духа—„праздникъ ро-

жденія нѣмецкаго государства",—въ этотъ день мы, дѣйствительно, во истину будемъ праздновать память Фихте, мы будемъ праздновать бракосочетаніе его духа съ дѣйствительностью".

Рѣчь эта, кажется, не встрѣтила сочувствія у слушателей, среди которыхъ были не только члены обоихъ упомянутыхъ выше обществъ, но и разнаго рода гости съ дамами. Съ нетерпѣніемъ ожидали они той минуты, когда можно было бы, наконецъ, приступить къ торжественному обѣду въ сосѣднемъ залѣ, гдѣ раздавался стукъ приготовляемой къ столу посуды. При желаніи, можно усмотрѣть своего рода символъ въ пріемѣ, оказанномъ этой рѣчи, которая говорила нѣмецкой буржуазіи о высочайшей ея миссіи.

Вторая изъ интересующихъ насъ здѣсь лекцій: „О сущности конституціи" была прочитана Лассалемъ въ апрѣлѣ и маѣ 1862 г. въ различныхъ порайонныхъ ферейнахъ Берлина. Осенью и зимой 1862—63 года Лассаль прочиталъ въ тѣхъ же берлинскихъ ферейнахъ другую лекцію: „Что же теперь?," которая стоитъ въ связи съ первой. Лекція: „О сущности конституціи" принадлежитъ къ наилучшимъ мелкимъ произведеніямъ Лассаля. Она не утратила своего интереса до сихъ поръ, хотя и была вызвана временными обстоятельствами. Сущность государственныхъ конституцій Лассаль выясняетъ самымъ понятнымъ и нагляднымъ образомъ. Съ поразительной ясностью показываетъ онъ, на историческихъ примѣрахъ, какъ писаныя конституціи только тогда бываютъ жизнеспособными, когда онѣ служатъ выраженіемъ фактическаго соотношенія силъ. И, въ то же время, Лассаль отнюдь не ограничиваетъ понятія соотношенія силъ понятіемъ военныхъ и финансовыхъ средствъ, какъ это обычно дѣлается. Онъ имѣетъ въ виду всю совокупность дѣятельныхъ силъ страны. Кромѣ рессурсовъ правительства, онъ принимаетъ во вниманіе и глубже лежащія основы правительственной власти, хозяйственный строй и духовную жизнь страны,—неорганизованную силу народа, какъ превосходно выражается Лассаль. Изъ лекціи Лассаля видно, что хотя онъ и былъ больше юристомъ, нежели политико-экономомъ, хотя онъ и прибѣгалъ часто къ отвлеченному юридическому языку, онъ, все же, прекрасно понималъ тѣсную связь между правомъ и хозяйственной жизнью народа. Онъ прекрасно понималъ, что правовыя учрежденія, кореннымъ образомъ противорѣчащія хозяйственной жизни народа, необходимо должны пасть съ теченіемъ времени. Со свойственной всѣмъ научнымъ умамъ способностью заглядывать въ корень вещей, Лассаль увѣренно вскрываетъ предъ своими слушателями характеръ тогдашней конституціонной жизни Пруссіи. Онъ показываетъ, въ чемъ была тогда

-слабость и сила народныхъ массъ, по отношенію къ прусскому правительству. Онъ показываетъ, какъ слѣдовало бы отнестись, при такихъ условіяхъ, къ военнымъ проектамъ правительства. Послѣднее хотѣло увеличить войско, но еще больше хотѣло оно сдѣлать его послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля Въ то время, когда конституціонный конфликтъ между правительствомъ и народными представителями обозначился еще очень слабо, Лассаль уже вполнѣ опредѣленно заявлялъ, что все это, въ сущности, является лишь вопросомъ силы, и правительство и его органы дѣйствуютъ, въ этомъ случаѣ, такъ сознательно, съ такимъ практическимъ чутьемъ, какого совсѣмъ нѣтъ на сторонѣ народа. „На сторонѣ княжеской власти, господа, имѣются практическіе слуги, не краснобаи, а дѣльцы, какихъ можно было бы пожелать вамъ“.

Этими словами заканчивается лекція. Прусскихъ либераловъ она сильно задѣла. Они предпочитали, по крайней мѣрѣ, первое время, вести борьбу съ правительствомъ на чисто правовой почвѣ. Они принципіально были противъ того, чтобы, въ случаѣ нужды, предоставить рѣшеніе вопроса улицѣ. Для этого они не чувствовали себя достаточно сильными. Зато „Крестовая Газета“, органъ юнкерства и военной партіи, съ злорадствомъ привѣтствовала статью Лассаля. Чѣмъ больше конфликтъ между королемъ и либералами становился вопросомъ силы, тѣмъ скорѣе король долженъ былъ броситься въ объятія небольшой, но сильной троицы: изъ попа, юнкера и солдатчины, какъ она нашла себѣ выраженіе на страницахъ „Крестовой газеты“. Вѣдь вся городская буржуазія стояла въ это время на сторонѣ либерализма. Поэтому „Крестовая газета“ въ руководящей статьѣ отъ 8 іюня 1862 года постаралась воспользоваться этой лекціей, чтобы натравить короля противъ либеральнаго большинства палаты.

Когда Лассаль выступилъ со второй своей лекціей, конфликтъ между королемъ и палатой уже разразился. Лассаль старается выяснить, какая же сила можетъ быть, въ случаѣ нужды, къ услугамъ народныхъ представителей въ этой борьбѣ съ правительствомъ. Онъ говоритъ, что на вооруженное возстаніе разсчитывать, разумѣется, нельзя. Повидимому, теперь, лѣтомъ, онъ уже отказался отъ тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ раньше на толчокъ извнѣ. Зато онъ все еще сильно разсчитываетъ на международныя осложненія, хотя и съ другой стороны. Онъ предвидѣлъ то, что уже Бисмаркъ высказалъ откровенно въ сентябрѣ 1862 г. въ бюджетной комиссіи палаты депутатовъ. Это была его знаменитая рѣчь крови и желѣза. Лассаль предвидѣлъ, что вопросъ о единствѣ Германіи, все болѣе и болѣе

настоятельно требовавшій своего разрѣшенія, необходимо рѣшится на полѣ брани. И онъ предложилъ палатѣ такой проектъ борьбы съ правительствомъ, что въ смыслѣ радикализма онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ предложилъ, чтобы палата депутататовъ попросту объявила забастовку, до тѣхъ поръ, пока правительство не перестанетъ посягать на бюджетное право народнаго представительства. Другими словами, палата до тѣхъ поръ должна отсрочивать свои засѣданія, пока правительство не пойдетъ на уступки. Правительство,—продолжаетъ Лассаль,—можетъ, конечно, обойтись безъ конституціонализма, но не безъ видимости конституціонализма. Правительство, противъ котораго широкая масса его собственнаго населенія, не можетъ быть сильнымъ извнѣ. И если-бы передъ всѣмъ міромъ открыто было заявлено о противоконституціонномъ финансовомъ хозяйствѣ прусскаго правительства, то это было бы величайшимъ униженіемъ для него передъ другими державами. Тогда „при всякомъ внѣшнемъ осложненіи, оно необходимо подвергалось бы унизительнѣйшимъ и невыносимѣйшимъ щелчкамъ со стороны другихъ правительствъ“. Тогда оно очутилось бы въ невозможномъ и шаткомъ дипломатическомъ положеніи. Лассаль замѣчаетъ, что нечего опасаться, что такая политика, разсчитанная на внѣшнія затрудненія правительства, будто бы непатріотична. Политикъ, подобно естествоиспытателю, прежде всего долженъ принять въ соображеніе всѣ дѣйствующія силы, все, что есть.

„Сколько разъ, господа, — говоритъ дальше Лассаль, — приходилось мнѣ, при своихъ историческихъ изысканіяхъ, въ тиши кабинета, неопровержимѣйшимъ образомъ убѣждатся въ той великой истинѣ, что нельзя даже представить себѣ, какъ глубоко въ варварствѣ коснѣли бы до сихъ поръ и мы, и весь вообще міръ, если бы взаимное недоброжелательство и вражда правительствъ издавна не заставляли ихъ, вопреки своей волѣ, служить дѣлу прогресса“.

Кромѣ того, пораженіе нѣмецкихъ правительствъ еще не означаетъ дѣйствительной опасности для націи. Нѣмецкій народъ совершилъ великія культурныя дѣянія, которыя для всей Европы служатъ примѣромъ. И нѣтъ никакого основанія опасаться за его дальнѣйшее національное существованіе.

„Поэтому, если-бы мы оказались вовлеченными въ большую внѣшнюю войну, то въ ней могли бы, конечно, погибнуть наши отдѣльныя правительства—саксонское, прусское, баварское. Но, подобно фениксу, изъ ихъ пепла возсталъ бы несокрушимый нѣмецкій народъ. А вѣдь насъ можетъ интересовать только это“. Заявить то, что есть,—это начало всякой великой полити-

ческой дѣятельности. Тогда какъ политическая ограниченность всегда выражается въ замалчиваніи и затушевываній дѣйствительнаго положенія вещей. А потому, никакихъ затушевываній! Настойчиво отказываясь отъ продолженія засѣданій палаты, нужно во-очію показать этимъ всему міру истинное положеніе вещей. И чѣмъ дольше правительство станетъ упорствовать, тѣмъ позорнѣе будетъ, въ концѣ концовъ, его неизбѣжное пораженіе. И затѣмъ, никакихъ примирительныхъ фантазій, никакого новаго компромисса со старымъ абсолютизмомъ! Нужно одно: рукой за горло и колѣномъ на грудь!“

Либеральная партія и ея мелко-буржуазное демократическое лѣвое крыло совершенно не обратили вниманія на этотъ совѣтъ Лассаля и самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергли его. Въ то же время, прогрессивная „Берлинская Народная Газета“, не называя Лассаля по имени, такъ отдѣлала его, что было ясно, что и съ самимъ Лассалемъ не хотятъ имѣть дѣлъ. Доводы, приводившіеся противъ его предложенія, были довольно слабы. Прямо видно, что „Народная Газета“ не рѣшалась затрагивать кое-какихъ вопросовъ изъ тогдашняго положенія вещей. Только что образовавшаяся прогрессивная партія объединяла въ своихъ рядахъ слишкомъ разношерстную публику. И, потому, она не могла слѣдовать такой политикѣ, которая необходимо привела бы къ насильственному сопротивленію, еслибы правительство, вмѣсто того, чтобы выжидать, пошло дальше въ томъ же направленіи. Поэтому, прогрессивная партія ограничилась тѣмъ, что продолжала отказывать правительству въ утвержденіи бюджета. Это длилось до 1866 года, когда прусскія побѣды сильно укрѣпили положеніе правительства внутри страны. И либералы сочли своего рода милостью, когда правительство дало имъ возможность вотировать ему индемнитетъ за всѣ годы непрестаннаго нарушенія конституціи.

Эта полемика Лассаля съ прогрессивной партіей, по поводу его второй лекціи, привела къ разрыву съ тѣми буржуазно-радикальными газетами, какъ, напр., берлинская „Реформа“, которыя до этого еще предоставляли Лассалю свои страницы. Этому разрыву Лассаль посвятилъ небольшую статью подъ заглавіемъ: „Сила и право“. Какъ и вторая его рѣчь о конституціи, статья эта вышла отдѣльной брошюрой въ Цюрихѣ, въ изданіи Мейера и Целлера.

Между тѣмъ, третья его лекція, изъ прочитанныхъ весной 1862 года въ Берлинѣ, привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Благодаря берлинской прокуратурѣ, она, во всякомъ случаѣ, ускорила наступленіе того, чего желалъ достигнуть ею Лассаль.

Это его лекція: „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“, которую онъ издалъ въ видѣ брошюры съ надзаголовкомъ: „Программа работниковъ“. Лекція эта была прочитана 12 апрѣля 1862 года въ ремесленномъ обществѣ въ Берлинѣ, въ Ораніенбургскомъ предмѣстьи, въ такъ-называемомъ кварталѣ машиностроительныхъ рабочихъ, вѣроятно, передъ рабочей публикой. По своему содержанію, она обращается къ рабочимъ. Какъ уже можно судить по заголовку, лекція посвящена вопросу о значеніи рабочаго класса въ современномъ обществѣ. Она показываетъ, какъ, благодаря перемѣнамъ въ условіяхъ производства, вызваннымъ развитіемъ машинной техники, образовался современный рабочій классъ; какъ, благодаря своему классовому положенію, онъ представляетъ и долженъ представлять новый общественный принципъ, принципъ полнаго уравненія въ правахъ всѣхъ, принципъ отмѣны всѣхъ привилегій. Принципъ этотъ,—говоритъ Лассаль,—требуетъ, въ качествѣ формальнаго условія своего осуществленія, всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Это право народъ всегда долженъ разсматривать „какъ свое неизбѣжное политическое средство борьбы, какъ самое основное и наиболѣе важное изъ своихъ требованій“. Нравственнымъ содержаніемъ этого принципа является требованіе, чтобы общественная жизнь была построена на основѣ солидарности, общности и взаимности въ развитіи. И, наконецъ, принципъ этотъ требуетъ превращенія государства въ такое общество, которое „совершенно добровольно и съ полнѣйшей послѣдовательностью“ выполняло бы то, что до сихъ поръ исторгалось у него лишь по клочкамъ и въ крайне недостаточной степени: онъ требуетъ воспитанія и развитія рода человѣческаго къ свободѣ, полнаго осуществленія культуры, къ какой только способенъ родъ человѣческій. Въ противоположность всеобщему и прямому избирательному праву, въ государствѣ, гдѣ царитъ буржуазія, существуетъ цензовая избирательная система. Избирательное право она ставитъ въ зависимость отъ обладанія имуществомъ или доходомъ. И самой худшей формой такой избирательной системы является прусскій дарованный трехклассный избирательный законъ. Точно также и законодательство о налогахъ отражаетъ на себѣ буржуазный характеръ современнаго государства. Буржуазія развила систему косвенныхъ налоговъ до неслыханной степени. Громадную массу государственныхъ расходовъ она взвалила на плечи бѣднаго народа. Но, и помимо этого, буржуазное общество характеризуется тѣмъ, что всякаго рода права ставятся въ зависимость отъ собственности. А рабочій

классъ,—продолжаетъ Лассаль,—стремится къ уничтоженію всѣхъ этихъ ограниченій. Благодаря этому, рабочіе находятся въ счастливомъ положеніи. То, что является ихъ истиннымъ интересомъ, совпадаетъ съ движущимъ жизненнымъ принципомъ нравственнаго развитія. Рабочій можетъ, поэтому, отдаваться историческому развитію съ личной страстностью; онъ можетъ быть увѣренъ, что чѣмъ ярче и полнѣе захватитъ его эта страсть, тѣмъ болѣе нравственнымъ онъ будетъ. Рабочіе должны проникнуться этой мыслью. Пусть ея высокая нравственная строгость охватитъ все ихъ существо, пусть ихъ жизнь станетъ достойной ея! „Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ,—все это теперь недостойно васъ. Вы — скала, на которой созиждется церковь настоящаго!“

Эти слова являются центральнымъ мѣстомъ лекціи. И можно сказать, что никогда еще миссія рабочаго класса не превозносилась въ такихъ прекрасныхъ и сильныхъ, по своей образности, выраженіяхъ. Въ лекціи, конечно, имѣются и погрѣшности. Если Лассаль и въ заглавіи лекціи, да и въ самой лекціи постоянно говоритъ о рабочемъ сословіи, то онъ лишь прибѣгаетъ, въ данномъ случаѣ, къ обычному въ то время способу выраженія. Относительно истиннаго характера современнаго рабочаго класса онъ нисколько не заблуждался. Лассаль, конечно, зналъ, что „рабочее сословіе не есть сословіе въ смыслѣ старыхъ феодальныхъ сословій“. Слово сословіе онъ употребляетъ здѣсь просто какъ равнозначущее со словомъ классъ. Вплоть до нашихъ дней удержалось это словоупотребленіе для обозначенія профессіональныхъ группъ, какъ соціальныхъ слоевъ или подраздѣленій. Такъ, довольно часто говорятъ о сословіи учителей, о врачебномъ сословіи, о сословіи купцовъ и т. д. Но у Лассаля это словоупотребленіе носитъ нѣсколько иной характеръ. Обыкновенно, Лассаль, очень строго выбиралъ соотвѣтствующія выраженія. А потому, употребленіе слова „сословіе“ свидѣтельствуетъ о свойственной ему склонности, при обсужденіи соціально-политическихъ вопросовъ, всегда переходить на формально-юридическую точку зрѣнія. Такъ, напр., тѣ правовыя учрежденія, которыя буржуазія создала на одной изъ раннихъ ступеней своего развитія, онъ склоненъ былъ разсматривать, какъ вообще типичныя для буржуазнаго развитія. Т. е., онъ какъ бы превращаетъ ихъ въ нѣчто окаменѣлое. Это прекрасно видно изъ того, какъ Лассаль опредѣляетъ понятіе буржуа.

Онъ вполнѣ правильно отказывается причислять къ буржуа мѣщанина. Но если капиталистъ, по его мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ становится буржуа, когда обнаруживаетъ склонность превратить свою собственность,

капиталъ, въ условіе участія въ государственной власти, т. е., если рѣшающимъ моментомъ здѣсь является не экономическое положеніе лица, а его политическое правовое положеніе или даже только его политическіе взгляды,—то такое суженіе понятія совершенно несостоятельно. То, что имѣлъ въ виду Лассаль, само по себѣ, конечно, вполнѣ вѣрно. Онъ хотѣлъ отмѣтить здѣсь такую же разницу, какая существуетъ между дворяниномъ, который просто по своему происхожденію дворянинъ, и феодаломъ, который, опираясь на свое происхожденіе, пользуется феодальными правами или предъявляетъ на нихъ притязаніе. Но общія классовыя понятія нельзя суживать такимъ образомъ. Не касаясь нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей, которыя въ общемъ едва-ли имѣютъ какое-либо существенное значеніе,—эту лекцію слѣдуетъ признать мастерской. Она написана въ высшей степени понятнымъ языкомъ. Она свидѣтельствуетъ о дѣйствительно-научномъ проникновеніи въ историческія событія. Всякій, кто станетъ читать эту лекцію, не можетъ не поддаться увлекающему очарованію того истинно-возвышеннаго языка, какимъ она написана. Высокой пѣснью рабочаго класса можно назвать эту лекцію, и, какъ такая пѣснь, „Программа работниковъ“ будетъ долго жить, пока вообще будетъ на землѣ рабочее движеніе.

IX.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ ЛАССАЛЯ.

Рѣчь: „Наука и работники“ и статья о косвенныхъ налогахъ.

Въ своей лекціи Лассаль ни словомъ не обмолвился о насиліи. Онъ совершенно объективно говорилъ о классахъ, противоположныхъ рабочему классу. Самое провозглашеніе идеи рабочаго класса приняло въ его устахъ характеръ „призыва къ примиренію“. Онъ счелъ даже возможнымъ заявить рабочимъ, что „всякая собственность, однажды законно пріобрѣтенная, вполнѣ неприкосновенна и правомѣрна“. И, все же, Лассаль не избѣжалъ, въ этомъ случаѣ, обвиненія на основаніи пресловутаго параграфа стараго прусскаго Уголовнаго Уложенія о возбужденіи ненависти и презрѣнія. Лассаль отдалъ свою лекцію для напечатанія въ одну изъ берлинскихъ типографій. Но едва типографія представила полиціи обязательный экземпляръ, какъ послѣдняя тотчасъ же распорядилась конфисковать все изданіе въ 3.000 экземпляровъ. Только 50 экземпляровъ ускользнуло изъ рукъ по-

лиціи. Эти экземпляры были раньше доставлены типографіей Лассалю. Они такъ и остались неразысканными, несмотря на произведенный у него 28 іюня 1862 года домашній обыскъ. Противъ Лассаля было возбуждено уголовное дѣло, и 16 января 1863 года онъ предсталъ, въ качествѣ обвиняемаго, передъ Берлинскимъ Уголовнымъ Судомъ. Лассаль защищался самъ. Онъ произнесъ при этомъ тщательно обработанную рѣчь, которую и опубликовалъ затѣмъ подъ заглавіемъ: „Наука и работники". Подъ ударами мастерской діалектики Лассаля, отъ обвинительнаго акта не осталось камня на камнѣ. Особенно тяжко пришлось его автору, прокурору Шеллингу. Лассаль особенно донималъ его тѣмъ, что нерѣдко съ большимъ успѣхомъ пользовался противъ Шеллинга-сына словами Шеллинга-отца, философа. Господинъ Шеллингъ, который, конечно, зналъ о намѣреніи Лассаля, предусмотрительно уклонился отъ участія въ засѣданіи суда и замѣнилъ себя однимъ изъ своихъ помощниковъ. Засѣданіе носило довольно драматическій характеръ. Неоднократно происходили стычки между Лассалемъ и прокуроромъ и судьями. То судьи грозили Лассалю лишить его слова. То прокуроръ, совершенно сбитый съ толку, настаивалъ на примѣненіи къ нему этой мѣры. Но въ залѣ суда было очень много представителей литературы. А потому, судьи не рѣшались прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ. И, все же, несмотря на свою блестящую защиту, Лассаль былъ присужденъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію и къ покрытію судебныхъ издержекъ. Кромѣ того, противъ него возбудили новое обвиненіе—въ оскорбленіи прокурора Шеллинга. Дѣло это разбиралось 20 апрѣля 1863 г. въ четвертомъ отдѣленіи Берлинскаго Уголовнаго Суда. Лассаль былъ вновь присужденъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Прокуроръ требовалъ даже, въ качествѣ возмездія за оскорбленіе Шеллинга-сына, трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія. Но приговоръ этотъ, изъ-за формальныхъ погрѣшностей, былъ впослѣдствіи (29 октября 1863 г.) кассированъ Берлинскимъ Высшимъ Судомъ, и дѣло вновь возвращено въ первую инстанцію. Здѣсь оно, кажется, такъ и погибло изморомъ.

Что касается перваго приговора, то Лассаль обжаловалъ его въ высшій судъ. Свою апелляціонную жалобу Лассаль обосновываетъ въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Косвенные налоги и положеніе рабочихъ классовъ". Такъ какъ приговоръ призналъ наказуемыми главнымъ образомъ разсужденія Лассаля о классовомъ характерѣ системы косвенныхъ налоговъ, то центръ тяжести своей защиты Лассаль переноситъ на доказательство соотвѣтствующихъ положеній. Свою апелляціонную жалобу Лассаль написалъ въ формѣ рѣчи. Она появилась въ печати еще до суда, и на судѣ Лассаль прочиталъ

изъ нея лишь отдѣльныя мѣста. Это цѣлая статья о системѣ косвенныхъ налоговъ и объ ихъ вліяніи. Въ этомъ отношеніи, она очень хорошо выясняетъ суть дѣла. Многое въ ней до сихъ поръ не утратило своей цѣнности. Эта работа Лассаля является прекраснымъ плодомъ его политико-экономическихъ занятій, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Марксу. Въ результатѣ своей защиты, Лассаль добился того, что судъ хотя и призналъ (19 октября) его рѣчь наказуемой, но ограничился назначеніемъ денежной кары въ 100 талеровъ,—сумма незначительная для Лассаля.

Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что, кромѣ обѣихъ этихъ защитительныхъ рѣчей, Лассаль выпустилъ въ свѣтъ стенографическій отчетъ о разбирательствѣ дѣла въ судѣ первой инстанціи и довольно многословный разборъ вынесеннаго ему приговора. То и другое появилось въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Лассалевскій уголовный процессъ“, вторая и третья части.

Затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на замѣчательное различіе въ тонѣ, какое замѣтно въ обѣихъ защитительныхъ рѣчахъ, по отношенію къ буржуазнымъ классамъ. Въ первой рѣчи слышится еще примирительный тонъ. „Мы, буржуазія и работники,—читаемъ мы въ заключительныхъ строкахъ рѣчи,—мы члены одного народа и вполнѣ единодушны противъ нашихъ угнетателей!“ Но во многихъ мѣстахъ второй рѣчи чувствуется уже борьба противъ либеральной буржуазіи. Тогдашніе представители ея экономической теоріи изображаются, какъ современные варвары. Они съ величайшей охотой уничтожили бы, въ интересахъ эксплоатаціи, и самое государство. Если бы было возможно, они до крайнихъ предѣловъ сократили бы судъ и полицію. И войны они стали бы вести при помощи акціонерныхъ кампаній. „Древній неугасимый огонь всякой цивилизаціи, государство“,— восклицаетъ здѣсь Лассаль, обращаясь къ своимъ судьямъ, — „защищаю я вмѣстѣ съ вами противъ этихъ современныхъ варваровъ“.

Въ это время уже началась открытая борьба между нимъ и прогрессивной партіей.

X.

ОСНОВАНІЕ ОБЩЕГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА.

„Гласный отвѣтъ".—„Къ рабочему вопросу".—Книга для чтенія рабочихъ.

Выше я упоминалъ, что лѣтомъ 1862 года Лассаль посѣтилъ Лондонъ. Изъ одного письма Маркса къ Ж. Б. фонъ-Швейцеру отъ 1868 года видно, что Лассаль уже въ это время бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ планахъ относительно агитаціи среди рабочихъ, которую онъ хотѣлъ развить въ широкихъ размѣрахъ. Марксъ говоритъ, что онъ совѣтовалъ Лассалю не выдвигать на первый планъ требованія о всеобщемъ избирательномъ правѣ и о государственномъ кредитѣ производительнымъ товариществамъ.

Въ это же лѣто въ Лондонъ пріѣзжали различныя делегаціи нѣмецкихъ рабочихъ. Ихъ привлекла сюда выставка. Большинство изъ нихъ находилось подъ вліяніемъ либераловъ. Позднимъ лѣтомъ того же года, 25 августа, въ Берлинѣ состоялось рабочее собраніе, на которомъ машиностроительный рабочій Эйхлеръ, одинъ изъ посѣтившихъ Лондонъ, читалъ докладъ о выставкѣ. На этомъ собраніи было рѣшено созвать конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ. Такая же резолюція была принята еще на другихъ шести собраніяхъ, происходившихъ въ различныхъ частяхъ города. Наконецъ, на одномъ заключительномъ собраніи былъ избранъ комитетъ изъ 25 лицъ, на обязанности котораго лежало созвать конгрессъ. 22 октября берлинская „Народная Газета" опубликовала, въ отдѣлѣ фельетоновъ, воззваніе этого комитета, приглашавшее на конгрессъ. Подъ воззваніемъ значилась 21 подпись. Программа конгресса была намѣчена такая:

1 и 2. Созданіе свободы промышленности и свободы передвиженія по всей Германіи.

3. Обсужденіе и выработка основныхъ уставовъ для ассоціацій и инвалидныхъ кассъ для всѣхъ рабочихъ.

4. Устройство всемірной промышленной выставки въ Берлинѣ.

Какъ ни невинна была эта программа и какъ ни пристойно звучало, съ буржуазной точки зрѣнія, предпосланное ей довольно расплывчатое введеніе,—оно, все же, породило страхъ среди тогдашнихъ либеральныхъ вождей. Въ томъ же нумерѣ „Народной Газеты", гдѣ появилось воззваніе, была напечатана, съ редакціонной санкціи, статья извѣстнаго вождя прогрессивной партіи, А. Штрекфуса, который настойчиво заклиналъ рабо-

чихъ, въ виду напряженнаго политическаго положенія, отказаться отъ мысли о конгрессѣ. Конгрессъ можетъ пойти на пользу только реакціи. Въ настоящую же минуту всѣ силы народа должны быть посвящены борьбѣ за конституцію.

Однако, статья эта не имѣла желаннаго успѣха. Рабочіе не хотѣли отказываться, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отъ своей идеи. И, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, согласились предоставить рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе собранія, которое должно было состояться 2 ноября.

Въ это же время, а кое-гдѣ и раньше, началось броженіе среди нѣмецкихъ рабочихъ. Такъ это было въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, Магдебургѣ, Нюрнбергѣ, Гамбургѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ Лейпцигѣ, въ рабочемъ образовательномъ обществѣ, уже по веснѣ 1862 года дѣло дошло до раскола. Болѣе радикальные члены, среди нихъ рабочіе Фритче и Фальтейхъ химикъ докторъ Отто Даммеръ и профессоръ Россмесслеръ образовали отдѣльное общество подъ названіемъ „Впередъ". Въ своемъ сочиненіи: „Фердинандъ Лассаль и нѣмецкое рабочее движеніе", Фальтейхъ разсказываетъ что уже лѣтомъ 1862 г. въ этомъ обществѣ ходили по рукамъ брошюры Ласссаля „О сущности конституціи" и „Программа работниковъ". Онѣ читались на собраніяхъ и производили очень сильное впечатлѣніе. Навѣрное, и въ другихъ мѣстахъ рабочіе читали ихъ.

Идея всеобщаго нѣмецкаго рабочаго конгресса нашла себѣ приверженцевъ и въ Лейпцигѣ. Для этой цѣли здѣсь былъ избранъ комитетъ. Къ нему-то и обратился Эйхлеръ изъ Берлина. Затѣмъ онъ самъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ. Онъ порицалъ прогрессивную партію и утверждалъ, что фактически знаетъ, что прусское правительство готово кое-что сдѣлать для рабочихъ и для начала согласно дать 30.000 талеровъ для основанія производительныхъ товариществъ. Но это заявленіе привело къ совершенно иному результату, чѣмъ разсчитывалъ Эйхлеръ: оно лишь заставило относиться къ нему съ подозрѣніемъ. На собраніе, долженствовавшее состояться въ Берлинѣ 2 ноября, было рѣшено послать, въ качествѣ делегатовъ, Фритче и Фальтейха.

Собраніе было очень многолюдно и носило крайне бурный характеръ. Рабочіе громко жаловались на попытки опекать ихъ. Фритче и Фальтейхъ, до собранія ведшіе переговоры съ вождями прогрессивной партіи, говорили въ примирительномъ тонѣ. Рабочіе въ борьбѣ за политическую свободу будутъ стоять на сторонѣ прогрессивной партіи. Конгрессъ необходимо отсрочить до конца января. Наконецъ, при всеобщемъ одобреніи, сталъ говорить прогрессивный депутатъ, Шульце-Деличъ, который былъ очень популяренъ, какъ поборникъ товарищескаго движенія. Онъ выразилъ согласіе,

въ видахъ подготовленія конгресса, прочитать нѣсколько лекцій объ отношеніи капитала къ труду. Онъ вполнѣ согласенъ съ тѣми, заявилъ онъ, кто считаетъ демократію за пустую фразу, если она не ведетъ къ улучшенію участи рабочихъ классовъ. Послѣ этого говорили еще нѣкоторые другіе рабочіе. А затѣмъ было постановлено: конгрессъ, какъ этого хотѣли лейпцигскіе рабочіе, отсрочить и поручить лейпцигскому комитету озаботиться его созывомъ.

Уже въ это время была сдѣлана попытка познакомить лейпцигскихъ депутатовъ съ Лассалемъ. Одинъ пріятель Отто Даммера, молодой берлинскій демократъ, впослѣдствіи фабрикантъ, Людвигъ Лёве, старался ввести ихъ въ домъ Лассаля. Но, какъ сообщаетъ Фальтейхъ, Лассаля трудно было застать дома. И, благодаря этому, на первое время все ограничилось письменными сношеніями между Лассалемъ и лейпцигскими делегатами. Эти послѣдніе, т. е. Фальтейхъ, Фритче и ихъ близкіе друзья, собственно говоря, рѣшительно не были склонны итти на поводу у прогрессивной партіи. Но они не чувствовали въ себѣ достаточной силы, чтобы открыто порвать съ ней. Поэтому, на первое время все дѣло ограничилось выраженіемъ пожеланія, чтобы Національный Союзъ партіи, включавшій въ свои ряды почти всѣхъ ея видныхъ членовъ, измѣнилъ свой уставъ и понизилъ сумму взноса, такъ чтобы и рабочіе могли вступать въ него членами. А затѣмъ къ вождямъ было предъявлено требованіе, чтобы они выставили въ программѣ Союза лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Но оба эти пожеланія встрѣтили у нихъ мало сочувствія. Вожди Національнаго Союза отнюдь не были склонны допускать въ свою среду значительное число рабочихъ. Очевидно, имъ очень не понравилось то, что произошло въ Берлинѣ и Лейпцигѣ, а также во Франкфуртѣ на Майнѣ и Гамбургѣ. Въ отвѣтъ, рабочіе услышали, что они могутъ-де чувствовать себя почетными членами Національнаго Союза. Въ то же время, соглашались разбить годовой взносъ на мѣсячныя долги. Что касается всеобщаго избирательнаго права, то нѣкоторые вожди прогрессистовъ рѣшительно отвергли это требованіе. А другіе заявляли, что несвоевременно выставлять теперь такое требованіе. Впрочемъ, это послѣднее мнѣніе раздѣляли и многіе убѣжденные соціалисты,—въ томъ числѣ и радикально-настроенные рабочіе. Указывали на то, что во Франціи Луи Бонапартъ сумѣлъ одолѣть, при помощи всеобщаго избирательнаго права республику 1848 года и всегда имѣлъ въ палатѣ, къ своимъ услугамъ, послушное большинство. Это обстоятельство окончательно дискредитировало въ глазахъ многихъ радикаловъ систему всеобщаго избирательнаго права, конечно, при данномъ уровнѣ развитія народныхъ массъ. Дѣйствительно, не слѣ-

дуетъ забывать, что въ то время какъ политическое, такъ и экономическое развитіе громадной части рабочихъ Германіи было очень низко. Подавляющее большинство рабочихъ состояло изъ ремесленныхъ подмастерьевъ, для которыхъ положеніе подмастерья все еще служило переходной ступенью къ положенію самостоятельнаго мастера. У мастера они и жили и за его же столомъ ѣли. Они далеко не сознавали себя гражданами государства. Такими же глазами глядѣла на рабочихъ и тогдашняя буржуазія. Кичась своимъ образованіемъ, она глядѣла на нихъ сверху внизъ. Въ ея глазахъ всякій рабочій безразлично былъ несовершеннолѣтнимъ или самое больше полусовершеннолѣтнимъ существомъ. Отношеніе многихъ либераловъ къ рабочему движенію больше всего обусловливалось именно этой односторонней, крайне ограниченной оцѣнкой рабочаго. Гораздо меньшую роль играло здѣсь ясное сознаніе дѣйствительной классовой противоположности интересовъ.

Между тѣмъ, въ началѣ 1863 года, въ Кобургѣ тамошній руководитель Національнаго Союза, адвокатъ Федоръ Штрептъ, основалъ „Рабочую Газету“, которая велась въ довольно радикальномъ духѣ. На ея страницахъ время отъ времени стала появляться критика тѣхъ проектовъ, при помощи которыхъ Шульце-Деличъ и другіе представители либеральной экономической политики думали разрѣшить рабочій вопросъ. Здѣсь уже начинало сказываться прямое вліяніе Лассаля. Согласно его собственному желанію, его посѣтили въ это время Даммеръ и Фальтейхъ. Тутъ обсуждались тѣ проекты, съ какими Лассаль вскорѣ выступилъ офиціально. Будучи приверженцами Вейтлингскаго коммунизма, они отнюдь не находили ихъ слишкомъ радикальными. Наоборотъ, съ ихъ точки зрѣнія, въ нихъ мало было радикализма. Но и Лассаль по чистой совѣсти могъ бы заявить имъ, что въ своихъ истинныхъ намѣреніяхъ онъ идетъ гораздо дальше программы. Былъ намѣченъ такой планъ кампаніи. По возвращеніи въ Лейпцигъ, Даммеръ и Фальтейхъ побудили тамошній комитетъ по созыву конгресса выпустить воззваніе, въ которомъ онъ высказывался, подобно либераламъ, противъ поспѣшнаго созыва конгресса. Но цѣль здѣсь была иная. Одновременно съ обнародованіемъ этого возванія,—10 февраля 1863 года—комитетъ рѣшилъ обратиться къ Лассалю съ письменнымъ приглашеніемъ. Онъ ссылался при этомъ на высказанныя Лассалемъ въ „Программѣ работниковъ“ идеи. Онъ указывалъ, что среди рабочихъ царитъ полное разногласіе по поводу проектовъ Шульце-Делича. И потому онъ приглашаетъ Лассаля высказаться, въ какой ему угодно формѣ, какъ по рабочему вопросу вообще, такъ и о тѣхъ средствахъ, какими должны пользоваться рабочіе, и

въ особенности о значеніи ассоціацій. „Мы придаемъ",—гласитъ письмо,—„величайшее значеніе вашимъ взглядамъ, высказаннымъ въ указанной брошюрѣ, и, поэтому, мы сумѣемъ вполнѣ оцѣнить и ваши дальнѣйшія сообщенія".

На это письмо Лассаль отвѣтилъ брошюрой, помѣченной 1 марта 1863 года: „Гласный отвѣтъ центральному комитету, учрежденному для созыва общегерманскаго рабочаго Конгресса въ Лейпцигѣ". Появленіе этой брошюры знаменуетъ собой начало исторіи Общегерманскаго Рабочаго Союза.

Гласный отвѣтъ характеризуется всѣми положительными качествами, присущими сочиненіямъ Лассаля: легкая, доступная форма и хорошо продуманное, логически расчлененное построеніе. Съ политической точки зрѣнія, поведеніе прогрессивной партіи въ парламентѣ находитъ здѣсь такую же критику, какая была дана Лассалемъ въ его брошюрахъ: „Что же теперь?" и „Сила и право". Благодаря малодушному, непослѣдовательному поведенію этой партіи,—говоритъ Лассаль,—ни одинъ убѣжденный демократъ не можетъ оставаться въ ея рядахъ. Съ экономической точки зрѣнія, Лассаль рѣшительно противъ того, чтобы рабочіе убивали свое время на разрѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ свобода передвиженія и промышленная свобода, которые давно уже стали притчей во языцѣхъ. Равнымъ образомъ рѣчь идетъ не объ улучшеніи участи рабочихъ, какъ отдѣльныхъ личностей, а о повышеніи ихъ нормальнаго уровня, какъ класса— „всего рабочаго сословія". Но для этого недостаточно тѣхъ ассоціацій, какія основываются прогрессистомъ Шульце-Деличемъ. Кредитныя товарищества и т. п. разсчитаны на лицъ, ведущихъ мелкое производство, и на ремесленниковъ. Но сомнительно, чтобы они могли оказать помощь даже только ремесленному сословію. Потребительныя товарищества, правда, могли бы временно быть полезными для наемныхъ рабочихъ. Но и они безсильны создать прочное улучшеніе въ ихъ положеніи. Они безсильны противъ того факта, что, подъ вліяніемъ спроса и предложенія, заработная плата всегда снова низводится до уровня обычныхъ необходимыхъ для поддержанія жизни средствъ. Этотъ фактъ, этотъ желѣзный и жестокій законъ, опредѣляетъ, при капиталистическомъ хозяйствѣ, положеніе рабочихъ. Поэтому, если кто станетъ говорить имъ объ улучшеніи ихъ участи, то прежде всего они должны спросить его, признаетъ ли онъ этотъ экономическій законъ заработной платы, и что можетъ онъ предложить для его устраненія. Если онъ не признаетъ этого закона, то онъ или полный невѣжда или хочетъ обмануть ихъ. Если онъ не можетъ предложить никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, то онъ по-просту

болтунъ. Есть только одно дѣйствительное средство бороться противъ этого закона заработной платы: это, путемъ ассоціацій, превратить рабочее сословіе въ самостоятельнаго предпринимателя. Въ мелкомъ масштабѣ этого нельзя сдѣлать. А въ большомъ, за недостаткомъ у рабочихъ необходимыхъ средствъ, этого можно достигнуть только при содѣйствіи государства, которое должно ссудить рабочимъ необходимыя средства. Слово „государственная помощь“ не должно отпугивать рабочихъ, такъ какъ помощь со стороны государства не устраняетъ соціальной самопомощи. И что же такое, наконецъ, государство? Угнетенные классы составляютъ преобладающую массу населенія—96 процентовъ. „Ваша великая ассоціація, ассоціація бѣдныхъ классовъ—вотъ что такое государство“.

Конечно,—продолжаетъ Лассаль,—государство, какъ оно организовано въ настоящую минуту, не захочетъ протянуть рабочимъ руки помощи. Только путемъ всеобщаго и прямого избирательнаго права можно принудить его къ этому. Всеобщее избирательное право это не только политическій, но и основной соціальный принципъ рабочихъ, коренное условіе всякаго соціальнаго улучшенія. Поэтому рабочимъ необходимо организоваться въ большой Общегерманскій Рабочій Союзъ, который долженъ вести неустанную агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, по образцу англійской лиги противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Чтобы добиться опредѣленнаго практическаго результата, для этого необходимо всѣ силы сконцентрировать на одномъ пунктѣ. „Не оглядывайтесь ни направо, ни налѣво, будьте глухи ко всему, что не носитъ имени всеобщаго и прямого избирательнаго права, или что не связано съ этимъ и не ведетъ къ этому!.. Это для васъ: „Симъ побѣдиши!“ Другого знаменія для васъ нѣтъ!“

Таково содержаніе Гласнаго Отвѣта. Съ полнымъ правомъ писалъ Лассаль своему другу, Густаву Леви въ Дюссельдорфѣ: „Брошюра читается съ необычайной легкостью. Рабочему должно показаться, что онъ давно уже зналъ все это“. Брошюра, думалъ Лассаль, должна произвести такое же дѣйствіе, какое въ 1517 году произвели тезисы Лютера, прибитые имъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергѣ. Но, конечно, рабочее сословіе въ общемъ, быть можетъ, еще не вполнѣ созрѣло.

Но пока Гласный Отвѣтъ имѣлъ незначительный успѣхъ среди рабочихъ. Либеральная печать съ большимъ ожесточеніемъ напала на Лассаля. Ему ставили въ вину разъединеніе демократическихъ силъ. Желѣзный законъ заработной платы объявлялся ложнымъ. А идея объ ассоціаціяхъ

является будто бы лишь старой погудкой па новый ладъ. Это та же идея французскаго соціалиста Луи Блана, безплодность которой доказана неудачей французскихъ національныхъ мастерскихъ въ 1848 году. Оспаривали также точность приводимыхъ Лассалемъ статистическихъ данныхъ. Такъ какъ либеральные вожди пользовались въ это время большой популярностью, и въ ихъ рукахъ находилась распространенная въ народѣ печать,—то имъ легко удалось провести въ большинствѣ рабочихъ союзовъ резолюціи, направленныя противъ Лассаля. Сочиненія Лассаля встрѣчали сочувствіе только въ тѣхъ союзахъ, гдѣ уже образовалось ядро рабочихъ, приверженныхъ къ соціалистическимъ традиціямъ 1848 года.

Лассаль дѣлалъ все возможное, чтобы ослабить эту либеральную критику. 15 апрѣля 1863 года онъ держалъ рѣчь на одномъ большомъ собраніи въ Лейпцигѣ и пунктъ за пунктомъ разобралъ всѣ доводы своихъ противниковъ. Подробный отчетъ объ этой рѣчи былъ опубликованъ въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Къ рабочему вопросу“. На этомъ собраніи противъ Лассаля говоритъ учитель Саломонъ, прибывшій вслѣдъ за нимъ изъ Берлина. Лассаль легко побилъ его. Значительное большинство присутствовавшихъ присоединилось къ резолюціи, составленной въ его духѣ. Въ лейпцигской „Нѣмецкой Всеобщей Газетѣ“ Лассаль напечаталъ въ концѣ апрѣля статью подъ заглавіемъ: „Французскія національныя мастерскія 1840 года“. Онъ доказываетъ, что эти пресловутыя „національныя мастерскія“ не имѣли ничего общаго съ планомъ Луи Блана. Въ берлинской „Фоссовой Газетѣ“ за 12 мая онъ напечаталъ отвѣтъ на направленную противъ него статью гейдельбергскаго профессора политической экономіи, Карла Рау. Въ началѣ же мая, онъ напечаталъ въ различныхъ берлинскихъ газетахъ статью: „Голосъ профессора Губера по рабочему вопросу“. Лассаль старается воспользоваться въ своихъ интересахъ опубликованнымъ въ „Нѣмецкой Общинной Газетѣ“ письмомъ консервативнаго соціальнаго политика, Ф. А. Губера. Изо всѣхъ этихъ статей только первая была вполнѣ убѣдительна. Лассаль думалъ было опровергнуть разсужденія Рау о желѣзномъ законѣ заработной платы цитатами изъ его же собственнаго учебника. Но онъ совершенно игнорировалъ, при этомъ, многія другія его положенія, прямо относившіяся къ данному вопросу. А его попытка воспользоваться Губеромъ привела къ очень крупнымъ ошибкамъ по вопросу объ ассоціаціяхъ. Впослѣдствіи Губеръ безъ всякой пощады показалъ это въ статьѣ: „Работники и ихъ совѣтчикъ“.

Наряду съ этой публичной дѣятельностью, Лассаль развивалъ усиленную

пропаганду въ письмахъ. Онъ не хотѣлъ придавать новому союзу исключительно рабочаго характера. Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы привлечь въ его ряды различныхъ представителей буржуазіи. Ему не надоѣдало писать длиннѣйшіи письма, если только можно было разсчитывать привлечь въ Союзъ или, по крайней мѣрѣ, расположить въ его пользу кого-либо изъ ученыхъ или вообще какого-либо извѣстнаго человѣка. Иногда его старанія въ этомъ отношеніи не были лишены нѣкотораго комизма, когда онъ пытался, напр., превратить въ льва какого-либо филистера чистѣйшей воды. Но, въ общемъ. нельзя не питать къ нему живѣйшаго сочувствія, когда видишь, какъ много напрасныхъ усилій тратилъ онъ, чтобы привлечь на сторону движенія видныхъ людей или тѣхъ, кого онъ считалъ за таковыхъ. И, дѣйствительно, старанія его рѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Или все дѣло кончалось категорическимъ „нѣтъ“, или же, если и удавалось Лассалю вырвать у осаждаемаго имъ „да“, то затѣмъ послѣдній обыкновенно и думать забывалъ о Лассалевскомъ Союзѣ.

Къ числу тѣхъ, кто, несмотря на всѣ старанія Лассаля, въ концѣ концовъ, все же, отвѣтилъ холоднымъ нѣтъ, принадлежалъ и теоретикъ по соціальнымъ вопросамъ Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ. Какъ разъ въ это время Лассаль написалъ ему цѣлый рядъ писемъ, имѣющихъ большое значеніе для оцѣнки Лассаля, какъ политико-экономома. Какъ и многіе другіе ученые противники буржуазнаго манчестерства, Родбертусъ стоялъ близко къ Лассалю. Но, въ то же время, онъ рѣшительно былъ противъ всеобщаго избирательнаго права и противъ политическаго рабочаго движенія, Свои взгляды онъ высказалъ въ открытомъ письмѣ къ лейпцигскимъ рабочимъ. При этомъ, онъ обнаружилъ большую придирчивость по отношенію къ Лассалю. Родбертусъ былъ рѣшительнымъ противникомъ Лассалевской идеи объ ассоціаціяхъ и очень рѣзко нападалъ на него. И, дѣйствительно, разсужденія Лассаля о производительныхъ ассоціаціяхъ, которыя должны были основываться при содѣйствіи государственнаго кредита, страдали крупнымъ противорѣчіемъ. То это были индивидуалистическія ассоціаціи, въ духѣ Шульце-Делича, только въ болѣе широкомъ масштабѣ; то онѣ получали обликъ производительныхъ союзовъ, которые должны охватывать всѣхъ рабочихъ данной профессіи. Но, въ такомъ случаѣ, онѣ необходимо превратились бы въ своего рода монополіи, такъ какъ онѣ являлись бы предпріятіями не всего общества, а лишь извѣстной группы объединенныхъ въ ассоціацію рабочихъ. Поэтому, такому теоретику-мыслителю, какъ Родбертусъ, не трудно было загнать Лассаля, въ данномъ случаѣ, въ

туникъ. Въ другихъ отношеніяхъ, Лассаль показалъ своей письменной полемикой, что онъ можетъ помѣряться силами съ Родбертусомъ.

По поводу самой идеи объ ассоціаціяхъ здѣсь слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ.

Несомнѣнно вначалѣ Лассаль мало разработалъ этотъ вопросъ. Онъ самъ говоритъ, что требованіе государственной помощи для производительныхъ товариществъ онъ заимствовалъ изъ 1848 года, когда эта идея пользовалась популярностью среди народа. И, дѣйствительно, уже въ 1848 году, въ особенности въ Рейнской области, идея эта выдвигалась соціалистами. Нѣсколько позже та же идея появляется въ экономически болѣе развитой, по сравненію съ Германіей, Англіи, въ программѣ радикальнаго крыла чартистовъ, дружившихъ съ Марксомъ. Она является необходимымъ продуктомъ такого хозяйственнаго строя, который уже переросъ рамки мелко-буржуазнаго производства, но, въ то же время, цѣликомъ еще не захваченъ крупно-капиталистическимъ производствомъ. Благодаря этому, интересы рабочихъ не могутъ пріобрѣсти здѣсь общественнаго значенія. Особенно это наблюдается тамъ, гдѣ управленіе государствомъ и общиной находится еще цѣликомъ въ рукахъ имущихъ классовъ или въ рукахъ абсолютистской бюрократіи. При такихъ условіяхъ, производительная ассоціація является самымъ подходящимъ средствомъ для освобожденія рабочихъ отъ вольнонаемнаго рабства. И только при помощи государственнаго кредита производительная ассоціація могла бы подняться надъ мелкобуржуазнымъ уровнемъ. Вполнѣ понятно, что при такомъ общественномъ строѣ производительной ассоціаціи отдавалось предпочтеніе передъ потребительной. Рабочій,—особенно это слѣдуетъ сказать о восточно-эльбской Пруссіи во времена Лассаля,—игралъ ничтожную роль въ обществѣ въ качествѣ потребителя (ремесленный подмастерье вообще еще не былъ самостоятельнымъ потребителемъ). Въ то же время, мелочная торговля была очень тѣсно связана со всѣмъ общественнымъ укладомъ жизни. И понятно, что потребительныя товарищества почти всюду должны были наталкиваться на величайшія затрудненія. И Лассаль былъ правъ, когда утверждалъ, что выгода, какую отдѣльный рабочій можетъ получить отъ потребительнаго товарищества, снова ускользнетъ изъ его рукъ, благодаря усиленному давленію на его заработную плату. Пока рабочіе не обладаютъ сильными товарищескими организаціями, до тѣхъ поръ они не могутъ бороться настоящимъ образомъ противъ этого давленія на ихъ заработную плату.

Лассаль былъ очень невысокаго мнѣнія о товарищескихъ союзахъ. И

это обстоятельство точно также объясняется экономическимъ и политическимъ состояніемъ тогдашней Германіи, а въ особенности Пруссіи. Даже въ Англіи товарищества не могли въ то время похвастаться особенными успѣхами. Послѣ революціонной эпохи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, англійское товарищеское движеніе сильно пошло на убыль. Большинство организацій еще не обладало достаточной внутренней устойчивостью. Въ памяти Лассаля было еще живо воспоминаніе о борьбѣ англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ въ 1852 году. Объ этомъ мы узнаемъ изъ переписки Лассаля съ Марксомъ. Лассаль съ большимъ интересомъ слѣдилъ за этой борьбой. Несмотря на громадныя жертвы, она закончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ. Очевидно, Лассаль проглядѣлъ, что именно эта борьба блестящимъ образомъ доказала удивительную эластичность товарищескаго движенія. Но если бы даже онъ зналъ, какъ союзъ машиностроительныхъ рабочихъ, несмотря на свое пораженіе, все же, продолжалъ существовать и развиваться, — онъ усмотрѣлъ бы въ этомъ одну только упрямую настойчивость „со стороны товара-труда воображать себя человѣкомъ“. И тѣмъ скорѣе захотѣлъ бы онъ избавить нѣмецкихъ рабочихъ отъ этой „нищеты“,—его собственное выраженіе. Конечно, замѣтными успѣхами союзъ этотъ, несмотря на свое дальнѣйшее существованіе, похвастаться не могъ.

Однимъ словомъ, ошибки Лассаля, въ большинствѣ случаевъ, были ошибками его времени. Онѣ суть неизбѣжное отраженіе тогдашнихъ условій въ сознаніи соціалиста, который ясно представлялъ себѣ общія тенденціи развитія и былъ одушевленъ мыслью повести его дальше, организуя для этого рабочихъ и опираясь на содѣйствіе государства. Наряду съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, средствомъ демократизаціи государства являлся для Лассаля, главнымъ образомъ, принципъ государственной помощи, и притомъ въ широкомъ масштабѣ. Онъ связалъ это съ идеей организаціи рабочихъ производительныхъ товариществъ. Эта идея въ то время очень сильно занимала соціалистическіе умы. Два года спустя, мы вновь встрѣчаемъ ее въ составленномъ Марксомъ привѣтственномъ Адресѣ Международной Рабочей Ассоціаціи, а затѣмъ и въ резолюціяхъ конгресса этой ассоціаціи. Серьезной критики съ соціалистической точки зрѣнія проектъ Лассаля не встрѣтилъ въ то время. Не далъ такой критики и Марксъ. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Ж. Б. фонъ-Швейцеру Марксъ, въ сущности, говоритъ о такой разновидности Лассалевскаго проекта, противъ которой самъ Лассаль рѣшительно возставалъ. Онъ не касается также и экономическихъ недостатковъ проекта. Больше

давала, въ этомъ отношеніи, буржуазная критика. Такую критику далъ, между прочимъ, противникъ Лассаля, Шульце-Деличъ. Но и буржуазные критики Лассаля не могли произвести должнаго впечатлѣнія на рабочихъ, такъ какъ они не вскрыли основныхъ экономическихъ причинъ непригодности самой идеи производительныхъ товариществъ. Такая критика оказалась бы убійственной и для тѣхъ буржуазныхъ или мелкобуржуазныхъ проектовъ, какіе создавались въ связи съ вопросомъ о производительныхъ товариществахъ. Въ то же время, буржуазная критика уснащалась всевозможными прикрашиваніями буржуазнаго хозяйственнаго строя. Это обстоятельство и сыграло такую роковую роль для противниковъ Лассаля.

Все это ярко обнаружилось въ связи съ тѣми рѣчами, какія Лассаль произнесъ 17-го и 19-го мая 1863 года во Франкфуртѣ на Майнѣ. Результатомъ этихъ рѣчей было основаніе Общегерманскаго Рабочаго Союза. Различныя рабочія образовательныя общества Майнскаго округа, находившіяся подъ вліяніемъ буржуазныхъ руководителей, высказались противъ Лассаля. Вскорѣ послѣ этого, 19-го апрѣля, въ Редельгеймѣ состоялся рабочій съѣздъ. Докторъ Людвигъ Бюхнеръ прочелъ на немъ докладъ, вызвавшій оживленныя пренія. Нѣкоторые ораторы высказались за Лассаля. Затѣмъ, по предложенію Л. Зоннемана, было рѣшено черезъ четыре недѣли созвать второе собраніе и пригласить на него какъ Шульце-Делича, такъ и Лассаля. Шульце-Деличъ отказался пріѣхать, сославшись на недосугъ. Лассаль согласился и 17-го мая говорилъ на собраніи, гдѣ большинство присутствовавшихъ состояло изъ членовъ и делегатовъ рабочихъ союзовъ. Прочая же рабочая публика допускалась только на галлереи. Въ началѣ своей рѣчи, Лассаль высказалъ нѣсколько замѣчаній по этому поводу. Но онъ, очевидно, хотѣлъ только отмѣтить этимъ, что говорить ему приходится передъ публикой, которая въ большинствѣ своемъ была настроена противъ него враждебно, — какъ это обнаружилось при голосованіи въ отдѣльныхъ союзахъ. Вообще же говоря, въ такомъ распоряженіи не было ничего необычайнаго. Необычайнымъ было, наоборотъ, то, какъ прошло это собраніе. Лассаль воспользовался для своей рѣчи громаднымъ литературнымъ и статистическимъ матеріаломъ. Ему важно было отстоять противъ буржуазныхъ критиковъ свои положенія о желѣзномъ законѣ заработной платы. Онъ хотѣлъ доказать, что положенія эти признаются наукой и подтверждаются фактами. Не говоря уже о томъ, что споръ этотъ не могъ не коснуться нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, вопросъ объ уменьшающейся производительности земли,—самый матеріалъ Лассаля подавлялъ слушателей. А безконечныя

цитаты изъ различныхъ сочиненій, въ свою очередь, дѣйствовали угнетающимъ образомъ на нервы слушателей. Рѣчь Лассаля длилась уже около четырехъ часовъ. Все чаще стали раздаваться голоса, что пора кончать. И Лассаль самъ вынужденъ былъ оборвать рѣчь. Одинъ изъ его сторонниковъ, столяръ Гейманъ, заявилъ отъ его имени, что черезъ два дня онъ закончитъ свою рѣчь въ общемъ собраніи рабочихъ.

На этомъ второмъ собраніи Лассаль сперва развивалъ свои идеи объ ассоціаціяхъ и выяснялъ дѣйствительную связь между соціальными и политическими вопросами. Затѣмъ онъ перешелъ къ злободневнымъ вопросамъ и, съ обычной своей рѣзкостью, обрушился на прогрессивную партію. Вновь онъ подчеркивалъ, что не собирается основывать какой либо особенной классовой партіи рабочихъ, что онъ хочетъ только развернуть знамя демократіи, подъ которое одинаково призываетъ и буржуа и рабочихъ. Но рабочіе, въ силу своего классового положенія, призваны быть главной опорой демократіи. Именно потому, что въ основу политической свободы онъ кладетъ классовой интересъ, онъ создаетъ условія, которыя необходимо приведутъ къ побѣдѣ демократіи.

Эти слова, сказанныя Лассалемъ съ большимъ жаромъ, привлекли на его сторону значительную часть тѣхъ слушателей, которые до этого не были его сторонниками. Уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль во Франкфуртѣ велась нѣкоторыми соціалистами усиленная устная и письменная агитація въ пользу Лассаля. Среди нихъ былъ и вернувшійся изъ изгнанія изъ Лондона Бернгардъ Беккеръ. На собраніи была принята резолюція въ духѣ Лассаля. Противъ нея было лишь незначительное меньшинство сторонниковъ Шульце-Делича, которые и покинули залъ при кликахъ въ честь своего вождя.

Спустя день послѣ этого, Лассаль говорилъ на собраніи рабочихъ въ Майнцѣ, на которомъ, по словамъ Беккера, присутствовало около 700 человѣкъ. Здѣсь единогласно была принята его резолюція.

Черезъ три дня послѣ этого, 23 мая 1863 года, въ Лейпцигѣ, въ залѣ Пантеона, состоялось основаніе Общегерманскаго Рабочаго Союза. Одиннадцать городовъ (Барменъ, Дрезденъ, Дюссельдорфъ, Эльберфельдъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Гамбургъ, Гарбургъ, Кёльнъ, Лейпцигъ, Майнцъ, Золингенъ) были представлены всѣ вмѣстѣ двѣнадцатью делегатами. Кромѣ того, по особому приглашенію, въ обсужденіи принимали участіе Бернгардъ Беккеръ изъ Франкфурта, Карлъ Брунъ изъ Альтоны, д-ръ Эд. Левенталь изъ Лейпцига и проф. Вуттке изъ Лейпцига, а также и самъ Лассаль. Въ качествѣ гостя, присутствовалъ другъ Лассаля, Гансъ фонъ-Бюловъ. Союзъ былъ организованъ на строго централистическихъ началахъ. Произошло

это отчасти потому, что нѣмецкіе законы не допускали сношеній между политическими союзами. Руководительство принадлежало президенту, который избирался на пять лѣтъ (Этотъ пунктъ встрѣтилъ нѣкоторое сопротивленіе). Президентъ могъ назначать, въ случаѣ нужды, вице-президентовъ. Все это, конечно, въ томъ предположеніи, что президентомъ будетъ избранъ самъ Лассаль. И онъ, дѣйствительно, былъ избранъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного (Теодоръ Іоркъ изъ Гарбурга). Послѣ нѣкотораго колебанія, Лассаль согласился принять президентство. При президентѣ имѣлось правленіе, которое должно было состоять изъ 24 членовъ, распредѣленныхъ по всей Германіи. 14 членовъ правленія было избрано тотчасъ же, а остальныя мѣста были оставлены для тѣхъ городовъ, которые могли впослѣдствіи присоединиться къ союзу.

Все это было рѣшено въ закрытомъ засѣданіи. Затѣмъ вечеромъ состоялось публичное засѣданіе, на которомъ было около 600 рабочихъ. Здѣсь торжественно былъ открытъ Общегерманскій Рабочій Союзъ.

Одиннадцать городовъ, представленныхъ всего двѣнадцатью делегатами! По-истинѣ скромная цифра. Черезъ 14 дней послѣ этого—7 іюня 1863 года—во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, остававшихся подъ буржуазнымъ знаменемъ. 54 союза были представлены здѣсь 110 депутатами. Конечно, буржуазныя газеты имѣли тогда право издѣваться надъ „мертворожденнымъ дѣтищемъ“ Лассаля. Но уже Гервегъ пѣлъ о коммунистахъ:

„Не смѣйтесь надъ этой кучкой людей. Вѣдь римскій орелъ
Подъ ударами палъ еще меньшей кучки такихъ апостоловъ“.

И, дѣйствительно, въ Лейпцигѣ были лишь апостолы. А движеніе, зачатое ими, должно было современемъ привести въ трепетъ и орловъ.

XI.

НАЧАЛО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛАССАЛЯ ВЪ СОЮЗѢ И ПЕРЕМѢНА ТАКТИКИ.

Рѣчь по поводу „военныхъ смотровъ“ на Рейнѣ.

Но до этого было еще далеко. Молодому союзу предстояло еще позаботиться о своемъ дальнѣйшемъ ростѣ, объ увеличеніи числа своихъ членовъ. А для этого нужно было развить усиленную агитацію, нужно было продолжить то дѣло, какое было начато Лассалемъ. Т. е., нужно было

найти и разослать въ разныя стороны агитаторовъ и организаторовъ. Но для этого у молодого союза не было необходимыхъ денежныхъ средствъ. Союзъ основывалъ отдѣленія въ разныхъ мѣстахъ. Однако, число новыхъ членовъ было очень незначительно. Да и новые члены довольно-таки неисправно уплачивали свои членскіе взносы. Поступавшіе взносы далеко не обезпечивали существованія Союза. Понятно, при такихъ условіяхъ и думать было нечего о чемъ-либо крупномъ. Основатели Союза питали надежду, что Лассаль самъ дастъ необходимыя средства. Но они ошиблись на этотъ счетъ. Лассаль жилъ на широкую ногу, и все, что онъ получалъ, почти цѣликомъ уходило на его личные расходы. Союзу онъ ничего не могъ удѣлять. Кое-кого это стало смущать. Бернгардъ Беккеръ говоритъ о „скупости“ Лассаля. Но это невѣрно. Лассаль не тяготѣлъ къ деньгамъ ради денегъ. Въ этомъ случаѣ, сказывалась лишь двойственная натура Лассаля. Въ своемъ Гласномъ Отвѣтѣ онъ указываетъ нѣмецкимъ рабочимъ, какъ на образецъ, на агитацію англійской лиги противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Но и ему самому не мѣшало бы кое-чему поучиться у главы этой лиги, Ричарда Кобдена. Въ особенности ему недоставало простоты и спокойной выдержки послѣдняго. Временами онъ развивалъ сверхчеловѣческую дѣятельность. А затѣмъ наступалъ полный упадокъ силъ. Онъ жилъ, какъ буржуазный аристократъ, хотя и стоялъ во главѣ рабочаго движенія. Такимъ образомъ, его денежная помощь Союзу выражалась незначительными суммами. А на эти средства невозможно было разсылать по странѣ подходящихъ пропагандистовъ.

Зато Лассаль развиваетъ въ это время усиленную письменную дѣятельность. Онъ усиленно хлопочетъ о томъ, чтобы привлечь на сторону союза „извѣстностей“. Онъ всячески убѣждаетъ многихъ старыхъ демократовъ 1848 года присоединиться къ союзу. Когда ему удавалось это, онъ охотно назначалъ подходящихъ лицъ на высокіе посты въ союзѣ. Такъ, Георга Гервега онъ назначилъ главнымъ уполномоченнымъ для Швейцаріи. Адвоката Мартини въ Каукемелѣ, который, въ бытностъ свою депутатомъ ландтага, высказался въ пользу его предложенія о парламентской забастовкѣ, онъ назначилъ главноуполномоченнымъ для Восточно-Прусской провинціи. Но если бы Лассаль поступилъ даже обратно, т. е., назначилъ Гервега, жившаго въ Цюрихѣ, уполномоченнымъ для Восточной Пруссіи, а Мартини, жившаго въ Каукемелѣ, уполномоченнымъ для Швейцаріи,—то ущерба отъ этого для Союза не было бы никакого. Оба они одинаково доказали свою неспособность вербовать новыхъ членовъ для Союза и, вообще, были для него совершенно безполезны. Такая же участь постигала Лассаля и въ

другихъ случаяхъ съ извѣстными представителями демократіи. Изъ болѣе видныхъ людей, примкнувшихъ къ Союзу, кромѣ упомянутыхъ, слѣдуетъ прежде всего назвать Моисея Гесса, одного изъ первыхъ борцовъ за соціализмъ въ Германіи; затѣмъ франкфуртскаго адвоката, Ж. Б. фонъ-Швейцера, который уже раньше создалъ себѣ имя нѣкоторыми своими работами.

Мы не собираемся давать здѣсь исторіи Общегерманскаго Рабочаго Союза. Мы хотимъ лишь дать оцѣнку дѣятельности Лассаля, какъ руководителя Союза. Поэтому, мы не можемъ останавливаться на заслугахъ многихъ лицъ изъ рабочаго класса и мелкой буржуазіи, которыя съ самаго начала примкнули къ новому движенію. Мы скажемъ лишь коротко: если что и было сдѣлано для Союза въ первые годы, помимо Лассаля, то все это цѣликомъ падаетъ на долю этихъ «безымянныхъ».

Документъ, извѣщавшій о назначеніи адвоката Мартини главноуполномоченнымъ, помѣченъ 27 іюня 1863 года. Во вступленіи къ нему сообщается, что Лассаль предпринимаетъ путешествіе на воды и, на время своего отсутствія, назначаетъ вице-президентомъ Союза д-ра Отто Даммера, Со времени основанія Союза прошло всего пять недѣль, и сообщеніе о путешествіи на воды — такъ оно и было буквально сказано—необходимо должно было вызвать насмѣшки со стороны противниковъ. Оно не могло не поразить и рабочихъ, такъ какъ цѣликомъ расходилось съ тѣми представленіями, какія имѣлись у нихъ на счетъ вождя рабочаго класса. Путешествіе на воды въ то время еще больше, чѣмъ нынѣ, считалось барской затѣей. Да и остальное содержаніе извѣщенія подавало поводъ къ насмѣшкамъ. Съ какой-то особенной торжественностью перечисляетъ Лассаль достигнутые союзомъ успѣхи: юстиціи совѣтникъ Вагенеръ изъ Крестовой Газеты—высказался въ одной рѣчи въ пользу основанія промышленныхъ совѣтовъ, съ рабочими представителями, для урегулированія заработной платы; а Шульце-Деличъ возвѣстилъ объ основаніи трехъ производительныхъ товариществъ, для чего имущими классами было дано, въ видахъ обезпеченія кредита, 100.000 талеровъ, Конечно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Лассаль могъ еще съ нѣкоторымъ правомъ говорить объ уступкѣ, которая была вынуждена конкуренціей съ нимъ. Но совершенно иначе обстояло дѣло съ проектами Вагенера. Здѣсь не было конкуренціи съ Лассалемъ. Здѣсь совершенно явно сказывалось желаніе воспользоваться, ради консервативныхъ цѣлей, поднятой Лассалемъ агитаціей. Лассаль могъ находить неудобнымъ, по тактическимъ соображеніямъ, подчеркивать эту сторону Вагенеровскаго проекта. Но, въ такомъ случаѣ, лучше было совсѣмъ мол-

чать, нежели произносить это напыщенное привѣтствіе, которое легко могло вызвать подозрѣніе, что онъ ведетъ игру вмѣстѣ съ консерваторами противъ либеральной оппозиціи.

Но Лассаль уже въ это время носился съ мыслью воспользоваться, такъ или иначе, для своихъ цѣлей, борьбой между правительствомъ, т. е., консерваторами, и прогрессивной партіей.

Политическія событія, имѣвшія мѣсто за почти трехмѣсячное пребываніе Лассаля на водахъ, еще болѣе укрѣпили его въ этомъ намѣреніи. Лассаль въ это время велъ очень дѣятельную жизнь. Онъ поддерживалъ оживленную переписку съ Фальтейхомъ, секретаремъ Союза, а также съ другими его членами и съ массой другихъ лицъ, которыя были близки ему въ политическомъ отношеніи. Изъ переписки съ Фальтейхомъ выяснилось, что число членовъ Союза растетъ гораздо слабѣе, чѣмъ разсчитывалъ Лассаль. Онъ не только не обогналъ Національльный Союзъ, но далеко, очень далеко остался позади него. Если бы Лассаль разсчитывалъ на постепенный ростъ движенія, путемъ неустанной агитаціонной дѣятельности, то эти медленные шаги вначалѣ нисколько не смутили бы его. Но онъ вѣрилъ, что сила его слова, убѣдительная сила его сочиненій какъ бы изъ земли исторгнутъ цѣлое массовое движеніе. А этого не было тотчасъ же,— и онъ считалъ себя сильно скомпрометтированнымъ и сталъ думать о томъ, какъ бы наверстать эту неудачу другими путями.

Въ это время, въ Пруссіи особенно сильно обострился конфликтъ между правительствомъ и парламентскимъ большинствомъ. Въ палатѣ депутатовъ министры не разъ встрѣчали къ себѣ враждебное отношеніе. Президенты палаты рѣшались даже фактически лишать ихъ слова. Распущеніе палаты и назначеніе новыхъ выборовъ едва-ли ослабило бы оппозицію. Каждые новые выборы приносили еще болѣе тяжкое пораженіе для правительства. Наконецъ, весной 1863 года, въ концѣ мая, правительство, не видя никакого другого исхода, неожиданно закрыло палату. Спустя четыре дня послѣ этого—1 іюля 1863 года—былъ изданъ новый указъ о печати. За злостное изображеніе распоряженій правительства, послѣ двукратнаго предостереженія, газеты могли быть пріостановлены впредь до особаго усмотрѣнія.

Распоряженіе это вызвало бурю негодованія. Но громадное большинство газетъ покорилось своей участи. Въ газетахъ перестали появляться руководящія статьи. Такъ какъ указъ могъ имѣть силу только до открытія палаты, то этимъ способомъ думали легче всего отпарировать этотъ ударъ, разсчитанный на причиненіе матеріальнаго ущерба оппозиціонной

прессѣ. Между тѣмъ повсюду въ странѣ въ честь депутатовъ устраивались блестящіе банкеты, которые закончились громаднымъ банкетомъ въ Кёльнѣ 18 и 19 іюля. Сюда, между прочимъ, были приглашены и президенты палаты депутатовъ. Затѣмъ 21 и 22 августа во Франкфуртѣ на Майнѣ состоялся общій съѣздъ депутатовъ. Онъ высказалъ рѣзкое порицаніе поведенію прусскаго правительства, которое отказалось принять участіе на конгрессѣ князей, созванномъ австрійскимъ императоромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. На этомъ конгрессѣ имѣлось въ виду обсудить предложенную австрійскимъ правительствомъ реформу Германскаго Союза.

Надо всѣмъ этимъ сильно издѣвались тѣ газеты, которыя находились подъ вліяніемъ берлинскаго правительства. Онѣ высмѣивали трусость либеральныхъ газетъ, которыя не безъ умысла подчинились стѣсненію. Онѣ острили по поводу того, что отосланные правительствомъ по домамъ депутаты позволяли чествовать себя какъ героевъ. Онѣ обвиняли въ моральной измѣнѣ отечеству тѣхъ участниковъ съѣзда депутатовъ, которые были родомъ изъ Пруссіи. Въ то же время, дѣлались намеки на то, что депутаты вовсе и не выражаютъ воли страны, такъ какъ, при трехклассной избирательной системѣ, истинное мнѣніе страны не можетъ найти для себя надлежащаго выраженія.

При такомъ именно положеніи вещей и была написана Лассалемъ, во время пребыванія на водахъ, новая рѣчь. Еще до отъѣзда отсюда онъ рѣшилъ предпринять своего рода военный смотръ силамъ Союза въ рейнскихъ общинахъ. При этомъ, онъ имѣлъ въ виду произнести только что написанную имъ рѣчь. И онъ, дѣйствительно, говорилъ ее 20, 27 и 28 сентября, въ первый разъ въ Барменѣ, затѣмъ въ Золингенѣ и, наконецъ, въ Дюссельдорфѣ. Эта рѣчь озаглавлена: „Празднества, пресса и франкфуртскій съѣздъ депутатовъ. Три показателя общественнаго настроенія“. Бернгардъ Беккеръ разсказываетъ, что Лассаль, приготовляя свою рѣчь для печати въ Дюссельдорфѣ, замѣтилъ своему другу, Густаву Леви: „То, что я пишу здѣсь, я пишу только для двухъ-трехъ господъ въ Берлинѣ“. Бернгардъ Беккеръ отнюдь не безусловно достовѣрный свидѣтель, но, въ данномъ случаѣ, ему можно повѣрить. Рѣчь, дѣйствительно, была разсчитана для двухъ людей въ Берлинѣ. И это были: Бисмаркъ и король прусскій. Лишь принимая все это во вниманіе, можно какъ слѣдуетъ понять эту рѣчь и дать ей должную оцѣнку.

Вся эта рѣчь отъ начала до конца является пламеннымъ вызовомъ по адресу прогрессивной партіи. Дѣйствительно, прогрессивная печать самымъ

ожесточеннымъ образомъ травила Лассаля. Она не ограничивалась одной идейной борьбой противъ него. Она не брезгала исполненными ненависти личными на него нападками. Она изображала его въ видѣ болтуна-полузнайки, въ видѣ политическаго авантюриста. Она даже заподозрила въ немъ тайнаго правительственнаго агента. Все это въ высшей степени должно было ожесточить Лассаля. Къ тому же, со многими прогрессивными вождями онъ былъ въ личной враждѣ. Но все это еще не объясняетъ того тона, въ какомъ была написана рѣчь. По поводу указанныхъ выше пунктовъ, Лассаль слѣва обвиняетъ прогрессистовъ въ томъ же самомъ, въ чемъ справа обвиняла ихъ правительственная печать. Правда, Лассаль мотивируетъ иначе. Центръ тяжести его разсужденій кроется въ томъ, что прогрессисты недостатачно энергично дѣйствовали противъ правительства; что у нихъ не хватило мужества, не взирая ни на что, вооружиться самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ противъ него. Но результатомъ этихъ нападокъ могло быть только то, чего правительство особенно желало въ настоящую минуту, то, въ чемъ оно особенно нуждалось: умаленіе въ глазахъ народа значенія оппозиціи прогрессивной партіи. Лассаль, конечно, въ концѣ концовъ, высказался за поддержку прогрессистовъ на выборахъ, которые въ это время только что были объявлены. Въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ приходилось бы выбирать между прогрессистомъ и сторонникомъ правительства, онъ рекомендовалъ отдавать предпочтеніе прогрессисту. Но, при безсиліи Союза, это не имѣло никакого практическаго значенія. Для Лассаля, въ то же время, было важно склонить правительство въ пользу измѣненія избирательной системы. Поэтому, въ своей рѣчи онъ особенно сильно напираетъ на то, что настоящая прусская конституція лишена всякаго законнаго права. Протесты либераловъ противъ нарушенія конституціи онъ объявляетъ „крикомъ лицемѣрія“ и „измѣной правамъ народа“. Присяга короля этой конституціи не имѣетъ ровно никакого значенія. Вся борьба палатскаго большинства изъ-за конституціи не имѣетъ для демократіи „никакого принципіальнаго значенія“. Наоборотъ, демократія заинтересована въ томъ, чтобы прусская конституція „возможно скорѣе исчезла съ лица земли“. Но „пока еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, до тѣхъ поръ для насъ въ высшей степени важно, съ тактической точки зрѣнія, чтобы эта борьба между реакціей и прогрессистами продолжалась дольше“. „Господинъ Бисмаркъ уже позаботится о томъ, чтобы прогрессивныя деревья не доросли до небесъ“. „А намъ, слѣдовательно, въ случаѣ нужды, необходимо поза-

ботиться о томъ, чтобы реакція не проглотила прогрессистовъ“ (Полное собраніе сочиненій Лассаля, т. 2, стр. 661).

Нисколько не погрѣшая противъ самой строгой исторической объективности, мы можемъ принять всѣ эти слова Лассаля за своего рода приманку, при помощи которой онъ думалъ склонить берлинское правительство въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что Лассалю и во снѣ не снилось какимъ-либо образомъ связывать себя съ правительствомъ. Только соображенія политической тактики заставили его держать такія рѣчи. И, словно музыка, должны были онѣ ласкать слухъ берлинскаго правительства. Мы можемъ не касаться вопроса, дѣйствительно ли Бисмаркъ уже въ это время подумывалъ, въ случаѣ нужды, сдѣлать опытъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ поговаривали. И Лассаль, и его подруга, Софія фонъ-Гацфельдъ, имѣли достаточно хорошія связи, чтобы знать, что творится на Вильгельмштрассе въ Берлинѣ. Носились слухи, что тамъ собираются внести нѣкоторыя измѣненія въ избирательное право. И вполнѣ понятно, что Лассаль, съ своей стороны, хотѣлъ укрѣпить это намѣреніе. Его слова: „Пока еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, и пока мы, благодаря этому (!), еще не въ состояніи занять самостоятельнаго положенія, до тѣхъ поръ мы, все же, будемъ поддерживать, въ случаѣ нужды, прогрессистовъ“,—эти слова, съ ихъ „благодаря этому“, являются, съ этой точки зрѣнія, наилучшимъ предувѣдомленіемъ по адресу Берлина. Онъ ничего не обѣщаетъ, онъ ничего не говоритъ о томъ, о какомъ именно „самостоятельномъ положеніи“ идетъ, въ данномъ случаѣ, рѣчь. Онъ даетъ только понять правительству, что пока у рабочаго класса нѣтъ избирательнаго права, до тѣхъ поръ правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на рабочую партію.

Можно ли упрекать Лассаля за эти шаги по адресу правительства? Можно ли упрекать его за то, что свою рѣчь онъ пріурочилъ къ этой цѣли?

На этотъ вопросъ отвѣтить не легко. Лассаль началъ рискованную игру. Правда, онъ не давалъ обязательствъ. Однако, въ своей рѣчи онъ зашелъ такъ далеко, что раскрылъ передъ другими и свои слабыя стороны и слабыя стороны своей партіи. Неважно, если онъ выставилъ, въ то же время, въ ложномъ свѣтѣ дѣятельность прогрессистовъ. Но важно то, какъ онъ отнесся къ конституціонному конфликту. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это былъ исключительно историческій споръ: была ли прусская конституція, съ формальной точки зрѣнія, законна, или нѣтъ. Конституція

существовала, она пустила корни въ жизни и служила той почвой, на какой велась борьба изъ-за основного вопроса всякой политической жизни, борьба изъ-за бюджетнаго права народнаго представительства. Лассаль ни словомъ не упоминаетъ въ своей рѣчи, что борьба велась изъ-за этого права. Онъ умалчиваетъ объ этомъ важномъ пунктѣ, такъ какъ иначе ему трудно было бы изобразить этотъ конституціонный конфликтъ въ видѣ какихъ-то пустяковъ, до которыхъ совсѣмъ нѣтъ дѣла народу. Положеніе вещей въ то время было далеко не таково. И это сознавалъ весь народъ, поскольку его вообще занимали политическіе вопросы. Во всякомъ случаѣ, послѣ этой рѣчи Лассаля, вполнѣ понятно, если берлинскіе рабочіе срывали Лассалевскія собранія и проявляли къ нему личную непріязнь. Съ этой стороны рѣчь Лассаля была безусловно предосудительна.

Но лишь съ этой стороны. И то же самое слѣдуетъ сказать и объ указанныхъ выше побочныхъ пунктахъ. Что же касается остального, а въ особенности только что описанной тактики, то, въ этомъ отношеніи, Лассаль не заслуживаетъ никакихъ упрековъ. Конечно, справедливо, что въ то время завоеваніе или обезпеченіе за народнымъ представительствомъ бюджетнаго права имѣло большее значеніе, нежели достиженіе всеобщаго избирательнаго права. При тогдашней неразвитости громадной массы населенія, въ палату легко могли проникнуть, по крайней мѣрѣ, на первое время, еще болѣе худшіе элементы. Такъ оно и было во Франціи въ 1848 году. Но если принять въ соображеніе, какъ смотрѣлъ Лассаль на всеобщее избирательное право,—а чтобы правильно судить о какомъ-либо политикѣ, необходимо принять въ расчетъ его исходныя точки зрѣнія,— то тактикѣ Лассаля нельзя будетъ отказать въ правильности. На всеобщее избирательное право онъ смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ почти всѣ тогдашніе либеральные демократы и соціалисты. Онъ внимательно слѣдилъ за избирательной борьбой во Франціи. Онъ зналъ, что всякіе новые выборы тамъ, несмотря на неблагопріятныя условія борьбы (давленіе со стороны префектовъ, ограниченія печати и права собраній), приводили, съ демократической точки зрѣнія, къ лучшимъ результатамъ, по сравненію съ предыдущими. И, благодаря этому, онъ твердо вѣрилъ въ воспитательную силу всеобщаго избирательнаго права. Возможно, что, въ данномъ случаѣ, онъ такъ же переоцѣнивалъ, какъ другіе не дооцѣнивали. Разумѣется, о вліяніи всеобщаго избирательнаго права нельзя судить по тѣмъ результатамъ, какіе оно даетъ въ настоящее время. Въ настоящее время соціальная группировка общества стала совершенно иной. Но, во всякомъ случаѣ, мы

должны признать за Лассалемъ больше права, чѣмъ за тѣми, кто въ то время попросту отвергалъ всеобщее избирательное право, или разсматривалъ его какъ безразличную вещь. Всеобщее избирательное право, несомнѣнно, сыграло крупную роль въ дѣлѣ политическаго воспитанія рабочаго класса. Оно послужило въ его рукахъ могучимъ орудіемъ для утвержденія въ жизни его политическаго вліянія. Лассаль понялъ это значеніе всеобщаго избирательнаго права, онъ рѣзко подчеркнулъ это,—и въ томъ его величайшая заслуга.

Затѣмъ, тактика Лассаля отчасти находитъ себѣ оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что его прогрессивные противники обсуждали рабочій вопросъ съ утрированно-манчестерской точки зрѣнія. Трудно представить себѣ что-либо болѣе наивное, чѣмъ это обычное для тогдашней либеральной печати обсужденіе соціализма и рабочаго вопроса. И то же самое преподносили всюду либеральные ораторы. Въ то время, либерализмъ въ Пруссіи стоялъ цѣликомъ подъ вліяніемъ капиталистическаго манчестерства. И, поэтому, съ рабочей точки зрѣнія, могло казаться довольно безразличнымъ, кто стоитъ во главѣ правительства. Будетъ ли это либеральное министерство, которое превратило бы государство въ акціонерное общество предпринимателей,—какъ опредѣлилъ государство одинъ изъ тогдашнихъ крупнѣйшихъ представителей экономическаго либерализма. Или же во главѣ государства станетъ старая бюрократія, которая сохранила еще нѣкоторыя изъ лучшихъ традицій просвѣщеннаго абсолютизма. Юнкерство и промышленные рабочіе были въ то время, въ экономическомъ отношеніи, еще совершенно безопасны другъ для друга. Легко могло случиться, что кто-либо изъ руководителей юнкерства пожелалъ бы играть въ Германіи роль соціальнаго политика, какимъ въ Англіи былъ лордъ Шефтсбери, извѣстный защитникъ рабочихъ. Однимъ словомъ, былъ цѣлый рядъ соображеній, которыя или совсѣмъ не существовали для Лассаля, или имѣли для него побочное значеніе. Такова была мысль объ усиленіи консерваторовъ, что въ глазахъ либеральнаго буржуа являлось, наоборотъ, своего рода національнымъ бѣдствіемъ.

Такимъ образомъ, нисколько не измѣняя себѣ самому, Лассаль могъ и дальше довольно спокойно слѣдовать той же политикѣ. Но одного онъ не долженъ былъ дѣлать: эта политика не должна была превращаться въ его рукахъ въ простую *азартную игру*. Какъ вождь образующейся партіи, онъ долженъ былъ считаться съ ея политическими чувствами и ея политическимъ воспитаніемъ. А всякая азартная игра необходимо должна была, въ этомъ отношеніи, сыграть ту или иную отрицательную роль. Объ

этомъ Лассаль позабылъ. У него не хватало терпѣнія итти къ созданію партіи путемъ постепенной и медленной работы. Онъ самъ однажды писалъ Софіи фонъ-Гацфельдъ, что чувствуетъ себя слишкомъ большимъ для такой мелкой работы въ интересахъ Союза. Онъ хотѣлъ добиться успѣха путемъ натиска. И такъ какъ это не удавалось на обычномъ пути агитаціи, то онъ хотѣлъ достигнуть того же самаго путемъ игры. Въ этомъ случаѣ, онъ тщательно и съ поразительнымъ остроуміемъ велъ свои расчеты. Но это, все же, была и г р а. А разъ началась игра, то легко было выпустить изъ рукъ руководящую нить всякой серьезной работы.

Это сказалось уже на второмъ собраніи, на которомъ была произнесена интересующая насъ здѣсь рѣчь. Это собраніе происходило въ Золингенѣ, 27 сентября. На немъ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ. Собраніе было бурное. Дѣло дошло до рѣзни. Рѣчь Лассаля длилась всего три четверти часа,—какъ жандармъ объявилъ собраніе закрытымъ. Лассаль протестовалъ. Спустя пять минутъ послѣ этого, явился самъ бургомистръ въ сопровожденіи вооруженныхъ жандармовъ и полицейскихъ и заставилъ прекратить собраніе. Лассаль былъ крайне возмущенъ. Въ сопровожденіи громадной толпы народа, онъ отправился на телеграфъ и послалъ такую телеграмму:

„Министру-президенту фонъ-Б и с м а р к у, Берлинъ.

Прогрессивный бургомистръ, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ ружьями жандармовъ и нѣсколькихъ полицейскихъ съ обнаженными шашками, только что распустилъ, безъ всякаго законнаго повода, созванное мною рабочее собраніе. Я тщетно протестовалъ, ссылаясь на законъ о союзахъ. Я едва удержалъ народъ—около 5.000 человѣкъ въ большой залѣ Стрѣлковаго общества и нѣсколько тысячъ внѣ ея стѣнъ—отъ насилія. Меня сопровождали на телеграфъ жандармы и десять тысячъ народа, которые думали, что я арестованъ. Знамя эльберфельдскихъ рабочихъ конфисковано. Прошу о самомъ строгомъ, самомъ быстромъ законномъ удовлетвореніи.

Ф. Л а с с а л ь“.

Трудно повѣрить, что Лассаль самъ постарался довести до свѣдѣнія публики эту телеграмму. Его собственный отчетъ объ этомъ появился въ „Дюссельдорфской Газетѣ“, редакторомъ которой былъ его личный другъ, Пауль Линдау. Какъ самое число присутствовавшихъ на собраніи, такъ и проявленное ими сочувствіе къ Лассалю сильно раздуты. Въ отчетѣ приводится и самый текстъ телеграммы. Она служитъ яркимъ показателемъ

того, какъ сильно Лассаль начиналъ уже въ это время утрачивать чувство политическаго такта. Какое дѣло было министру до политической партійной окраски бургомистра? Зачѣмъ была она ему нужна? И какое отношеніе имѣло все это происшествіе до министра-президента? Какъ могъ онъ вмѣшаться въ вопросы управленія? Какое „строжайшее“ удовлетвореніе могъ онъ дать законнымъ порядкомъ и „возможно быстрѣе?“ Одна безтактность слѣдуетъ за другой. И противники Лассаля прямо получали въ руки такой матеріалъ, который выставлялъ Лассаля въ глазахъ демократическихъ массъ союзникомъ правительства.

И едва ли эта телеграмма была составлена Лассалемъ въ пылу страсти, когда нѣтъ уже возможности серьезно обдумать что-либо. Навѣрное, онъ все хорошо обдумалъ на пути отъ собранія до телеграфной конторы. Онъ лучше всякаго другого зналъ, что Бисмаркъ не является надлежащей инстанціей для жалобы на бургомистра. Лассаль имѣлъ при этомъ въ виду нѣчто другое. Ему представлялся, такимъ образомъ, удобный случай послать Бисмарку уже начавшую печататься рѣчь, въ концѣ которой, между прочимъ, помѣщенъ и отчетъ изъ „Дюссельдорфской Газеты“. Для Лассаля имѣли большое значеніе и указанное тамъ громадное число присутствовавшихъ на собраніи и описаніе того бурнаго сочувствія, какое проявила по отношенію къ нему толпа. Въ Берлинѣ должно было получиться впечатлѣніе, что, по крайней мѣрѣ, въ Рейнской области у Лассаля имѣется уже громадная армія сторонниковъ.

XII.

ОСАДА БЕРЛИНА И — БИСМАРКА.

Обращеніе къ берлинскимъ рабочимъ и процессъ о государственной измѣнѣ.

Агитація на Рейнѣ не оправдала ожиданій Лассаля относительно увеличенія числа членовъ Общегерманскаго Рабочаго Союза. Правда, по возвращеніи въ Берлинъ, 15-го октября 1863 года, онъ писалъ Родбертусу: „Я едва въ силахъ передать вамъ, какъ благопріятно сложились дѣла на Рейнѣ. Во много разъ лучше, чѣмъ я могъ мечтать въ самыхъ смѣлыхъ своихъ грезахъ“. Но, на самомъ дѣлѣ, число вновь поступавшихъ членовъ было гораздо ниже того, что ожидалось. Разсчитывали, по крайней мѣрѣ, на 2.000 членовъ, а, въ дѣйствительности, число это не достигло даже 500 человѣкъ. Лассалю пришлось отказаться отъ намѣренія говорить

въ Гамбургѣ, такъ какъ уже въ Дюссельдорфѣ онъ такъ сильно охрипъ, что не могъ даже закончить своей рѣчи.

Въ Берлинѣ Лассаль вновь взялъ въ свои руки руководство Союзомъ. Въ то же время, онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы привлечь на его сторону въ столицѣ Пруссіи подобающее число приверженцевъ. „Прогрессисты здѣсь еще слишкомъ сильны. Но Берлинъ долженъ принадлежать мнѣ, прежде, чѣмъ протечетъ шесть мѣсяцевъ. Я поведу противъ него осаду",—говорится въ упомянутомъ письмѣ къ Родбертусу.

Этой осадѣ Берлина онъ посвятилъ небольшую брошюру, которую окончилъ за день до этого. Онъ отпечаталъ ее въ количествѣ 16.000 экземпляровъ подъ заглавіемъ: „Къ берлинскимъ рабочимъ. Обращеніе отъ лица рабочихъ Общегерманскаго Рабочаго Союза". Въ этой брошюрѣ онъ сильно нападаетъ на обѣ прогрессивно-демократическія газеты Берлина,—„Народную Газету" и „Реформу",—которыя помѣщали тенденціозно-злостныя корреспонденціи о его рейнскихъ собраніяхъ. Онъ вновь повторяетъ здѣсь тѣ обвиненія, какія уже были высказаны имъ противъ прогрессивной партіи на этихъ собраніяхъ. Ссылаясь на все свое прошлое и на характеръ своихъ сочиненій, онъ крайне рѣзко отвергаетъ выставленное противъ него подозрѣніе, что онъ служитъ реакціи. Въ качествѣ доказательства несостоятельности этого обвиненія, Лассаль приводитъ мнѣніе одного изъ своихъ противниковъ, корреспонденцію съ Нижняго Рейна, появившуюся въ радикальной „Южнонѣмецкой Газетѣ". Корреспонденція эта, несомнѣнно, принадлежала перу позднѣйшаго автора „Рабочаго вопроса", чудному Фридриху Альберту Ланге. Корреспонденція бичуетъ близорукость реакціонеровъ, которые заигрываютъ съ Лассалемъ. Число его приверженцевъ на Рейнѣ растетъ ежедневно. Это люди изъ совершенно другого тѣста, они исполнены совершенно другихъ страстей, чѣмъ сторонники прогрессивной партіи. „Мы не знаемъ,—говорится въ корреспонденціи,—увидимъ ли мы когда нибудь, что на защиту конституціи двинется войско изъ членовъ гимнастическихъ обществъ и стрѣлковъ. Но мы знаемъ одно, что если все останется по старому, то Лассалевское рабочее войско не оставитъ камня на камнѣ отъ нынѣшней конституціи Германіи. Во всякомъ случаѣ, это слѣдуетъ сказать о скипетрѣ, коронѣ, звѣздахъ и прочихъ игрушкахъ".

Около 13.000 экземпляровъ этой брошюры уже успѣло разойтись по рукамъ, какъ вдругъ полиція конфисковала остальные экземпляры и возбудила противъ Лассаля преслѣдованіе. Въ результатѣ этого оберъ-прокурoръ Аделунгъ предъявилъ къ нему 4-го февраля 1864 года обвиненіе въ при-

готовленіи къ государственной измѣнѣ, въ поношеніи монархіи и въ оскорбленіи министерства.

Брошюра не встрѣтила отклика среди берлинскихъ рабочихъ. Лучшая и жаждавшая образованія часть ихъ въ то время принадлежала къ Шульцевскому ремесленному союзу. Многіе даже не хотѣли брать ее даромъ Правда, собранія Лассаля временами довольно охотно посѣщались публикой. Но отчасти это были лица, приходившія затѣмъ, чтобы устраивать безпорядокъ. Благодаря этимъ безпорядкамъ, которые устраивались отчасти подъ вліяніемъ буржуазіи, а отчасти подъ вліяніемъ полиціи, Союзу неоднократно приходилось мѣнять свое помѣщеніе. Но, все же, число новыхъ членовъ къ концу ноября 1863 года возрасло до 200. Но какъ все это было непрочно, это видно изъ того, что уже къ началу февраля 1864 года число членовъ снова упало до 35. Да къ тому же, больше половины изъ нихъ не принадлежали къ рабочимъ. Говоря современнымъ языкомъ, это были академики. Еще 30-го декабря 1863 года Лассаль писалъ Родбертусу, что осада Берлина увѣнчалась успѣхомъ. Союзъ имѣетъ уже въ Берлинѣ 230 человѣкъ. Онъ прочелъ теперь здѣсь уже третью лекцію, „на которой противники его ничѣмъ не заявили о своемъ существованіи“. Но все это было своего рода лицемѣріемъ. Противники отсутствовали потому, что собранія утратили для нихъ интересъ новизны, и прогрессисты убѣдились, что въ Берлинѣ Лассаль не можетъ имъ быть опасенъ. Чѣмъ дальше шла зима, тѣмъ меньше Лассаль могъ скрывать отъ себя, что „штурмъ Берлина“ ему не удался, по крайней мѣрѣ, на первое время.

Одновременно съ этимъ походомъ на демократическій Берлинъ, Лассаль предпринялъ другой походъ, на успѣхъ котораго онъ еще больше разсчитывалъ. Онъ имѣлъ въ виду привлечь на свою сторону человѣка, стоявшаго во главѣ прусскаго правительства. Такой именно характеръ носили переговоры Лассаля зимой 1863—64 года съ прусскимъ министромъ фонъ-Бисмаркомъ, впослѣдствіи княземъ Бисмаркомъ. Уже изъ Рейнской области онъ сдѣлалъ попытку завязать съ нимъ сношенія и съ этой цѣлью послалъ ему свою рѣчь о „военныхъ смотрахъ“. Теперь онъ добивался личнаго свиданія съ нимъ. Графиня Гацфельдъ лѣтомъ 1878 года сообщила тогдашнимъ редакторамъ берлинской „Свободной Прессы“, что посредникомъ, въ данномъ случаѣ, служилъ одинъ изъ членовъ королевской семьи, принцъ, имѣвшій свою резиденцію на Рейнѣ. Бисмаркъ оспаривалъ это въ засѣданіи рейхстага 17 сентября 1878 года. Онъ отрицалъ справедливость и другого заявленія графини Гацфельдъ, что онъ будто бы часто видался съ Лассалемъ. Но ему пришлось признать, что въ ту зиму

онъ неоднократно по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Лассалемъ, и что рѣчь шла о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Лассаль старался убѣдить Бисмарка, что, несмотря на все различіе ихъ точекъ зрѣнія, оба они одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы замѣнить трехклассную избирательную систему всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Лассаль сильно разсчитывалъ при этомъ на свой даръ убѣждать людей, въ который онъ безгранично вѣрилъ. Особенно большого сопротивленія Лассаль, въ данномъ случаѣ, не встрѣтилъ, хотя Бисмаркъ всегда высказывалъ сомнѣнія, или, быть можетъ находилъ ихъ у короля и у своихъ коллегъ—министровъ. Во всякомъ случаѣ, Бисмаркъ медлилъ, тогда какъ Лассаль сильно торопился.

Таково было положеніе вещей, когда 12 марта 1864 г. Лассаль предсталъ передъ судомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, за свою рѣчь „Обращеніе къ берлинскимъ рабочимъ". Защитникомъ Лассаля выступилъ другъ его, адвокатъ Гольтгоффъ. Но, въ сущности, Лассаль защищался самъ. Какъ всегда во время процессовъ, такъ и здѣсь дѣло не обошлось безъ разнаго рода стычекъ и столкновеній съ судьями и т п. Но наиболѣе замѣчательнымъ во всемъ этомъ разбирательствѣ было одно мѣсто въ защитительной рѣчи Лассаля, гдѣ послѣдній прямо возвѣщаетъ о государственномъ переворотѣ Бисмарка, о дарованіи имъ всеобщаго избирательнаго права. Лассаль говорилъ, что его обвиняютъ въ томъ, что онъ хочетъ добиться всеобщаго избирательнаго права и этимъ ниспровергнуть конституцію. Но, быть можетъ, не пройдетъ и года, и онъ—Лассаль—ниспровергнетъ конституцію. И при этомъ „не прольется ни капли крови, ни одна рука не поднимется для насилія". Крупная игра можетъ быть разыграна,—карты на столъ.

„И я возвѣщаю вамъ съ этого мирнаго мѣста, что, быть можетъ, не пройдетъ и года,—и господинъ фонъ-Бисмаркъ сыграетъ роль Роберта Пиля, и всеобщее избирательное право будетъ даровано! Я зналъ это уже въ тотъ первый день, когда началъ эту агитацію, обнародовавъ свой Гласный Отвѣтъ. И кто яснымъ взоромъ глядѣлъ на положеніе вещей, тотъ не могъ не видѣть этого".

Правительство сыграетъ роль Роберта Пиля „по очень простой причинѣ, такъ какъ ему ничего другого не остается".

Нескончаемая, смертная борьба началась между королевской властью и буржуазіей. Кто изъ нихъ уступитъ, тотъ „погибъ". Королевская власть не можетъ уступить какой-нибудь кликѣ, она не можетъ отдаться ей въ руки. Но она точно также не можетъ увѣковѣчить и даннаго нормальнаго по-

рядка вещей. И, такимъ оброзомъ, ей остается только одинъ выходъ: призвать на трибуну самый народъ и возстановить его право. На этотъ путь толкали и разыгрывавшіяся крупныя международныя осложненія, которыя вынуждали королевскую власть искать опоры въ народѣ. Тогдашняя конституція, тогдашняя избирательная система существовали не по праву, онѣ насильственно были дарованы королевской властью. Буржуазія,—продолжаетъ Лассаль,—безъ сопротивленія приняла этотъ даръ, „она съ ликованіемъ приняла и провозгласила правомъ страны это уничтоженіе народнаго права, эту особенную подачку, какую выбросила ей изъ милости королевская власть". Но „никто по доброй волѣ не согласится, чтобы ему повязали на шею петлю, которая и задушитъ его. За это никого нельзя упрекать. Нельзя упрекать и королевскую власть. Постоянно тѣснимая на путь „права", королевская власть вспомнила (Лассаль предполагаетъ здѣсь, что фактъ пожалованія уже совершился, и на его обязанности лежитъ защищать этотъ государственный переворотъ), что въ ея же собственныхъ интересахъ скорѣе вернуться на путь дѣйствительнаго права и призвать народъ на трибуну, нежели уступить какой-то кликѣ"... „Такимъ образомъ, тѣ, кто даровали всеобщее и прямое избирательное право, не только не являются уничтожителями права, а наоборотъ его возстановителями, возстановителями народнаго права. И если въ 1848 году существовало только всеобщее избирательное право, а не всеобщее и прямое избирательное право, а теперь введено и это послѣднее, то на это я возражу вамъ то самое, что уже крикнулъ однажды господинъ фонъ-Финке на соециненномъ Ландтагѣ 1847 года: Свободы народа—это заповѣдное имущество, которое никогда съ теченіемъ времени не можетъ уменьшиться, а всегда даетъ лишь приращеніе!

„Такъ, милостивые государи, защищался бы я самъ и сталъ бы защищать своихъ сотоварищей по обвиненію въ тотъ день, когда вы предъявили бы ко мнѣ обвиненіе въ интеллектуальномъ совиновничествѣ въ ниспроверженіи этой конституціи. И всю жизнь свою сталъ-бы я гордиться тѣмъ, что содѣйствовалъ возстановленію народнаго права въ большей степени чѣмъ это когда-либо, быть можетъ, удавалось другому частному лицу".

Съ этими словами Лассаль сѣлъ И судьѣ пришлось напомнить Лассалю, что ему необходимо еще высказаться по поводу остальныхъ нунктовъ обвиненія. Онъ послѣдовалъ этому приглашенію. Но рѣчь по поводу обвиненія въ государственной измѣнѣ была, въ сущности, уже закончена только что приведенными словами. Съ обѣихъ точекъ зрѣнія рѣчь, несомнѣнно, представляла собой мастерское произведеніе: какъ съ точки зрѣнія опроверженія

обвиненія въ призывѣ къ государственной измѣнѣ, такъ и съ точки зрѣнія воздѣйствія на короля и министровъ. Онъ нащупалъ слабую сторону королевской власти, онъ выяснилъ ей, что въ конституціонномъ конфликтѣ она не можетъ уже молча итти на уступки, не рискуя поплатиться своимъ престижемъ. Какъ онъ умѣло пріучаетъ ее къ мысли объ этомъ призывѣ къ народу. „Королевская власть какого-нибудь Луи Филиппа, королевская власть милостью буржуазіи, конечно, не могла бы этого сдѣлать“,— говоритъ Лассаль въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи. „Но королевская власть, которая еще не забыла о своемъ происхожденіи изъ иного первоначальнаго тѣста, которая еще опирается на рукоятку меча, легко могла бы это сдѣлать, если бы рѣшилась осуществить истинно великія, національныя и народныя цѣли“.

Лассаль преслѣдовалъ, въ данномъ случаѣ, вполнѣ опредѣленную цѣль,— и, съ этой точки зрѣнія, какъ это мѣсто, такъ и многія другія подобныя же мѣста въ его защитительной рѣчи довольно понятны и очень искусно построены. Но Лассаль все болѣе и болѣе измѣняетъ своей собственной точкѣ зрѣнія. Стоитъ только сравнить то, что онъ говорилъ шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ своей второй рѣчи о конституціи, по поводу конституціоннаго конфликта, съ соотвѣтствующими мѣстами изъ этой послѣдней рѣчи,—и вы легко усмотрите тотъ громадный переворотъ, какой совершился за это время въ Лассалѣ. Раньше онъ призывалъ къ парламентской забастовкѣ противъ королевской власти, которую слѣдуетъ заставить принять на себя невозможную роль открытаго абсолютизма, чтобы, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, принудить ее пойти на молчаливыя уступки. И затѣмъ: „никакого пардона: рукой за горло и колѣномъ на грудь!“ А теперь весь конституціонный вопросъ является лишь простымъ конфликтомъ съ какой-то кликой, до которой народу нѣтъ никакого дѣла. Раньше „Народная Газета“ клеймилась за то, что не хотѣла напрямки отказать королю въ средствахъ для организаціи войска,—а теперь Лассаль взываетъ къ королевской власти, „опирающейся на рукоятку меча“. Когда знакомишься съ этой рѣчью, то невольно начинаешь считать возможными тѣ слова, съ какими Лассаль будто-бы обратился четыре недѣли спустя послѣ этого къ своимъ партійнымъ друзьямъ, которыхъ онъ пригласилъ къ себѣ по случаю дня своего рожденія: „Обѣщайте мнѣ одно, друзья мои, что если когда-нибудь дѣло дойдетъ до борьбы между этой буржуазіей и королевской властью, то вы не станете на сторону буржуазіи“ (Цитировано Вильгельмомъ Бракке въ «Der Lassallesche Vorschlag»).

И, все же, Лассаль остался вѣренъ себѣ. Исторіи знакомы такія пре-

вращенія народныхъ вождей. Классическимъ примѣромъ этого можетъ служить левеллеръ Джонъ Лильборнъ, демократическій демагогъ, жившій слишкомъ за два столѣтія до Лассаля. Его характеръ и жизненная карьера вообще, очень сильно напоминаютъ послѣдняго. Какъ Лассаль боролся противъ прогрессистовъ, такъ Лильборнъ, непоколебимый борецъ за народный договоръ и за демократическое избирательное право, боролся въ 1647 году противъ Кромвелля. Послѣдній слишкомъ долго велъ всяческую дипломатію съ королевской властью, вмѣсто того, чтобы разомъ покончить съ ней. Но годъ спустя Лильборнъ уже готовъ былъ совмѣстно съ королевской властью бороться противъ Кромвелля, если только король обяжется выполнить народный договоръ. И ни одинъ историкъ не сомнѣвается въ честности и чистотѣ Джона Лильборна. Да и народъ до конца называлъ его „честнымъ Джономъ“. Близость къ королевской власти въ обоихъ случаяхъ была естественнымъ результатомъ растущаго озлобленія противъ ея тогдашнихъ противниковъ. Лассаль, впрочемъ, прекрасно сознавалъ это. Тамъ, гдѣ Лильборнъ дѣйствовалъ чисто импульсивно, онъ поступалъ съ полнымъ сознаніемъ. „Это старый законъ исторіи“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, „который много разъ проявлялъ свое дѣйствіе какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, что всѣ крайнія партіи питаютъ другъ къ другу какое-то естественное тяготѣніе, у нихъ есть какая-то естественная склонность, словно какое-то химическое сродство поддерживать другъ друга въ борьбѣ противъ партіи центра“. Онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ короля и консервативную партію, чтобы они оказывали ему содѣйствіе, какъ своему вольному союзнику. Но у него и въ мысляхъ не было отказываться отъ роли представителя крайней лѣвой. Несомнѣнно, Лассаль зналъ, что своей тактикой онъ играетъ въ очень опасную игру. Но онъ вѣрилъ, что въ его рукахъ достаточно много козырей, чтобы можно было рискнуть. Онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы въ любую минуту по своему желанію вернуться назадъ. Но онъ упустилъ изъ виду, что и для политика существуетъ законъ послѣдовательности, что лишь первый шагъ даетъ намъ полную свободу дѣйствія, что всѣ послѣдующіе шаги уже предопредѣлены первымъ. И здѣсь оправдывается то, что говорится въ „Фаустѣ“: при первомъ шагѣ мы свободны, а при второмъ мы рабы.

Высшая судебная инстанція, разбиравшая, согласно старому прусскому уголовному закону, настоящій процессъ, отвергла обвиненіе Лассаля въ государственной измѣнѣ и предоставила прокурору привлечь его по обвиненію въ другихъ пунктахъ передъ обыкновенными судами.

Неизвѣстно, было ли что предпринято въ этомъ направленіи. Но зато

въ іюнѣ 1864 года была заарестована изданная имъ въ видѣ брошюры защитительная рѣчь. И по этому поводу къ нему было предъявлено новое обвиненіе. Полиція, прокуратура и суды не щадили Лассаля. Одинъ процессъ смѣнялъ другой. Такъ, къ нему было предъявлено обвиненіе по поводу его рейнской рѣчи („Празднества, пресса“ и т. д.). Затѣмъ у него было безконечно много хлопотъ и столкновеній съ полиціей по поводу приказа о его приводѣ. И онъ, дѣйствительно, однажды былъ задержанъ полиціей. А Дюссельдорфскій земскій судъ приговорилъ его, на основаніи стараго параграфа о возбужденіи ненависти и презрѣнія, in contumaciam—заочно—къ году тюремнаго заключенія. Онъ обжаловалъ этотъ приговоръ, и дѣло вновь разбиралось лѣтомъ 1864 года. Такой свободой пользовался Лассаль, какъ бы постоянно находясь подъ топоромъ палача, постоянно рискуя попасть въ тюрьму. А его игра далеко еще не была выиграна, и Союзъ далеко еще не доказалъ своей жизнеспособности и продуктивности.

XII.

ГЛАВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ ЛАССАЛЯ.

„Бастіа-Шульце изъ Делича“ или „Капиталъ и Трудъ“.

Въ своей защитительной рѣчи въ процессѣ о государственной измѣнѣ Лассаль, между прочимъ, цитируетъ одно мѣсто изъ офиціозной „Сѣверогерманской Всеобщей Газеты,“ гдѣ на примѣрѣ Бельгіи доказывается, что буржуазія, въ политическомъ отношеніи, уже окончательно исчерпала себя. Лассаль замѣчаетъ по этому поводу: „Вы видите, господа, все это... отъ слова до слова, сравненія и самый способъ выраженія, цѣликомъ доказываютъ вліяніе моего новѣйшаго политико-экономическаго труда: „Господинъ Бастіа-Шульце или Капиталъ и Трудъ“. Даже прусское правительство,—говоритъ онъ дальше,—чувствуетъ себя „болѣе или менѣе“ вынужденнымъ говорить его языкомъ [1]).

Это сочиненіе было начато Лассалемъ еще во время его пребыванія на водахъ и закончено въ Берлинѣ. Какъ уже видно изъ самаго заглавія, сочиненіе это полемическое. Оно служитъ отвѣтомъ Лассаля на тѣ лекціи,

[1]) Дѣйствительно, Лассаль послалъ Бисмарку своего «Бастіа-Шульце», съ замѣчаніемъ, что въ этой книгѣ онъ найдетъ самое могучее оружіе противъ прогрессивной партіи. Приложеніе къ Бастіа-Шульце представляетъ собой одно сплошное надругательство надъ либеральной партіей и надъ либеральной печатью.

какія были прочитаны берлинскимъ рабочимъ прогрессивно-либеральнымъ депутатомъ, Шульце-Деличемъ, зимой 1862--1863 года. Эти лекціи стояли въ связи съ упомянутымъ выше собраніемъ въ концертномъ залѣ. Затѣмъ онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Глава изъ катехизиса нѣмецкаго рабочаго“. Въ послѣдней изъ своихъ лекцій Шульце-Деличъ рѣзко полемизируетъ противъ Лассалевскаго „Гласнаго Отвѣта“. „Бастіа-Шульце“ и было отвѣтомъ Лассаля на эту полемику.

Всѣ сильныя и слабыя стороны Лассаля сказались здѣсь особенно рѣзко. Сперва о недостаткахъ. Лассаль часто довольствуется одной крайне непріятной болтовней. Часто онъ доходитъ до искаженія мыслей своего противника. Онъ самъ отмѣтилъ у себя въ дневникѣ эту склонность, за недостаткомъ доводовъ, стараться перекричать противника. Эта черта сказалась и въ данномъ случаѣ: часто полемика его ничего не опровергаетъ, а просто старается перекричать. Лассаль не довольствуется доказательствомъ научной несостоятельности своего противника и его проектовъ. Въ концѣ концовъ, въ крайне грубой формѣ, заподозриваетъ онъ и чистоту его побужденій. Въ то же время, отъ существенныхъ возраженій Шульце противъ идеи производительныхъ товариществъ онъ отдѣлывается немногими бездоказательными утвержденіями.

Но недостатки книги искупаются ея блестящими достоинствами. Лассаль показалъ себя здѣсь человѣкомъ, который всюду, за что бы ни взялся, стремится проникнуть въ глубь вещей. И, вмѣстѣ съ Гёте, можно было бы сказать:

„ .... крайне далекій отъ всякой видимости,
онъ стремится только къ глубинѣ существъ“.

Шульце-Деличъ первоначально самъ былъ немножко соціалистомъ. Въ качествѣ соціалиста, онъ примкнулъ, въ первые годы реакціи послѣ 1848 года, къ товарищескому движенію, которое исходило тогда въ Германіи отъ соціалистовъ. Благодаря политическимъ преслѣдованіямъ и незрѣлости тогдашнихъ экономическихъ отношеній, движеніе это готово было совершенно замереть. Если прослѣдить съ самаго начала исторію Шульцевскихъ товариществъ, то мы натолкнемся здѣсь на послѣдніе отпрыски рабочихъ братствъ 1848 года. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Шульце, рабочія товарищества, эти порожденія братствъ, превратились въ ремесленныя товарищества. Только въ такой формѣ могли они привиться здѣсь. Вполнѣ понятно, что если обычнымъ вольнонаемнымъ рабочимъ является

старый ремесленный подмастерье, то время для рабочихъ товариществъ еще не приспѣло. Наиболѣе развитые изъ ремесленныхъ подмастерьевъ 1848 года въ большинствѣ случаевъ превратились въ ремесленныхъ мастеровъ. Именно къ ихъ нуждамъ все болѣе и болѣе приспособлялись стоявшія подъ руководствомъ Шульце товарищества. Успѣхи этихъ товариществъ и превратили, въ концѣ концовъ, Шульце-Делича въ мелкаго буржуа—правда, въ либеральнаго мелкаго буржуа. Съ такимъ мелко-буржуазнымъ міровоззрѣніемъ превосходно гармонировали политико-экономическія идеи французскаго экономиста, стоявшаго за свободу торговли, Фр. Бастіа. Идеи эти распространялись въ Германіи сторонниками свободной торговли. Его ученіе о гармоніи экономическихъ интересовъ, построенное съ такой подкупающей діалектикой, его популярно написанная защита специфически буржуазныхъ экономическихъ категорій, какъ капиталъ, деньги, процентъ и т. д., сдѣлались евангеліемъ и для Шульце. И вполнѣ понятно, поэтому, что, работая надъ своими лекціями для берлинскихъ рабочихъ, онъ очень усердно слѣдовалъ своему учителю, Бастіа.

Но Лассаль также былъ знакомъ съ Бастіа. Особенно онъ хорошо зналъ полемику Бастіа противъ Прудона по поводу справедливости процента. Кромѣ того, Лассаль былъ знакомъ и съ третьимъ „Соціальнымъ Письмомъ“ Родбертуса къ фонъ-Кирхману. „Письмо“ это было написано въ 1851 —1852 г. и содержало въ себѣ опроверженіе взглядовъ Бастіа. „Я читалъ его (это „Соціальное Письмо“) десять лѣтъ тому назадъ, но зато три раза кряду, съ величайшимъ вниманіемъ и постоянно подвергая себя самокритикѣ“,—пишетъ Лассаль 15 октября 1863 г. Родбертусу. Поэтому, онъ тотчасъ же услышалъ въ «катехизисѣ» Шульце знакомый голосъ Бастіа и легко могъ доказать, что Шульце, въ теоретическомъ отношеніи, лишь пережевываетъ автора „Экономическихъ гармоній“. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство едва ли можно было ставить въ вину Шульце, такъ какъ онъ и не думалъ преподносить какую-либо теорію собственнаго изобрѣтенія. Но Шульце упрекнулъ Лассаля въ недостаткѣ знаній. И Лассалю, поэтому, особенно важно было воочію показать научную не состоятельность Шульце. Это же обстоятельство объясняетъ намъ и самый надзаголовокъ книги, который грамматически едва-ли можетъ произвести пріятное впечатлѣніе: „Господинъ Бастіа-Шульце изъ Делича, экономическій Юліанъ“. Послѣдній эпитетъ указываетъ на то, что Шульце, въ экономической наукѣ, представляетъ собой тотъ же самый типъ, какимъ въ исторіи литературы является Юліанъ Шмидтъ.

Повторяемъ еще разъ, что если отвлечься отъ пошлыхъ выходокъ Лас-

саля противъ Шульце, то сочиненіе это, въ сущности, представляетъ собой критику буржуазно-либеральной экономіи, какъ она нашла себѣ классическое выраженіе въ лицѣ Бастіа. И съ этой точки зрѣнія, оно, безспорно, представляетъ очень крупное явленіе. Не то, чтобы оно во всемъ было правильно. Благодаря крайне личному характеру полемики, Лассаль нерѣдко слишкомъ усердствуетъ, желая во что бы то ни стало доказать, что противникъ извращаетъ факты или даетъ невѣрное опредѣленіе понятіямъ. То, что справедливо лишь наполовину или формулировано ошибочно, Лассаль изображаетъ какъ нѣчто совершенно ложное. Въ пылу борьбы противъ ошибочныхъ положеній, онъ иногда высказываетъ нѣчто такое, что, въ свою очередь, также далеко не соотвѣтствуетъ фактическому положенію вещей. Иногда онъ произвольно превращаетъ частный случай въ общее правило. Такъ что для критики и у него найдется достаточно матеріала. Но, въ общемъ, доказывая свои положенія,—а они составляютъ значительнѣйшую часть книги,—Лассаль обнаруживаетъ такое знакомство съ экономическими вопросами, даетъ такія тонкія опредѣленія экономическимъ понятіямъ, обнаруживаетъ такую глубину анализа и ясность изложенія,—что не такъ-то легко отыскать что-либо подобное въ экономической литературѣ. Лассаль далъ рабочимъ въ высшей степени цѣнную книгу для чтенія по экономическимъ вопросамъ. И въ этомъ отношеніи, трудно было бы переоцѣнить ея достоинства. Лассаль даетъ образецъ діалектическаго мышленія въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ научаетъ своихъ читателей слѣдовать этому методу мышленія. Здѣсь и помину нѣтъ о той поверхностной и расплывчатой манерѣ обсуждать экономическіе вопросы, какая такъ свойственна либеральнымъ популяризаторамъ. Лассаль не затушевываетъ противорѣчій, какъ это обычно дѣлаютъ послѣдніе. Ему чужды ихъ сознательное стремленіе прикрашивать дѣйствительное положеніе вещей и свойственная либеральному мышленію склонность въ одномъ понятіи совмѣщать всевозможныя вещи. Пройдя философскую и юридическую школу, онъ и въ политической экономіи показываетъ себя мастеромъ въ дѣлѣ строгаго подраздѣленія понятій. Кто изъ рабочихъ прочиталъ эту книгу, тотъ легко могъ подмѣтить и опровергнуть всѣ ложные выводы агитаторовъ буржуазнаго манчестерства, которое особенно процвѣтало тогда въ сѣверной Германіи. Воочію показалъ Лассаль, къ какимъ роковымъ послѣдствіямъ приводитъ пользованіе понятіями „услуга“, „обмѣнъ“ и т. д., какъ это имѣло мѣсто у тогдашнихъ либеральныхъ экономистовъ.

Конечно, въ книгѣ Лассаля нѣтъ ни одного экономическаго положенія, про которое можно было бы сказать, что оно принадлежитъ ему самому.

То, что онъ даетъ, онъ вычеканиваетъ изъ металла, добытаго другими. Но его творчество выражается въ самой переработкѣ полученнаго матеріала. Вѣдь творческая мысль выражается не только въ томъ, что она возвѣщаетъ новыя идеи, но и въ новомъ способѣ ихъ примѣненія, въ новомъ способѣ ихъ сочетанія. Никто до Лассаля такъ наглядно не показалъ, что капиталъ не есть логическая категорія, а категорія историческая. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно другихъ экономическихъ категорій. Лассаль является здѣсь передъ нами отнюдь не какъ ортодоксальный старо-гегеліанецъ, а какъ глубоко реалистическій мыслитель, который беретъ вещи въ ихъ дѣйствительной связи.

Правда, и въ „Бастіа-Шульце" играетъ еще нѣкоторую роль идея права на полный продуктъ труда, въ ея старой формулировкѣ, хотя Марксъ и отвергъ уже въ то время ея теоретическую состоятельность. Тамъ, гдѣ Лассаль касается теоріи стоимости,—онъ поразительно точно формулируетъ ее,—онъ аргументируетъ такъ же, какъ это дѣлали англійскіе соціалисты двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, выводившіе изъ ученія о стоимости Рикардо право рабочаго на полную стоимость продукта его труда. Отчасти это обусловливалось непосредственной задачей Лассаля: онъ защищалъ здѣсь производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ. Выше (ср. гл. 10) мы уже показали, что побудило Лассаля выставить это требованіе. Оно соотвѣтствовало тогдашнему экономическому положенію Германіи, которая во времена Лассаля отнюдь не стояла въ этомъ отношеніи выше Англіи временъ Томпсона, Брэя и Грэя. Но изъ писемъ Лассаля къ Родбертусу видно, что онъ прекрасно понималъ, что осуществленіе права на полный продуктъ труда, путемъ производительныхъ ассоціацій, отнюдь еще не разрѣшаетъ соціальнаго вопроса въ соціалистическомъ смыслѣ; что общество, благодаря этому, еще не превращается въ солидарное хозяйственное единство. Онъ понималъ, что поземельная рента, въ ея различныхъ формахъ, необходимо приведетъ къ различнаго рода неравенствамъ. И онъ думалъ устранить эти неравенства соотвѣтствующими налогами. Его научное познаніе, въ этомъ отношеніи, идетъ дальше его практическихъ средствъ. Какъ глубоко понималъ онъ все это,—объ этомъ свидѣтельствуетъ одно его письмо къ Родбертсу отъ 26 мая 1863 года, слѣдовательно, за пять мѣсяцевъ до того, какъ онъ приступилъ къ своей работѣ о „Бастіа-Шульце". Онъ заявляетъ здѣсь, что еслибы даже рабочему принадлежали земля, капиталъ и продуктъ труда, то это еще не означало бы разрѣшенія соціальнаго вопроса. То же самое приблизительно было бы и въ томъ случаѣ, если-бы рабочему были предоставлены въ пользованіе земля и капиталъ и

ему же принадлежалъ бы и продуктъ труда. Ибо, и въ этомъ случаѣ, рабочій, какъ общее правило, въ промышленной ассоціаціи получалъ бы больше продукта своего труда, а въ земледѣльческой—или больше или меньше этого. Такъ какъ Родбертусъ не сразу понялъ мысль Лассаля, то онъ поясняетъ ему ее въ своемъ слѣдующемъ письмѣ. Смотря по тому, находятся ли ассоціаціи въ худшихъ или лучшихъ условіяхъ, или у нихъ имѣются какія-либо другія мѣстныя и т. п. преимущества,—онѣ могутъ получать излишнюю прибыль. А благодаря этому, ихъ участники получатъ сравнительно больше, чѣмъ это приходится на ихъ долю, соотвѣтственно ихъ участію въ совокупной общественной производительности. Подъ продуктомъ труда,—продолжаетъ Лассаль,—слѣдуетъ понимать исключительно ту долю, какая приходится отдѣльному человѣку изъ совокупнаго общественнаго производства, соотвѣтственно его труду. Если одни получатъ больше такой своей доли, — то отсюда необходимо вытекаетъ, что другіе получатъ меньше, чѣмъ имъ слѣдуетъ, т. е., они окажутся нѣсколько обдѣленными.

Лассаль исходитъ здѣсь,—какъ онъ, впрочемъ, самъ прямо указываетъ на, это—изъ „идеи" общества, организованнаго на чисто коммунистическихъ началахъ. Всѣ трудящіеся члены его принимаютъ одинаковое участіе въ пользованіи результатами труда, соотвѣтственно затраченному ими труду. Въ этомъ отношеніи, Лассаль прекрасно сознавалъ ублюдочный характеръ своихъ производительныхъ ассоціацій. Лассаль самъ очень рѣзко подчеркиваетъ этотъ пунктъ въ своей перепискѣ съ Родбертусомъ. Поэтому то, въ „Бастіа-Шульце" Лассаль старается гораздо рѣзче формулировать свой проектъ объ ассоціаціяхъ въ духѣ этой „идеи", чѣмъ это онъ сдѣлалъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ" и въ лейпцигской и франкфуртской рѣчи. Онъ уже не говоритъ теперь, что его отношеніе къ ассоціаціи ничѣмъ не отличается отъ отношенія Шульце-Делича. И разница только та, что онъ требуетъ государственнаго кредита. Онъ придаетъ теперь большое значеніе тому, чтобы ассоціаціи различныхъ отраслей промышленности охватывали всѣхъ рабочихъ соотвѣтствующихъ профессій; чтобы онѣ, путемъ кредитныхъ и страховыхъ союзовъ, гарантировали другъ друга отъ возможныхъ убытковъ. Но, съ этимъ кажущимся приближеніемъ къ коммунистической конечной цѣли, Лассаль все болѣе и болѣе покидалъ почву осуществимаго въ настоящую минуту. И, въ то же время, онъ нисколько не приблизился къ истинно коммунистической идеѣ, что производство должно служить общественной потребности, а не выгодѣ производителей. Отчасти его ввели въ заблужденіе преувеличенныя данныя Лемерсье и Кошю о стремленіи француз-

скихъ рабочихъ къ ассоціаціямъ во время февральской революціи и объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя еще уцѣлѣли. Онъ упустилъ изъ виду, что ассоціаціи эти совершенно утратили характеръ рабочихъ товариществъ. Впослѣдствіи Шульце-Деличъ привелъ основательныя возраженія противъ идеи страхованія ассоціацій отъ возможныхъ убытковъ.

Резюмируемъ коротко сказанное. Въ „Бастіа-Шульце" имѣется достаточно уязвимыхъ мѣстъ. Таковъ и конецъ, гдѣ Лассаль вновь положительно развиваетъ свой проектъ ассоціацій. Но, въ критической части, трудъ Лассаля—блестящее произведеніе. Такой характеръ носитъ какъ его историческое изложеніе, такъ и самый экономическій анализъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что какъ разъ во время этой работы Лассалю приходилось удѣлять много вниманія другимъ вопросамъ. Какъ президентъ Общегерманскаго Рабочаго Союза, онъ велъ громадную переписку и имѣлъ массу разнаго рода хлопотъ. А тутъ еще эта борьба съ властями и судами. И все это онъ успѣвалъ дѣлать. Наше удивленіе передъ Лассалемъ станетъ еще больше, когда мы познакомимся съ его перепиской съ Марксомъ и Родбертусомъ. Изъ переписки видно, что блестящія качества этого труда зависятъ не отъ заимствованій, не отъ искусно использованной литературной мишуры: онъ съ жаромъ работалъ надъ основными проблемами народнаго хозяйства.

XIV.

ПОСЛѢДНІЕ МѢСЯЦЫ НА НѢМЕЦКОЙ ПОЧВѢ.

Ронсдорфская рѣчь и Дюссельдорфскій процессъ.

Чтобы получить представленіе о дѣятельности Лассаля за время отъ его возвращенія въ Берлинъ до того, какъ онъ снова отправился въ путешествіе, т. е., отъ середины октября 1863 года до начала мая 1864 г., стоитъ только припомнить, что въ это именно время онъ написалъ слѣдующія работы:

1. „Къ берлинскимъ рабочимъ";

2. „Бастіа-Шульце";

3. Приготовилъ къ печати первую, а быть можетъ, и нѣкоторыя другія изъ прочитанныхъ имъ зимой 1863—1864 г. въ Берлинѣ лекцій;

4. Написалъ пятьдесятъ три отчасти очень большихъ проше-

ній, жалобъ, апелляцій къ полицейскимъ властямъ, въ суды и министерства [1]).

5. Приготовилъ къ печати защитительную рѣчь по поводу процесса по обвиненію въ государственной измѣнѣ;

6. Корреспонденція по поводу образованія Общегерманскаго Рабочаго Союза.

Правда, большая часть этой корреспонденціи велась секретаремъ Союза. Но очень много болѣе важныхъ писемъ было написано самимъ Лассалемъ или продиктовано имъ. Эти письма Лассаля въ большинствѣ случаевъ были довольно—таки обширны. Мы упоминали уже выше, какъ туго подвигался впередъ ростъ Союза. Мѣстнымъ его отдѣленіямъ приходилось выдерживать тяжелую борьбу. Финансовыя затрудненія давали знать себя почти всюду. Денегъ поступало мало. Да и тѣ удерживались или снова расходовались по мелочамъ мѣстными уполномоченными, которымъ приходилось покрывать разнаго рода денежные расходы. Времени у нихъ уходило также не мало. Результатомъ всего этого были горькія сѣтованія, увѣщанія и упреки. Приходилось также писать длиннѣйшія инструкціи. Благодаря новизнѣ дѣла, трудно было опредѣлить размѣръ издержекъ для уполномоченныхъ. Переписка, поэтому, становилась еще болѣе непріятной. Затѣмъ, въ виду этихъ денежныхъ затрудненій и въ виду слабаго притока новыхъ членовъ, возникали разнаго рода проекты. Съ цѣлью сдѣлать Союзъ болѣе заманчивымъ, имѣлось въ виду создать кассы вспомоществованія и т. п. Хотѣли также измѣнить самую организацію Союза, чтобы мѣстныя группы стали само. стоятельными обществами.

Видя медленный ростъ Союза, Лассаль сперва отнесся было положительно къ этой идеѣ. Но затѣмъ онъ вскорѣ же отвергъ ее и сталъ очень рѣзко нападать на эти проекты. Это также послужило поводомъ къ непріятной перепискѣ. А тутъ еще первоначальный секретарь Союза, Фальтейхъ, сталъ пропагандировать идею децентрализаціи. Когда Лассаль отказалъ ему въ отпускѣ, онъ совсѣмъ оставилъ должность секретаря. Это было 11 января 1864 года, а въ февралѣ онъ былъ замѣщенъ шпажнымъ рабочимъ, Эд. Вилльмсомъ изъ Золингена. Фальтейхъ не былъ человѣкомъ гибкаго характера. А, поэтому, у него нерѣдко происходили съ Лассалемъ столкновенія. Къ тому же, будучи сторонникомъ Вейтлингскаго коммунизма равенства, онъ иначе смотрѣлъ на демократію, чѣмъ Лассаль. Послѣдній

---

[1]) Перечень см. у Бернгарда Беккера: «Исторія рабочей агитаціи Фердинанда Лассаля», стр. 160—163).

представлялъ себѣ отношеніе отдѣльныхъ членовъ союза къ президенту по типу военной субординаціи. Вполнѣ естественно, что разрывъ не устранилъ взаимной непріязни.

Наряду съ организаціонными вопросами, президенту приходилось возиться съ разнаго рода непріятностями, имѣвшими мѣсто въ разныхъ группахъ. Ему приходилось изъ-за этого писать скучнѣйшія посланія, а иногда и оказываться въ крайне неудобномъ положеніи. И, въ концѣ концовъ, Лассаль сталъ даже грозить своимъ уходомъ. Очень непріятно было для него обостреніе шлезвигъ-гольштинскаго вопроса зимой 1863—1864 г. То же самое слѣдуетъ сказать и о польскомъ вопросѣ, который сталъ на очередь, благодаря польскому возстанію 1863 года. Союзу необходимо было занять опредѣленную позицію по отношенію къ этому вопросу. Лассаль разсчитывалъ, пользуясь этими внѣшними осложненіями, заставить прусское правительство ввести всеобщее избирательное право. Понятно, онъ не могъ допустить, чтобы руководимый имъ союзъ принялъ по обоимъ этимъ національно-политическимъ вопросамъ такія резолюціи, которыя рѣшительно шли бы вразрѣзъ съ намѣреніями прусскаго министра-президента. Въ то же время, Лассалю приходилось считаться съ традиціоннымъ отношеніемъ радикальной демократіи къ обоимъ этимъ вопросамъ. „Шлезвигъ-гольштинская безтолочь“,—пишетъ онъ 22 ноября 1863 года д-ру. Отто Даммеру въ Лейпцигѣ,—„во многихъ отношеніяхъ для меня въ высшей степени непріятна!“ Правда, онъ сумѣлъ провести повсюду, кромѣ Гамбурга, такую резолюцію, лучше которой едва-ли могъ бы желать Бисмаркъ. Но зато въ Гамбургѣ, несмотря на свое длинное письмо къ тамошнему уполномоченному, Лассаль никакъ не могъ склонить членовъ союза къ той чисто выжидательной позиціи, какую онъ признавалъ желательной. Въ упомянутой выше резолюціи такая позиція объявлялась надлежащей политикой демократіи по данному вопросу. Требуя включенія въ составъ Германіи приэльбскихъ герцогствъ и предостерегая противъ образованія вольныхъ дружинъ, резолюція говоритъ далѣе:

„Единая Германія сама по себѣ разрѣшитъ и шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Въ сравненіи съ этой великой задачей, очень ничтожное значеніе имѣетъ вопросъ: окажется ли среди 33 нѣмецкихъ князей одинъ иностраннаго происхожденія. Тѣ изъ сторонниковъ Національнаго Союза и прогрессивной партіи, которые воодушевляются на защиту легитимнаго наслѣдственнаго княжескаго права, повидимому, хотятъ воспользоваться Шлезвигъ-Гольштиніей, какъ предлогомъ для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ положенія вещей внутри страны. Прикрывшись маской патріотизма, они

хотятъ уклониться отъ разрѣшенія конфликта, который имъ не по силамъ. Народъ долженъ быть на чеку! Ничто не должно отвлекать его вниманія отъ громадныхъ основныхъ задачъ! Пусть онъ помнитъ, что свобода, единство Германіи сами по себѣ разрѣшатъ и шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Тогда какъ никакой успѣхъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи не въ состояніи создать для Германіи единства и свободы“.

Практически, при данныхъ условіяхъ, это означало слѣдующее: пусть правительства, сколько имъ угодно, возятся съ Шлезвигъ-Гольштиніей, а народъ пусть умоетъ руки и отойдетъ въ сторону. Вопреки мнѣнію гамбургскаго уполномоченнаго, Лассаль такъ мотивируетъ это: „Нашей тактикой должно быть—удерживать въ странѣ добровольцевъ, т. е., народную силу, а армію удалить за ея предѣлы! Т. е., стравить правительства войной другъ на друга! (Это, однако, не должно служить основаніемъ для прогрессивной партіи соглашаться въ палатѣ на денежныя требованія правительства). Если правительства не начнутъ войны, у насъ будетъ въ рукахъ агитаціонный козырь—обвиненіе въ измѣнѣ отечеству. Начнутъ они войну—до извѣстной степени, они, во всякомъ случаѣ, сдѣлаютъ это, и наша обязанность тогда заставить ихъ итти дальше—мы выигрываемъ вдвойнѣ: арміи за предѣлами страны, силы народа сконцентрированы внутри“. Все это лишь успокоительныя капли,—ничего больше. Въ одномъ нельзя не согласиться съ Лассалемъ: не дѣло Общегерманскаго Рабочаго Союза ополчаться на защиту легитимнаго права наслѣдованія князей.

Что касается польскаго вопроса, то Лассаль придумалъ такой остроумный выходъ. Резолюція платонически заявляла, что война за возстановленіе Польши въ прямыхъ интересахъ Германіи. Но тѣ части прежней Польши, которыя принадлежатъ Германіи и уже онѣмечились, должны по-прежнему оставаться въ рукахъ нѣмцевъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о перепискѣ Лассаля, въ связи съ его дѣятельностью въ Союзѣ, о его литературныхъ работахъ, о столкновеніяхъ съ полиціей и судами (Однажды случилось даже, что онъ былъ задержанъ на улицѣ, такъ какъ не явился по вызову въ судъ. Съ улицы его препроводили къ нему на квартиру, и здѣсь онъ въ теченіе шести часовъ находился подъ полицейскимъ арестомъ, пока не пришло распоряженіе о его освобожденіи). Но, кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще о лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Берлинѣ, о его сношеніяхъ съ Бисмаркомъ, о его обширной перепискѣ съ друзьями и тѣми лицами, которыхъ онъ желалъ привлечь на

сторону Союза. Все это, въ общей совокупности, свидѣтельствуетъ о такой громадной затратѣ труда и энергіи, что трудно повѣрить, что именно одинъ человѣкъ могъ все это сдѣлать за такое короткое время. И вполнѣ понятно, если Лассаль, посылая Родбертусу своего „Бастіа-Шульце“, пишетъ ему въ февралѣ 1864 года: „Впрочемъ, благодаря чрезмѣрному напряженію и крайне нервному возбужденію отъ работы, я чувствую такой упадокъ силъ, что мои нервы, словно веревки, болтаются вокругъ тѣла“.

Въ началѣ мая 1864 г. Лассаль покинулъ Берлинъ. Онъ собирался сперва посѣтить различныя отдѣленія Союза, а затѣмъ уже отправиться на воды. 7 апрѣля 1864 года онъ писалъ кассиру Союза, что разсчитываетъ „довольно поздно“ вернуться изъ путешествія на воды. Онъ имѣлъ въ виду отдохнуть при этомъ. Этому „довольно поздно“ суждено было превратиться въ печальное: „мертвымъ“.

Лассаль началъ съ Лейпцига. 8 мая, въ день прибытія, онъ держалъ здѣсь вечеромъ привѣтственную рѣчь въ помѣщеніи союза, а день спустя прочелъ публичную лекцію. 12 мая онъ былъ уже въ Дюссельдорфѣ. Въ тотъ же день вечеромъ его привѣтствовали музыкальныя общества, а въ помѣщеніи союза ему вручили подарокъ, роскошное изданіе сочиненія Пьера Дюпона, автора пѣсни о хлѣбѣ. Назначенное на 13 мая собраніе не могло состояться, такъ какъ хозяинъ помѣщенія въ послѣднюю минуту отказался дать его для этой цѣли. Затѣмъ 14 мая Лассаль говорилъ въ Золингенѣ, 15 мая—въ Барменѣ, 16—въ Кёльнѣ, 18—въ Вермельскирхенѣ и 22 мая—въ Ронсдорфѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ Лассаля встрѣчали оваціями. Въ „Сѣверной Звѣздѣ“, небольшой еженедѣльной газеткѣ, редактировавшейся К. Брунсомъ и на первое время служившей органомъ Союза, появились болѣе или менѣе раздутые отчеты обо всемъ этомъ. Отчеты эти редактировались самимъ Лассалемъ, какъ можно судить по словамъ Бернгарда Беккера, которому мы слѣдуемъ въ данномъ случаѣ. Тема повсюду была одна и та же: „Дѣятельность и успѣхи Союза“. Особенныя приготовленія были сдѣланы для рѣчи, которую Лассаль держалъ въ Ронсдорфѣ. Тутъ рѣшили кстати отпраздновать годовщину основанія Союза. Пригласили членовъ Союза изъ сосѣднихъ восточныхъ промышленныхъ районовъ. Были также различные гости, прибывшіе издалека. Торжественная рѣчь Лассаля говорила о „безпримѣрныхъ“ успѣхахъ Союза. Эта рѣчь была опубликована въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Агитація Общегерманскаго Рабочаго Союза и обѣщаніе короля прусскаго“.

Всѣ соціалистическіе біографы Лассаля въ одинъ голосъ признаютъ, что рѣчь эта ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ чести Лассалю. Въ ней совсѣмъ

незамѣтно блестящихъ достоинствъ его первыхъ агитаціонныхъ сочиненій, и, въ то же время, всѣ недостатки Лассаля выступаютъ здѣсь въ сугубой формѣ. Здѣсь нѣтъ того классически-благороднаго языка, какимъ написана въ особенности „Программа работниковъ". Вмѣсто того, передъ нами лишенный всякаго благородства напыщенный языкъ: безвкусныя преувеличенія въ текстѣ; еще болѣе безвкусныя преувеличенія въ замѣчаніяхъ между строкъ, гдѣ сообщается о впечатлѣніи, произведенномъ на слушателей рѣчью. Лассаль не ограничивается тѣмъ, что въ самомъ радужномъ свѣтѣ изображаетъ успѣхи Союза,—его положительныя неудачи онъ превращаетъ въ великіе успѣхи. Для своихъ прогрессивныхъ противниковъ, среди которыхъ въ то время было много людей, впослѣдствіи ставшихъ добрыми социалъ-демократами, онъ находитъ только слова высокомѣрія и насмѣшки. Даже тогда, когда съ ихъ стороны онъ встрѣчалъ, по меньшей мѣрѣ, условное признаніе. Зато онъ охотно отмѣчаетъ всякую похвалу, какая щедро разсыпалась по его адресу изъ консервативно-реакціонныхъ устъ. Прусскій король далъ нѣкоторыя обѣщанія одной депутаціи шлезвигскихъ ткачей. И вотъ Лассаль рѣшилъ воспользоваться этимъ обѣщаніемъ въ интересахъ своей агитаціи. Если такой шагъ, съ политической точки зрѣнія, и допустимъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не лишенъ двусмысленности. Депутація эта была дѣломъ рукъ консерваторовъ и служила для нихъ орудіемъ борьбы противъ одного фабриканта-прогрессиста. Благодаря стараніямъ Бисмарка, депутація была принята королемъ, который обѣщалъ принять въ возможно скоромъ времени законныя мѣры для облегченія тяжелой участи ткачей. Отсюда Лассаль дѣлаетъ выводъ, что въ этомъ обѣщаніи не только кроется признаніе стремленій Общегерманскаго Рабочаго Союза, но, въ силу внутренней логики, оно необходимо приведетъ къ дарованію всеобщаго и прямого избирательнаго права, такъ какъ избранная на основѣ трехклассной избирательной системы „прогрессивная палата" никогда не согласилась бы на необходимыя мѣропріятія. И редактированный самимъ Лассалемъ отчетъ о собраніи изображаетъ дѣло такимъ образомъ, что при этихъ словахъ присутствовавшіе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ были охвачены „не поддающимся описанію" ликованіемъ. Когда отчетъ вышелъ отдѣльной брошюрой, Лассаль поручилъ секретарю Союза, Виллъмсу, отправить два экземпляра ея Бисмарку въ конвертѣ съ надписью „въ собственныя руки". Отсюда вполнѣ ясно, что, подчеркивая не поддававшееся описанію ликованіе, Лассаль имѣлъ въ виду произвести впечатлѣніе на Бисмарка, а черезъ него, буде возможно, и на самого короля. Такъ, по крайней мѣрѣ, все это имѣетъ

извѣстный смыслъ. А иначе все свидѣтельствовало бы только о не поддающейся описанію наивности слушателей Лассаля.

Вѣроятно, Лассаль точно также мѣтилъ въ Бисмарка и короля, когда, вслѣдъ за приведенными выше словами, подчеркивалъ необычайную дисциплину, царящую въ Союзѣ, полную готовность подчиняться его руководительству. Лассалю никогда не приходилось слышать, „отъ Рейна до Нѣмецкаго моря и отъ Эльбы до Дуная“, ни одного „нѣтъ“ отъ кого-либо изъ членовъ Союза. Въ послѣднемъ совсѣмъ нѣтъ „того брюзжащаго духа либерализма, той болѣзни личнаго мнѣнія и всезнайства, которая разъѣла весь организмъ нашей буржуазіи“. Въ дѣйствительности, это было не такъ,— и Лассалю неоднократно приходилось выслушивать „нѣтъ“. А если бы оно и было такъ, то это отнюдь не свидѣтельствовало бы о высокой духовной жизни Союза. Но Лассалю важно было констатировать для Бисмарка, что Союзъ съ полной готовностью послѣдуетъ указаніямъ Лассаля.

Въ концѣ своей рѣчи, Лассаль вспоминаетъ о постигшихъ его судебныхъ преслѣдованіяхъ и беретъ съ присутствующихъ на собраніи клятву, что если бы даже его устранили, то они не дадутъ погаснуть тому пожару, какой онъ зажегъ.

Изъ Рейнской области Лассаль сначала отправился на воды въ Эмсъ. Онъ очень страдалъ отъ застарѣлой горловой болѣзни. Достаточно было ему произнести нѣсколько рѣчей, какъ болѣзнь всегда снова давала знать о себѣ. Въ Эмсѣ онъ написалъ возраженіе на появившуюся въ „Крестовой Газетѣ“ критику „Бастіа-Шульце“. Критика эта принадлежала перу тайнаго совѣтника Вагенера, который въ то время очень близко стоялъ къ Бисмарку. Это была послѣдняя изъ трехъ статей, посвященныхъ феодально-консервативной газетой книгѣ Лассаля. Авторъ упрекалъ Лассаля въ томъ, что онъ требуетъ всеобщаго избирательнаго права въ самой грубой его формѣ. Онъ доказывалъ необходимость „консервированія“ (сохраненія) довольно еще многочисленнаго средняго сословія, которое совершенно игнорируется Лассалемъ. Онъ категорически требовалъ отъ Лассаля прямого и искренняго отвѣта, считаетъ ли онъ возможнымъ осуществить свои планы въ рамкахъ существующаго христіанскаго государственнаго и общественнаго уклада жизни. Пока Лассаль не дастъ на это прямого отвѣта, до тѣхъ поръ съ полнымъ правомъ можно упрекать его, что своими планами онъ ведетъ опасную и радикальную агитацію противъ исторической формы государства и общества.

Отвѣтъ Лассаля написанъ, пожалуй, въ черезчуръ деликатной формѣ. „Предъявленное ко мнѣ требованіе,—пишетъ Лассаль,—сдѣлано въ слиш-

комъ торжественной формѣ. Если я не ошибаюсь относительно личности автора этой рецензіи, то она исходитъ отъ такого достойнаго вниманія лица, что на ней слѣдуетъ остановиться еще разъ“. По существу, Лассаль ссылается на доказанное имъ въ „Бастіа-Шульце“ „неизбѣжное“ поглощеніе мелкаго капитала крупной промышленностью. Наряду съ этимъ,—говоритъ онъ,—идетъ уничтоженіе средняго сословія. Этотъ процессъ можно задержать только въ томъ случаѣ, если связать государство съ индустріей, какъ это было предложено имъ въ формѣ больших ъ производительныхъ ассоціацій, пользующихся государственнымъ кредитомъ. Благодаря этому, „будетъ создано новое среднее сословіе, которое охватитъ собой весь народъ“. Затѣмъ Лассаль старается доказать, что осуществленныя въ широкомъ масштабѣ ассоціаціи необходимо повысятъ размѣры производства, и рабочіе достигнутъ болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго уровня. Но безусловно-необходимымъ предварительнымъ условіемъ здѣсь является всеобщее и прямое избирательное право. Безъ этого—передъ нами будутъ лишь мелкіе опыты, которые ничего не могутъ дать и ничего не могутъ доказать. Лассаль продолжаетъ, что онъ настаиваетъ на этомъ требованіи. Этому мнимо „грубому“ всеобщему и прямому избирательному праву нельзя предпочесть ни денежнаго ценза, ни мандаринскаго образовательнаго ценза. Нужно, чтобы интеллигентность исходила изъ свободы, ибо „нѣтъ ничего болѣе родственнаго истинной интеллигентности, какъ здравый смыслъ широкихъ массъ“. Для болѣе подробнаго доказательства этой мысли, Лассаль „позволяетъ“ себѣ рекомендовать „господину рецензенту“ свою Ронсдорфскую рѣчь. И снова „брюзжащій либеральный индивидуализмъ“ объявляется „великой болѣзнью нашего времени“. Но это ни въ какомъ случаѣ не болѣзнь массъ. Она „необходимо и естественно составляетъ удѣлъ только всѣхъ этихъ буржуазныхъ обрывковъ истинной интеллигентности“. Лассаль заканчиваетъ свой отвѣтъ указаніемъ на то, что „современное развитіе“ точно также должно быть „историческимъ“. И, въ связи съ этимъ, онъ спрашиваетъ: когда Людовикъ XVI дѣйствовалъ съ болѣе историческимъ тактомъ, тогда ли, когда, по настоянію Тюрго, уничтожилъ цехи, или же, когда, подъ давленіемъ тогдашняго государственнаго и общественнаго строя, вновь возстановилъ ихъ?

Отвѣтъ Лассаля свидѣтельствуетъ, какъ затруднительно было его положеніе въ это время. Вагенеръ, правая рука Бисмарка, требовалъ отъ него такихъ заявленій, которыя необходимо привели бы его на почву христіанско-монархическаго государственнаго строя. Но Лассаль не могъ сдѣлать такихъ заявленій и, въ то же время, не могъ порвать съ Бисмаркомъ-Ваге-

неромъ. А потому, всю силу своей діалектики онъ направляетъ на то, чтобы сказать нѣчто пріятное Вагенеру и, въ то же время, не поступиться чѣмъ-либо теоретически или принципіально. Лассаль словно выполняетъ танецъ на яйцахъ—и съ великимъ искусствомъ,—въ этомъ нужно отдать ему справедливость: отвѣтъ Вагенеру въ своемъ родѣ мастерское произведеніе. Но, все же, это былъ танецъ, противъ котораго Лассаль раньше сильно возсталъ бы. Лассаль уже утратилъ свободу,—и во всемъ сочиненіи сказывается одна боязливая скрытая нота, словно онъ уже чувствовалъ, что ему Бисмаркъ былъ нуженъ гораздо больше, чѣмъ онъ Бисмарку [1]).

Редакція „Крестовой Газеты“ долго не соглашалась печатать отвѣтъ Лассаля. По этому поводу ему пришлось даже обращаться письменно къ Вагенеру. Отвѣтъ помѣщенъ въ нумерѣ отъ 19 іюня 1864 г., съ примѣчаніемъ отъ редакціи, что она „лишь въ видѣ исключенія“ предоставляетъ слово Лассалю. Въ то же время, она рѣшительно отказывается „удѣлять Лассалю и дальше страницы своей газеты“, буде рецензентъ вздумаетъ отвѣчать ему. Такова была, въ дѣйствительности, та „льющаяся черезъ край похвала“ консервативной печати, о которой съ такой торжественностью говорилъ Лассаль въ своей Ронсдорфской рѣчи. Такой исходъ является почетнымъ свидѣтельствомъ для его политической честности. Но, въ то же время, отсюда ясно, какъ легко Лассаль могъ очутиться среди двухъ стульевъ.

Спустя восемь дней послѣ этого—27 іюня—въ Дюссельдорфѣ, передъ апелляціонной камерой началось слушаніе дѣла по поводу рѣчи: „Празднества, пресса“ и т. д. Судъ первой инстанціи приговорилъ его заочно, на основаніи параграфа о возбужденіи ненависти и презрѣнія стараго прусскаго Уголовнаго Уложенія, къ году тюремнаго заключенія. Лассаль произнесъ въ свою защиту четырехчасовую рѣчь. Въ „Дюссельдорфской Газетѣ“ появился въ трехъ нумерахъ отчетъ о ней. Редакторъ, бывшій въ близкихъ отношеніяхъ съ Лассалемъ, получилъ непосредственно отъ него черновой набросокъ рѣчи. Впослѣдствіи она была издана отдѣльной брошюрой. Въ своей защитѣ Лассаль опирается на то, что своею рѣчью онъ вызвалъ презрѣніе не къ классу, а лишь къ партіи. Онъ часто прибѣгаетъ въ усиленной степени къ тѣмъ пріемамъ, какіе мы встрѣчаемъ опять въ процессѣ о государственной измѣнѣ и въ Ронсдорфской рѣчи. Лас-

[1]) Бисмаркъ лишь коротко поставилъ въ извѣстность Лассаля, черезъ своего секретаря, о полученіи «Бастіа-Шульце». Это было большимъ разочарованіемъ для Лассаля.

саль ссылается на то, что и майнцскій епископъ Кеттелеръ, имя котораго въ каждомъ рейнскомъ судѣ упоминается не только съ уваженіемъ, но и съ „благоговѣніемъ“, и министръ ф.-Эйленбургъ, даже самъ прусскій король говорятъ теперь то же, что и онъ. Всѣ они высказались въ пользу его агитаціи. Но, несмотря на всѣ старанія, Лассалю не удалось расположить политически въ свою пользу судей, ему не удалось, какъ въ Берлинѣ, добиться оправданія. Судъ уменьшилъ только наказаніе, съ одного года до шести мѣсяцевъ заключенія. Такъ какъ Лассаль уже въ Берлинѣ былъ присужденъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, то эта новая кара была для него очень тяжелымъ ударомъ. „Я уже не молодой человѣкъ“,—воскликнулъ Лассаль въ концѣ своей рѣчи, обращаясь къ судьямъ. Если раньше онъ съ такой же легкостью шелъ въ темницу, съ какой иной идетъ на балъ,—то теперь это было бы для него тяжело. Но не столько мысль о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, сколько политическія соображенія заставляли Лассаля такъ болѣзненно относиться къ ожидавшему его сравнительно долгому тюремному заключенію. Что станется съ Союзомъ, когда не будетъ его руководительства, когда не будетъ его постояннаго вліянія? „Гнусный приговоръ“,—говоритъ Лассаль о дюссельдорфскомъ рѣшеніи въ одномъ своемъ письмѣ къ Вилльмсу отъ 4 іюля.

Это письмо помѣчено Франкфуртомъ на Майнѣ, куда Лассаль отправился изъ Дюссельдорфа черезъ Кёльнъ. 3 іюля онъ прочелъ здѣсь лекцію мѣстнымъ членамъ Общегерманскаго Рабочаго Союза, послѣднюю лекцію въ своей жизни. Она касалась главнымъ образомъ отношенія прогрессивной партіи къ шлезвигъ-гольштинскому вопросу и носила сплошь отрицательно-критическій характеръ. Очевидно, Лассаль не считалъ еще возможнымъ предложить Союзу занять какую-либо опредѣленную позицію въ этомъ вопросѣ. Затѣмъ 4 іюля онъ былъ еще порадованъ серенадой, какую устроили ему члены Союза, а 6 іюля отправился дальше—сперва съ визитомъ въ Пфальцъ, а затѣмъ, въ серединѣ іюля, черезъ Карлсруэ, въ Швейцарію—навстрѣчу своему року.

XV.

БОРЬБА ЛАССАЛЯ ИЗЪ-ЗА ЕЛЕНЫ ФОНЪ-ДЕННИГЕСЪ. СМЕРТЬ ЛАССАЛЯ.

Утомленный физически, съ развинченными нервами, терзаемый разнаго рода сомнѣніями на счетъ дальнѣйшей судьбы Союза, Лассаль прибылъ, наконецъ, послѣ однодневной остановки въ Цюрихѣ, 20 іюля въ Риги-Кальтбадъ. Отсюда онъ послалъ еще нѣсколько дѣловыхъ писемъ, касающихся Союза, секретарю Вилльмсу. Въ этихъ письмахъ замѣтно стремленіе Лассаля поставить Союзъ въ безусловную зависимость отъ президента. Въ одномъ письмѣ отъ 21 іюля онъ рѣзко возстаетъ противъ того, чтобы въ берлинскомъ отдѣленіи Союза принимались какія-либо рѣшенія раньше, чѣмъ объ этомъ будетъ сдѣлано распоряженіе со стороны назначеннаго имъ уполномоченнаго. Уполномоченный,—продолжаетъ Лассаль,— „существуетъ для того, чтобы руководить отдѣленіемъ, на основаніи исходящихъ отъ него (президента) инструкцій, а не для того, чтобы имъ руководило отдѣленіе". А затѣмъ онъ пишетъ длинное, на 15 восьмушкахъ убористой печати, посланіе къ членамъ правленія союза и требуетъ отъ нихъ исключенія изъ союза Юліуса Фальтейха на томъ основаніи, что послѣдній высказался противъ нѣкоторыхъ проектовъ президента, по поводу общаго собранія, которое должно было состояться на основаніи устава. Въ то же время, Фальтейхъ высказывался въ разговорѣ за союзъ съ лѣвымъ крыломъ прогрессивной партіи и требовалъ большей самостоятельности для отдѣленій. Это посланіе Лассаль отправилъ Вилльмсу 27 іюля. Въ то же время, онъ пишетъ ему, что Фальтейху онъ долженъ передать посланіе лишь послѣ того, какъ онъ, Вилльмсъ, лично побываетъ въ Дрезденѣ, гдѣ Фальтейхъ былъ уполномоченнымъ, и „откроетъ глаза" тамошнимъ членамъ Союза на личность послѣдняго. За день до этого Лассаль назначилъ своею президентской властью членами правленія адвоката Ж. Б. фонъ-Швейцера и писателя Бернгарда Беккера. Съ Швейцеромъ онъ уже раньше договорился на счетъ созданія новаго органа для Союза. Швейцеръ вмѣстѣ съ Ж. Б. фонъ-Гофштеттеномъ должны были основать этотъ органъ въ Берлинѣ. 28 іюля Лассаль послалъ слѣдующее письмо Вилльмсу:

„Сообщаю вамъ, что, вопреки ожиданію, я уже завтра утромъ покидаю Риги. Письма прошу адресовать въ Бернъ (Швейцарія), до востребованія.

Весь вашъ Ф. Лассаль.

Риги-Кальтбадъ, 28 іюля“.

Это послѣдній признакъ жизни, поданный Лассалемъ непосредственно Союзу. Вилльмсъ отправилъ четыре письма (3, 10, 13 и 21 августа) по указанному адресу, но ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта. Всѣ помыслы Лассаля были теперь заняты исключительно борьбой изъ-за Елены фонъ-Дённигесъ. Она же была причиной его неожиданнаго отъѣзда изъ Риги-Кальтбада.

Елена фонъ-Дённигесъ, отецъ которой былъ баварскимъ уполномоченнымъ при Швейцарскомъ Союзѣ и жилъ въ Женевѣ, отчасти была натурой, родственной Лассалю. Она не была выдающейся красавицей, но имѣла прелестное лицо и чудные золотисто-рыжіе волосы. Еще будучи полу-ребенкомъ, она попала въ „общество“. Она многое видала здѣсь и многому научилась. Это обстоятельство, въ связи съ ея живымъ, почти южнымъ темпераментомъ, придавало ея существу особенную страстность. Отъ своихъ сверстницъ, молодыхъ сѣверогерманскихъ дѣвушекъ, она отличалась такъ же сильно, какъ Лассаль отличался отъ окружавшихъ его мужчинъ. По-своему, она такъ же часто, какъ и Лассаль, шла противъ установившихся обычаевъ. Но она не знала научнаго мышленія и научной дѣятельности, ей было чуждо соціалистическое міровоззрѣніе, и она не интересовалась политической дѣятельностью. А это наоборотъ, было прочной основой въ личности Лассаля и не позволяло ему превратиться въ простого авантюриста. Науки и политики тогда вообще не существовало для молодыхъ дѣвушекъ, въ особенности, для дѣвушекъ изъ высшихъ круговъ. Въ своемъ поведеніи она руководилась только внѣшними правилами приличія, чѣмъ она была обязана своему общественному положенію.

Отъ Гольтгоффа, берлинскаго адвоката, человѣка близкаго и Еленѣ и и Лассалю, она узнала, что Лассаль живетъ на Риги-Кальтбадъ и лѣчится тамъ сывороткой. Она сама жила въ это время у друзей или съ друзьями въ Вабернѣ около Берна, гдѣ также брала курсъ лѣченія. Благодаря одной поѣздкѣ на Риги, она встрѣтилась здѣсь съ Лассалемъ. Совершенно безразлично, случай ли сыгралъ здѣсь главную роль, какъ это она изображаетъ, или, какъ можно судить по одному письму Лассаля, она сама постаралась создать этотъ случай. Важно то, что Лассаль, который за этотъ промежутокъ времени успѣлъ уже полюбить дру-

гую дѣвушку, точно такъ же, какъ и Елена была уже помолвлена за одного изъ ея юныхъ поклонниковъ, боярина Янко фонъ-Раковица, вновь воспылалъ къ ней страстью. Онъ во чтобы то ни стало хотѣлъ добиться у ея родителей согласія на свой бракъ съ Еленой. Для правильной оцѣнки ихъ отношеній, необходимо отмѣтить, что Лассаль писалъ графинѣ Гацфельдъ, которая высказала ему по этому поводу нѣкоторыя замѣчанія, что любовь его къ Еленѣ отнюдь не носитъ чувственнаго характера; что, въ этомъ отношеніи, другая дѣвушка продолжаетъ дѣйствовать на него гораздо сильнѣе. Но, какъ личность, Елена такъ вполнѣ подходитъ къ нему, что онъ даже представить себѣ этого раньше не могъ. Это натура въ гётевскомъ духѣ, ея единственный недостатокъ—отсутствіе воли. И Елена утверждаетъ, что она уже въ Берлинѣ будто бы говорила Янко фонъ-Раковицу, который былъ моложе ея, что если Лассаль захочетъ жениться на ней, то она пойдетъ за нимъ.

Слѣдующіе отрывки изъ писемъ къ графинѣ фонъ-Гацфельдъ очень хорошо характеризуютъ настроеніе Лассаля за время этой помоловки съ Еленой.

Изъ письма отъ 28 іюля:

„Вы очень ошибочно судите обо мнѣ, полагая, что я не могу довольствоваться нѣкоторое время наукой, дружбой и красивой природой. Вы думаете, что мнѣ необходима политика.

Ахъ, какъ мало вы меня, въ сущности, знаете! Я ничего не желаю такъ сильно, какъ окончательно развязаться съ политикой, чтобы уйти въ науку, дружбу и природу. Я усталъ отъ политики и сытъ ею по горло. Правда, я вновь воспылалъ бы къ ней большею страстью, чѣмъ когда бы то ни было раньше, если-бы наступили серьезныя событія, или если-бы я получилъ власть или имѣлъ въ виду средство пріобрѣсти ее,—такое средство, которое было бы къ лицу мнѣ. Ибо безъ высшей власти ничего нельзя сдѣлать. А для ребяческой игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ. Оттого я въ высшей степени неохотно принялъ на себя президентство. Я уступилъ лишь вашимъ настояніямъ. А потому, это положеніе гнететъ меня теперь сильно. О, еслибы я могъ отдѣлаться отъ него! Въ настоящій моментъ я охотно поѣхалъ бы вмѣстѣ съ вами въ Неаполь! (Но какъ освободиться?!)

Боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, очень медленно. А моя страстная душа не терпитъ этихъ дѣтскихъ болѣзней и хроническихъ процессовъ. Политика для меня—это активная дѣятельность настоящей минуты. Все другое можно сдѣлать, оставаясь въ рамкахъ науки! Я

попытаюсь въ Гамбургѣ произвести давленіе на ходъ событій. Но насколько это подѣйствуетъ,—я ничего не могу сказать. И самъ я не на многое надѣюсь!

Ахъ, если бы я могъ бросить все!

Эти строки были уже мной написаны, когда я получилъ письмо отъ Елены, въ высшей степени серьезное письмо! Положеніе вещей становится серьезнымъ, очень серьезнымъ. И это снова падаетъ тяжелымъ бременемъ на меня. И, въ то же время—я не могу уже отступить назадъ. Но я и не понимаю собственно, чего ради я долженъ отступить! Это прекрасная женщина, и, по своей индивидуальности, она единственная женщина, которая вполнѣ подходитъ ко мнѣ. И вы сами признали бы ее таковой. Итакъ, en avant—впередъ черезъ Рубиконъ! Это путь къ счастью! И для васъ, добрая графиня, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ и для меня.

Положеніе вещей въ высшей степени запутанно. Меня вновь охватываетъ сильное любопытство, какъ доведу я все это до конца. Когда и велъ вашъ процессъ, я часто испытывалъ это совершенно безличное, объективное любопытство,—словно я читалъ романъ,—какъ то удастся мнѣ спасти и себя и васъ изъ этого положенія!

Ну, прежнія силы еще цѣлы, цѣло и былое счастье! Я приведу все къ блестящему успѣху".

Изъ письма отъ 3 августа:

„Какое значеніе могутъ имѣть для моей женитьбы всѣ эти приговоры и процессы?—Моя женитьба можетъ оказать вліяніе на мое рѣшеніе относительно этихъ приговоровъ, но не наоборотъ".

Графиня, какъ это видно изъ этихъ строкъ, высказывала нѣкоторыя сомнѣнія, слѣдуетъ ли Лассалю вступать въ бракъ, въ виду ожидавшаго его тюремнаго заключенія, а онъ, съ своей стороны, отвергалъ эти сомнѣнія, такъ какъ, въ случаѣ брака, думалъ остаться за границей. Такимъ образомъ, онъ могъ избѣжать ожидавшей его кары. И, дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько дней Лассаль прибылъ въ Женеву, онъ заявилъ Іоганну Филиппу Беккеру слѣдующее,—какъ объ этомъ можно судить по замѣткѣ Беккера на исходатайствованномъ имъ для Лассаля разрѣшеніи на жительство:

«Онъ чувствуетъ себя утомленнымъ, онъ долженъ пріостановиться; онъ разсчитывалъ, что черезъ годъ ему удастся довести до взрыва соціалистическое движеніе. Но теперь онъ видитъ, что для этого требуются десяти-

лѣтія, и на это не хватитъ его физическихъ силъ. Въ особенности же онъ не въ силахъ перенести ожидающаго его тюремнаго заключенія".

Беккеръ посовѣтовалъ Лассалю поселиться въ Женевѣ, гдѣ черезъ два года онъ могъ уже пріобрѣсти права швейцарскаго гражданина. „Лассаль тотчасъ же согласился, и 11 августа 1864 года я получилъ для него настоящее разрѣшеніе на жительство".

Отсюда ясно, что Лассаль въ это время уже рѣшилъ привести въ исполненіе то, что въ письмѣ отъ 28 іюля онъ высказывалъ еще только въ видѣ пожеланія: отказаться отъ президентства въ Общегерманскомъ Рабочемъ Союзѣ. Въ это время и въ ближайшія недѣли онъ не принадлежалъ уже въ душѣ Союзу.

Тотъ ударъ въ Гамбургѣ, о которомъ упоминалось выше, состоялъ въ томъ, что Лассаль хотѣлъ заставить гамбургскихъ членовъ Союза принять такую резолюцію, которая приглашала бы Бисмарка присоединить къ Пруссіи приэльбскія герцогства. Это, конечно, должно было служить началомъ общей агитаціи въ пользу присоединенія герцогствъ къ Пруссіи. Такая агитація, какъ могъ разсчитывать Лассаль, должна была побудить правительство,—а намѣренія его въ этомъ отношеніи Лассаль зналъ,—ввести всеобщее избирательное право. Но сомнительно, чтобы Лассаль могъ заставить членовъ союза принять такую резолюцію. Прусское правительство въ то время было такъ ненавистно для всѣхъ демократовъ, что даже Лассаль, несмотря на всю свою громадную способность переубѣждать людей, едва-ли былъ бы въ состояніи преодолѣть эту антипатію. Склонить членовъ союза на сторону прусскаго правительства это совсѣмъ не то, что помѣшать имъ защищать княжеское наслѣдственное право герцога Аугустенбургскаго,—какъ это были склонны дѣлать буржуазно-демократическіе круги. Во всякомъ случаѣ, все это предпріятіе было въ высшей степени сомнительно.

Письмо Лассаля къ Софіи фонъ-Гацфельдъ отъ 28 іюля заканчивалось слѣдующими словами.

„Итакъ, до свиданія, вѣрный другъ! Прибой волнъ подхватываетъ меня! На благо ли?

Вынесетъ ли онъ меня наверхъ, какъ шиллеровскаго водолаза? Faut voir—посмотримъ!"

Онъ не вынесъ его наверхъ, а унесъ глубоко, глубоко внизъ. Теперь начинается новая полоса въ жизни Лассаля, изобильная недостойными поступками. Въ крайнемъ нервномъ возбужденіи, Лассаль все болѣе и болѣе

утрачиваетъ внутреннюю устойчивость, чувство моральнаго такта. Его поступками руководитъ одно: желаніе добиться успѣха, отвоевать Елену. Безъ всякихъ колебаній, все приноситъ онъ въ жертву этой цѣли. Для него не существуютъ теперь и соображенія о личномъ достоинствѣ, съ чѣмъ не можетъ не считаться человѣкъ убѣжденій. Лишь одно служитъ здѣсь смягчающимъ вину обстоятельствомъ: до извѣстнаго момента борьба изъ-за Елены являлась въ глазахъ Лассаля ея освобожденіемъ изъ того плѣна, въ какомъ держали ее родители.

Родители Елены были въ высшей степени предубѣждены противъ Лассаля. И, въ этомъ отношеніи, меньшую роль играла политическая репутація Лассаля, нежели его репутація Донъ-Жуана и любовника, живущаго на содержаніи у графини Гацфельдъ. Чтобы побѣдить сопротивленіе родителей, требовалось очень много предусмотрительности, и Лассаль вмѣстѣ съ Еленой выработалъ цѣлый планъ кампаніи, какъ склонить родителей на свою сторону. Но Лассаль не успѣлъ еще ничего предпринять, чтобы переступить порогъ дома господина фонъ-Дённигеса, какъ Елена оказалась вынужденной въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, сообщить роднымъ о своихъ отношеніяхъ къ Лассалю. Отвѣтомъ былъ рѣшительнѣйшій отказъ, и отецъ категорически заявилъ, что онъ не желаетъ имѣть никакихъ дѣлъ съ Лассалемъ. Въ то же время, онъ отзывался о немъ съ крайней враждой. Въ отчаяніи, улучивъ удобную минуту, Елена убѣгаетъ изъ дому, спѣшитъ къ Лассалю и всецѣло отдаетъ себя и свою судьбу въ его руки. Вмѣсто того, чтобы поставить ея родителей лицомъ къ лицу передъ совершившимся фактомъ,—напр., убѣжать съ Еленой за французскую границу и уже оттуда добиваться отъ нихъ согласія на бракъ,—Лассаль отводитъ Елену къ одной близкой ей дамѣ и здѣсь вручаетъ ее матери. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что, благодаря обаянію своей личности, онъ легко побѣдитъ предразсудки родителей. За счетъ любившей его дѣвушки, онъ разыгрываетъ передъ матерью, которая всячески поносила его, мелодраматическую роль великодушнаго. Онъ приказываетъ Еленѣ вернуться къ родителямъ, хотя она въ ужасѣ противилась этому. Онъ хотѣлъ этимъ показать родителямъ Елены свою безграничную власть надъ ней.—Но въ результатѣ онъ лишь заставилъ Елену сомнѣваться въ себѣ. А родители до тѣхъ поръ не выпускали ее съ своихъ глазъ, пока не прибылъ уже ранѣе обрученный съ нею Янко фонъ-Раковицъ. Теперь она окончательно была съ нимъ связана.

Когда Лассаль лишился теперь всякой возможности сноситься съ Еленой, онъ понялъ, наконецъ, всю несуразность своего поступка. При помощи

своихъ ближайшихъ друзей, онъ всячески старается побудить родителей Елены выдать ему ее. Такъ какъ Лассаль думалъ, что Елена была католичкой, то онъ убѣдилъ графиню Гацфельдъ поѣхать къ Майнцскому епископу Кеттелеру, напомнить ему, какъ тепло отзывался Лассаль въ своей Ронсдорфской рѣчи о его соціальныхъ стремленіяхъ и просить его оказать на родителей Елены моральное воздѣйствіе. Графиня должна была, кромѣ того, передать Кеттелеру, что Лассаль согласенъ для брака съ Еленой перейти въ католичество. Самъ онъ спѣшитъ въ Мюнхенъ, чтобы добиться содѣйствія со стороны начальника фонъ Дённигеса, баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Шренка. Въ случаѣ нужды, имѣлось въ виду просить короля Людовика II оказать давленіе на отца Елены. Лассаль думалъ воспользоваться, въ этомъ случаѣ, содѣйствіемъ Рихарда Вагнера, которому его долженъ былъ рекомендовать Гансъ фонъ-Бюловъ. Между тѣмъ, въ Женевѣ за всѣмъ должны были слѣдить: его другъ, Вильгельмъ Рюстовъ, когда то сражавшійся въ качествѣ полковника подъ знаменами Гарибальди, и Іоганнъ Филиппъ Беккеръ. Рюстовъ имѣлъ отъ Лассаля форменное полномочіе дѣйствовать въ качествѣ его представителя. А въ своихъ письмахъ къ нему Лассаль дошелъ, наконецъ, до того, что, на случай увоза Елены изъ родительскаго дома, уполномочилъ его быть его представителемъ при ней. Это, конечно, случалось въ средніе вѣка, но совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ современнымъ культурнымъ взглядамъ.

Обращеніе къ епископу Кеттелеру оказалось безполезнымъ, такъ какъ Елена была протестанткой. Министръ Шренкъ, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Лассалемъ, во время которыхъ, по словамъ послѣдняго шла рѣчь и о политикѣ, согласился оказать содѣйствіе Онъ послалъ въ Женеву, въ качествѣ своего представителя, нѣкоего д-ра Генле. Благодаря посредничеству послѣдняго, состоялось свиданіе между Лассалемъ и фонъ Деннигесомъ. Здѣсь нужно упомянуть, что уже больше чѣмъ за недѣлю до этого Лассаль получилъ отъ Елены черезъ Рюстова письмо. Она писала, что „очень глубоко раскаивается“ въ совершенномъ ею поступкѣ, что „она вновь примирилась съ своимъ обрученнымъ женихомъ, господиномъ Янко фонъ-Раковицемъ и вновь пріобрѣла его любовь и прощеніе»; что она разъ навсегда отказывается отъ Лассаля и «твердо рѣшилась навѣки отдать свою любовь и вѣрность своему нареченному жениху“. Въ присутствіи д-ра Гёнле и Рюстова Елена заявила, что она находитъ совершенно безцѣльнымъ личное свиданіе съ Лассалемъ, котораго добивался послѣдній и о которомъ просили оба его уполномоченные. Она согласилась лишь на то, чтобы еще разъ обдумать все хорошенько. Рѣшительно ничто не

говорило, чтобы она дѣйствовала въ данномъ случаѣ, подъ вліяніемъ какого-либо принужденія. Когда др. Гёнле и Рюстовъ сообщили Лассалю о результатахъ своего визита, онъ пришелъ въ такую ярость, что обозвалъ Елену «порочной дѣвкой» и рѣшилъ послать вызовъ обоимъ, отцу и жениху. Старикъ Дённигесъ поспѣшилъ уѣхать изъ Женевы, а дуэль съ Янко фонъ-Раковицемъ состоялась 28 августа поутру. Лассаль былъ раненъ пулей въ животъ, и послѣ мучительныхъ страданій скончался 31 августа 1864 года.

Наканунѣ дуэли Лассаль написалъ завѣщаніе. Здѣсь вновь идетъ рѣчь объ Общегерманскомъ Рабочемъ Союзѣ. Секретарю, Эд. Вилльмсу, который былъ очень преданъ Лассалю, онъ оставилъ, „въ награду за его честность", ежегодную ренту въ 150 талеровъ. Кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ долженъ былъ получать ежегодно по 500 талеровъ для агитаціонныхъ цѣлей. Затѣмъ въ завѣщаніи было сказано: „Общегерманскому Рабочему Союзу я совѣтую избрать моимъ преемникомъ франкфуртскаго уполномоченнаго, Бернгарда Беккера. Пусть Союзъ крѣпко стоитъ на организаціи! Она приведетъ рабочее сословіе къ побѣдѣ".

* * *

Если судить о Лассалѣ по послѣднему эпизоду его жизни, то приговоръ о немъ не можетъ быть особенно лестнымъ. Какъ при нѣкоторыхъ физическихъ болѣзняхъ болѣзнотворные элементы стремятся наружу и покрываютъ все тѣло сыпью,—такъ и здѣсь все, что было малоцѣннаго въ Лассалѣ, все это выступаетъ на первый планъ и глушитъ, и давитъ все хорошее и крупное въ немъ. Даже та энергія, какую развиваетъ Лассаль, чтобы добиться своей цѣли, мало похожа на дѣятельную силу воли человѣка съ твердымъ характеромъ. Это скорѣе что-то насильственное, продуктъ своенравнаго характера, который безсиленъ подняться выше извѣстныхъ рамокъ. Черта, часто наблюдающаяся именно у морально-слабыхъ людей. У коронованныхъ особъ все это принимаетъ обликъ маніи величія. И Лассаль отчасти не былъ чуждъ этой болѣзни. Онъ чувствовалъ себя созданнымъ для роли цезаря и съ особенной любовью сравнивалъ себя съ орломъ, этимъ символомъ цезаризма въ царствѣ животныхъ. Его поведеніе въ это время, его рѣчи и писанія какъ бы говорятъ о состояніи безумія. И какъ безумный, т. е., совершенно утративъ всякую способность считаться съ обстоятельствами, судитъ онъ о поведеніи той дѣвушки, какую собирался сдѣлать своей женой. Онъ поноситъ ее за то, что она оказалась безсильной побороть тѣ затрудненія, въ какія онъ самъ же поставилъ ее.

Можно не довѣрять словамъ Елены въ опубликованной ею въ 1897 году самозащитѣ, что до послѣдней минуты она находилась тогда подъ давленіемъ отца, что во время бесѣды съ Рюстовымъ и др. Гёнле она точно также изъ страха передъ отцомъ играла роль и старалась скрыть это. Можно совершенно не довѣрять этому и думать, что Елена вполнѣ примирилась со своей судьбой. И, все же, удивительнаго въ этомъ ничего не было бы. Меньше всего Лассаль имѣлъ право возмущаться поведеніемъ Елены: онъ зналъ ея безхарактерность, онъ зналъ, какъ близокъ былъ Янко фонъ-Раковицъ сердцу Елены. „Самое тяжкое предстоитъ мнѣ совершить",— пишетъ она по этому поводу Лассалю 26-го іюля, — „холодной рукой должна я убить вѣрное сердце, преданное мнѣ съ истинной любовью; съ чудовищнымъ эгоизмомъ должна я уничтожить прекрасную юношескую грезу. А эта греза, ставъ дѣйствительностью, могла бы дать счастье, счастье жизни, благородному человѣку. Повѣрьте мнѣ, страшно тяжело, но я хочу, и это ради васъ же самихъ, стать теперь дурной". Благодаря собственной винѣ Лассаля, вопреки ея чувствамъ, она была отдана на волю родителей. Она снова увидала Янко, и, подъ давленіемъ родителей, снова обручилась съ нимъ. И если бы она даже вполнѣ сознательно уклонилась отъ личнаго свиданія съ Лассалемъ, съ глазу на глазъ,—то въ этомъ, правда, не было бы особенной храбрости, но это было бы вполнѣ по человѣчески. Дѣйствительно, нужно было совсѣмъ утратить разумъ, чтобы въ поведеніи Елены при такихъ обстоятельствахъ усматривать „самую ужасную измѣну", какая „когда-либо встрѣчалась на свѣтѣ". Все поведеніе Лассаля во время этой исторіи носило паталогическій характеръ. То состояніе неистовства, въ какое онъ пришелъ, узнавъ о результатахъ свиданія д-ра Генле и фонъ-Рюстова съ Еленой, было крайнимъ пунктомъ той болѣзни, какая все больше и больше захватывала его. Это неправда, что Лассаль нарочно вызвалъ дуэль, такъ какъ онъ искалъ будто бы смерти. Напротивъ, онъ надѣялся показать себя и фонъ-Раковицу, и этому „старому дезертиру", какъ онъ окрестилъ быстро сбѣжавшаго въ Бернъ Дённигеса. Онъ хотѣлъ получить удовлетвореніе за якобы нанесенный ему позоръ, онъ жаждалъ удовлетворенія своему оскорбленному тщеславію.

Онъ утратилъ свое лучшее „я" и тѣмъ безудержнѣе добивался удовлетворенія для своего оскорбленнаго чувства собственнаго достоинства. Онъ получилъ это удовлетвореніе, но иначе, чѣмъ думалъ. Смерть, этотъ великій очиститель, возстановила и честь Лассаля. Пока Лассаль велъ борьбу изъ-за обладанія Еленой фонъ Дённигесъ, онъ былъ больше купеческимъ сынкомъ съ юнкерскими замашками, нежели работникомъ въ царствѣ науки

и демократическимъ соціалистомъ. Но когда онъ палъ подъ пулей Раковица и лежалъ уже на смертномъ одрѣ, все это исчезло, и его трупъ былъ трупомъ передового борца за освобожденіе рабочихъ, борца за дѣло соціалъ-демократіи. На панихиду по Лассалю, въ Temple Unique въ Женевѣ, собрались эмигранты, боровшіеся за демократическое право народовъ на самоопредѣленіе, и соціалистическіе рабочіе. Какъ только вѣсть о его смерти дошла до Германіи, нѣмецкіе соціалистическіе рабочіе тотчасъ же устроили поминки по немъ. Они клялись его именемъ продолжать борьбу за осуществленіе тѣхъ принциповъ, какимъ онъ училъ ихъ. Смерть вернула Лассаля рабочему движенію.

XIV.

ПОДВИГЪ ЖИЗНИ ЛАССАЛЯ.

Рабочее движеніе не могло цѣликомъ принять всего того, что оставилъ ему въ наслѣдство Лассаль. Нужно было пересмотрѣть это наслѣдство. И долго длилась эта работа отдѣленія цѣннаго отъ негоднаго и вреднаго. Не мало было здѣсь хлопотъ и столкновеній. Это началось съ первыхъ же шаговъ. Графинѣ Гацфельдъ пришлось вступить въ борьбу изъ-за трупа Лассаля съ его матерью. Между душеприказчиками Лассаля, Лотаромъ Бухертомъ и адвокатомъ Гольтгоффомъ, и его матерью началась борьба изъ-за признанія и выполненія завѣщанія. Шла борьба и между Бернгардомъ Беккеромъ, котораго Лассаль рекомендовалъ Союзу въ качествѣ своего преемника на президентское мѣсто, и близкимъ другомъ и совѣтчикомъ Лассаля, Софіей фонъ-Гацфельдъ. Положеніе дѣлъ еще больше запутывается, когда начинается борьба между Ж. Б. фонъ-Швейцеромъ, который изъ всѣхъ единомышленниковъ Лассаля ближе всего стоялъ къ нему, и Софіей фонъ-Гацфельдъ, съ одной стороны, и Вильгельмомъ Либкнехтомъ, другомъ и приверженцемъ Карла Маркса, — съ другой. Идетъ борьба между реорганизованнымъ фонъ-Швейцеромъ Общегерманскимъ Рабочимъ Союзомъ и соціалъ-демократической рабочей партіей эйзенахскаго толка, которая была основана Либкнехтомъ въ союзѣ съ Августомъ Бебелемъ и отколовшимися отъ Швейцера членами Общегерманскаго Рабочаго Союза. Отголоски этой борьбы слышатся еще въ 1875 году, на Готскомъ конгрессѣ объединенной соціалъ-демократической партіи. Сперва, когда закончились споры изъ-за завѣщанія, всѣ эти столкновенія носили больше личный и формаль-

ный характеръ. Затѣмъ выступаютъ на первый планъ вопросы политической тактики. А подъ конецъ все свелось уже къ основнымъ теоретическимъ вопросамъ рабочаго движенія. Самымъ замѣчательнымъ документомъ въ этомъ отношеніи является письмо Карла Маркса, посвященное критикѣ проекта програмы объединенной въ 1875 году германской соціалъ-демократіи. Личные и формальные споры можно считать теперь исторически покончеными. Вопросы политической тактики, вызывавшіе въ то время споры, въ связи съ критикой Лассаля, въ настоящее время, уже насъ не интересуютъ. Лассаль, какъ мы знаемъ, очень охотно вступалъ въ политическія сдѣлки съ другими партіями и съ предержащими властями. Дальше его, въ этомъ отношеніи, не шелъ и подвергавшійся ожесточеннымъ нападкамъ Ж. Б. фонъ-Швейцеръ. Поэтому, въ той борьбѣ, какая идетъ теперь, да и впредь будетъ итти между оппортюнистической и непримиримой тактикой, Лассаля легко было бы зачислить въ духовные отцы оппортюнизма. Но Лассаль не былъ доктринеромъ оппортюнизма. И, поэтому, въ каждомъ частномъ случаѣ, въ высшей степени трудно было бы рѣшить, можно ли взывать къ его авторитету. Если Лассаль склоненъ былъ, въ видахъ достиженія всеобщаго избирательнаго права, политически заигрывать съ Бисмаркомъ, то, при этомъ, необходимо помнить, что онъ дѣйствовалъ отъ лица Союза, который онъ считалъ и, до извѣстной степени, имѣлъ право считать своимъ созданіемъ. Онъ создалъ этотъ Союзъ въ видахъ достиженія всеобщаго избирательнаго права. Въ то же время, какъ его руководитель, онъ пользовался обширными полномочіями и питалъ безграничную вѣру въ революціонно-творческую силу всеобщаго избирательнаго права. Если принять все это во вниманіе, то тактическіе пріемы Лассаля, съ принципіальной точки зрѣнія, окажутся достаточно обоснованными. Ихъ слѣдуетъ оцѣнивать только съ точки зрѣнія положенныхъ въ ихъ основу расчетовъ. Во всякомъ случаѣ, исторія современнаго рабочаго движенія можетъ указать аналогичные примѣры. Такой тактики въ Англіи держались нѣкоторые очень уважаемые вожди чартизма. Даже Эрнестъ Джонсъ не задумывался иногда пользоваться услугами Дизраэли. Главная ошибка Лассаля была въ томъ, что онъ слишкомъ переоцѣнивалъ свои силы.

Если имѣть въ виду цѣль, ради которой Лассаль создалъ Общегерманскій Рабочій Союзъ, то становится вполнѣ понятнымъ, почему онъ придалъ ему характеръ, отвѣчавшій его личности или личности человѣка, равноцѣннаго ему. Лассалю ставили въ вину, что онъ придалъ рабочему движенію сектантскій характеръ, что онъ пропиталъ его сектантскимъ духомъ. Это очень несправедливая, очень поверхностная оцѣнка. Лассаль менѣе

всего былъ склоненъ къ сектантству. Какимъ бы онъ ни былъ философомъ-идеалистомъ,—мы думаемъ, однако, что и въ этомъ отношенiи онъ остался непонятымъ,—но какъ политикъ и соцiальный теоретикъ онъ былъ только реалистомъ. Отъ упрековъ въ сектантствѣ его защищаетъ уже тотъ простой фактъ, что онъ стремился воспитать рабочихъ для участiя въ политикѣ, что онъ всегда выдвигалъ на первый планъ политическую борьбу, образованiе политической партiи рабочихъ. Въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1863 г. Лассаль пишетъ Родбертусу: „Желать осуществить наши требованiя безъ всеобщаго избирательнаго права, т. е., безъ практическаго устоя,—это значитъ оставаться философской школой, или быть религiозной сектой, но отнюдь не политической партiей“. — А въ февралѣ 1864 г., посылая ему своего „Бастiа-Шульце“, Лассаль пишетъ: „Между прочимъ, въ этой книгѣ я старался также показать, какъ на частныхъ примѣрахъ, такъ и вообще—IV глава, II глава послѣсловiя—какъ тождественны между собой политическiе и экономическiе вопросы. Всякое раздѣленiе ихъ есть абстракцiя, и я думаю, что именно соединенiе въ одно тѣхъ и другихъ вопросовъ и составляетъ мою главную силу“.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ предисловiя къ „Системѣ прiобрѣтенныхъ правъ“: „И тамъ, гдѣ юридическiй элементъ, повидимому, вполнѣ отдѣляется, въ качествѣ частноправового, отъ политическаго, тамъ онъ становится еще болѣе политическимъ, нежели само политическое, такъ какъ является въ этомъ случаѣ соцiальнымъ элементомъ“.

Такихъ цитатъ можно было бы привести очень много, и онѣ разъ навсегда защищаютъ Лассаля отъ упрековъ въ сектантствѣ.

Правда, на это могутъ сказать, что Лассаль, въ экономическомъ отношенiи, прiурочилъ все движенiе къ одному, заранѣе вредопредѣленному средству—производительныя товарищества съ финансовой помощью со стороны государства,—и въ этомъ слѣдуетъ усматривать его сектантскiй характеръ. Но въ десятой главѣ уже было указано, что Лассаль лишь воспользовался этимъ требованiемъ, такъ какъ оно уже имѣлось въ рабочемъ движенiи. И, въ данномъ случаѣ, можно было бы доказать, что, несмотря на страстную защиту этого требованiя, Лассаль не относился къ нему съ сектантской исключительностью. Для него это было лишь практической точкой приложенiя его дѣятельности и пропаганды. Экономическая отсталость тогдашней Германiи была повинна въ томъ, что мысль его не остановилась на идеѣ всеобщей экспропрiацiи. За отсутствiемъ необходимыхъ политическихъ

и т. п. предварительныхъ условій, были невозможны и какія-либо другія экономическія мѣропріятія рабочаго класса. И такъ какъ Лассаль хотѣлъ удержать рабочихъ отъ мелкобуржуазныхъ экспериментовъ, которые лишь раздробили бы ихъ силы, то ему ничего другого не оставалось, кромѣ производительныхъ ассоціацій. Расширивъ рамки этого плана, онъ сдѣлалъ его менѣе опаснымъ, въ практическомъ отношеніи, такъ какъ, благодаря этому, онъ сталъ еще менѣе пріемлемъ для правительства.

И если, все же, Лассалевское движеніе долгое время носило сектантскій характеръ, то повинна въ этомъ была прежде всего его молодость. Всякое всемірно-историческое движеніе во дни своей юности носитъ сектантскій характеръ. То же самое было и въ тѣхъ соціалистическихъ организаціяхъ, которыя конкурировали съ Лассалевскими. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, это было долгое время признакомъ силы.

Достаточно ознакомиться съ однимъ только „Бастіа-Шульце", чтобы тотчасъ же убѣдиться, какъ прочно стоялъ Лассаль на почвѣ экономической теоріи развитія, какъ прекрасно понималъ онъ тенденцію капиталистической концентраціи. Но этимъ нисколько не предрѣшается еще вопросъ, когда и гдѣ должно совершаться вмѣшательство общества въ процессъ развитія. Либерально-оптимистическій экономистъ говоритъ: „вообще, его не должно быть, соціальный прогрессъ слѣдуетъ за экономическимъ, а за послѣдній ручается конкуренція". Соціалистическая экономія отвергаетъ такой автоматическій процессъ исцѣленія. И мы хорошо знаемъ, какой громадный матеріалъ собралъ Лассаль, чтобы доказать, что такого самоисцѣленія нѣтъ въ дѣйствительности. Но принципіально этимъ была доказана только необходимость вмѣшательства, вмѣшательства, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса. Какъ, самый способъ такого вмѣшательства находился въ зависимости отъ степени зрѣлости общественныхъ отношеній. А въ этомъ отношеніи, Германія, гдѣ тогда очень сильно было развито ремесло, далеко еще не созрѣла даже для фабричнаго законодательства, въ духѣ англійскаго 1847 года. Здѣсь не было даже національнаго единства. Такимъ образомъ, прежде всего нужно было завоевать національное единство и демократическій строй жизни. А въ томъ и другомъ отношеніи. Лассаль глядѣлъ на вещи, какъ истинный реалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. О завоеваніи рабочимъ классомъ государственной власти, какъ я уже упоминалъ, нечего было думать. Но возможно было работать надъ превращеніемъ пролетаріата въ политическую силу. И, въ этомъ отношеніи, громадную роль должно было сыграть всеобщее избирательное право.

Трудно допустить, чтобы Лассаль, по мѣрѣ роста движенія, сталъ противиться, въ угоду производительнымъ товариществамъ, другимъ реформаторскимъ требованіямъ рабочаго класса. Примѣромъ можетъ служить его отношеніе къ требованію права коалицій. На основаніи англійскаго опыта, онъ возлагалъ мало надеждъ на товарищества. Но едва только берлинскіе типографщики заговорили о правѣ коалицій, какъ Лассаль тотчасъ же принялъ ихъ сторону. Пока это служило для него лишь средствомъ агитаціи (ср. Ронсдорфскую рѣчь); но едва-ли можно сомнѣваться, что онъ пошелъ бы въ этомъ отношеніи и дальше. Онъ понималъ движеніе исключительно какъ классовое движеніе рабочихъ. „Посмотрите на этотъ результатъ пробужденнаго среди рабочихъ, благодаря агитаціи, классового сознанія",— читаемъ мы въ Ронсдорфской рѣчи. И далѣе: „Такъ ощутимо висятъ наши принципы какъ бы въ воздухѣ. Или скажемъ болѣе опредѣленно: въ такой степени наши принципы являются простымъ выраженіемъ фактическихъ отношеній современнаго общества, что, въ силу одного только воздѣйствія этихъ отношеній, они необходимо должны возникнуть, и потому они появляются даже среди рабочихъ круговъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о нашихъ сочиненіяхъ и о нашей дѣятельности". Подъ этими строками охотно подписался бы самый строгій ревнитель матеріалистическаго пониманія исторіи.

Поэтому, крайне ошибочно изображать Лассаля, въ противоположность Марксу и Энгельсу, въ видѣ какого-то идеолога-юриста, который тотчасъ же превращаетъ всѣ вопросы въ юридическіе, и для котораго всѣ проблемы были юридическими проблемами. Несомнѣнно, Лассаль былъ юристомъ и часто прибѣгалъ къ юридическому языку. Равнымъ образомъ, извѣстныя учрежденія, какъ, напр., государство, являлись для него скорѣе юридическимъ понятіемъ или юридическимъ установленіемъ, нежели выраженіемъ конкретнаго соотношенія силъ. Поэтому, онъ слишкомъ склоненъ былъ превозносить ихъ. Но, въ то же время, онъ прекрасно понималъ разницу между юридическими и фактически-экономическими формами жизни. Онъ отнюдь не смѣшивалъ юридическихъ и фактическихъ способовъ рѣшенія вопросовъ. И въ этомъ склонны мы усматривать его главную силу. Въ концѣ концовъ, пока люди будутъ жить большими обществами, до тѣхъ поръ всякія перемѣны въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ необходимо будутъ выражаться въ соотвѣтствующихъ перемѣнахъ правового характера. Или, какъ однажды выразился Лассаль, между правовымъ и экономическимъ развитіемъ существуетъ параллелизмъ. И такимъ,

образомъ, юридическій способъ разсмотрѣнія,—если только не забывать существующей связи, а Лассаль не забывалъ этого,—получаетъ свое законное основаніе. На его сторонѣ то преимущество, что онъ предохраняетъ отъ упрощеннаго экономизма. Еще въ настоящее время многіе могли бы кое-чему поучиться, въ этомъ отношеніи, у Лассаля.

И не только въ одномъ этомъ отношеніи. Правда, практика и теорія нашихъ дней оставили далеко позади себя его экономическую программу. Но его сочиненія и въ настоящее время могутъ еще сильно будить и оплодотворять соціалистическую мысль. Никто не выразилъ такъ ясно, такъ выпукло, такъ глубоко великой соціальной связи, какъ это сдѣлано Лассалемъ въ его „Бастіа-Шульце“. Никто не изобразилъ такъ общепонятно, такъ увлекательно, съ такой пылкой страстью политической миссіи рабочаго класса, какъ это сдѣлано Лассалемъ въ „Программѣ работниковъ“. Грабежъ рабочаго класса путемъ системы косвенныхъ налоговъ,—кто какъ не Лассаль съ полной силой и убѣдительностью доказалъ это въ своей рѣчи: „Косвенные налоги и положеніе рабочихъ классовъ“? Связь государственныхъ учрежденій съ соотношеніемъ общественныхъ силъ и экономическимъ строеніемъ общества,—развѣ можно изобразить ее въ болѣе классической, въ болѣе ясной формѣ, вполнѣ доступной для самаго простого человѣка, чѣмъ это сдѣлано Лассалемъ въ его брошюрѣ: „О сущности конституціи“?

Можно было бы назвать еще много другихъ произведеній Лассаля, которыя до сихъ поръ не утратили своего жизненнаго значенія, которыя и въ настоящее время заслуживаютъ прочтенія.

И они заслуживаютъ этого не только за свое с о д е р ж а н і е. Еще больше за свою ф о р м у. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣкоторыя сочиненія Лассаля въ смыслѣ формы, т. е., съ точки зрѣнія п о с т р о е н і я и я з ы к а, до сихъ остаются мастерскими произведеніями, не знающими себѣ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи, Лассалю сослужило добрую службу его сильно развитое чувство красоты. То самое чувство красоты, которое, въ то же время, выражалось у него въ преувеличенной заботѣ о своей внѣшности. Здѣсь онъ утрачивалъ иногда чувство мѣры и превращался въ щеголя. Но въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего напыщеннаго, никакой утонченности. Языкъ его исполненъ благородной простоты. Благодаря поразительному богатству мыслей, которыя проходятъ передъ вами въ истинно-художественномъ построеніи, онъ никогда не становится банальнымъ. И когда Лассаль прибѣгаетъ къ образамъ, его сравненія

бьютъ прямо въ цѣль. Ни у кого другого вы не найдете такъ много выпукло-отчеканенныхъ фразъ.

Но ближе всего намъ въ настоящее время Лассаль тѣми своими рѣчами, въ какихъ онъ доказывалъ рабочимъ значеніе всеобщаго избирательнаго права. Конечно, не онъ первый выставилъ это требованіе. Чтобы далеко не заглядывать назадъ, укажемъ только, что требованіе это было старымъ лозунгомъ чартистовъ; что того же требовали французскіе сторонники реформъ 1848 года. И Лассаль развернувъ въ Германіи въ 1862—1863 г. знамя всеобщаго избирательнаго права, лишь воспринялъ это ихъ требованіе. Но его собственной заслугой было то, что онъ развернулъ это знамя въ такое время, когда демократія всего міра стала отчаяваться во всеобщемъ избирательномъ правѣ. Нѣкоторые неудачные выборы не сбили его съ толку, и онъ лучше другихъ оцѣнилъ воспитательно-творческое значеніе избирательнаго права. И если мы въ Германіи обладаемъ въ настоящее время всеобщимъ избирательнымъ правомъ, то можемъ ли мы забыть ту роль, какую сыгралъ въ этомъ отношеніи для нѣмецкаго народа Лассаль? Во всякомъ случаѣ, сомнительно, чтобы Висмаркъ ввелъ въ 1866 году демократическое избирательное право, если бы Лассаль много не поработалъ надъ этимъ вопросомъ, если бы не было его пропаганды среди массъ. Неужели нужно еще доказывать, какъ сильно содѣйствовало избирательное право рабочему движенію, какъ сильно было его отраженное дѣйствіе въ Германіи, какую воспитательную роль сыграло оно за предѣлами Германіи, съ точки зрѣнія интересовъ соціалъ-демократіи? Гдѣ бы еще стояли мы въ настоящую минуту безъ избирательнаго права? Конечно, у насъ было бы соціалистическое рабочее движеніе. Объ этомъ позаботилось бы экономическое развитіе. Но едва-ли у насъ было бы такое сильное, такое объединенное, такое могучее соціалистическое движеніе. Здѣсь-то и сослужила наибольшую службу рабочему классу своеобразная точка зрѣнія Лассаля. И если бы за Лассалемъ не было никакихъ иныхъ заслугъ, то ради одного этого рабочій классъ долженъ былъ бы высоко чтить его имя, долженъ былъ бы никогда не забывать о немъ. И меньше всего въ настоящую минуту. Въ настоящую минуту, когда отовсюду раздаются голоса тѣхъ, кто хотѣлъ бы снова отнять у рабочихъ избирательное право, особенно живо встаетъ передъ глазами великое, всемірно-историческое дѣяніе Лассаля, когда онъ, со всѣмъ пыломъ своей могучей личности, сталъ во главѣ начинавшагося нѣмецкаго рабочаго движенія обратился къ рабочимъ съ призывомъ:

„Всеобщее и прямое избирательное право—это не только вашъ политическій, но и вашъ основной соціальный принципъ, основное условіе всякаго соціальнаго улучшенія“.

Пусть же работники особенно запомнятъ и сохранятъ въ своей памяти эти слова, которыя завѣщалъ имъ Фердинандъ Лассаль.

Эд. Бернштейнъ.

СОЧИНЕНІЯ
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

Переводъ В. Зайцева,
просмотрѣнный и дополненный
по послѣднему нѣмецкому изданію
І. Давыдовымъ и Л. Рейнгольдомъ.

ПРОГРАММА РАБОТНИКОВЪ.

ОБЪ ОСОБЕННОЙ СВЯЗИ СОВРЕМЕННАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА СЪ ИДЕЕЙ РАБОЧАГО СОСЛОВІЯ.

Господа!

Получивъ приглашеніе прочесть вамъ лекцію, я нашелъ, что необходимо избрать тему, которая по самой сущности своей могла бы особенно интересовать васъ, и обработать ее строго научно. Я намѣренъ говорить объ особенной связи между характеромъ современнаго историческаго періода и идеей рабочаго сословія.

Какъ я сказалъ, я отнесусь къ этой темѣ строго научно.

Но истинная научность состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ совершенной ясности, слѣдовательно, требуетъ, чтобы ничего не говорилось бездоказательно, не предполагалось заранѣе извѣстнымъ.

Не желая ничего предполагать заранѣе извѣстнымъ, мы должны будемъ въ теченіе этой бесѣды выяснить себѣ даже то, что собственно мы понимаемъ подъ словомъ „работникъ" и „рабочее сословіе". Даже этого мы не можемъ предположить заранѣе извѣстнымъ, не требующимъ объясненія. Ни въ какомъ случаѣ! Въ обыденной рѣчи слова „работникъ" и „рабочее сословіе" употребляются въ самомъ различномъ смыслѣ, и потому намъ необходимо выяснить себѣ, какой же именно смыслъ соединяемъ мы съ ними.

Но пока это еще рано. И нашу бесѣду мы начнемъ съ другого вопроса.

Рабочее сословіе есть лишь одно сословіе среди нѣсколькихъ другихъ, изъ которыхъ состоитъ гражданское общество. Работники существовали во

всѣ времена. Какъ же возможна какая-то особенная связь между идеей этого одного сословія и общимъ принципомъ современнаго историческаго періода?

Что это значитъ?

Чтобы понять это, необходимо, господа, заглянуть въ исторію, въ прошедшее, которое, если его вѣрно понять, всегда вскрываетъ передъ нами смыслъ настоящаго и даетъ очертанія грядущаго.

При этомъ обзорѣ намъ необходимо, господа, быть возможно краткими: иначе, за недостаточностью отведеннаго намъ времени, мы рискуемъ совсѣмъ не добраться до интересующей насъ темы.

Но, несмотря на это, намъ все же придется, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, сдѣлать бѣглый обзоръ прошлому, такъ какъ иначе нельзя понять ни нашего вопроса, ни нашей темы.

Обращаясь къ среднимъ вѣкамъ, мы находимъ, что и тогда уже существовали, хотя и не въ такой развитой формѣ, какъ нынѣ, всѣ тѣ классы и сословія, изъ которыхъ теперь слагается гражданское общество; но одно сословіе, одно начало играло тогда главную роль. То было землевладѣніе.

Землевладѣніе, господа, въ средніе вѣка держало въ своихъ рукахъ скипетръ власти, налагало на всѣ учрежденія и на всю жизнь того времени свой особенный специфическій отпечатокъ. Его-то и надо признать господствующимъ принципомъ того времени.

Причина его господства очень проста. Она заключается въ экономической, хозяйственной организаціи среднихъ вѣковъ, въ состояніи ихъ производства. По крайней мѣрѣ здѣсь этого объясненія для насъ вполнѣ достаточно. Въ то время торговля была еще очень слабо развита; промышленность и того слабѣе. Главное богатство средневѣкового общества состояло въ земледѣльческомъ производствѣ, которое совершенно подавляло всѣ остальные виды производительности.

Наряду съ поземельной собственностью, движимой собственности не придавали въ то время большого значенія. До чего это тогда было общимъ явленіемъ, можетъ ясно показать вамъ даже гражданское право, которое всегда служитъ вѣрнымъ отраженіемъ экономическихъ отношеній породившей его эпохи. Такъ, напр., чтобы сохранить изъ рода въ родъ фамильное достояніе и предохранить его отъ расточенія, средневѣковое гражданское право постановляло неотчуждаемость семейнаго имущества или „отчины“ безъ согласія наслѣдниковъ. Но подъ семейнымъ достояніемъ или „отчиной“ разумѣлась только земля. Напротивъ того, движимость можно было отчуждать безъ согласія наслѣдниковъ. Вообще древне-германское граждан-

ское право разсматриваетъ всякую движимость не какъ самостоятельный, производительный имущественный фондъ, капиталъ, а лишь какъ плоды земли, слѣдовательно, какъ, напр., годовой доходъ съ земли, которому она совершенно приравнивается. Самостоятельнымъ производительнымъ имущественнымъ фондомъ обыкновенно тогда считалась только поземельная собственность. Поэтому, если въ то время землевладѣніе и тѣ сословія, которымъ оно преимущественно принадлежало, т. е., какъ вамъ извѣстно, дворянство и духовенство, были господствующими во всѣхъ отношеніяхъ факторами средневѣкового общества, то это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало такому положенію вещей и было простымъ его слѣдствіемъ.

Какое бы учрежденіе среднихъ вѣковъ вы ни взяли, вы всюду натолкнетесь на это явленіе.

Намъ достаточно остановиться на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ изъ этихъ учрежденій, въ которыхъ землевладѣніе является господствующимъ началомъ.

Такова, во-первыхъ, обусловленная имъ организація общественной власти или ленная система. Какъ вамъ извѣстно, господа, она состояла въ томъ, что короли, князья и владѣтели уступали земли въ пользованіе другимъ владѣтелямъ и рыцарямъ, а получавшіе обязывались за это преимущественно ратной службой, т. е. принимали на себя обязательство помогать своему сюзерену во всѣхъ его войнахъ или распряхъ, какъ лично, такъ и своими людьми.

Такова, во-вторыхъ, организація публичнаго права или государственный строй. На нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ представительство имѣли только сословіе князей и крупное землевладѣніе имперскихъ графовъ и духовенства. А города только тогда пользовались мѣстомъ и голосомъ на сеймѣ, если имъ удавалось пріобрѣсти привилегію вольнаго имперскаго города.

Въ третьихъ, податная привилегія крупнаго землевладѣнія. Мы постоянно наблюдаемъ, господа, одно и то же характерное явленіе: господствующее привилегированное сословіе непремѣнно старается свалить бремя общественныхъ расходовъ на угнетенные и неимущіе классы,—и дѣлается это въ явной или замаскированной формѣ, прямо или косвенно. Когда въ 1641 г. Ришелье потребовалъ съ духовенства на нужды государства 6 милліоновъ франковъ чрезвычайнаго налога, оно, устами архіепископа санскаго, дало характерный отвѣтъ: „L'usage ancien de l'église pendant sa vigueur était que le peuple contribuait ses biens, la noblesse — son sang, le clergé ses prières aux nécessités de l'Etat“ („Древнимъ обычаемъ церкви

во времена ея силы было, чтобы народъ служилъ нуждамъ государства своимъ имуществомъ, дворянство своею кровью, духовенство своими молитвами").

Въ четвертыхъ, презрительное отношеніе со стороны общества ко всякаго рода труду, кромѣ занятія земледѣліемъ.

Вести промышленныя предиріятія, добывать деньги торговлей или промыслами считалось для обоихъ привилегированныхъ господствующихъ сословій, дворянства и духовенства, позорнымъ и безчестнымъ, и приличнымъ казалось только извлекать доходъ изъ поземельной собственности.

Этихъ четырехъ крупныхъ и характерныхъ фактовъ, опредѣляющихъ основной фонъ эпохи, совершенно достаточно, чтобы показать, что въ средніе вѣка землевладѣніе на все налагало свой отпечатокъ и было господствующимъ принципомъ жизни.

До чего это было такъ, доказывается даже, повидимому, вполнѣ революціоннымъ движеніемъ крестьянскихъ войнъ, которыя вспыхнули въ Германіи въ 1524 г. и охватили всю Швабію, Франконію, Эльзасъ, Вестфалію и другія нѣмецкія земли: несмотря на свой революціонный обликъ, войны эти были въ сущности насквозь проникнуты тѣмъ же принципомъ, т. е. были реакціоннымъ движеніемъ. Вамъ извѣстно, господа, что крестьяне сожигали тогда замки дворянъ, ихъ самихъ убивали,—по тогдашнему обычаю, прогоняли сквозь строй копій. Но, несмотря на такую революціонную внѣшность, движеніе это было сплошь и насквозь реакціоннымъ.

Дѣло въ томъ, что, по понятію крестьянъ, возрожденіе государственныхъ отношеній, нѣмецкая воля, которую они хотѣли возстановить, должна была состоять въ уничтоженіи особеннаго и привилегированнаго промежуточнаго положенія, занимаемаго князьями между императоромъ и имперіей, и въ замѣнѣ его на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ исключительнымъ представительствомъ свободнаго и независимаго землевладѣнія. Сюда одинаково включалось и крестьянское и рыцарское землевладѣніе, которыя до сихъ поръ не имѣли представительства, и настоящее независимое землевладѣніе разнаго рода благородныхъ,—рыцарей, графовъ и прежнихъ князей,—безо всякаго отношенія къ этимъ прежнихъ различіямъ, и, такимъ образомъ, дворянское землевладѣніе, получало въ свою очередь, такое же представительство, какъ и крестьянское.

Итакъ, вы видите, господа, что въ концѣ концовъ этотъ планъ клонился ни къ чему иному, какъ только къ болѣе послѣдовательному и болѣе справедливому проведенію общаго принципа той эпохи, которая тогда уже приходила къ своему концу, къ болѣе послѣдовательному, болѣе чистому и

справедливому проведенію того принципа, что землевладѣніе должно быть господствующимъ началомъ и условіемъ, которое одно даетъ каждому человѣку право участвовать въ государственной власти. Крестьянамъ и на умъ не приходило, что каждый уже потому имѣетъ право на это участіе, что онъ—человѣкъ, что онъ—разумное существо, хотя бы у него и не было земли! Для такого пониманія тогдашній строй жизни былъ еще недостаточно развитъ, тогдашній строй идей еще недостаточно революціоненъ.

Такимъ образомъ, движеніе это, по внѣшности такъ революціонно выступавшее, по содержанію своему было совершенно реакціонно, т. е., вмѣсто того, чтобы опираться на новый революціонный принципъ, оно, напротивъ, само того не вѣдая, продолжало въ сущности цѣликомъ стоять на принципѣ прошлаго, на принципѣ существующаго порядка вещей, на принципѣ, тогда уже клонившейся къ упадку, эпохи, и именно потому и пало крестьянское движеніе, что, считая себя революціоннымъ, оно въ дѣйствительности было реакціонно.

Въ противоположность какъ крестьянскому, такъ и дворянскому возстаніямъ (Францъ фонъ Зикингенъ), одинаково стремившимся еще послѣдовательнѣе прежняго утвердить участіе въ государственномъ управленіи на землевладѣніи, —въ противоположность имъ обоимъ начавшая развиваться княжеская власть, какъ представительница идеи государственнаго суверенитета, независимаго отъ поземельной собственности, какъ защитница государственной идеи, независимой отъ частныхъ имущественныхъ отношеній, представляла собой явленіе сравнительно справедливое и революціонное. Благодаря этому, она и могла успѣшно развиться и подавить какъ крестьянское, такъ и дворянское движеніе.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ пунктѣ, господа, во-первыхъ, для того, чтобы показать вамъ разумность и прогрессъ свободы въ историческомъ развитіи даже на такомъ примѣрѣ, который при болѣе поверхностномъ отношеніи далеко не доказываетъ этого; во-вторыхъ, потому, что историки все еще далеко не признаютъ реакціоннаго характера крестьянскаго движенія и не склонны усматривать въ этомъ причины его неудачи: обманутые внѣшностью, они все еще считаютъ крестьянскія войны настоящимъ революціоннымъ движеніемъ.

Въ третьихъ, наконецъ, потому, что во всѣ времена часто повторяется это замѣчательное явленіе страшнаго заблужденія темныхъ умовъ, принимающихъ за новый революціонный принципъ лишь болѣе послѣ-

довательное и болѣе ясное выраженіе идеи уже гибнущей эпохи и уклада жизни. И замѣтьте, господа: заблужденіе это можетъ быть свойственно,—да оно такъ и есть,—самымъ, повидимому, просвѣщеннымъ людямъ, профессорамъ, какъ это показало намъ печальной памяти Франкфуртское собраніе.

Мнѣ хотѣлось бы предостеречь васъ, господа, отъ подобныхъ людей и направленій, революціонныхъ лишь въ собственномъ воображеніи, потому что въ будущемъ недостатка въ нихъ не будетъ, какъ его не было въ прошломъ.

Но это можетъ служить для насъ и большимъ утѣшеніемъ, такъ какъ мы должны считать мнимо-революціонными всѣ многочисленныя исторически-извѣстныя движенія, которыя или совсѣмъ не удались, или пали послѣ минутной удачи и паденіе которыхъ можетъ наполнить грустнымъ сомнѣніемъ сердце иного благожелательнаго, но поверхностнаго друга народа.

Наоборотъ, болѣе вдумчивый мыслитель выноситъ изъ изученія исторіи утѣшительное убѣжденіе, что истинно-революціонное движеніе, основанное на дѣйствительно новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, никогда не падало, по крайней мѣрѣ, надолго.

Возвратимся, однако, къ предмету нашей бесѣды!

Если крестьянскія войны были только по виду революціонны, то истинно революціонными были, въ то время, прогрессъ промышленности, прогрессъ городского производства, все болѣе и болѣе развивавшагося раздѣленія труда и возникшее вслѣдствіе этого обиліе капиталовъ, которые накоплялись исключительно въ рукахъ буржуазіи, такъ какъ именно это сословіе взялось за производство и присвоило себѣ всѣ его выгоды.

Окончаніе среднихъ вѣковъ и начало новой исторіи обыкновенно относятъ къ началу реформаціи, т. е. къ 1517 году.

Это, дѣйствительно, вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ теченіе двухъ столѣтій, слѣдовавшихъ непосредственно за реформаціей, постепенно и незамѣтно совершалась перемѣна, кореннымъ образомъ измѣнившая внѣшній видъ общества и произведшая внутри его переворотъ, который французская революція 1789 г. не создала вновь, а только провозгласила.

Въ чемъ состояла эта перемѣна, спросите вы?

Въ правовомъ положеніи дворянства не произошло никакой перемѣны. Юридически дворянство и духовенство все еще были привилегированными сословіями, а буржуазія—сословіемъ обойденнымъ и угнетеннымъ. Но если ничего не измѣнилось въ правовомъ отношеніи, то факти-

чески, въ дѣйствительности, въ отношеніяхъ произошла громадная перемѣна.

Благодаря скопленію въ рукахъ буржуазіи большихъ капиталовъ, движимой собственности, въ противоположность поземельной, дворянство утратило всякое значеніе, болѣе того, оно оказалось въ настоящей зависимости отъ этой разбогатѣвшей буржуазіи. Чтобы только сохранить свое положеніе на ряду съ ней, дворянству приходилось измѣнить всѣмъ своимъ сословнымъ принципамъ, взяться за тѣ же средства промышленнаго пріобрѣтенія, которымъ буржуазія была обязана своимъ богатствомъ, а съ нимъ и своею фактическою силою.

Уже въ комедіяхъ Мольера, жившаго при Людовикѣ XIV, мы видимъ— явленіе въ высшей степени любопытное,—что тогдашнее дворянство презираетъ богатую буржуазію и въ то же время пресмыкается передъ нею.

Самъ Людовикъ XIV, этотъ надменнѣйшій король, въ своемъ версальскомъ дворцѣ снимаетъ шляпу и унижается передъ жидомъ Самуиломъ Бернаромъ, тогдашнимъ Ротшильдомъ, чтобы выпросить у него заемъ.

Когда въ началѣ XVIII столѣтія знаменитый шотландскій финансистъ Ло основалъ во Франціи торговую компанію, акціонерное общество для торговой эксплоатаціи береговъ Миссисипи, Луизіаны, Остъ-Индіи и пр., самъ регентъ Франціи былъ въ числѣ директоровъ этой компаніи, былъ членомъ купеческаго общества! Мало того, въ августѣ 1717 г. регентъ былъ вынужденъ издать эдиктъ, что дворяне могутъ вступать въ военную и морскую службу этой компаніи, не унижая своего достоинства! Вотъ до чего уже тогда дошло воинственное и гордое феодальное дворянство Франціи! Ему служить вооруженными приказчиками въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ буржуазіи, шныряющей по всему свѣту!

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой перемѣной, въ тогдашнемъ обществѣ воцарился матеріализмъ, голодная алчная погоня за деньгами и богатствомъ, погоня, заглушавшая всѣ нравственныя идеи и—что, обыкновенно, со стороны привилегированныхъ сословій, къ сожалѣнію, еще знаменательнѣе—даже всѣ сословныя преимущества. При томъ же регентѣ во Франціи подвергаютъ колесованію, какъ простого разбойника, графа Горна, одного изъ первыхъ аристократовъ, состоявшаго въ родствѣ со многими знатнѣйшими домами, даже съ самимъ регентомъ. Герцогиня Орлеанская, урожденная нѣмецкая принцесса, пишетъ отъ 29 ноября 1719 г., что однажды шесть знатнѣйшихъ дамъ подкараулили во дворѣ одного дома упомянутаго Ло; этотъ наиболѣе популярный тогда во Франціи человѣкъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе занятымъ человѣкомъ, и поэтому его

было очень трудно поймать; тутъ же на дворѣ онѣ пристали къ нему съ просьбами уступить имъ акціи учрежденныхъ имъ компаній, которыя раскупались тогда нарасхватъ во всей Франціи и стояли на биржѣ разъ въ шесть-восемь и даже выше номинальной цѣны. Ло очень торопился, не хотѣлъ ихъ слушать и, наконецъ, видя, что онѣ не отстаютъ, сказалъ имъ: „Сударыни, тысячу разъ прошу извиненія, но, если вы меня не отпустите, я лопну, такъ какъ чувствую потребность помочиться и не могу больше удерживаться". На это знатныя барыни отвѣчали ему: „Eh bien, monsieur, pissez, pourvu que vous nous écoutiez" („Ничего, милостивый государь, мочитесь, только выслушайте насъ"). И, дѣйствительно, пока онъ занимался своимъ дѣломъ, онѣ стояли возлѣ и излагали ему свою просьбу.

Если вы спросите меня, далѣе, о причинахъ такого развитія промышленности и вызваннаго имъ обогащенія буржуазіи, то для болѣе подробнаго объясненія этого мнѣ нужно было бы гораздо больше времени, чѣмъ какимъ я могу располагать. Я могу только вкратцѣ перечислить важнѣйшія изъ этихъ причинъ: открытіе Америки и огромное вліяніе его на производство; открытіе морского пути въ Остъ-Индію вокругъ мыса Доброй Надежды, тогда какъ прежде вся торговля съ Востокомъ и Индіей шла сухимъ путемъ, черезъ Суэцкій перешеекъ; изобрѣтеніе магнитной стрѣлки и компаса и вслѣдствіе этого большая безопасность и быстрота морской торговли, имѣвшія результатомъ пониженіе страховой преміи; проложеніе внутри странъ водяныхъ путей, каналовъ и шоссейныхъ дорогъ, что уменьшило расходы на перевозку многихъ продуктовъ и дало возможность сбывать ихъ на отдаленныхъ рынкахъ, куда они раньше, благодаря дороговизнѣ доставки, не могли попадать; большая гражданская обезпеченность собственности; организованное правосудіе; изобрѣтеніе пороха и обусловленное этимъ уничтоженіе монархическою властью военной силы феодальнаго дворянства; вызванное разрушеніемъ дворянскихъ замковъ и уничтоженіемъ самостоятельной военной силы дворянства распущеніе наемниковъ, копейщиковъ и рейтаровъ, которымъ оставалось только искать себѣ занятія въ средневѣковыхъ рабочихъ мастерскихъ,—вотъ событія, которыя содѣйствовали тріумфальному шествію буржуазіи!

Всѣ эти и многія другія событія, которыя я могъ бы перечислить вамъ, имѣли одинъ общій результатъ: благодаря открытію обширныхъ débouchés, т. е. крупныхъ рынковъ для сбыта и связанному съ этимъ уменьшенію издержекъ производства и транспорта, создалось массовое производство, производство для міроваго рынка; это, въ свою очередь, породило потребность въ дешевомъ производствѣ, а эта потребность могла быть

удовлетворена лишь дальнѣйшимъ раздѣленіемъ труда, т. е. все болѣе и болѣе совершеннымъ разложеніемъ труда на его простѣйшія механическія операціи; наконецъ, усовершенствованіе раздѣленія труда вызываетъ, съ своей стороны, все болѣе обширные размѣры производства.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, господа, рядъ взаимодѣйствій. Каждый изъ этихъ фактовъ вызываетъ другой, а этотъ, въ свою очередь, вліяетъ на первый, расширяя и увеличивая его объемъ.

Вы легко поймете, что производство какого-нибудь товара въ громадныхъ массахъ, т. е. производство его для міроваго рынка вообще возможно лишь тогда, если оно обходится дешево и если стоимость перевозки этого товара не повышаетъ значительно его цѣны. Это понятно, потому что производство въ громадныхъ размѣрахъ требуетъ и массоваго сбыта, а сбывать товаръ въ громадныхъ массахъ можно только при его дешевизнѣ, которая дѣлала бы его доступнымъ огромному числу покупателей. Дешевизна производства и перевозки товара вызываетъ, слѣдовательно, его производство въ большомъ масштабѣ, въ громадныхъ массахъ. Понятно также, что и производство товара въ большихъ массахъ, съ своей стороны, вызываетъ и увеличиваетъ его дешевизну. Напримѣръ, фабрикантъ, сбывающій въ годъ 200.000 кусковъ миткаля, можетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ продавать каждый кусокъ значительно дешевле, чѣмъ фабрикантъ, производящій въ годъ только 5.000 кусковъ, потому что первому, благодаря закупкѣ оптомъ, сырой матеріалъ достается дешевле, а прибыль и проценты на свой основной капиталъ, на зданія и машины онъ разлагаетъ на большее число кусковъ. Удешевленіе производства ведетъ, слѣдовательно, къ массовому производству; это, обыкновенно, еще болѣе удешевляетъ его, а это удешевленіе, въ свою очередь, ведетъ къ массовому производству въ еще большихъ размѣрахъ, это же снова удешевляетъ его и т. д.

Тоже самое и съ раздѣленіемъ труда: съ одной стороны, оно необходимо предполагаетъ крупное производство и дешевизну, а съ другой — само является необходимымъ условіемъ крупнаго производства и дешевизны.

Раздѣленіе труда разлагаетъ производство продукта на множество совершенно простыхъ, нерѣдко чисто механическихъ и безсмысленныхъ операцій и поручаетъ каждую такую частичную операцію особому работнику. Оно возможно только при массовомъ производствѣ продукта, слѣдовательно, оно только имъ создается и развивается. Но и это разложеніе труда на такія совершенно простыя операціи и манипуляціи, въ свою очередь, ведетъ далѣе: 1) къ постоянно растущему удешевленію продукта; 2) вслѣдствіе этого къ производству все въ большихъ, гигантскихъ размѣрахъ, къ

производству, разсчитанному не на тотъ или иной мѣстный, а на міровой рынокъ, и 3) благодаря этому, какъ и дальнѣйшимъ успѣхамъ въ разложеніи отдѣльныхъ операцій работы,—опять ко все большему и большему прогрессу въ самомъ раздѣленіи труда.

Благодаря такому взаимодѣйствію, постепенно произошелъ полный переворотъ въ процессѣ общественнаго труда, а вслѣдствіе этого и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Въ общихъ чертахъ переворотъ этотъ лучше всего можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ.

Въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ производили только для потребностей своей мѣстности и для очень ограниченнаго сосѣдняго рынка, потребности котораго именно благодаря этому были извѣстны, опредѣленны и разъ навсегда даны, такъ какъ лишь небольшое число драгоцѣнныхъ продуктовъ могло выдерживать дороговизну перевозки. Потребности, т. е. спросъ, предшествовали производству, т. е. предложенію, и составляли для него заранѣе извѣстный масштабъ. Другими словами, общественное производство было преимущественно ремесленнымъ. Въ этомъ то и состоитъ разница между фабричнымъ или крупнымъ производствомъ и мелкимъ или ремесленнымъ: послѣднее, чтобы начать производство или выжидаетъ потребителя какъ, напр., портной ждетъ моего заказа, чтобы начать шить мнѣ сюртукъ, слесарь, чтобы сдѣлать мнѣ замокъ; или же, если нѣкоторые предметы и заготовляются заранѣе, то дѣлается это въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ хорошо извѣстными изъ опыта потребностями своей мѣстности и ближайшей округи. Такъ, напр., если жестяникъ заранѣе заготовляетъ извѣстное количество лампъ, то онъ хорошо знаетъ, что онѣ скоро будутъ раскуплены горожанами.

Характерными особенностями общества, производящаго преимущественно такимъ способомъ, являются, господа, бѣдность или, по крайней мѣрѣ, лишь самый скромный достатокъ, но зато всѣ отношенія здѣсь прочны и устойчивы.

Но вотъ, благодаря тому непрестанному взаимодѣйствію, о которомъ я вамъ говорилъ, постепенно и общественный трудъ, и всѣ общественныя отношенія получаютъ совершенно иной характеръ; здѣсь передъ нами въ зародышѣ то, что,—конечно, въ совершенно иномъ видѣ и въ гигантскихъ размѣрахъ,—характеризуетъ собой въ настоящее время общественный трудъ. Въ своемъ нынѣшнемъ громадномъ развитіи явленіе это, въ противоположность прежнему, представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: какъ прежде потребность предшествовала предложе-

нію, производству, вызывала и опредѣляла его, служила ему руководствомъ и заранѣе извѣстнымъ мѣриломъ, такъ теперь производство, предложеніе предшествуетъ потребности, старается вызвать ее. Производство имѣетъ въ виду не извѣстную мѣстность, не извѣстную потребность близкаго рынка сбыта, а міровой рынокъ. Люди производятъ для всего міра, для всѣхъ частей свѣта, для совершенно неизвѣстной и не поддающейся опредѣленію потребности, а чтобы продуктъ могъ вызывать потребность въ себѣ, ему дается оружіе—дешевизна. Дешевизна есть оружіе продукта, которымъ онъ, съ одной стороны, завоевываетъ себѣ покупателя, а съ другой, выбиваетъ съ поля битвы всѣ прочіе товары того же рода, которые также навязываются покупателю. Такимъ образомъ, при системѣ свободной конкуренціи, каждый производитель, какія бы громадныя массы онъ ни производилъ, можетъ надѣяться найти всему сбыть, если только ему удастся лучше вооружить свой товаръ дешевизной,—такъ, чтобы онъ могъ вытѣснить товары другихъ производителей.

Отличительной чертой такого общества является великое, неизмѣримое богатство, зато всѣ отношенія здѣсь крайне шатки, люди всегда преисполнены неувѣренности за свое положеніе и, наконецъ, выгоды производства распредѣляются между его участниками крайне неравномѣрно.

Вотъ какъ великъ былъ, господа, переворотъ, незамѣтно произведенный въ самомъ сердцѣ общества тихимъ, революціоннымъ, подрывающимъ всѣ основы дѣйствіемъ промышленности уже гораздо раньше конца прошлаго вѣка [1]).

Мы видѣли, что участники крестьянскихъ войнъ еще не дерзали и помыслить о какомъ-нибудь другомъ основаніи для государства, помимо землевладѣнія, они не могли даже мысленно отдѣлаться отъ убѣжденія, что землевладѣнію необходимо должна принадлежать господствующая роль въ государствѣ и что участіе въ этомъ владѣніи есть непремѣнное условіе участія и въ этомъ господствѣ. А между тѣмъ тихій, незамѣтно революціонизирующій прогрессъ промышленности, еще задолго до конца прошлаго вѣка совершенно лишилъ землевладѣніе его былого значенія. На ряду съ развивавшейся промышленностью, на ряду съ сокрытыми въ ея нѣдрахъ, ежедневно возраставшими, богатствами, на ряду съ тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, какое, благодаря этому, индустрія оказывала на все населеніе и на всѣ его отношенія, не исключая и дворянства, уже въ значи-

---

[1]) Рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ.

тельной части обѣднѣвшаго,—на ряду со всѣмъ этимъ, землевладѣніе заняло теперь второстепенное положеніе.

Итакъ, внутри общества, въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, революція наступила уже гораздо раньше, чѣмъ она вспыхнула во Франціи, и оставалось только дать этому перевороту внѣшнее признаніе, дать ему правовую санкцію.

Таково, господа, вообще значеніе всѣхъ революцій! Никогда нельзя сдѣлать революціи. Рѣчь всегда можетъ итти только о внѣшнемъ, юридическомъ признаніи и послѣдовательномъ проведеніи революціи, уже совершившейся въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ общества.

Хотѣть сдѣлать революцію могутъ только глупые неразвитые люди, не имѣющіе никакого понятія о законахъ исторіи.

Но такая же глупость, такое же ребячество желать попятить назадъ и остановить революцію, уже совершившуюся въ нѣдрахъ общества, сопротивляться ея правовому признанію, упрекать общество или отдѣльныхъ людей, выполняющихъ при этомъ нарожденіи новаго роль акушеровъ, за ихъ революціонность. Коль скоро революція находится внутри общества, въ его дѣйствительныхъ отношеніяхъ,—она должна выйти на свѣтъ божій, должна войти въ законодательство и никакими усиліями не задержать ее.

Какъ это происходитъ и какъ далеко въ этомъ отношеніи зашло дѣло въ то время, о которомъ я говорю, лучше всего покажетъ вамъ слѣдующій фактъ.

Я уже говорилъ вамъ о раздѣленіи труда, развитіе котораго состоитъ въ разложеніи всякаго производства на рядъ простыхъ, механическихъ и безсмысленныхъ операцій.

Все возрастающій прогрессъ этого разложенія приводитъ, наконецъ, къ открытію, что эти отдѣльныя, совершенно простыя и безсмысленныя операціи могутъ съ такимъ же успѣхомъ или даже еще лучше исполняться лишенными сознанія факторами. Такимъ образомъ, въ 1775 г., слѣдовательно, за 14 лѣтъ до французской революціи, Аркрайтъ изобрѣтаетъ въ Англіи первую машину, свою знаменитую бумагопрядильную машину.

Конечно, французскую революцію создала не эта машина; она была изобрѣтена слишкомъ незадолго до революціи, чтобы оказать такое вліяніе, да при томъ и введена во Франціи не тотчасъ по изобрѣтеніи. Но можно сказать, что она воплощала въ себѣ революцію, фактически уже наступившую, уже совершившуюся. Она сама, эта машина, несмотря на свой невинный видъ, была живымъ воплощеніемъ революціи.

Это легко объяснить.

Вы, конечно, слыхали о цеховомъ строѣ, въ рамкахъ котораго вращалось средневѣковое производство.

Я не могу здѣсь распространяться о цехахъ, какъ и о свободной конкуренціи, со времени французской революціи всюду замѣнившей цехи. Я долженъ ограничиться здѣсь только констатированіемъ факта, что средневѣковые цехи были неразрывно связаны со всѣми прочими учрежденіями среднихъ вѣковъ. Если я не могу объяснить вамъ сегодня причинъ этой неразрывной связи, то самый фактъ ея можно доказать просто исторически. Цехи существовали въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ до самой французской революціи. Объ ихъ отмѣнѣ толковали на нѣмецкомъ имперскомъ сеймѣ еще въ 1672 г., но тщетно. Еще раньше, въ 1614 г., на французскихъ États généraux, французскомъ собраніи государственныхъ чиновъ, буржуазія требовала отмѣны цеховъ, уже всюду стѣснявшихъ производство. Также тщетно. Мало того: за тринадцать лѣтъ до революціи. въ 1776 г., французскій министръ, знаменитый реформаторъ Тюрго, отмѣнилъ цехи. Но феодальный привилегированный міръ среднихъ вѣковъ справедливо сообразилъ, что ему грозитъ смертельная опасность, если его жизненный принципъ, привилегія, перестанетъ проникать всѣ классы общества, и черезъ шесть мѣсяцевъ по уничтоженіи цеховъ король, побуждаемый дворянствомъ, отмѣнилъ свой эдиктъ и возстановилъ цехи. Только революція ниспровергла, — въ одинъ день, штурмомъ Бастиліи,—то, чего законнымъ путемъ тщетно добивались въ Германіи съ 1672 г., а во Франціи съ 1614 г., т. е. почти въ теченіе двухъ столѣтій.

Изъ этого вы видите, господа, что при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ путь легальныхъ преобразованій имѣетъ во всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ одно большое неудобство, неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; а, съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои неоспоримыя невыгоды, имѣетъ то преимущество, что быстро и энергично ведетъ къ практической цѣли.

Если вы теперь припомните, господа, что цехи были нераздѣльны со всѣмъ общественнымъ строемъ среднихъ вѣковъ, то вы тотчасъ же поймете, почему первая машина, ткацкая машина Аркрайта, уже воплощала въ себѣ полный переворотъ всего этого общественнаго строя.

Развѣ возможно было машинное производство при цеховомъ строѣ, гдѣ для каждой мѣстности опредѣлено было закономъ, сколько подмастерій и учениковъ можетъ держать каждый мастеръ? Развѣ возможно было машин-

ное производство, требующее соединенія самыхъ разнородныхъ работъ подъ рукой одного капитала, при цеховомъ строѣ, гдѣ всѣ отрасли труда были самымъ точнымъ образомъ отдѣлены другъ отъ друга закономъ, гдѣ каждый мастеръ могъ заниматься только одною какою-нибудь отраслью, такъ что, напр., парижскіе портные и гвоздари вели по ста лѣтъ процессы съ заплаточниками и слесарями изъ-за опредѣленія границъ своихъ ремеслъ?

Такимъ образомъ, всѣ эти постоянныя и постепенныя усовершенствованія привели, наконецъ, къ изготовленію такихъ рабочихъ инструментовъ, отъ которыхъ весь общественный строй долженъ былъ разлетѣться впрахъ, такъ какъ инструменты эти и новые способы производства не могли найти себѣ мѣста и простора въ этомъ строѣ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что первая машина, несмотря на свой внѣшній невинный видъ, сама по себѣ была уже революціей, потому что въ своихъ зубцахъ и колесахъ заключала зародышъ всего новаго общественнаго порядка, основаннаго на свободной конкуренціи; и порядокъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ развиться изъ нея.

Такъ и теперь, господа, если я не очень ошибаюсь, есть уже много явленій, содержащихъ въ себѣ новый порядокъ вещей и долженствующихъ необходимо развить его изъ себя. Явленія эти по внѣшности совершенно безобидны, такъ что даже власти, неутомимо преслѣдующія какихъ-нибудь ничтожныхъ агитаторовъ, не только проходятъ мимо нихъ, ничего не подозрѣвая, но даже признаютъ ихъ необходимыми носителями нашей культуры, привѣтствуютъ ихъ, какъ цвѣтъ и апогей ея, и при случаѣ восхваляютъ и славятъ ихъ въ торжественныхъ спичахъ.

Теперь, господа, вы вполнѣ поймете истинное значеніе знаменитой брошюры аббата Сіэса, изданной за годъ до французской революціи, въ 1788 г. Содержаніе ея можно вкратцѣ выразить въ слѣдующихъ словахъ самого автора: „Qu'est-ce que c'est que le tiers-état?—Rien!—Qu'est-ce qu'il doit être?—Tout!“

Tiers-état, т. е. третьимъ сословіемъ называлась во Франціи буржуазія, потому что на собраніи государственныхъ сословій, на ряду съ двумя привилегированными сословіями, духовенствомъ и дворянствомъ, она являлась третьимъ сословіемъ, представлявшимъ весь непривилегированный народъ.

Итакъ. все содержаніе брошюры Сіэса сводится къ двумъ вопросамъ, которые онъ самъ задаетъ и на которые самъ же отвѣчаетъ: „Что такое третье сословіе? Ничто!—Чѣмъ оно должно быть?—Всѣмъ!“

Такъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ Сіэсъ. Но изъ всего, что я до сихъ поръ сказалъ, слѣдуетъ, что истинный смыслъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ можно было бы гораздо сильнѣе и вѣрнѣе выразить такъ:

„Что такое третье сословіе фактически, въ дѣйствительности?—Все.

А что такое оно юридически?—Ничто!"

Дѣло, слѣдовательно, заключалось въ томъ, чтобы уравнять правовое положеніе третьяго сословія съ его дѣйствительнымъ значеніемъ; чтобы доставить уже пріобрѣтенному третьимъ сословіемъ дѣйствительному значенію правовую санкцію и признаніе, и въ этомъ именно состояло дѣло и значеніе побѣдоносной революціи, которая вспыхнула въ 1789 г. во Франціи и преобразующе воздѣйствовала на всѣ другія европейскія страны.

Я не стану излагать вамъ теперь, господа, исторіи французской революціи. Здѣсь мы можемъ лишь остановиться на наиболѣе важныхъ и рѣшительныхъ переходныхъ моментахъ общественныхъ періодовъ, да и то лишь бѣгло и мимоходомъ, насколько позволяетъ время.

Прежде всего здѣсь необходимо спросить, кто было это третье сословіе или буржуазія, которая одержала во французской революціи побѣду надъ привилегированными сословіями и достигла господства въ государствѣ?

Имѣя противъ себя привилегированныя сословія общества, преимущества которыхъ гарантировались закономъ, третье сословіе сочло себя въ первые моменты борьбы солидарнымъ со всѣмъ народомъ, сочло свое дѣло дѣломъ всего человѣчества. Отсюда то возвышенное и мощное одушевленіе, которое господствовало въ ту эпоху. Провозглашаются права человѣка, и можно подумать, что съ освобожденіемъ и господствомъ третьяго сословія въ обществѣ кончились всякія привилегіи, что всякое правовое, привилегированное различіе между людьми исчезло, растворившись въ единой свободѣ человѣка.

Правда, уже тогда, въ самомъ началѣ движенія, въ апрѣлѣ 1789 г., когда король по случаю выборовъ въ государственные штаты предписалъ, чтобы на этотъ разъ одно третье сословіе послало столько депутатовъ, сколько дворянство и духовенство вмѣстѣ, въ одной далеко не революціонной газетѣ писали: „Qui peut nous dire si le despotisme de la bourgeoisie ne succedera pas à la prétendue aristocratie des nobles?". („Кто поручится, что мнимую аристократію дворянства не замѣнитъ деспотизмъ буржуазіи?") [1]).

---

[1]) „Ami du roi". См. Buchez et Roux: „Hist. parlament." I, p. 310.

Но при тогдашнемъ всеобщемъ одушевленіи такихъ голосовъ совсѣмъ еще не слушали.

Несмотря на это, мы должны вернуться къ поставленному выше вопросу; мы должны прямо спросить: было ли дѣло третьяго сословія, дѣйствительно, дѣломъ всего человѣчества, или, быть можетъ, это третье сословіе, буржуазія, заключала въ себѣ еще четвертое сословіе, отъ котораго она, въ свою очередь, хотѣла отмежеваться юридически и которое она хотѣла подчинить себѣ?

Однако, господа, мнѣ пора объяснить здѣсь значеніе слова буржуазія или крупная буржуазія, какъ обозначеніе политической партіи; пора сказать, въ какомъ смыслѣ употребляю я это слово, потому что иначе мнѣ грозитъ опасность, что моя лекція можетъ вызвать большія недоразумѣнія.

Слово буржуазія въ переводѣ значитъ, собственно, бюргерство, гражданство. Но я употребляю его не въ этомъ значеніи; мы всѣ граждане,— и работникъ, и мѣщанинъ, и капиталистъ и т. д. Но съ теченіемъ времени слово буржуазія пріобрѣло совершенно особенное значеніе, оно стало обозначать совершенно опредѣленное политическое направленіе, которое я сейчасъ объясню.

При наступленіи французской революціи весь классъ гражданъ не-дворянъ раздѣлялся и раздѣляется еще и до сихъ поръ на два подкласса: во-первыхъ, классъ лицъ, извлекающихъ свой доходъ исключительно или преимущественно изъ собственнаго труда, при чемъ у нихъ или вовсе нѣтъ никакого капитала, или самый скромный, который даетъ лишь возможность заниматься производительной дѣятельностью, прокармливающею ихъ самихъ и ихъ семейства; къ этому классу принадлежатъ, слѣдовательно, работники, мѣщане, ремесленники и въ цѣломъ и крестьяне. Во-вторыхъ, классъ лицъ, располагающихъ крупнымъ имуществомъ, большимъ капиталомъ, занимающихся на основѣ такого большого фонда производствомъ или извлекающихъ изъ него прибыль. Этихъ лицъ можно бы назвать капиталистами. Но и капиталистъ, господа, поэтому, самъ по себѣ вовсе еще не буржуа!

Гражданину нѣтъ дѣла до того, что дворянинъ у себя дома, за четырьмя стѣнами, гордится своими предками и наслаждается своими помѣстьями. Но если дворянинъ начинаетъ выставлять этихъ предковъ и эти помѣстья какъ условія своего особеннаго значенія и исключительныхъ преимуществъ въ государствѣ, какъ условія господства надъ государственной волей, — тогда гражданина охватываетъ гнѣвъ, и онъ обзываетъ того феодаломъ.

То же самое наблюдается и въ фактическихъ имущественныхъ различіяхъ.

Нѣтъ ничего проще, естественнѣе и законнѣе, когда капиталистъ, сидя у себя дома, наслаждается удобствами и выгодами, которыя въ избыткѣ доставляетъ своему обладателю большое имущество.

Конечно, работникъ и мѣщанинъ, вообще весь неимущій классъ имѣетъ право требовать, чтобы государство обратило всѣ свои помыслы и стремленія на улучшеніе горькаго и бѣдственнаго матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ; онъ вправѣ требовать, чтобы государство поставило себѣ главною цѣлью помочь тѣмъ, чьими руками создаются всѣ богатства, которыми блещетъ наша цивилизація, создаются всѣ продукты, безъ которыхъ общество не могло бы просуществовать ни единаго дня; онъ вправѣ требовать, чтобы государство помогло ему добиться большаго и болѣе обезпеченнаго дохода, а съ нимъ и возможности *умственнаго* образованія и, слѣдовательно, истинно-человѣческаго существованія. Но, при всемъ томъ, работникъ никогда не долженъ забывать и никогда не забудетъ, что всякая собственность, однажды законно пріобрѣтенная, неприкосновенна и правомѣрна.

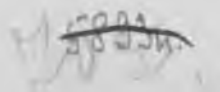
Но если капиталистъ, не довольствуясь *фактическими* преимуществами богатства, хочетъ еще выставить свое *богатство, капиталъ, условіемъ участія въ государственной власти*, въ опредѣленіи воли и цѣли государства,—*тогда* онъ обращается въ буржуа, *тогда* онъ превращаетъ *фактъ* владѣнія въ *правовое* условіе политической власти, *тогда* онъ выказываетъ себя *новымъ привилегированнымъ* сословіемъ въ народѣ, сословіемъ, которое хочетъ навязать всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ основной характеръ своей привилегіи, какъ это дѣлало въ средніе вѣка дворянство съ привилегіей *землевладѣнія*.

Такимъ образомъ, по поводу французской революціи и начавшагося съ нея историческаго періода намъ необходимо поставить слѣдующій вопросъ: смотрѣло ли на себя третье сословіе, достигшее, благодаря этой революціи, господства, въ этомъ смыслѣ, какъ на буржуазію? Хотѣло ли оно подчинить и подчинило ли народъ своему привилегированному политическому господству?

На этотъ вопросъ должны отвѣтить великіе историческіе факты, и они рѣшительно отвѣчаютъ — да!

Мы можемъ бросить лишь бѣглый взглядъ на важнѣйшіе изъ этихъ фактовъ, которыхъ, впрочемъ, достаточно для рѣшенія вопроса.

Еще въ первой конституціи, созданной французской революціей, въ конституціи 3 сентября 1791 г., устанавливается (глава I, отд. 1 и 2) различіе между citoyen actif и citoyen passif, активными и пассивными

гражданами. Только активные граждане получаютъ избирательное право, а активнымъ гражданиномъ конституція признаетъ только того, кто платитъ прямой налогъ извѣстнаго опредѣленнаго размѣра.

Размѣръ этотъ былъ установленъ еще довольно умѣренно; онъ не превышалъ трехдневной заработной платы, слѣдовательно, если считать рабочій день, напр., въ 10 зильбергрошей [1]), то размѣръ налога равнялся бы 1 талеру. Но, что гораздо важнѣе, пассивными гражданами объявлялись всѣ serviteurs à gages, служащіе за плату; этимъ все рабочее сословіе прямо-таки лишалось избирательнаго права тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ вопросахъ дѣло не въ размѣрѣ, а въ самомъ принципѣ.

Былъ введенъ цензъ, т. е. имущество извѣстныхъ размѣровъ являлось условіемъ участія въ опредѣленіи воли и цѣли государства посредствомъ избирательнаго права—этого перваго и важнѣйшаго изъ всѣхъ политическихъ правъ.

Всѣ неплатящіе прямыхъ налоговъ или платящіе меньше указанной нормы, какъ и всѣ наемные рабочіе устранялись отъ государственной власти и превращались въ управляемую, подчиненную массу. Буржуазное имущество или капиталъ сталъ условіемъ участія въ государственной власти, подобно тому какъ въ средніе вѣка такимъ условіемъ было дворянское имущество или землевладѣніе.

За исключеніемъ краткаго періода французской республики 1793 г., погибшей, благодаря своей неопредѣленности и тогдашнему общему положенію вещей, принципъ ценза остается основнымъ принципомъ всѣхъ конституцій, порожденныхъ французской революціей.

Мало того, въ дальнѣйшемъ онъ достигаетъ еще большаго развитія, какъ это вообще свойственно всѣмъ принципамъ.

Въ дарованной хартіею Людовика XVIII конституціи 1814 г., условіемъ избирательнаго права полагался, вмѣсто прежняго размѣра трехдневной заработной платы, прямой налогъ въ размѣрѣ 300 франковъ, т. е. въ 80 талеровъ. Наступила іюльская революція 1830 г. и тѣмъ не менѣе закономъ 19 апрѣля 1831 г., въ качествѣ условія избирательнаго права, назначается прямой налогъ въ 200 франковъ, т. е. около 53 талеровъ.

При Луи-Филиппѣ и Гизо такъ называемый pays légal, законная страна, т. е. „страна, принимаемая закономъ въ соображеніе“, состояла изъ 200.000 лицъ мужского пола. Лишь 200.000 избирателей, вооруженныхъ буржуазнымъ имуществомъ, владычествовали во Франціи надъ страной съ 30 слишкомъ мил. населенія!

---

[1]) 1 зильбергрошъ=10 пфенигамъ=около 4½ коп.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ сущности совершенно все равно, проводится ли принципъ ценза, устраненіе неимущихъ отъ избирательнаго права, прямо и открыто, какъ въ этихъ конституціяхъ, или же въ какой-либо замаскированной формѣ. Результатъ всегда одинъ и тотъ же.

Такъ, вторая французская республика въ 1850 г. никакъ не могла открыто отмѣнить однажды провозглашенное всеобщее и прямое избирательное право, на которомъ намъ еще придется въ дальнѣйшемъ остановиться. Но она обошла его закономъ 31 мая 1850 г., которымъ предписывалось въ каждой мѣстности допускать къ избирательному праву только гражданъ, безотлучно прожившихъ на одномъ мѣстѣ не менѣе 3 лѣтъ. Во Франціи рабочіе въ силу своего положенія бываютъ вынуждены часто мѣнять мѣстожительство, искать работы и занятія въ другой общинѣ; поэтому надѣялись, и вполнѣ основательно, отстранить отъ избирательнаго права множество рабочихъ, которые не смогутъ доказать, что безотлучно прожили въ одномъ мѣстѣ въ теченіе 3 лѣтъ.

Итакъ, это тотъ же цензъ, но замаскированный.

У насъ со времени дарованнаго трехкласснаго избирательнаго закона еще хуже; по этому закону 3, 10, 30 и болѣе неимущихъ избирателей третьяго класса пользуются, смотря по мѣстнымъ условіямъ, такимъ же избирательнымъ правомъ, какъ одинъ крупный капиталистъ, принадлежащій къ первому классу избирателей. Выходитъ, слѣдовательно, что если среднимъ числомъ отношеніе это не болѣе 1: 10, то изъ каждыхъ 10 человѣкъ, въ 1848 г. пользовавшихся избирательнымъ правомъ, 9 утратили его, благодаря дарованному трехклассному избирательному закону 1849 г., и теперь пользуются имъ лишь по видимости.

Но, чтобы показать, каково въ дѣйствительности это среднее отношеніе, мнѣ стоитъ только сообщить вамъ нѣкоторыя цифры изъ официальныхъ правительственныхъ списковъ.

Въ 1848 г., благодаря введенному тогда всеобщему избирательному праву, у насъ было 3.661.993 первоначальныхъ избирателей.

Дарованный трехклассный избирательный законъ 31 мая 1849 г., исключивъ изъ числа избирателей всѣхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго мѣстожительства и всѣхъ, получавшихъ вспомоществованіе изъ кассъ для бѣдныхъ, низвелъ это число до 3.255.703. Слѣдовательно, уже одно это лишило избирательнаго права 406.000 человѣкъ. Но это только цвѣточки.

Остальные 3.255.000 первоначальныхъ избирателей распадаются, согласно упомянутому избирательному закону, на три класса, и по официаль-

нымъ спискамъ, составленнымъ въ 1849 г., по изданіи закона, принадлежало:

1) къ первому классу избирателей. . . . . 153.808 человѣкъ.
2) ко второму классу „ . . . . . 409.945 „
3) къ третьему классу „ . . . . . 2.691.950 „

Оставимъ даже второй классъ въ сторонѣ и сравнимъ только первый и третій классы избирателей, капиталистовъ и неимущихъ. Оказывается, что 153.800 богатыхъ имѣютъ столько же голосовъ, сколько 2.691.950 рабочихъ, мѣщанъ и крестьянъ; слѣдовательно, одинъ богатый обладаетъ такимъ же избирательнымъ правомъ, какъ семнадцать неимущихъ. Если мы припомнимъ теперь, что закономъ 8 апрѣля 1848 г. было уже утверждено всеобщее избирательное право, что, слѣдовательно, въ 1848 г. 153.800 рабочихъ или мѣщанъ имѣли на выборахъ одинаковый вѣсъ съ 153.800 богатыхъ, т. е. одинъ неимущій значилъ столько же, сколько одинъ богатый, то теперь, когда семнадцать неимущихъ, въ отношеніи избирательнаго права, приравнивались одному богатому, изъ каждыхъ 17 рабочихъ или мѣщанъ 16 человѣкъ лишились своего законнаго избирательнаго права.

Но и это, господа, еще только среднее отношеніе. Въ дѣйствительности дѣло гораздо хуже, вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условій, и всего хуже оно тамъ, гдѣ всего сильнѣе имущественное неравенство. Такъ, въ Дюссельдорфскомъ округѣ избирателей перваго класса 6.356, а третьяго—166.300; слѣдовательно, только 26 избирателей третьяго класса пользуются одинаковымъ правомъ съ однимъ богатымъ.

Но вернемся къ нашей главной темѣ. Мы показали и покажемъ еще, какъ буржуазія, достигнувъ, благодаря французской революціи, господства, сдѣлала свой основной принципъ, имущество, господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій; какъ та же буржуазія, поступая совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила на всѣ общественныя учрежденія господствующій и исключительный отпечатокъ своего особеннаго принципа, принципа имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Въ этомъ отношеніи между дворянствомъ и буржуазіей оказывается полная параллель.

Относительно важнѣйшаго основного учрежденія—государственнаго управленія мы уже разсмотрѣли эту параллель. Какъ въ средніе вѣка господствующимъ принципомъ представительства на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ было землевладѣніе, такъ теперь право выбора въ палаты, а съ нимъ, слѣдовательно, и участіе въ государственной власти опредѣляется, въ формѣ

явнаго или замаскированнаго ценза, размѣромъ налога, т. е., въ сущности, капиталовладѣніемъ, такъ какъ размѣръ налога обусловливается величиной капитала.

То же самое и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ, какъ я вамъ показалъ, въ средніе вѣка землевладѣніе являлось господствующимъ принципомъ.

Я указалъ вамъ на податную льготность дворянскаго землевладѣнія въ средніе вѣка и сказалъ, что каждое господствующее привилегированное сословіе старается свалить бремя государственныхъ расходовъ на угнетенные, неимущіе классы.

Также поступаетъ и буржуазія. Правда, она не можетъ открыто заявить, что желаетъ быть изъятой отъ податной повинности. Напротивъ того, она открыто провозглашаетъ своимъ принципомъ, что каждый долженъ платить налогъ пропорціонально своему доходу. Но она достигаетъ, по мѣрѣ возможности, того же результата замаскированнымъ способомъ, посредствомъ установленія различія между прямыми и косвенными налогами.

Прямыми налогами называются, господа, такіе, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированный подоходный налогъ или классная подать, и опредѣляются поэтому величиной дохода и капитала, косвенные же налоги—тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ-то: на соль, на хлѣбъ, на пиво, мясо, топливо, или на потребности въ юридической защитѣ, какъ, напр., судебныя издержки, гербовая бумага и т. д. Этотъ налогъ человѣкъ часто уплачиваетъ въ цѣнѣ вещей, не подозрѣвая и не замѣчая, что платитъ въ эту минуту подать, что именно налогъ повышаетъ цѣну покупаемыхъ вещей.

Но вы, вѣдь, знаете, господа, что если кто-нибудь богаче другого даже въ 20, 50, 100 разъ, то вслѣдствіе этого онъ все же не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50 или 100 разъ больше пива и вина, не испытываетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ отопленіи и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ рабочій или мѣщанинъ.

Отсюда и происходитъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею своею частью на неимущихъ, на бѣднѣйшіе классы націи. Правда, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги: они существовали и раньше; но буржуазія развила ихъ до неслыханной системы и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы.

Чтобы доказать вамъ это, я загляну, напр., въ прусскій бюджетъ 1855 г.

Общая сумма доходовъ государства въ этомъ году простиралась, круглымъ счетомъ до 108.930.000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11.967.000 талеровъ дохода съ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, т. е. съ имуществъ, которыя не входятъ въ наши соображенія. Остается, слѣдовательно, около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ около 26 милліоновъ получается, по классификаціи бюджета, прямыми налогами. Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что нашъ бюджетъ нигдѣ не придерживается научныхъ основаній и въ своей классификаціи руководствуется только внѣшнею формою сбора податей. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо исключить 10 милліоновъ поземельной подати, которая хотя и взимается непосредственно съ землевладѣльцевъ, но перелагается ими на цѣну хлѣба и уплачивается, слѣдовательно, въ сущности, потребителями хлѣба, т. е. составляетъ налогъ косвенный. По той же причинѣ надо выключить 2.900.000 талеровъ промысловаго налога.

Доходовъ дѣйствительно отъ прямыхъ налоговъ остается только:

2.928.000	талеровъ	классифицированнаго подоходнаго налога,
7.884.000	„	класснаго налога и
2.036.000	„	дополнительнаго налога.
Итого . . 12.848.000	талеровъ.	

Итакъ, господа, въ дѣйствительности изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется только 12.800.000 талеровъ. Все остальное, сверхъ этихъ 12.800.000 талеровъ, за весьма немногими и ничтожными статьями, которыя занимаютъ здѣсь особенное положеніе, приходится на косвенные налоги,—если только не придерживаться ненаучной классификаціи бюджета, который, напр., не причисляетъ къ косвеннымъ налогамъ 8.300.000 талеровъ дохода съ соляной монополіи или дохода съ судебныхъ пошлинъ въ размѣрѣ 8.849.000 талеровъ.

Косвенный налогъ, господа, есть, слѣдовательно, такая финансовая организація, посредствомъ которой буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготы для крупнаго капитала и сваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества.

Обратите вниманіе, господа, на это своеобразное противорѣчіе, на эту своеобразную справедливость: все содержаніе государства взваливается на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, слѣдовательно, и политической власти, дѣлаются прямые налоги, дающіе на государственныя нужды изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю въ 12 милліоновъ.

Говоря о средневѣковомъ дворянствѣ, я указывалъ вамъ, далѣе, господа, что оно презирало всякую буржуазную гражданскую дѣятельность и промышленность.

Совершенно то же самое и въ наши дни. Правда, теперь всякій родъ труда пользуется одинаковымъ уваженіемъ и, если бы человѣкъ нажилъ милліоны собираніемъ тряпокъ или чисткой отхожихъ мѣстъ, онъ могъ бы быть увѣренъ, что встрѣтитъ въ обществѣ почетъ.

Зато какимъ презрѣніемъ награждаетъ общество тѣхъ, кто не имѣетъ за собою капитала, какъ бы и надъ чѣмъ бы они ни трудились. Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ знакомъ вамъ изъ жизни, чтобы мнѣ нужно было здѣсь еще останавливаться на немъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей особенной привилегіи и своего основного начала еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство свой принципъ землевладѣнія.

Народное обученіе—я говорю здѣсь объ обученіи взрослыхъ—въ средніе вѣка было предоставлено духовенству. Теперь мѣсто духовенства заняли газеты. Но залоги, которые газеты обязаны вносить, и еще болѣе штемпельный сборъ, которому онѣ подвергаются, какъ у насъ, такъ и во Франціи и въ другихъ странахъ, дѣлаютъ изданіе ежедневной газеты чрезвычайно дорогимъ предпріятіемъ, осуществимымъ только при очень значительномъ капиталѣ. Такимъ образомъ, возможность влiять на народное мнѣніе, просвѣщать его и руководить имъ сдѣлалась привилегіей крупнаго капитала.

Не будь этого, господа, у насъ были бы совершенно иныя и гораздо лучшія газеты!

Любопытно видѣть, господа, какъ рано проявилось это стремленіе буржуазіи обратить прессу въ привилегію капитала. И въ какой наивной и откровенной формѣ! Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма Бастиліи, 24 іюля 1789 г., т. е. въ самые первые дни политическаго господства буржуазіи, городскіе представители парижской коммуны издали распоряженіе, которымъ типографщики подвергались отвѣтственности за напечатаніе брошюръ или листковъ писателей „sans existence connue"—„безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію" [1]). Итакъ, только что завоеванная свобода печати была удѣломъ лишь писателей „съ опредѣленными средствами къ существованію". Собственность является здѣсь условіемъ

---

[1]) См. это Arrete у Buchez et Roux, „Hist. parl.", T. II, 192.

свободы печати, мало того, даже нравственности писателя! Эта наивность первыхъ дней буржуазнаго господства выражаетъ то же самое, только съ дѣтской откровенностью, что и нынѣшнія ухищренія, залоги и штемпельная пошлина.

Ограничимся, господа, этими крупными, характерными фактами, какъ мы сдѣлали это при обзорѣ среднихъ вѣковъ.

Передъ нами прошли, господа, два міровыхъ періода, изъ которыхъ каждый носитъ печать господствующей идеи одного извѣстнаго сословія, налагающаго свой принципъ на всѣ учрежденія своего времени.

Это, прежде всего, идея дворянства или землевладѣніе, являющаяся господствующимъ принципомъ среднихъ вѣковъ и проникающая собою всѣ ихъ учрежденія.

Этотъ періодъ окончился французской революціей, хотя до сихъ еще поръ существуютъ, какъ вы знаете, весьма многочисленные и значительные остатки этого историческаго періода, особенно въ Германіи, гдѣ переворотъ былъ произведенъ не народомъ, а правительствами—путемъ очень медленныхъ и несовершенныхъ реформъ; все это и до сихъ еще поръ на каждомъ шагу сильно мѣшаетъ буржуазіи.

Во-вторыхъ, мы разсмотрѣли тотъ историческій періодъ, который начался французской революціею въ концѣ прошлаго столѣтія. Свой принципъ,—крупную буржуазную собственность или капиталъ, онъ превратилъ въ привилегію, проникающую всѣ общественныя учрежденія и обусловливающую участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства.

Но и этотъ періодъ, господа, въ сущности уже закончился, хотя видимость и говоритъ иное.

Двадцать четвертаго февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода.

Въ этотъ день во Франціи, въ этой странѣ, могучая внутренняя борьба которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуетъ побѣды и пораженія всего человѣчества, разразилась революція, призвавшая работника въ члены временнаго правительства [1]), возвѣстившая цѣлью государства улучшеніе участи рабочаго класса, провозгласившая всеобщее и прямое избирательное право, въ силу котораго каждый гражданинъ, по достиженіи 21 года, независимо отъ своего имущественнаго положенія, получаетъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства.

---

[1]) Альбера.

Итакъ, господа, если революція 1789 г. была революціей tiers-etat, третьяго сословія, то революція 1848 г. есть революція четвертаго сословія, которое въ 1789 г. еще таилось въ складкахъ третьяго сословія и, повидимому, было тождественно съ нимъ. Теперь оно желаетъ сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества, желаетъ, чтобы всѣ учрежденія были проникнуты имъ.

Но здѣсь тотчасъ же обнаруживается громадная разница въ характерѣ господства четвертаго сословія по сравненію съ господствомъ другихъ сословій. Четвертое сословіе есть послѣднее сословіе общества, сословіе обездоленное, не выставляющее и не могущее выставить никакого исключительнаго правового или фактическаго условія,—ни дворянства, ни землевладѣнія, ни владѣнія капиталомъ, которое оно могло бы превратить въ новую привилегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества.

Мы всѣ работники, если только желаемъ быть хоть въ чемъ-нибудь полезными человѣческому обществу.

Поэтому, четвертому сословію совершенно чуждо какое бы то ни было стремленіе къ новой привилегированности, и именно потому оно тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его господство есть господство всѣхъ.

Провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, въ томъ смыслѣ, какъ я вамъ развилъ это, не есть, слѣдовательно, призывъ къ раздѣленію и враждѣ общественныхъ классовъ, это—призывъ къ примиренію, призывъ, обращенный ко всему обществу, призывъ сгладить всѣ противорѣчія между общественными кругами, это призывъ къ единенію, на который должны откликнуться всѣ враги привилегій и угнетенія народа привилегированными сословіями, это кличъ любви, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его и по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ любви, когда грянетъ браннымъ кликомъ народа!

Теперь разсмотримъ принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, съ трехъ точекъ зрѣнія:

1) съ точки зрѣнія формальныхъ средствъ его осуществленія;

2) съ точки зрѣнія его нравственнаго содержанія и

3) съ точки зрѣнія присущаго ему воззрѣнія на цѣль государства.

Въ разсмотрѣніе другихъ сторонъ мы сегодня не можемъ входить, да и въ указанныхъ рамкахъ мы вынуждены, за позднимъ временемъ, ограничиться очень бѣглымъ обзоромъ.

Средствомъ осуществленія этого принципа является всеобщее и прямое избирательное право, о которомъ мы уже говорили. Я говорю не просто о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какое мы имѣли въ 1848 г., а о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Установленіе двухстепенныхъ выборовъ,—выборовъ первоначальныхъ избирателей и выборщиковъ,—есть не что иное, какъ ухищреніе съ цѣлью по возможности фальсифицировать выраженіе народной воли.

Впрочемъ, и всеобщее прямое избирательное право не обладаетъ, господа, какимъ-либо волшебнымъ свойствомъ предохранять васъ отъ мимолетныхъ ошибокъ.

Во Франціи мы видѣли въ 1848 и 1849 гг., одно за другимъ, двое неудачныхъ выборовъ. Но всеобщее и прямое избирательное право есть единственное средство, съ теченіемъ времени само по себѣ сглаживающее тѣ ошибки, къ какимъ можетъ повести неудачное въ данную минуту пользованіе имъ. Это — копье, само исцѣляющее наносимыя имъ раны. При всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ невозможно, чтобы избранные представители не сдѣлались, наконецъ, вѣрнымъ и точнымъ отраженіемъ избравшаго его народа.

Народъ долженъ поэтому всегда считать всеобщее и прямое избирательное право своимъ необходимѣйшимъ политическимъ оружіемъ, самымъ кореннымъ и самымъ важнымъ изъ своихъ требованій.

Теперь о нравственномъ содержаніи разсматриваемаго нами общественнаго принципа.

Быть можетъ, мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ началомъ государства и общества покажется очень опасною и безнравственною, грозящею погубить нравственность и просвѣщеніе въ „современномъ варварствѣ“.

И немудрено, если подобное опасеніе дѣйствительно явится, такъ какъ теперь общественное мнѣніе, какъ я уже выше упоминалъ объ этомъ, формируется капиталомъ и привилегированной крупной буржуазіей при помощи газетъ.

Но этотъ страхъ—лишь ложный предразсудокъ и можно, напротивъ, доказать, что эта мысль представляетъ собою величайшій прогрессъ и высшее торжество нравственности, какое до сихъ поръ только извѣстно въ исторіи.

Это—предразсудокъ, говорю я и притомъ предразсудокъ именно только нашего времени, еще проникнутаго привилегіей.

Было время, когда царилъ даже совершенно противоположный предразсудокъ. Это было во время первой французской республики

1793 г., на которой, какъ я говорилъ выше, мы не можемъ сегодня подробно останавливаться и которая, вслѣдствіе своей неопредѣленности, неизбѣжно должна была погибнуть. Въ то время считалось какъ бы догмой, что всѣ высшіе классы безнравственны и развращены и что добръ и честенъ только низшій народъ. Это мнѣніе исходило отъ Руссо. Въ новой декларацін правъ человѣка, объявленной великимъ учредительнымъ собраніемъ Франціи, Конвентомъ, особой статьей, статьей 19, провозглашалось: „toute institution, qui ne suppose le peuple bon et le magistrat corruptible est, vicieuse“ („Всякое учрежденіе, не предполагающее народъ добрымъ, а правительство подкупнымъ—порочно“). Вы видите, господа, что это какъ разъ обратное той довѣрчивости, которой теперь отъ васъ требуютъ и согласно которой нѣтъ большаго преступленія, какъ сомнѣніе въ благихъ намѣреніяхъ и добродѣтеляхъ властей, тогда какъ **народъ** преднамѣренно изображается какимъ-то лютымъ звѣремъ, вмѣстилищемъ пороковъ.

Въ то время этотъ противоположный взглядъ былъ доведенъ до крайности: всякій, на комъ былъ цѣлый камзолъ, за одно это казался уже развращеннымъ и подозрительнымъ, и добродѣтель, честность и патріотическая нравственность считались возможными только въ лохмотьяхъ. То былъ періодъ санкюлотства.

Господа, этотъ взглядъ имѣетъ въ своей основѣ **истину**, которая здѣсь только выражена въ **ложной и превратной формѣ**. А нѣтъ ничего опаснѣе истины въ ложной и превратной формѣ, ибо какъ ни относись къ ней, все же выйдетъ плохо. Если истина воспринимается въ своей ложной, превратной формѣ, то при извѣстныхъ условіяхъ отсюда проистекаютъ самыя ужасныя безобразія, какъ это было съ санкюлотствомъ. Если же изъ-за ложной и превратной формы признается ложнымъ все положеніе, то это еще хуже. Ибо тогда отвергается самая **истина** и притомъ,—въ данномъ случаѣ,—такая истина, безъ признанія которой въ нынѣшней государственной жизни невозможно и шагу ступить разумно.

Остается, слѣдовательно, только одно: отбросить ложную и превратную форму этого положенія и выяснить ея истинное содержаніе.

Какъ я сказалъ, нынѣшнее общественное мнѣніе склонно считать все это положеніе совершенно ложнымъ, склонно усматривать въ немъ простое разглагольствованіе французской революціи и Руссо. Но если и можно было бы относиться такъ пренебрежительно къ Руссо и революціи, то такое отношеніе уже совершенно невозможно къ величайшему нѣмецкому философу, столѣтній юбилей рожденія котораго этотъ городъ празднуетъ въ бу-

дущемъ мѣсяцѣ, къ самому могучему мыслителю всѣхъ народовъ и временъ, къ философу Фихте.

Фихте прямо и буквально говоритъ, что чѣмъ выше сословіе, тѣмъ больше въ немъ безнравственности. Вотъ его подлинныя слова: „развращенность усиливается пропорціонально соціальному возвышенію людей“.

Однако, и Фихте не показалъ вполнѣ основной причины этого. Онъ указываетъ на своекорыстіе, эгоизмъ, какъ на причину этой развращенности высшихъ сословій. Но тотчасъ рождается вопросъ: почему же въ низшихъ классахъ не царитъ своекорыстіе или почему здѣсь его меньше? Не поразительное ли противорѣчіе, что низшія сословія должны быть менѣе своекорыстны, чѣмъ высшія, между тѣмъ какъ послѣднія значительно опередили ихъ въ образованности и воспитаніи,—этихъ общепризнанныхъ облагораживающихъ факторахъ?

Истинная причина и разрѣшеніе этого, на первый взглядъ столь поразительнаго, противорѣчія состоитъ въ слѣдующемъ:

Какъ мы видѣли, развитіе народовъ, духъ исторіи съ давнихъ поръ приводятъ ко все большему и большему уничтоженію привилегій, гарантирующихъ высшимъ сословіямъ ихъ положеніе, какъ высшихъ, господствующихъ сословій. Поэтому, желаніе сохранить это положеніе или личный интересъ побуждаютъ каждаго члена этихъ сословій стать въ принципіально-враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни, разъ только они не возвысились, благодаря высокому пониманію, надъ своимъ личнымъ положеніемъ,—а вы знаете, господа, какъ рѣдки такіе люди.

Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности высшихъ сословій. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость глубокаго нравственнаго паденія ихъ. Быть въ необходимости ежедневно противиться всему высокому и доброму, быть въ необходимости огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его,—это какъ бы вѣчная жизнь во вражеской странѣ—и врагомъ этимъ является нравственная солидарность своего же народа, въ которой живешь, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность. Это вѣчная жизнь, говорю я, какъ во вражеской странѣ, и врагомъ этимъ является свой же собственный народъ, и нужно еще по-

стоянно хитрить и скрывать, что ты смотришь и относишься къ нему какъ къ врагу, а вражду эту облекать въ болѣе или менѣе искусные покровы. Присоедините сюда необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или заглушить въ себѣ навсегда этотъ голосъ, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда не знать ничего лучшаго, кромѣ религіи своекорыстія!

Такая жизнь необходимо ведетъ, господа, къ совершенному пренебреженію и презрѣнію всякихъ идеальныхъ стремленій, она заставляетъ сострадательно усмѣхаться при одномъ упоминаніи великаго имени идеи; она порождаетъ глубокую нечувствительность и отвращеніе ко всему прекрасному и великому; она цѣликомъ губитъ въ насъ всѣ нравственныя начала въ одной всепоглощающей жаждѣ своекорыстія и наслажденій.

У низшихъ классовъ, господа, къ ихъ счастью, нѣтъ этого противорѣчія между личнымъ интерессомъ и культурнымъ развитіемъ націи.

Правда, къ сожалѣнію, и въ низшихъ классахъ еще довольно своекорыстія, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы. Но здѣсь это порокъ индивидуальный, порокъ отдѣльныхъ лицъ, а не необходимый порокъ всего класса.

Уже простой инстинктъ подсказываетъ членамъ низшихъ классовъ, что, пока каждый изъ нихъ остается самъ по себѣ и заботится только о себѣ, онъ не можетъ надѣяться значительно улучшить свое положеніе.

Но когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ класса, къ улучшенію своей классовой участи, ихъ личный интересъ не только не сталкивается съ историческимъ движеніемъ и не осуждается, благодаря этому, на безнравственность, но, наоборотъ, совпадаетъ, по своему направленію съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самимъ жизненнымъ началомъ исторіи, которая есть не что иное, какъ развитіе свободы. Другими словами, ваше дѣло есть, какъ мы уже выше видѣли, дѣло всего человѣчества.

Вы счастливы, господа, ибо вы не только не мертвы по отношенію къ идеѣ, но, наоборотъ, вашъ личный интересъ дѣлаетъ васъ въ высшей степени воспріимчивыми къ ней. Вы—счастливцы, ибо вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ движущимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете поэтому съ личной страстностью отдаться историческому развитію, бу-

дучи увѣрены, что чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть въ указанномъ здѣсь чистомъ смыслѣ, тѣмъ нравственнѣе вы будете.

Вотъ почему, господа, господство въ государствѣ четвертаго сословія принесло бы съ собой расцвѣтъ нравственности, культуры и науки, еще невиданный въ исторіи.

Сюда присоединяется еще другая причина, тѣснѣйшимъ образомъ связанная со всѣмъ тѣмъ, что мы говорили, и являющаяся краеугольнымъ камнемъ всего этого.

Четвертое сословіе не только имѣетъ отличный отъ буржуазіи формальный политическій принципъ, т. е. вмѣсто буржуазнаго ценза всеобщее, прямое избирательное право; въ силу своего положенія оно не только иначе относится къ нравственнымъ началамъ, чѣмъ высшія сословія, но и нравственную цѣль государства понимаетъ совершенно иначе, чѣмъ буржуазія.

Нравственная идея буржуазіи состоитъ исключительно въ томъ, чтобы каждому было гарантировано безпрепятственное пользованіе своими силами.

Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, если бы всѣ мы были одинаково сильны, одинаково умны, образованны и богаты.

Но такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, то мысль эта недостаточна и поэтому необходимо приводитъ къ глубоко-безнравственнымъ выводамъ. Она приводитъ къ тому, что болѣе сильный, болѣе ловкій, болѣе богатый эксплоатируетъ и забираетъ въ руки слабѣйшаго.

Напротивъ того, нравственная идея рабочаго сословія заключается въ томъ, что безпрепятственное и свободное пользованіе личностью своими силами само по себѣ еще недостаточно и что въ нравственно-упорядоченномъ общежитіи необходимы еще, сверхъ того: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи.

Соотвѣтственно этому различію, буржуазія опредѣляетъ нравственную цѣль государства такъ: она состоитъ исключительно и единственно въ охраненіи личной свободы и собственности индивидуума.

Это идея ночного сторожа, господа, идея ночного сторожа потому, что государство представляется здѣсь только въ образѣ караульщика, все назначеніе котораго предупреждать разбои и грабежи. Къ сожалѣнію, эту идею можно довольно часто встрѣтить не только среди настоящихъ либераловъ, но даже и среди многихъ такъ наз. демократовъ, благодаря недостаточному умственному развитію. Если бы буржуазія хотѣла послѣдовательно договориться до конца, она должна была бы сознаться, что согласно

этой ея идеѣ, съ исчезновеніемъ разбойниковъ и воровъ, государство вообще становится совершенно излишнимъ [1]).

Совершенно иначе, господа, понимаетъ цѣль государства четвертое сословіе; оно понимаетъ ее именно такъ, какова она въ дѣйствительности и есть.

Исторія, господа, есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, слѣдовательно, со всяческой неволей, въ которой мы находились, когда родъ человѣческій зачиналъ свою исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ собою исторія.

Мы никогда не сдѣлали бы ни одного шага впередъ въ этой борьбѣ и не сдѣлаемъ его, если бы вели или стали вести ее каждый самъ по себѣ, каждый по одиночкѣ.

Назначеніемъ государства и является совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго въ направленіи къ свободѣ.

Государство есть такое единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны разъ силы всѣхъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ это единеніе, безконечно увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ.

Такимъ образомъ, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идеѣ, человѣкъ будто бы обладаетъ уже при своемъ вступленіи въ государство; нѣтъ, цѣль государства, наоборотъ, въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ ступеней существованія, какія никогда недостижимы

[1]) Эта государственная идея, въ сущности, совершенно уничтожающая государство и превращающая его просто въ буржуазное общество преисполненное своекорыстныхъ интересовъ, есть государственная идея либерализма и исторически выработана имъ. При томъ вліяніи, какого она достигла и какое находится въ прямомъ отношеніи къ ея поверхностности, она представляетъ собой истинную опасность умственнаго и нравственнаго отупѣнія, истинную опасность царящаго нынѣ „современнаго варварства“. Въ Германіи она встрѣчаетъ, къ счастью, отпоръ со стороны классическаго образованія, ставшаго разъ навсегда неизмѣнной основой нѣмецкаго духа. Отсюда беретъ свое начало мысль „о необходимости дать понятію государства такое развитіе, какое, по моему мнѣнію, только возможно для него, чтобы государство было учрежденіемъ, въ рамкахъ котораго возможно было бы осуществить всю добродѣтель человѣчества“ (Слова Августа Бёка изъ его рѣчи на университетскомъ юбилеѣ 22 марта 1862 г.).

для отдѣльной личности, дать имъ возможность пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, какая была бы немыслима для отдѣльной личности.

Итакъ, цѣль государства—положительно развивать и неустанно совершенствовать человѣческое существо; другими словами, —осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; цѣль государства—воспитаніе и развитіе человѣчества въ направленіи къ свободѣ.

Вотъ, господа, настоящая нравственная природа государства, его истинное и возвышенное предназначеніе. И въ дѣйствительности государство во всѣ времена, самою силою вещей, даже безсознательно, даже вопреки желанію своихъ руководителей болѣе или менѣе служило этой цѣли.

Но уже самое безпомощное положеніе отдѣльныхъ членовъ рабочаго сословія, низшихъ классовъ общества, заставляетъ ихъ глубоко инстинктивно чувствовать, что назначеніе государства состоитъ и должно состоять въ томъ, чтобы оказывать индивидууму помощь въ дѣлѣ достиженія—путемъ соединенія всѣхъ—такого развитія, какое для одинокой личности недоступно.

Правда, какъ я уже говорилъ, всѣ государства по самой природѣ вещей и въ силу обстоятельствъ служили безсознательно и часто даже вопреки своей волѣ этой своей нравственной цѣли. Но при господствѣ идеи рабочаго сословія государство стало бы служить ей съ совершенной ясностью и съ полнымъ сознаніемъ.

Оно выполняло бы совершенно добровольно и съ полнѣйшей послѣдовательностью то, что до сихъ поръ лишь скудными клочками исторгалось у сопротивляющихся этому. Время не позволяетъ мнѣ подробно показать вамъ въ необходимой связи всѣ послѣдствія этого; но несомнѣнно, что это необходимо вызвало бы такой расцвѣтъ духа, такую сумму счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, какихъ еще не видала всемірная исторія и передъ которыми совершенно померкли бы самыя блестящія явленія прежнихъ временъ.

Вотъ что, господа, должно назвать государственной идеей рабочаго сословія, его пониманіемъ государственной цѣли. Какъ видите, это пониманіе столь же далеко отъ буржуазнаго пониманія цѣли государства, какъ далекъ принципъ рабочаго сословія, принципъ участія всѣхъ въ опредѣленіи воли государства, т. е. всеобщее избирательное право отъ соотвѣтствующаго принципа буржуазіи—ценза.

Рядъ идей, который я здѣсь развилъ передъ вами, есть то, что я назвалъ идеей рабочаго сословія. Ее-то я и имѣлъ въ виду, когда говорилъ

вамъ въ началѣ бесѣды о связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. Этому историческому періоду, начавшемуся 24 февраля 1848 г., принадлежитъ задача осуществить эту государственную идею, и мы можемъ поздравить себя, господа, что родились въ эпоху, которой суждено совершить этотъ славнѣйшій историческій трудъ, въ какомъ и мы можемъ принять посильное участіе.

Но это налагаетъ на всѣхъ, принадлежащихъ къ рабочему сословію, обязанность придерживаться совершенно новаго способа дѣйствій.

Ничто не налагаетъ на сословіе такого, исполненнаго достоинства и глубоко-нравственнаго, отпечатка, какъ сознаніе, что ему суждено быть господствующимъ сословіемъ, что оно призвано возвысить свой собственный принципъ до принципа всего вѣка, сдѣлать свою идею руководящею идеей всего общества и, слѣдовательно, само общество своимъ образомъ и подобіемъ.

Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ— все это теперь недостойно васъ. Вы—скала, на которой созиждется церковь настоящаго!

Пусть эта мысль во всей своей высокой нравственной строгости со страстною исключительностью овладѣетъ вашими умами, пусть она наполнитъ вашъ духъ, и пусть вся ваша жизнь будетъ достойна ея, сообразна съ нею и всегда проникнута ею. Пусть нравственная строгость этой мысли никогда не покидаетъ васъ, ни въ мастерской за работой, ни въ часы досуга, ни на прогулкахъ, ни на сходкахъ, и даже когда вы ляжете на ваше жесткое ложе, пусть и тамъ она наполняетъ и занимаетъ собою вашу душу, пока вы не забудетесь сномъ. Чѣмъ исключительнѣе углубитесь вы въ нее, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ ваша страсть къ ней, тѣмъ скорѣе, повѣрьте, современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнете вы этой цѣли.

Господа, если бы мнѣ посчастливилось хотя бы только въ двоихъ или троихъ изъ всѣхъ васъ, слушающихъ меня сегодня, зажечь нравственное пламя этой мысли, столь же ярко, какъ я это представляю себѣ и какъ я изобразилъ это предъ вами,—я считалъ бы это великимъ пріобрѣтеніемъ и щедрымъ вознагражденіемъ за свою лекцію.

Главное, не поддавайтесь, господа, душевному упадку и сомнѣніямъ, къ которымъ легко можетъ привести зрѣлище историческихъ событій, недостаточно освѣщенное мыслью.

Не вѣрьте, напримѣръ, будто государственный переворотъ 2-го декабря 1851 г. ниспровергъ во Франціи республику.

То, что не могло тогда держаться во Франціи, что тогда пало,—была не республика вообще. То была республика, избирательнымъ закономъ 30 мая 1850 г., отмѣнившая, какъ я вамъ сказалъ, всеобщее избирательное право и установившая—въ видахъ отстраненія отъ него работниковъ—замаскированный цензъ; то была, слѣдовательно, республика буржуазная, хотѣвшая наложить на республиканское государство печать буржуазіи—господство капитала. Вотъ что дало возможность французскому узурпатору, подъ предлогомъ мнимаго возстановленія всеобщаго избирательнаго права, ниспровергнуть республику, которая иначе нашла бы несокрушимый оплотъ въ груди французскаго работника!

Итакъ, то, что дѣйствительно не могло тогда держаться во Франціи и что тогда пало, была не республика вообще, а буржуазная республика. Такимъ образомъ, и этотъ примѣръ, если правильно взглянуть на него, доказываетъ, что историческій періодъ, начавшійся съ февраля 1848 г., несовмѣстимъ съ государствомъ, стремящимся навязать обществу или сохранить въ немъ господствующій политическій принципъ третьяго сословія,—безразлично, дѣлается ли это въ формѣ монархической или республиканской.

Съ высокихъ вершинъ науки можно, господа, раньше узрѣть зарю новаго дня, чѣмъ тамъ, внизу, среди сумятицы обыденной жизни.

Смотрѣли ли вы когда-нибудь, господа, съ высокой горы на восходъ солнца?

Багряная полоса окрашиваетъ кроваво-краснымъ цвѣтомъ край небосклона, возвѣщая новый день; туманы и облака поднимаются, сгущаются и устремляются навстрѣчу зарѣ, на мгновеніе скрывая ея лучи; но нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы остановить медленное и величественное восхожденіе солнца и, часъ спустя, оно стоитъ на небѣ, на виду у всѣхъ, ярко сіяя и согрѣвая.

Что часъ въ естественномъ зрѣлищѣ ежедневныхъ небесныхъ перемѣнъ, то—одно или два десятилѣтія въ безконечно величественнѣйшемъ зрѣлищѣ всемірно-историческаго восхода солнца.

ПРОЦЕССЪ Ф. ЛАССАЛЯ.

I.

НАУКА И РАБОТНИКИ.

(Защитительная рѣчь).

Господа президентъ и совѣтники!

Мнѣ приходится въ самомъ началѣ просить у васъ снисхожденія. Моя защита будетъ обстоятельна и потому длинна. Но я считаю себя вправѣ такъ поступить, во-первыхъ, потому, что мнѣ грозитъ § 100 Свода Уголовныхъ Законовъ, налагающій въ видѣ максимальнаго наказанія не менѣе 2 лѣтъ тюремнаго заключенія, а во-вторыхъ, особенно потому, что настоящій процессъ, помимо кары, ожидающей одного человѣка, затрагиваетъ еще совершенно иные интересы.

Позвольте мнѣ немедленно перенести пренія изъ рамокъ обычной судебной рутины на ту высоту, которая имъ подобаетъ.

Предъявленное ко мнѣ обвиненіе есть печальное знаменіе современнаго положенія вещей.

Оно не только нарушаетъ обыкновенные законы, но и является рѣшительнымъ посягательствомъ на конституцію, и это первое, что я имѣю привести противъ него въ свою пользу.

I. Статья 20 конституціи гласитъ:

„Наука и ея ученіе свободны“.

Что можетъ и должно значить это „свободны“, провозглашенное конституціей, какъ не то, что наука и ея ученіе не должны быть связаны общимъ уголовнымъ уложеніемъ?

Или, быть можетъ, это „наука и ея ученіе свободны“ значитъ: „свободны въ предѣлахъ общаго уголовнаго уложенія“? Но, вѣдь, въ этихъ рамкахъ совершенно свободно всякое выраженіе мнѣнія, а не только наука и ея ученіе. Въ предѣлахъ общаго уголовнаго уложенія всякій газетный писака и даже всякая торговка совершенно вольны писать и говорить все, что имъ вздумается. Такой свободы для „науки и ея ученія“, которая принадлежитъ всякой формѣ выраженія мнѣнія, незачѣмъ было, слѣдовательно, возвѣщать особой статьей конституціи.

Толковать эту статью конституціи въ подобномъ смыслѣ значило бы, слѣдовательно, просто-на-просто отрицать ее, утверждать, что такой статьи въ конституціи вовсе нѣтъ. Впрочемъ, въ наше время излюбленный пріемъ втихомолку устранять конституцію.

Но такъ какъ первое правило юридическаго толкованія состоитъ въ томъ, чтобы не придавать статьѣ закона, а тѣмъ болѣе статьѣ конституціи, смысла, дѣлающаго ее излишнею и нелѣпою, несуществующею, то эта статья конституціи, безъ сомнѣнія, значитъ то, что именно и выражаетъ: наука и ея ученіе должны быть свободны, не должны быть связаны рамками общаго уголовнаго уложенія.

И дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, господа, что этой статьей конституція имѣла въ виду даровать наукѣ привилегію быть изъятой изъ ограниченій, налагаемыхъ общимъ уголовнымъ закономъ для обычныхъ формъ выраженія мнѣнія.

Вполнѣ понятно, если законодательство желаетъ защищать учрежденія страны. Вполнѣ естественно, если законы запрещаютъ возбуждать гражданъ къ насильственному возстанію противъ существующихъ учрежденій.

При извѣстныхъ правовыхъ воззрѣніяхъ можно также еще понять, если законы запрещаютъ взывать къ безсмысленнымъ страстямъ, публично поносить и осмѣивать существующія учрежденія, возбуждать въ массѣ чувства ненависти и презрѣнія, вліяя на ея, легко воспламеняющуюся, непосредственную воспріимчивость.

Но что должно быть вѣчно свободно, что не должно знать никакихъ ограниченій, что для самого государства важнѣе всякаго отдѣльнаго закона, что не должно встрѣчать предѣла для своей свободной дѣятельности ни въ какомъ отдѣльномъ законѣ, — это жажда научнаго познанія!

Совершенства нѣтъ нигдѣ. Можетъ случиться, что учрежденія, почитаемыя нами за самыя неприкосновенныя, за самыя необходимыя, являются въ сущности чрезвычайно пагубными и настоятельно требуютъ измѣненій.

Развѣ можетъ отрицать это тотъ, чей взоръ ясно представляетъ себѣ всѣ историческія перемѣны со временъ индійцевъ и египтянъ или даже хотя бы ограниченный періодъ одного столѣтія?

Египетскій феллахъ топитъ очагъ своей жалкой глиняной хижины муміями фараоновъ, этихъ всемогущихъ зиждителей вѣчныхъ пирамидъ. Обычаи, учрежденія, законодательства, династіи, государства, народы—все это исчезло въ живомъ коловоротѣ вещей. Одно гордо вздымающееся древо научнаго познанія было могучѣе всего этого, оно одно никогда не исчезало, съ древнѣйшихъ временъ іонійской философіи, всегда лишь росло, пережило все, постоянно развиваясь и усиливаясь, передаваясь со священнымъ благоговѣніемъ отъ государства къ государству, отъ народа къ народу, отъ одной эпохи къ другой!

Да и въ чемъ иномъ, какъ не въ научномъ познаніи, источникъ всѣхъ неустанно прогрессирующихъ, всѣхъ непрестанно и незамѣтно умножающихся, всѣхъ мирно совершающихся историческихъ улучшеній? Поэтому оно должно господствовать безпредѣльно; для него не должно быть ничего неизмѣннаго, что не подлежало бы процессу его химическихъ изслѣдованій, ничего неприкосновеннаго, никакого noli me tangere. Поэтому, безъ свободы научнаго познанія будетъ только застой, отупѣніе, варварство! Будучи неизсякаемымъ источникомъ всѣхъ усовершенствованій человѣческаго быта, научное познаніе и его сила, медленно покоряющая себѣ убѣжденія людей, являются въ то же время единственной гарантіей мирнаго развитія. Поэтому, если кто замыкаетъ этотъ источникъ, мѣшаетъ ему притекать къ какимъ-либо сторонамъ жизни, къ какимъ-либо точкамъ ея, тотъ не только преграждаетъ источникъ совершенствованія, порождаетъ мракъ и варварство, но и посягаетъ на общественный миръ и ведетъ государство на путь насильственнаго переворота и разрушенія! Ибо онъ замкнулъ тотъ предохранительный клапанъ, черезъ который общество постепенно воспринимаетъ въ себя то, что, благодаря медленной работѣ науки, прочно, хотя и постепенно проникаетъ въ сознаніе людей и въ общественныя учрежденія, — въ соотвѣтствіи съ незамѣтными перемѣнами въ положеніи общества. Онъ заперъ этотъ предохранительный клапанъ, и государство легко можетъ взлетѣть на воздухъ! Онъ запретилъ наукѣ указывать раны и средства исцѣленія для нихъ, и государство, вмѣсто изслѣдованія и исцѣленія болѣзни, ждутъ предсмертныя судороги, порождаемыя, наконецъ, затаенной раной.

Итакъ, неограниченная свобода научнаго изслѣдованія есть не только неотъемлемое право личности, но прежде всего и еще въ большей степени—условіе жизни цѣлаго, жизненный интересъ самого государства.

Вотъ почему общество провозглашаетъ принципъ: „наука и ея ученіе свободны“, просто свободны, безо всякихъ прибавокъ, безо всякихъ условій, безо всякихъ границъ,—и, чтобы показать, что это положеніе должно быть неприкосновенно даже для законодателя, что даже онъ не можетъ ни на минуту забыть, не можетъ нарушить его, общество ставитъ его превыше всего законодательства, вноситъ его въ конституцію, какъ радостный залогъ мирнаго развитія общественной жизни до отдаленнѣйшихъ вѣковъ!

Такъ ли, господа? Быть можетъ, это неслыханная, совершено новая теорія моего собственнаго изобрѣтенія? Быть можетъ, я злоупотребляю буквой конституціи, чтобы выпутаться на судѣ изъ затрудненія?

Но нѣтъ ничего легче доказать вамъ исторически, что эта статья конституціи никогда иначе ни понималась, что эта теорія издавна и впродолженіи многихъ вѣковъ до конституціи неоспоримо господствовала у насъ— по обычаю и на практикѣ, что она съ древнѣйшихъ временъ составляетъ традиціонную и характерную основную черту всѣхъ германскихъ націй.

Во времена Сократа еще можно было обвинить человѣка за то, что онъ учитъ καινούς θεούς, новымъ богамъ, и, благодаря такому обвиненію, Сократу пришлось выпить бокалъ съ ядомъ.

Въ древности это было понятно. Античный духъ до того сливался воедино съ тогдашнимъ государственнымъ строемъ,—а религія принадлежала къ основамъ государства,—что ихъ совершенно невозможно было отдѣлить другъ отъ друга. Духъ древности долженъ былъ жить и пасть вмѣстѣ съ этими государственными учрежденіями и, дѣйствительно, они пали вмѣстѣ. Среди такого народнаго духа всякое научное ученіе, отрицавшее одно изъ основаній государства, посягало тѣмъ самымъ на жизненный принципъ самого этого народа, и его приходилось разсматривать, какъ нѣчто враждебное.

Совершенно иное явленіе замѣчается съ паденіемъ древняго міра, съ появленіемъ германскихъ націй. Это націи, обладающія способностью сбрасывать съ себя старый покровъ, націи, одаренныя способнымъ къ развитію жизненнымъ принципомъ, субъективнымъ духомъ и, благодаря этому, легко переживающія самыя разнородныя внутреннія перемѣны; націи, уже оставившія позади себя самыя многочисленныя и глубокія изъ этихъ перемѣнъ и вмѣсто смерти и гибели всегда находившія въ нихъ лишь основаніе для болѣе высокаго развитія, для болѣе высокаго расцвѣта.

Средствомъ для подготовленія и проведенія этихъ перемѣнъ, ведущихъ ко все болѣе и болѣе высокому процвѣтанію, перемѣнъ, источникъ которыхъ онѣ носили въ самихъ себѣ,—средствомъ этимъ для германскихъ народовъ послужилъ принципъ безграничной свободы научнаго изслѣдованія и ученія.

Поэтому, рано, гораздо раньше, чѣмъ это обыкновенно представляетъ себѣ современный образованный міръ, считающій свободу науки однимъ изъ новѣйшихъ завоеваній,—гораздо раньше, говорю я, среди этихъ народовъ пробудился инстинктъ, подсказавшій имъ, что свобода науки не должна быть связана ни авторитетомъ отдѣльнаго лица, ни какимъ бы то ни было человѣческимъ закономъ, что, наоборотъ, она выше всѣхъ человѣческихъ установленій, что она сила, предшествующая имъ и покоющаяся на божественномъ правѣ.

Въ конституціи, данной въ 1255 году папой Александромъ IV Парижскому университету,—въ средніе вѣка все существовало только въ видѣ корпораціи, и наука также только въ видѣ университета,—говорится: „Quasi lignum vitae in Paradiso Dei et quasi lucerna fulgoris in Domo Domini, est in Sancta Ecclesia Parisiensis Studii disciplina“ („Какъ древо жизни въ раю Божіемъ и какъ сіяніе Божеской славы въ домѣ Господа, такъ въ Святой Церкви распорядокъ парижской науки“).

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что средневѣковые университеты на подобныхъ папскихъ или императорскихъ и королевскихъ конституціяхъ основывали право научной цензуры, censura doctrinalis, которое присвоили себѣ въ широкихъ размѣрахъ. Не ex jure humano, говоритъ Petrus Alliacensis (Пьеръ д'Альи)—мужъ, избранный въ 1381 г. magnus magister'омъ Парижскаго университета, впослѣдствіи архіепископъ и кардиналъ,—не ex jure humano, говоритъ онъ, и ему вторятъ всѣ позднѣйшіе схоластики,—не изъ человѣческаго права, а ex jure divino, изъ права божественнаго вытекаетъ власть науки примѣнять цензуру, а привилегіи конституціи папъ, императоровъ и королей суть лишь признаніе этого права науки, вытекающаго ex jure divino или, какъ они также выражаются, ex jure naturali, изъ естественнаго права.

Мы привыкли, господа, свысока взирать на средніе вѣка, какъ на время мрака и варварства.

Этотъ взглядъ во многихъ случаяхъ въ высшей степени несправедливъ и особенно въ отношеніи признаннаго неоднократно и торжественнѣйшимъ образомъ права науки возвышать свой внушительный голосъ, не взирая ни на что, даже противъ королей и папъ.

Недавно у насъ произошло столкновеніе между правительствомъ и палатой депутатовъ по поводу расходовъ, на которые палата не соглашалась. Въ странѣ распространяли богъ-вѣсть какіе толки о безграничной дерзости и мятежныхъ стремленіяхъ палаты. И многіе депутаты, дѣйствительно, были сами изумлены и чрезвычайно гордились своею смѣлостью.

Но вотъ, господа, въ февралѣ 1412 г. Парижскій университетъ, вовсе неуполномоченный вмѣшиваться въ финансовое управленіе страны или контролировать его, позволяетъ себѣ обратиться къ французскому королю, Карлу VI, съ адресомъ, какъ самъ говоритъ, „pour la chose publique de vestre royaume“ („по общественному дѣлу королевства“). Въ этомъ адресѣ университетъ подвергаетъ самой рѣзкой критикѣ въ особенности финансовое управленіе страны, а затѣмъ и всѣ прочія отрасли управленія, и выноситъ имъ самый уничтожающій обвинительный приговоръ. И какою смѣлостью рѣчи и требованій отличается Парижскій университетъ въ этой Remonstrance по сравненію съ нашею палатою депутатовъ!

Онъ говоритъ королю, что государственные доходы расходуются не согласно назначенію („on appert clairement que lesdictes finances ne sont point employees a choses dessus dicfes“ etc.) и, въ заключеніе, безцеремонно заявляетъ: „Item et il fault savoir, où est cette finance“ („Item, и надо дознаться, куда дѣвались эти деньги“). Онъ изображаетъ королю все его финансовое вѣдомство, цѣликомъ, безо всякихъ исключеній, особенно его высшихъ чиновниковъ, министровъ финансовъ, директоровъ и казначеевъ, шайкой преступниковъ, шайкой мошенниковъ, сговорившихся между собой на погибель страны. Онъ упрекаетъ короля за то, что тотъ занялъ верховный судъ, парижскій парламентъ и тѣмъ осквернилъ имя права! Онъ напоминаетъ ему, что предшественники его управляли съ гораздо меньшими расходами, „а между тѣмъ страна управлялась тогда хорошо, совершенно не то, что теперь“ („au quel temps estoit le royaume bien gouverne, autrement que maintenant“).

Онъ описываетъ королю, какъ угнетены бѣдные, которымъ необходимо надо помочь, и требуетъ съ этою цѣлью принудительнаго займа у богатыхъ. Наконецъ, онъ говоритъ ему, что всего сказаннаго въ этой длинной ремонстраціи совершенно еще недостаточно, потому что для перечисленія всѣхъ недостатковъ управленія страной не хватило бы нѣсколькихъ дней.

Право свое дѣлать такія безпощадныя представленія университетъ открыто основываетъ на томъ только, что онъ — наука, которая, какъ всякому извѣстно, совершенно безкорыстна, не имѣетъ привычки брать себѣ должностей и выгодъ, ни къ чему иному, кромѣ познанія, не стремится, но именно поэтому она обязана говорить, когда того требуютъ обстоятельства.

И вотъ къ какому выводу приходитъ университетъ: король обязанъ безотлагательно (sans quelque dilacion) отрѣшить отъ должностей всѣхъ

финансовыхъ директоровъ,—безо всякаго исключенія (sans nul excepter), взять ихъ подъ стражу, наложивъ предварительно запрещеніе на ихъ имущества и, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, запретить всѣмъ низшимъ финансовымъ чиновникамъ видѣться и говорить съ ними.

Прочтите, господа, эту длинную ремонстрацію въ хроникѣ того времени Enguerrand de Monstrelet'а (liv. I, c. 99, T. II, p. 307 sq. ed. Douët-D'arcy), и вы увидите, что если бы подобный адресъ былъ поданъ въ наши дни, хотя бы, напр., берлинскимъ университетомъ, то едва ли нашлось бы какое-либо уголовное преступленіе, котораго прокуроръ не отыскалъ бы въ немъ!

Оклеветаніе и оскорбленіе чиновниковъ при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, поношеніе и осмѣяніе государственныхъ учрежденій и распоряженій властей, оскорбленіе величества, возбужденіе подданныхъ къ ненависти и презрѣнію и богъ-вѣсть какія еще преступленія нашли бы тутъ наши прокуроры.

Вѣдь возбудили же, по разсказамъ газетъ, меньше года тому назадъ, дисциплинарное слѣдствіе противъ одного нашего университета за совершенно другого рода адресъ, которымъ онъ отказался послѣдовать министерскому приглашенію принять участіе въ выборахъ.

Но тогда, во мракѣ временъ, это еще не было въ обычаѣ. Тогда, наоборотъ, вполнѣ согласно требованію университета, коронный казначей, Одри Гриффаръ, со многими другими высшими финансовыми чиновниками были арестованы, а прочіе избѣгли этой участи только укрывшись въ церкви, которая пользовалась правомъ убѣжища.

Это было въ 1412 году. Но еще за 80 лѣтъ до того произошелъ другой фактъ, быть можетъ, еще болѣе знаменательный, котораго я коснусь вкратцѣ.

Папа Іоаннъ XXII придумалъ новое толкованіе догмата de visio beatifica и велѣлъ проповѣдывать его въ церквахъ. Парижскій университетъ, по разсказу повѣствователя, „nec Pontificis reverentia prohibuit quominus veritati insisterent“ („не остановился передъ уваженіемъ къ святому отцу, чтобы вступиться за истину“). И хотя дѣло шло о догматѣ, т. е. о такой области, относительно которой компетентность папы не могла подлежать сомнѣнію, однако, 2 января 1332 г. университетъ декретомъ объявилъ папское толкованіе заблужденіемъ.

Король Филиппъ VI препроводилъ этотъ декретъ папѣ, жившему въ Авиньонѣ, присовокупивъ, что, если онъ не откажется отъ своего заблу-

жденія, онъ велитъ сжечь его, какъ еретика, и Іоаннъ XXII, хотя и безъ того уже лежалъ на смертномъ одрѣ, отрекся отъ своего толкованія. Все это вы можете болѣе подробно прочесть у Вулеуса въ „Historia Universitatis Parisiensis“. Paris, 1668. fol. T. IV, p. 335 sq.

Такихъ примѣровъ можно бы привести, сколько угодно; но и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, какъ безгранична была свобода науки уже въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ, даже противъ папъ и королей, какъ чужды ей были всякія уголовныя рамки. Правда, повторяю, какъ все въ средніе вѣка, наука имѣла тогда лишь корпоративный характеръ.

Итакъ, выставленная мною теорія существовала на практикѣ уже 500 лѣтъ тому назадъ, во времена католичества и у романскихъ народовъ.

Но вотъ появляется протестантизмъ и основываетъ создаваемое имъ самимъ государственное зданіе на принципѣ свободнаго изслѣдованія! Съ тѣхъ поръ этотъ принципъ сдѣлался основаніемъ всего нашего государственнаго быта. Безъ него протестантскія государства не имѣютъ никакого права на существованіе, они не могутъ даже существовать иначе! Поэтому, слыхано ли было когда-либо въ Пруссіи уголовное преслѣдованіе за научное ученіе?

Когда Христіанъ Вольфъ популяризировалъ въ Галле философію Лейбница, то тогдашнему королю-солдату, Фридриху Вильгельму I кто-то шепнулъ, что, согласно ученію Вольфа о предустановленной гармоніи, солдаты дезертируютъ не по доброй волѣ, а въ силу этого особеннаго божьяго установленія, предустановленной гармоніи, и что, поэтому, если это ученіе распространится въ арміи, то оно должно подѣйствовать въ высшей степени опасно. Правда, король-солдатъ, для котораго все государство заключалось въ его полкахъ, пришелъ въ неописуемый гнѣвъ и тотчасъ, въ ноябрѣ 1723 г., послалъ Вольфу кабинетный приказъ подъ страхомъ висѣлицы выѣхать въ теченіе 48 часовъ изъ предѣловъ Пруссіи, и Вольфъ долженъ былъ бѣжать. Но если въ свое время королевскія lettres de cachet [1]) безапелляціонны, зато въ исторіи онѣ ничтожны и недѣйствительны. Притомъ, король совершилъ просто явное насиліе, не оскверняя формъ права. Онъ грозилъ повѣсить Вольфа и могъ бы привести эту угрозу въ исполненіе черезъ своихъ солдатъ. Но и насиліе, когда оно совершается открыто, проникнуто своего рода достоинствомъ.

---

[1]) Открытые листы, по которымъ можно было арестовать любого гражданина.

А Фридрихъ Вильгельмъ I не нанесъ своимъ судамъ оскорбленія требованіемъ осудить науку! Ему не пришло въ голову облекать насиліе въ право!

Притомъ, едва вступилъ на престолъ 31 мая 1740 г. Фридрихъ Великій, который, хотя и нуждался въ солдатахъ, но былъ все-таки королемъ государства, а не солдатъ,—какъ черезъ 6 дней послѣ этого, 6 іюня, онъ написалъ консисторіальному совѣтнику Рейнбеку слѣдующій рескриптъ по поводу Вольфа, которому, впрочемъ, еще Фридрихъ Вильгельмъ I, раскаиваясь въ своемъ насиліи, посылалъ лестныя, но безрезультатныя приглашенія: „Прошу Васъ похлопотать по поводу Вольфа; всякое человѣческое общество должно дорожить человѣкомъ, который ищетъ и любитъ истину, и я думаю, вы сдѣлаете conquête [1]) въ странѣ истины, если уговорите Вольфа вернуться“.

Такимъ образомъ, и это столкновеніе послужило лишь къ торжеству и къ признанію съ высоты престола стараго правила, что научное изслѣдованіе и провозглашеніе истины не связаны никакими границами, никакими соображеніями и что оно само для себя служитъ высшимъ и единственнымъ критеріемъ.

Даже бытіе Бога не было ограждено противъ ученія науки! Наука могла и теперь еще можетъ приводить свои доводы противъ его существованія, и даже новое уголовное уложеніе запрещаетъ только богохульство, оскорбительное для вѣрующихъ поношеніе Бога, но не запрещаетъ доказывать небытіе Божіе.

За цѣлые десятки лѣтъ до конституціи безусловная свобода науки въ Пруссіи была послѣднимъ козыремъ въ рукахъ безусловныхъ поклонниковъ Пруссіи, послѣднею гордостью, которою они могли похваляться.

Вы всѣ еще помните, какой страшный шумъ вызвало дѣло Бруно Бауера, приватъ-доцента на богословскомъ факультетѣ въ Боннѣ, когда позорной памяти абсолютистско-піэтистское министерство Эйхгорна лишило его за ученіе о евангеліяхъ licentia docendi [2]). Это былъ первый случай въ нашемъ столѣтіи, когда дерзнули посягнуть на свободу науки, но какъ ничтоженъ этотъ случай въ сравненіи съ нынѣшнимъ! Факультеты взволновались, въ теченіе мѣсяца сыпались адреса; славнѣйшіе люди, какъ Маргейнеке и другіе, объявили, что если въ Пруссіи удастся такое неслыханное посягательство, то протестантизмъ и интеллигенція должны будутъ трепетать за свои коренные устои; и даже адреса, соста-

---

[1]) Завоеваніе.

[2]) Право преподаванія.

вленные вполнѣ въ духѣ министерства, основывали свое согласіе съ его дѣйствіями только на томъ, что рѣчь идетъ о licentia docendi на богословскомъ факультетѣ, которому ученіе Бауера противорѣчитъ по своимъ основнымъ принципамъ; они открыто заявляли, что, если бы рѣчь шла о licentia docendi не на богословскомъ, а на философскомъ факультетѣ, то они высказались бы въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Но никому, даже самому Эйхгорну, не приходило на умъ тащить это ученіе подъ уголовщину! Проповѣдника не-богословскихъ научныхъ результатовъ лишили богословской каѳедры, но чтобы бороться противъ него при помощи полицейскаго,—такъ далеко абсолютизмъ тогда еще не доходилъ!

О, еслибы Эйхгорнъ, такъ много поносимый, дожилъ до нынѣшняго дня! Съ какимъ удивленіемъ, съ какимъ насмѣшливымъ удовлетвореніемъ посмотрѣлъ бы онъ на своихъ конституціонныхъ преемниковъ!

Даже при піетистскомъ абсолютизмѣ Эйхгорна, при этой ecclesia militans [1]) помраченія, все же сохраняли нѣкоторый стыдъ передъ стародавними традиціями, и въ то время, когда предварительная цензура дѣлала излишними карательные законы, все же желали спасти достоинство и свободу науки отъ цензурнаго гнета. Искали какого-нибудь внѣшняго критерія научности книги и, какъ это ни неудачно, остановились на объемѣ сочиненія и постановили, что книги размѣромъ болѣе 20 листовъ свободны отъ цензуры.

Вотъ эти 500-лѣтнія традиціи, это правило, на практикѣ и въ силу обычая долго господствовавшее у всѣхъ новыхъ народовъ, прежде чѣмъ стало закономъ, это стародавнее преданіе духовной жизни германскихъ націй,— и выражено, наконецъ, обществомъ въ 20-й статьѣ конституціи, его то и сдѣлали нормой для всѣхъ позднѣйшихъ законодателей: „Наука и ея ученіе свободны“.

Свободны безпредѣльно, безгранично, свободны безо всякихъ запоровъ! При господствѣ законности все имѣетъ свои границы, всякая власть, всякая функція, всякое право. Только одно теоретическое познаніе, само безграничное и безконечное, какъ солнце въ эѳирѣ,—должно парить въ безграничной и безконечной свободѣ, надъ всѣми неподвижными дѣлами жизни.

Наука должна быть свободна, свободна даже до предѣловъ злоупотребленія! Ибо, если бы даже можно было говорить о злоупотребленіяхъ наукой и ея ученіемъ, что весьма сомнительно, господа, то здѣсь преду-

---

[1]) Воинствующая церковь.

прежденіе одного случая злоупотребленія могло бы помѣшать милліонамъ другихъ случаевъ, когда наука можетъ быть только благодѣтельна. Еслибы какія-нибудь государственныя учрежденія, какіе-нибудь классовые институты были ограждены отъ науки такъ, что она не могла бы доказывать, что они несовершенны или вредны, несправедливы или пагубны, то чей умъ былъ бы столь всеобъемлющъ, чей умъ могъ бы проникнуть въ мысли всѣхъ своихъ современниковъ и всѣхъ позднѣйшихъ поколѣній, чтобы только представить себѣ, сколько благодатныхъ открытій, какое плодотворное развитіе, какія богатства духа задушены въ зародышѣ этимъ однимъ фактомъ огражденія противъ злоупотребленія, чтобы постичь, какія насильственныя потрясенія были бы созданы этимъ для государства?

При томъ, что въ наукѣ допустимо и что недопустимо? Гдѣ граница этого? Кто опредѣляетъ ее? При вашемъ несомнѣнномъ просвѣщеніи, вы понимаете, господа президентъ и совѣтники, и понимаете тѣмъ живѣе, чѣмъ вы просвѣщеннѣе, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ не суду, а развѣ ареопагу, составленному изъ цвѣта всѣхъ современныхъ научныхъ талантовъ по всѣмъ спеціальностямъ и отраслямъ науки. Но что я говорю? Изъ цвѣта всѣхъ современныхъ талантовъ? Нѣтъ, еще больше, изъ талантовъ всѣхъ грядущихъ временъ! Ибо развѣ не показываетъ намъ исторія, какъ часто именно новаторскіе научные умы становятся въ крайне враждебное отношеніе къ современной имъ наукѣ!

Въ наукѣ нерѣдко 50—100 лѣтъ ведутся споры, прежде чѣмъ опредѣлится, что было истиной, что злоупотребленіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, со времени конституціи еще ни разу не рѣшались привлекать къ суду научное ученіе.

Съ 1848 г., съ 1850 г. мы перенесли въ Пруссіи много суроваго и тяжкаго, господа, и наши плечи утомлены и изранены отъ этой тяжести.

Но даже при Мантейфелѣ мы до нынѣшняго дня одного не знали, — мы не видали науки подъ судомъ!

Самыя рѣзкія нападки, которыя сами по себѣ могли бы какъ нельзя легче подвергнуться уголовному преслѣдованію, разъ только являлись въ научномъ произведеніи, какъ научное ученіе, не преслѣдовались.

Я самъ могу служить примѣромъ этого.

Менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ я издалъ сочиненіе: „Система пріобрѣтенныхъ правъ", въ которомъ мнѣ, быть можетъ, удалось нѣсколько двинуть впередъ вашу собственную науку, господа, науку, на которой осно-

вано судебное дѣло. Въ этомъ сочиненіи я говорю (Bd. I, S. 238): „Наука, для которой наибольшая проницательность мысли составляетъ первый долгъ, не можетъ, поэтому, отказываться отъ права выражать строгую опредѣленность понятій съ ей одной свойственными рѣзкостью и опредѣленностью выраженій“. И, опираясь на это, я доказываю въ этомъ сочиненіи, что, начиная съ 1850 г., прусское аграрное законодательство есть не что иное, какъ— я прямо такъ и говорю—противозаконный и противорѣчащій собственному сознанію права грабежъ бѣдняка въ пользу богатой землевладѣльческой аристократіи!

Какъ легко было бы найти въ этихъ словахъ, если бы они были сказаны въ другомъ мѣстѣ, публичное поношеніе государственн хъ учрежденій или возбужденіе ненависти и презрѣнія къ распоряженіямъ властей! Но они были написаны въ научномъ сочиненіи, были результатомъ тщательнаго научнаго труда,—и ихъ не преслѣдовали!

Правда, это было 2 года тому назадъ!

Противъ возводимаго на меня обвиненія я, съ своей стороны, выставляю другое обвиненіе, обвиненіе въ томъ, что нынѣшнимъ днемъ опозорена Пруссія: въ этотъ день впервые съ самаго начала существованія этого государства наука привлечена въ качествѣ обвиняемой къ уголовному суду.

Что можетъ мнѣ отвѣтить прокуроръ, если in thesi [1]) согласится съ моими разсужденіями, если признаетъ, что наука свободна, что она, слѣдовательно, свободна и ото всякаго уголовнаго ограниченія?

Станетъ ли онъ отрицать, что я—представитель науки? Станетъ ли онъ оспаривать, что сочиненіе, о которомъ говорится въ этомъ обвиненіи, есть научное произведеніе.

Повидимому, прокуроръ самъ чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ научнымъ произведеніемъ, ибо свой обвинительный актъ начинаетъ словами: „Хотя обвиняемый придалъ себѣ видъ научности, однако стремленія его совершенно практическія“.

Видъ научности? Почему же только видъ? Приглашаю прокурора доказать мнѣ, почему этотъ научный трудъ имѣетъ только видъ научности!

Полагаю, что, когда дѣло касается рѣшенія вопроса, что такое наука и что не-наука, я компетентнѣе прокурора.

Я издалъ обширныя сочиненія по разнообразнымъ и труднымъ от-

---

[1]) Въ принципѣ.

layout note: none

раслямъ науки; я не щадилъ трудовъ, не спалъ ночей, чтобы самому расширить предѣлы науки и могу, быть можетъ, сказать вслѣдъ за Гораціемъ: „militavi non sine gloria“ [1]).

Но я самъ заявляю вамъ: никогда, даже въ самыхъ обширныхъ моихъ сочиненіяхъ, я не писалъ ни строчки болѣе строго научной, чѣмъ это произведеніе отъ его первой страницы до послѣдней.

Мало того, я утверждаю, что эта брошюра не только простое научное сочиненіе, содержащее, подобно многимъ другимъ, уже извѣстные выводы, но что въ очень многихъ отношеніяхъ оно составляетъ даже научный подвигъ, развитіе новыхъ научныхъ мыслей.

Что можетъ служить критеріемъ научности книги? Только ея содержаніе.

Но взгляните на содержаніе этой брошюры.

Это содержаніе есть не что иное, какъ сжатая на 34 страницахъ философія исторіи, начиная отъ среднихъ вѣковъ до настоящаго времени.

Это—развитіе объективнаго разумнаго процесса мысли, болѣе тысячилѣтъ лежащаго въ основаніи европейской исторіи: развертываніе внутренней души, присущей исторической дѣйствительности, лишь кажущейся фактической, эмпирической, дѣйствительности, которую она породила изъ себя, какъ свою собственную движущую и творящую силу. Несмотря на краткость брошюры, въ ней дано точное доказательство той мысли, что исторія есть не что иное, какъ непрестанный прогрессъ разума и свободы, совершающійся по внутренней необходимости подъ покровомъ явленій, только кажущихся чисто внѣшними и матеріальными.

Въ тѣсныхъ рамкахъ этой брошюры я охарактеризовалъ передъ читателемъ три великихъ всемірныхъ періода и показалъ, что каждый изъ нихъ покоится на одной цѣлостной идеѣ, которая господствуетъ надъ всѣми его областями, какъ бы далеко онѣ ни лежали другъ отъ друга, надъ всѣми его явленіями, какъ бы они ни были разнообразны и разбросанны: я показалъ, кромѣ того, что каждый предшествующій изъ этихъ періодовъ есть лишь необходимое подготовленіе слѣдующаго, каждый слѣдующій,—лишь собственное имманентное развитіе, логическое слѣдствіе и завершеніе предыдущаго, такъ что всѣ три вмѣстѣ снова составляютъ одно высшее единство и разумную необходимость.

Сперва—періодъ феодализма или ленной системы. Я показываю, что всѣми своими сторонами онъ основанъ на одномъ принципѣ господства

---

[1]) „Я не безъ славы сражался“.

землевладѣнія, и выясняю, кромѣ того, почему землевладѣніе тогда необходимо должно было быть господствующимъ началомъ, т. е. условіемъ всякаго государственнаго и общественнаго значенія. Ибо въ то время общественное производство было почти исключительно земледѣльческимъ.

И замѣтьте, господа, какой строгой научной объективности я держусь и до чего я чуждъ какой бы то ни было тенденціозности.

Если есть фактъ, который можно было использовать въ интересахъ тенденціи, приписываемой прокуроромъ этой брошюрѣ — возбужденіе въ неимущихъ классахъ ненависти къ имущимъ, — то это прежде всего крестьянскія войны!

Если есть фактъ, о которомъ наука и мнѣніе народа, особенно среди неимущихъ классовъ общества, вспоминали съ величайшей симпатіей, какъ о національномъ возстаніи, несправедливо подавленномъ силою, то это прежде всего крестьянскія войны!

И что же? Не обращая вниманія на эту симпатію и на ореолъ, которымъ наука и народное мнѣніе окружали до сихъ поръ крестьянскія войны, я срываю съ нихъ этотъ ложный блескъ и показываю, что въ сущности своей онѣ были движеніемъ реакціоннымъ и должны были пасть въ интересахъ развитія свободы.

Далѣе:

Если есть въ Германіи какой-либо институтъ, къ которому я въ интересахъ современности питаю глубочайшую вражду и который считаю причиной нашего національнаго упадка, нашего позора и безсилія, то это прежде всего территоріальныя княжества.

И что же? Такъ велика строгая объективная научность моей брошюры, такъ чужда ей всякая личная тенденція, что я самъ доказываю, какъ возникновеніе территоріальныхъ княжествъ было для того времени исторически справедливымъ и революціоннымъ моментомъ, идеальнымъ прогрессомъ, потому что эти государства представляютъ собой и развиваютъ государственную идею, независимую отъ имущественныхъ отношеній, между тѣмъ какъ даже крестьянскія войны стремились еще основать государство и государственныя права на принципѣ поземельной собственности.

Далѣе я показываю, какъ за феодальнымъ періодомъ наступаетъ второй міровой періодъ; показываю, какъ почти одновременно съ крестьянскими войнами, которыя были только по виду революціонны, начинается настоящая революція, т. е., какъ, благодаря развитію промышленности и буржуазнаго производства, появляется капиталъ,

какъ капиталъ этотъ совершаетъ, далѣе, полный переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, переворотъ, который французская революція 1789 г. лишь завершила, которому она лишь придала правовую санкцію, тогда какъ фактически онъ постепенно совершался уже цѣлыхъ три столѣтія.

Далѣе я останавливаюсь, и при томъ болѣе подробно, на экономическихъ факторахъ этого переворота, перечисленіемъ которыхъ не стану утомлять васъ; я объясняю, какимъ образомъ новыя орудія производства, и обусловленные ими, новые способы его постепенно сдѣлали промышленность главнымъ источникомъ и носителемъ общественнаго богатства, оттѣснили землевладѣніе на задній планъ и низвели его до сравнительнаго ничтожества.

Я показываю, какъ капиталъ, ставъ, благодаря этому, господствующимъ началомъ второго міроваго періода, необходимо долженъ былъ сдѣлаться и въ публичномъ правѣ привилегированнымъ условіемъ государственной правоспособности и правомочія, условіемъ участія въ опредѣленіи воли и цѣли государства, подобно тому, какъ землевладѣніе было такимъ же условіемъ въ публичномъ правѣ феодализма. Я объясняю, какъ капиталъ долженъ былъ сдѣлаться—посредствомъ прямого или непрямого ценза, посредствомъ законовъ о залогахъ и пошлинахъ съ печати, посредствомъ косвенныхъ налоговъ и пр.,—условіемъ участія въ общественной власти съ такою же послѣдовательностью и историческою необходимостью, какъ прежде землевладѣніе.

Далѣе я говорю, что и этотъ второй міровой періодъ, занимающій въ исторіи 350 лѣтъ, въ сущности уже закончился, и что съ французской революціей 1848 г. взошла заря новаго третьяго міроваго періода, который, провозгласивъ всеобщее равное избирательное право, обезпечилъ всѣмъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, независимо отъ имущественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ свободный трудъ, нисколько не связанный ни съ землевладѣніемъ, ни съ капиталовладѣніемъ, становится господствующимъ принципомъ общества.

Затѣмъ я показываю отличіе нравственной идеи буржуазіи отъ нравственной идеи рабочаго сословія, указываю на вытекающее отсюда различіе въ пониманіи обоими сословіями цѣли государства. Если идея дворянства связывала значеніе личности съ извѣстнымъ естественнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ, то, согласно нравственной идеѣ буржуазіи, всякое подобное правовое ограниченіе несправедливо, личность должна имѣть значеніе только сама по себѣ, и ей должно быть гарантировано только безпрепятственное пользованіе своими индивидуальными силами. Если бы мы,

были, говорю я, по природѣ всѣ одинаково богаты, одинаково искусны, ловки, одинаково образованны, то, быть можетъ, эта нравственная идея была бы достаточна. Но такъ какъ такого равенства нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ мы являемся на свѣтъ не просто индивидуумами, а съ опредѣленными различіями въ имуществѣ и способностяхъ, которыя потомъ, въ свою очередь, обуславливаютъ новыя различія въ образованіи, то одной этой нравственной идеи еще недостаточно.

Ибо, если бы, несмотря на то, въ обществѣ было гарантировано личностямъ одно только безпрепятственное пользованіе своими индивидуальными силами, то это необходимо повело бы къ эксплоатаціи слабѣйшаго болѣе сильнымъ. Нравственная идея рабочаго сословія заявляетъ поэтому, что одного только безпрепятственнаго пользованія своими индивидуальными силами еще недостаточно для личности, что въ нравственно-благоустроенномъ обществѣ сверхъ того еще необходимы: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи.

Это различіе въ нравственныхъ идеяхъ обоихъ сословій обусловливаетъ собою и различіе въ ихъ пониманіи цѣли государства.

Буржуазія создала доктрину, что задача государства состоитъ въ защитѣ свободы личности и собственности. Это—доктрина научныхъ представителей буржуазіи, доктрина ея политическихъ вождей, такъ называемый либерализмъ.

Но это теорія въ высшей степени скудная, ненаучная и не отвѣчающая истинной природѣ государства.

Исторія, сказалъ я, есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, безсиліемъ, слѣдовательно, со всякаго рода неволей, борьба, которая составляетъ удѣлъ человѣка при его первомъ появленіи на исторической сценѣ. Все большая и большая побѣда надъ этимъ безсиліемъ,— это и есть развитіе свободы, наблюдающееся въ исторіи. Мы никогда не сдѣлали бы шагу впередъ въ этой борьбѣ и никогда не сдѣлаемъ его, если бы вели ее или станемъ вести каждый отдѣльно, каждый самъ по себѣ и самъ за себя.

Я утверждаю, что государство и есть именно это единеніе и сочетаніе личностей въ одно нравственное цѣлое, имѣющее своей задачей вести эту борьбу; это единеніе въ милліоны разъ умножаетъ силы всѣхъ, составляющихъ его, отдѣльныхъ лицъ, въ милліоны разъ увеличиваетъ силы, которыми каждая личность можетъ располагать отдѣльно, сама по себѣ.

Цѣль государства заключается, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы защищать только личную свободу и собственность, съ которыми она, согласно

буржуазной идѣѣ, будто-бы уже вступаетъ въ государство, тогда какъ въ дѣйствительности она только въ государствѣ и черезъ государство пріобрѣтаетъ и то, и другое—и свободу, и собственность. Цѣлью государства можетъ быть, наоборотъ, лишь то, что съ самаго начала уже составляетъ его естественную задачу, т. е., выражаясь формально, объединять личности въ государственный союзъ, давать имъ возможность достигать такихъ цѣлей и такихъ ступеней существованія, какихъ отдѣльная личность сама по себѣ никогда не могла бы достигнуть.

Слѣдовательно, послѣдняя и основная цѣль государства такова: положительно развивать и все болѣе и болѣе совершенствовать человѣка; другими словами: въ дѣйствительности осуществлять человѣческое предназначеніе, т. е. всю культуру, къ какой способенъ родъ человѣческій. Цѣль эта—воспитаніе и развитіе человѣческаго рода въ направленіи къ свободѣ.

Такое воззрѣніе на государство, говорю я дальше, находитъ себѣ въ дѣйствительности могучую опору въ нашей классической образованности, которая стала неотъемлемой основой нѣмецкаго духа, и въ доказательство этого я привожу слова великаго главы нашей науки, Августа Бека: „Надо настолько расширить понятіе государства, чтобы оно являлось учрежденіемъ, въ которомъ должна осуществиться вся добродѣтель человѣчества“.

Но, говорю я, вполнѣ законченную государственную идею слѣдуетъ считать прежде всего идеей рабочаго сословія. Конечно, всякій можетъ возвыситься до нея умомъ и образованіемъ; но рабочему сословію, благодаря безпомощному положенію его членовъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, она близка уже инстинктивно, матеріально и экономически.

Это-то экономическое положеніе необходимо пробуждаетъ въ рабочемъ сословіи глубокое инстинктивное сознаніе, что назначеніе государства состоитъ и должно состоять въ дарованіи личности—черезъ соединеніе всѣхъ воедино—возможности достигать такого развитія, которое для единичной личности было бы недоступно.

Но въ дѣйствительности эта нравственная государственная идея была уже и раньше движущей силой государства. Только это совершалось въ большей или меньшей степени, какъ это слѣдуетъ уже и изъ сказаннаго выше, всегда безсознательно, разумною силой вещей, помимо воли государства и даже вопреки волѣ его руководителей.

Слѣдовательно, если идея рабочаго сословія станетъ господствующей идеей государства, то это только приведетъ въ сознаніе и сдѣлаетъ созна-

тельною цѣлью общества то, что всегда было несознанной органической природой государства.

Такова великая преемственность и единство всякаго человѣческаго развитія: здѣсь не появляется ничего совершенно новаго, здѣсь всегда лишь приводится въ сознаніе и осуществляется свободной волей то, что искони, само по себѣ, было уже безсознательно—дѣйствующей органической природой вещей.

Съ февральской революціей 1848 г. во Франціи, говорю я, это сознаніе стало уже фактомъ и было открыто провозглашено. Сперва это было выражено символически,—призваніемъ работника въ число членовъ временнаго правительства, а затѣмъ провозгласили всеобщее равное и прямое избирательное право, являющееся формальнымъ средствомъ для осуществленія этой идеи. Такимъ образомъ, съ февраля 1848 г. насталъ историческій періодъ, сознательно провозгласившій нравственную идею рабочаго сословія господствующею идеей общества.

Мы можемъ поздравить себя, что живемъ въ такомъ историческомъ періодѣ, который посвященъ осуществленію этой высокой цѣли. Но такъ какъ этому періоду предназначено сдѣлать идею рабочаго сословія господствующей идеей общества, то для рабочаго сословія отсюда вытекаетъ прежде всего обязанность проявлять наибольшую степень нравственнаго достоинства, соотвѣтственно строгости этой идеи.

Вотъ вкратцѣ содержаніе и ходъ мыслей моей напечатанной лекціи.

Этой лекціей я имѣлъ только въ виду передать слушателямъ внутреннее философское пониманіе исторіи, этой труднѣйшей изо всѣхъ наукъ, представить имъ ее какъ разумное цѣлое, постепенно развивающееся по непреложнымъ законамъ.

Человѣкъ, погруженный въ такую задачу, вправѣ бросить прокурору тѣ же слова, какія Архимедъ, чертившій математическія фигуры взятія Сиракузъ на пескѣ и всецѣло погруженный въ это занятіе, бросилъ грубому наемнику, напавшему на него съ обнаженнымъ мечомъ: „Noli turbare circulos meos“ („Не порть моихъ чертежей“)!

Болѣе пяти наукъ,—исторію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, науку о правѣ и исторію права, политическую экономію, статистику, финансовое право и, наконецъ, послѣднюю и труднѣйшую изъ наукъ, науку мысли или философію—вотъ что надо было соединить, вотъ что нужно было усвоить, чтобы написать эту брошюру.

Что же за чудовище учености этотъ прокуроръ, если всего этого

еще недостаточно, чтобы придать въ его глазахъ сочиненію достоинство научности!

Но если внимательнѣе вглядѣться въ обвиненіе, то можно усмотрѣть, почему оно не признаетъ этого сочиненія за научное.

Оно гласитъ: „Хотя обвиняемый Лассаль придалъ себѣ при этомъ видъ научности, однако тенденція его лекціи совершенно практическая“.

Слѣдовательно, такъ какъ лекція имѣетъ будто бы практическую тенденцію, поэтому она, по мнѣнію прокурора, ненаучна! По его мнѣнію, качество, условіе научности состоитъ въ отсутствіи всякой практической тенденціи. Я желалъ бы спросить прокурора—подъ обвинительномъ актомъ стоитъ подпись Шеллинга: откуда почерпнулъ онъ это правило? Ужъ, конечно, не у своего отца! Шеллингъ-отецъ полагаетъ цѣлью философіи не что иное, какъ преобразованіе всего своего времени! „Быть можетъ,—говоритъ онъ,—мнѣ скажутъ, что я ожидаю слишкомъ многаго отъ философіи, считая ее способной возстановлять общественный порядокъ“. „Но,—отвѣчаетъ онъ на это,—если я усматриваю въ философіи средство для исцѣленія современной неурядицы, я имѣю въ виду, конечно, не хилую философію, не какія-либо пустыя хитросплетенія, а философію мощную, которая можетъ помѣряться съ жизнью, которая далека отъ чувства безсилія передъ жизнью и ея ужасной дѣйствительностью, которая не ограничивается грустнымъ занятіемъ одного только отрицанія и разрушенія, но заимствуетъ свою силу изъ самой дѣйствительности и потому сама снова создаетъ нѣчто дѣйственное и прочное“ [1]).

Такую же неудачу встрѣтитъ, конечно, неслыханное и достопримѣчательное открытіе прокурора и у другихъ научныхъ авторитетовъ!

„Къ чему же въ концѣ концовъ служатъ,—говоритъ Фихте въ своихъ рѣчахъ къ нѣмецкому народу [2]),—всѣ наши усилія въ отвлеченныхъ наукахъ? Положимъ, что ближайшая цѣль этихъ усилій—развивать науку изъ поколѣнія въ поколѣніе и сохранять ее на свѣтѣ; но къ чему это? Очевидно, затѣмъ только, чтобы въ надлежащее время устроить общественную жизнь и весь человѣческій порядокъ вещей. Такова конечная цѣль ихъ; слѣдовательно, каждое научное стремленіе посредственно служитъ государству, хотя бы лишь въ отдаленнѣйшемъ будущемъ“.

Такъ говоритъ Фихте!

---

[1]) „Философія откровенія“, III, 11.

[2]) „Собр. соч.“, VII, 394.

Господа президентъ и совѣтники! Я обнаружилъ бы неуваженіе къ вашимъ просвѣщеннымъ взглядамъ, если бы счелъ нужнымъ добавить хотя бы еще одно слово въ опроверженіе этого прокурорскаго открытія, будто отсутствіе практической тенденціи есть необходимое условіе **науки.**

Дѣйствительно, я преслѣдовалъ въ этой брошюрѣ исключительно практическую тенденцію—заставить своихъ читателей уразумѣть свое время и этимъ навсегда опредѣленно повліять на всю ихъ дальнѣйшую практическую дѣятельность!

Какое же въ данномъ случаѣ условіе научности прокуроръ можетъ считать нарушеннымъ мною?

Быть можетъ, внѣшній объемъ книги, который ему кажется меньше, чѣмъ слѣдуетъ для научнаго сочиненія? Быть можетъ то обстоятельство, что это сочиненіе—брошюра въ 2 печатныхъ листа, а не in-folio въ трехъ толстыхъ томахъ?

Но съ какихъ это поръ научность сочиненія опредѣляется его объемомъ, а не содержаніемъ?

Можетъ быть, прокуроръ станетъ оспаривать научность докладовъ, которые читаются членами королевской академіи наукъ на ихъ засѣданіяхъ и которые еще гораздо короче моей лекціи?

Въ прошломъ году, на юбилеѣ рожденія Фихте, я произнесъ въ философскомъ обществѣ рѣчь, въ которой имѣлъ въ виду представить внутреннюю исторію нѣмецкой метафизики. Въ этой рѣчи, изданной отдѣльно въ видѣ брошюры, даже еще меньше страницъ, чѣмъ въ интересующей насъ.

Въ виду такой краткости, прокуроръ можетъ быть, станетъ отрицать ея научность?

Но всякій понимаетъ, что научное произведеніе, о которомъ у насъ рѣчь идетъ, должно было быть тѣмъ полнѣе и стоило тѣмъ большихъ трудовъ, что, мнѣ пришлось съ одной стороны, сжать свои мысли въ двухчасовой бесѣдѣ, въ рамкахъ брошюры въ 34 страницы, а съ другой— я не могъ предполагать въ своихъ слушателяхъ никакихъ научныхъ свѣдѣній. Чтобы преодолѣть эти затрудненія, нисколько не жертвуя научной глубиной, нужны точность, сосредоточенность и ясность мысли, далеко превосходящія усилія, обыкновенно затрачиваемыя на обширныя ученыя сочиненія.

Спрашиваю опять, какого же условія научности недостаетъ этой лекціи?

Быть можетъ, ее лишаетъ научнаго достоинства мѣсто, гдѣ она была прочитана?

Дѣйствительно, задавая этотъ вопросъ, я попадаю въ самый центръ, въ самое больное мѣсто обвиненія.

Пусть бы—такъ, очевидно, разсуждаетъ прокуроръ—онъ читалъ эту лекцію, гдѣ ему угодно, съ каѳедры или въ консерваторіи, передъ такъ называемыми сливками образованной публики; но онъ читалъ ее народу, работникамъ, обращался къ работникамъ—вотъ почему эта лекція ненаучна, вотъ почему она преступленіе!

Crimen novum atque inauditum! [1]).

Я могъ бы ограничиться возраженіемъ, что для содержанія рѣчи, а, слѣдовательно, для ея научности совершенно безразлично, гдѣ она произнесена, въ королевской ли академіи наукъ, передъ цвѣтомъ учености, или гдѣ-либо въ предмѣстьи, передъ машиностроительными рабочими.

Но я обязанъ дать вамъ болѣе полный отвѣтъ. Прежде всего я долженъ выразить свое изумленіе, что здѣсь, въ Берлинѣ, кому-нибудь можетъ прійти въ голову ставить условіемъ научности рѣчи мѣсто ея произнесенія, въ Берлинѣ, гдѣ Фихте передъ всякой публикой читалъ свои безсмертныя популярно-философскія лекціи, свои рѣчи объ основныхъ чертахъ нынѣшняго вѣка, и рѣчи ко всему нѣмецкому народу!

Въ томъ-то и величіе этого вѣка, что ему суждено выполнить то, о чемъ въ болѣе мрачные вѣка и помыслить не могли,—привести науку къ народу!

Какими бы громадными ни казались препятствія, стоящія на пути этой задачи, — мы готовы бороться съ ними, наша стража на мѣстѣ, чтобы одолѣть ихъ!

Среди всеобщаго упадка, охватившаго—на взглядъ всякаго болѣе глубокаго знатока исторіи—всѣ стороны европейской жизни, среди губительной язвы своекорыстія, проникшей во всѣ поры европейскаго общества, только два элемента оставались великими, свѣжими и способными къ развитію. Эти два элемента—наука и народъ, наука и работники!

Только сочетаніе ихъ можетъ оплодотворить новою жизнью нѣдра европейскаго общества.

Союзъ науки и работниковъ, этихъ двухъ крайнихъ полюсовъ общества, которые, слившись воедино, раздавятъ въ своихъ желѣзныхъ объя-

---

[1]) Новое и неслыханное преступленіе.

тіяхъ всѣ препятствія, стоящія на пути культурѣ—вотъ цѣль, которой я рѣшился посвятить свою жизнь до послѣдняго вздоха!

Но, можетъ быть, господа, это ученіе совершенно ново и неслыханно въ лѣтописяхъ науки?

Послушайте же, что говоритъ Фихте въ своихъ рѣчахъ къ нѣмецкому народу, обращаясь къ образованнымъ сословіямъ:

„Теперь моя рѣчь обращается преимущественно къ образованнымъ сословіямъ Германіи въ надеждѣ въ первый разъ растолковать имъ и прежде всего убѣдить ихъ, чтобы они взяли на себя это новое дѣло. Это примиритъ человѣчество съ ихъ прежней дѣятельностью на свѣтѣ и дастъ имъ право на дальнѣйшее существованіе. Въ теченіе этихъ рѣчей мы увидимъ, что до сихъ поръ все развитіе человѣчества въ нѣмецкой націи исходило отъ народа, который всегда первымъ совершалъ великія національныя дѣла, одинъ радѣлъ о нихъ и развивалъ ихъ дальше. Такимъ образомъ, теперь впервые изначальный прогрессъ націи ввѣряется образованнымъ сословіямъ, и если они дѣйствительно возьмутся за эту задачу, то это также будетъ впервые. Мы увидимъ, что эти сословія не въ состояніи разсчитать, долго ли еще будетъ зависѣть отъ ихъ воли принять на себя руководительство этимъ дѣломъ или нѣтъ, такъ какъ оно уже вотъ-вотъ готово перейти въ руки народа, оно уже почти созрѣло для него и творится людьми изъ народа, и народъ вскорѣ сможетъ самъ помочь себѣ, безъ нашей помощи“ [1]).

Такимъ образомъ, Фихте зналъ и говорилъ, что за великія національныя дѣла всегда брался только народъ, образованныя же сословія никогда.

Если же онъ все-таки обращался къ образованнымъ сословіямъ, то, какъ самъ говоритъ, только потому, что надѣялся впервые убѣдить ихъ, потому, что считалъ народъ только „еще почти готовымъ и созрѣвшимъ“ слушать научныя рѣчи, но въ дѣйствительности еще неготовымъ и несозрѣвшимъ.

Но вотъ теперь дѣйствительно дѣлается то, что уже во времена Фихте считалось единственно плодотворнымъ, но казалось еще недостаточно подготовленнымъ и зрѣлымъ, еще слишкомъ труднымъ. Въ этомъ и состоитъ весь небольшой прогрессъ, совершившійся въ Германіи со временъ Фихте, т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, такъ какъ у нѣмецкихъ правительствъ вы, конечно, тщетно будете искать какого-либо прогресса!

---

[1]) „Собр. соч.“, VII, 278.

Въ приведенной цитатѣ Фихте обѣщалъ, что этотъ прогрессъ совершится „скоро“. Это „скоро“ длилось пятьдесятъ лѣтъ, — надѣюсь, господа президентъ и совѣтники, что такой срокъ и вы сочтете достаточно долгимъ для короткаго времени.

Чего же заслуживаютъ люди, которые, не взирая ни на какія затрудненія, борятся всѣми силами своего ума, чтобы совладать съ гигантской задачей передать народу науку и научную мысль? Того ли, чтобы ихъ обвиняли въ возбужденіи неимущихъ къ ненависти къ имущимъ? Или, наоборотъ, благодарности и любви именно имущихъ классовъ, именно прежде всего буржуазіи?

Отчего буржуазія питаетъ политическую боязнь къ народу?

Вспомните событія марта, апрѣля и мая 1848 г.

Забыли ли вы, что тогда было?

Полицейская сила была сокрушена; народъ наполнялъ всѣ улицы и площади. И всѣ улицы, всѣ площади, весь народъ находились исключительно въ рукахъ разныхъ Карбе, Линденмюллеровъ и тому подобныхъ безсмысленныхъ агитаторовъ, людей безъ знаній, безъ образованія, безъ разсудка, взвинченныхъ бурей, взволновавшей политическую жизнь до самыхъ глубинъ ея! Буржуазія, встревоженная и испуганная, сидѣла по своимъ угламъ, ежеминутно трепещѧ за свою собственность и жизнь, которыя она видѣла въ рукахъ грубыхъ агитаторовъ, только слишкомъ добродушныхъ, чтобы воспользоваться своей властью такъ, какъ она въ страхѣ ожидала. Буржуазія втихомолку молилась о возвращеніи полицейской власти, трепеща страхомъ, отъ котораго она до сихъ поръ еще не освободилась и воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ дѣлаетъ ее неспособною къ политической борьбѣ!

Какимъ же образомъ могло случиться, что въ городѣ, который величаетъ себя столицей интеллигенціи, въ такомъ большомъ городѣ, резиденціи блистательнѣйшихъ умовъ, народъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ повиновался разнымъ Карбе и Линденмюллерамъ, а вы трепетали за жизнь и были всѣ собственность?

Гдѣ была интеллигенція Берлина, этого музея науки и мысли, гдѣ вы, господа?

Цѣлый городъ не можетъ быть трусомъ.

Но вы разсуждали такъ: народъ не понимаетъ нашихъ мыслей, не понимаетъ даже нашего языка. Между нашимъ научнымъ мышленіемъ и образованіемъ массы, между языкомъ научной мысли и понятіями народа—

цѣлая пропасть. Онъ не пойметъ насъ. А потому трибуна принадлежитъ самому невѣжественному!

Вы разсудили такимъ образомъ и молчали!—Скажите же теперь, господа, увѣрены ли вы, что никогда больше не повторится политическаго потрясенія? Поклянетесь ли вы, что стоите въ концѣ историческихъ движеній?

А если нѣтъ, то что же вамъ угодно, чтобы ваша жизнь и собственность снова оказались въ рукахъ какихъ-нибудь Карбе и Линденмюллера?

Если нѣтъ, то благодарите же людей, посвятившихъ себя труду заполнить ту пропасть, какая отдѣляетъ мысль и языкъ науки отъ народа, людей, поставившихъ себѣ задачей уничтожить тотъ барьеръ, который разъединяетъ буржуазію отъ народа. Благодарите людей, которые цѣною собственныхъ умственныхъ усилій предприняли трудъ, столь полезный своими результатами для всѣхъ васъ вообще и для каждаго изъ васъ въ частности!

Вы должны содержать этихъ людей на общественный счетъ, а не возводить на нихъ обвиненія!

Слѣдовательно, мѣсто, гдѣ была прочитана эта лекція, точно также не можетъ считаться доводомъ противъ ея научности.

Итакъ, я вполнѣ доказалъ, что произведеніе это научно.

Если же, паче чаянія, станутъ оспаривать это, чего я, конечно, рѣшительно не ожидаю со стороны столь просвѣщенныхъ лицъ, какъ вы, господа президентъ и совѣтники, то я прибѣгну подъ защиту права, которымъ пользуется всякій сапожникъ и въ которомъ вы тѣмъ менѣе можете отказать мнѣ: я потребую, чтобы эксперты подтвердили научность моего труда.

Вопросъ, научно ли данное произведеніе, есть, въ сущности, вопросъ спеціальности, котораго нельзя рѣшить, обладая лишь общимъ образованіемъ, нельзя рѣшить даже судебной коллегіи, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о наукѣ права, которое должно быть вамъ знакомо, а о другихъ наукахъ, которыхъ вы можете и не знать и если случайно знаете, то знаете частнымъ образомъ, а не въ качествѣ судей.

Рѣшить этотъ вопросъ утвердительно — на это вы компетентны, такъ какъ присутствіе въ сочиненіи науки обыкновенно бросается въ глаза даже человѣку, обладающему только общимъ образованіемъ.

Но рѣшить его отрицательно, вопреки рѣшенію выставляемой мною экспертизы, буде таковая окажется нужной, вы не можете. Ибо только научный глазъ можетъ рѣшить съ той достовѣрностью, какая необходима

для произнесенія приговора, не скрывается ли глубочайшей научной мысли подъ легкой популярной формой, принятой ради большей ясности, не совершеннѣе ли тѣмъ произведеніе научной мысли, что ей удалось сбросить съ себя всѣ слѣды внутренней борьбы удалось уничтожить всѣ затрудненія, всю неподатливость матеріала и явиться кристаллически прозрачной, научнымъ художественнымъ произведеніемъ, которое, свергнувъ съ себя, по словамъ Шиллера, всѣ признаки человѣческой ограниченности, развивается свободно и легко, какъ бы играя, само собою, какъ бы являясь собственной мыслью слушателя.

Итакъ, на всякій случай, предлагаю отобрать отзывы у слѣдующихъ спеціалистовъ:

тайнаго совѣтника Августа Бёка,
дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, бывшаго директора министерства исповѣданій, Іоганна Шульце,
профессора Адольфа Тренделенбурга,
тайнаго совѣтника и оберъ-библіотекаря доктора Пертца,
профессора Леопольда Ранке,
профессора Теодора Моммзена,
тайнаго совѣтника профессора Гансена,—

все члены королевской академіи наукъ. Спросите ихъ, не есть ли это сочиненіе—строго научное произведеніе.

Но, въ такомъ случаѣ, оно, какъ я доказалъ, не имѣетъ никакого отношенія къ уголовному уложенію.

Я потому такъ подробно развиваю этотъ первый пунктъ своей защиты, что нахожу нужнымъ въ интересахъ страны, въ интересахъ достоинства и свободы науки разъ навсегда установить прецедентъ, имѣющій принципіальное значеніе противъ всякихъ будущихъ поползновеній прокуратуры, и прежде всего предлагаю вамъ оправдать меня на основаніи 20 статьи конституціи.

Я желаю этого вовсе не для своего личнаго огражденія.

Ибо, если бы даже уголовное уложеніе вообще и могло примѣняться здѣсь, то въ данномъ случаѣ оно, все же, нисколько не было нарушено, и приводимый прокуроромъ параграфъ меня вовсе не касается.

Все обвиненіе опровергается уже однимъ тѣмъ соображеніемъ, что прокуроръ не приводитъ ни одного инкриминируемаго мѣста, ни одного инкриминируемаго положенія, и все это дѣло есть простой тенденціозный процессъ въ самой откровенной формѣ. Обвиняется извѣстное направленіе,—больше ничего; но за направленіе нельзя наказывать.

Однако, я не могу ограничиться такой легкой защитой. Обвиненіе въ

возбужденіи неимущихъ къ ненависти противъ имущихъ таково, что, кромѣ наказанія, угрожаетъ еще потерей добраго имени гражданина. Оно таково, что, даже будучи опровергнуто чисто юридически, формальными доводами, все еще оставляетъ обвиняемаго подъ тяжестью подозрѣнія. Защищая передъ вами свою честь такъ же заботливо, какъ и свою свободу, развивая, поэтому, фактическіе доводы такъ же тщательно, какъ и юридическіе, опровергающіе обвиненіе,—я доказываю этимъ, что питаю къ вамъ и къ вашему мнѣнію, господа президентъ и совѣтники, уваженіе и потому надѣюсь, вы простите мнѣ, что эта вторая часть моей защиты будетъ не короче первой.

Я обвиняюсь въ нарушеніи § 100 уголовнаго уложенія. Онъ гласитъ:

„Подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти или презрѣнію подлежитъ денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 20 до 200 талеровъ или тюремному заключенію отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ“.

Такимъ образомъ, согласно этому §, для примѣненія его требуется совпаденіе трехъ условій:

Надо,

I. чтобы было возбужденіе къ ненависти или презрѣнію;

Надо,

II. чтобы возбужденіе это было обращено противъ классовъ подданныхъ государства и, дѣйствительно, прокуроръ обвиняетъ меня въ возбужденіи класса неимущихъ противъ класса имущихъ;

И надо,

III. чтобы возбужденіе это было способно подвергнуть опасности общественное спокойствіе.

Всѣ эти три условія должны совпадать, должны соединиться, чтобы этотъ § закона могъ быть примѣненъ; а между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ налицо ни одного изъ нихъ!

ad I. Надо, чтобы было возбужденіе къ ненависти или презрѣнію.

Объ этомъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, и именно по многимъ причинамъ:

1) Проступокъ не можетъ подлежать § 100, если въ немъ не было намѣренія возбудить къ ненависти и презрѣнію. Неосторожное возбужденіе къ ненависти и презрѣнію немыслимо. Будь оно мыслимо, чтобы изъ этого вышло? Например́ъ, всѣ мы недавно прочли нѣкоторыя рѣчи членовъ палаты господъ, которыя, быть можетъ, преисполнили меня, а можетъ быть и не одного меня, господа, а очень большую часть націи не-

навистью и презрѣніемъ до самозабвенія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что прокуроръ можетъ начать дѣло противъ этихъ ораторовъ? Нѣтъ, и помимо ихъ политической неприкосновенности, прокуроръ не могъ бы обвинить ихъ, такъ какъ, хотя дѣйствіе рѣчей ихъ и было таково, но господа эти, навѣрное, не имѣли намѣренія возбуждать ненависть и презрѣніе. Равнымъ образомъ едва ли кто станетъ отрицать, что намѣреніемъ моей лекціи было научить. Въ крайнемъ случаѣ прокуроръ могъ бы еще, пожалуй, утверждать, что для меня было безразлично, возбудитъ ли сообщенное мною знаніе ненависть и презрѣніе; но такое утвержденіе не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ для обвиненія требуется именно умышленное возбужденіе къ ненависти и презрѣнію.

Но въ дѣйствительности намѣреніе произвести подобное возбужденіе безусловно исключается въ этомъ случаѣ другою причиной, которая вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что моя лекція и не могла произвести такого дѣйствія, не могла возбудить ненависть и презрѣніе; во избѣжаніе повтореній, я разсмотрю оба эти обстоятельства вмѣстѣ.

Итакъ, во-вторыхъ, я говорю, что моя лекція не могла имѣть такого результата, не могла имѣть и намѣренія возбудить къ ненависти и презрѣнію.

Что именно можетъ вызвать противъ себя ненависть и презрѣніе?

Порочность, которая, въ свою очередь, можетъ состоять только въ произвольныхъ поступкахъ людей.

Но въ своей лекціи я доказываю, что господство принципа буржуазіи, противъ которой, по словамъ прокурора, я возбуждалъ къ ненависти, есть всемірно-историческая необходимая экономическая и нравственная ступень развитія, что его не могло не быть и что оно столь же естественно-необходимо, какъ физическіе процессы развитія земного шара.

Но развѣ бороться съ природой значитъ ненавидѣть ее? Развѣ тотъ ненавидитъ природу, кто старается руководить ея процессами, кто старается улучшить ея произведенія?

Далѣе, какъ понялъ прокуроръ мое ученіе!

Основная мысль моей лекціи та, что имущіе вовсе не создали господства буржуазіи, не создали, какъ личности, сознательно и произвольно, преднамѣренно и отвѣтственно; что, наоборотъ, сами буржуа являются безсознательными, невольными и потому неотвѣтственными продуктами, а не творцами этого міроваго положенія, развившагося вовсе не изъ субъективной воли, а въ силу совершенно иныхъ законовъ. Даже сильное нежеланіе отказаться отъ этого господства я объясняю закономъ человѣческой при-

роды, которой свойственно упорно держаться даннаго и считать его необходимымъ. И это ученіе, которое освобождаетъ имущихъ даже отъ отвѣтственности за существующее положеніе вещей, обращаетъ ихъ изъ виновниковъ въ продуктъ его, прокуроръ обвиняетъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія!

Ибо по § 100 мы имѣемъ дѣло съ лицами и классами лицъ, а не съ государственными учрежденіями, какъ это слѣдуетъ по § 101.

Ни одинъ работникъ не понялъ моей лекціи такъ плохо, какъ прокуроръ, и я предоставляю ему рѣшить, чего не достало ему, способности или доброй воли.

Этого мало. Я показываю, что господство буржуазной идеи было всемірно-освободительнымъ историческимъ дѣломъ, что оно было самымъ великимъ нравственнымъ и культурно-историческимъ прогрессомъ, даже неизбѣжнымъ всемірно-историческимъ условіемъ и переходной ступенью развитія идеи рабочаго сословія.

Такимъ образомъ, я примиряю рабочее сословіе съ историческимъ господствомъ буржуазіи, показывая объективную разумность этого господства. Этимъ я примиряю его съ нимъ, ибо высшая форма примиренія заключается въ уразумѣніи разумности того, что насъ стѣсняетъ.

Далѣе я показываю, что и идея буржуазіи не есть еще высшая ступень историческаго развитія, не послѣдняя степень совершенствованія, что за ней идетъ еще болѣе высокое проявленіе человѣческихъ способностей, для котораго буржуазная ступень служитъ основой. Значитъ ли все это, что я возбуждаю ненависть и презрѣніе къ буржуазіи?

Вѣдь, такимъ образомъ, работникамъ пришлось бы ненавидѣть и презирать самихъ себя, всю человѣческую природу въ себѣ и въ другихъ, такъ какъ таковъ законъ человѣческой природы, что она развивается лишь постепенно и каждая предыдущая ступень развитія есть необходимое условіе для послѣдующей.

Если бы я любилъ идиллическій стиль, господа,—а я терпѣть его не могу,—я могъ бы съ полнымъ основаніемъ сказать, что внушилъ рабочимъ относиться къ буржуазіи съ исторической точки зрѣнія съ чувствомъ уваженія, доказавъ имъ, что ея господство было необходимой переходной ступенью и всемірно-историческимъ условіемъ развитія самой идеи рабочаго сословія. Сынъ можетъ превосходить отца болѣе свободнымъ и полнымъ образованіемъ, онъ можетъ обладать болѣе энергичнымъ характеромъ, но онъ никогда не перестанетъ чтить въ немъ источникъ своей крови и виновника своего существованія. Въ какую же грязь, слѣдовательно, вовлекаютъ высшую изъ

всѣхъ наукъ, обвиняя въ преступномъ подстрекательствѣ то ученіе, которое разсматриваетъ исторію, какъ постепенное развитіе разума и свободы?

Я долго не могъ понять, какимъ образомъ прокуроръ могъ усмотрѣть здѣсь ненависть и призрѣніе. Наконецъ, я остановился на такомъ объясненіи: читая мою брошюру, прокуроръ перенесся, вѣроятно, въ душу работника и тутъ почувствовалъ, что онъ, прокуроръ, на мѣстѣ работника непремѣнно возненавидѣлъ бы!

Итакъ, прокуроръ чувствуетъ, что онъ возненавидѣлъ бы!

Я могъ бы сказать, господа, что причина этого кроется въ своеобразной натурѣ прокурора, отъ которой онъ, слѣдовательно, ужъ не можетъ освободиться. Но я приду ему на помощь ему! Я поведу обвиненіе противъ себя рѣзче, чѣмъ онъ это сдѣлалъ; я хочу его такъ мотивировать, какъ это дѣйствительно слѣдовало бы сдѣлать, если уже вообще нужно было вести это дѣло. Чѣмъ рѣзче я выясню сущность обвиненія, тѣмъ сильнѣе смогу уничтожить его.

Итакъ, прокурору слѣдовало бы сказать:

Правда, Лассаль въ своей лекціи обращается къ теоретической способности пониманія своихъ слушателей, а не къ ихъ практической волѣ и чувствамъ. Поэтому справедливо, что лекція эта не относится къ области уголовнаго уложенія.

Но въ нормально чувствующемъ человѣкѣ умъ, воля и чувство не отдѣльные карманы, ничѣмъ не связанные между собой. Когда одно чѣмъ-либо переполнено, то излишекъ необходимо переливается въ другое. Воля и чувство служатъ познанію, и оно господствуетъ надъ ними.

Правда, въ своей лекціи Лассаль ни словомъ не обмолвился о ненависти и презрѣніи; онъ только теоретически доказываетъ, что извѣстныя учрежденія, какъ, напр., трехклассный избирательный законъ и т. п., вредны и пагубны. Я не могу опровергнуть этого ученія. Но на основаніи необходимого единства человѣческой природы я могу утверждать, что, если это правда, то каждый работникъ, какъ нормально чувствующій человѣкъ, долженъ ненавидѣть и презирать не только эти учрежденія, но и тѣхъ, кому они выгодны!

Вотъ логическій остовъ этого обвиненія, вотъ дедукція, логически-необходимо и неизбѣжно заключающаяся въ этомъ обвиненіи, безразлично, говорится ли это открыто или въ замаскированной формѣ!

Не я, слѣдовательно, а прокуроръ, съ высоты своего судейского кресла, проповѣдуетъ рабочимъ классамъ ужасное ученіе: Вы должны ненавидѣть и презирать!

Но пусть ужъ, въ такомъ случаѣ, прокуроръ и вѣдается съ буржуазіей!

Что же отвѣчу я на это обвиненіе прокурору, обвиняющему меня въ томъ, въ чемъ онъ самъ повиненъ?

Я имѣю на это цѣлыхъ четыре отвѣта.

Во-первыхъ, несомнѣнно, что всякій нормально чувствующій человѣкъ, однажды убѣдившись, что данное учрежденіе непригодно или вредно, на всю. жизнь свою сохранитъ желаніе по возможности измѣнить это учрежденіе Я сознаюсь, что вызвать это желаніе въ моихъ слушателяхъ на всю ихъ жизнь необходимо было цѣлью моей, какъ и всякой другой, научной дѣятельности. Но несомнѣнно, что это желаніе никакъ не можетъ быть воспрещено государствомъ, пока оно не выражается въ воспрещенныхъ государствомъ поступкахъ; точно также не запрещается и возбуждать это желаніе, если съ этимъ не связано возбужденіе къ недозволительнымъ поступкамъ. Кромѣ того, желаніе исправить сознанный недостатокъ не имѣетъ ничего общаго съ чувствами ненависти и презрѣнія къ этому недостатку, такъ какъ возможно, что онъ имѣетъ свое историческое оправданіе, возможно, что онъ былъ исторически необходимъ, возможно, что онъ даже игралъ въ исторіи освободительную роль и въ высшей степени содѣйствовалъ культурно-историческому прогрессу. Могли быть и другія основанія, на которыхъ я уже не стану останавливаться, чтобы не задерживать васъ. Такимъ образомъ здѣсь передъ нами первый логическій скачекъ прокурора.

Во-вторыхъ, если бы въ какомъ-нибудь случаѣ теоретическое, научное знаніе дѣйствительно вызвало въ нормально-чувствующемъ человѣкѣ ненависть и презрѣніе,—законодатель отнюдь не имѣлъ бы права вмѣнять въ вину такую ненависть и такое презрѣніе.

Если вещь настолько дурна, что познаніе ея необходимо возбуждаетъ ненависть и презрѣніе, то ее и должно ненавидѣть и презирать!

Законодатель вмѣняетъ въ вину такую ненависть и такое презрѣніе, которыя вызваны возбужденіемъ голыхъ чувствъ и страстей. Но онъ не вмѣняетъ въ вину разумъ и нравственную природу человѣка! Слѣдовательно, онъ не вмѣняетъ въ вину такую ненависть и такое презрѣніе, которыя суть лишь необходимое слѣдствіе разума и нравственнаго сознанія. По понятіямъ прокурора выходитъ, что 100-мъ параграфомъ законодатель запретилъ разумъ и осудилъ нравственность человѣка! Но законодателю этого и въ голову не приходило. Ни одинъ судья не станетъ такъ толковать законъ, чтобы своимъ толкованіемъ представить законодателя отъявленнымъ врагомъ разума и науки, и, такимъ образомъ, мы возвращаемся ко всѣмъ соображеніямъ, высказаннымъ мною въ первой

части моей защиты по поводу 20 статьи конституціи. Здѣсь они получають тотъ смыслъ, что если бы даже наука и ея ученіе вообще не были ограждены этой статьей отъ уголовнаго закона, то и тогда, не желая окончательно разрушить всѣхъ основаній человѣческой природы, нельзя было бы примѣнять § 100 къ такой ненависти и такому презрѣнію, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ науки и знакомства съ нею.

Въ третьихъ, ненависть и презрѣніе къ объективному учрежденію совершенно еще не то. что ненависть и презрѣніе къ лицамъ, которымъ это учрежденіе выгодно, а § 100 говоритъ только о ненависти къ лицамъ, такъ что здѣсь передъ нами третій скачекъ прокурора, настоящее salto mortale!

Въ четвертыхъ,—это возраженіе по существу своему будетъ носить фактическій характеръ,—обвиненіе совершаетъ самое курьезное quid pro quo [1]), какое мнѣ когда-либо встрѣчалось въ юридическихъ преніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ пунктъ дастъ намъ возможность доказать, что обвиненіе лишено и второго условія, а именно: если бы здѣсь даже и можно было говорить о какой-нибудь ненависти или презрѣніи, то, во всякомъ случаѣ, это не та ненависть и презрѣніе, въ возбужденіи которыхъ я обвиняюсь.

ad. II. Меня обвиняютъ въ возбужденіи неимущихъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ классамъ.

„Но такимъ изображеніемъ дѣла,—гласитъ обвиненіе, излагая свои доводы,—работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы противъ имущихъ“. Введя, такимъ образомъ, потихоньку и незамѣтно, такое опредѣленіе слова „буржуазія“, обвиненіе заключаетъ формально такъ:

„Посему, частное лицо Ф. Л. обвиняется въ томъ, что онъ: 1) своею лекціей и т. д.; 2) обнародованіемъ брошюры, содержащей эту лекцію, публично возбуждалъ неимущіе классы подданныхъ государства къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ“.

Дѣйствительно, въ своей брошюрѣ я говорю о „буржуазіи“. Но какъ опредѣляю я это слово? Достаточно привести только одно мѣсто изъ брошюры, гдѣ я даю ясное опредѣленіе слова буржуазія, чтобы показать, какое непостижимое, какое неслыханное, совершенно не поддающееся оцѣнкѣ, quid pro quo старается подсунуть мнѣ прокуроръ, обвиняя меня въ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ.

---

[1]) Смѣшеніе вещей или понятій.

На стр. 16—17 той брошюры я говорю:

„Однако, господа, мнѣ пора объяснить здѣсь значеніе слова буржуазія или крупная буржуазія, какъ обозначеніе политической партіи; пора сказать, въ какомъ смыслѣ употребляю я это слово, потому что иначе мнѣ грозитъ опасность, что моя лекція можетъ вызвать большія недоразумѣнія.

„Слово буржуазія въ переводѣ значитъ собственно бюргерство, гражданство. Но я употребляю его не въ этомъ значеніи; всѣ мы граждане— и работникъ, и мѣщанинъ, и капиталистъ и т. д. Но съ теченіемъ времени слово буржуазія пріобрѣло совершенно особенное значеніе, оно стало обозначать совершенно опредѣленное политическое направленіе, которое я сейчасъ объясню.

„При наступленіи французской революціи весь классъ гражданъ не-дворянъ раздѣлялся и раздѣляется еще и до сихъ поръ на два подкласса: вопервыхъ, классъ лицъ, извлекающихъ свой доходъ исключительно или преимущественно изъ собственнаго труда, при чемъ у нихъ или вовсе нѣтъ никакого капитала, или самый скромный, который даетъ имъ лишь возможность заниматься производительной дѣятельностью, прокармливающею ихъ самихъ и ихъ семейства; къ этому классу принадлежатъ, слѣдовательно, работники, мѣщане, ремесленники и въ цѣломъ и крестьяне. Во-вторыхъ, классъ лицъ, располагающихъ крупнымъ имуществомъ, большимъ капиталомъ, занимающихся на основѣ такого большого фонда производствомъ или извлекающихъ изъ него прибыль. Этихъ лицъ можно бы назвать капиталистами; но и капиталистъ, господа, поэтому, самъ по себѣ, вовсе еще не буржуа. Гражданину нѣтъ дѣла до того, что дворянинъ у себя дома, за четырьмя стѣнами, гордится своими предками и наслаждается своими помѣстьями. Но если дворянинъ начинаетъ выставлять этихъ предковъ и эти помѣстья, какъ условія своего особеннаго значенія и исключительныхъ преимуществъ въ государствѣ, какъ условія господства надъ государственной волей,—тогда гражданина охватываетъ гнѣвъ, и онъ обзываетъ того феодаломъ.

„То же самое наблюдается и въ фактическихъ имущественныхъ различіяхъ".

„Нѣтъ ничего проще, естественнѣе и законнѣе, когда капиталистъ, сидя у себя дома, наслаждается удобствами и выгодами, которыя въ избыткѣ доставляетъ своему обладателю большое имущество!"

Кстати, замѣтьте, господа, слѣдующее: въ своей брошюрѣ я до того возбуждаю неимущіе классы къ ненависти противъ имущихъ, что рѣши-

тельно признаю законность этого обладанія, называю радость, связанную съ этими выгодами и пріятностями, самымъ естественнымъ и законнымъ дѣломъ!

Далѣе я продолжаю свое опредѣленіе такъ:

„Конечно, работникъ и мѣщанинъ, вообще, весь неимущій классъ имѣетъ право требовать, чтобы государство обратило всѣ свои помыслы и стремленія на улучшеніе горькаго и бѣдственнаго матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ; онъ вправѣ требовать, чтобы государство поставило себѣ главной цѣлью помочь тѣмъ, чьими руками создаются всѣ богатства, которыми блещетъ наша цивилизація, создаются всѣ продукты, безъ которыхъ общество не могло бы просуществовать ни единаго дня; онъ вправѣ требовать, чтобы государство помогло ему добиться большаго и болѣе обезпеченнаго дохода, а съ нимъ и возможности умственнаго образованія и, слѣдовательно, истинно-человѣческаго существованія. Но, при всемъ томъ, работникъ никогда не долженъ забывать и никогда не забудетъ, что всякая собственность, однажды законно пріобрѣтенная, неприкосновенна и правомѣрна“.

Вотъ до чего, слѣдовательно, я возбуждаю неимущіе классы къ ненависти къ имущимъ, что неустанно проповѣдую имъ неприкосновенность и святость всякой, однажды пріобрѣтенной, законной собственности имущихъ классовъ и внушаю имъ уваженіе къ ней!

„Но если капиталистъ, не довольствуясь фактическими преимуществами богатства, хочетъ еще выставить свое богатство, капиталъ, условіемъ участія въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства,—тогда только онъ обращается въ буржуа, тогда онъ превращаетъ фактъ владѣнія въ правовое условіе политической власти, тогда онъ выказываетъ себя новымъ привилегированнымъ сословіемъ въ народѣ, сословіемъ, которое хочетъ навязать всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ основной характеръ своей привилегіи, какъ это дѣлало въ средніе вѣка дворянство съ привилегіей землевладѣнія“.

Итакъ, изъ моего яснаго и точнаго опредѣленія слѣдуетъ, что я въ томъ только случаѣ считаю капиталиста за буржуа, когда онъ начинаетъ обращать совершенно невинный и безобидный фактъ своего болѣе крупнаго владѣнія въ правовое условіе участія въ государственной власти, словомъ, когда онъ начинаетъ превращать свое обладаніе капиталомъ въ правовую политическую привилегію, когда рѣшается уничтожить равенство правъ между имущими и неимущими и узурпировать свободу и развитіе народа въ пользу крупнаго капитала и въ интересахъ прочности его

господства. Только въ этомъ случаѣ, какъ я прямо указываю, буржуазія становится привилегированнымъ сословіемъ, какимъ оно иначе, несмотря на всѣ фактическія имущественныя неравенства, отнюдь не является.

Я показываю въ брошюрѣ, какъ все это достигается при помощи ценза, который и ставитъ обладаніе извѣстнымъ капиталомъ условіемъ участія въ государственной власти, путемъ избранія въ законодательныя собранія. Далѣе, я показываю, что для сущности дѣла рѣшительно все равно, установленъ ли цензъ прямо и открыто, или въ замаскированной формѣ, и что нашъ нынѣшній дарованный трехклассный избирательный законъ 1849 года точно также представляетъ собой такой замаскированный цензъ.

Итакъ, моя брошюра содержитъ въ себѣ нападки, впрочемъ, чисто-теоретическаго характера, только на трехклассный избирательный законъ, но отнюдь не на имущіе классы, фактическое владѣніе которыхъ я, напротивъ, неоднократно защищаю, какъ нѣчто совершенно неоспоримое, пристойное, неприкосновенное и вполнѣ законное.

Трехклассный избирательный законъ есть учрежденіе нашего государства. Отчего бы, въ такомъ случаѣ, прокурору лучше не обвинить меня по § 101 уголовнаго уложенія—„въ возбужденіи ненависти или презрѣнія къ государственнымъ учрежденіямъ“? Конечно, я нашелъ бы что отвѣтить и на это обвиненіе! Но теперь объ этомъ не стоитъ говорить, такъ какъ въ этомъ меня не обвиняютъ и моя защита длилась бы безконечно, если бы я вздумалъ еще оправдываться въ проступкахъ, въ которыхъ меня не обвиняютъ.

Но почему же изо всѣхъ невозможныхъ обвиненій прокуроръ выбралъ самое невозможное? Зачѣмъ онъ только подмѣняетъ предметъ моихъ нападокъ? Человѣкъ доказываетъ, что трехклассный избирательный законъ несправедливъ, такъ какъ превращаетъ въ правовое условіе политической власти фактическія имущественныя различія, которыя, впрочемъ, этотъ же человѣкъ признаетъ совершенно безобидными,—и вдругъ противъ него выдвигается злостное обвиненіе въ подстрекательствѣ неимущихъ классовъ къ ненависти къ имущимъ!

Неужели, господа, нѣтъ никакихъ средствъ противъ такого публичнаго поношенія добраго имени и репутаціи человѣка?

Можно ли сказать, что введеніе трехкласснаго избирательнаго закона есть у насъ дѣло имущихъ классовъ, что за него отвѣтственна нѣмецкая буржуазія? О французской буржуазіи это можно сказать. Тамъ еще революціонное учредительное собраніе ввело цензъ. Но о нѣмецкой этого пока сказать нельзя.

Достигнувъ, благодаря мартовской революціи 1848 г., господства, прус-

ская буржуазія, закономъ 8 апрѣля 1848 г., ввела у насъ всеобщее равное избирательное право!

Нѣмецкая буржуазія въ соборѣ Павла во Франкфуртѣ провозгласила всеобщее равное избирательное право!

Прусская ревизіонная камера 1849 г. утвердила всеобщее равное избирательное право!

Нашъ теперешній трехклассный избирательный законъ дарованъ, правительствомъ дарованъ!

Зачѣмъ же прокуроръ заставляетъ прусскую буржуазію подставлять свою спину за вину правительства?

A tout seigneur tout honneur! [1]).

Не имущіе классы Пруссіи, а прусское правительство должно на всѣ времена и передъ всѣмъ народомъ нести на себѣ вину и отвѣтственность за дарованный трехклассный избирательный законъ!

Каковы бы, впрочемъ, ни были причины, побудившія прокурора къ такому странному смѣшенію,—быть можетъ, онѣ еще обнаружатся впослѣдствіи,—во всякомъ случаѣ, обвиненіе оказывается лишеннымъ и этого второго условія. Никакого возбужденія противъ имущихъ классовъ, противъ того, на что указываетъ прокуроръ, не было.

Наконецъ, нѣтъ налицо и третьяго условія — опасности для общественнаго спокойствія.

ad. III. § 100 гласитъ: „Подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти или презрѣнію подлежитъ...“

Говоря объ общественномъ спокойствіи, государство разумѣетъ не душевное спокойствіе, потому что оно не суперинтендентъ изъ піэтистовъ, чтобы заботиться о внутреннемъ спокойствіи и вообще о душевномъ назиданіи. Оно говоритъ о внѣшнемъ спокойствіи, о спокойствіи на улицахъ. Оно поясняетъ это, прибавляя къ слову „спокойствіе“ прилагательное „общественное“.

Да этого требуютъ и всѣ принципы права. Государство можетъ вѣдать только поступки; душевное же настроеніе его не касается. Слѣдовательно, его не касается и ненависть, и презрѣніе, и возбужденіе къ нимъ, пока все это остается исключительно въ кругу внутреннихъ настроеній, и оно вмѣняетъ это возбужденіе въ вину только въ томъ случаѣ, если по своему

[1]) По мѣсту и почетъ.

характеру оно можетъ повести къ внѣшнимъ поступкамъ. Законодатель, наконецъ, еще яснѣе выражаетъ это, говоря: подвергающій общественное спокойствіе опасности. Онъ говоритъ: подвергающій опасности, а не нарушающій.

Если бы по смыслу закона всякое возбужденіе къ ненависти и презрѣнію заслуживало наказанія, если бы по смыслу его и простое возбужденіе къ этимъ чисто-внутреннимъ настроеніямъ нарушало общественное спокойствіе, то законодатель долженъ былъ бы сказать: нарушающій общественное спокойствіе возбужденіемъ. Скажи онъ такъ, можно было бы еще думать, что это нарушеніе происходитъ всякій разъ, какъ только возбуждаются ненависть и презрѣніе.

Но подвергать опасности значитъ создавать возможность нарушенія и этимъ выраженіемъ законодатель, слѣдовательно, показываетъ, что подъ общественнымъ спокойствіемъ онъ понимаетъ не согласіе душъ, уже нарушенное, а не только подвергшееся опасности, но уличное спокойствіе; что онъ не усматриваетъ необходимо нарушенія общественнаго спокойствія во всякомъ возбужденіи чувства ненависти и презрѣнія; что, слѣдовательно, не всякое такое возбужденіе подлежитъ наказанію, а только въ томъ случаѣ, если оно угрожаетъ нарушить уличное спокойствіе; другими словами, если возбужденіе къ ненависти и презрѣнію такъ велико, что подвергаетъ опасности, т. е. можетъ повести къ внѣшнимъ недозволеннымъ дѣйствіямъ. Слѣдовательно, нельзя толковать § 100 такъ, что возбуждающій къ ненависти и презрѣнію подвергаетъ опасности общественное спокойствіе и долженъ быть наказанъ. Такое толкованіе было бы несостоятельно не только юридически, но и грамматически. Этотъ § надо понимать такъ: подлежитъ наказанію всякій подвергающій общественное спокойствіе опасности возбужденіемъ къ ненависти или презрѣнію, т. е., если возбужденіе таково, что заключаетъ въ себѣ опасность для общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ, въ словахъ „подвергать опасности“ законъ указываетъ условіе для опредѣленія понятія возбужденія; чтобы быть наказуемымъ, возбужденіе должно представлять хотя бы возможность возникновенія изъ него внѣшнихъ поступковъ, опасныхъ для уличнаго спокойствія.

Чтобы показать, до чего непримѣнимо здѣсь это третье условіе, до чего совершенно неспособно мое мнимое возбужденіе повести къ какимъ-либо дѣйствительнымъ поступкамъ, подвергнуть опасности общественный миръ, уличное спокойствіе, мнѣ достаточно напомнить, что во всей своей лекціи я занимался только разсмотрѣніемъ вѣковыхъ историческихъ періодовъ

и въ заключеніе ея прямо говорю: „для всемірно-историческаго восхода солнца одно или два десятилѣтія то же, что часъ въ естественномъ зрѣлищѣ суточныхъ небесныхъ перемѣнъ“.

Итакъ, передъ нами обвиненіе, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ условій, какія требуются, чтобы обосновать его!

Часто возбуждаются обвиненія, въ которыхъ не достаетъ того или иного условія.

Но обвиненіе, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ всѣхъ необходимыхъ условій, заслуживаетъ особеннаго и во всѣхъ отношеніяхъ своеобразнаго почетнаго мѣста въ храмѣ юриспруденціи!

Однако, audiatur et altera pars! [1]) Бросимъ еще послѣдній взглядъ на доводы, обосновывающіе обвинительный актъ. Быть можетъ, окажется, что я, Богъ-вѣсть какъ, ухитрился скрыть самое существованіе и условія преступленія; но можетъ быть, что полная несостоятельность обвиненія обнаружится въ худшемъ еще видѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Въ обвиненіи всего одно положеніе, которое служитъ для него устоемъ. Зато оно уже навѣрное изъ крѣпкаго дерева! Обвиненіе говоритъ въ началѣ: „Руководящія мысли этой лекціи состоятъ въ слѣдующемъ“, и затѣмъ, давъ яко-бы резюме этихъ мыслей, продолжаетъ: „Этими изображеніями и неоднократными указаніями на предстоящую соціальную революцію работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы возбуждаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, такъ какъ въ этомъ именно и заключается прямой призывъ добиваться съ самой пылкой и всепожирающей страстью цѣли рабочихъ классовъ, господства надъ другими классами общества“.

Вотъ единственное юридическое основаніе обвиненія. Разсмотримъ это основаніе, отъ чтенія котораго человѣкъ, не одаренный крѣпкими легкими, легко можетъ задохнуться, и которое написано такъ, что подъ трескучей неясностью запутанныхъ мыслей легко можетъ скрыть отъ поверхностнаго взора свою полную безсодержательность. Разберемъ его, и вы изумитесь, господа, увидавъ, какая масса юридическихъ нелѣпостей, фактическихъ выдумокъ и искаженій кроется здѣсь!

Чѣмъ возбуждалъ я къ ненависти и презрѣнію, согласно этому мнѣнію прокурора? „Этими изображеніями“,—говоритъ онъ; слѣдовательно, чисто теоретическимъ, чисто объективно-историческимъ изложеніемъ, тѣмъ, что

---

[1]) Нужно выслушать и противную сторону.

само обвиненіе называетъ изложеніемъ моихъ главныхъ мыслей; ничѣмъ инымъ, какъ научнымъ ученіемъ возбуждалъ я къ ненависти и презрѣнію! Вы видите, что какъ бы ни изворачивался обвинительный актъ, онъ все же, въ концѣ концовъ, не можетъ не признать, что обвиняетъ чисто научное разсужденіе, науку и ея ученіе!

Но въ словахъ прокурора имѣется еще „и". Этими изображеніями „и неоднократными указаніями на предстоящую соціальную революцію" я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію.

Что же это за указанія на „предстоящую соціальную революцію"? Гдѣ они? Отчего прокуроръ не приводитъ ихъ? Приглашаю его привести ихъ! Но онъ не можетъ этого сдѣлать. Въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного мѣста, которое могло бы подтвердить его инсинуацію.

Правда, хотя о „предстоящей соціальной революціи" я не говорю, какъ это утверждаетъ прокуроръ, хотя я, наоборотъ, говорю о соціальной революціи, уже наступившей съ февраля 1848 г., однако, дѣйствительно, я очень часто употребляю въ своей брошюрѣ слова „революціонный" и „революція". Этимъ словомъ прокуроръ хочетъ сразить меня! Понимая его всегда въ строго юридическомъ смыслѣ, онъ не можетъ прочесть слово „революція" безъ того, чтобы воображенію его не представились поднятыя вверхъ вилы! Но это вовсе не научное значеніе этого слова, и прокуроръ уже изъ частаго употребленія его въ моей брошюрѣ могъ бы узнать, что я беру его въ иномъ, научномъ смыслѣ. Такъ, я называю развитіе княжеской власти явленіемъ революціоннымъ.

Такъ, я прямо говорю, что крестьянскія войны, кажется, достаточно сопровождавшіяся насиліями и кровопролитіемъ, были только мнимо-революціонными, въ дѣйствительности же онѣ были явленіемъ отнюдь не революціоннымъ, а реакціоннымъ.

Зато прогрессъ промышленности въ XVI столѣтіи я неоднократно и постоянно называю „дѣйствительно и истинно революціоннымъ фактомъ", хотя тутъ и помину не было объ оружіи; такъ, изобрѣтеніе бумаго-прядильной машины въ 1775 г. я называю полной революціей, фактически наступившей.

Быть можетъ, принимая слово „революція" въ этомъ смыслѣ, прилагая его къ самымъ мирнымъ явленіямъ и отказывая въ этомъ эпитетѣ самымъ кровавымъ возстаніямъ, я злоупотребляю словами или ввожу новый способъ выраженія?

Шеллингъ-отецъ говоритъ („Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit", Bd. VII, p. 351): „Мысль сдѣлать свободу единымъ и

всеобщимъ началомъ философіи больше всякой прежней революціи освободила человѣческій духъ вообще, не только въ отношеніи къ самому себѣ, и произвела могущественный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ науки". Какъ видите, Шеллингу-отцу не мерещатся при словѣ „революція" вилы, какъ прокурору. Прилагая это слово къ вліянію основного принципа философіи, онъ, подобно мнѣ, употребляетъ его въ смыслѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ физическимъ насиліемъ.

Въ чемъ состоитъ этотъ научный смыслъ слова „революція", и какая разница между революціей и реформой?

Революція значитъ переворотъ и совершается всегда, когда существующее положеніе замѣняется совершенно новымъ принципомъ, все равно, путемъ ли силы или нѣтъ,—средства тутъ ничего не значатъ. Реформа же бываетъ тогда, когда принципъ существующаго порядка сохраняется и только смягчается или послѣдовательнѣе и правильнѣе развивается. И тутъ средства ничего не значатъ. Реформа можетъ совершиться путемъ возстанія и кровопролитія, а революція среди глубочайшаго мира. Крестьянскія войны были попыткой вынудить реформу вооруженной силой. Развитіе промышленности было полной революціей, хотя совершалось самымъ мирнымъ путемъ, такъ какъ прежній порядокъ вещей былъ замѣненъ совершенно новымъ принципомъ. Все это я тщательно и подробно объясняю въ своей брошюрѣ.

Отчего же одинъ прокуроръ не понялъ меня? Отчего ему одному осталось непонятнымъ то, что понялъ каждый работникъ?

Слѣдовательно, если бы я даже говорилъ о „предстоящей соціальной революціи", чего я, впрочемъ, не говорилъ, то вытекало ли бы отсюда, что я имѣлъ въ виду насильственный переворотъ, вилы и штыки?

Профессоръ Губеръ, строгій консерваторъ, крайній роялистъ, человѣкъ, добровольно отказавшійся при введеніи конституціи 1850 г. отъ каѳедры въ берлинскомъ университетѣ, такъ какъ, если не ошибаюсь, по своимъ убѣжденіямъ не могъ присягнуть ей, но человѣкъ, съ трогательной любовью преданный благу рабочаго класса, тщательно изучившій его развитіе и написавшій превосходнѣйшія сочиненія по исторіи кооперативнаго движенія или промышленныхъ ассоціацій между работниками,— этотъ человѣкъ доказываетъ въ своей послѣдней книгѣ („Concordia", p. 24), что торговые обороты рабочихъ ассоціацій въ Англіи, Франціи и Германіи достигаютъ уже 50-ти милліоновъ талеровъ и затѣмъ говоритъ буквально такъ:

„При такихъ обстоятельствахъ и вліяніи, и въ виду вышеуказанныхъ, въ общихъ чертахъ, опытовъ можно, кажется, не опасаясь упрековъ въ

утопическихъ бредняхъ объ облагодѣтельствованіи всего человѣчества, сказать, что мы считаемъ возможнымъ очень существенное улучшеніе современнаго бѣдственнаго положенія фабричнаго населенія; мало того, это улучшеніе, равносильное полной соціальной и экономической реформѣ, не только практически возможно, но въ обыкновенномъ теченіи вещей является несомнѣннымъ результатомъ кооперативнаго развитія".

Итакъ, онъ предсказываетъ полный соціальный переворотъ, утверждаетъ, что переворотъ этотъ непремѣнно долженъ наступить при обыкновенномъ мирномъ теченіи жизни вслѣдствіе кооперативнаго движенія. Но развѣ не могу я тѣмъ болѣе ожидать такого переворота отъ соединеннаго вліянія обоихъ факторовъ — кооперативнаго движенія и всеобщаго избирательнаго права?

Что же мнѣ дѣлать, если прокуроръ такъ неначитанъ, если ему совершенно неизвѣстно, что теперь дѣлается во всѣхъ направленіяхъ и что уже признано и занесено наукой? Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора? Разумѣется, если бы я былъ имъ, если бы мнѣ отвѣчать за незнакомство прокурора со всѣмъ, что уже признано и дознано по всѣмъ отраслямъ науки, то вы, господа президентъ и совѣтники, могли бы въ вашемъ негодованіи подвергнуть меня страшнымъ карамъ!

Но, кромѣ того, какъ можетъ указаніе на предстоящую соціальную революцію — даже въ смыслѣ вилъ! — возбуждать къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи? А между тѣмъ, прокуроръ принужденъ утверждать и, дѣйствительно, утверждаетъ это. Ненависть и презрѣніе можно возбудить противъ себя только собственными поступками и ихъ обнаруженіемъ. Но какимъ же образомъ поступки Ивана могутъ возбудить ненависть и презрѣніе къ Петру? Слѣдовательно, если человѣкъ говоритъ: „Работники сдѣлаютъ соціальную революцію",—какимъ образомъ это можетъ возбудить ненависть и презрѣніе къ буржуазіи? Какъ видите, въ разсужденіи прокурора нѣтъ даже грамматически-логическаго смысла. Оно не только трижды ложно, оно противно всякому смыслу и лишено смысла. Для меня, по крайней мѣрѣ, оно непонятно. Я такъ же не понимаю прокурора, какъ онъ меня. Въ Греціи называли βάρβαρος, варваромъ, человѣка, который не понималъ нашего языка и котораго мы не могли понять. Такимъ образомъ, прокуроръ и я, мы другъ для друга варвары.

Но разбираемое нами положеніе обвинительнаго акта указываетъ, наконецъ, еще третье обстоятельство, доказывающее будто бы, что я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи. „Именно",—такъ начинаетъ прокуроръ свое дальнѣйшее разсужденіе, эти изображенія и указанія воз-

буждали къ ненависти и презрѣнію,—„именно потому, что въ нихъ заключался и прямой призывъ добиваться съ самой пылкой и всепожирающей страстью цѣли рабочихъ классовъ, господства надъ другими классами общества“. Положимъ, что это такъ. Призывъ къ одному классу общества добиваться честолюбивой цѣли господства надъ другими классами, несомнѣнно, заслуживалъ бы всякаго порицанія; но по закону этотъ призывъ не былъ бы наказуемымъ дѣяніемъ, если онъ не возбуждаетъ къ недозволительнымъ поступкамъ. Всякій классъ общества можетъ стремиться къ господству въ государствѣ, лишь бы осуществленіе этой цѣли не совершалось при помощи недозволенныхъ средствъ. Наказуются государствомъ не цѣли, а лишь средства. Весь этотъ процессъ ведется противъ извѣстнаго направленія, что и обнаруживается въ каждой строчкѣ обвинительнаго акта, который обвиняетъ все только въ призывѣ осуществлять цѣли и даже не пытается доказать наличности въ моей лекціи призыва вооружиться незаконными средствами. Но если бы даже я подстрекалъ рабочіе классы добиваться незаконными средствами цѣли господства надъ прочими классами общества, то я могъ бы быть обвиненъ, смотря по обстоятельствамъ, по § 61 [1]) или какому-либо другому § уголовнаго уложенія, но никакъ не по § 100, никакъ не въ возбужденіи работниковъ къ ненависти и презрѣнію. Возбуждать работниковъ добиваться господства надъ прочими классами общества значитъ возбуждать въ нихъ честолюбіе, а вовсе не ненависть и презрѣніе къ третьимъ лицамъ. Честолюбіе работниковъ, вѣдь, нельзя было бы вмѣнить въ вину буржуазіи; слѣдовательно, чѣмъ же возбуждались бы ненависть и презрѣніе къ ней? Слѣдовательно, въ разсужденіи прокурора опять не оказывается никакого грамматически-логическаго смысла. Прокурорское „именно“, которымъ онъ начинаетъ свое послѣднее доказательство въ пользу наличности возбужденія къ ненависти, оказывается скорѣе утвержденіемъ, „имени не имѣющимъ“, противнымъ всякому смыслу. Но откуда, наконецъ, вычиталъ прокуроръ въ моей брошюрѣ, что я возбуждалъ рабочіе классы стремиться къ господству надъ прочими классами общества?

Во всей своей брошюрѣ я говорю только о томъ, что міровой періодъ, начавшійся съ февраля 1848 г., предназначенъ сдѣлать господствующимъ принципомъ общества, руководящей государственной идеей нравственный принципъ рабочаго сословія, его идею, развитую въ моей брошюрѣ и повторенную мной въ началѣ этой рѣчи.

---

[1]) Т. е. въ государственной измѣнѣ.

Я говорю объ этомъ неоднократно самымъ яснымъ и опредѣленнымъ образомъ. Я говорю на стр. 25, что „если революція 1789 г. была революціей третьяго сословія, то теперь четвертое сословіе желаетъ сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества, желаетъ, чтобы всѣ его учрежденія были проникнуты имъ“. Или на той же страницѣ: „Слѣдовательно, провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества“... и далѣе, на той же страницѣ 25: „мы разсмотримъ теперь принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, съ трехъ точекъ зрѣнія“... „Быть можетъ, мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ началомъ государства и общества покажется очень опасной“. Затѣмъ, начиная съ 26 стр., я показываю различіе между нравственной и политической идеей буржуазіи и нравственной и политической идеей рабочаго сословія и на стр. 32 заключаю словами: „Вотъ что, господа, должно назвать государственной идеей рабочаго сословія“ и проч.

И изъ того, что я считаю высокую нравственную идею, высшую нравственную идею, какую только можетъ вообразить мой умъ, самую высокую нравственную идею, какую до сихъ поръ выработала государственная философія, что такую идею я считаю предназначенною сдѣлаться руководящею государственною идеею въ современномъ историческомъ періодѣ; изъ того, что я доказываю, что идею эту слѣдуетъ назвать идеей рабочаго сословія, такъ какъ она сама собой соотвѣтствуетъ естественному инстинкту и экономическому положенію рабочаго сословія,—на основаніи этого прокуроръ приписываетъ мнѣ нѣчто чудовищное, будто бы я возбуждалъ рабочіе классы стремиться къ классовому господству надъ прочими классами общества!

Прокуроръ, повидимому, думаетъ, что мнѣ хочется, чтобы рабочіе классы подчинили себѣ имущіе классы, что я хочу перевернуть исторію и обратить помѣщиковъ и фабрикантовъ въ крѣпостныхъ и батраковъ у работниковъ.

При всемъ различіи нашихъ языковъ, при всемъ нашемъ взаимномъ варварствѣ, неужели возможно было такое или подобное этому недоразумѣніе?

На стр. 25 я подробно развиваю, что четвертое сословіе именно тѣмъ и отличается, что въ его принципѣ нѣтъ никакого исключительнаго условія, ни правового, ни фактическаго, которое оно могло бы превратить въ господствующую привилегію и провести въ общественныя учрежденія. Я говорю ясно (на той же стр.): „Мы всѣ работники, если только же-

лаемъ быть хоть въ чемъ-нибудь полезными человѣческому обществу. Поэтому, четвертому сословію совершенно чуждо какое бы то ни было стремленіе къ новой привилегированности, и именно потому оно тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его господство есть господство всѣхъ". И далѣе я продолжаю: „Провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, въ томъ смыслѣ, какъ я вамъ развилъ это, не есть, слѣдовательно, призывъ къ раздѣленію и враждѣ общественныхъ классовъ, это—призывъ къ примиренію, призывъ, обращенный ко всему обществу, призывъ сгладить всѣ противорѣчія между общественными кругами, призывъ къ единенію, на который должны откликнуться всѣ враги привилегій и угнетенія народа и т. д.". Но въ то время, какъ я изъ самой глубины души и отъ полноты сердца взываю къ прекращенію всякаго классового господства и всякихъ классовыхъ противорѣчій, прокуроръ обвиняетъ меня въ подстрекательствѣ работниковъ къ классовому господству надъ имущими классами!

Спрошу опять: какъ объяснить такое удивительное недоразумѣніе? Пусть опять отецъ обличитъ сына: „Среда,—говоритъ Шеллингъ („Соч." I, 443) въ своихъ статьяхъ объ идеализмѣ наукоученія, — среда, посредствомъ которой умы сообщаются другъ съ другомъ, есть не окружающая атмосфера, а общая свобода, колебанія которой достигаютъ до глубочайшихъ тайниковъ души. Если духъ человѣка не преисполненъ сознанія свободы, то у него прерывается всякая духовная связь не только съ другими, но даже съ самимъ собою. Немудрено, что такой человѣкъ остается непонятенъ ни себѣ, ни другимъ и въ своей страшной пустынѣ растрачиваетъ свои силы лишь надъ пустыми словами, въ отвѣтъ на которыя не раздается никакого дружескаго отклика ни изъ своей, ни изъ чужой груди. Быть непонятнымъ такому человѣку есть честь и слава передъ Богомъ и людьми!"

Такъ говоритъ Шеллингъ-отецъ!

Кончаю, господа. Тщетно спрашиваю себя, могло ли подобное обвиненіе разсчитывать на успѣхъ у васъ, господа президентъ и совѣтники? Но, быть можетъ, тутъ былъ другой расчетъ. Политическая борьба между буржуазіей и правительствомъ за послѣднее время нѣсколько оживилась. Быть можетъ, думали, что при такихъ обстоятельствахъ обвиненіе въ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ можетъ явиться превосходнымъ отвлекающимъ средствомъ; быть можетъ, надѣялись, что такое обвиненіе, хотя бы и отвергнутое вами, все-таки подѣйствуетъ, какъ мокрый платокъ,

приложенный къ вспыхнувшему легкимъ румянцемъ лицу нашей буржуазіи, и мнѣ суждено было сдѣлаться козломъ отпущенія, изгоняемымъ за это въ пустыню! Вы знаете, господа, старое правило: „Calumniare audacter, semper aliquid haeret“ („Клевещи смѣло, все же что-нибудь да пристанетъ“)! Но всѣ эти намѣренія останутся тщетными, господа!

Они будутъ посрамлены при простомъ чтеніи моей брошюры, и я приглашаю буржуазію прочесть ее. Они будутъ посрамлены силой моего голоса, и вотъ почему въ своей защитѣ я такъ подробно развивалъ и фактическую сторону дѣла. Мы, буржуазія и работники, мы все же члены **одного народа** и **вполнѣ единодушны противъ нашихъ угнетателей**!— Я кончаю. На человѣка, посвятившаго, какъ я вамъ сказалъ, всю свою жизнь лозунгу: „наука и работники“, приговоръ, какой онъ можетъ встрѣтить на своемъ пути, произведетъ точно такое же впечатлѣніе, какъ разорвавшаяся реторта на химика, погруженнаго въ научные опыты. Онъ слегка поморщится, видя это сопротивленіе матеріи и, устранивъ препятствіе, опять спокойно примется за свои изысканія и труды.

Но во имя націи и ея чести, во имя науки и ея достоинства, во имя страны и ея законной свободы, во имя памяти въ исторіи вашихъ собственныхъ именъ, я взываю къ вамъ, господа президентъ и совѣтники: оправдайте меня!

II.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

надъ Фердинандомъ Лассалемъ

въ IV отдѣленіи берлинскаго городского суда, отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ, 16 января 1863 г.

Приводимый въ этомъ стенографическомъ отчетѣ уголовный процессъ происходилъ 16 января 1863 г. въ одной изъ малыхъ залъ зданія уголовнаго суда на Молькенмарктѣ въ Берлинѣ. Дѣло началось въ 9¼ часовъ утра. Судъ состоялъ изъ трехъ членовъ, городскихъ судебныхъ совѣтниковъ—предсѣдателя Пильхена, Колька (бывшаго совѣтника окружнаго суда) и фонъ-Вульфена (недавно переведеннаго въ Берлинъ изъ Инстербургскаго округа). Первые двое давно состоятъ штатными уголовными судьями. Представителемъ прокуратуры былъ одинъ изъ пяти товарищей прокурора городского суда (фонъ-Шеллинга), прокуроръ Гольцъ: этотъ кругъ дѣлъ, за отсутствіемъ вѣдающаго его фонъ-Мерса, съ нѣкотораго времени порученъ ему. Обвиняемый явился лично въ сопровожденіи адвоката, юстиціи совѣтника Гольтгофа. Собралось много слушателей, литературныхъ и политическихъ друзей обвиняемаго, его родственниковъ, членовъ союза ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстья и судейскихъ чиновниковъ; за недостаткомъ мѣста многіе изъ присутствовавшихъ вынуждены были слушать дѣло изъ сосѣдней судейской комнаты. Проку-

роръ фонъ-Шеллингъ по временамъ являлся въ залъ въ качествѣ слушателя и садился возлѣ своего товарища.

Залъ низокъ, безъ вентиляціи, такъ что въ немъ дѣлается нестерпимо душно; окна, завѣшенныя темными гардинами, пропускаютъ очень мало свѣта. Старые стѣнные часы, возвѣщая время, своимъ пронзительнымъ боемъ прерываютъ засѣданіе. Такова обстановка, очертить которую, казалось намъ—для вѣрности отчета—не лишеннымъ интереса.

Передъ самымъ началомъ разбирательства обвиняемый обратился къ суду съ просьбой дозволить ему занять мѣсто возлѣ своего адвоката, за столомъ защиты, ссылаясь на то, что не можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться всѣми нужными ему книгами и бумагами на узкой перегородкѣ передъ обвинительной скамьей.

Сначала президентъ коротко и рѣшительно отклонилъ эту просьбу, признавъ ее совершенно неумѣстной.

Обвиняемый настаивалъ и требовалъ, чтобы, въ случаѣ отказа, ему поставили, по крайней мѣрѣ, столъ, чтобы онъ могъ пользоваться своими бумагами и книгами. Онъ говорилъ, что препятствовать ему, дѣлать хотя бы самыя необходимыя письменныя замѣтки, помѣщая его на скамьѣ подсудимыхъ, значитъ—посягать на необходимую свободу и равенство защиты по сравненію съ удобствами, какими располагаетъ представитель обвиненія.

Тогда президентъ обратился съ вопросомъ къ прокурору. Послѣдній кратко и вѣрно замѣтилъ ему, что желаніе обвиняемаго касается внѣшняго распорядка, подлежащаго единственно благоусмотрѣнію суда. Президентъ чуть слышно произнесъ, если не ошибаемся: „Судъ ничего противъ этого не имѣетъ". И обвиняемый сѣлъ подлѣ своего защитника.

(Присутствовавшіе замѣтили впослѣдствіи, что въ другихъ случаяхъ, напр., въ процессѣ литератора Гельда, редактора Шаривари, въ той же залѣ, аналогичная просьба обвиняемаго была удовлетворена безъ всякихъ разговоровъ).

Затѣмъ послѣдовало, требуемое закономъ, установленіе личности обвиняемаго:

Президентъ. „Обвиняется частное лицо Фердинандъ Лассаль, проживающій въ Берлинѣ, родившійся въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г., іудейскаго вѣроисповѣданія".

Обвиняемый подтверждаетъ это.

Президентъ. Подвергались ли вы раньше наказанію—шестимѣсячному тюремному заключенію—по приговору королевскаго Дюссельдорфскаго Окружнаго Суда отъ 5 іюля 1849 года за возбужденіе милиціи къ насильственному, вплоть до кровопролитія, сопротивленію ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей?

Обвиняемый. Г. президентъ! Вы вспомнаете о славной ранѣ, которую я получилъ, служа свободѣ отечества...

(Прокуроръ встаетъ, громко протестуя; въ то же время поспѣшно прерывая):

Президентъ. Я не могу допустить подобныхъ выраженій со стороны обвиняемаго.

Обвиняемый. Г. президентъ! Если мнѣ ставятъ теперь въ укоръ прежнее наказаніе, то надо же мнѣ попытаться объяснить его; сдѣлать же это я могу только по-своему. Позвольте же договорить мою мысль, только тогда вы сможете судить, умѣстно ли мое выраженіе! Дѣйствительно, дѣло касается славной раны, которую я...

(Обвиняемый тщетно старается договорить. Прокуроръ и президентъ одновременно перебиваютъ его).

Президентъ. Рѣчь идетъ только о простомъ фактѣ, подвергались ли вы наказанію по такому приговору?

Обвиняемый. Излишне отвѣчать, разъ вы сами прерываете отвѣтъ, который я считаю нужнымъ дать и который я едва успѣлъ только начать. *(Садится).*

Прокуроръ. Прошу считать фактъ прежняго наказанія признаннымъ in contumaciam.

Судъ принимаетъ это предложеніе.

Президентъ. Теперь вы обвиняетесь въ томъ, что подвергли опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти.—Г. прокуроръ прочтетъ обвинительный актъ.

(Прокуроръ встаетъ, отходитъ къ окну напротивъ своего мѣста и, очевидно, пользуясь лучшимъ освѣщеніемъ у окна, читаетъ обвинительный актъ).

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

ПРОКУРОРА ПРИ КОРОЛЕВСКОМЪ БЕРЛИНСКОМЪ ГОРОДСКОМЪ СУДѢ

противъ частнаго лица Фердинанда Лассаля.

жительствующаго по улицѣ Бельвю, д. № 13, родившагося въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г., іудейскаго вѣроисповѣданія, уже подвергавшагося наказанію—шестимѣсячному тюремному заключенію—по приговору королевскаго Дюссельдорфскаго Окружного Суда отъ 5 іюля 1849 г. за возбужденіе милиціи къ насильственному, вплоть до кровопролитія, сопротивленію ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей

въ томъ, что

онъ подвергъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти.

12 апрѣля 1862 г. обвиняемый, по собственному признанію, прочелъ въ Берлинскомъ Союзѣ ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстья лекцію объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія, которую потомъ и напечаталъ безъ всякихъ измѣненій въ типографіи Нёрнига въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Главныя мысли этой лекціи таковы:

Подобно тому, какъ въ средніе вѣка господствовали одно сословіе и одно начало, а именно, дворянство съ его землевладѣніемъ, такъ теперь, со времени французской революціи, доставившей господство буржуазіи, основное начало этого сословія, буржуазное имущество, капиталъ, сдѣлался господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій. Буржуазія подчинила народъ своему привилегированному политическому господству. Она постаралась взвалить бремя расходовъ по охраненію общественнаго благосостоянія на угнетенные, неимущіе классы.

Правда, она не можетъ открыто заявить, что желаетъ быть изъятой отъ податной повинности, но достигаетъ этого замаскированнымъ способомъ, посредствомъ установленія различія между прямыми и косвенными налогами. Послѣдніе платятся несравненно большею частью неимущими, бѣднѣйшими классами націи. Правда, не буржуазія изобрѣла эти косвенные налоги, но она развила ихъ въ неслыханную прежде систему и взвалила на нихъ почти

все бремя государственныхъ расходовъ. Косвенные налоги представляютъ собою такую финансовую организацію, посредствомъ которой буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и взваливаетъ государственные расходы на бѣднѣйшіе классы общества. Зато мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, а съ нимъ и политической власти сдѣланы прямые налоги, которые изъ 108 милліоновъ общаго расхода Прусскаго государства составили только ничтожную сумму въ 12 милліоновъ.

Далѣе. Что буржуазія презираетъ всѣхъ, не обладающихъ капиталомъ, въ чемъ бы и какъ бы они ни трудились, есть, будто-бы, фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающійся работникамъ въ обыденной жизни. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей особенной привилегіи и своего основного начала даже гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ средневѣковое дворянство свой принципъ землевладѣнія. И тѣмъ не менѣе, періодъ, имѣющій своимъ принципомъ крупное имущество или капиталъ и обращающій его въ привилегію, какъ это ни незамѣтно внѣшнимъ образомъ, по существу, повидимому, уже закончился, ибо съ февральской революціей 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода, въ которомъ четвертое сословіе желаетъ возвысить свой принципъ на степень господствующаго въ обществѣ принципа и проникнуть имъ всѣ общественныя учрежденія. Это четвертое сословіе, сословіе рабочихъ, обездоленное сословіе общества, тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть, поэтому, дѣйствительно, дѣло всего человѣчества, его свобода—свобода самого человѣчества, его господство—господство всѣхъ... Слѣдовательно, кто провозглашаетъ идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, тотъ призываетъ къ примиренію, къ уравненію всѣхъ противорѣчій въ общественныхъ слояхъ, тотъ издаетъ кличъ любви, который всегда останется истиннымъ лозунгомъ народа и по своему внутреннему характеру будетъ кличемъ любви, даже когда грянетъ браннымъ кликомъ народа.

Формальнымъ средствомъ осуществленія этого принципа рабочаго сословія является всеобщее и прямое избирательное право. Мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ господствующимъ принципомъ общества и государства знаменуетъ собою высшій прогрессъ и высшее торжество нравственности, какіе только извѣстны во всемірной исторіи. Безнравственность тѣмъ больше, чѣмъ выше сословіе, между тѣмъ какъ въ низшихъ классахъ всего меньше своекорыстія. Въ низшихъ классахъ общества, къ ихъ счастью, нѣтъ противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, тогда какъ въ высшихъ классахъ, жизнь которыхъ ведетъ къ полной погибели всѣхъ нравственныхъ началъ въ людяхъ и ко всепоглощающей страсти

своекорыстной выгоды и животныхъ наслажденій, это противорѣчіе необходимо вызываетъ страшную безнравственность.

Правда, и въ низшихъ классахъ существуетъ еще своекорыстіе, но здѣсь это—порокъ отдѣльныхъ лицъ, а не необходимый порокъ всего класса. Члены низшихъ классовъ общества могутъ ожидать улучшенія своего положенія только отъ улучшенія положенія всего своего класса, и, такимъ образомъ, интересы ихъ совпадаютъ съ развитіемъ всего народа, съ жизненнымъ принципомъ исторіи развитія свободы; поэтому ихъ дѣло есть дѣло всего человѣчества. Это ставитъ работниковъ въ такое счастливое положеніе, что ихъ личный интересъ заставляетъ ихъ быть въ высшей степени воспріимчивыми къ этой идеѣ. Они находятся въ такомъ счастливомъ положеніи, что ихъ истинный личный интересъ какъ разъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ движущимъ принципомъ жизни, съ нравственнымъ развитіемъ. Поэтому они могутъ отдаться историческому развитію съ личною страстностью въ увѣренности, что чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть въ ея указываемомъ здѣсь чистомъ смыслѣ, тѣмъ нравственнѣе они будутъ.

Государство, поставленное подъ владычество идеи рабочаго сословія, представило бы такое развитіе генія, такую массу счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, примѣровъ которому еще не было во всей всемірной исторіи.

Вотъ что слѣдуетъ называть государственной идеей рабочаго сословія, его пониманіемъ цѣли государства; пониманіе это такъ же рѣзко отличается отъ соотвѣтствующаго взгляда буржуазіи, какъ принципъ рабочаго сословія — участіе всѣхъ въ опредѣленіи воли государства или всеобщее избирательное право, отъ соотвѣтствующаго принципа буржуазіи—ценза.

Вотъ въ чемъ состоитъ связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія.

Этому періоду, открывшемуся съ февраля 1848 г., выпала на долю задача осуществить эту государственную идею, и работники могутъ поздравить себя, что живутъ въ эпоху, которой предназначено совершить это славнѣйшее историческое дѣяніе, въ какомъ и сами они могутъ принять посильное участіе.

Но это налагаетъ на всѣхъ, принадлежащихъ къ рабочему сословію, обязанность совершенно иного образа дѣйствій. Ничто не придаетъ сословію такого достоинства и такого отпечатка глубокой нравственности, какъ сознаніе, что оно предназначено быть господствующимъ сословіемъ, что оно призвано возвысить свой собственный принципъ до принципа всего вѣка,

сдѣлать свою идею руководящею идеей всего общества и, слѣдовательно, само общество своимъ образомъ и подобіемъ.

Вотъ эта-то мысль во всей своей высоко-нравственной строгости и должна овладѣть ихъ (рабочихъ) умами со страстною исключительностью, наполнить собою ихъ души и сдѣлать всю ихъ жизнь достойною ея. Нравственная строгость ея должна всегда стоять передъ ихъ внутреннимъ „я". Чѣмъ исключительнѣе углубятся они въ нее, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ ихъ страсть къ ней, тѣмъ скорѣе нашъ современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе они достигнутъ этой цѣли.

Хотя обвиняемый Лассаль придалъ своей лекціи видъ научности, но тенденціи ея совершенно практическія, а именно: представляя рабочее сословіе, обездоленное сословіе, какъ онъ его называетъ, единственно-нравственнымъ началомъ въ народѣ, призваннымъ при томъ февральской революціей 1848 г. къ господству, поддерживая въ работникахъ—путемъ преувеличеннаго и софистическаго восхваленія ихъ—увѣренность, что они призваны господствовать, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ имъ, какъ буржуазія еще до сихъ поръ распоряжается на ихъ счетъ, да вдобавокъ еще презираетъ ихъ.

Чтобы доказать несправедливость этого господства, онъ указываетъ, что буржуазія почти не платитъ никакихъ налоговъ и взваливаетъ расходы на нужды государства на бѣднѣйшіе классы общества, онъ называетъ весь образъ жизни высшихъ сословій безнравственнымъ и посвященнымъ исключительно религіи своекорыстія и наслажденій.

Этими изображеніями и неоднократными указаніями на предстоящую, будто-бы, соціальную революцію работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы подстрекаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, именно потому, что въ этомъ заключается и прямой призывъ добиваться цѣли господства рабочихъ классовъ надъ другими классами общества съ самой пылкой и всепоглощающею страстностью.

Поэтому лекція, какъ и напечатанная по заказу обвиняемаго брошюра, составляютъ нарушеніе § 100 Уголовнаго Уложенія.

Обвиняемый сознался на судѣ, что прочелъ эту лекцію 12 апрѣля 1862 г. въ Берлинскомъ Союзѣ ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстья. Владѣлецъ типографіи Нёрингъ прислалъ обвиняемому 50 экземпляровъ брошюры, содержащей эту лекцію, но при обыскѣ, произведенномъ 28 іюня 1862 г. въ квартирѣ послѣдняго уголовнымъ комиссаромъ Пикомъ, у него не оказалось уже ни одного экземпляра, изъ чего можно съ увѣрен-

ностью заключить, что обвиняемый Лассаль распространилъ эти 50 экземпляровъ, и потому здѣсь передъ нами фактъ обнародованія брошюры въ смыслѣ § 33 законовъ о печати.

Притомъ обвиняемый въ распространеніи названной брошюры сознался на судѣ, хотя и съ оговоркой, что дѣлаетъ это только въ видахъ сокращенія процедуры.

Посему частное лицо Фердинандъ Лассаль обвиняется въ томъ, что онъ въ Берлинѣ въ 1862 году:

1) своею лекціею объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія, прочитанной 12 апрѣля въ собраніи Берлинскаго Союза ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстья, и

2) опубликованіемъ брошюры, содержащей эту лекцію, публично возбуждалъ неимущіе классы подданныхъ государства къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ и тѣмъ подвергъ опасности общественное спокойствіе.— Это составляетъ проступокъ противъ §§ 100 и 56 Уголовнаго Уложенія.

Предлагается:

Открыть противъ обвиняемаго слѣдствіе по обвиненію въ томъ, что онъ подвергъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію и пригласить для выслушанія, какъ свидѣтелей со стороны обвиненія:

1) владѣльца типографіи Нёринга, Prinzenstrasse, № 27 и

2) уголовнаго комиссара Пика.

Къ сему прилагаются протоколъ предварительнаго слѣдствія и два тома предварительныхъ актовъ.

Берлинъ, 4 ноября 1862 г.

Прокуроръ фонъ-Шеллингъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Согласно предложенія прокурора слѣдствіе открывается.

Берлинъ, 17 ноября 1862 г.

Королевскій городской судъ,
Отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ,
Отдѣленіе IV, для проступковъ.

Подпис.: Пильхенъ, Колькъ, фонъ-Вульфенъ.

Президентъ. Обвиняемый! Сознаетесь ли, что въ апрѣлѣ прошлаго года вы читали въ Берлинскомъ Союзѣ ремесленниковъ Ораніенбургскаго

предмѣстья лекцію объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія?

Обвиняемый. Да!

Президентъ. Была ли эта лекція прочитана въ томъ самомъ видѣ, какъ напечатана въ брошюрѣ, изданной у Карла Нёринга въ Берлинѣ. 1862 года.

Обвиняемый. Да, буквально слово въ слово.

Президентъ. По рукописи, переданной вами Нёрингу для напечатанія?

Обвиняемый. Да!

Президентъ. Сколько экземпляровъ напечатано?

Обвиняемый. Я заказалъ три тысячи.

Президентъ. И вы знаете, что Нёрингъ три тысячи и напечаталъ?

Обвиняемый. Онъ такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ мнѣ, и я не имѣю причины сомнѣваться въ этомъ.

Президентъ. Поручали ли вы также Нёрингу выпустить брошюру въ свѣтъ?

Обвиняемый. Я потребовалъ у него 50 экземпляровъ и получилъ ихъ.

Президентъ. Распространяли ли вы сами и опубликовывали ли вашу брошюру?

Обвиняемый. Я ничего не могу сказать кромѣ того, что получилъ эти 50 экземпляровъ и предоставляю прокуратурѣ доказать, что я дѣйствительно совершилъ фактъ опубликованія.

Президентъ. Ваше нынѣшнее показаніе расходится съ прежнимъ!

Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ! Я только не желаю спорить о томъ, составляетъ ли простое напечатаніе сочиненія его опубликованіе въ смыслѣ закона. Я предоставляю этотъ вопросъ, какъ и прежде, на благоусмотрѣніе судей.

Президентъ. Въ актахъ предварительнаго слѣдствія объ этомъ есть два показанія: одно въ протоколѣ уголовнаго комиссара Пика о первомъ вашемъ допросѣ. Тамъ прямо сказано (читаетъ): что вы, въ видахъ сокращенія процедуры, согласны признать, что распространеніе брошюры „въ смыслѣ закона“ имѣло мѣсто. Затѣмъ, при вашемъ допросѣ 3 октября прошлаго года вы сказали: „Чтобы содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію дѣла по вопросу о задержаніи брошюры, я и сегодня выражаю готовность признать, что опубликовалъ ее, но я ограничиваюсь юридическимъ признаніемъ факта опубликованія“.

Обвиняемый. И изъ этихъ показаній вы видите, г. президентъ, что я согласенъ былъ признать только юридическую сторону вопроса, но отнюдь не самый фактъ.

Президентъ. Признаете ли вы,—этотъ пунктъ указанъ въ обвиненіи, и я долженъ поэтому предложить вамъ этотъ вопросъ,—признаете ли вы, что когда, послѣ первыхъ вашихъ показаній уголовному комиссару Пику, въ вашей квартирѣ былъ произведенъ по требованію прокурорскаго надзора обыскъ, тамъ не нашлось ни одного экземпляра брошюры?

Обвиняемый. Да!

Президентъ. Вы категорически протестовали противъ этого обыска...

Обвиняемый. Разумѣется!

Президентъ. ...и доказывали г. Пику, да и потомъ заявили ему, что изъ этого противъ васъ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ, ссылаясь при этомъ на законоположенія, дозволяющія вамъ имѣть у себя свое сочиненіе въ какой угодно формѣ?

Обвиняемый. Совершенно вѣрно.

Президентъ. Такъ какъ фактическіе предварительные вопросы для свѣдѣнія прокуратуры сдѣланы, то теперь остается только спросить, потребуетъ ли прокуроръ или обвиняемый, или защита, чтобы было приступлено къ чтенію брошюры? Я, съ своей стороны, могу подтвердить, что гг. члены суда еще нѣсколько недѣль тому назадъ получили по экземпляру изъ числа лежащихъ здѣсь и заявили, что прочли брошюру неоднократно и съ полнымъ вниманіемъ.

Обвиняемый. Что касается меня, г. президентъ, то, принимая во вниманіе драгоцѣнное время суда, я отказываюсь отъ прочтенія брошюры. Моя защита и безъ того будетъ некоротка, а въ виду только что сдѣланнаго официальнаго заявленія, мнѣ нѣтъ никакой надобности просить о прочтеніи ея.

Прокуроръ. Присоединяюсь къ заявленію обвиняемаго и, съ своей стороны, отказываюсь отъ прочтенія брошюры.

Президентъ. Въ такомъ случаѣ слово за г. прокуроромъ.

Прокуроръ. Полагаю, что могу быть краткимъ въ виду того, что сущность содержанія брошюры уже изложена въ обвинительномъ актѣ.

Обвиняемый предпосылаетъ своей лекціи замѣчаніе, что намѣренъ обработать свою тему въ чисто-научной формѣ и строго-научно. Уже въ обвинительномъ актѣ на это замѣчаніе сдѣлано возраженіе, что какъ въ лекціи, такъ и въ брошюрѣ обвиняемый выказалъ мало научности, что въ брошюрѣ, напротивъ того, заключаются софизмы и одностороннія, ложныя разсужденія. Но я нахожу нужнымъ подробнѣе остановиться на причинахъ, по которымъ обвиняемый избралъ эту научную форму.

Онъ руководился тутъ тремя соображеніями: во-первыхъ, намѣреніемъ обмануть полицейскаго чиновника, присутствовавшаго на томъ собраніи Союза ремесленниковъ. Этого онъ достигъ вполнѣ: онъ могъ безъ перерывовъ дочитать свою лекцію до конца. (Удивленіе въ публикѣ).

Вторымъ намѣреніемъ было: подготовить себѣ оправданіе здѣсь, на скамьѣ обвиняемыхъ. Это я могу спокойно предоставить защитѣ и сужденію высокой коллегіи.

Третье соображеніе—и самое важное,—почему обвиняемый избралъ эту мнимо-научную форму, заключается въ томъ, что онъ хотѣлъ особенно подчеркнуть въ глазахъ работниковъ, передъ которыми говорилъ, значеніе своей главной мысли, то, что главнымъ образомъ хотѣлъ внушить имъ своею рѣчью; онъ хотѣлъ особенно заинтересовать работниковъ и привлечь ихъ къ своимъ внушеніямъ, облекши ихъ во множество ученыхъ, мнимо-ученыхъ, статистическихъ, историческихъ данныхъ; хотя эти данныя вообще совершенно непонятны работникамъ, хотя рабочее сословіе совершенно не въ состояніи провѣрить ихъ, но, основываясь на ежедневномъ опытѣ, онъ полагалъ, что эти данныя тѣмъ сильнѣе подѣйствуютъ на нихъ.

Съ послѣднимъ соображеніемъ находится, главнымъ образомъ, въ связи то, что мнѣ надо еще сказать въ дополненіе обвиненія. Главное содержаніе брошюры состоитъ въ проведеніи параллели между порядками, предшествовавшими французской революціи — этотъ періодъ, замѣтимъ кстати, простирается у него съ 1524 до 1794 года—и настоящимъ временемъ. Обвиняемый желаетъ доказать, что положеніе дѣлъ передъ французской революціей было совершенно такое же, какъ современное; другими словами, онъ желаетъ доказать, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это прямо высказываетъ, что въ настоящее время мы снова переживаемъ періодъ революціи. Какъ передъ революціей третье сословіе, капиталъ или буржуазія, постепенно достигало власти, исторгая ее изъ рукъ дворянства и духовенства, основывавшихъ свое господство на землевладѣніи, такъ теперь рабочее сословіе фактически уже обладаетъ властью, а юридически еще нѣтъ.

Чтобы доказать, что подобная параллель съ цѣлями, явно-практическими, а не теоретическими и научными, дѣйствительно проводится, я нахожу нужнымъ сослаться на два мѣста, которыя показались мнѣ особенно интересными. Во-первыхъ, о крестьянскомъ возстаніи обвиняемый говоритъ (на стр. 4—5), что оно было не революціоннымъ знаменіемъ, какимъ до сихъ поръ считала его исторія, а, напротивъ, реакціоннымъ. Крестьяне распространили и на себя присущую среднимъ вѣкамъ теорію

землевладѣнія и въ смыслѣ этой теоріи возстали противъ дворянства и духовенства, которыя желали исключительно сами владѣть землею. Въ параллель съ этимъ обвиняемый ставитъ современный порядокъ, прямо указывая на Франкфуртское собраніе и называя его символомъ реакціи третьяго сословія противъ фактически уже существующаго и все болѣе и болѣе выясняющагося господства четвертаго сословія. Онъ говоритъ (читаетъ):

„Въ третьихъ, наконецъ, потому, что во всѣ времена часто повторяется это замѣчательное явленіе страшнаго заблужденія темныхъ умовъ, принимающихъ за новый революціонный принципъ лишь болѣе последовательное и болѣе ясное выраженіе идеи уже гибнущей эпохи и уклада жизни. И замѣтьте, господа: заблужденіе это можетъ быть свойственно,—да оно такъ и есть,—самымъ, повидимому, просвѣщеннымъ людямъ, профессорамъ, какъ это показало намъ печальной памяти Франкфуртское собраніе“.

Другое мѣсто, на которое я хочу сослаться, о полномъ проведеніи параллели и употребленіи самаго слова „параллель“, находится на стр. 20. (читаетъ):

„Но вернемся къ нашей главной темѣ. Мы показали и покажемъ еще, какъ буржуазія, достигнувъ, благодаря французской революціи, господства, сдѣлала свой основной принципъ, имущество, господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій; какъ та же буржуазія, дѣйствуя совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила на всѣ общественныя учрежденія господствующій и исключительный отпечатокъ своего особеннаго принципа, принципа имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Въ этомъ отношеніи между дворянствомъ и буржуазіей оказывается полная параллель“.

Слѣдовательно, если я правъ, утверждая, что обвиняемый имѣлъ намѣреніе провести параллель между дореволюціоннымъ временемъ и настоящимъ, то, полагаю, онъ не станетъ возражать, если я ему докажу, что въ своей лекціи онъ яркими красками изобразилъ неустройство дореволюціонной эпохи, показывая, что таковъ же и современный порядокъ. Онъ указалъ на монополію, которою духовенство и дворянство пользовались въ средніе вѣка, чтобы господствовать надъ прочими сословіями; онъ указалъ, что духовенство и дворянство совершенно господствовали надъ государственнымъ строемъ, что о представительствѣ третьяго сословія не было и помину и что его создала только французская революція.

Съ исторической точки зрѣнія это отчасти и совершенно вѣрно, не можетъ и не должно быть оспариваемо.

Но въ параллель этому обвиняемый ставитъ современную буржуазію! При этомъ онъ говоритъ, и это служитъ подтвержденіемъ обвиненія, что буржуазія овладѣла господствомъ не честно, открыто, а скрытно, что она достигла этого посредствомъ избирательной системы. Тутъ обвиняемый приводитъ рядъ цифръ; но для меня они безразличны, потому что вся теорія обвиняемаго построена, очевидно, на софизмѣ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что всякій гражданинъ долженъ имѣть одинаковое право на участіе въ пользованіи правами, доставляемыми государствомъ. Но онъ упускаетъ изъ виду, что въ дѣйствительности повинности государственной жизни распредѣлены далеко неравномѣрно и что степень участія въ правахъ должна соотвѣтствовать степени участія въ повинностяхъ. Это находится въ связи со вторымъ пунктомъ параллели. Онъ указываетъ, что до французской революціи дворянство и духовенство были изъяты отъ платежа повинностей — фактъ, который мы также допускаемъ и не станемъ оспаривать. Потомъ онъ начинаетъ говорить о современномъ порядкѣ и утверждаетъ, что и въ настоящее время буржуазія старается освободить себя отъ налоговъ, опять прибавляя, что и тутъ она поступаетъ не честно, какъ дворянство и духовенство, которыя открыто говорили, что даютъ государству свои шпаги и молитвы и потому не должны давать ему денегъ. Буржуазія дѣйствуетъ замаскированнымъ способомъ, взваливая на народъ бремя государственныхъ расходовъ—посредствомъ косвенныхъ налоговъ.

И тутъ я не стану разбирать, вѣрны ли приводимыя обвиняемымъ цифры, такъ какъ дѣло не въ цифрахъ, а въ софистическомъ пользованіи ими. Обвиняемый говоритъ, что государство ежегодно расходуетъ около 108 милліоновъ талеровъ налоговъ (въ 1855 году), изъ коихъ около 12 милліоновъ доставляется прямыми, а остальные 96 милліоновъ косвенными налогами, изобрѣтенными хотя и не буржуазіей, но развитыми ею до неслыханныхъ размѣровъ. Эти налоги, заключаетъ онъ далѣе, падаютъ на плечи исключительно одного народа [1]). Буржуазія, говоритъ онъ

[1]) Изложеніе прокуроромъ тѣхъ мѣстъ брошюры, гдѣ обвиняемый говоритъ о косвенныхъ налогахъ, содержитъ много фактическихъ ошибокъ. Въ нѣмецкомъ изданіи эти мѣста для сравненія приведены вторично, въ примѣчаніи. Мы же, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, ограничиваемся только указаніемъ на страницы настоящаго тома, о которыхъ рѣчь идетъ. Ср. стр. 21—22 этого тома.

(на стр. 22) почти дословно, почти ничего не вноситъ на общегосударственныя надобности. Я позволю себѣ привести и это мѣсто. Вотъ его подлинныя слова:

„Обратите вниманіе, господа, на это своеобразное противорѣчіе, на эту своеобразную справедливость: все содержаніе государства взваливается на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, слѣдовательно, и политической власти, дѣлаются прямые налоги, дающіе на государственныя нужды изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю въ 12 милліоновъ!"

Я полагаю, что слушатели обвиняемаго не могли понять этого иначе, какъ буквально въ томъ смыслѣ, если бы онъ сказалъ имъ такъ: Посмотрите, народъ четвертаго обездоленнаго сословія одинъ несетъ на своихъ плечахъ все бремя 96 милліоновъ косвенныхъ налоговъ!!—Правда, обвиняемый говоритъ, что косвенные налоги потому несправедливы, что основаны на невѣрномъ принципѣ, будто два лица съ одинаковыми потребностями должны платить равные налоги, хотя бы одно имѣло больше дохода, чѣмъ другое. „Но вы, вѣдь, знаете,—говоритъ онъ еще на стр. 21,—что если кто-нибудь богаче другого даже въ 20, 50, 100 разъ, то вслѣдствіе этого онъ все-же не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50 или 100 разъ больше пива и вина, не испытываетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ отопленіи и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ рабочій или мѣщанинъ".

И тутъ все только одни софизмы. Разумѣется, богатому нужно больше соли, хлѣба, мяса, топлива—предметовъ, которые притомъ теперь рѣдко гдѣ обложены податями, какъ, напр., налогъ на помолъ хлѣба и убой скота и т. п. Богатому нужно этихъ предметовъ больше потому, что онъ кормитъ много людей, и именно изъ низшихъ классовъ, частью за своимъ собственнымъ столомъ, частью выдавая имъ заработанную плату соотвѣтственнаго уровня. Притомъ, обвиняемый умышленно упускаетъ изъ виду, что косвенные налоги падаютъ не только на соль, мясо, хлѣбъ и топливо,—подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ, вѣроятно, только англійскій уголь,—но и на другіе предметы и прежде всего на предметы роскоши. Налоги на эти предметы, напр., на шелкъ и даже на сахаръ, бѣдныхъ не касаются. Точно также бѣдному рѣдко приходится оплачивать штемпельный сборъ, особенно высокаго размѣра и, такимъ образомъ, онъ не участвуетъ и въ этомъ—косвенномъ!—налогѣ.

Полагаю, что въ этомъ отношеніи софистика обвиняемаго слишкомъ очевидна и что подобная рѣчь къ работникамъ представляетъ собою не-

слыханнѣйшее возбужденіе слушателей къ нарушенію общественнаго спокойствія!

Перейду къ послѣднему пункту параллели. Напомнивъ о презрительномъ отношеніи дворянства къ остальнымъ сословіямъ (стр. 4), онъ, проводя послѣдовательно параллель и далѣе, утверждаетъ на стр. 23, что теперь буржуазія относится совершенно съ такимъ же презрѣніемъ къ рабочему сословію; мало того, что теперь противоположность между богатствомъ и бѣдностью еще чувствительнѣе, чѣмъ прежній контрастъ между могуществомъ и ничтожествомъ средневѣковыхъ сословій. Я полагаю, что такія слова, какъ на стр. 23 (читаетъ):

„Зато какимъ презрѣніемъ награждаетъ общество тѣхъ, кто не имѣетъ за собою капитала, какъ бы и надъ чѣмъ бы они ни трудились. Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ знакомъ вамъ изъ жизни, чтобы мнѣ нужно было здѣсь еще останавливаться на немъ".

Полагаю, что подобная фраза, совершенно понятная и доступная слушателямъ обвиняемаго, тогда какъ все прочее оставалось для нихъ загадкой, способна возбудить вражду.

Съ юридической точки зрѣнія мнѣ могутъ возразить, что все это прямо не относится ни къ какому опредѣленному классу. На это я долженъ возразить, что обвиняемый самъ ясно опредѣлилъ этотъ классъ. Онъ возбуждалъ третій классъ первоначальныхъ избирателей противъ перваго, какъ неимущихъ противъ тѣхъ, которыхъ онъ именуетъ позорнымъ именемъ „богатыхъ".

Я полагаю, что виновность обвиняемаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Предоставляя себѣ опредѣлить степень наказанія, которому по моему мнѣнію, онъ подлежитъ, по выслушаніи его защиты, я, въ заключеніе, замѣчу еще только, что пока не хочу возражать на гимнъ четвертому сословію, находящійся на послѣдней страницѣ брошюры, не хочу потому, что нахожу достаточнымъ ограничиться одной чисто-практической стороной лекціи.

Президентъ. Слово за обвиняемымъ.

(Обвиняемый началъ свою защитительную рѣчь (см. выше: „Наука и работники") въ $9^3/4$ часовъ утра. Около 12 часовъ судъ сдѣлалъ почти получасовой перерывъ. Затѣмъ обвиняемый пропродолжалъ говорить почти до 3 часовъ. Во время его рѣчи произошли слѣдующіе перерывы и препирательства, которыя мы сообщаемъ по стенографическому отчету).

Въ самомъ началѣ рѣчи (стр. 35), послѣ словъ обвиняемаго: „Оно (обвиненіе) не только нарушаетъ обыкновенные законы, но и является..“

(Прокуроръ встаетъ, протестуя).

Президентъ. Прерываю обвиняемаго, замѣчая ему, что онъ позволяетъ себѣ дѣлать совершенно неумѣстные упреки королевской прокуратурѣ. Такъ вы не должны дальше говорить!

Обвиняемый. Мнѣ необходимо сослаться на законъ, г. президентъ, на статью конституціи.

Президентъ. Въ такомъ случаѣ я все же совѣтую обвиняемому выражаться иначе.

Обвиняемый. Не хочу перечить суду. Но, г. президентъ, одно изъ двухъ: либо законъ правильно примѣненъ обвиненіемъ, либо онъ имъ нарушенъ. Что же, г. президентъ? Вы требуете отъ меня, чтобы я утверждалъ, что прокуроръ правильно примѣнилъ законъ?!

(Волненіе въ публикѣ).

Президентъ. Рѣчь идетъ о томъ, что вы приписываете прокуратурѣ умышленное нарушеніе закона.

Обвиняемый. Это другое дѣло, г. президентъ. До сихъ поръ я не говорилъ объ умышленномъ нарушеніи.

Президентъ. Прошу продолжать.

Обвиняемый *(повторяя)*. Итакъ, я говорю, что обвиненіе не только нарушаетъ обыкновенные законы, но и является рѣшительнымъ посягательствомъ на конституцію...

(Прокуроръ и президентъ снова прерываютъ обвиняемаго).

Президентъ. Лишаю обвиняемаго слова. Судъ рѣшитъ, можно ли вообще продолжать слушать его.

Обвиняемый. Позвольте, гг. президентъ и совѣтники! Мнѣ необходимо высказать это мнѣніе, если я считаю его существенно-важнымъ. Иначе что станется съ защитой, если не позволять обвиняемому самостоятельно и рѣшительно высказывать свой взглядъ на это?!

(Волненіе. Судъ, не удаляясь изъ залы засѣданія, приступаетъ къ непродолжительному совѣщанію. Замѣтно, какъ совѣтники киваютъ головой президенту).

Президентъ. Судъ находитъ, что обвиняемый въ формѣ и способѣ защиты заходитъ слишкомъ далеко и что невозможно дозволить ему также продолжать, и заявляетъ, что если обвиняемый будетъ продолжать выражаться такимъ образомъ, то будетъ окончательно лишенъ слова.

Обвиняемый. Могу ли я потерпѣть, чтобы при этомъ была нарушена конституція...

Президентъ (прерывая). Да это вовсе не относится къ дѣлу! Обвиняемому слѣдуетъ отвѣчать только на сдѣланный ему опредѣленный упрекъ, т. е., въ настоящемъ случаѣ, отвѣтить, подвергъ ли онъ общественное спокойствіе опасности поступкомъ, въ которомъ его обвиняютъ, или нѣтъ. Причемъ тутъ нарушеніе конституціи?

Обвиняемый. Напротивъ того, г. президентъ, я именно утверждаю— дайте мнѣ только договорить хотя-бы нѣсколько словъ! Вы увидите, что это очень важно! Я утверждаю, что меня совершенно невозможно обвинять въ этомъ поступкѣ, потому что я огражденъ въ этомъ случаѣ прежде всего конституціей, огражденъ вполнѣ ею одною. Вѣдь не могу же я заранѣе знать, какого соображенія—одного только!—достаточно для моего оправданія, а какое излишне! Должно же мнѣ быть предоставлено свободно развивать по своему усмотрѣнію мысли и положенія своей защиты; въ противномъ случаѣ я лучше замолчу и со скрещенными на груди руками стану ждать своей участи!

(Обвиняемый садится. Сильное волненіе въ публикѣ. Поднимается защитникъ).

Защитникъ. Я того мнѣнія, что обвиняемый вправѣ сказать въ свою защиту, что его должна ограждать конституція и что пренебреженіе къ этому нарушаетъ конституцію.

Президентъ. Конечно, вправѣ!

Обвиняемый (поспѣшно вставая). Итакъ, мы согласились, и я прошу меня выслушать.

(Ему не возражаютъ. Онъ продолжаетъ свою защитительную рѣчь съ того мѣста, на которомъ остановился).

При словахъ: „Противъ возводимаго на меня обвиненія я, со своей стороны, выставляю другое обвиненіе, обвиненіе въ томъ, что нынѣшнимъ днемъ опозорена Пруссія“... (стр. 46).

Президентъ. Я принужденъ призвать васъ за подобныя выраженія къ порядку. Ни одинъ прусскій судья не можетъ допустить такого рода защиты. Я лишу васъ слова и передамъ его вашему защитнику.

Обвиняемый. Вы этого не сдѣлаете, г. президентъ! Если вы лишите меня слова, я уступлю насилію и вмѣстѣ со своимъ защитникомъ удалюсь отсюда. Защита или будетъ свободна, или ея совсѣмъ не будетъ.

Прокуроръ. Прошу по крайней мѣрѣ занести эти выраженія въ протоколъ.

Обвиняемый продолжаетъ. При словахъ: „Что же за чудовище учености этотъ прокуроръ“... (стр. 52).

Президентъ (когда прокуроръ встаетъ для протеста, прерываетъ оратора): Въ согласіи съ судомъ въ послѣдній разъ призываю обвиняемаго къ порядку. Онъ грубо нарушаетъ его, называя прокурора прямо „чудовищемъ“.

Защитникъ. Я просилъ бы принять во вниманіе, что нельзя такъ строго относиться къ каждому слову, которое сорвется у обвиняемаго въ увлеченіи сознаніемъ своей невинности.

Президентъ. Чѣмъ больше обвиняемый убѣжденъ въ своей невинности и въ безупречности своего дѣла, тѣмъ меньше у него повода лично оскорблять г. прокурора.

Обвиняемый. Прошу позволить мнѣ объясниться...

Президентъ. Здѣсь не мѣсто для этого.

Обвиняемый. Я долженъ замѣтить, что мнѣ и въ голову не приходило оскорблять прокуратуру. Она имѣетъ полное право не подвергаться здѣсь оскорбленіямъ. Но на особенную пощаду она также не имѣетъ права!

Прокуроръ. Я не прошу никакой пощады. Но я требую, чтобы въ силу предыдущаго рѣшенія высокой коллегіи обвиняемый былъ лишенъ слова, такъ какъ онъ оскорбилъ прокурора.

(Короткая пауза. Судьи обмѣниваются нѣсколькими словами).

Президентъ. Судъ полагаетъ, что обвиняемый не хотѣлъ сказать, что прокуроръ, дѣйствительно, чудовище учености. Какъ ни неприличнымъ кажется это выраженіе, судъ на этотъ разъ еще соглашается оставить слово за обвиняемымъ.

Обвиняемый. При словахъ: „Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора?“ (стр. 74).

Прокуроръ (торопливо прерывая). Г. президентъ! Полагаю, что этого выраженія обвиняемаго достаточно, чтобы увѣнчать его выходки противъ прокуратуры. Предлагаю поэтому, согласно статьи 134 дополнительнаго закона отъ 3 мая 1852 г., лишить обвиняемаго слова и, если онъ будетъ продолжать отвѣчать, удалить его изъ залы.

(Волненіе).

Президентъ. Обвиняемый лишается слова, и потому никакія дальнѣйшія заявленія съ его стороны недопустимы.

Обвиняемый (съ живостью). Г. президентъ! На это мнѣ надо заключеніе всего суда! Предлагаю постановить его и требую слова для обоснованія этого предложенія.

Прокуроръ. Я долженъ протестовать противъ того, что обвиняемый продолжаетъ говорить послѣ того, какъ президентъ лишилъ его слова.

Обвиняемый. Вы смѣшиваете понятія. Я лишенъ слова au fond. Я потребовалъ на это рѣшенія суда, а судъ не можетъ постановить столь важнаго рѣшенія, не выслушавъ предварительно меня.

Президентъ. Обвиняемый можетъ говорить о томъ, слѣдуетъ-ли лишить его слова.

Прокуроръ. Въ такомъ случаѣ прошу, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не касался ничего другого.

Обвиняемый. Успокойтесь, я не выйду изъ рамокъ.

Президентъ (прокурору). Уже сказано, вѣдь, чтобы обвиняемый говорилъ только объ этомъ.

Обвиняемый. Г. президентъ и господа совѣтники! Я прибѣгаю подъ защиту иной статьи закона, чѣмъ та, на которую ссылается прокуроръ, а именно, статьи 108 (читаетъ): „Если защита обвиняемаго прерывается или существенно стѣсняется безъ достаточнаго основанія", то это составляетъ одну изъ ясно предусмотрѣнныхъ закономъ причинъ для кассаціи всего процесса. Слѣдовательно, теперь вопросъ только въ томъ: что разумѣть подъ недостаточнымъ основаніемъ для нарушенія защиты? Очевидно, достаточнаго основанія нѣтъ въ томъ случаѣ, если обвиняемый никакимъ положительнымъ поступкомъ не нарушилъ словесныхъ преній, какого бы характера они ни были. Я не согласенъ даже и съ тѣмъ, чтобы изъ-за оскорбленія прокурора какимъ-нибудь словомъ обвиняемый лишался слова. За это его можно подвергнуть особому преслѣдованію, но всякія предупредительныя мѣры ведутъ въ этомъ случаѣ къ нарушенію законной свободы защиты. Тѣмъ болѣе нѣтъ никакого основанія ставить обвиняемаго hors de loi [1]) за какое-нибудь сорвавшееся у него съ языка выраженіе. Я очень хорошо знаю исторію всѣхъ политическихъ процессовъ, и вся она, даже во времена величайшихъ волненій, не представляетъ примѣра, чтобы суды позволяли себѣ лишать обвиняемыхъ слова во время преній, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ они

[1]) Внѣ закона.

своимъ упорствомъ и буйствомъ дѣлали невозможнымъ разбирательство, какъ, напр., въ процессахъ: передъ палатой перовъ въ Парижѣ, въ процессѣ въ Буржѣ. Но было бы безпримѣрно и совершенно безосновательно, какъ логически, такъ и юридически, если-бы моя моральная, даже и оскорбительная вылазка противъ публичнаго обвинителя, послужила поводомъ къ лишенію меня моихъ правъ въ этомъ дѣлѣ, къ пресѣченію мнѣ защиты въ немъ, вмѣсто того, чтобы вызвать новое дѣло противъ меня! Во-вторыхъ, гг. президентъ и совѣтники, въ моемъ выраженіи нельзя найти ни малѣйшаго оскорбленія для прокурора. Законъ, повторяю это, обязываетъ меня не оскорблять прокурора, и я самъ желаю этого; но я намѣренъ держаться на этой крайней границѣ моихъ и его правъ, ибо законъ не требуетъ отъ меня уваженія или почтенія къ прокурору. Слѣдовательно, если я спрашиваю:

„Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора?“

—то какимъ образомъ эпитетъ, который я даю самому себѣ, можетъ служить оскорбленіемъ другому? (Волненіе).

Попытаюсь еще лучше объяснить это суду. Позволю себѣ предложить способъ, по которому можно всегда рѣшить вопросъ, оскорбительно ли извѣстное выраженіе для прокурора или нѣтъ. Выраженіе только въ томъ случаѣ оскорбительно для прокурора, если оно оскорбительно и для каждаго частнаго лица, потому что у прокурора нѣтъ особенной специфической чести, иной чести кромѣ общегражданской. Иное дѣло, если объективный составъ оскорбленія дѣйствительно налицо; такое оскорбленіе наказывается строже, когда относится къ должностному лицу при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей; но это — совершенно постороннее соображеніе. Теперь предположите, гг. судьи, что въ литературной полемикѣ я сказалъ бы кому-нибудь: „Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ ваше незнаніе?“—и этотъ господинъ явился бы въ судъ жаловаться на меня за оскорбленіе. Вы, вѣдь, выпроводили бы его со смѣхомъ. Я утверждаю, что, предложивъ удалить меня изъ залы... (Волненіе). ....прокуроръ смѣшалъ почтеніе съ оскорбленіемъ!

(Краткая пауза; волненіе въ публикѣ. Судьи совѣщаются. Встаетъ и начинаетъ говорить защитникъ).

Защитникъ. Господа! Убѣдительно прошу васъ не стѣснять защиту подобнымъ образомъ. Я также ссылаюсь на содержаніе 134 статьи. Въ ней вовсе нѣтъ того, что, повидимому, находитъ въ ней г. прокуроръ; вотъ она дословно (читаетъ):

„Если обвиняемый нарушаетъ судопроизводство непристой_нымъ поведеніемъ...", то судъ долженъ имѣть возможность удалить его. Господа судьи! Неужели вы признаете непристойнымъ поведеніемъ въ смыслѣ закона со стороны обвиняемаго, если онъ въ глубокомъ душевномъ волненіи выразится, быть можетъ, нѣсколько рѣзко, скажетъ какое-нибудь жесткое слово, хотя бы даже впадетъ въ эту ошибку не разъ? Неужели вы накажете его за это совершеннымъ удаленіемъ изъ залы суда? Я нахожу неслыханнымъ, господа, поступать съ обвиняемымъ въ силу § 134, какъ съ грубымъ мужикомъ, который грубо нарушаетъ необходимый внѣшній порядокъ непристойнымъ поведеніемъ! Никто, конечно, не найдетъ въ поведеніи г. обвиняемаго ни малѣйшей тѣни чего-либо подобнаго. Я рѣшительно протестую, поэтому, противъ стремленія лишить г. обвиняемаго возможности защищаться. Основываясь на прежнемъ рѣшеніи, г. президентъ объявилъ теперь безъ всякихъ разсужденій, что обвиняемый лишается слова; но судъ не могъ постановить окончательнаго рѣшенія о случаѣ, который еще только ожидался. Поэтому г. обвиняемый съ полнымъ правомъ требовалъ новаго рѣшенія высокаго суда, которое теперь и слѣдуетъ постановить.

Президентъ. Судъ приступитъ къ совѣщанію и вынесетъ рѣшеніе.

(Краткая пауза. Сильное волненіе въ публикѣ. Судьи совѣщаются, не уходя изъ залы. Когда президентъ снова начинаетъ говорить, моментально наступаетъ напряженная тишина).

Президентъ. Въ неоднократныхъ оскорбленіяхъ обвиняемымъ прокуратуры и спеціально присутствующаго здѣсь г. прокурора, такъ какъ обвиняемый постоянно говоритъ прямо противъ прокурора,—судъ призналъ непристойное поведеніе въ смыслѣ 134 статьи. Даже въ самой манерѣ обвиняемаго говорить было что-то непристойное. Поэтому необходимо было сослаться на 134 статью. Но, получивъ увѣреніе, что обвиняемый выразился не такъ, какъ мнѣ послышалось, потому что мнѣ показалось, будто онъ сказалъ, что прокуроръ—юридическій болванъ...

(Оживленіе въ публикѣ).

...судъ въ послѣдней фразѣ защитительной рѣчи не находитъ новаго оскорбленія для г. прокурора. Поэтому судъ отказывается примѣнить къ этому случаю свое прежнее постановленіе объ условномъ лишеніи обвиняемаго слова, хотя удерживаетъ его еще и теперь, и даетъ ему возможность продолжать говорить, воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ оскорбленій.

При словахъ: „Я также не понимаю прокурора, какъ онъ меня

Въ Греціи называли βάρβαρος, варваромъ, человѣка, который не понималъ нашего языка и котораго мы не могли понять. Такимъ образомъ, прокуроръ и я, мы другъ для друга варвары“ (стр. 74)

Прокуроръ (встаетъ). Ну, теперь необходимо, наконецъ, лишить обвиняемаго слова!

(При этихъ словахъ въ публикѣ, которая до сихъ при всемъ очевидномъ, иногда очень живомъ участіи къ дѣлу, ни разу не нарушала порядка, раздался, къ прискорбію, громкій смѣхъ, впрочемъ, при угрозѣ президента удалить публику, тотчасъ стихшій).

На предложеніе прокурора не послѣдовало никакого рѣшенія; вѣроятно, оно было забыто за усмиреніемъ публики и, такимъ образомъ, обвиняемый безпрепятственно окончилъ свою рѣчь.

Защитникъ. Острая критика самого г. обвиняемаго оставила защитѣ слишкомъ пустынное поле. Кромѣ того, мнѣ очень жаль ослаблять своими дополненіями впечатлѣніе только что прослушанной нами блестящей рѣчи. Но обвиненіе приводитъ два основанія—самую лекцію и ея обнародованіе въ формѣ брошюры. О послѣднемъ обстоятельствѣ обвиняемый ничего не сказалъ, и я нахожу очень понятнымъ, что онъ обошелъ его молчаніемъ. Но меня, его юридическаго защитника, слѣдовало бы упрекнуть, если бы я оставилъ безъ вниманія этотъ второй пунктъ обвиненія. Высокая коллегія, навѣрно, не согласится съ прокуроромъ, что ненахожденіе у обвиняемаго при домашнемъ обыскѣ 50 экземпляровъ брошюры, доставленныхъ ему типографщикомъ, по собственному признанію послѣдняго, служитъ, будто-бы, доказательствомъ обнародованія и распространенія имъ своего сочиненія. Производившему обыскъ чиновнику слѣдовало бы получше искать! Мой кліентъ, вѣдь, не обязанъ же былъ помогать ему въ поискахъ! Пусть обвиненіе представитъ доказательство, что распространеніе, дѣйствительно, имѣло мѣсто. Предположенія здѣсь неумѣстны. Слѣдовательно, и эти соображенія говорятъ въ пользу оправданія обвиняемаго.

Прокуроръ. Еще въ началѣ сегодняшнихъ преній я сказалъ, что обвиняемый, безъ сомнѣнія, не преминетъ воспользоваться научнымъ покровомъ, въ который онъ облекъ свою брошюру, съ троякою цѣлью. Двѣ изъ нихъ къ настоящему вопросу больше не относятся. По отношенію же третьей цѣли его мнимо-научнаго изложенія, а именно, относительно намѣренія воспользоваться имъ на скамьѣ подсудимыхъ, мое предсказаніе вполнѣ оправдалось. Онъ употребилъ цѣлыхъ два часа на доказательство, что принципъ: наука и ея ученіе свободны, долженъ и ему служить защитой за эту лекцію, произнесенную въ союзѣ ремесленниковъ.

На это я считаю достаточнымъ просто замѣтить обвиняемому, что, вопервыхъ, съ его стороны софизмъ — утверждать, будто изъ того, что онъ человѣкъ науки, что онъ день и ночь занимается научными изысканіями, слѣдуетъ, что все, каждое его слово и дѣйствіе, должны быть научны.

(Волненіе).

Полагаю, это ясно! Иначе пришлось бы утверждать, что ученый и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ, и отправляетъ прочія естественныя потребности все научнымъ образомъ!

(Изумленіе въ публикѣ).

Что касается другого основанія его, а именно, что содержаніе лекціи, дѣйствительно, чисто-научно, то я позволю себѣ обратить вниманіе особенно на то, какъ ненаучно поступаетъ обвиняемый. Онъ не счелъ нужнымъ возразить на это мое утвержденіе. Я сказалъ ему, что въ его лекціи приведены невѣрные факты. Я указалъ, напр., что онъ категорически утверждаетъ въ ней, будто буржуазія взвалила все бремя налоговъ на народъ, развивъ, какъ онъ дословно выражается, систему косвенныхъ налоговъ до неслыханныхъ размѣровъ, хотя она существовала уже и раньше. Какъ странно желать утверждать, что косвенные налоги покрываются исключительно четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣдный фактически не въ состояніи сдѣлать этого. Предметы, обложенные косвеннымъ налогомъ, четвертое сословіе получаетъ въ обширныхъ размѣрахъ отъ буржуазіи, какъ имущаго класса; постольку оно, слѣдовательно, совсѣмъ не платитъ никакихъ налоговъ.

Это вполнѣ оправдываетъ мой упрекъ обвиняемому въ невѣрности приводимыхъ имъ фактовъ; еще основательнѣе упреки мои въ односторонности и въ недостаткѣ объективности въ немъ. Все это чуждо науки, какъ и всякая раздражительность. Обвиняемый не допускаетъ никакого голоса, никакихъ мнѣній, кромѣ своихъ; для идеи своей брошюры, почерпаемой имъ изъ исторіи, онъ находитъ неудобнымъ брать въ исторіи какой-либо иной отдѣлъ, кромѣ среднихъ вѣковъ. Онъ намѣренно забываетъ — я знаю, что это происходитъ не отъ недостатка познаній. — что уже до среднихъ вѣковъ протекъ цѣлый рядъ столѣтій, когда процвѣтали исторія и философія. Онъ пропускаетъ эти столѣтія, а между тѣмъ представляетъ свои положенія выводами науки изо всей исторіи. Онъ начинаетъ свою всемірную исторію со среднихъ вѣковъ, но и средніе вѣка онъ воспроизводитъ не вполнѣ, а именно, пропускаетъ то, чему средніе вѣка учатъ насчетъ сословнаго быта. Притомъ, обвиняемый ограничился только Германіей и Франціей; о странѣ, правда, не подходящей къ его воззрѣніямъ, объ

Англіи, о ея могущественномъ дворянствѣ, о буржуазіи, которая есть идеалъ всякой буржуазіи, проникнутой высокою идеей науки и являющейся носительницею общественнаго благосостоянія, разумнаго индустріализма,—онъ не говоритъ въ своей брошюрѣ ни слова, несмотря на общую моду дѣлать это, какъ скоро заходитъ рѣчь о политическихъ и соціальныхъ реформахъ. Полагаю, поэтому, что тутъ вполнѣ умѣстенъ и упрекъ въ односторонности. Все это никоимъ образомъ не признаки научности.

Наконецъ, считаю нужнымъ указать еще, что наука никогда не ругается. А между тѣмъ и прежняя, и сегодняшняя рѣчи обвиняемаго доказываютъ, что онъ охотно ругается. На стр. 30 мы находимъ такое мѣсто: „Соотвѣтственно этому различію буржуазія опредѣляетъ нравственную цѣль государства такъ: она состоитъ исключительно и единственно въ охраненіи личной свободы и собственности индивидуума. Это идея ночного сторожа“!

(Волненіе).

Я полагаю, что въ достаточной степени доказалъ, что о научности здѣсь нѣтъ и помину и что обвиняемый имѣлъ только въ виду быть настолько понятнымъ ремесленникамъ, насколько это ему именно нужно было.

Это приводитъ меня ко второй половинѣ его защиты. Сначала обвиняемый сдѣлалъ юридическій разборъ § 100 уголовнаго уложенія. Было бы толченіемъ воды въ ступѣ, съ моей стороны также пускаться въ юридическіе комментаріи этой статьи закона, которая и безъ того слишкомъ часто подлежала оцѣнкѣ высокаго суда. Однако, на двухъ пунктахъ я нахожу нужнымъ остановиться здѣсь. Обвиняемый говоритъ, что хотѣлъ примирить работниковъ съ буржуазіей. Примиреніе это онъ усматриваетъ въ яко-бы наглядномъ объясненіи сущности противорѣчій, далѣе въ томъ, что при помощи исторіи онъ указалъ идею, согласно которой современемъ можетъ существовать только одно сословіе. Въ этомъ отношеніи я могу только замѣтить, что этого никакъ нельзя назвать примиреніемъ, а, напротивъ, прямо возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію. Чѣмъ инымъ слѣдуетъ считать это воззваніе къ работникамъ, когда имъ указывается, что буржуазія презираетъ ихъ, что они ежедневно подвергаются этому презрѣнію, когда онъ говоритъ имъ, что они платятъ подати, тогда какъ буржуазія посредствомъ разнаго рода уловокъ освобождаетъ себя отъ повинностей?

Въ заключеніе, считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ утвержденіи обвиняемаго. Онъ говоритъ, что обвиненіе ложно приписываетъ ему прямое подстрекательство къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, къ революціи съ вилами, какъ онъ выражается. Въ дѣлѣ доказательствъ я не хочу оставаться у него въ долгу. На стр. 13 онъ говоритъ:

„Изъ этого вы видите, господа, что при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ путь легальныхъ преобразованій имѣетъ во всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ одно большое неудобство, неудобство безсплія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; а, съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на всѣ свои неоспоримыя невыгоды, имѣетъ то преимущество, что быстро и энергично ведетъ къ практической цѣли“.

Для уразумѣнія этихъ словъ надо прибавить, что обвиняемый ставитъ французской революціи въ упрекъ только то, что она слишкомъ долго продолжалась, что ей нуженъ былъ слишкомъ долгій періодъ съ 1524 по 1789 г. для того, чтобы идеи ея успѣли созрѣть. До тѣхъ же поръ довольствовались безсильными реформами. Въ Германіи идея революціи никогда еще практически не осуществлялась, потому что здѣсь дѣйствовали только путемъ реформъ, значитъ, недостаточными средствами. Рекомендуя революціонный путь, несмотря на всѣ его невыгоды, онъ этимъ явно подстрекаетъ къ той самой революціи, которую сегодня самъ охарактеризовалъ революціей съ вилами. Иначе нельзя объяснить всю эту связь мыслей, особенно параллель съ французскою революціей.

Обвиняемый рѣшительно нарушилъ § 100. Что касается фактическаго распространенія брошюры, я возражу защитнику, что обвиняемый положительно сознался въ этомъ. Теперь онъ взялъ назадъ свое сознаніе, но безъ всякаго основанія. Такимъ образомъ, я полагаю, что виновность обвиняемаго по обоимъ пунктамъ доказана во всѣхъ отношеніяхъ, и, принимая во вниманіе чрезвычайную страстность, обнаруженную имъ въ своей лекціи, принимая во вниманіе, что онъ уже подвергался наказанію, что также служитъ для его характеристики, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ это наказаніе славной раной за свободу, принимая во вниманіе, что его нападки были очень опасны и что, только благодаря здравому практическому смыслу нашего рабочаго населенія, опасность эта миновала,—принимая все это во вниманіе, я предлагаю присудить обвиняемаго къ девятимѣсячному тюремному заключенію.

Обвиняемый. Я вынужденъ возразить прокурору на одно его утвержденіе, поразившее меня удивленіемъ, когда я его услыхалъ. Онъ утверждаетъ, что я привелъ въ своей лекціи невѣрные факты! Онъ увѣряетъ даже, что уличилъ меня въ одной такой невѣрности! Продолжая еще пребывать въ изумленіи, я спрашиваю его: въ какой?! Никогда, ни въ какой брошюрѣ, не стану я говорить чего-нибудь, что было бы мало-мальски фактически невѣрно. Что я говорю въ своемъ изложеніи о косвенныхъ на-

логахъ? Мое изложеніе распадается на два отдѣла: на факты и выводы изъ нихъ. Что касается первыхъ, то я говорю (читаетъ):

„Общая сумма доходовъ государства въ этомъ году простиралась, круглымъ счетомъ, до 108.930.000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11.967.000 дохода съ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, т. е. съ имуществъ, которыя не входятъ въ наши соображенія. Остается, слѣдовательно, около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ около 26 милліоновъ получается, по классификаціи бюджета, прямыми налогами".

Цифры заимствованы совершенно точно изъ оффиціально-опубликованныхъ отчетовъ. Слѣдовательно, объ этомъ пусть прокуроръ вѣдается съ министромъ финансовъ! Представляю суду печатный, детально разработнаный, отчетъ за 1855 г. Далѣе я говорю:

„Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что нашъ бюджетъ нигдѣ не придерживается научныхъ основаній и въ своей классификаціи руководствуется только внѣшнею формою сбора податей. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо исключить 10 милліоновъ поземельнаго налога, который, хотя и взимается непосредственно съ землевладѣльцевъ, но перелагается ими на цѣну хлѣба и уплачивается, слѣдовательно, въ сущности потребителями хлѣба, т. е. составляетъ налогъ косвенный".

Не станетъ ли прокуроръ утверждать, что это не косвенный налогъ? Я полагаю, всякій знаетъ, что онъ перелагается на цѣну хлѣба. Справьтесь объ этомъ у Рикардо, Мальтуса, у любого англійскаго экономиста. Что называется косвеннымъ налогомъ? Въ наукѣ,—сравни любого автора, — косвеннымъ налогомъ называется такой налогъ, который, какъ таковой, не прямо ложится на доходъ лицъ, а падаетъ на нихъ только посредствомъ ихъ особенныхъ потребностей.—Далѣе я говорю (читаетъ):

„По той же причинѣ надо выключить 2.900.000 талеровъ промысловаго налога.

„Доходовъ дѣйствительно отъ прямыхъ налоговъ остается только:

2.928.000	тал.	классифицированнаго подоходнаго налога,
7.884.000	„	класснаго налога и
2.036.000	„	дополнительнаго налога.

Итого 12.848.000 талеровъ.

„Итакъ, господа, въ дѣйствительности изъ 97 мил. государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется только 12.800.000 талеровъ" (стр. 22).

Развѣ промышленникъ не перелагаетъ стоимости своего патента на цѣну продуктовъ? Чему мнѣ тутъ учить? Подобные факты подвергаются нападкамъ, какъ невѣрные! Бюджетъ руководствуется въ своей классификаціи только внѣшнею формою взиманія, да и не можетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ. Тамъ, гдѣ онъ получаетъ налогъ непосредственно съ лица, онъ говоритъ о прямомъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ о косвенномъ налогѣ. Но это не научное основаніе, не коренной признакъ. Правда, поземельный налогъ получается прямо съ лицъ, но они лишь временно ссужаютъ его. Въ дѣйствительности же его платитъ потребитель; значитъ, въ дѣйствительности, это косвенный налогъ. То же и съ соляной монополіей. Такъ какъ налогъ на соль не взимается ни сборщикомъ податей, ни таможеннымъ чиновникомъ, то бюджетъ не заноситъ его ни въ число прямыхъ, ни въ число какихъ-либо другихъ налоговъ, а въ особую рубрику монополій. Но тѣмъ не менѣе онъ есть и остается косвеннымъ налогомъ, и никто никогда не оспаривалъ этого.

Но гдѣ же я утверждалъ. что косвенные налоги платятся исключительно однимъ рабочимъ классомъ? Это было бы очевидною нелѣпостью, потому что потребляетъ-то, вѣдь, каждый! Я же говорю, —и это болѣе 100 лѣтъ признано наукой, --что бѣдные платятъ несравненно-большую часть ихъ. Вотъ мои слова (читаетъ):

„Прямыми налогами называются, господа, такіе, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированный подоходный налогъ или классная подать и опредѣляются поэтому величиной дохода и капитала. Косвенные же налоги — тѣ, которые налагаются на разныя потребности. какъ, напр., на соль, на хлѣбъ, на пиво, мясо, топливо, или, напр., на потребность въ юридической защитѣ, какъ напр., судебныя издержки, гербовая бумага и т. д. Этотъ налогъ человѣка часто уплачиваетъ въ цѣнѣ вещей, не подозрѣвая и не замѣчая, что платитъ въ эту минуту налогъ, что именно налогъ повышаетъ цѣну покупаемыхъ предметовъ.

„Но вы, вѣдь, понимаете, господа, что, если кто-нибудь богаче другого даже въ 20, 50, 100 разъ, то вслѣдствіе этого онъ все же не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50, 100 разъ больше пива и вина, не испытываетъ въ 50, 100 разъ больше потребности въ отопленіи, и. слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ рабочій или мѣщанинъ.

„Отсюда и происходитъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею своею частью на неимущихъ, на бѣднѣйшіе классы націи“. (стр. 21).

Для всякаго разумнаго человѣка этотъ фактъ необходимо вытекаетъ изъ того, что бѣдныхъ гораздо больше, чѣмъ богатыхъ. Я могъ бы доказать это статистикой всего міра, но полагаю, что вы сами это знаете. Какъ же можно тутъ говорить хотя бы только о попыткѣ исказить истину?

Прокуроръ удивляется, что въ своей лекціи я ничего не сказалъ ни объ Англіи, ни о древнемъ мірѣ, ни о какихъ-либо другихъ историческихъ эпохахъ, но дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что, во-первыхъ, все это не относилось къ предмету моей лекціи, а, во вторыхъ, лекція моя и безъ того продолжалась уже болѣе двухъ часовъ и затягивать ее еще дольше было невозможно. (Смѣхъ въ публикѣ).

Защитникъ. Относительно вопроса о напечатаніи г. прокуроръ замѣтилъ еще, что обвиняемый сознался въ распространеніи брошюры и что поэтому этотъ пунктъ слѣдуетъ рѣшить противъ него. Но мы, юристы, всѣ согласны въ томъ, что можно сознаваться только относительно фактовъ, а не относительно вопросовъ права. Обвиняемый отвѣчалъ утвердительно только на вопросъ права. Такое признаніе не имѣетъ, конечно, никакого значенія. Что касается предлагаемой степени наказанія, я не хочу тратить словъ на препирательство о ней. Я рѣшительно не могу понять, какимъ образомъ г. прокуроръ доходитъ до того, чтобы, при обсужденіи настоящаго дѣла, видѣть въ такомъ же или похожемъ на него прежнемъ проступкѣ или даже въ десяткахъ и сотняхъ подобныхъ проступковъ обстоятельство, вину усугубляющее. Еще непонятнѣе для меня, какъ можно интересующую насъ лекцію считать столь тяжкимъ фактическимъ покушеніемъ на общественное спокойствіе, чтобы признавать недостаточной карой за нее денежный штрафъ, который можетъ въ этомъ случаѣ простираться до 200 талеровъ. Полагаю, что могу спокойно ожидать рѣшенія высокой коллегіи.

Президентъ. Съ какою цѣлью напечатана брошюра?

Обвиняемый. Для опубликованія.

Прокуроръ. Замѣчу, что 50 экземпляровъ уже выпущено!

Судъ удалился на совѣщаніе и, по возвращеніи, объявилъ слѣдующій приговоръ [1]).

---

[1]) Здѣсь въ стенографическомъ отчетѣ приводится полный текстъ приговора. Но тѣмъ же приговоромъ начинается третья часть процесса. Разница между обѣими редакціями приговора, существенно-важная для Лассаля, какъ обвиняемаго, сама по себѣ не такъ значительна, чтобы изъ-за этого стоило и въ русскомъ изданіи приводить обѣ редакціи; поэтому мы даемъ только одну изъ нихъ, въ началѣ слѣдующей статьи, III-й части процесса.

III.

ПРИГОВОРЪ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦІИ

съ критическими замѣчаніями Ф. Лассаля, написанными для апелляціи.

Именемъ короля!

Въ слѣдственномъ дѣлѣ противъ частнаго лица Фердинанда Лассаля въ Берлинѣ, Королевскій Берлинскій Городской Судъ, Отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ, Отдѣленіе IV, для проступковъ, въ засѣданіи 16 января 1862 г., въ коемъ участвовали:

Пильхенъ, совѣтникъ городского суда, въ качествѣ предсѣдательствующаго,

Колькъ, совѣтникъ городского суда, въ качествѣ члена,

фонъ-Вульфенъ, городской судья, въ качествѣ члена,

согласно устному разбирательству призналъ: что обвиняемый виновенъ въ томъ, что подвергъ опасности общественное спокойствіе—возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію—и подлежитъ за это наказанію четырехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ; брошюру: „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. Лекція, прочитанная 12 апрѣля 1862 г. въ Берлинскомъ Союзѣ ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстія, Фердинанда Лассаля. Берлинъ, 1862 г. Типографія и изданіе Карла Неринга“, во всѣхъ имѣющихся экземплярахъ уничтожить; судебныя издержки взыскать съ обвиняемаго.

Именемъ закона [1]).

Основания.

Частное лицо Фердинандъ Лассаль, родившійся въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г., жительствующій въ Берлинѣ и уже подвергавшійся наказанію шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, по приговору королевскаго Дюссельдорфскаго Окружнаго Суда, отъ 5 іюля 1849 г., за возбужденіе милиціи къ насильственному, до кровопролитія, сопротивленію ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, обвиненъ въ томъ, что подвергнулъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію.

12 апрѣля 1862 г., онъ прочелъ, въ Берлинскомъ Союзѣ ремесленниковъ Ораніенбургскаго предмѣстья лекцію объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія и потомъ напеча-

---

[1]) Предварительное примѣчаніе Ф. Лассаля. Печатаемый здѣсь текстъ приговора, съ приложеніемъ замѣчаній къ нему, объявленнаго въ окончательной формѣ очень значительно и весьма существенно отличается отъ объявленнаго на судѣ и тамъ же дословно записаннаго стенографами.

Всего замѣчательнѣе и характеристичнѣе въ этомъ приговорѣ то, что онъ даже не пытается опровергнуть какой-либо изъ юридическихъ доводовъ, развитыхъ мною въ своей защитительной рѣчи! Кромѣ ссылки на 20 статью конституціи о свободѣ науки, я возражалъ противъ обвиненія, основаннаго на § 100 Угол. Улож., слѣдующими доводами: 1) что моя лекція не могла возбуждать къ ненависти и презрѣнію по нѣсколькимъ причинамъ; судьи не обратили вниманія ни на одну изъ этихъ причинъ и даже не попытались опровергнуть хотя бы какую-нибудь изъ нихъ! 2) что даже согласно обвинительному акту возбужденіе—опять-таки по нѣсколькимъ причинамъ—никакъ не могло быть направлено противъ имущихъ классовъ; и снова никто изъ судей не обратилъ вниманія ни на одну изъ этихъ причинъ и не попытался опровергнуть ихъ; 3) что мое мнимое возбужденіе никакъ не могло подвергнуть опасности общественнаго спокойствія, что по закону должно быть непремѣннымъ условіемъ обвиненія. Только на это приговоръ попытался дать отвѣтъ, но какой, — мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ!

Однако, въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ къ приговору я не намѣренъ повторять этихъ доводовъ; они приведены и подробно изложены на судѣ первой инстанціи, въ защитительной рѣчи, которая вмѣстѣ съ настоящимъ поступитъ въ числѣ другихъ существенныхъ апелляціонныхъ документовъ на разсмотрѣніе высшаго суда. Не будучи опроверг-

талъ ее совершенно въ томъ же видѣ, какъ читалъ, въ типографіи Нёринга въ 3.000 экземплярахъ. Обвиняемый во всемъ этомъ сознался и не было никакого основанія сомнѣваться въ справедливости этого безусловнаго сознанія.

Эта брошюра, содержащая лекцію обвиняемаго, еще не была опубликована. Установлено, правда, что владѣлецъ типографіи Нёрингъ передалъ обвиняемому 50 экземпляровъ ея и что при обыскѣ, произведенномъ 28 іюня 1862 г. въ квартирѣ обвиняемаго уголовнымъ коммиссаромъ Пикомъ, у него не было найдено ни одного экземпляра [1]). Прокуратура заключаетъ изъ этого, что обвиняемый распространилъ эти 50 экземпляровъ; но это заключеніе является необоснованнымъ. По § 33 закона о печати опубликованіе печатнаго произведенія признается только тогда, если книга продавалась, разсылалась, распространялась или была выставлена въ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного изъ этихъ условій; по крайней мѣрѣ ихъ невозможно съ достовѣрностью вывести изъ результатовъ обыска; въ томъ обстоятельствѣ, что экземпляры были препровождены обвиняемому, нельзя усматривать опубликованія, потому что онъ, какъ авторъ, имѣетъ право имѣть у себя свое произведеніе въ какой ему угодно формѣ, и черезъ это брошюра еще не дѣлается доступною читающей публикѣ. Хотя на предварительномъ слѣдствіи обвиняемый призналъ опубликованіе, но объяснилъ, что признаетъ этимъ только вопросъ права въ интересахъ скорѣйшаго рѣшенія этого дѣла; распространеніе же онъ теперь положительно отрицалъ и не допускалъ никакихъ фактовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что опубликованіе имѣло мѣсто. Та-

---

нуты или хотя бы даже затронуты приговоромъ, доводы эти остаются въ полной своей силѣ и сами собою опровергаютъ его, что освобождаетъ меня отъ утомительныхъ повтореній.

Не стану я также повторять и тѣхъ доводовъ, опровергающихъ приговоръ, которые были развиты мною при устномъ разбирательствѣ во второй инстанціи.

Цѣль послѣдующихъ замѣчаній заключается, главнымъ образомъ, только въ томъ, чтобы указать на многочисленныя фактическія невѣрности или очевидныя безсмыслицы, или рѣзкія нарушенія закона, въ которыя впадаетъ приговоръ. Впрочемъ, и тутъ я ограничусь только тѣми мѣстами приговора, гдѣ мои замѣчанія отъ непосредственнаго сопоставленія ихъ со словами судей выйдутъ рѣзче и разительнѣе. Развивая эти возраженія отдѣльно и самостоятельно, пришлось бы постоянно возвращаться къ дословному тексту приговора, для его критическаго анализа, что повело бы къ нежелательнымъ повтореніямъ.

[1]) Настоящая выноска, какъ и всѣ послѣдующія, относятся къ „Замѣчаніямъ“ Ф. Лассаля, помѣщеннымъ ниже.

кимъ образомъ, обвиненіе подсудимаго въ опубликованіи брошюры осталось недоказаннымъ. Въ самой лекціи прокуратура нашла проступокъ, предусмотрѣнный § 100 Уголовнаго Уложенія, ибо сю и многократными указаніями на предстоящую, будто-бы, въ скоромъ времени соціальную революцію работники возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы подстрекаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, и это тѣмъ болѣе, что здѣсь содержится и прямой призывъ добиваться съ самой пылкой и всепожирающей страстностью цѣли рабочихъ классовъ, господства надъ другими классами общества. Обвиняемый не призналъ себя виновнымъ и доказывалъ, что его лекція научна и, въ силу 20 статьи конституціи, провозглашающей науку и ея ученіе свободными, не подлежитъ Уголовному Уложенію и что, во всякомъ случаѣ, критеріи § 100 Угол. Улож. здѣсь непримѣнимы.

Поэтому судъ долженъ былъ подвергнуть лекцію во всей ея совокупности тщательному изслѣдованію [11]). Онъ нашелъ, что можетъ руководствоваться при этомъ печатной брошюрой, въ которой, по признанію обвиняемаго, лекція передана дословно вѣрно. Въ этой брошюрѣ обвиняемый прежде всего обращается къ исторіи, къ прошедшему, которое, если его вѣрно понять, вскрываетъ смыслъ настоящаго и даетъ очертанія грядущаго. Онъ излагаетъ, что въ средніе вѣка, когда въ цѣломъ существовали всѣ тѣ же классы и сословія населенія, изъ которыхъ и теперь слагается гражданское общество, землевладѣніе, принадлежавшее преимущественно дворянству и духовенству, составляло господствующій факторъ того общества, держало въ своихъ рукахъ скипетръ власти, налагало свой особенный специфическій отпечатокъ на всѣ учрежденія и на всю жизнь того времени. Его господство проявлялось:

1) въ обусловленной имъ организаціи общественной власти, въ ленной системѣ;

2) въ организаціи публичнаго права или государственнаго строя, ибо на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ представительство имѣли князья и крупное землевладѣніе имперскихъ графовъ и духовенства. А города только тогда пользовались на сеймахъ мѣстомъ и голосомъ, если имъ удавалось пріобрѣсти привилегію вольнаго имперскаго города;

3) въ податной льготности крупнаго землевладѣнія;

4) въ презрительномъ отношеніи со стороны общества ко всякаго рода труду, кромѣ занятія землевладѣніемъ.

Далѣе обвиняемый показываетъ, какъ въ два столѣтія, непосредственно

слѣдующія за реформаціей, совершился медленный, постепенный и незамѣтный переворотъ: открытіе Америки и огромное вліяніе его на производство; открытіе морского пути въ Остъ-Индію вокругъ мыса Доброй Надежды, тогда какъ прежде вся торговля съ Востокомъ и Индіей шла сухимъ путемъ, черезъ Суэцкій перешеекъ; изобрѣтеніе магнитной стрѣлки и компаса и вслѣдствіе этого большая безопасность и быстрота морской торговли, имѣвшія результатомъ пониженіе страховой преміи; проложеніе внутри странъ водяныхъ путей, каналовъ и шоссейныхъ дорогъ, что уменьшило расходы на перевозку многихъ продуктовъ и дало возможность сбывать ихъ на отдаленныхъ рынкахъ, куда они раньше, благодаря дороговизнѣ доставки, не могли попадать; большая гражданская обезпеченность собственности; организованное правосудіе; изобрѣтеніе пороха и обусловленное этимъ уничтоженіе монархическою властью военной силы феодальнаго дворянства; вызванное разрушеніемъ дворянскихъ замковъ и уничтоженіемъ самостоятельной военной силы дворянства, распущеніе наемниковъ, копейщиковъ и рейтаровъ, которымъ оставалось только искать себѣ занятія въ средневѣковыхъ рабочихъ мастерскихъ. Всѣ эти событія вызвали развитіе промышленности и сдѣлали возможнымъ обогащеніе буржуазіи. Благодаря возникновенію и накопленію въ ея рукахъ капитала, движимой собственности, въ противоположность поземельной, дворянство утратило всякое значеніе; болѣе того, оно оказалось въ настоящей зависимости отъ этой разбогатѣвшей буржуазіи; тихій, незамѣтно-революціонизирующій прогрессъ промышленности сдѣлалъ то, что еще задолго до конца прошлаго столѣтія [1]) землевладѣніе совершенно лишилось своего былого значенія, и на ряду съ развивавшейся промышленностью, на ряду съ сокрытыми въ ея нѣдрахъ, ежедневно возраставшими, богатствами, на ряду съ тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, какое, благодаря этому, индустрія оказывала на все населеніе и на всѣ его отношенія, не исключая и дворянства, уже въ значительной части обѣднѣвшаго,—на ряду со всѣмъ этимъ землевладѣніе заняло теперь второстепенное положеніе. Наступившая внутри общества, въ его дѣйствительныхъ отношеніяхъ, перемѣна, вслѣдствіе которой буржуазія получила перевѣсъ надъ землевладѣніемъ и, какъ представительница богатства, пріобрѣла господство вмѣсто дворянства и духовенства, была только про возглашена французской революціей 1789 г., а не создана ею: революція дала этой перемѣнѣ только внѣшнее признаніе—правовую санкцію. Далѣе обвиняемый доказываетъ, что это третье сословіе или буржуазія, одержав-

---

[1]) Рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ.

шая, благодаря французской революціи, побѣду надъ привилегированными сословіями и достигшая господства надъ государствомъ, сочла себя въ первые моменты тождественною со всѣмъ народомъ, сочла свое дѣло дѣломъ всего человѣчества, и тогда казалось, что съ освобожденіемъ и господствомъ третьяго сословія въ обществѣ кончились всякія привилегіи и что всѣ правовыя привилегированныя различія между людьми исчезли, растворившись въ единой свободѣ человѣка.

Но это третье сословіе—буржуазія, заключало въ себѣ, какъ вскорѣ оказалось, еще четвертое сословіе, отъ котораго оно, въ свою очередь, юридически отличалось и которое подчинило своему господству.

Основное начало буржуазіи — имущество, сдѣлалось господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, и буржуазія, поступая совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила теперь на всѣ общественныя учрежденія господствующій и особенный отпечатокъ своего исключительнаго принципа—имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Далѣе обвиняемый доказываетъ, что между дворянствомъ и буржуазіей существуетъ, въ данномъ случаѣ, полная параллель. Затѣмъ онъ говоритъ, что 24 февраля 1848 года взошла, будто-бы, заря новаго историческаго періода. Въ этотъ день во Франціи, въ странѣ, могучая внутренняя борьба которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуетъ побѣды и пораженія всего человѣчества, разразилась революція, призвавшая работника въ члены временнаго правительства, возвѣстившая цѣлью государства улучшеніе участи рабочаго класса, провозгласившая всеобщее и прямое избирательное право, въ силу котораго каждый гражданинъ, по достиженіи 21 года, независимо отъ своего имущественнаго положенія, получалъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Такимъ образомъ, четвертое сословіе, которое въ 1789 г. еще таилось въ нѣдрахъ третьяго сословія и, повидимому, было тождественно съ нимъ, возвысило свой принципъ на степень господствующаго въ обществѣ принципа и пропитало имъ всѣ общественныя учрежденія. Но между нимъ и третьимъ сословіемъ существуетъ та громадная разница, что оно—послѣднее и крайнее, обездоленное сословіе общества, не выставляющее и не могущее выставить никакого исключительнаго, ни правового, ни фактическаго условія — ни дворянства, ни землевладѣнія, ни владѣнія капиталомъ, которое оно могло бы обратить въ новую привилегію и провести чрезъ всѣ учрежденія общества; ему совершенно чуждо какое бы то ни было стремленіе къ новой привилегированности и именно потому оно тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ, такъ что

его дѣло есть, дѣйствительно, дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его господство есть господство всѣхъ [3]). Формальнымъ средствомъ осуществленія этого принципа обвиняемый считаетъ всеобщее и прямое избирательное право. Господство четвертаго сословія [4]) основано, какъ онъ далѣе доказываетъ, только на идеѣ истинной нравственности и вызоветъ еще невиданный въ исторіи расцвѣтъ нравственности, культуры и науки. Нравственная идея буржуазіи состоитъ исключительно въ томъ, чтобы каждому было гарантировано безпрепятственное пользованіе своими силами, тогда какъ по нравственной идеѣ рабочаго сословія безпрепятственнаго и свободнаго пользованія личностью своими силами еще недостаточно: въ нравственно - упорядоченномъ общежитіи необходимы еще, сверхъ того, солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи. Соотвѣтственно этому различію, буржуазія считаетъ нравственною цѣлью государства—исключительно и единственно охраненіе личной свободы и собственности индивидуума, между тѣмъ какъ дѣйствительная цѣль государства заключается въ томъ, чтобы соединеніемъ людей давать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ ступеней существованія, какія для нихъ, какъ отдѣльныхъ личностей, никогда недостижимы; сдѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая просто немыслима для отдѣльной личности. Такимъ образомъ, цѣль государства — положительно развивать и неустанно совершенствовать человѣческое существо, другими словами — осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой только человѣческій родъ способенъ; слѣдовательно, настоящая нравственная природа государства, его истинное и возвышенное предназначеніе состоятъ въ воспитываніи и развитіи человѣчества въ направленіи къ свободѣ. Такимъ образомъ, государство, при господствѣ въ немъ рабочаго сословія [5]), съ совершенною ясностью и вполнѣ сознательно стало бы служить этой своей нравственной сущности и совершенно добровольно, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ (?) выполняло бы то, что до сихъ поръ лишь скудными клочками исторгалось у сопротивляющихся этому; это необходимо вызвало бы такой прогрессъ ума, такую сумму счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, какихъ еще не видала всемірная исторія и предъ которыми совершенно померкли бы самыя блистательныя явленія прежнихъ временъ.

На основаніи только что изложеннаго, лекція, если разсматривать ее съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго, должна быть признана вполнѣ дозволительнымъ изображеніемъ историческаго раз-

витія реальныхъ фактовъ [6]). Но обвиняемый этимъ изображеніемъ историческаго развитія, чисто-научнымъ изложеніемъ [7]),—въ каковомъ случаѣ онъ находился бы подъ защитой 20 статьи конституціи [8]),—не удовольствовался [9]). Напротивъ того, черезъ всю его лекцію проходитъ красною нитью та мысль [10]), что періодъ господства буржуазной собственности [11]) въ сущности уже закончился, [12]) хотя видимость и говоритъ иное; что современному историческому періоду принадлежитъ задача осуществить государственную идею рабочаго сословія [13]), въ которомъ живо сознаніе [14]), что оно предназначено сдѣлаться господствующимъ сословіемъ [15]), призвано возвысить свой собственный принципъ въ принципъ всего вѣка, сдѣлать свою идею—руководящею идеей всего общества и, слѣдовательно, само общество своимъ образомъ и подобіемъ; [16]) что, наконецъ, рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права, должно въ скоромъ времени принять мѣры для доставленія своему господству и юридическаго признанія [17]). Это явствуетъ [18]) изъ пріемовъ обвиняемаго при изображеніи имъ злоупотребленій [19]) буржуазнаго господства и преимуществъ господства [20]) рабочаго сословія [21]) и при обращеніи его къ рабочему сословію съ призывомъ—осуществить присущую этому сословію государственную идею.

Проводя параллель между дворянствомъ и буржуазіей, онъ указываетъ, что, какъ въ средніе вѣка землевладѣніе было господствующимъ принципомъ представительства на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ, такъ и теперь условіемъ права выборовъ въ палаты, а съ нимъ и участія въ государственной власти является—въ видѣ явнаго или замаскированнаго ценза—опредѣленный размѣръ налога, т. е., въ сущности, капиталъ лица [23]); далѣе, что буржуазія, какъ всякое господствующее привилегированное сословіе, старается взвалить бремя государственныхъ расходовъ на угнетенные, неимущіе классы, причемъ она, хотя и не можетъ открыто заявить, что желаетъ быть изъятой отъ податной повинности,—напротивъ, открыто она провозглашаетъ своимъ принципомъ, что каждый долженъ платить налогъ пропорціонально своему доходу,—но достигаетъ того же результата, по крайней мѣрѣ, насколько это возможно, замаскированнымъ способомъ—посредствомъ установленія различія между прямыми и косвенными налогами [24]). Косвенными налогами онъ называетъ [25]) тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ-то: на соль, на хлѣбъ, на пиво, мясо, топливо и пр. Далѣе онъ говоритъ: „Но вы, вѣдь, знаете, господа, что если кто-нибудь богаче другого въ 20, 50, 100 разъ, то вслѣдствіе этого онъ все-же не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50, 100 разъ больше пива и вина, не испытываетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности

въ отопленіи и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ мѣщанинъ“ [26]). Но его словамъ [27]), отсюда происходитъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею своею частъю на неимущихъ, на бѣднѣйшіе классы націи [28]). Онъ продолжаетъ, что буржуазія, собственно, не изобрѣтала косвенныхъ налоговъ, но развила ихъ до „неслыханной“ системы [29]) и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы [30]). Какъ на примѣръ онъ указываетъ на государственный бюджетъ 1855 года, гдѣ изъ общей суммы доходовъ государства, круглымъ счетомъ, — 108.930.000 талеровъ только 12.800.000 талер. было доставлено прямыми налогами, а все остальное [31]) — косвенными. Поэтому обвиняемый и называетъ косвенные налоги финансовой организаціей, посредствомъ которой буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и взваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества [32]).

Здѣсь обвиняемый обращаетъ вниманіе на своеобразное противорѣчіе, на своеобразную справедливость этого метода: все содержаніе государства взваливается на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, слѣдовательно и политической власти, дѣлаются прямые налоги, дающіе на государственныя нужды изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю въ 12 милліоновъ [33]).

Далѣе обвиняемый замѣчаетъ, что теперь всякій родъ труда пользуется одинаковымъ уваженіемъ и что, если бы человѣкъ нажилъ милліоны собираніемъ тряпокъ или чисткой отхожихъ мѣстъ, онъ могъ бы быть увѣренъ, что встрѣтитъ въ обществѣ почетъ; но что зато общество относится съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто не имѣетъ за собой капитала, какъ бы и надъ чѣмъ бы они ни трудились; это, будто-бы, фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающійся въ жизни [34]). Наконецъ, онъ указываетъ еще на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей особенной привилегіи и своего основного принципа еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство свой принципъ землевладѣнія [35]).

Такъ, народное обученіе—обученіе взрослыхъ—въ средніе вѣка было предоставлено духовенству; теперь мѣсто духовенства заняли газеты. Но, благодаря залогамъ, которые газеты обязаны вносить и еще болѣе благодаря штемпельному сбору, которому онѣ подвергаются, изданіе ежедневной газеты — чрезвычайно дорогое предпріятіе, осуществимое только при очень значительномъ капиталѣ, такъ что въ настоящее время самая возможность вліять на народное мнѣніе, просвѣщать его и руководить имъ, сдѣлалась

привилегіей крупнаго капитала, и общественное мнѣніе носитъ печать капитала [36]).

По его словамъ, не будь этого, у насъ были бы совершенно иныя и гораздо лучшія газеты [37]).

Такимъ образомъ, обвиняемый выставляетъ классъ имущихъ [38]) по отношенію къ классу работниковъ несправедливо и безмѣрно взваливающимъ на нихъ всѣ государственныя тяготы и, тѣмъ не менѣе, отказывающимъ [39]) имъ въ участіи въ государственной власти, на которое имъ даетъ право ихъ участіе въ налогахъ, и притомъ—презирающимъ ихъ и лишающимъ ихъ средствъ къ образованію [40]).

Въ этомъ изображеніи необходимо видѣть возбужденіе къ ненависти и презрѣнію [41]). Эта цѣль лекціи обнаруживается еще яснѣе, если обратить вниманіе на самыя выраженія, употребляемыя при этомъ обвиняемымъ по адресу имущихъ классовъ. Такъ, онъ говоритъ, что только буржуазія развила косвенные налоги до „неслыханной системы“ [42]), ввела умышленно непрямую систему выборовъ, какъ искусственное средство по возможности „фальсифицировать“ на выборахъ выраженіе народной воли [43]). Далѣе обвиняемый говоритъ о все-возрастающей нравственной испорченности высшихъ сословій общества [44]). Онъ говоритъ: „Это желаніе сохранить свое привилегированное положеніе или личный интересъ побуждаютъ каждаго члена этихъ сословій стать въ принципіально-враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни. Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину высокой и неизбѣжной безнравственности высшихъ сословій. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость глубокаго нравственнаго паденія ихъ. Быть въ необходимости ежедневно противиться всему высокому и доброму, быть въ необходимости огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды,—это какъ бы вѣчная жизнь во вражеской странѣ [45]), и врагомъ этимъ является нравственная солидарность своего же народа, среди которой живешь, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность. Это—вѣчная жизнь во вражеской странѣ, и врагомъ этимъ является свой же собственный народъ, и нужно еще постоянно хитрить и скрывать, что ты смотришь на него и относишься къ нему, какъ къ врагу, а вражду эту облекать въ болѣе или менѣе искусные покровы.

„Присоедините сюда необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или навсегда заглушить въ себѣ этотъ голосъ, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда не знать ничего лучшаго, кромѣ религіи корысти!

„Такая жизнь необходимо ведетъ къ совершенному пренебреженію и презрѣнію всякихъ идеальныхъ стремленій; она заставляетъ сострадательно усмѣхаться при одномъ упоминаніи великаго имени идеи, она порождаетъ глубокую нечувствительность и отвращеніе ко всему прекрасному и великому, она цѣликомъ губитъ всѣ нравственныя начала въ одной всепоглощающей жаждѣ своекорыстія и наслажденій“ [46]).

Въ противоположность этому обвиняемый объясняетъ, далѣе, что такого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью, нѣтъ у низшихъ классовъ общества, гдѣ своекорыстіе, хотя и тутъ его довольно, составляетъ только порокъ индивидуальный, порокъ отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ простой инстинктъ подсказываетъ имъ, что, пока каждый изъ нихъ относитъ все только къ себѣ, заботится только о себѣ, ему нельзя надѣяться на значительное улучшеніе своего положенія; что, такимъ образомъ, когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ класса, къ улучшенію своей классовой участи, ихъ личный интересъ не только не сталкивается съ историческимъ движеніемъ и не осуждается, благодаря этому, на безнравственность, но наоборотъ, совпадаетъ по своему направленію съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самимъ жизненнымъ началомъ исторіи, которое есть не что иное, какъ развитіе свободы [47]).

Далѣе, онъ называетъ буржуазное пониманіе цѣли государства идеей будочника, потому что онъ представляетъ себѣ государство только въ образѣ будочника, все назначеніе котораго состоитъ въ предупрежденіи разбоя и грабежа [48]); между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества есть призывъ къ примиренію, призывъ къ единенію, на который должны отозваться всѣ противники привилегій и угнетенія народа привилегированными сословіями; это—кличъ любви, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его и по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ любви, когда грянетъ браннымъ кликомъ народа.

Наконецъ, обвиняемый приглашаетъ своихъ слушателей предаться историческому развитію съ личною страстностью [49]) въ увѣренности, что

чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть, тѣмъ **нравственнѣе** [50]) **они** будутъ. Онъ говоритъ имъ, что высокое всемірно-историческое предназначеніе ихъ— стать господствующимъ сословіемъ, а потому отнынѣ имъ непристойно впадать въ пороки угнетенныхъ [51]), а мысль, что они—скала, на которой созиждется церковь настоящаго, должна овладѣть ихъ умами со страстною исключительностью, наполнить ихъ духъ и сдѣлать всю ихъ жизнь достойною сознанія, что они призваны возвысить принципъ своего сословія въ принципъ всего вѣка, сдѣлать свою идею руководящею идеею всего общества и, слѣдовательно, само общество своимъ образомъ и подобіемъ [52]); это должно внушить имъ поведеніе, достойное ихъ, соотвѣтственное ихъ назначенію, и они должны всегда имѣть въ виду [53]), что чѣмъ исключительнѣе отдадутся они этой мысли, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ ихъ страсть къ ней, тѣмъ скорѣе современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнутъ они этой цѣли [54]).

Въ заключеніе онъ предостерегаетъ ихъ противъ упадка духа и сомнѣній, къ которымъ легко можетъ привести проникнутое страстью отношеніе *) къ историческимъ событіямъ, недостаточно освѣщенное мыслью. Онъ напоминаетъ, что государственный переворотъ во Франціи въ декабрѣ 1851 г. ниспровергъ только буржуазную республику, уничтожившую всеобщее избирательное право и установившую, въ видахъ отстраненія отъ него работниковъ, замаскированный цензъ, т. е. желавшую наложить на республиканское государство господство капитала,—а не истинную республику, которая иначе нашла бы несокрушимый оплотъ въ груди французскаго работника. По мнѣнію обвиняемаго, и на этомъ примѣрѣ подтверждается, что историческій періодъ, въ который мы вступили съ февраля 1848 г., несовмѣстимъ съ государствомъ, стремящимся навязать обществу или сохранить въ немъ господствующій политическій принципъ третьяго сословія,—безразлично, дѣлается ли это въ формѣ монархической или республиканской [55]).

Такимъ образомъ, этими словами обвиняемый повторяетъ свое, высказанное выше мнѣніе, что періодъ господства капитала, въ **сущности**, уже закончился [56]), хотя видимость и говоритъ иное. И въ настоящее время есть уже много явленій, вскрывающихъ этотъ новый порядокъ вещей, который необходимо разовьется изъ нихъ [57]).

Если же **обратить вниманіе** на то, что обвиняемый, говоря о „революціонномъ по виду, но реакціонномъ по своей сущности и **потому** по-

*) Здѣсь, повидимому, опечатка: въ „Программѣ работниковъ“ соотвѣтственное мѣсто гласитъ: „зрѣлище“ (ср. 33 стр. настоящаго тома, предпослѣдняя строка снизу).

гибшемъ движеніи крестьянскихъ войнъ 1524 г.“, утверждаетъ, что истинно-революціонное движеніе, основанное на дѣйствительно-новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, по крайней мѣрѣ надолго [58]), что революція, разъ она находится внутри общества, не можетъ быть задержана никакими усиліями и необходимо должна выйти на свѣтъ божій и войти въ законодательство [59]); если принять во вниманіе [60]), что въ другомъ мѣстѣ онъ противопоставляетъ переворотъ, совершаемый народомъ, медленнымъ и несовершеннымъ реформамъ правительствъ [61]) и утверждаетъ, что побѣдоносная французская революція 1789 г. дала лишь правовую санкцію и признаніе значенію третьяго сословія, фактически пріобрѣтенному уже раньше [62]) и указываетъ дальше, что революція эта въ одинъ день, штурмомъ Бастиліи, достигла того, чего законнымъ путемъ тщетно добивались въ Германіи съ 1672 г., во Франціи съ 1614 г., т. е., почти въ теченіе 200 лѣтъ [63]), показываетъ [64]), что, при всѣхъ своихъ великихъ премуществахъ, путь легальныхъ преобразованій [65]) имѣетъ во всѣхъ болѣе важныхъ отношеніяхъ одно крупное неудобство, неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія, а что, съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои неоспоримыя невыгоды [66]), имѣетъ то преимущество, что быстро и энергично ведетъ къ практической цѣли [67]),—если сопоставить [68]) всѣ эти соображенія и примѣры, заимствованные обвиняемымъ изъ исторіи, которая, по его собственнымъ словамъ, вскрываетъ передъ нами смыслъ настоящаго и даетъ очертанія грядущаго [69]), съ выводами, которые онъ дѣлаетъ изъ нихъ, съ развитою въ лекціи идеей рабочаго сословія и ея связи съ современнымъ историческимъ періодомъ, съ задачей, выпавшей на долю этого періода, наступившаго съ февраля 1848 г.,—осуществить государственную идею рабочаго сословія [70]); если вспомнить при этомъ, что обвиняемый называетъ зарею новаго историческаго періода революцію во Франціи, этой „странѣ, могучая внутренняя борьба которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуетъ побѣды и пораженія всего человѣчества“ [71]); если принять все это во вниманіе, то выясняется тенденція лекціи обвиняемаго [72]), очевидная и несомнѣнная [73]), пробудить въ рабочемъ сословіи убѣжденіе [74]), что къ достиженію господства, къ осуществленію ихъ задачи, всего скорѣе и вѣрнѣе приведетъ ихъ революціонный путь [75]).

Но, понимаемая въ такомъ смыслѣ, [76]) лекція обвиняемаго способна подвергнуть опасности общественное спокойствіе [77]).

Чисто-научнымъ сочиненіемъ судъ не могъ признать лекціи обвиняемаго, хотя въ цѣломъ она носитъ такой характеръ [78]), ибо обвиняемый

не ограничился въ ней научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства отдѣльныхъ сословій въ теченіе вѣковъ, а сдѣлалъ отсюда практическіе выводы по отношенію къ рабочему классу [79]). Судъ [80]) призналъ себя компетентнымъ рѣшить этотъ вопросъ и отклонилъ предложеніе обвиняемаго о назначеніи экспертизы для опредѣленія строгой научности его лекціи, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о констатированіи степени научности или научнаго достоинства его произведенія, а только о томъ, носитъ ли это произведеніе исключительно-научный характеръ и не преступилъ ли онъ границы научности, [81]) въ нарушеніе уголовнаго закона. А это вполнѣ подлежитъ сужденію судьи [82]).

Тутъ имѣется налицо нарушеніе § 100 Уголовнаго Уложенія, ибо [83]):

1) Возбужденіе къ ненависти и презрѣнію обнаруживается, какъ въ обличеніи порочности высшихъ сословій [84]), подъ которыми разумѣются имущіе классы, и средствъ, которыми буржуазія сдѣлала капиталъ господствующимъ принципомъ общества, [85]) такъ и въ особенности изъ пріемовъ [86]) обвиняемаго сопоставлять [87]), формулировать [88]) и излагать результаты своихъ размышленій передъ публикой, не стоящей на той высотѣ просвѣщенія [89]) которая позволяла бы ей понимать научную сторону лекціи. Поэтому, такая, несомнѣнно, умышленно сдѣланная имъ, [90]) группировка историческихъ фактовъ [91]), необходимо должна возбудить въ подобной публикѣ ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ, когда ей разсказываютъ, какъ она, предназначенная быть господствующимъ сословіемъ, [92]) угнетается и презирается, [93]) какъ она лишена всякаго участія [94]) въ государственной власти и въ то же время непомѣрно, несправедливо обременена государственными тяготами [95]). Умышленность этого возбужденія [96]) явствуетъ изъ вышеупомянутой тенденціи обвиняемаго, который въ заключеніи своей лекціи самъ говоритъ, что считалъ бы великимъ пріобрѣтеніемъ и щедрымъ вознагражденіемъ за свою лекцію, если бы ему посчастливилось хотя бы только въ двоихъ или троихъ изъ слушателей зажечь нравственное пламя своей мысли [97]).

2) Публичность возбужденія доказывается мѣстомъ прочтенія лекціи.

3) Подданные государства возбуждаются ко взаимной ненависти и презрѣнію тѣмъ, что обвиняемый строго различаетъ двѣ опредѣленныя общественныя категоріи, а именно: классъ имущихъ гражданъ отъ всего неимущаго класса, лишеннаго буржуазнаго имущества, отъ рабочаго сословія [98]).

4) Наконецъ, очевидно, что лекціей подвергалось опасности обще-

ственное спокойствіе; законъ разумѣетъ подъ этимъ проступкомъ не активныя дѣйствія съ цѣлью нарушенія общественнаго спокойствія, а лишь косвенную угрозу ему, [99]) каковая и должна быть усмотрѣна, какъ въ прямомъ призывѣ [100]) обвиняемымъ рабочаго сословія со всѣмъ пыломъ страстей [101]) стать [102]) на защиту высказанныхъ имъ идей, развивать ихъ пламенно и страстно [103]) и отдаться имъ всѣми силами своей души, [104]) такъ и въ упомянутомъ выше указаніи [105]) его, что революціонный путь всего быстрѣе приводитъ къ цѣли [106]).

Посему признано фактически доказаннымъ,

что обвиняемый, 12 апрѣля 1862 года, въ Берлинѣ, своею лекціей „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія", въ собраніи Берлинскаго Союза ремесленниковъ, Ораніенбургскаго предмѣстья, публично возбуждалъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію и тѣмъ подвергнулъ опасности общественное спокойствіе.

Вслѣдствіе этого обвиняемый признанъ виновнымъ въ проступкѣ противъ § 100 Уголовнаго Уложенія.

При опредѣленіи наказанія принято въ соображеніе, что:

1) обвиняемый прочелъ свою лекцію въ собраніи рабочаго сословія, т. е. лицъ того самаго сословія, которое онъ возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ, и потому она могла имѣть болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ если бы была прочитана въ собраніи другихъ лицъ;

2) обвиняемый, при своемъ научномъ образованіи, не могъ не знать опаснаго вліянія своей лекціи; напротивъ, какъ это доказываетъ самый способъ его выраженій, онъ вполнѣ сознавалъ возможные результаты ея;

3) обвиняемый уже подвергался, въ 1849 году, наказанію за подобный же проступокъ, а именно: за возбужденіе милиціи къ насильственному сопротивленію ея обезоруженію.

Поэтому судъ призналъ необходимымъ подвергнуть обвиняемаго не денежному штрафу, а тюремному заключенію срокомъ на 4 мѣсяца.

Свою лекцію обвиняемый напечаталъ. Хотя брошюру, дословно содержащую ее, нельзя считать опубликованною, однако, въ виду того, что она заключаетъ въ себѣ фактъ, составляющій проступокъ противъ § 100 Уголовнаго Уложенія и что обвиняемый положительно призналъ цѣлью напечатанія ея намѣреніе обнародовать и распространить ее, слѣдовательно, имѣлъ въ виду совершить новое нарушеніе закона, то, на основаніи § 19 Уголовнаго Уложенія, постановлено уничтожить ее; послѣднее должно имѣть мѣсто тамъ, гдѣ брошюра будетъ найдена въ цѣляхъ распространенія.

Судебныя издержки возложены, на основаніи § 178 указа отъ 3 января 1848 г., на обвиняемаго.

Берлинъ, 16 января 1863 г.

Королевскій Городской Судъ, Отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ, Отдѣленіе VI, для проступковъ.

(Подп.) Пильхенъ, Колькъ, фонъ-Вульфенъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

1) Въ приговорѣ, объявленномъ на судѣ, въ этомъ мѣстѣ была такая фраза: „и произведенный впослѣдствіи домашній обыскъ—законность котораго, впрочемъ, въ высшей степени сомнительна—не обнаружилъ фактовъ, изъ которыхъ и т. д.“. Такимъ образомъ, судьи соглашаются съ моей жалобой на незаконность произведеннаго у меня обыска, находящейся при дѣлѣ. Съ этой жалобой я тщетно обращался къ королевскому оберъ-прокурору, отъ 28 іюня 1862 г. [1]). Вотъ это-то, единственное для меня благопріятное мѣсто во всемъ, объявленномъ на судѣ, приговорѣ, въ приговорѣ, объявленномъ въ окончательной формѣ, опущено.

2) Не мѣшало бы, однако, провѣрить и опровергнуть мои доказательства, о которыхъ самъ судъ упоминаетъ въ предшествующей фразѣ, а именно, что „признаки § 100 Уг. Улож. сюда не относятся“, — чего совершенно не было сдѣлано! Если судъ не считаетъ своею обязанностью въ мотивахъ къ приговору разбирать и опровергать доводы, приводимые защитой, то всякая рѣчь, произнесенная въ защиту обвиняемаго, говорится въ пустое пространство, и ее съ такимъ же успѣхомъ можно было бы и не говорить. Если судъ не въ состояніи опровергнуть этихъ доводовъ или не опровергаетъ ихъ, то обвиненіе голословно и юридически никоимъ образомъ не доказано!

Не опровергать доводовъ защиты — значитъ дѣлать защиту практически не дѣйствительной, считать ее не существовавшей и, такимъ образомъ, нарушать всѣ касающіеся ея законы. Но нужно ли удивляться тому, что судъ не обращаетъ вниманія на мои доводы, если онъ пренебрегаетъ и своими собственными доводами, совершенно отказываясь и сводя на нѣтъ во второй редакціи приговора важнѣйшія основанія того рѣшенія, которое было объявлено на судѣ? Рѣшеніе приговора, осужденіе, по здравому смыслу должно быть результатомъ, вытекающимъ изъ его

---

[1]) См. ниже, приложеніе къ этой статьѣ.

основаній, необходимымъ выводомъ изъ нихъ. Слѣдовательно, судъ долженъ установить основанія, прежде чѣмъ рѣшить, могутъ ли они привести къ осужденію или нѣтъ.

Авторы приговора думаютъ, повидимому, какъ разъ наоборотъ: главное дѣло осужденіе, разъ осужденіе рѣшено, — объ основаніяхъ много хлопотать не стоитъ! Основанія найдутся!

3) Какъ всѣ эти мѣста, пространно перепечатанныя въ приговорѣ, заранѣе опровергаютъ все то, что приговоръ и сейчасъ и дальше будетъ говорить о мнимомъ стремленіи лекціи водворить господство одного сословія (рабочаго) надъ прочими сословіями общества!

4) Фактически невѣрно! Я никогда не говорилъ о „господствѣ четвертаго сословія", а только о томъ, чтобы сдѣлать развитую идею четвертаго сословія руководящей государственной идеей, его принципъ— господствующимъ принципомъ. Я говорю, слѣдовательно, о господствѣ мысли, а не о господствѣ сословія, извѣстнаго класса лицъ, какъ утверждаетъ обвиненіе. Объ этомъ сказано въ защитительной рѣчи, а потому я здѣсь не стану больше распространяться о томъ же, такъ какъ и въ самомъ приговорѣ не придается никакого значенія тому, шла ли рѣчь о господствѣ четвертаго сословія. Дѣйствительно, мои слова цитируются судомъ какъ попало, то вѣрно, то невѣрно, приводятся то тутъ, то тамъ, въ правильномъ и въ перевранномъ видѣ. Мало того, то же самое продѣлывается и въ настоящей части приговора, которая, по собственному признанію суда, содержитъ въ себѣ лишь дозволительную часть моей лекціи.

5) Смотри замѣчаніе 4.

6) Вотъ какъ! Итакъ, все, что передавалось изъ моей лекціи до сихъ поръ, по свидѣтельству самого суда, вполнѣ дозволительно, должно быть признано „вполнѣ дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ!" Но вотъ судьи принимаются пожирать самихъ себя! Теперь они начинаютъ, какъ сейчасъ будетъ видно и какъ это ни невѣроятно, сызнова объявлять уже недозволительнымъ все, что до сихъ поръ признавали дозволительнымъ!

7) До сихъ поръ,—запомнимъ эти признанія!—по свидѣтельству самого суда, моя лекція все еще представляетъ „чисто-научное изложеніе!"

8) Опять не забудемъ отмѣтить этого признанія! До сихъ поръ моя лекція все еще находится подъ защитой 20 статьи конституціи!

9) А вотъ начинается преступное!

10) Этимъ „напротивъ того“ начинается переходъ къ преступному. „Мною овладѣла мысль!“—вотъ что преступно!

11) Я рѣшительно протестую противъ всякаго неточнаго цитированія. Яко-бы излагаемое здѣсь мѣсто находится на 24 страницѣ моей брошюры и дословно гласитъ: „Во вторыхъ, мы разсмотрѣли тотъ историческій періодъ, который начался французскою революціей въ концѣ прошлаго столѣтія. Свой принципъ - крупную буржуазную собственность или капиталъ онъ превратилъ въ привилегію, проникающую всѣ общественныя учрежденія и обусловливающую участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Но и этотъ періодъ, господа, въ сущности уже закончился, хотя видимость и говоритъ иное“. Я говорю, слѣдовательно, о періодѣ крупной буржуазной собственности или капитала, какъ принципа государственнаго господства, политическихъ привилегій, на подобіе трехкласснаго избирательнаго закона и т. д. Сведя все это мѣсто къ словамъ: „что этотъ періодъ господства буржуазной собственности въ сущности уже закончился“ и пропустивъ все остальное, а именно слова: „свой принципъ превратилъ въ... обусловливающую участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства“, приговоръ даетъ поводъ думать, что я будтобы сказалъ, что періодъ буржуазной собственности уже закончился, что собственности этой пришелъ конецъ и, такимъ образомъ, набрасываетъ на меня какую-то тѣнь коммунизма.

12) Такъ вотъ что преступно, согласно приговору; вотъ оно, это преступное „напротивъ того!“ Меня наказываютъ за то, что я думаю, что политическое господство буржуазной идеи внутренне уже закончилось! Какъ святая инквизиція въ Испаніи, какъ средневѣковые суды надъ еретиками осуждали невѣровавшихъ въ Іисуса Христа, такъ и меня въ XIX столѣтіи осуждаютъ за то, что я не вѣрю въ идею буржуазіи и въ ея долговѣчность! На самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть разница между тѣмъ и другимъ, въ особенности съ точки зрѣнія выше-приведеннаго мотива самого суда?

13) Но позвольте, господа судьи, вынесшіе мнѣ обвинительный приговоръ! Вѣдь, вы же сами выше признали это дозволеннымъ! Излагая дозволительную часть моей лекціи, вы передаете ее такъ: „24 февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода, такъ какъ въ этотъ день“ и т. д... „Такимъ образомъ, четвертое сословіе, въ 1789 г. еще таившееся въ нѣдрахъ третьяго и, повидимому, совпадавшее съ нимъ, возвысило свой принципъ въ господствующій принципъ общества и пропитало имъ всѣ его учрежденія“... „Формальнымъ средствомъ осуще-

ствленія этого принципа онъ считаетъ всеобщее и прямое избирательное право. Какъ онъ далѣе доказываетъ, только господство четвертаго сословія основано на идеѣ истинной нравственности" и т. д. Все это вы излагаете выше, какъ дозволительное содержаніе моей лекціи и заявляете положительно, что „до сихъ поръ лекцію, какъ ее понимаетъ обвиняемый со своей субъективной точки зрѣнія, необходимо разсматривать, какъ дозволительное историческое развитіе реальныхъ фактовъ". Далѣе, тамъ же вы все это признали, „чисто научнымъ изложеніемъ, находящимся подъ защитой 20 статьи конституціи". А теперь вы вдругъ объявляете то же самое, т. е. защищаемое мною убѣжденіе, что политическое господство буржуазной идеи съ точки зрѣнія всемірно-исторической миновало и что на долю современнаго историческаго періода выпала задача осуществить государственную идею рабочаго сословія, — недозволительнымъ, преступнымъ содержаніемъ моей лекціи, беззаконнымъ „напротивъ того", котораго уже не защищаетъ 20 статья конституціи!

14) Мимоходомъ замѣчу, хотя это и не представляетъ интереса съ точки зрѣнія уголовнаго закона, что я нигдѣ не говорилъ, будто „въ рабочемъ сословіи живо сознаніе, что оно предназначено сдѣлаться господствующимъ сословіемъ". Цитируйте точнѣе!

15) Все это уже было изложено выше, въ той части моей лекціи, которая была признана дозволительной. Ср. замѣч. 3.

16) Выше все это признано дозволеннымъ.

17) Позвольте! Это совершенная неправда! Вся эта фраза, отъ перваго слова до послѣдняго, **добавлена** приговоромъ къ моей брошюрѣ; въ моей лекціи нѣтъ ни слова изъ нея! Я **нигдѣ не** приглашалъ въ ней рабочее сословіе „принимать мѣры", ни такія, ни сякія, ни мирныя, ни немирныя! Во всей моей брошюрѣ ни разу не встрѣчается выраженія „принимать мѣры"! Точно также въ ней нѣтъ выраженія „рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права". Точно также въ брошюрѣ нѣтъ ни выраженія, ни даже понятія „въ скоромъ времени" („рабочее сословіе должно въ скоромъ времени принять мѣры"). Даже говоря объ объективномъ осуществленіи задачи современнаго міроваго періода, осуществленіи, котораго я ожидаю съ теченіемъ времени отъ самого всемірно-историческаго развитія, я всюду говорю, что оно должно совершиться въ теченіе цѣлаго всемірно-историческаго періода; этотъ процессъ долженъ, слѣдовательно, занять, приблизительно, такой же всемірно-историческій періодъ времени, какъ оба предыдущихъ періода — землевладѣнія и буржуазіи, изъ коихъ одинъ продолжался 500 лѣтъ, а дру-

гой 350. Мало того, въ заключеніе своей брошюры, па стр. 34. я еще разъ рѣшительно замѣчаю, что для такого всемірно-историческаго процесса одно или два десятилѣтія все равно, что часъ!“ И вотъ это-то судъ превращаетъ „въ принятіе въ скоромъ времени мѣръ“!!! Точно также я нигдѣ не призываю рабочаго сословія „добиваться юридическаго признанія своего господства“!!! Я нигдѣ, ни единымъ словомъ не призываю его къ какимъ бы то ни было дѣйствіямъ. Я призываю его только къ нравственности, нравственной строгости мысли, къ жизни, достойной сознанія, что современный историческій періодъ предназначенъ возвысить идею рабочаго сословія до господствующаго принципа общества [1]).

Такъ какъ въ моей брошюрѣ нѣтъ ничего преступнаго, то судъ самъ добавляетъ въ нее нѣчто преступное—фразу, которой въ ней совсѣмъ нѣтъ! Противъ этого, конечно, ничего не подѣлаешь!

Дѣло, повидимому, вотъ въ чемъ: правда, я нигдѣ не обмолвился ни словомъ, что „рабочее сословіе, фактически завоевавшее себѣ права, должно принять мѣры (да еще „въ скоромъ времени“ принять), для обезпеченія своему господству юридическаго признанія“. Если бы стали утверждать, что эта фраза имѣется у меня въ брошюрѣ, то это была-бы чпстѣйшая выдумка. Разсматривая средніе вѣка и французскую революцію 1789 г., я показываю (стр. 13—15), что эта революція только доставила правовую санкцію фактическому могуществу и значенію буржуазіи, пріобрѣтеннымъ ею въ два послѣднія столѣтія передъ революціей. Слѣдовательно,—разсуждаютъ за меня авторы приговора, залѣзая въ мою душу,—съ моей точки зрѣнія и „рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права, должно принять мѣры для обезпеченія своему господству юридическаго признанія“. Объ этомъ я ни словомъ не заикнулся. Но авторы приговора. справедливо или нѣтъ, полагаютъ, что прочли эту мысль въ глубинѣ моей души и караютъ меня не за то, что я сказалъ, а за то, что я, по ихъ соображеніямъ, вѣроятно, думаю въ глубинѣ души. Но судъ не имѣетъ никакого права такъ залѣзать въ душу человѣка! Да, вѣдь, это еще хуже средневѣковыхъ религіозныхъ процессовъ! Тогда по большей части довольствовались, по крайней мѣрѣ, судомъ надъ тѣмъ, что обвиняемый свидѣтельствовалъ своими устами, слѣдовательно, все-таки судили его за сказанное и, за исключеніемъ инквизиціонныхъ судилищъ, не пытались уловлять его мыслей.

Но нѣтъ, даже и святая инквизиція все-таки, въ концѣ концовъ,

---

[1]) См. стр. 33.

держалась засвидѣтельственнаго устами, такъ что приговоръ перещеголялъ и ее. Св. Тулузскій соборъ, при папѣ Григоріи IX, въ 1233 г. постановилъ, чтобы жители, заподозрѣнные на основаніи тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ или рѣчей въ ереси, были принуждаемы исповѣдывать свои вѣрованія, поклявшись предварительно, что будутъ говорить правду,—если они не хотѣли подвергнуться наказанію, какъ еретики (см. постановленія Тулузскаго собора въ 28 томѣ „Collect. reg., Raynaldi“, ann. 1233, № 58 и Fleury „Hist. eccles.“, I, 80, № 25). Даже по инструкціямъ испанской инквизиціи заподозрѣнному обвиняемому обязаны были предлагать сперва отречься отъ всѣхъ ересей и особенно отъ той, въ которой его подозрѣвали, и только, въ случаѣ отказа съ его стороны, осуждали его какъ еретика (см. Льоренте, „Исторія испанской инквизиціи“, т. I, раздѣлъ IV и II). Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, все же придерживались показаній самого подозрѣваемаго, и ему предоставлялось на выборъ доказать клятвой, что соображенія о его задушевныхъ убѣжденіяхъ были ошибочны. Мнѣ же судьи не оставляютъ даже выбора и немедленно осуждаютъ на основаніи того, что высмотрѣли, по ихъ мнѣнію, въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ моей души!

Притомъ это соображеніе, основанное на аналогіи съ тѣмъ, что я тамъ сказалъ о революціи третьяго сословія 1789 г., точно также совершенно ложно и легкомысленно, и вотъ почему:

a) Рабочее сословіе въ настоящее время, какъ я позволю себѣ замѣтить скорѣе въ качествѣ историка, чѣмъ какъ обвиняемый, еще далеко не обладаетъ тою фактическою силой и значеніемъ, какое въ 1789 г. составляло удѣлъ французской буржуазіи.

b) Я самъ показалъ въ своей лекціи, что буржуазія цѣлыхъ 350 лѣтъ добивалась правового признанія для своего фактическаго могущества, начало котораго я отношу къ первымъ годамъ XVI столѣтія. Мало того, даже добившись, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, преобладающаго положенія въ обществѣ, она безъ малаго черезъ сто лѣтъ только окончательно достигла своей цѣли.

Какова нынѣшняя фактическая сила рабочаго сословія, объ этомъ я не обмолвился ни единымъ словомъ. Итакъ, не думаетъ ли быть можетъ судъ наказать меня за то, что я, по его предположеніямъ, замышляю революцію въ будущемъ столѣтіи или въ 1890 году? Однако, нѣтъ. Надо сознаться, что авторы приговора прекрасно знаютъ условія осужденія. Въ добавленной ими къ моей брошюрѣ фразѣ они открыли не только „принятіе мѣръ“, но даже „принятіе мѣръ въ самомъ скоромъ времени“!

с) Приговоръ совершенно упускаетъ изъ виду, что въ своей брошюрѣ я положительно опредѣляю, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, современный историческій періодъ выполнитъ свою задачу. Сказавъ, что бумагопрядильная машина, изобрѣтенная Аркрайтомъ въ 1775 г., „воплощала въ себѣ полный переворотъ всего общественнаго строя", была „полной революціей" [1]), я, въ связи съ этимъ, говорю далѣе:

„Такъ и теперь, господа, если я не ошибаюсь, есть уже много явленій, содержащихъ въ себѣ новый порядокъ вещей и долженствующихъ необходимо развить его изъ себя. Явленія эти по внѣшности совершенно безобидны, такъ что даже власти, неутомимо преслѣдующія какихъ-нибудь ничтожныхъ агитаторовъ, не только проходятъ мимо нихъ, ничего не подозрѣвая, но даже признаютъ ихъ необходимыми носителями нашей культуры, привѣтствуютъ ихъ, какъ цвѣтъ и апогей ея, и при случаѣ восхваляютъ и славятъ ихъ въ торжественныхъ спичахъ" [2]).

Но то, что привѣтствуется самими властями, не должно же необходимо вести непремѣнно къ насильственной революціи, къ революціи съ вилами. Оно можетъ также хорошо и даже еще лучше совершить свое дѣло вполнѣ мирнымъ путемъ, подобно бумаго-прядильной машинѣ въ Англіи. Ср. объ этомъ мою защитительную рѣчь, стр. 70—74, и тамъ же цитату изъ профессора Губера. Подробности же смотри въ устныхъ преніяхъ.

Зачѣмъ же авторы приговора, такъ тщательно собирающіе всѣ малѣйшія выраженія мои, которыя, по ихъ его мнѣнію, могутъ вызвать представленіе о „принятіи мѣръ", прямо-таки сознательно закрываютъ глаза именно на это мѣсто, гдѣ я такъ ясно и открыто говорю о мирнымъ соціальномъ прогрессѣ.

Ахъ, господа, господа!

Наконецъ, если бы въ моей брошюрѣ и была та присочиненная вами фраза, что „рабочее сословіе, фактически завоевавшее себѣ права, должно въ самомъ скоромъ времени принять мѣры для достиженія юридическаго признанія своего господства", то меня можно было бы, конечно, обвинить въ призывѣ къ революціи (§§ 61, 62 и 65 Уг. Улож.). Но развѣ меня въ этомъ обвиняютъ? Развѣ меня за это осудили? Меня обвинили и осудили по § 100, „за возбужденіе къ ненависти и презрѣнію!" А къ этому проступку даже и присочиненная вами фраза не имѣетъ ровно

---

1) См, стр. 12.
2) См. стр. 14.

никакого отношенія! Даже въ этой, выдуманной фразѣ нѣтъ ничего, что могло бы „возбуждать къ ненависти или презрѣнію“. Въ своей защитительной рѣчи [1]) я нѣсколько разъ доказывалъ, что, мотивируя мою виновность, обвинительный актъ приписываетъ мнѣ совершенно не тѣ проступки, въ которыхъ обвиняетъ меня и противъ которыхъ я могу поэтому защищаться.

Но, несмотря на это, судъ выдумываетъ фразу, которой нѣтъ въ моей брошюрѣ и осуждаетъ меня за нее, между тѣмъ какъ за эту фразу я долженъ былъ бы подлежать гораздо болѣе тяжкому обвиненію, чѣмъ за возбужденіе ненависти и презрѣнія къ имущимъ,—обвиненію въ подстрекательствѣ къ революціи противъ государственнаго строя.

Если полагаютъ, что моя лекція призывала рабочее сословіе къ революціи, какъ доказываетъ выдуманная фраза, то въ такомъ случаѣ судъ былъ не компетентенъ, и я долженъ былъ бы подлежать высшему государственному суду, чего я въ такомъ случаѣ и требую. Во всякомъ случаѣ, я не могу быть осужденъ въ силу статьи закона, къ которой даже присочиненная судомъ фраза не имѣетъ ровно никакого отношенія.

18) Вотъ какъ: „явствуетъ!“ „Изъ пріемовъ обвиняемаго явствуетъ и пр.“. Итакъ, сами авторы приговора сознаются, что этой фразы они въ моей брошюрѣ нигдѣ не читали, что ея въ ней вовсе нѣтъ! Но должно „явствовать“, что она лежитъ въ глубинѣ души моей, и дальнѣйшія разсужденія представляютъ собою чтеніе въ чужой душѣ на предметъ ея извлеченія оттуда!

19) Между прочимъ, это неправда! Въ своей лекціи я не говорилъ и не упомянулъ ни единымъ словомъ о „злоупотребленіяхъ“ господства буржуазіи. Это слово и эта мысль совершенно чужды моей брошюрѣ. Изложенный въ ней взглядъ мой на исторію совершенно не позволялъ мнѣ говорить о злоупотребленіяхъ какъ со стороны средневѣковой аристократіи, такъ и со стороны современной буржуазіи. Для меня, какъ я это самымъ тщательнымъ образомъ повсюду, въ любой строкѣ своей брошюры отмѣчаю и доказываю, оба эти періода и ихъ учрежденія являются необходимымъ осуществленіемъ лежащихъ въ ихъ основѣ принциповъ. О злоупотребленіи здѣсь даже и рѣчи быть не можетъ! Главная цѣль моей брошюры—доказать, что въ обоихъ мировыхъ періодахъ всѣ учрежденія даже и не могли быть иными, что учрежденія эти съ желѣзною необходимостью вытекали изъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ этихъ

[1]) См. стр. 74—76, 67—69.

періодовъ; да и сами принципы, въ свою очередь, были лишь необходимыми постепенными стадіями развитія духа. Еще въ своей защитительной рѣчи [1]) я рѣшительно и настойчиво доказывалъ это. Все напрасно! Авторы приговора продолжали себѣ спокойно говоритъ о „злоупотребленіи господствомъ со стороны буржуазіи", въ чемъ я, будто бы, упрекаю ее!

Ну, понятно! Значительная доля вины за осужденіе падаетъ на неспособность судей уразумѣть философскій взглядъ на исторію!

20) Однако, господа! выше вы сами, вѣдь, признали все это совершенно дозволительнымъ! Подумайте же! Выше вы сами такъ излагали мою лекцію: „Ея основное начало, буржуазное имущество, сдѣлалось господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, и буржуазія, дѣйствуя совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила на всѣ общественныя учрежденія особенный специфическій отпечатокъ своего исключительнаго принципа, буржуазнаго имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Обвиняемый находитъ тутъ полную параллель между дворянствомъ и буржуазіей". Во всемъ этомъ заключается, по вашему, „злоупотребленіе", въ которомъ я упрекаю буржуазію. И все это вы затѣмъ признали „вполнѣ дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ", „чисто научнымъ изложеніемъ", которое къ тому же еще „находится подъ защитой 20 статьи конституціи". А теперь вы вдругъ объявляете то же самое преступнымъ. Излагая преступную часть моей лекціи, вы снова повторяете совершенно то же самое, что раньше привели въ дозволительной части? Ахъ, господа, господа!!!

21) Однако, опомнитесь, господа! Вѣдь это самое объясненіе преимуществъ идеи рабочаго сословія и ея господства вы, вы сами, признали выше совершенно дозволительнымъ! Вы говорите: „Далѣе онъ доказываетъ, что господство четвертаго сословія основано только на идеѣ истинной нравственности и вызоветъ такой расцвѣтъ нравственности, культуры и науки, какого не бывало еще въ исторіи", и далѣе: „Государство, при господствѣ въ немъ рабочаго сословія, съ совершенною ясностью и вполнѣ сознательно стало бы служить этой своей нравственной сущности и добровольно, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ (въ моей брошюрѣ, на стр. 32 сказано: съ полнѣйшей послѣдовательностью) выполняло бы то, что до сихъ поръ лишь скудными клочками исторгалось у сопротивляющихся этому; это необходимо вызвало бы такой прогрессъ ума, такую сумму счастія, просвѣ-

---

[1]) См. стр. 60 и 68.

щенія, благосостоянія и свободы, какихъ еще не видала всемірная исторія и т. д.“

И прямо, непосредственно послѣ этихъ послѣднихъ словъ вы же сами заявляете, что до сихъ поръ въ нихъ все дозволительно, все строго-научно, все пользуется защитой 20 статьи конституціи! И все-таки, несмотря на это, оказывается, что изъ этого объясненія преимуществъ идеи рабочаго сословія, какъ руководящей государственной идеи, явствуетъ моя преступность! Откуда берется это постоянное самоуничтоженіе, это самопожираніе на каждомъ шагу, которое было бы чрезвычайно смѣшно, если бы дѣло не было такъ серьезно? Объясняется же все это весьма просто: сначала судъ разсматривалъ сказанное мною, какъ сказанное и, какъ таковое, находилъ все это совершенно дозволительнымъ и чисто-научнымъ. Теперь же, занимаясь заглядываніемъ въ чужую душу, онъ не разсматриваетъ сказаннаго болѣе какъ сказанное, а какъ лѣстницу для залѣзанія въ мою душу и для обнаруживанія моихъ сокрытыхъ тамъ недозволенныхъ мыслей (что за contradictio in adjecto!). Такимъ-то образомъ, при такомъ заглядываніи въ душу, все дозволенное въ лекціи превращается въ недозволенное!

22) Позвольте! Опять вы вынуждены говорить... „вещь, которой нѣтъ“, по выраженію турокъ. Такъ какъ вы сами чувствуете, что изображенія „злоупотребленій“ господства буржуазіи и преимуществъ идеи рабочаго сословія недостаточно для васъ, то вы попрежнему,—см. замѣч. 17,—вынуждены вкратцѣ повторить присочиненную вами къ моей лекціи фразу, что я призывалъ будто-бы рабочее сословіе къ осуществленію его государственной идеи. Но посмотрите же, какъ вы поступаете, какъ вы изворачиваетесь и извиваетесь! Выше вы сказали, что я призывалъ рабочее сословіе „принять мѣры для достиженія юридическаго признанія за своимъ господствомъ“. Вслѣдъ затѣмъ вы сознались, что я этого, конечно, не говорилъ, но что это „явствуетъ“ изъ моихъ пріемовъ при изображеніи злоупотребленій господства буржуазіи и преимуществъ господства рабочаго сословія и изъ моего, обращеннаго къ рабочему сословію, призыва осуществить присущую ему государственную идею“. Но если бы я „призывалъ“ рабочее сословіе осуществить эту идею, тогда не зачѣмъ было бы прибѣгать къ своему „явствуетъ“, что я, будто бы, призывалъ его: тогда было бы, что я просто призывалъ его къ этому! Но такъ какъ вы сами видите, что въ моей лекціи нигдѣ нѣтъ такого призыва, вы и хотѣли сдѣлать его—путемъ умозаключеній—„явствующимъ“. А отсюда уже должно было „явствовать“, что призывъ этотъ находится въ лекціи!

Но въ моей лекціи,—см. замѣч. 17 и 18,—нѣтъ никакихъ такихъ призывовъ. Я нигдѣ не призывалъ рабочаго сословія „осуществлять присущую ему государственную идею“, такъ какъ, согласно всему своему философскому взгляду на исторію, я всюду доказываю, что идея эта должна осуществиться сама собою, объективнымъ путемъ, путемъ историческаго развитія, и субъективные призывы, по моему, нисколько не могутъ, способствовать этому осуществленію. Съ моей точки зрѣнія призывъ трибуна также безсиленъ дать историческому періоду какое либо содержаніе, или преждевременно осуществить его, какъ мое дуновеніе не въ силахъ вызвать бурю на морѣ! Я только объяснилъ рабочему сословію процессъ, совершающійся самъ собою, только показалъ ему значеніе историческаго періода, въ которомъ мы уже живемъ; но ни къ чему, совершенно ни къ чему на свѣтѣ не призывалъ его, кромѣ какъ къ нравственности! Я доказывалъ работникамъ, что познаніе назначенія современнаго историческаго періода—сдѣлать принципъ ихъ сословія господствующимъ принципомъ общества—должно обязать ихъ къ совершенно иному образу дѣйствій, обязать къ чистѣйшему нравственному поведенію! Соотвѣтственное мѣсто брошюры находится на стр. 33 и дословно гласитъ: „Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ,—все это теперь недостойно васъ. Вы скала, на которой созиждется церковь настоящаго. Пусть эта мысль во всей своей высоко-нравственной строгости со страстною исключительностью овладѣетъ вашими умами, пусть она наполнитъ вашъ духъ и пусть ваша жизнь будетъ достойна ея, сообразна съ нею и всегда проникнута ею. Пусть нравственная строгость этой мысли никогда не покидаетъ васъ, ни въ мастерской за работой, ни въ часы досуга, ни на прогулкахъ, ни на сходкахъ, и даже когда вы ложитесь на ваше жесткое ложе, пусть и тамъ она наполняетъ и занимаетъ собою вашу душу, пока вы не забудетесь сномъ. Чѣмъ исключительнѣе углубитесь вы въ нее, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ ваша страсть къ ней, тѣмъ скорѣе, повѣрьте, современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнете вы этой цѣли“. Это—самый чистый призывъ къ нравственности, къ осмысленному существованію, съ какимъ когда-либо философія обращалась къ массамъ! Гретхенъ Гёте сказала бы объ этомъ:

„Намъ это патеръ также объясняетъ,
Немного лишь въ другихъ словахъ“.

Это восторженныя рѣчи, продуктъ восторженной души! Это призывъ къ работникамъ путемъ саморазвитія, нравственнаго совершенствованія и самоуглубленія сдѣлать самихъ себя, всю свою жизнь, достойными времени, въ которое мы живемъ. Это самый могучій призывъ, съ какимъ когда-либо обращалась философія! Ибо работникъ не можетъ заниматься саморазвитіемъ, какъ пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга. Такой призывъ къ просвѣщенію не тронулъ бы и не могъ бы тронуть его! Онъ только тогда можетъ предаться страсти къ просвѣщенію, къ развитію мысли, чему такъ препятствуетъ его общественное положеніе, когда сознаетъ, что это просвѣщеніе будетъ для него не пріятнымъ времяпровожденіемъ, а условіемъ всего его положенія и значенія въ современной исторіи, условіемъ всего его существованія!

Итакъ, я призывалъ работниковъ къ саморазвитію, я призывалъ ихъ, слѣдовательно, возвыситься до своего времени и, насколько просвѣщеніе рабочаго сословія способствуетъ „осуществленію“ присущей ему государственной идеи, настолько я, дѣйствительно, призывалъ каждаго изъ нихъ „осуществить“ ее въ своей индивидуальной личности. И вотъ этотъ-то призывъ къ нравственности и просвѣщенію признается преступленіемъ? Что же? Нужно, чтобы рабочее сословіе не просвѣщалось? Нужно, чтобы масса оставалась груба, животна, невѣжественна, чтобы удобнѣе было управлять ею? Пусть такъ. Но дѣло ли судебнаго приговора требовать этого? Въ такомъ случаѣ, пусть государство сначала уничтожитъ школы и издастъ законъ, гласящій: „Рабочіе классы должны оставаться необразованными“. Тогда поговоримъ объ этомъ!

Да и наконецъ, если бы я даже „призывалъ рабочее сословіе къ осуществленію присущей ему государственной идеи“,—развѣ авторы приговора не понимаютъ, не видятъ, что одного этого совершенно недостаточно, что кромѣ того необходимо было бы прибавить еще одинъ критерій: къ осуществленію „преступными средствами“? Какъ же они думаютъ? Развѣ тѣмъ рабочимъ нельзя было бы осуществлять этого, напр., посредствомъ избирательной урны, посылая въ законодательный корпусъ людей, раздѣляющихъ эти воззрѣнія?

23) Выше все это было уже признано дозволительнымъ.

24) Ахъ, господа, господа! Все это вы, вѣдь, выше объявили вполнѣ дозволительнымъ. Въ своемъ изложеніи содержанія брошюры вы говорите, что „буржуазія, поступая совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила теперь на всѣ общественныя учрежденія господствующій и особенный отпечатокъ

своего исключительнаго принципа — богатства или капитала, отпечатокъ своей привилегіи". Все это вы потомъ признали дозволительнымъ и чисто-научнымъ! Если же это дозволительно сказать, то дозволительно и доказать. Тѣмъ и отличается наука отъ фразерства, что послѣднее остается при общихъ мѣстахъ, тогда какъ первая приводитъ конкретныя доказательства. Если дозволительно показать, какъ я это дѣлаю въ своей брошюрѣ на стр. 3—4, что дворянство, какъ всякое господствующее сословіе, присвоило себѣ податную привилегію и старалось взвалить государственныя тяготы на угнетенные классы и если, какъ это подтверждается въ самомъ приговорѣ, дозволительно, далѣе, сказать, какъ я это дѣлаю въ своей брошюрѣ на стр. 20, что буржуазія поступаетъ со своимъ принципомъ—капиталомъ, совершенно такъ же, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, и наложила на всѣ общественныя учрежденія исключительный отпечатокъ этой своей привилегіи,—если все это дозволительно было сказать, то дозволительно и показать, что и относительно податной льготности буржуазія поступила такъ же, какъ дворянство. Но вы, вѣдь, сами знаете и говорите это, ибо прямо послѣ приведенной подъ конецъ выдержки изъ вашего приговора, вы такъ продолжаете: „Далѣе обвиняемый доказываетъ, что въ данномъ случаѣ между дворянствомъ и буржуазіей существуетъ полная параллель", а послѣ говорите, что все изложенное до сихъ поръ, значитъ и эта параллель, есть „вполнѣ дозволительное изображеніе историческаго развитія реальныхъ фактовъ" и „чисто-научно".

Тамъ вы признаете дозволительнымъ, то что „обвиняемый доказываетъ", а тутъ объявляете самое это доказательство преступнымъ! Если бы вы приводили мои слова подлинно, вамъ пришлось бы оба раза привести одну и ту же страницу 20. Но вы въ одномъ мѣстѣ просто говорите: „тутъ обвиняемый доказываетъ, что... существуетъ полная параллель" и для краткости справедливо не приводите этой параллели въ подробности, а въ другомъ мѣстѣ вы эту, по вашему, дозволительную параллель передаете пространно и объявляете ее преступною! Вся разница въ вашихъ передачахъ этой страницы моей брошюры состоитъ въ томъ, что въ первый разъ вы опускаете цифры, а во второй—приводите ихъ. Вѣроятно, преступность кроется въ этихъ цифрахъ, взятыхъ изъ отчета о государственномъ бюджетѣ!

О, судьи, судьи! Истинно говорю вамъ, трудно сохранить съ вами спокойствіе и снисходительность! Съ мужествомъ льва пожираете вы строка за строкой собственные члены свои, лишь бы только осудить меня! Но и

на этотъ разъ это вавилонское столпотвореніе, это безпрестанное самоотрицаніе разрѣшается такъ же просто, какъ въ 21 замѣчаніи. Выводъ этотъ, если разсматривать его просто, какъ сказанный, оказывается совершенно дозволительнымъ. Но страшныя преступленія открываются въ немъ, если взглянуть на него, какъ на ступень и орудіе пытки, предназначенныя для проникновенія въ душу обвиняемаго и выпытыванія изъ него, какія еще иныя мысли могутъ быть у человѣка, который говоритъ подобныя вещи про косвенные налоги!

25) Скажите! Только я ихъ такъ называю? Подробнѣе см. объ этомъ въ устныхъ преніяхъ.

26) Все это правда или неправда? Какъ по вашему?

Моя критика косвенныхъ налоговъ составляетъ главное основаніе осужденія. Въ первой редакціи приговора было даже сказано, что обвиняемый „во многихъ отношеніяхъ приводитъ доказательства, лишенныя научной логики, иначе отъ его вниманія не ускользнуло бы, что все, сказанное имъ о косвенныхъ налогахъ, въ дѣйствительности обстоитъ не такъ, какъ онъ говоритъ и что бремя этихъ налоговъ ложится на бѣднѣйшіе классы не такъ, какъ утверждаетъ обвиняемый“.

Такова была отвага судей, что они рѣшились признать невѣрнымъ то, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ. Однако, въ промежутокъ времени между объявленіемъ приговора въ первоначальной и окончательной формѣ, они отказались отъ этого.

Повидимому, они какъ-то убѣдились въ невозможности утверждать такую вещь и поэтому въ окончательной редакціи приговора нѣтъ этой фразы! Но это не исправило, а даже ухудшило дѣло!

Пока авторы приговора думали, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ не вѣрно, они могли еще такъ разсуждать: такъ какъ это не вѣрно и я самъ долженъ былъ знать, что это не вѣрно, то сказано это было мною только для подстрекательства.

Но съ того момента, какъ сами судьи убѣдились, что моя, еще слишкомъ мягкая, критика косвенныхъ налоговъ вполнѣ объективна, и потому принуждены были выбросить ту свою фразу,—съ этого момента мой разборъ косвенныхъ налоговъ уже навѣрное становится только „дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ“ и „чисто научнымъ разборомъ“.

Однако, несмотря на это, и во второй, объявленной въ окончательной формѣ, редакціи приговора мой разборъ косвенныхъ налоговъ остался главнымъ основаніемъ осужденія. Приговоръ неоднократно воз-

вращается къ нему, приводитъ соответственныя мѣста изъ моей брошюры и всюду выставляетъ его главнымъ предметомъ преступленія! Подробности см. въ словесныхъ преніяхъ. Здѣсь же я позволю себѣ предложить вамъ только еще одинъ вопросъ: Какъ? Богу, монархіи и аристократіи можно ежедневно подвергаться критикѣ и только косвенныхъ налоговъ нельзя критиковать, только про нихъ нельзя сказать, что они несоразмѣрно обременяютъ бѣдные классы, несоразмѣрно облегчаютъ крупный капиталъ? Самъ приговоръ представляетъ собою изумительное подтвержденіе проведенной мною параллели между средневѣковымъ господствомъ дворянства и современнымъ господствомъ капитала! Господствующій капиталъ не допускаетъ противъ себя даже критики! До этого дворянство въ средніе вѣка не доходило!

27) Только „по его словамъ"? А не и re vera [1])? Въ первой редакціи приговора прямо отрицалась вѣрность моихъ словъ о косвенныхъ налогахъ [2]); во второй—это смягчено въ томъ смыслѣ, что сказанное мною о нихъ представлено, какъ мое личное утвержденіе, не рѣшая, вѣрно оно или нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ объ обвиненіи, вѣдь, не можетъ быть и рѣчи!

28) Вѣрно это или нѣтъ? См. объ этомъ въ устныхъ преніяхъ.

29) Повидимому, это васъ очень удивляетъ, господа, такъ какъ вы дважды приводите въ ковычкахъ этотъ, заявленный мною, историческій фактъ. Но что же мнѣ дѣлать, если вы не знаете исторіи? См. устныя пренія.

30) Правда или нѣтъ? Смѣю я критиковать косвенные налоги или не смѣю?

31) Тутъ вы опять въ пылу усердія, желая уличить меня въ неправдѣ или преувеличеніи, говорите „вещь, которой нѣтъ". На стр. 22 своей брошюры я говорю дословно: „Общая сумма доходовъ государства простиралась въ этомъ (1855) году, круглымъ счетомъ, до 108.930.000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11.967.000 талеровъ дохода съ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, т. е. съ имуществъ, которыя не входятъ въ наши соображенія. Остается, слѣдовательно, около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ". Изъ этихъ 97 мил., доказываю я, надо выключить 12.800.000 талеровъ, доставляемыхъ прямыми налогами, какъ и нѣсколько мелкихъ статей, занимающихъ особое положе-

---

[1]) Въ дѣйствительности.
[2]) См. предыдущее замѣчаніе.

ніе; все остальное приходится на косвенные налоги [1]). Какъ видите, хотя въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о лекціи, я слишкомъ старателенъ и добросовѣстенъ, чтобы утверждать, что на долю косвенныхъ налоговъ приходятся всѣ 108 милліоновъ дохода; я говорю это только о 97 милліонахъ, остающихся за вычетомъ изъ нихъ дохода съ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ. Отчего же вы, господа, усердствующіе судьи, не соблюдаете такой же тщательности и точности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ человѣка? Зачѣмъ вы возводите на меня небылицы?

32) Поразительная забывчивость! Всю эту параллель между податными льготностями дворянства и буржуазіи и „выводы“ изъ нея вы, вѣдь, признали дозволенными и весьма научными [2])!

33) Правда или нѣтъ? Развѣ финансовая статистика есть преступленіе?

34) Неужели народъ узнаетъ это впервые отъ меня? Развѣ онъ не знаетъ этого гораздо лучше изъ собственнаго опыта? А комедіи? А народныя пословицы? Вѣдь, тысячи ихъ говорятъ о томъ же!

И притомъ все это относится, вѣдь, къ параллели между дворянствомъ и буржуазіей, которая признана вами дозволительной, къ дозволеннымъ вами „выводамъ“ изъ нея! См. замѣч. 20 и 24. Какъ вы забывчивы, господа!

35) Т. е. все то же, что вы выше признали дозволительнымъ (замѣч. 20 и 24)! Тутъ нѣтъ ни одного слова, которое не прошло бы передъ вами дважды, сначала какъ дозволительное, а потомъ какъ заслуживающее наказанія!

36) Я не смѣю даже отдавать предпочтенія обученію, которое велось средневѣковымъ духовенствомъ передъ обученіемъ путемъ газетъ? До чего вы доходите!

37) Какое тяжкое обвиненіе! Вотъ что значитъ не вѣрить въ „Народную Газету“ и въ „Національную Газету“!

38) Господа! Такое смѣшеніе очень серьезно; оно сдѣлано не спроста! Забывайте, сколько угодно, свои собственныя слова, топчите ихъ, выдѣлывайте съ ними, что угодно, хоть глотайте ихъ! Это ваше дѣло. Но мои слова прошу не переиначивать, не передѣлывать въ совершенно противоположныя! А вы это-то и дѣлаете. Я нигдѣ не говорю этого о „классѣ имущихъ“; я говорю какъ разъ противоположное! Я никогда не говорилъ этого про „классъ имущихъ“, а только про буржуазію, притомъ

---

[1]) См. стр. 22.

[2]) См. стр. 110—111 и 112, а также замѣчаніе 24.

именно съ оговоркой и строго опредѣляя значеніе этого слова. Я говорилъ что разумѣю подъ нимъ не классъ имущихъ вообще, а только тѣ личности, которыя хотятъ посредствомъ трехкласснаго избирательнаго закона, ценза [1]), обратить фактъ обладанія имуществомъ въ правовое условіе политической власти. Какъ вы ни забывчивы, но этого вы не могли проглядѣть, потому что я особенно настаивалъ на этомъ опредѣленіи, выставилъ его основаніемъ всего своего изложенія и слишкомъ часто повторялъ его. Наконецъ, я обратилъ на него особенное вниманіе и въ своей защитительной рѣчи [2]), цитировалъ относящіяся сюда мѣста изъ брошюры и объяснялъ ихъ. Слѣдовательно, вы не могли проглядѣть всего этого. Но понятно! Если подъ словомъ буржуазія я разумѣлъ только личности, желающія превратить капиталъ въ правовое условіе политической власти, то я нападалъ, значитъ, только на политическій принципъ, а не на какой-нибудь классъ подданныхъ государства! Нельзя, вѣдь, опредѣленно указать, желаютъ ли въ Пруссіи, и кто именно, сохраненія трехкласснаго избирательнаго закона! Для моего же осужденія требуется, чтобы я нападалъ на какой-нибудь классъ подданныхъ государства. И вотъ, не долго думая, пишутъ вмѣсто буржуазія—классъ имущихъ, хотя это выраженіе какъ разъ противоположно моему опредѣленію слова „буржуазія“!

39) А каковъ же, по вашему, результатъ трехкласснаго избирательнаго закона? И не признали ли вы все это дозволительнымъ историческимъ разборомъ? Загляните на стр. 91 и 93: признали ли вы или нѣтъ?

40) Опять вещь, которой нѣтъ! Я не говорю ни слова о томъ, чтобы „она лишала ихъ средствъ къ образованію“, я совсѣмъ не говорю объ этомъ. Проводя историческую параллель между дворянствомъ и буржуазіей, я только говорю, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей привилегіи еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство. Я говорю, что въ средніе вѣка обученіе народа было въ рукахъ духовенства, а теперь за него взялись газеты. Но залоги и штемпельный сборъ дѣлаютъ изданіе газеты возможнымъ только при значительномъ капиталѣ, вслѣдствіе чего самая возможность влiять на народное мнѣніе, просвѣщать его и руководить имъ сдѣлалась привилегіей крупнаго капитала. Слѣдовательно, я говорю о томъ, что возможность просвѣщать другихъ, руководить образованіемъ народа, влiять на него, создавать политическое мнѣніе страны поставлены

---

[1]) См. стр. 16—17.
[2]) См. стр. 65—69.

въ зависимость отъ обладанія капиталомъ. Вы же искажаете мои слова и увѣряете, будто я сказалъ, что имущіе классы лишили работниковъ средствъ заниматься саморазвитіемъ! Увѣряю васъ, гг. судьи, я предпочитаю просидѣть въ тюрьмѣ четыре мѣсяца и даже четыре года, чѣмъ заниматься, подобно вамъ, по обязанности службы, умышленнымъ извращеніемъ чужихъ словъ, приписываніемъ людямъ фразъ, которыхъ они никогда не говорили,—чтобы, такимъ образомъ, подыскать если не убѣдительные доводы, то хотя бы какую нибудь мотивировку для осужденія! Подумайте только, который уже разъ я ловлю васъ на этомъ!

41) Опомнитесь, господа! Вѣдь это „изображеніе" есть то самое, которое вы признали выше, „разсматривая его съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго, дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ", болѣе того, даже такимъ, которое „должно быть признано чисто-научнымъ изложеніемъ" и находится подъ защитой 20 статьи конституціи!

42) См. замѣч. 29.

43) Развѣ я не имѣю права критиковать непрямую систему выборовъ?

44) Но, вѣдь, это сказано еще Руссо, Фихте, который уже офиціально признанъ и еще недавно прославлялся всѣми офиціальными корпораціями Германіи! Все это, вѣдь, пропустила прусская цензура. Это, вѣдь, говорилось и многими другими, и, наконецъ, само Евангеліе говоритъ это! Христосъ сказалъ: истинно говорю вамъ, легче канату (велбуду κάμηλος, прежде переводили верблюду) пройти сквозь ушко игольное, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное! Какъ? Я проповѣдую евангельскій текстъ, и за это меня осуждаютъ! Подумайте только, вѣдь, если бы древніе отцы церкви были живы, они прокляли бы васъ на всѣхъ соборахъ, предали бы васъ анаѳемѣ и осудили бы на вѣчныя муки за такое возстаніе противъ словъ Господа, которыя говорятъ совершенно тоже, что сказано и доказано у меня! Опомнитесь же! Дѣло, вѣдь, идетъ не только объ уваженіи, какое вы встрѣтите въ этомъ мірѣ, но и о той карѣ, которая постигнетъ васъ на томъ свѣтѣ!

Подробнѣе см. въ устныхъ преніяхъ.

45) Это выраженіе, кажется, васъ крайне удивляетъ? Вѣдь, это, „такъ сказать, воплощенная государственная измѣна", какъ сказалъ бы полицейскій Клюква въ Шекспировскомъ „Много шума изъ-за пустяковъ".

Позвольте привести только одну цитату. Буагильберъ, lieutenant-général au baillage de Rouen, котораго издатели большого французскаго Collection

des Economistes называютъ Христофоромъ Колумбомъ политической экономіи, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1697 г. при Людовикѣ XIV, „Le détail de la France“, буквально такъ отзывается обо всей финансовой администраціи короля: „on considère la France à l'egard du prince comme un pays ennemi“ —„по отношенію къ королю Францiя является какъ бы непріятельской страной“.

Правда, Буагильберъ за свою книгу попалъ у Людовика XIV въ немилость, но этимъ дѣло и ограничилось. Подъ судъ онъ не былъ отданъ. А въ XIX столѣтіи за это и въ тюрьму сажаютъ, и наказываютъ по судебному приговору! Какой прогрессъ сравнительно съ самодержавіемъ 1697 года!

46) Опять позвольте привести вамъ нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ писателей. Фихте (Ges. W. Bd. VII, p. 519 ff.) говоритъ, что человѣческую жизнь можно охватить сразу, „если представить себѣ ее, какъ все возрастающую порочность, обусловленную возрастомъ и общественнымъ положеніемъ людей, причемъ порочность эта съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все болѣе возрастаетъ. Чѣмъ старѣе и знатнѣе человѣкъ, тѣмъ, говоря вообще, надо предполагать его порочнѣе; кромѣ того, можно съ увѣренностью сказать, что черезъ годъ вся масса будетъ значительно порочнѣе, чѣмъ теперь“. „Лѣта и опытъ научили ихъ только мудрости себялюбія, убѣдили ихъ во всеобщей порочности,—и въ своей и въ чужой,—такъ что, когда они пришли въ разумъ, оказалось, что качества, считавшіяся хорошими задатками молодости, были просто неразуміемъ; когда они все сознали и уяснили себѣ,—отъ этихъ добрыхъ качествъ не осталось и слѣда. Когда имъ стукнуло за тридцать, къ чести ихъ и для блага міра, можно было бы пожелать, чтобы они ушли изъ этого міра, потому что съ этихъ поръ они жили только для того, чтобы все болѣе самимъ погружаться въ порокъ и толкать въ него окружающихъ“. Тоже самое съ ростомъ порочности въ высшихъ сословіяхъ. Чѣмъ выше стояло дитя по рожденію, тѣмъ уже и мелочнѣе представлялась ему жизнь человѣка и тѣмъ раньше обнаруживалось передъ нимъ растлѣніе этой жизни, что являлось для него лишь условнымъ приличіемъ; все, что стояло ближе къ нему, было мерзко, а чтобы въ низшихъ, презираемыхъ имъ, классахъ могло быть что нибудь достойное уваженія, до этого онъ ни самъ не могъ додуматься, ни узнать отъ другихъ. Поэтому съ раннихъ лѣтъ онъ имѣетъ полную возможность составить себѣ вполнѣ ясное представленіе о людяхъ. Какимъ образомъ могло бы проникнуть въ эту душу стремленіе быть чѣмъ нибудь инымъ по сравненію съ другими? Его преимущества, бо-

гатство, подчиненіе ему низшихъ классовъ народа открывали ему безграничное поприще развивать и культивировать свое себялюбіе, постоянно усиливать его безпрестаннымъ удовлетвореніемъ. И не было силы, которая могла бы противодѣйствовать этому. Государство, позволявшее все, что не было запрещено, запрещало высшимъ классамъ очень мало, чрезвычайно рѣдко или даже никогда не знало или не желало знать того, что они дѣлали вопреки его запрещеніямъ. Религія также обратилась въ проповѣдь наслажденія; общественная мораль вполнѣ соглашалась, что жизнь состоитъ только въ наслажденіи, и называла глупостью противное этому мнѣніе. Напротивъ того, низшіе классы, по ограниченности своихъ свѣдѣній объ условіяхъ жизни, никогда не могли прійти къ ясному пониманію современной жизни, а высшіе—еще пускали имъ пыль въ глаза кое-какими заслугами своими передъ обществомъ и кое-какими достоинствами; при томъ, угнетеніе ихъ высшими сословіями невольно внушало имъ нѣкоторую религіозную надежду на другую жизнь, что высшимъ классамъ было очень пріятно, и они старались сохранить въ народѣ вѣру, предоставляя себѣ не вѣрить. Поэтому низшія сословія никогда не могли пасть такъ низко, тогда какъ высшіе тѣмъ глубже погружались въ пропасть, чѣмъ ближе стояли къ вершинѣ. Впрочемъ, изъ нихъ рѣдко кого можно было назвать злымъ или насильникомъ, потому что для этого большинству не хватало силы; обыкновенно они были просто глупы, невѣжественны, трусливы, лѣнивы и подлы“.

Какъ видите, я значительно снисходительнѣе Фихте! Да иначе и быть не можетъ. Я коснулся этого предмета только для того, чтобы смягчить этотъ взглядъ Руссо и Фихте, который въ то же время легъ въ основаніе и конституціи 1793 года. Я хотѣлъ возможно полнѣе вскрыть заключающуюся въ немъ истину и тѣмъ оградить его отъ преувеличеній, въ какія впали оба эти автора и которыя могутъ вызвать „самыя печальныя безобразія, какъ это было съ санкюлотствомъ“. Я прямо такъ и говорю на стр. 27!

Во всякомъ случаѣ, вы видите, гг. судьи, что, наложивъ запретъ на меня, вы ничего не выиграете! Вамъ нужно наложить запретъ на всю философію; вмѣсто празднованія юбилея Фихте вамъ слѣдовало бы конфисковать его, конфисковать книги, изданныя во времена абсолютизма въ Берлинѣ съ разрѣшенія и одобренія прусской цензуры, и только тогда можно было бы начать запрещать, конфисковать и наказывать меня!

47) Имѣю ли я право разсуждать о духовныхъ качествахъ разныхъ сословій, сообразно условіямъ ихъ жизни, или нѣтъ?

48) Въ первой редакціи приговора сочли даже доказательствомъ ненаучности моего сочиненія это образное обозначеніе государственной идеи буржуазіи идеей будочника, потому что буржуазія не можетъ представить себѣ государство иначе, какъ въ образѣ будочника, имѣющаго чисто отрицательное назначеніе. Согласно стенографическому отчету, тамъ было сказано насчетъ этого, что „обвиняемый впадаетъ во многихъ мѣстахъ прямо въ шутовство, что недостойно человѣка науки“.

Вотъ, напр., и Гегель оказывается „недостойнымъ науки“,—авторы приговора, разумѣется, знаютъ объ этомъ больше Гегеля,—потому что въ своей „Философіи права“ онъ говоритъ хотя-бы о самоубійствѣ такъ (стр. 109): „Можно, пожалуй, считать самоубійство геройствомъ, но дурнымъ геройствомъ портныхъ и судомоекъ“. Такъ какъ эти портные и судомойки стоятъ, конечно, моихъ будочниковъ, то Гегель, очевидно, также „впадаетъ въ шутовство“. Но зачѣмъ приводить дальнѣйшія цитаты, когда авторы приговора сами убѣдились въ своей неправотѣ! Они раздумали такъ выражаться, какъ въ другомъ мѣстѣ отказались упрекать меня въ невѣрности моихъ сужденій о вліяніи косвенныхъ налоговъ. Они сочли благоразумнѣе для себя лучше не вступать со мной въ научный споръ, зная, что иначе они могутъ попасть въ крайне непріятное положеніе.

Какъ относительно косвенныхъ налоговъ [1]), такъ и насчетъ идеи будочника, вторая редакція приговора предпочитаетъ отказаться отъ научныхъ открытій первой.

Однако, идея будочника, хотя уже и не какъ нѣчто шутовское, остается, въ качествѣ подозрительнаго признака подозрительной подозрительности, какъ нѣчто важное „при этомъ взглядѣ“, о чемъ мы услышимъ ниже; словомъ, какъ доказательство преступности, подобно критикѣ косвенныхъ налоговъ, которая осталась преступной, хотя и оказалась вѣрной.

49) Повидимому, авторы приговора считаютъ „страсть“ чѣмъ-то очень дурнымъ. Вы, должно быть, не очень сильны въ богословіи, господа! Иначе вы знали бы, что всѣ отцы церкви, всѣ старыя духовныя книги требуютъ, чтобы мы предавали себя Богу съ величайшею „страстью“. Слѣдовательно, дѣло только въ томъ, на что обращена страсть, каково ея содержаніе. Почему же нельзя относиться со страстью къ историческому развитію, къ развитію культуры, этому высшему интересу ума и человѣчества?

---

[1]) См. замѣчаніе 26.

50) Не дѣлайте только такихъ пропусковъ, господа, которые злые языки могутъ назвать злонамѣренными! Въ моей брошюрѣ это мѣсто гласитъ [1]: „... тѣмъ нравственнѣе вы будете, чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть въ указанномъ здѣсь чистомъ смыслѣ“. Вы приводите все мѣсто, почему же вы пропускаете какъ разъ именно подчеркнутыя слова, которыя я для того только и прибавилъ, чтобы предотвратить всякія недоразумѣнія, могущія возникнуть съ какой-либо стороны, не исключая и рабочихъ. Почему вы пропускаете ихъ?

51) Какъ это позорно съ моей стороны!

52) Все это было признано выше вами же вполнѣ дозволительнымъ. Однако я уже усталъ повторять это на каждомъ словѣ.

53) Тутъ, цитируя меня, вы сами вынуждены сознаться, что я внушалъ работникамъ сдѣлать свой личный образъ жизни достойнымъ своего времени, т. е. лично преисполниться просвѣщеніемъ и нравственностью, но не призывалъ ихъ принять мѣры по отношенію къ тому, что внѣ ихъ для того, чтобы такимъ образомъ добиться юридическаго признанія для своего господства. См. замѣч. 17.

54) Вамъ это непонятно? Развѣ вы не понимаете, что чѣмъ болѣе „отдается“, какъ я говорю, „рабочее сословіе нравственной строгости мысли“, чѣмъ болѣе оно возвышается къ мысли, къ нравственности, къ просвѣщенію, тѣмъ болѣе усиливается его значеніе въ обществѣ, тѣмъ невозможнѣе становится хотя бы, напр., сохраненіе трехкласснаго избирательнаго закона? Вполнѣ образованному рабочему сословію, вѣдь, нельзя было бы отказать въ равномъ участіи въ избирательномъ правѣ. Тогда уничтожился бы и послѣдній, приводимый теперь, предлогъ—недостатокъ въ рабочемъ сословіи пониманія.

Такимъ образомъ, въ этой фразѣ, за которую судъ возбудилъ противъ меня обвиненіе, я ясно говорю, что жду исполненія задачи современнаго историческаго періода только отъ исторіи, отъ объективнаго хода вещей, а не отъ личностей работниковъ (я говорю дословно, какъ это приводитъ и приговоръ: „...время, въ продолженіе котораго нашъ теперешній историческій періодъ долженъ выполнить свою задачу“, и слова эти довольно ясно показываютъ, что жду я этого не сегодня и не завтра, а, какъ это вытекаетъ изъ всѣхъ моихъ словъ, черезъ очень долгій періодъ времени, обнимающій, по крайней мѣрѣ, нѣсколько десятилѣтій); наконецъ, я говорю работникамъ, что лично они могутъ ускорить

---

[1]) См. стр. 29—30.

рѣшеніе этой исторической задачи, могутъ лично содѣйствовать ему только путемъ саморазвитія, самооблагораживанія, только путемъ самостоятельнаго мышленія и нравственности!

Авторамъ приговора очень хотѣлось бы доказать, что я подстрекалъ работниковъ „принимать мѣры“ (см. замѣч. 17). Такъ они выше доказывали! Это должно было „явствовать“ (см. замѣч. 18). „Мѣры“! „Мѣры“ принимаются на улицѣ или вообще гдѣ-нибудь во внѣшнемъ мірѣ. А „явствуетъ“-то что же? Да то, что я категорически убѣждалъ работниковъ,— о чемъ въ приговорѣ опять таки умалчивается,—предаваться облагораживающей силѣ мысли и нравственности—„въ мастерской за работой, въ часы досуга, на прогулкахъ“ [1]), словомъ, въ ихъ личной частной жизни! Если это облагораживаніе, по вашему, „мѣра“, то спрашивается, не хотите ли вы и эту „мѣру“, и призывъ къ ней признать преступными? Итакъ, эта единственная фраза, заключающая въ себѣ призывъ къ работникамъ и долженствующая послужить доказательствомъ моей виновности, не только не доказываетъ ее, а доказываетъ какъ разъ противоположное! Ибо она доказываетъ, что я убѣждалъ работниковъ, что только путемъ саморазвитія они могутъ помочь исторіи выполнить ея задачу.

55) Развѣ въ Пруссіи запрещено разсуждать даже и о французскихъ дѣлахъ?

56) Да, господа, я только повторяю, и вы только повторяете но вы вновь называете вещью преступною и въ высшей степени подозрительною то, что раньше сами же признали дозволительнымъ историческимъ изложеніемъ.

57) Позвольте! Это именно мѣсто, какъ я уже доказалъ это въ замѣчаніи 17, особенно ограждаетъ меня противъ вашихъ замашекъ прибѣгать къ искусственнымъ толкованіямъ. Но тутъ съ вами опять случилась невинная ошибка: вы проглядѣли и опустили въ фразѣ какъ разъ тѣ слова, которыя доказываютъ, что я говорилъ только о мирномъ развитіи хода вещей [2]). Вы опустили слова мои о томъ, что „сами власти не только проходятъ мимо нихъ, ничего не подозрѣвая, но даже признаютъ ихъ необходимыми носителями нашей культуры, привѣтствуютъ ихъ, какъ цвѣтъ и апогей ея и при случаѣ восхваляютъ и славятъ ихъ въ торжественныхъ спичахъ“. Ясно, что это должны быть только совершенно мирныя явленія, которыя, съ своей стороны, способны только на совершенно

---

[1]) См. стр. 33.

[2]) См. стр. 14.

мирное развитіе, хотя бы они, тѣмъ не менѣе, производили полную революцію, совершенный переворотъ въ положеніи общества. Такъ, напр., на стр. 7 я показываю,—и выше вы приводите эти слова мои,—какъ въ средніе вѣка промышленность произвела самымъ мирнымъ образомъ полнѣйшую революцію въ тогдашнемъ обществѣ, основанномъ на принципѣ землевладѣнія,—посредствомъ раздѣленія труда, пріобрѣтенія крупныхъ мѣстъ для сбыта, открытія Америки, изобрѣтенія магнитной стрѣлки, уменьшенія страховой преміи, проведенія каналовъ и шоссе и пр. Но не правда ли, господа, будь на то ваша воля, вы запретили бы и раздѣленіе труда, и открытіе Америки, и каналы, и шоссе? Такое, по крайней мѣрѣ, приходится сдѣлать заключеніе, разъ вы находите съ моей стороны преступнымъ ожидать мирнаго, хотя и полнаго преобразованія общества отъ подобныхъ же современныхъ явленій!

58) Итакъ, даже этотъ историческій взглядъ преступенъ и заслуживаетъ наказанія! Пресвятой Торквемада! Я говорю въ брошюрѣ [1]): „Истинно-революціонное движеніе, основанное на дѣйствительно-новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, никогда не падало, по крайней мѣрѣ надолго". Но въ самомъ дѣлѣ! Если человѣкъ такъ думаетъ о прошлыхъ революціяхъ, какъ же не заподозрить, что онъ питаетъ опасныя мысли насчетъ какихъ-нибудь будущихъ революцій? Quod erat demonstrandum [2])!

59) Но, вѣдь, если эта фраза преступна, то преступна вся философія исторіи! Если бы вы были, по крайней мѣрѣ, такъ добры приводить осуждаемыя вами мысли цѣликомъ, а не на половину, не то только, что вамъ нужно. Я, вѣдь, тамъ же говорю [3]): „Никогда нельзя сдѣлать революціи... Хотѣть сдѣлать революцію могутъ только глупые неразвитые люди, не имѣющіе никакого понятія о законахъ исторіи".

60) Конечно, конечно! „Принимая во вниманіе", „принимая въ соображеніе", „подводя итоги",—можно прійти къ заключенію, что авторъ этотъ, если и не сказалъ ничего преступнаго, то, во всякомъ случаѣ, онъ могъ питать крайне опасныя мысли! И чѣмъ меньше онъ сказалъ, тѣмъ онъ хуже, потому что тѣмъ, значитъ, скрытнѣе онъ былъ. „Quantoque metu occultior", чѣмъ больше кто сдерживался изъ страха, тѣмъ подозрительнѣе онъ казался государю,—таково было правило еще Нерона, какъ намъ сообщаетъ Тацитъ по поводу Рубеллія Плавта (Tac. Annal. XIV, c. 21).

Такимъ образомъ, подозрѣніе въ злонамѣренности служитъ доказа-

---

[1]) См. стр. 6.

[2]) Что и требовалось доказать!

[3]) См. стр. 12.

тельствомъ ея. Правда, если бы и выпытали такое мнимое доказательство злонамѣренности, то все-таки нѣтъ никакого объективнаго состава преступленія. Но кто станетъ смущаться такими мелочами! Сперва вы признаете объективное содержаніе лекціи дозволительнымъ, потомъ вы разбираете тотъ же самый матеріалъ по отношенію къ подозрѣнію въ злонамѣренности обвиняемаго, которое можно изъ него вывести, несмотря на его дозволительность; а разъ это сдѣлано, вы берете въ третій разъ тотъ же самый матеріалъ, который для того именно и долженъ служить, чтобы доказать злонамѣренность, какъ объективную наличность состава преступленія!

61) Вотъ какъ это сказано у меня: „Этотъ періодъ окончился французской революціей, хотя, до сихъ поръ существуютъ, какъ вы знаете, весьма многочисленные и значительные остатки этого историческаго періода, особенно въ Германіи, гдѣ переворотъ былъ произведенъ не народомъ, а правительствами — путемъ очень медленныхъ и несовершенныхъ реформъ; все это и до сихъ поръ еще на каждомъ шагу сильно мѣшаетъ буржуазіи“ [1]).

Можно было думать, что приведенное мѣсто не представляетъ собою ничего иного, какъ простое историческое изложеніе столь же простого фактическаго содержанія, какое было необходимо въ той связи, почему въ Пруссіи и вообще въ Германіи не вполнѣ выражены указанныя мною черты господства буржуазіи, составляющаго общій характеръ второго міроваго періода. Да, да, само по себѣ это ничего иного не можетъ означать! Но, вѣдь, это только остовъ фразы! Если же „принять во вниманіе“, что тутъ революціи, производимыя правительствомъ, противопоставляются революціямъ, совершаемымъ народомъ для водворенія господства буржуазіи, если „принять въ соображеніе“, что послѣднимъ отдается, повидимому, предпочтеніе, какъ болѣе основательнымъ, если „замѣтить“, что тутъ почти выражается сожалѣніе, что и въ Германіи господство буржуазіи не проведено такъ послѣдовательно и совершенно, если опять „принять во вниманіе“, что такое сожалѣніе о несовершившейся буржуазной революціи даетъ поводъ подозрѣвать въ тайномъ желаніи рабочей революціи,—то послѣ всѣхъ этихъ подтасовокъ и прибавокъ будетъ „явствовать“, что обвиняемый совершенно уличенъ въ политической ереси! Дѣйствительно, въ 1481 году испанская инквизиція издала эдиктъ, третьей статьей котораго предписывется доносить святой

[1]) См. стр. 24.

инквизиціи о крещеныхъ евреяхъ, которые навлекутъ на себя подозрѣніе въ отступничествѣ, буде они станутъ утверждать, что законъ Моисеевъ въ настоящее время такъ же дѣйствителенъ для спасенія, какъ и законъ Іисусовъ“ [1]).

Точно такое же противопоставленіе и точно такой же выводъ! Разница только въ томъ, что испанская инквизиція считаетъ это противопоставленіе достаточнымъ основаніемъ лишь для доноса, за которымъ должно послѣдовать слѣдствіе, тогда какъ прогрессъ XIX столѣтія состоитъ въ томъ, что теперь оно признается юридическимъ основаніемъ для осужденія!!!

62) Слѣдовательно, преступенъ всякій философскій взглядъ на исторію, преступно даже доказывать, что французская революція 1789 г. только дала правовую санкцію перевороту, совершившемуся уже раньше, въ теченіе вѣковъ! Нѣтъ, вообще это не преступно! Это преступно только на стр. 119 приговора! На страницѣ же 112 та же самая фраза приводится въ числѣ дозволительныхъ положеній лекціи. А кто не понимаетъ, какимъ образомъ можно признавать одно и то же положеніе на одной страницѣ дозволительнымъ, а на другой преступнымъ, и притомъ и то, и другое „именемъ закона“,—тотъ, значитъ, человѣкъ очень ограниченный или безпокойный, или заносчивый!

63) До чего, въ самомъ дѣлѣ, подозрительно и преступно сообщать подобные историческіе факты и хронологическія даты!

64) Опять вы осуждаете чисто-историческій взглядъ, который выше сами же признали „дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ“!

65) Вотъ вы сами сознаетесь, до чего объективно выставляю я на видъ „преимущества легальныхъ преобразованій“!

66) Вотъ вы сами сознаетесь, до чего объективно я выставляю на видъ „неоспоримыя невыгоды революціоннаго пути“! Но все это ни къ чему! Возвращаются ужасы испанской инквизиціи, ужасы римской имперіи и, какъ я доказалъ, меркнутъ передъ новѣйшими ужасами! Это точь въ точь процессъ—при Тиверіи—Кремуція Корда, который назвалъ Кассія послѣднимъ римляниномъ! Совершенно такъ же меня обвиняютъ за отзывъ о штурмѣ Бастиліи въ восхваленіи революціи! Конечно! Можно кое-что вывести и изъ того отзыва, и изъ этого! Но если уже возвращаться къ ужасамъ римской имперіи, то выслушайте и отвѣтъ Кремуція: „Suum cuique decus posteritas rependit; nec deerunt, si damnatio ingruit, qui non modo Cassii

---

[1]) Льоренте. „Исторія испанской инквизиціи“, т. I. от. V, гл. III.

et Bruti, sed etiam mei meminerint [1])“. Выслушайте также, какой памятникъ воздвигаетъ Тацитъ этому процессу: „Libros per aediles cremandos censuere patres; sed manserunt, occultati et editi, quo magis socordiam eorum irridere libet, qui praesenti potentia credunt exstingui posse etiam sequentis aevi memoriam. Nam contra punitis ingeniis gliscit auctoritas; neque aliud externi reges, aut qui eadem saevitia usi sunt, nisi dedecus sibi atque illis gloriam peperere [2]). (Tacit. Annal. IV, 34 sqq.). Зачѣмъ учатъ насъ въ школахъ проклинать ужасы римской имперіи, если потомъ насъ подвергаютъ имъ во имя закона?!

67) Позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ, гг. судьи! Положимъ, нельзя возбуждать къ революціи, хотя здѣсь рѣчь идетъ совсѣмъ не объ этомъ преступленіи, а о нарушеніи § 100 Угол. Улож.; но я спрашиваю, можно или нельзя разсуждать о выгодахъ и невыгодахъ революцій? Могъ ли бы я, напримѣръ, если бы захотѣлъ, читать публичныя лекціи въ консерваторіи „о выгодахъ и невыгодахъ революцій“ и съ объективнымъ безпристрастіемъ разсматривать ихъ свѣтлыя и темныя стороны? Вы какъ полагаете объ этомъ, господа? Революція—вещь, которую нельзя дѣлать, какъ и призывать къ ней. Допустимъ, что вамъ непріятно даже всякое напоминаніе о революціяхъ. Но скажите на милость, какая статья закона запрещаетъ даже разсматривать сущность революцій? Какая статья закона запрещаетъ издать, напримѣръ, „Физіологію революцій“, причемъ, конечно, пришлось бы разсмотрѣть и показать ихъ свѣтлыя и темныя стороны? Суарецъ, творецъ Общаго Земскаго Права, въ своихъ „Афоризмахъ“ опредѣляетъ „демократію“, какъ государство, въ которомъ всѣ права верховной власти выполняются собраніями или свободно-избранными представителями, и потомъ въ § 9 показываетъ подъ А—„преимущества“, а подъ В — „недостатки“ демократіи, причемъ оказывается, что

[1]) „Потомство воздаетъ каждому по его заслугамъ. Такимъ образомъ, если вы вынесете мнѣ обвинительный приговоръ, не будетъ недостатка въ такихъ людяхъ, которые станутъ вспоминать не только Кассія и Брута, но и меня“.

[2]) „Сенаторы постановили черезъ эдиловъ предать сожженію его произведенія, но они уцѣлѣли, ихъ прятали и тайкомъ распространяли. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ осмѣять духовную нищету тѣхъ, которые полагаютъ, что они въ состояніи насиліемъ въ настоящемъ вытравить память у грядущаго. Ибо чѣмъ болѣе наказываютъ великіе умы, тѣмъ болѣе возрастаетъ уваженіе къ нимъ, и иноземные властители, какъ и тѣ, которые поступали съ такою же жестокостью, ничего иного не достигали, какъ позора для себя и славы для тѣхъ“.

преимущества далеко перевѣшиваютъ недостатки. Какъ вы думаете, не слѣдуетъ ли наложить запретъ на Суареца?

68) „Если сопоставить!“ „Если обратить вниманіе“, „если принять въ соображеніе!“ Если сопоставить“, то — можно сдѣлать всевозможные выводы изъ словъ, которыя не произносились, изъ только предполагаемыхъ мыслей, направленій; за недостаткомъ настоящихъ фактовъ, можно признать эти мысли за факты, и, хотя и тутъ еще не окажется и тѣни преступленія, эти мнимые факты можно все-же разсматривать, какъ заслуживающіе наказанія.

69) Какой ужасный пунктъ обвиненія! Какъ очевидна становится моя виновность изъ того, что, по моимъ собственнымъ словамъ, исторія вскрываетъ смыслъ настоящаго и даетъ очертанія грядущаго! Это „по его собственнымъ словамъ“,—можно ли послѣ этого сомнѣваться!—должно, конечно, не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ моей преступности! Правда, выше авторы приговора начинаютъ изложеніе моей брошюры прямо слѣдующими словами: „Въ этой брошюрѣ обвиняемый прежде всего обращается къ исторіи, къ прошедшему, которое, если его вѣрно понять, вскрываетъ смыслъ настоящаго и даетъ очертанія грядущаго“; слѣдовательно, и это мѣсто дословно уже приводилось въ той части брошюры, которая выше, въ самомъ приговорѣ, была признана вполнѣ „дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія“, „чисто-научнымъ изложеніемъ“ и „находящимся подъ защитой 20 ст. конституціи“. Но это ничего не значитъ! Тамъ эта фраза разсматривалась только какъ сказанная, съ ея объективной стороны. А теперь рѣчь идетъ о „если сопоставить“. Такимъ образомъ, сопоставленная съ другой фразой, которая сама по себѣ, какъ высказанная, также совершенно дозволительна, она позволяетъ, буде кто пожелаетъ этого, сдѣлать выводъ о томъ, чего не было сказано! Вѣдь, обязанность судей очевидна: они должны наказывать меня за все преступное, что не сказано въ моей брошюрѣ!

Вотъ такъ потѣха! сказалъ бы Пистоль.

70) Это указаніе на ту мою мысль, что въ этомъ заключается задача современнаго историческаго періода, выше было вами очень пространно изложено и высказано, что если разсматривать его съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго, то его приходится признать „вполнѣ дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ“ и т. д.

71) Ваше безпамятство просто поразительно! „Γνῶθι σ αὐτόν“ — что здѣсь можно было бы передать словами: „читай самого себя“ — приходится мнѣ сказать вамъ! Эту самую фразу вы выше дословно про-

цитировали и признали ее дозволительной! Но въ чемъ же заключается тутъ противорѣчіе? Вѣдь, дозволительна эта фраза только съ объективной точки зрѣнія; но изъ этого, какъ вы сейчасъ скажете, очень легко можетъ „явствовать“ преступная тенденція! Напримѣръ: слезы сами по себѣ, конечно, дозволительны. Однако, при Неронѣ казнили мать Фуфія Гемина, quod filii necem levisset, за то, что оплакивала казненнаго сына, потому что въ этихъ слезахъ „явствовала тенденція“ (Tacit. Annal. VI, c. 10).

72) Наконецъ-то вы per tot discrimina rerum [1]) счастливо добрались до „тенденціи“! Вы, значитъ, вывели такую недозволительную тенденцію изъ совершенно дозволительныхъ положеній, изъ положеній, которыя вы сами признали вполнѣ дозволительными?

73) Еще бы! Тѣмъ „очевиднѣе и несомнѣннѣе“ была эта недозволительная тенденція, что самый матеріалъ, изъ котораго вы вывели ее, признанъ вами самими дозволительнымъ!

74) Такъ вотъ оно что! Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, заключается мое преступленіе! Не говоря уже о томъ, что вы умозаключаете о „тенденціи“ „вызвать это убѣжденіе“ на основаніи того, что исключительно дозволено, но съ какихъ это поръ сдѣлалось преступнымъ „вызывать убѣжденіе“? Параграфъ 100 Уст. о наказ., на основаніи котораго я осужденъ, запрещаетъ только „возбуждать къ ненависти или презрѣнію“, а не „вызывать убѣжденіе“. И нѣтъ такой статьи закона, которая запрещала бы это! Вы создаете poena sine lege—наказаніе безъ закона!

Посмотрите, какъ вы вертитесь, крутитесь и изворачиваетесь въ неизъяснимыхъ усиліяхъ и мукахъ противорѣчій, чтобы измыслить какъ нибудь доказательство, о которомъ вы сами затѣмъ вынуждены, въ концѣ концовъ, сознаться, что вамъ это не удалось. Выше [2]) вы формулировали свое доказательство такъ: я призывалъ, будто-бы, „рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права, принять мѣры для достиженія юридическаго признанія своего господства“.

Вслѣдъ затѣмъ вы сознались [3]), что я, правда, прямо не призывалъ къ этому, но что это явствуетъ косвенно и приступили къ доказательству этого. Вышло оно пространнымъ, вымученнымъ и полнымъ противорѣчій. Отлично. Но при всей своей незаконности, противозаконности, беззаконности, недозволительности, — оставимъ все это въ сторонѣ!— является все-таки вопросъ, куда оно, это доказательство, дѣвалось? Вы

[1]) Несмотря на всяческія препоны.
[2]) См. замѣчаніе 17.
[3]) См. замѣчаніе 18.

сами, вѣдь, сознаетесь, что не можете вывести его, даже косвенно! Теперь вы сами говорите, что это мнимое косвенное доказательство, выведенное изъ объективно-дозволенныхъ положеній, даетъ право умозаключить не о намѣреніи призывать работниковъ къ „мѣрамъ“, а „пробудить въ нихъ убѣжденіе!“ Вотъ какъ вы измѣняете, путаете, забываете соотвѣтственныя слова, полагая, что изъ-за скуки вашихъ разглагольствованій, и я забуду, что вы говорили выше! Неужели же вы не видите неизмѣримой разницы между тѣмъ, что вы взялись доказать, и тѣмъ, что вы, по вашему мнѣнію, доказали? Призывать къ „мѣрамъ“ значитъ—призывать къ практическимъ дѣйствіямъ, желаніе же „пробудить убѣжденіе“ означаетъ только вліяніе чисто на теоретическую мысль, вліяніе, огражденное 20 статьей конституціи, по которой „наука и ея ученіе свободны“, и никакимъ закономъ незапрещенное, и помимо конституціи. По закону каждый вполнѣ воленъ и лично имѣть, и въ другихъ пробуждать, какія угодно убѣжденія.

Вамъ хочется доказать существованіе несуществующаго, но божество, управляющее вашимъ завирающимся языкомъ, вынуждаетъ васъ заключить свое доказательство, надъ которымъ вы столько промучились, признаніемъ, что я не возбуждалъ къ „ненависти и презрѣнію“, а хотѣлъ вселить убѣжденіе. Этимъ вы блистательно подтвердили все, что я доказывалъ въ своей защитительной рѣчи [1]).

75) Такъ? Ср. выше замѣч. 63—68 и ниже замѣч. 106.

Но предположимъ даже, что я хотѣлъ вызвать въ работникахъ это убѣжденіе, — такъ, вѣдь, по закону совершенно дозволительно и лично имѣть, и въ другихъ пробуждать какое угодно убѣжденіе о всевозможныхъ выгодахъ и невыгодахъ революціоннаго пути.

Какой статьею закона это запрещается? Никакою, и меньше всѣхъ § 100 Угол. Улож., запрещающимъ „возбуждать подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію“. Но между этимъ и всевозможными убѣжденіями о всевозможныхъ выгодахъ революціоннаго пути столько же общаго, сколько между Сиріусомъ и землей!

Созданіе такого убѣжденія есть воздѣйствіе на теоретическіе взгляды и потому совершенно дозволительно; это не то, что призывъ къ практическимъ „мѣрамъ“.

Если бы и королевская судебная палата, присоединяясь къ приговору, усмотрѣла въ моей лекціи практическій призывъ къ революціи, ей прежде всего слѣдовало бы признать себя некомпетентной разбирать это дѣло, что

---

[1]) См. стр. 60—65.

я на этотъ случай настоящимъ и предлагаю, и передать его въ верховный государственный судъ.

Тамъ я могъ бы, по крайней мѣрѣ, защищаться противъ обвиненія въ этомъ преступленіи, чего я не могу сдѣлать, пока обвиненъ и осужденъ на основаніи § 100 Уголов. Улож.

76) „Понимаемая въ такомъ смыслѣ"! О, да! „Понимаемыя въ такомъ смыслѣ", слезы матери Фуфія Гемина о казненномъ сынѣ—преступленіе; „понимаемыя въ такомъ смыслѣ", слова Кремуція Корда, что Кассій послѣдній римлянинъ, при Тиверіи—преступленіе. „Понимаемый въ такомъ смыслѣ" поступокъ Кассіева потомка, хранившаго изображеніе своего предка съ надписью „dux partium" [1]), — при Неронѣ преступленіе, особенно, „если принять въ соображеніе очевидную и несомнѣнную тенденцію" этой надписи (Tacit. Annal. XVI, c. 7)! Право, гг. судьи, божество управляетъ вашими завирающимися языками! Вы осуждаете совсѣмъ не мою лекцію, а ваше собственное пониманіе ея! „Понимая васъ въ такомъ смыслѣ", высказываю вамъ свою благодарность, гг. судьи!

77) Позвольте! Въ который уже разъ мнѣ приходится побивать васъ! Въ который разъ вы побиваете себя своими собственными словами! Развѣ вы обвинили и осудили меня за то, что я подвергалъ общественное спокойствіе вообще опасности, какими бы то ни было средствами? Нѣтъ, § 100 гласитъ: „подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти или презрѣнію" и т. д. Слѣдовательно, вы должны доказать, что я „возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію подвергъ общественное спокойствіе опасности". Преступленіе, о которомъ говорится въ § 100, есть, слѣдовательно, возбужденіе къ ненависти или презрѣнію и притомъ въ такой степени, чтобы благодаря этому, общественному спокойствію угрожала опасность. Проступокъ только въ томъ случаѣ подходитъ подъ этотъ §, если общественное спокойствіе подвергнуто опасности вліяніемъ вызванной ненависти или презрѣнія, а не распространеніемъ какихъ бы то ни было мнѣній или взглядовъ.

Зачѣмъ же вы забываете слова своего собственнаго закона? Зачѣмъ вы дѣлаете видъ, будто этотъ законъ запрещаетъ всякіе способы подвергать опасности общественное спокойствіе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, хотя, конечно, можно, по крайней мѣрѣ, вообразить себѣ и такое положеніе, гдѣ и распространеніе идей и убѣжденій могли бы подвергнуть опас-

---

[1]) Руководитель партій.

ности общественное спокойствіе? Зачѣмъ же, спрашиваю я, зачѣмъ вы такъ погрѣшаете противъ вашего собственнаго закона? Впрочемъ, ваши же собственныя слова объясняютъ это. Затѣмъ, что вы только что сами заявили, что моя лекція имѣетъ тенденцію „вызвать убѣжденіе, что революціонный путь всего скорѣе и вѣрнѣе ведетъ къ цѣли“ и что „понимаемая въ такомъ смыслѣ, она можетъ подвергнуть опасности общественное спокойствіе“. По вашему собственному признанію, по вашимъ собственнымъ словамъ выходитъ, что вы, постоянно вынуждаемые какимъ-то божествомъ свидѣтельствовать противъ самихъ себя, осуждаете меня не за „навлеченіе опасности на общественное спокойствіе возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти и презрѣнію“, а за „навлеченіе опасности на общественное спокойствіе пробужденіемъ убѣжденій“, т. е вы создаете преступленіе, котораго Угол. Улож. не знаетъ.

78) Въ этой фразѣ акробатскій талантъ приговора является въ полномъ блескѣ! Противорѣчіе, проходящее красной нитью по всему приговору, концентрируется здѣсь въ одной и той же фразѣ и само себя своими же словами побиваетъ! Всякій вообще предметъ, одушевленный и неодушевленный, есть то, чѣмъ онъ, по самой сущности своей является! Только мое несчастное произведеніе постигла ужасная участь, не быть тѣмъ, „чѣмъ оно, по самой сущности своей, является“.

Объявить, что моя лекція—ненаучное произведеніе, было все-таки неудобно. Этого испугались авторы даже такого приговора! Надо, слѣдовательно, придумать что-нибудь другое. И вотъ сперва требованіе 20 статьей конституціи „научности“ усиливается и превращается въ требованіе „чистой научности“, что уже само по себѣ противно конституціи. Затѣмъ допускается и даже постановляется судебнымъ приговоромъ, что въ цѣломъ лекція „имѣетъ чисто-научный характеръ“ и, наконецъ, дѣлается открытіе, превосходящее всѣ прочія открытія нашего вѣка, что, тѣмъ не менѣе, она не то, чѣмъ по своей сущности является!

Какъ же это такъ, господа! Вѣдь, если лекція, какъ вы сами заявили, имѣетъ характеръ чисто-научнаго произведенія, то это и значитъ, что она чисто-научна! Такъ вещи уже устроены, что представляютъ собою именно то, сущность чего онѣ заключаютъ въ себѣ!

Противъ этого ничего не можетъ подѣлать и никакое, послѣдующее „ибо“! Мы скоро увидимъ, что это за „ибо“; но если бы это „ибо“ могло имѣть какой-нибудь смыслъ, то развѣ тотъ только, что моя лекція, въ цѣломъ, не „имѣетъ характера чисто-научнаго произведенія“. Если же она имѣетъ этотъ характеръ, то уже никакія „ибо“ и никакія силы не-

бесныя и земныя, въ томъ числѣ и судейская, не могутъ воспрепятствовать ей быть тѣмъ, сущность чего она содержитъ въ себѣ!

Ахъ, господа! Что сказала бы про васъ королевская прусская юридическая экзаменаціонная комиссія, если бы ей поднесли приговоръ какъ пробную работу!

79) Вотъ какъ! Я не ограничиваюсь „научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства различныхъ сословій въ теченіе вѣковъ“? Я дѣлаю „изъ историческаго развитія практическіе выводы относительно рабочаго класса“? Какъ хорошо это звучитъ! Можно подумать, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывается какой-нибудь смыслъ! Но подождите, дайте допросить васъ на основаніи вашихъ собственныхъ признаній. Вы у меня опять скажете гораздо больше, чѣмъ бы вамъ хотѣлось. Итакъ:

a) Правда, въ моей брошюрѣ все послѣдовательно,—каждое положеніе есть выводъ изъ предыдущаго. Послѣднее слово ея есть строго-необходимый выводъ изъ перваго. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что я дѣлалъ „практическіе“ выводы? Практическими выводами называются, господа, такіе, которые говорятъ людямъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать,—призывы къ дѣйствіямъ. Такихъ выводовъ въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного. Я просто объяснялъ людямъ ходъ и значеніе исторіи, ничего не говоря имъ о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать, кромѣ только того, что они должны всѣми силами стараться вести нравственную и осмысленную жизнь, образовывать и облагораживать себя [1]). Но вы желаете сказать, что изъ всего моего историческаго разбора двухъ прежнихъ періодовъ,—господства дворянской идеи и буржуазной,—я сдѣлалъ выводъ, что міровой періодъ, начавшійся 1848 годомъ, имѣетъ своей задачей осуществить господство рабочей идеи. Это называется, господа, дѣлать теоретическіе выводы! Но вамъ дѣла нѣтъ, какіе тамъ выводы! Для васъ все равно, сказать ли „теоретическіе“ или „практическіе“ выводы, хотя это двѣ діаметрально противоположныя вещи! Несомнѣнно, лучше звучитъ, осудить кого-нибудь за практическіе выводы, чѣмъ за теоретическіе!

b) Во вторыхъ: по вашему, этотъ „выводъ теоретическихъ (или, какъ вы говорите: практическихъ, полагая, что это все равно) умозаключеній изъ историческаго развитія по отношенію къ рабочему классу“ состоитъ въ объясненіи, что современный историческій періодъ имѣетъ задачей осуществить господство рабочей идеи! Другими словами, это значитъ, что вы позволяете мнѣ научно разсуждать о прошломъ до 1848 г.,

---

[1]) См. замѣчаніе 22, 53, 54.

но на 1848 г. я долженъ остановиться! Развѣ вы не знаете, что и настоящее можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія? Развѣ вы никогда не слыхали, что естествоиспытатели по зародышу могутъ опредѣлять, какова будетъ будущая форма, въ которую онъ разовьется по естественнымъ законамъ своей природы? Вотъ точно также ученые, занимающіеся отвлеченными науками, въ томъ числѣ и я, утверждаютъ, что при помощи соединенія извѣстныхъ отвлеченныхъ и историческихъ наукъ, опытный взглядъ можетъ заранѣе предугадать по зародышу міровово періода его будущую форму, въ которую онъ самъ собою развивается и долженъ развиваться по естественнымъ законамъ своей природы; а такимъ зародышемъ современнаго историческаго періода можно свободно считать уже истекшія полтора десятилѣтія его.

Но, по крайней мѣрѣ, это-то вы поймете, господа, что такое опредѣленіе и объясненіе значенія едва начавшагося историческаго періода, такое начертаніе будущей формы его по признакамъ, представляющимся въ его зародышѣ, является дѣломъ въ высшей степени научнымъ! Вотъ это-то я только и дѣлаю. Я объясняю объективное значеніе современнаго историческаго періода. Я не говорю, какъ должно быть, не дѣлаю субъективныхъ предписаній, а говорю, что есть! Я не указываю слушателямъ, что имъ дѣлать (практическіе выводы), не требую, чтобы они придали историческому періоду тотъ или иной характеръ, а только показываю имъ то, что уже есть. Вдумавшись немного, вы, можетъ быть, сами поймете, что самая сущность этого объективнаго ученія устраняетъ всякую возможность такого рода субъективнаго призыва съ моей стороны. Мои слушатели послѣ всего того, что я излагалъ имъ, никоимъ образомъ не могли по собственной волѣ предписать нашему историческому періоду то или иное содержаніе; напротивъ, согласно моему мнѣнію, содержаніе это въ немъ уже дано, и онъ имѣлъ бы его, хотя бы меня и моихъ слушателей вовсе и не существовало. Они могли только понять его, и единственною цѣлью моей лекціи было достигнуть этого. Содѣйствовать ему они могутъ, согласно моей лекціи, только образованіемъ и подъемомъ нравственности, и если я что и совѣтовалъ имъ, то только это. Итакъ, вы не можете препятствовать наукѣ дѣлать предметомъ своихъ изслѣдованій и настоящее и будущее. Вы не можете и не смѣете передѣлывать 20 статью конституціи, гласящую: „наука и ея ученіе свободны“, прибавленіемъ выдуманнаго вами дополненія: „свободны, только пока имѣютъ своимъ предметомъ давно минувшіе періоды, а не недавніе, не на-

стоящее и не будущее". Вы же дѣлаете это, называя объясненіе содержанія настоящаго періода „практическими выводами".

c) Но, въ третьихъ, къ чему учить ученаго? Вы, вѣдь, сами все это не хуже меня знаете и сами во всемъ этомъ сознались, такъ что я опять могу доказать вамъ все это вами самими противъ васъ же самихъ! Все, что вы тутъ называете „практическими выводами изъ историческаго развитія по отношенію къ рабочему сословію", было вами же выше очень подробно изложено.

Выше вы говорите,—я буду приводить всегда только начало вашихъ соотвѣтствующихъ мѣстъ: „24 февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода"... „Благодаря этому, четвертое сословіе, которое въ 1789 году еще таилось въ нѣдрахъ третьяго сословія, возвысило свой принципъ на степень господствующаго въ обществѣ принципа и т. д."... „Формальнымъ средствомъ осуществленія этого принципа обвиняемый считаетъ"... „Какъ онъ далѣе доказываетъ, господство четвертаго сословія основано только на идеѣ"... „слѣдовательно, государство при господствѣ въ немъ рабочаго сословія съ совершенною ясностью"... „и это необходимо вызвало бы такой прогрессъ ума, такую сумму счастья, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, что..."

А послѣ всего этого, послѣ этого подробнаго изложенія моихъ „практическихъ" выводовъ изъ историческаго развитія по отношенію къ рабочему сословію, вы тамъ же продолжаете: „На основаніи только что изложеннаго, лекція, если разсматривать ее съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго, должна быть признана вполнѣ дозволительнымъ изображеніемъ историческаго развитія реальныхъ фактовъ". А въ слѣдующей фразѣ вы снова повторяете, что постольку моя лекція—„изображеніе историческаго развитія", „чисто-научное изложеніе", которое находится подъ защитой 20 ст. конституціи!

Такимъ образомъ, вы прекрасно знаете и своими же собственными словами признали, что то, что вы теперь называете „не основаннымъ на чисто-научномъ изображеніи историческаго развитія дѣланіемъ выводовъ", есть, напротивъ, только „дозволительное изображеніе историческаго развитія реальныхъ фактовъ", „чисто-научное изложеніе", „которая находится подъ защитой 20 ст. конституціи".

Но мнѣ вовсе не нужно напоминать вамъ вашихъ прежнихъ признаній, чтобы вынудить у васъ это сознаніе! Оно заключается и въ самой выше-приведенной фразѣ. Вы говорите, что я „не ограничился чисто-научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства отдѣльныхъ

сословій въ теченіи вѣковъ, а сдѣлалъ изъ историческаго развитія практическіе выводы относительно рабочаго класса". Слѣдовательно, если бы такое изображеніе было сдѣлано, оно было бы—вы здѣсь снова признаете это—совершенно научно. Теперь спрашивается: развѣ рабочій классъ не „сословіе", подобно дворянству и буржуазіи? И развѣ будущее, настоящее и только-что минувшее не такъ же точно находятся въ „теченіи вѣковъ", какъ и давно-минувшія времена? И развѣ развитіе настоящаго изъ прошедшаго не также точно „историческое развитіе"? Такимъ образомъ, вы видите, что и этой фразой, разсматривая ее самое по себѣ, вы опять признали тѣ „практическіе выводы изъ историческаго развитія относительно рабочаго класса" „чисто научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства отдѣльныхъ сословій въ теченіи вѣковъ"!

Позвольте же мнѣ теперь дополнить вашу фразу согласно всѣмъ этимъ вашимъ собственнымъ заявленіямъ. Получится: „ибо обвиняемый не ограничился научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіи вѣковъ, однако все это должно быть разсматриваемо какъ дозволительное изображеніе историческаго развитія реальныхъ фактакъ, какъ чисто-научное изложеніе, такъ что оно находится подъ защитой 20 ст. конституціи".

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ состоитъ это знаменитое „ибо", благодаря которому эта чудовищная лекція оказывается не тѣмъ, чѣмъ она по самой сущности своей является!

d) Но, можетъ быть, подъ „практическими выводами" вы подразумѣваете исключительно только тотъ призывъ къ нравственности и просвѣщенію [1]), который вамъ такъ не по нутру [2]) и который составляетъ мой единственный призывъ въ этой лекціи? Хорошо, въ угоду вамъ, я готовъ допустить, что это ненаучно. Допустимъ даже, что это значитъ „дѣлать выводъ", и, хотя рѣчь идетъ только о личномъ образованіи, я готовъ ради вашего удовольствія признать это—„практическимъ выводомъ". Правда, и тогда призывъ этотъ все еще носилъ бы такой характеръ, что, какъ я я доказалъ это въ замѣч. 22, сдѣлалъ бы честь любому пастору! Но оставимъ и это! Предположимъ, что призывъ этотъ вовсе не призывъ къ нравственности и просвѣщенію, а представляетъ собою Богъ-вѣсть какіе ужасы! Но, вѣдь, рѣчь-то все-же идетъ въ немъ только о рабочемъ сословіи! Про буржуазію или про какое-либо другое сословіе, вѣдь, ни слова не

---

[1]) См. стр. 33.

[2]) Ср. замѣчаніе 22, 53 и 54.

было сказано. Какія бы ужасы ни заключались въ этомъ призывѣ къ рабочему сословію, съ религіозною преданностью отдаться мысли и нравственности, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ „возбуждать къ ненависти и презрѣнію“ къ другимъ подданнымъ государства, такъ какъ вовсе и не упомнаетъ о нихъ. Такого возбужденія слѣдуетъ искать въ описаніи косвенныхъ налоговъ, ценза, нравственныхъ качествъ высшихъ сословій, необходимо обусловливаемыхъ ихъ положеніемъ, въ историческомъ изображеніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ революцій и реформъ—словомъ, въ такихъ мѣстахъ, которыя самъ приговоръ, приведенной выше фразой, признаетъ „научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства отдѣльныхъ сословій“, а не „практическими выводами“ относительно рабочаго сословія. Такимъ образомъ, всѣ эти историческія взгляды, возбуждающія, будто-бы, къ ненависти и презрѣнію, по признанію самого приговора не выходятъ изъ рамокъ чисто-научнаго изображенія и потому остаются подъ защитой 20 ст. конституціи. Какая же вамъ польза, господа, еслибы помимо всего этого въ моей лекціи и нашелся какой нибудь „практическій выводъ“, который, какъ вы его ни толкуйте, все-же не окажется „возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію“?

80) Судъ? Но, вѣдь, по грамматическому смыслу здѣсь выходитъ: рабочее сословіе!

81) Что это за границы?

82) Нѣтъ, господа, я вамъ скажу, что „вполнѣ подлежитъ сужденію судьи!“ Судьѣ слѣдовало бы: а) доказать in jure [1]), что 20 ст. конституціи—„наука и ея ученіе свободны“—вообще ставитъ ученію науки какія-нибудь границы и почему именно!

Въ самомъ началѣ своей защитительной рѣчи [2]) я подробно изложилъ и вполнѣ доказалъ, что для науки и ея ученія не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ границъ, какъ показываетъ прямой смыслъ словъ этой статьи конституціи; я доказалъ, что границъ не можетъ быть и для моей лекціи, которая, по вашему собственному признанію на судѣ, „вполнѣ имѣетъ характеръ чисто-научнаго сочиненія“.

Я показалъ, что, еслибы 20 ст. конституціи, гласящая, что „наука и ея ученіе свободны“, могла имѣть смыслъ: „свободны въ предѣлахъ общаго Уголовнаго Уложенія“, то она вообще тогда не имѣла бы никакого смысла, такъ какъ въ такомъ случаѣ, наука имѣла бы столько же свободы,

---

[1]) Юридически.

[2]) См. стр. 35 и слѣд.

какъ и всякое другое выраженіе мнѣнія; толковать эту статью такимъ образомъ значитъ просто отрицать ее.

Приведенныя тамъ доказательства этого я хочу дополнить еще однимъ, новымъ. Конституція устанавливаетъ свободу выраженія всякаго мнѣнія еще и другой статьей. Я говорю о статьѣ 27, первый отдѣлъ которой гласитъ:

„Всякій прусскій подданный имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе устно, письменно, печатно и въ формѣ художественныхъ изображеній“.

Но тутъ же—второй отдѣлъ той же статьи—присовокупляется:

„Цензура не можетъ быть введена; всякое иное ограниченіе свободы печати можетъ быть установлено только въ законодательномъ порядкѣ“.

Итакъ, здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о простомъ выраженіи мнѣнія, конституція сама прибавляетъ, что эта свобода можетъ быть путемъ законодательства ограничена и въ этихъ предѣлахъ стѣснена. Но тамъ, говоря о свободѣ науки, она не дѣлаетъ такихъ оговорокъ, и это обстоятельство, какъ и то, что она говоритъ о свободѣ науки и о свободѣ простого выраженія мнѣнія въ двухъ разныхъ статьяхъ, доказываетъ, что первая не тождественна со второю и не можетъ быть ограничена его предѣлами, уголовнымъ закономъ.

Слѣдовательно, для науки и ея ученія, для лекціи, которая, по вашему собственному отзыву, „имѣетъ вполнѣ характеръ чисто-научнаго сочиненія“, вообще не можетъ быть рѣшительно никакихъ границъ и онѣ имѣютъ право говорить свободно все, все. хотя бы это вамъ и уголовному закону очень не нравилось.

Вотъ что вамъ слѣдовало бы сперва опровергнуть, доказать ex jure, что „наукѣ и ея ученію“, „лекціи, имѣющей чисто-научный характеръ“, тѣмъ не менѣе положены предѣлы и почему именно!

Но вы не только не сдѣлали этого, а даже и не попытались сдѣлать!

Вмѣсто того, чтобы опровергать меня, чтобы хотя бы попытаться опровергнуть меня, вы высказываете какъ самоочевидную истину, что границы эти существуютъ, какъ будто я ничего не говорилъ противъ этого!

b) Далѣе, вамъ слѣдовало бы развить in jure, въ чемъ состоятъ эти границы науки и научности.

Вы и этого не пытались сдѣлать, не сдѣлали даже намека на это!

c) Но въ особенности вамъ слѣдовало доказать, наконецъ, in facto [1]),

---

[1]) Фактически.

что всѣ мѣста моей брошюры, которыя вы намѣрены преслѣдовать уголовнымъ закономъ, находятся внѣ этихъ границъ научности, что они относятся не къ главному содержанію лекціи, которое вы сами признали научнымъ, а къ побочной, ненаучной части, также, будто-бы, имѣющейся въ лекціи.

Тогда вы нашли бы, что всѣ мѣста, на которыя вы указываете, какъ на возбуждающія къ ненависти и презрѣнію, — косвенные налоги и ихъ неравномѣрность, психологическое вліяніе привилегій на привилегированныя сословія, историческія размышленія о различномъ характерѣ революціи и реформъ при отмѣнѣ цеховъ и пр. —что, во всякомъ случаѣ, всѣ тѣ мѣста, на которыя вы ссылаетесь, принадлежатъ къ признанному вами чисто-научнымъ главному содержанію лекціи, находятся въ „предѣлахъ научности", а внѣ нихъ у меня нѣтъ ничего, на чемъ можно было бы построить обвиненіе въ возбужденіи ненависти и презрѣнія.

Но изъ всего этого вы ничего не сдѣлали. А это, вѣдь, „вполнѣ подлежитъ сужденію судьи".

Еслибы вы шли этимъ логическимъ путемъ, то сами увидѣли бы, что осужденіе невозможно, что оно громко вопіетъ къ небесамъ, какъ невинно-пролитая кровь! Но, разумѣется, если нѣтъ никакого плана, если начало обращается въ конецъ, а конецъ въ начало, то все окажется возможнымъ. Вмѣсто того, чтобы сперва поставить три указанные вопроса и отвѣтить на нихъ, потомъ выдѣлить мѣста, которыя, по вашему мнѣнію, ненаучны, и изслѣдовать ихъ по отношенію къ уголовному закону, вы на цѣломъ рядѣ страницъ доказываете сначала мнимую преступность лекціи, перемѣшивая въ ней безъ разбора то, что, по вашему, существенно, съ тѣмъ что, по вашему же, несущественно, дѣлаете открытіе, что лекція не то, чѣмъ она по своей сущности является и, въ заключеніе, чтобы уклониться отъ предложеннаго мною приглашенія экспертовъ, замѣчаете вообще, что дѣло не въ научности всей лекціи, а въ томъ, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь „преступающаго границы научности". Это же, по вашему, дѣло не ученыхъ, а юристовъ, слѣдовательно, дѣло судей.

Какъ произошло съ вами это послѣднее несчастіе, легко выяснить при сравненіи съ первой редакціей приговора. Тамъ было дословно сказано: „Нельзя также возражать и противъ того, что лекція обвиняемаго, въ цѣломъ, имѣетъ вполнѣ научный характеръ, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ и не въ томъ смыслѣ (?), какъ утверждаетъ обвиняемый. Во многихъ мѣстахъ обвиняемый безусловно впадаетъ въ шутовство, что совсѣмъ не приличествуетъ мужу науки, и приводитъ часто доказательства, лишенныя

научной логики; иначе онъ понялъ бы, что сказанное имъ о косвенныхъ налогахъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что бремя этихъ налоговъ ложится на бѣднѣйшіе классы не такъ, какъ онъ это утверждаетъ. Имѣя передъ собой матеріалъ (?) и самую лекцію, судъ счелъ себя совершенно вправѣ отклонить предложеніе обвиняемаго насчетъ подтвержденія черезъ экспертовъ строгой яко-бы научности его лекціи“.

Такъ гласила первая редакція приговора, гдѣ уже было сдѣлано открытіе, что моя лекція, восьмое чудо въ свѣтѣ, чудеснѣе всѣхъ прочихъ, есть не то, чѣмъ она является по самой сущности своей. Тамъ же судъ совершилъ и вопіющее беззаконіе, отказавъ въ моей просьбѣ пригласить экспертовъ. Это беззаконіе было тѣмъ болѣе вопіющимъ, что я приводилъ вѣскіе доводы противъ компетентности судей рѣшать вопросъ спеціальности,—что научно и что не научно—и, наконецъ, еще тѣмъ болѣе вопіющимъ, что самъ же приговоръ представилъ самыя разительныя доказательства этой некомпетентности. Надо обладать этой некомпетентностью въ превосходной степени, чтобы оспаривать сказанное мною о косвенныхъ налогахъ или находить мою лекцію шутовскою и ненаучною.

Это вамъ самимъ показалось рискованнымъ! Вамъ стало не по себѣ, что вы противорѣчили мнѣ въ ученыхъ матеріяхъ, отвергли истинность сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ и попрекали меня въ недостаткѣ „научной логики“. И вы хорошо сдѣлали, что отказались отъ этого: mieux vaut tard que jamais, лучше поздно, чѣмъ никогда; очень хорошо потому, что въ „наукѣ и логикѣ“ авторитетъ судьи, вѣдь, не имѣетъ значенія, и вы начинаете теперь убѣждаться въ какое непріятное положеніе я могъ бы поставить васъ при помощи „науки и логики“.

Потому вы попробовали взяться за дѣло иначе. Вы выбросили два единственныхъ основанія, на которыхъ въ первой редакціи была построена ненаучность моей лекціи—мое шутовство и ложность моего ученія о косвенныхъ налогахъ. Зато фразу, что лекція есть не то, чѣмъ она по своей сущности является, вы оставили. (Оно и понятно! Кто рѣшится отказаться отъ такого перла, разъ ему удалось открыть его!). Затѣмъ вы такъ разсуждаете: Пригласить экспертовъ? Къ чему? Мы, вѣдь, вовсе не оспариваемъ научнаго достоинства сочиненія! Мы утверждаемъ только, что въ немъ не все „только исключительно научно“, но есть и нѣчто такое, что „преступаетъ границы научности“. Установленіе же этого—дѣло юриста, т. е. судьи.

Но, такимъ образомъ, вы изъ Сциллы попадаете лишь въ Харибду.

Въ самомъ дѣлѣ, помимо нарушеній закона, которыя остались въ обѣ-

ихъ редакціяхъ, вы сами обязали себя привести и указать мѣста, понимаемыя тѣмъ „только и исключительно“, „преступающія границы научности“, и не исполнили этого!

Но если бы вы и исполнили это, вы все-таки не имѣли бы права отказать мнѣ въ экспертизѣ. Разсудите сами, разсудите съ „наукой и логикой“, вы, авторы научно-логичнаго приговора: вопросъ, встрѣчаются ли вообще въ моей работѣ мѣста ненаучныя, „преступающія границы науки“— есть прежде всего вопросъ факта, т. е., въ этомъ случаѣ, научный вопросъ, который могутъ рѣшить только люди науки. Только по установленіи ими in facto, что тамъ есть такія мѣста, начинался бы юридическій вопросъ, подлежащій сужденію судьи,—нарушаютъ ли эти мѣста уголовный законъ.

Покажу вамъ вашу путаницу еще яснѣе! Вы говорите: вопросъ, „преступаетъ ли лекція границы научности“, подлежитъ сужденію судьи. Нѣтъ! Вопросъ, преступаетъ ли лекція границы науки, съ своей стороны, заключаетъ въ себѣ, какъ мы выше видѣли, два вопроса, а именно: 1) существуютъ ли для науки вообще такія границы и 2) если существуютъ, то нарушены ли онѣ. Этотъ вопросъ подлежитъ, дѣйствительно, сужденію судьи. Но вопросъ: „преступаетъ ли лекція границы научности“—совершенно другой, чѣмъ вопросъ о границахъ науки. Это вопросъ о томъ, есть ли въ моей брошюрѣ фактически-ненаучныя вещи, и онъ подлежитъ рѣшенію экспертовъ научнаго—ученыхъ.

Васъ ввело въ заблужденіе созвучіе словъ: наука и научность! Дѣйствительно, похоже! И все же это вещи совершенно различныя!

И впредь будьте такими „научно-логичными“, господа!

83) Пресвятой Златоустъ! Послѣ стольких разглагольствованій въ доказательство моей виновности, авторы приговора только теперь начинаютъ доказывать, что мною нарушенъ § 100! Слѣдовательно, они сами сознаются, что до сихъ поръ они доказывали лишь виновность вообще, какую-то парящую въ воздухѣ виновность, а не проступокъ противъ § 100 или противъ какой нибудь иной опредѣленной статьи закона; они доказывали просто такъ, вообще проступокъ! Только теперь, несмотря на все, что мы до сихъ поръ слышали объ этомъ, появляется на сцену „возбужденіе къ ненависти и презрѣнію“.

84) Конфискуйте же Фихте, конфискуйте Евангеліе, господа! Ср. выше замѣч. 44. Слыхали ли вы когда нибудь великопостныя проповѣди въ католической странѣ? Тамъ на эту тему и не то еще говорится о высшихъ сословіяхъ и притомъ говорится также всенародно, передъ публи-

кой, которая, какъ мы скоро отъ васъ услышимъ, „не стоитъ на высотѣ просвѣщенія". О, какъ бы намъ, людямъ науки, въ протестантской странѣ пріобрѣсти ту свободу, которою пользуются католическіе священники!

85) Опять про косвенные налоги! Ср. выше. Между прочимъ, я говорилъ вовсе не о „средствахъ", а объ организаціяхъ, въ которыхъ выражается привилегія буржуазіи, какъ господствующій принципъ, выражается сама, необходимо, непроизвольно и безсознательно. Слѣдовательно, тутъ большая разница по сравненію со „средствами", которыя всегда имѣютъ въ виду только цѣль, значитъ, всегда употребляются только сознательно. Но для „научно-логическаго" приговора это все равно, какъ все равно—наука и научность.

86) Такъ не содержаніе, а „пріемы", „именно изъ пріемовъ!" „О, этотъ тонъ!"—говоритъ мать Эмилія въ „Эмиліи Галотти".—„О, если бы я могъ этотъ тонъ отдать подъ судъ!"

87) Слыханное ли дѣло! Человѣкъ осужденъ за „сопоставленіе результатовъ"! Сами по себѣ результаты были бы еще ничего, но „сопоставленіе результатовъ" или, точнѣе, „именно пріемы сопоставленія результатовъ",—да, да, вотъ что преступно! И въ довершеніе всего, самый фактъ — выдумка. Я ничего не сопоставлялъ, и у меня все стоитъ на своемъ мѣстѣ. Сопоставляютъ сами авторы приговора. См. объ этомъ ниже, замѣч. 106.

88) Ну, конечно! Все было бы хорошо, еслибы только я не „формулировалъ" своихъ результатовъ! И къ чему было мнѣ „формулировать результаты своихъ соображеній"? Да, это ужасно съ моей стороны! Кто формулируетъ результаты? Формулировать! Посмотрите, что говоритъ мировой судья Шаль у Шекспира въ „Генрихѣ IV" насчетъ „аккомодированія". Славная фраза; да, да, отличная фраза!

89) См. защитительную рѣчь, стр. 54—57, и устныя пренія.

Пока же скажите, господа, какого вы мнѣнія о 7 статьѣ конституціи: „Всѣ прусскіе подданные равны передъ закономъ"? Равны ли они и передъ уголовнымъ судомъ, равны ли они и въ отношеніи того, что дозволено имъ по закону говорить? Что вы объ этомъ скажете, гг. авторы „научно-логическаго" приговора?

Положимъ, что та публика „не стоитъ на высотѣ просвѣщенія". Слѣдуетъ ли изъ этого, что не надо и стараться поднять ее на эту высоту? Не слѣдуетъ ли изъ этого, наоборотъ, что ей надо говорить все, что можетъ вести ее къ этому?

90) „Очевидно умышленная“ надпись „dux partium“,— см. объ этомъ замѣч. 76.

91) Человѣкъ осужденъ за „группировку историческихъ фактовъ!“ При чтеніи этого, всякій историкъ пришелъ бы въ ужасъ! У каждаго ученаго замерло бы перо въ рукѣ!

И въ довершеніе всего и это неправда! Не я группирую, а авторы приговора. См. ниже, замѣч. 106.

92) См. замѣч. 4.

93) См. замѣч. 34.

94) Въ своемъ священномъ рвеніи вы забываете, что я высчиталъ математически. Я доказалъ вычисленіями, что работникъ имѣетъ $^1/_{17}$ долю того участія въ государственной власти, какое имѣетъ капиталистъ. У васъ это превращается въ фразу: „лишено всякаго участія“.

„Ври, да знай же мѣру“!

95) Опять косвенные налоги! Первое и послѣднее слово этого приговора—косвенные налоги! Косвенные налоги для него то, что Зевсъ въ орфическомъ стихѣ, который цитируетъ Проклъ:

„Зевсъ—голова, Зевсъ—середина, весь изготовленъ міръ изъ Зевеса“.

96) Прежде предполагалось доказать возбужденіе умышленностью, теперь умышленность выводится изъ возбужденія; а то и другое вмѣстѣ должно „явствовать“ изъ вышеупомянутой тенденціи!

97) Нѣтъ, Торквемада ни за что не написалъ бы этого! Чувствуете ли вы, господа, какую пощечину вы сами себѣ даете, цитируя эту фразу?

Для философа, одушевленнаго своей идеей, конечно, достаточно, какъ я выражаюсь, зажечь въ двухъ-трехъ изъ двухсотъ слушателей нравственное пламя своей мысли. Онъ сочтетъ себя щедро вознагражденнымъ такимъ результатомъ.

Но для человѣка, намѣревающагося „подвергнуть опасности общественное спокойствіе возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію“, какая польза въ томъ, что онъ увлечетъ двоихъ или троихъ изъ своихъ слушателей? Развѣ два или три работника могутъ подвергнуть опасности общественное спокойствіе?

О, авторы научно-логическаго приговора, какъ убѣдительно доказываете вы „умыселъ“!

98) Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Опять вы повторяете, что я нападалъ, будто-бы, на „классъ имущихъ гражданъ“, повторяете вопреки актамъ,

---

[1]) См. стр. 20.

вопреки фактамъ, несмотря на то, что выше [1]) и въ защитительной рѣчи [2]) я доказалъ, что не говорю о классѣ имущихъ гражданъ, что даже прямо оговариваю въ лекціи, что говорю не о нихъ, а о буржуазіи, которую положительно отличаю отъ класса имущихъ и опредѣляю, какъ классъ тѣхъ только имущихъ, которые желаютъ для себя и политическихъ, и правовыхъ привилегій, стоятъ за трехклассный избирательный законъ. Вотъ почему въ лекціи нѣтъ указанія на какой-либо опредѣленный классъ подданныхъ, и мнимое возбужденіе оказывается возбужденіемъ только противъ политическаго принципа, а не противъ класса подданныхъ государства.

Это понялъ даже прокуроръ и старался вывернуться другимъ способомъ. Онъ говоритъ: „съ юридической точки зрѣнія мнѣ могутъ возразить, что все это прямо не относится ни къ какому опредѣленному классу. На это я долженъ возразить, что обвиняемый самъ ясно опредѣлилъ этотъ классъ. Онъ возбуждалъ третій классъ первоначальныхъ избирателей противъ перваго“.

Итакъ, самъ прокуроръ свидѣтельствуетъ, что я не возбуждалъ противъ класса имущихъ. Но зато я возбуждалъ третій классъ избирателей противъ перваго.

Хорошо, это еще можно было бы допустить, еслибы чѣмъ-нибудь доказывалось, что лица, принадлежащія къ первому классу избирателей, установили трехклассный избирательный законъ, что они могутъ быть какимъ-нибудь образомъ отвѣтственны за него, что они, по крайней мѣрѣ, желаютъ его. Лица, поставленныя закономъ въ какой бы то ни было классъ избирателей, вѣдь, не могутъ быть отвѣтственны за дѣйствіе закона, который изданъ не ими; слѣдовательно, ихъ нельзя ненавидѣть и презирать за это.

Даже депутатъ фонъ-Унру, принадлежащій, разумѣется, къ первому классу избирателей, недавно рѣшительно заявилъ въ засѣданіи второй палаты, что онъ и его друзья вовсе не желаютъ трехкласснаго избирательнаго закона и ничего не имѣютъ противъ его отмѣны.

Но, вѣдь, никто же не заподозритъ депутата фонъ-Унру въ революціонномъ образѣ мыслей, а еще менѣе въ сочувствіи къ рабочимъ!

Еще въ своей защитительной рѣчи [4]) я доказалъ, что имущіе классы

---

[1]) См. замѣчаніе 38.

[2]) См. стр. 65—69.

[3]) См. стр. 93.

[4]) См. стр. 68—69.

Германіи совершенно неповинны въ трехклассномъ избирательномъ законѣ, что всюду, гдѣ они достигали власти, они вводили всеобщее равное избирательное право.

Но приговоръ совершенно игнорируетъ мою защитительную рѣчь, ничего не опровергаетъ въ ней, ни на что не отвѣчаетъ и вопреки актамъ, вопреки фактамъ, утверждаетъ, что я „возбуждалъ противъ имущихъ классовъ“, чего, какъ мы видѣли, не допускалъ даже самъ прокуроръ.

99) Чѣмъ дальше вы подвигаетесь впередъ, чѣмъ ближе вы подходите къ концу, тѣмъ страшнѣе противорѣчія, тѣмъ очевиднѣе ваше замѣшательство, господа!

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ первой редакціи приговора здѣсь было сказано: „только предстоящая въ ближайшемъ времени угроза“. Но вы разсудили потомъ, что въ этомъ смысла нѣтъ или, вѣрнѣе, какъ увидимъ, что смыслъ-то ужъ очень хорошъ, и передѣлали поэтому въ „косвенную угрозу“.

Вотъ что вы дѣлаете въ этой фразѣ: здѣсь вы впервые дѣлаете попытку опровергнуть мои юридическіе доводы относительно отсутствія критеріевъ § 100. Но прямо таки смѣшно видѣть, какъ вы это дѣлаете, и не происходи эта драма въ настоящее время и не имѣй она такихъ послѣдствій, трудно было бы представить что-либо болѣе занятное, чѣмъ смотрѣть на васъ! Дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Въ своей защитительной рѣчи [1]) я ясно и неопровержимо доказалъ, что законъ признаетъ возбужденіе къ ненависти и презрѣнію преступнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно „представляетъ хотя бы возможность возникновенія изъ него внѣшнихъ поступковъ, опасныхъ для уличнаго спокойствія“.

Затѣмъ я доказалъ, что рѣшительно нельзя приписывать такихъ послѣдствій лекціи, которая вездѣ заявляетъ, что считаетъ задачу, приписываемую ею исторіи, задачей цѣлаго мірового періода, обнимающаго—по аналогіи съ двумя другими изображенными въ ней періодами—цѣлыя столѣтія; я умышленно закончилъ лекцію [1]) указаніемъ на то, что для такихъ историческихъ задачъ одно или два десятилѣтія все равно, что часъ!

Вы дѣлаете видъ, будто намѣрены возражать на это замѣчаніе, одинаково основательное какъ in jure, такъ и in facto, и возражаете, гг. авторы научно-логическаго приговора, такъ:

---

[1]) См. стр. 34.

a) „Подвергать общественное спокойствіе опасности“ не значитъ, по закону, „нарушать общественное спокойствіе активными дѣйствіями“. Конечно, не значитъ! Совершенно вѣрно! Да и какъ бы законъ сталъ требовать отъ „возбужденія“ „активныхъ дѣйствій“? Возбужденіе само никогда не дѣйствуетъ активно, а только побуждаетъ другихъ къ этому! Слѣдовательно, все это ни къ селу, ни къ городу: вы толкуете о томъ, о чемъ я и не заикался. Я говорилъ о томъ, что возбужденіе для того, чтобы быть преступнымъ, должно возбуждать другихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, должно, если не производить такихъ дѣйствій, то хотя бы представлять возможность возникновенія ихъ изъ него, потому что иначе оно не будетъ угрожать опасностью общественному спокойствію; и я доказывалъ, что моя лекція не представляетъ такой возможности.

А вы отвѣчаете на это, что законъ не требуетъ отъ угрозы, т. е. отъ возбужденія „активныхъ дѣйствій“, чего я не утверждалъ и что сюда вовсе не относится!

b) „А лишь косвенной угрозы ему“ требуетъ законъ, говорите вы.

Это значитъ, что вы опять неправильно понимаете, гг. авторы научно-логическаго приговора! Повидимому, вы нѣсколько туговаты на ухо! Вы возбуждаете здѣсь вопросъ о томъ, требуется ли закономъ, для признанія, что общественное спокойствіе подвергнуто опасности, „прямая угроза“ ему (прямое возбужденіе къ нарушенію его) или же только „косвенная“ (косвенное возбужденное къ нарушенію). Я не разбиралъ этого вопроса, не касался его. Я и теперь не стану этого дѣлать. Положимъ, слѣдовательно, что достаточно и „косвенной угрозы“ общественному спокойствію. Но, вѣдь, и „косвенная угроза“ должна все-таки угрожать, т. е. представлять собою нѣчто, что могло бы повести къ нарушенію общественнаго спокойствія; иначе она ничему не угрожаетъ и ничего не подвергаетъ опасности! Слѣдовательно, она должна представлять собою возможность произвести какое-нибудь серьезное и при томъ неотложное нарушеніе, т. е. возможность нарушить спокойствіе сегодня или завтра, или черезъ недѣлю, или—къ чему мнѣ съ вами торговаться, любезные господа? Я охотно уступаю вамъ, въ чемъ только могу—положимъ, хотя бы черезъ годъ! Но уже во всякомъ случаѣ не въ такой долгій срокъ, для котораго „одно или два десятилѣтія все равно, что часъ“! Какъ? Вы желаете, господа, распространить свою полицейскую дѣятельность и на то время, когда всѣ мы, и я, и мои слушатели, и вы, гг. авторы, и все наше поколѣніе, и самый законъ вашъ,—всѣ будемъ давно мертвы и погребены и косточекъ нашихъ

не останется? Не думаете ли вы наказывать меня за то, что я угрожаю спокойствію грядущихъ десятилѣтій или даже XX столѣтія?

Итакъ, пусть угроза будетъ косвенною, но она должна угрожать настоящей минутѣ.

А, вѣдь, вы это прекрасно знали, господа! Это доказываетъ первая редакція приговора, гдѣ было сказано, что нужна „предстоящая угроза“, т. е. „относящаяся къ ближайшему времени“. Вообще говоря, выраженіе „предстоящая угроза“ ужасно безобразно и нелѣпо. Такъ нельзя выражаться: „предстоящая угроза“. Но мысль, которую вы хотѣли передать этимъ нелѣпымъ выраженіемъ, совершенно вѣрна. Вы хотите сказать, что угроза должна угрожать предстоящими поступками, непосредственно предстоящею вамъ опасностью! Совершенно вѣрно, господа! Видите, какъ только заставишь васъ развязать языкъ, такъ и добьешся кое-чего путнаго. Но, сказавъ это, вы сообразили, что этимъ вы только подтвердили справедливость моихъ доводовъ, сами признали, что угроза должна относиться къ сегодняшнему или завтрашнему дню, а не къ отдаленному и неизвѣстному будущему; и вотъ вы передѣлываете „предстоящую угрозу“ въ „косвенную“ и торжественно опровергаете то, чего я вовсе не говорилъ!

100) Все тотъ же призывъ къ нравственности. См. замѣч. 22, 53, 54 и проч.

101) Господа, господа! Что вы только творите! Всякому извѣстно, что слово „страсть“ въ единственномъ числѣ можетъ относиться и къ хорошему, великому, какъ и къ дурному. Говорятъ: страсть ко всему прекрасному и благородному, страсть къ искусству и наукѣ, къ религіи и мысли. Но во множественномъ числѣ—„страсти“—всегда говорится только въ дурномъ смыслѣ и само по себѣ означаетъ то же, что и „дурныя страсти“. Во всей моей брошюрѣ я ни разу не употребилъ множественнаго числа и въ интересующемъ насъ мѣстѣ это слово стоитъ въ единственномъ числѣ [1]). А судъ передѣлываетъ его на множественное!!!

102) Позвольте! Это уже черезчуръ! „Вступаться“ значитъ дѣйствовать. Подсунувъ мнѣ слово, котораго у меня никогда не бывало, судъ благополучно получаетъ, наконецъ, доказательство, что я возбуждалъ къ дѣйствіямъ. Но въ своей брошюрѣ я нигдѣ не призывалъ рабочее сословіе „вступаться“, да еще „вступаться со всѣмъ пыломъ страстей“, я убѣждалъ его только „углубляться въ нравственную строгость мысли, предаваться пылу ея (т. е. мысли, а не страстей)“. О „пылѣ страстей“

---

[1]) См. стр. 29—30.

или страсти я вовсе и не говорилъ. Всего этого сопоставленія вовсе нѣтъ въ моей брошюрѣ. Авторы приговора невозможнымъ образомъ извращаютъ мои слова. Такимъ пріемамъ и имени нѣтъ; впрочемъ, я могъ бы подыскать имъ соотвѣтствующее названіе, но меня останавливаютъ нѣкоторыя соображенія. Невѣроятное дѣло! Дѣло, неслыханное въ лѣтописяхъ прусскаго правосудія! Авторы приговора выхватываютъ изъ моей брошюры двѣ, совершенно различныя по смыслу, далеко другъ отъ друга отстоящія, фразы, смѣшиваютъ ихъ, переносятъ слова изъ одной въ другую и vice versa такимъ способомъ составляютъ изъ двухъ фразъ третью, ничего общаго съ обѣими первыми не имѣющую и совершенно чуждую моей брошюрѣ!

Что это такъ, см. стр. 33.

Есть ли на ней слово „страсть" въ употребляемомъ судомъ смыслѣ? Нѣтъ, его вовсе тутъ не существуетъ. Я призываю работниковъ лишь отдаться моральной мощи мысли, объясняя это именно какъ отвлеченную преданность мысли за работой, въ часы досуга, прогулокъ и т. д.

Другая фраза выхвачена за три страницы выше [1]); но она представляетъ собою вовсе не призывъ, а объясненіе и имѣетъ такой смыслъ:

Я показалъ тамъ, каковы причины, вызывающія въ привилегированныхъ сословіяхъ глубокую нечувствительность къ нравственнымъ, идеальнымъ интересамъ человѣчества, а именно, я указалъ на наблюдающійся въ этихъ сословіяхъ конфликтъ между идеаломъ и личнымъ интересомъ. Я показываю, какъ этотъ конфликтъ не можетъ существовать для низшихъ сословій, такъ какъ у нихъ личный интересъ совпадаетъ съ нравственнымъ, культурно-историческимъ, и что имъ поэтому гораздо легче быть нравственными, чѣмъ высшимъ сословіямъ.

Затѣмъ я говорю (стр. 29—30):

„Вы счастливы, господа, ибо вы не только не мертвы по отношенію къ идеѣ, но, наоборотъ, вашъ личный интересъ дѣлаетъ васъ въ высшей степени воспріимчивыми къ ней. Вы счастливцы, ибо вашъ личный интересъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ движущимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете поэтому съ личною страстностью отдаться историческому развитію (въ отличіе, слѣдовательно, отъ привилегированныхъ сословій, у которыхъ идеальные интересы къ историческому развитію и личные находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ), будучи увѣрены, что чѣмъ ярче и глубже бу-

---

[1]) См. стр. 29—30.

детъ эта страсть въ ея, указанномъ здѣсь, чистомъ смыслѣ, тѣмъ нравственнѣе вы будете".

И тутъ, слѣдовательно, нѣтъ слова „вступаться", не говоря уже о томъ, что авторы приговора, какъ показываютъ слова, заключенныя въ скобки, извращаютъ весь смыслъ этого мѣста. Безъ всякихъ заднихъ мыслей оно говоритъ лишь о томъ, что низшимъ сословіямъ легче быть нравственными, а для высшихъ классовъ, какъ личностей, находитъ смягчающія обстоятельства въ ихъ положеніи.

Кромѣ того, тутъ встрѣчается, правда, слово „страсть", (но не „страсти"), за то нѣтъ слова „пылъ". Наконецъ, страсть опредѣляется здѣсь какъ такая, которая проявляется въ ея чистомъ смыслѣ. Авторы перемѣшиваютъ обѣ эти фразы и составляютъ изъ встрѣчающихся въ нихъ словъ съ прибавленіемъ выдуманнаго имъ самимъ „вступаться" совершенно новую третью фразу: „въ прямомъ призывѣ обвиняемымъ рабочаго сословія со всѣмъ пыломъ страстей стать на защиту высказанныхъ имъ идей, развить ихъ пламенно и страстно и отдаться имъ всѣми силами своей души".

И это дѣлаютъ судьи!

Назову ли я этотъ поступокъ тѣмъ именемъ, котораго онъ заслуживаетъ, или не сдѣлаю этого—все равно: у всякаго читателя само собою сорвется съ устъ надлежащее слово!

103) Этого я тоже не говорилъ. Это передѣлка моей фразы на страницѣ 29—30, что „чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть, тѣмъ нравственнѣе они будутъ". У авторовъ приговора это превращается въ призывъ „пламенно и страстно развивать идеи"!

104) Прошу васъ, господа, не коверкайте, по крайней мѣрѣ, моего языка! Я никогда не скажу такой чепухи, какъ „самая личная страсть", потому что личность есть понятіе, неспособное переходить въ превосходную степень, кромѣ какъ въ одномъ спеціальномъ смыслѣ, который сюда не можетъ подходить. „Самая личная"! Чтобы вамъ еще сказать: „Личнѣйшая".

105) Вотъ что? Я ли связываю это?

106) Опять то же преступленіе,—сдѣланное мною по поводу отмѣны цеховъ, которой тщетно добивались съ 1614 г. и достигли въ 1789 г. въ одинъ день, штурмомъ Бастиліи,—историческое замѣчаніе о преимуществѣ революцій въ отношеніи быстроты, „при всѣхъ несомнѣнныхъ невыгодахъ ихъ"! Опять повтореніе процесса Кремуція Корда, назвавшаго Кассія послѣднимъ римляниномъ!

Еще одно, послѣднее слово, господа! Къ чему вы это клоните, говоря

о „связанномъ съ этимъ указаніи“? Выше [1]) вы осуждали меня „именно за пріемы мои сопоставлять и формулировать результаты своихъ размышленій“, за „несомнѣнно умышленную группировку историческихъ фактовъ“, и я обѣщалъ доказать вамъ, что не я сдѣлалъ то сопоставленіе, которое, будто-бы, внесло въ лекцію извѣстную тенденцію, а вы, вы, вы сами! Вотъ точное доказательство этого. О тщетныхъ стремленіяхъ къ отмѣнѣ цеховъ съ 1614 г., о тщетной попыткѣ Тюрго отмѣнить ихъ въ 1776 г., о ниспроверженіи ихъ въ одинъ день революціей я говорю въ своей брошюрѣ по поводу развитія французской революціи и второго мірового періода; здѣсь же я дѣлаю и это замѣчаніе о безсиліи реформъ въ сравненіи съ энергіей революцій, которыя имѣютъ, впрочемъ, свои неоспоримыя невыгоды. Все это говорится на стр. 13. За сказанное о прошедшемъ времени меня нельзя преслѣдовать и не преслѣдуютъ. О третьемъ міровомъ періодѣ, за объясненіе котораго меня преслѣдуютъ, я начинаю говорить 11 страницами ниже [2]). Въ этомъ объясненіи я не повторяю того замѣчанія ни единымъ словомъ, не напоминаю о немъ. Слѣдовательно, не я „сопоставляю“, не я предпринимаю „очевидно умышленную группировку историческихъ фактовъ“, а вы, только вы, вы сами творите все это! Вы переносите мое замѣчаніе съ 13 стр. на 24, вы „сопоставляете“ замѣчаніе 13 страницы съ призывомъ къ нравственности на стр. 33, т. е. больше чѣмъ черезъ цѣлый печатный листъ, чтобы во чтобы то ни стало выжать неблагонамѣренную „тенденцію“. Вы осудили меня за „сопоставленіе размышленій“ и за „очевидно предвзятую группировку историческихъ факовъ“. Но божество, которое заставляетъ васъ говорить то, чего вы не хотѣли бы, и на этотъ разъ принудило васъ произнести приговоръ не надо мной, а надъ самими собой и своими дѣяніями!

А теперь идите съ миромъ, господа! Я предпочитаю просидѣть 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, чѣмъ быть на вашемъ мѣстѣ, чѣмъ оказаться въ вашей шкурѣ и повѣрьте, что многіе предпочли бы это, еслибы имъ представили это на выборъ.

---

[1]) См. замѣчаніе 87 и 91.

[2]) См. стр. 24.

Приложеніе къ процессу Ф. Лассаля.

Жалоба Лассаля оберъ-прокурору королевской судебной палаты, г. Адлунгу, на полицейскаго чиновника, производившаго у него 28 іюня 1862 года домашній обыскъ, противъ котораго онъ тщетно протестовалъ, и на прокурора фонъ-Шеллинга, по требованію котораго былъ произведенъ этотъ обыскъ.

Королевскому оберъ-прокурору королевской судебной палаты въ гор. Берлинѣ.

Довожу до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, что въ теченіе сегодняшняго дня въ квартирѣ моей королевскими чиновниками произведены важныя и насильственныя нарушенія конституціи и законовъ, а именно: въ особенности статьи 6 конституціи, § 128 Уголовнаго Устава, § 11 закона 12 февраля 1850 г. для охраненія личной свободы и § 29 закона 12 мая 1851 г., что является преступленіемъ противъ § 315 Уголовнаго Уложенія.

Фактическія обстоятельства, послужившія поводомъ къ настоящей жалобѣ, были слѣдующія:

Вслѣдствіе предписанія королевскаго прокурора о наложеніи ареста на мою, изданную г. Карломъ Нёрингомъ, лекцію, прочитанную 12 апрѣля въ здѣшнемъ союзѣ ремесленниковъ, все изданіе этой брошюры было конфисковано у г. Нёринга, за исключеніемъ 50 экземпляровъ, уже переданныхъ мнѣ.

Такъ какъ задержаніе брошюры было, слѣдовательно, произведено до выпуска ея въ свѣтъ, то, согласно § 32 закона 12 мая 1851 г., его слѣдовало бы отмѣнить, а съ конфискованныхъ экземпляровъ снять — впредь до рѣшенія суда—арестъ.

Во избѣжаніе этого королевскій прокуроръ предписалъ допросить меня о томъ, что сталось съ переданными мнѣ 50 экземплярами.

На допросѣ я заявилъ, что единственно въ видахъ сокращенія процедуры признаю фактъ обнародованія брошюры въ смыслѣ закона совершившимся, оговоривъ сверхъ того въ протоколѣ, что если содержаніе брошюры является преступнымъ, то самый фактъ прочтенія лекціи въ публичномъ собраніи есть уже преступленіе.

Вслѣдствіе всего этого, по предписанію королевскаго прокурора, сегодня въ квартиру мою явился королевскій полицейскій комиссаръ для отобранія отъ меня болѣе подробныхъ показаній о томъ, что сталось съ переданными мнѣ 50 экземплярами и, въ случаѣ моего отказа отвѣчать, для производства у меня домашняго обыска.

Въ своемъ предписаніи королевскій прокуроръ говоритъ, что сдѣланное мною въ такой общей формѣ признаніе, не освобождаетъ его отъ необходимости спеціальными фактами доказать фактъ распространенія,—что совершенно справедливо; далѣе онъ говоритъ, что чтеніе лекціи въ публичномъ собраніи составляетъ проступокъ отдѣльный и отличный отъ распространенія--проступка, совершеннаго посредствомъ печати и составляющаго предметъ настоящаго слѣдствія,—что, замѣчу мимоходомъ, противорѣчитъ принципамъ, установленнымъ королевскимъ верховнымъ судомъ въ рѣшеніи по дѣлу Кракрюгге; наконецъ, онъ говоритъ, что вынужденъ, въ случаѣ моего отказа сообщить дальнѣйшія свѣдѣнія, распорядиться произвести у меня обыскъ для розыска 50 экземпляровъ, что совершенно противозаконно и по многимъ причинамъ.

1) Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что прокуроръ вовсе не компетентенъ дѣлать распоряженія о производствѣ обыска, каковой можетъ предписываться только слѣдователемъ. Такимъ образомъ, распоряженіе прокурора есть присвоеніе правъ слѣдователя, превышеніе власти и преступленіе противъ 6 статьи конституціи. Правда, на практикѣ господствуетъ какъ будто иное воззрѣніе. Но оно оказывается несостоятельнымъ, если тщательно разсмотрѣть относящіяся сюда законоположенія и исторію законодательства, особенно § 128 Уголовнаго Устава, § 6 отмѣненнаго закона отъ 22 сентября 1848 г., замѣнившій его § 11 закона 12 февраля 1850 г., который разнится отъ предыдущаго только редакціей, мотивы этихъ обоихъ законовъ, наконецъ, законъ 3 января 1849 г. и спеціально §§ 42—44 его. Такъ какъ незаконность произведеннаго у меня обыска несомнѣнна даже помимо отсутствія компетентности прокурора, то подробный разборъ этихъ законоположеній я считаю пока излишнимъ и только въ такомъ случаѣ приступлю къ нему, если Ваше Высокоблагородіе, паче чаянія, сообщите мнѣ, что не раздѣляете, на основаніи опредѣленныхъ статей закона моего взгляда.

2) Оставляя въ сторонѣ общую компетентность прокурора, мы не находимъ въ настоящемъ случаѣ и законнаго права. Прокуроръ предпочитаетъ направить преслѣдованіе непосредственно противъ сочиненія, какъ произведенія печати, и лишь посредственно противъ меня, какъ автора его, вмѣсто того, чтобы стать на ту точку зрѣнія, на которую естественно хотѣлъ поставить его, т. е. направить преслѣдованіе прямо противъ меня за чтеніе въ публичномъ собраніи лекціи преступнаго содержанія. Допустимъ, что онъ былъ вправѣ выбирать ту или иную точку зрѣнія; тогда онъ во всякомъ случаѣ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ строго держаться законныхъ предписаній, существующихъ для имъ самимъ избранной точки зрѣнія, т. е., въ данномъ случаѣ, законовъ о печати.

Королевскій прокуроръ и чиновникъ, производившій обыскъ, основываются положительно на § 29 закона о печати отъ 12 мая 1851 года. Этотъ § гласитъ:

„Если сочиненіе, предназначенное къ распространенію, не соотвѣтвѣтствуетъ предписаніямъ §§ 7 и 24, или если сочиненіе, уже обнародованное, по своему характеру содержитъ въ себѣ признаки состава преступленія, то прокурорскій надзоръ и его органы вправѣ налагать на него арестъ, гдѣ таковое сочиненіе окажется въ цѣляхъ распространенія“.

Достаточно бѣгло ознакомиться съ этимъ §, на которой ссылается королевскій прокуроръ, чтобы самымъ яснымъ образомъ убѣдиться въ противозаконности обыска. Это вытекаетъ изъ нѣсколькихъ основаній, а именно:

a) говоря: „если сочиненіе, уже обнародованное, по своему характеру содержитъ въ себѣ признаки состава преступленія“, законъ, конечно, ставитъ условіемъ наложенія ареста предварительное обнародованіе сочиненія. Но именно этого-то самъ прокуроръ не знаетъ, а лишь утверждаетъ. Находясь въ неизвѣстности насчетъ того, не является ли его распоряженіе о конфискаціи у г. Нёринга противозаконнымъ, такъ какъ онъ не знаетъ, произошло ли уже обнародованіе брошюры, дающее право на такого рода мѣру, — прокуроръ впадаетъ въ circulus vitiosus, т. е., чтобы убѣдиться, имѣло ли мѣсто обнародованіе и законна ли поэтому первая конфискація, онъ пытается произвести конфискацію у меня, хотя и на это имѣлъ бы право только по совершеніи факта обнародованія;

b) во вторыхъ, этотъ § позволяетъ прокурору налагать арестъ, но отнюдь не даетъ ему права производить домашній обыскъ. Онъ позволяетъ ему искать въ магазинахъ и складахъ профессіональныхъ торговцевъ, а не дѣлать обыски въ частныхъ квартирахъ;

c) наконецъ, этотъ § вполнѣ опредѣленно ограничиваетъ свое позволеніе налагать арестъ только тѣми мѣстами, гдѣ сочиненіе находится „въ цѣляхъ распространенія“, слѣдовательно, вовсе не дозволяетъ прокуратурѣ и ея органамъ налагать арестъ на сочиненія у частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе у автора, который имѣетъ законное право держать у себя свою духовную собственность въ какой угодно формѣ, въ печатной, какъ и рукописной.

Кажется, вполнѣ ясно, слѣдовательно, что § 29 закона о печати обличаетъ принятую королевскимъ прокуроромъ мѣру, какъ совершенно незаконную, хотя послѣдній ссылается именно на него, разсматривая все дѣло исключительно какъ проступокъ печати!

3) Быть можетъ, королевскій прокуроръ, видя несостоятельность избранной имъ точки зрѣнія, откажется отъ § 29 закона о печати и попытается защищать принятую имъ мѣру тѣмъ, что обыскъ былъ произведенъ не съ цѣлью конфискаціи, а вообще въ видахъ установленія факта преступленія. Но и эта попытка оказывается несостоятельной, если даже не касаться вопроса о компетентности прокурора вообще производить обыскъ и не обращать вниманія на его отступленіе отъ имъ самимъ избранной законной точки зрѣнія,—преслѣдованіе проступка печати на основаніи закона о печати. Вполнѣ ясно, вѣдь, что въ данномъ случаѣ, даже судебный слѣдователь не имѣлъ бы права предписать производства домашняго обыска.

Домашнихъ обысковъ нельзя производить, какъ и когда вздумается. Статья 6 конституціи прямо говоритъ:

„Жилище неприкосновенно. Вторженія въ него и домашніе обыски допускаются только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и формахъ“.

То же повторяетъ § 11 закона отъ 12 февраля 1850 г.

Что же это за „опредѣленные закономъ случаи?“

Правда, въ этомъ отношеніи наше законодательство обнаруживаетъ весьма прискорбную неопредѣленность. И конституція, и законъ 12 февраля 1850 г. неоднократно повторяютъ, что домашніе обыски „допускаются только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ“, заставляя думать, что подобные случаи въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь опредѣлены, между тѣмъ какъ, кромѣ установленія особыхъ категорій лицъ, о нихъ нигдѣ нѣтъ и помину, если не считать полнымъ перечисленіемъ всѣхъ „опредѣленныхъ закономъ случаевъ“ слѣдующаго положенія § 125 Уголовнаго Устава:

„Судья имѣетъ право произвести домашній обыскъ, если есть достаточ-

ное основаніе предполагать, что это поможетъ раскрыть обстоятельства дѣла или виновника преступленія, или вполнѣ или частью возмѣстить ущербъ, причиненный преступленіемъ".

Но при всей этой неопредѣленности нашего законодательства, наиболѣе распространительное толкованіе допустимости домашняго обыска, очевидно, не можетъ итти далѣе допущенія его для всѣхъ цѣлей предварительнаго слѣдствія.

Цѣли предварительнаго слѣдствія опредѣляются § 44 закона 3 января 1849 г. такъ:

„Цѣль предварительнаго слѣдствія состоитъ въ раскрытіи и опредѣленіи наличности и характера заявленнаго преступленія, личности виновника и уликъ, служащихъ для его обличенія настолько, насколько это необходимо для обоснованія обвиненія и для подготовки устнаго разбора дѣла".

Итакъ, вотъ цѣль предварительнаго слѣдствія вообще — доказать наличность проступка и собрать улики; это и есть крайній мыслимый предѣлъ допустимости домашняго обыска, какъ показываетъ и цитированный § 125 Уголовнаго Устава, говорящій объ „открытіи обстоятельствъ дѣла". Далѣе не можетъ идти самъ судебный слѣдователь даже въ простомъ розыскѣ, не только въ обыскахъ. Цитированный § 44 закона отъ 3 января 1849 г. вполнѣ опредѣленно прибавляетъ:

„Поэтому судебный слѣдователь не долженъ простирать розысковъ далѣе того, чѣмъ необходимо для этой цѣли".

Понятно, что особенно не долженъ онъ производить домашнихъ обысковъ, не необходимыхъ для этой цѣли, даже совершенно не идущихъ къ дѣлу.

А таковъ именно и былъ настоящій домашній обыскъ.

Если бы разыскиваемые экземпляры были найдены, то это доказало бы не наличность проступка, что составляетъ цѣль домашнихъ обысковъ, а отсутствіе проступка. Это доказало бы, что распространенія не было. Но и ненахожденіе экземпляровъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, какъ фактъ отрицательный, нисколько не доказываетъ дѣйствительнаго распространенія. Вѣдь, я могъ и могу спрятать экземпляры совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ искали.

Домашній обыскъ, не только „не необходимый" для доказательства наличности проступка, а, наоборотъ, необходимо недоказывающій его, необходимо безполезный, есть, очевидно, домашній обыскъ, не отвѣчающій „опредѣленнымъ закономъ случаямъ". А конституція гласитъ, что

обыски не должны производиться произвольно, что ихъ слѣдуетъ производить только въ „опредѣленныхъ закономъ случаяхъ“.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и законовъ, я тогда же занесъ въ протоколъ производившаго обыскъ чиновника протестъ противъ домашняго обыска, который призналъ незаконнымъ, и объявилъ, что уступаю только насилію.

Насиліе не заставило себя ждать. Не взирая на то, что я стоялъ на законной почвѣ, занавѣски моей библіотеки были отдернуты властною рукою,—и за ними, конечно, ничего не было найдено!

На основаніи § 130 Уголовнаго Устава, гласящаго:

„Если при домашнемъ обыскѣ ничего подозрительнаго противъ лица, у котораго онъ произведенъ, не оказалось, то ему, буде онъ того пожелаетъ, безмездно выдается на этотъ предметъ оправдательный документъ“, — я могъ бы даже потребовать у властей безмездной выдачи оправдательнаго документа и притомъ безотлагательно!

Я отнюдь не склоненъ извлекать изъ этого дѣла какихъ-либо личныхъ выгодъ. Зато я не могу отказаться отъ другого удовлетворенія, объективнаго и болѣе важнаго.

Тяжелое время переживаемъ мы, г. оберъ-прокуроръ! Политическій барометръ предвѣщаетъ бури, и на горизонтѣ прессы и публичнаго права собрались черныя тучи преслѣдованій. Въ такое время каждый гражданинъ, хотя бы практически и не потерпѣвшій чувствительнаго ущерба, обязанъ старательно и ревниво, такъ сказать, съ теоретическимъ упорствомъ, защищать всѣ тѣ законныя установленія, которыя могутъ представить странѣ хоть какое-нибудь убѣжище отъ надвигающейся непогоди. Въ такое время необходимо быть преисполненнымъ нетерпимаго, мрачнаго, ревнительскаго фанатизма, не признающаго ничего, кромѣ неуклонно-строгаго закона и, отбросивъ въ сторону всякія гуманныя отношенія къ лицамъ и намѣреніямъ, стоять, какъ Шейлокъ, на буквѣ своего права!

И я непоколебимо-твердо стоялъ на почвѣ закона, протестуя и указывая на законъ. И также непоколебимо отдергивалъ обыскивавшій чиновникъ занавѣски моей библіотеки. Такимъ образомъ, здѣсь имѣлъ мѣсто случай, предусмотрѣнный § 315 Уголовнаго Уложенія, который гласитъ:

„Чиновникъ, злоупотребляющій своей служебной властью, дабы противозаконно принудить кого-либо къ какому-нибудь поступку, попущенію или неисполненію обязанности, подвергается тюремному заключенію на срокъ не менѣе одного мѣсяца“.

Поэтому почтительнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе такъ же безпощадно, какъ и я, стать на защиту поруганнаго закона и наложить за совершенное беззаконіе строжайшее взысканіе. Съ отмѣннымъ уваженіемъ и пр.

Ф. Лассаль.

Берлинъ, 28 іюня 1862 г. [1]).

---

[1]) Прим. Ф. Лассаля. На эту жалобу оберъ-прокуроръ отвѣтилъ 7 іюля 1862 г., что она во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельна и потому оставляется безъ послѣдствій. Но судъ въ своемъ приговорѣ (см. стр. 122, замѣч. 1.) призналъ законность обыска „въ высшей степени сомнительною“ и, слѣдовательно, самое жалобу основательною.

КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ

И

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ.

Господа!

Страстность, съ какою велись пренія въ этомъ процессѣ въ первой инстанціи, сегодня, надѣюсь, уступитъ мѣсто болѣе хладнокровному отношенію къ дѣлу. Я, съ своей стороны, охотно послѣдую этому, такъ какъ по многимъ причинамъ нахожусь сегодня въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ это было въ первой инстанціи.

Мнѣ незачѣмъ повторять здѣсь доводовъ моей защиты въ первой инстанціи, ибо они приведены въ моей напечатанной защитительной рѣчи въ видѣ pars integra [1]) апелляціи. Эти доводы достаточно защищаютъ меня и въ данномъ случаѣ, и если бы вы согласились съ приговоромъ первой инстанціи,—чего я, впрочемъ, совсѣмъ не склоненъ предполагать, —вамъ все равно пришлось бы предварительно опровергнуть ихъ, такъ какъ въ первой инстанціи судъ и не пытался сдѣлать этого!

Второе преимущество моего сегодняшняго положенія состоитъ въ томъ, что приговоръ первой инстанціи ограничиваетъ поле настоящей защиты. Въ первой инстанціи мнѣ приходилось защищать всю мою лекцію, защищать все, такъ какъ прокуроръ обвинялъ ее цѣликомъ. Мотивы же приговора первой инстанціи несомнѣнно ограничиваютъ поле спорныхъ вопросовъ. Мнѣ теперь незачѣмъ защищать всей лекціи, какъ это было раньше, а только то, что приговоръ нашелъ въ ней преступнымъ.

Это новое мое положеніе создано преимущественно благодаря тому, что приговоръ призналъ мою лекцію по существу чисто-научной и потому

[1]) Существенной части.

стоящею подъ защитой 20 статьи конституціи. Этимъ вопросъ о виновности ограничивается тѣми частями моей лекціи, которыя выходятъ будто бы за предѣлы научнаго ея содержанія. Правда, приговоръ не указываетъ этихъ пунктовъ, да онъ и не могъ ихъ указать, какъ я уже доказалъ вамъ это въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ къ нему. Показавъ несостоятельность всѣхъ основаній приговора, я далѣе развиваю тамъ передъ вами три слѣдующихъ важныхъ доказательства, а именно:

1) Судъ самъ, своими собственными словами признаетъ чисто-научнымъ и дозволеннымъ то, что впослѣдствіи самъ, собственными же словами, признаетъ преступнымъ; такимъ образомъ, онъ, строка за строкой, непрестанно противорѣча себѣ, самъ же побиваетъ себя.

2) Судъ не указываетъ состава преступленія въ моихъ словахъ; вмѣсто того онъ занимается неслыханнѣйшимъ сыскомъ мыслей; за недостаткомъ состава преступленія, онъ дѣлаетъ умозаключенія о моихъ невысказанныхъ мнѣніяхъ и эти свои соображенія о моихъ задушевныхъ, невысказанныхъ убѣжденіяхъ, вмѣняетъ мнѣ въ вину, какъ объективные преступные факты. Въ этомъ сыскѣ мыслей судъ, какъ я доказалъ вамъ пунктъ за пунктомъ при помощи свидѣтельствъ исторіи, далеко оставилъ позади себя всѣ гнусности, какими ужасали и ужасаютъ современниковъ и потомство святая инквизиція, средневѣковые религіозные процессы и звѣрства эпохи римскихъ императоровъ.

3) Наконецъ, я доказалъ, что, несмотря на это смѣшеніе задачъ сыска мыслей съ констатированіемъ состава преступленія, судъ все же не нашелъ ничего, чѣмъ онъ могъ бы даже, съ своей точки зрѣнія, обосновать свое требованіе осужденія; и поэтому онъ принимается выдумывать, приписывать мнѣ слова, какихъ я никогда не произносилъ въ своей лекціи и осуждать положенія, какихъ въ моей брошюрѣ совсѣмъ нѣтъ.

Я лишь напоминаю объ этихъ доказательствахъ, изложенныхъ въ моей апелляціи и не стану ближе касаться ихъ. Я не стану повторять ихъ здѣсь, ибо вовсе не желаю возбуждать волненія, какъ это напрасно приписывали моей защитительной рѣчи въ первой инстанціи. Но даже рискуя вызвать возбужденіе, я не могу отказаться отъ намѣренія высказать и развить все то, что необходимо и полезно для моей защиты.

А потому я ограничусь лишь тѣмъ, что еще разъ горячо и какъ бы безмолвно напомню вамъ тѣ уничтожающія доказательства, какія были развиты мною въ апелляціи, и больше не стану возвращаться къ нимъ.

Эту возможность не возвращаться къ возбуждающимъ страсти дово-

дамъ моей защитительной рѣчи и моего апелляціоннаго отвѣта я также отношу къ числу преимуществъ моего теперешняго положенія.

Но главная выгода здѣсь та, что сегодня я стою передъ болѣе высокимъ судомъ и, слѣдовательно, передъ болѣе высокими умами. Въ сущности, каждый изъ насъ, господа, только выполняетъ свою роль! Судъ первой истанціи исполняетъ свою роль, когда выноситъ приговоръ, требующій исправленія, ибо на то и существуютъ суды высшихъ инстанцій, чтобы исправлять приговоры низшихъ; я также исполняю свою роль, когда протестую противъ этого приговора; наконецъ, вы также въ своей роли, когда соглашаетесь со мной и отмѣняете приговоръ!

Наконецъ, послѣднее преимущество настоящаго положенія, благодаря которому оно должно вызвать меньше возбужденія, заключается въ перемѣнѣ моего настроенія.

Въ перой инстанціи прокуратура отнеслась ко мнѣ недостойнымъ образомъ, чего сегодня, надѣюсь, не повторится. Она утверждала, что я преднамѣренно придалъ своей лекціи видъ научности, чтобы обмануть полицію и судъ.

Господа, я считалъ ниже своего достоинства отвѣчать на это иначе, кромѣ какъ фактами. Судъ первой инстанціи и вы сами, вѣроятно, достаточно убѣдились по моей первой защитительной рѣчи, до чего такіе обманы и увертки чужды моему характеру. Вызывающее поведеніе прокурора побудило меня по необходимости зайти въ своей защитѣ гораздо дальше, гораздо безпощаднѣе напасть на государственныя учрежденія, чѣмъ это было сдѣлано въ лекціи. На храбрыхъ людей провокація всегда оказываетъ такое дѣйствіе: она побуждаетъ ихъ вести себя еще смѣлѣе, еще больше пренебрегать изворотами, и таковъ былъ мой фактическій отвѣтъ, мое фактическое опроверженіе на упрекъ прокурора въ трусливомъ образѣ дѣйствій. Впрочемъ, вынесенный мнѣ приговоръ далъ мнѣ въ этомъ отношеніи полное удовлетвореніе, признавъ, что моя лекція, хотя въ цѣломъ и чисто-научная, все же наказуема и, такимъ образомъ, здѣсь и рѣчи нѣтъ о лживой научной видимости моей лекціи.

Но, и помимо этого особенно неприличнаго пріема, какимъ прокуратура пыталась мотивировать тогда и еще раньше, въ обвинительномъ актѣ, свои нападки, я имѣлъ въ то время полное основаніе находиться въ возбужденномъ состояніи и, дѣйствительно, былъ взволнованъ. Поставьте себя, господа, на минуту въ мое положеніе, положеніе ученаго. Вы посвящаете труднымъ изслѣдованіямъ время, которымъ другіе пользуются для наслажденія и обогащенія. Въ долгія ночи, проводимыя безъ сна при свѣтѣ лампы,

одно поддерживаетъ бодрость въ вашемъ усталомъ тѣлѣ — жажда истины и сознаніе, что приносишь пользу своимъ ближнимъ. Эта услуга не вознаграждается ни внѣшними выгодами, ни признаніемъ. Ученый, правда, не разсчитываетъ на нихъ и не ищетъ ихъ. Исторія научила его, что признаніе есть растеніе, пышно распускающееся лишь на могилахъ! Но каково ему, когда, углубленный въ размышленія, онъ внезапно пробуждается отъ нихъ, отрывается отъ своихъ занятій крикомъ, что его требуютъ въ судъ, что его собираются карать, какъ преступника, именно за то, чему онъ безкорыстно посвятилъ свои лучшія силы и чѣмъ онъ по своему глубочайшему убѣжденію — единственная его награда! — думалъ оказать услугу обществу! Что же удивительнаго, господа, что, потрясенный этимъ крикомъ, онъ проникается негодованіемъ, обращаетъ свою науку въ разящій мечъ и въ пылу гнѣва поражаетъ имъ все вокругъ себя?

Таково было естественное и необходимое дѣйствіе того обвиненія. Казалось бы, что вынесенный приговоръ долженъ былъ только еще усилить это негодованіе. Но нѣтъ, настроеніе совершенно мѣняется, и мнѣ нечего здѣсь пояснять его вамъ, ибо оно овладѣетъ вами самими, господа, въ теченіе этой рѣчи, если только я не слишкомъ полагаюсь на силу истины!

Итакъ, здѣсь я буду касаться только тѣхъ пунктовъ и вопросовъ, которыхъ я еще не разсмотрѣлъ въ своей апелляціи. Къ этому я теперь и перехожу.

Главное основаніе приговора составляетъ сказанное мною въ лекціи о косвенныхъ налогахъ. Приговоръ неоднократно повторяетъ, что именно єтимъ я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію противъ имущихъ классовъ.

Посмотримъ же, что сказалъ я въ своей лекціи о косвенныхъ налогахъ. Я развиваю въ ней то философское положеніе, что всякое господствующее сословіе стремится сдѣлать свой основной принципъ господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, стремится наложить на нихъ отпечатокъ исключительно своего особеннаго принципа. Разсматривая въ своей лекціи міровой періодъ дворянства или среднихъ вѣковъ' я доказалъ это на четырехъ крупныхъ фактахъ. Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію второго мірового періода, періода господства буржуазіи, основаннаго на владѣніи капиталомъ, я показываю, что этотъ великій законъ, господствующій во всѣ историческія эпохи, и здѣсь не измѣняетъ себѣ и что въ этомъ періодѣ буржуазія на все въ обществѣ налагаетъ отпечатокъ владѣнія капиталомъ и превращаетъ его въ привилегію. И дѣлается это съ той же послѣдовательностью, съ какою раньше дворянство

превращало землевладѣніе въ господствующій принципъ общества. Доказываю я это разборомъ тѣхъ же четырехъ фактовъ.

Я доказываю это прежде всего на примѣрѣ избирательнаго права, основаннаго на цензѣ, подобно государственному строю среднихъ вѣковъ, основанному на землевладѣніи.

Затѣмъ я перехожу ко второму пункту проводимой мною параллели, къ налогамъ, и говорю объ этомъ буквально слѣдующее (стр. 21—22):

„То же самое и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ, какъ я вамъ показалъ, въ средніе вѣка землевладѣніе являлось господствующимъ принципомъ.

„Я указалъ вамъ на податную льготность дворянскаго землевладѣнія въ средніе вѣка и сказалъ, что каждое господствующее привилегированное сословіе старается свалить бремя государственныхъ расходовъ на угнетенные, неимущіе классы.

„Также поступаетъ и буржуазія. Правда, она не можетъ открыто заявить, что желаетъ быть изъятой отъ податной повинности. Напротивъ того, она открыто провозглашаетъ своимъ принципомъ, что каждый долженъ платить налогъ пропорціонально своему доходу. Но она достигаетъ по мѣрѣ возможности того же результата замаскированнымъ способомъ, посредствомъ установленія различія между прямыми и косвенными налогами.

„Прямыми налогами называются, господа, такіе, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированный подоходный налогъ или классная подать, и опредѣляются поэтому величиной дохода и капитала; косвенные же налоги—тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ-то: на соль, на хлѣбъ, на пиво, мясо, топливо или на потребности въ государственной защитѣ, судебные расходы, гербовая бумага и т. д. Этотъ налогъ человѣкъ часто уплачиваетъ въ цѣнѣ вещей, не подозрѣвая и не замѣчая, что платитъ въ эту минуту подать, что именно налогъ повышаетъ цѣну покупаемыхъ вещей.

„Но, вы, вѣдь знаете, господа, что если кто-нибудь богаче другого въ 20, 50, 100 разъ, вслѣдствіе этого, онъ все же не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50 или 100 разъ больше пива и вина, не испытываетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ отопленіи и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ рабочій или мѣщанинъ.

„Отсюда и происходитъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею частью своею на неимущихъ, на бѣднѣйшіе классы націи. Правда,

не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали и раньше. Но буржуазія развила ихъ до неслыханной системы и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы.

„Чтобы доказать вамъ это, я загляну, напр., въ прусскій бюджетъ 1855 г.

„Общая сумма доходовъ государства въ этомъ году простиралась, круглымъ счетомъ, до 108.930.000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11.967.000 талеровъ дохода съ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, т. е., съ имуществъ, которыя не входятъ въ наши соображенія. Остается, слѣдовательно, около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ, около 26 милліоновъ получается, по классификаціи бюджета, прямыми налогами. Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что нашъ бюджетъ никогда не придерживается научныхъ основаній и въ своей классификаціи руководствуется только внѣшнею формою сбора податей. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо выключить 10 милліоновъ поземельной подати, которая хотя и взимается непосредственно съ землевладѣльцевъ, но перелагается ими на цѣну хлѣба и уплачивается, слѣдовательно, въ сущности потребителями хлѣба, т. е. составляетъ налогъ косвенный. По той же причинѣ надо выключить 2.900.000 талеровъ промысловаго налога.

„Доходовъ дѣйствительно изъ прямыхъ налоговъ остается только:

2.928.900	талеровъ	классифицированнаго подоходнаго налога.
7.884.000	„	класснаго налога и
2.036.000	„	дополнительнаго налога.

Итого. . 12.848.000 талеровъ.

„Итакъ, господа, въ дѣйствительности изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется только 12.800.000 талеровъ. Все остальное, сверхъ этихъ 12.800.000 талеровъ, за весьма немногими и ничтожными статьями, которыя занимаютъ здѣсь особенное положеніе, приходится на косвенные налоги, если только не придерживаться ненаучной классификаціи бюджета, который, напр., не причисляетъ къ косвеннымъ налогамъ 8.300.000 талеровъ дохода съ соляной монополіи или дохода съ судебныхъ пошлинъ въ размѣрѣ 8.849.000 талеровъ.

„Косвенный налогъ, господа, есть, слѣдовательно, такая финансовая организація, посредствомъ которой буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и взваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества“.

Сказанное можно буквально свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Косвенные налоги падаютъ на людей не пропорціонально ихъ капиталу и доходу, какъ прямые налоги, и крайне обременительны для бѣднѣйшихъ классовъ;

2) поэтому, значительно большая часть дохода отъ косвенныхъ налоговъ взимается съ бѣднѣйшихъ классовъ націи;

3) къ косвеннымъ принадлежатъ не только налоги, причисляемые къ нимъ бюджетомъ, который руководствуется въ своей классификаціи лишь внѣшнимъ признакомъ способа взиманія, но вообще всѣ налоги, падающіе на людей независимо отъ ихъ имущества, въ связи съ какой-либо потребностью ихъ;

4) поэтому, промысловыя пошлины и поземельный налогъ, причисляемыя бюджетомъ къ прямымъ налогамъ, въ сущности, съ научной точки зрѣнія должны быть отнесены къ косвеннымъ налогамъ;

5) на основаніи всего этого бюджетъ 1855 года, разобранный въ моей лекціи и достигающій цифры 108.930.000 талеровъ, составляется изъ троякаго рода источниковъ: a) изъ 11.967.000 талеровъ дохода съ государственныхъ имуществъ, b) изъ 12.848.000 талеровъ дохода съ прямыхъ налоговъ и c) изъ всего остатка, т. е. 85 милліоновъ косвенныхъ налоговъ.

Эти мои выводы прокуроръ въ первой инстанціи опровергалъ такимъ образомъ. Онъ не оспаривалъ и, разумѣется, не могъ оспаривать вѣрности приведенныхъ мною цифръ, такъ какъ онѣ взяты изъ офиціальнаго бюджета, и я представилъ въ судъ одно сочиненіе по статистикѣ финансовъ, гдѣ этотъ бюджетъ напечатанъ.

Сегодня же я представилъ въ судъ и самое офиціальное изданіе бюджета.

Но, говорилъ прокуроръ, все это изложеніе основано просто на софизмѣ. „Разумѣется,—говоритъ онъ,—богатому нужно больше соли, хлѣба, мяса, топлива, такъ какъ онъ кормитъ извѣстное число людей изъ низшихъ сословій, частью за своимъ собственнымъ столомъ, частью выдавая имъ заработную плату, размѣръ которой опредѣляется по тому же уровню. Кромѣ того, обвиняемый умышленно упускаетъ изъ виду, что косвенные налоги падаютъ не только на соль, мясо, хлѣбъ и топливо, но и на другіе предметы и прежде всего на предметы роскоши. Налоги на нихъ, напр., на шелкъ и даже на сахаръ, бѣдныхъ не касаются. Точно также бѣдному рѣдко приходится оплачивать штемпельный сборъ, особенно высокаго размѣра и, такимъ образомъ, онъ не участвуетъ и въ этомъ косвенномъ!—какъ иронически замѣчаетъ прокуроръ—налогѣ. Полагаю, что въ этомъ отношеніи софистика обвиняемаго очевидна и что,

говоря подобнымъ образомъ передъ работниками, онъ неслыханнѣйшимъ образомъ возбуждаетъ своихъ слушателей нарушить общественное спокойствіе“.

Я считалъ, господа, эти слова не заслуживающими никакого отвѣта и потому въ своей защитѣ я обошелъ ихъ молчаніемъ. Но въ своей репликѣ прокуроръ вновь возвращается къ нимъ: „Что касается другого основанія,— говоритъ онъ,—что содержаніе рѣчи, носитъ будто-бы чисто - научный характеръ, то я позволю себѣ обратить вниманіе особенно на то, какъ ненаучно поступаетъ обвиняемый. Онъ счелъ неудобнымъ возражать и на это мое замѣчаніе. Я сказалъ ему, что въ его лекціи приводятся невѣрные факты. Для примѣра я указалъ, что онъ категорически утверждаетъ въ ней, будто буржуазія все бремя налоговъ взвалила на народъ, развивъ систему косвенныхъ налоговъ, какъ онъ буквально выражается, до неслыханныхъ размѣровъ, хотя они существовали уже и раньше. Какъ странно слышать утвержденіе, что косвенные налоги покрываются исключительно четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣдный фактически не въ состояніи сдѣлать этого. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что четвертое сословіе вовсе не платитъ налоговъ, такъ какъ оно получаетъ отъ буржуазіи, какъ имущаго класса, предметы, обложенные косвеннымъ налогомъ“.

На это я, въ свою очередь, возразилъ немногими, но убѣдительными словами. Я замѣтилъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ распадается на факты и выводы. Приведенныхъ мною фактовъ—цифръ прокуроръ не отвергаетъ, еще менѣе можетъ онъ отрицать выводы. Что прямые налоги составляютъ лишь очень небольшую часть государственнаго дохода— это фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ офиціальный бюджетъ, показывающій, что изъ 108 милл. общаго дохода прямыми налогами вносится только 26 мил. Что изъ этихъ 26 милліоновъ, суммы, доставляемыя поземельнымъ и промысловымъ налогомъ, перелагаются на потребителей и потому представляютъ собой косвенный налогъ—это также всѣмъ извѣстный фактъ, и въ наукѣ вообще никто уже не сомнѣвается, что всѣ налоги, получаемые не съ имущества, а съ какой-либо потребности, принадлежатъ къ косвеннымъ. Итакъ, остается въ дѣйствительности 12—13 милліоновъ прямыхъ налоговъ противъ 84 милл. косвенныхъ. Что косвенные налоги уплачиваются, будто-бы, исключительно бѣдными классами,—этого я не могъ сказать и это была бы чистѣйшая нелѣпость, такъ какъ потребляетъ, вѣдь, всякій. Я могъ сказать только, что косвенные налоги преимущественно, въ своей значительно большей части, уплачиваются бѣдными классами.

Но это уже ясно, какъ Божій день, изъ того, что косвенные налоги падаютъ на людей не пропорціонально ихъ доходу, а въ соотвѣтствіи съ ихъ потребностью въ предметахъ, обложенныхъ этими налогами, потребностью, отнюдь не пропорціональной доходамъ. Въ этомъ и заключается неравномѣрность распредѣленія косвенныхъ налоговъ. Но разъ ясно, что косвенные налоги обременяютъ людей не пропорціонально ихъ имуществу и доходу, что, слѣдовательно, человѣкъ, который въ 20, 50, 100 разъ богаче другого, по этому одному не потребляетъ еще въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, и т. п., чѣмъ, напр., рабочій или мѣщанинъ, то уже одно то соображеніе, что бѣдныхъ гораздо больше, чѣмъ богатыхъ, необходимо доказываетъ, что наибольшая часть косвенныхъ налоговъ уплачивается именно бѣдными. Наконецъ, я замѣтилъ, что все это, какъ и прочее, сказанное мною по этому поводу, уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ установлено наукой и статистикой и что поэтому было бы болѣе чѣмъ безполезно поучать фактамъ, которые уже такъ давно приняты наукой.

Я удовольствовался этими краткими убѣдительными замѣчаніями, этимъ указаніемъ на всегдашнее единодушное свидѣтельство науки. Я считалъ бы несправедливымъ, ниже своего достоинства пользоваться своимъ естественнымъ превосходствомъ въ наукѣ, которою я съ давнихъ поръ овладѣлъ; я не хотѣлъ пускаться въ подробности, которыя дали бы прокурору непріятнымъ образомъ почувствовать, до чего неудачна его диллетантская попытка, предпринятая въ видахъ обвиненія, разсуждать о чуждыхъ ему научныхъ предметахъ.

Въ особенности же мнѣ казалось, что это было бы нѣкотораго рода нравственнымъ оскорбленіемъ для судей, если бы я сталъ подробно доказывать имъ вещи, болѣе 100 лѣтъ уже занесенныя во всѣ учебники.

Конечно, я не имѣлъ права предполагать въ судьяхъ спеціальныхъ научныхъ знаній по политической экономіи и статистикѣ. Но я полагалъ, что имъ необходимо извѣстны, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ общихъ чертахъ, путемъ случайнаго знакомства столь общепризнанныя вещи, признанныя всѣми съ незапамятныхъ временъ, какъ развиваемые мною взгляды о косвенныхъ налогахъ; и я считалъ, поэтому, излишнимъ и нелѣпымъ серьезно доказывать такія тривіальныя вещи, давнымъ давно ставшія общимъ достояніемъ всѣхъ учебниковъ.

Я ошибся, господа, но моя ошибка и вполнѣ естественна. Мы, люди, посвятившіе жизнь наукѣ, знаемъ кое-что и даже довольно много. Зато въ одномъ отношеніи мы вѣчно остаемся несвѣдующими, какъ дѣти: мы понятія не имѣемъ, до чего невѣжественны другіе люди!

На самомъ дѣлѣ, объявленный на судѣ приговоръ вполнѣ согласенъ съ доводами прокурора, категорически признавая, что все сказанное мною о косвенныхъ налогахъ—не вѣрно, что бремя косвенныхъ налоговъ не падаетъ на бѣдные классы такъ, какъ я изобразилъ это.

По этой же причинѣ въ приговорѣ, объявленномъ въ окончательной формѣ, признается, что моя лекція, хотя и носитъ, въ цѣломъ, научный характеръ, но что научна она не во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ относительно косвенныхъ налоговъ я привожу доказательства, которыя нельзя назвать „научно-логическими".

Во второй редакціи приговора это отрицаніе истинности сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ, къ моему удивленію, исчезло. Здѣсь нѣтъ уже ни слова о томъ, что ученіе мое невѣрно или хотя бы только неточно.

Вы понимаете, господа, что первая редакція приговора, объявленная въ судѣ, имѣетъ для меня болѣе важное значеніе, чѣмъ вторая, объявленная въ окончательной формѣ, ибо приговоръ, объявленный тотчасъ же въ засѣданіи, воочію показываетъ дѣйствительныя психологическія основанія моего осужденія, тогда какъ позднѣйшая редакція приговора показываетъ только основанія, которыми это осужденіе оправдывается впослѣдствіи! Впрочемъ, и во второй редакціи приговора мои разсужденія о косвенныхъ налогахъ остаются главнымъ основаніемъ осужденія, уликой, что я, дѣйствительно, возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію, хотя здѣсь уже не отрицается справедливость этихъ разсужденій!

Изъ этого, слѣдовательно, можно только заключить, что приговоръ лишь по внѣшности пересталъ отрицать справедливость моихъ разсужденій, а внутренне онъ остался при томъ же.

Дѣйствительно, одно изъ двухъ: Или мое ученіе о косвенныхъ налогахъ научно-истинно—въ такомъ случаѣ, оно не подлежитъ уголовному преслѣдованію. Если оно научно-истинно, то его защищаетъ 20-я статья конституціи: „Наука и ея ученіе свободны". Если оно истинно, то и помимо этой статьи оно не подлежитъ никакому преслѣдованію, такъ какъ въ наше время нельзя признавать преступленіемъ финансовую статистику и политическую экономію, нельзя, гдѣ бы и когда ихъ ни проповѣдывали.

Это призналъ самъ прокуроръ въ первой инстанціи, такъ какъ все свое обвиненіе онъ строитъ лишь на томъ, что, по его мнѣнію, мое ученіе содержитъ „невѣрные факты" и „софизмы".

Другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, сказалъ бы вамъ: если бы даже это ученіе было ложно, то и въ такомъ случаѣ оно все же было бы лож-

нымъ научнымъ ученіемъ. А съ какихъ это поръ караютъ уголовнымъ закономъ научныя заблужденія? Это возраженіе in jure [1]) было бы вполнѣ убѣдительно; однако, я рѣшительно не хочу имъ пользоваться. Допустимъ,— я даже самъ предлагаю вамъ это,—допустимъ, что если я не докажу вамъ справедливости сказаннаго мною, то это будетъ значить, что я говорилъ завѣдомо ложно и, слѣдовательно, единственно для того, чтобы вызвать возбужденіе. Но чѣмъ я уступчивѣе, чѣмъ рѣшительнѣе я отказываюсь пользоваться для своей защиты какими-либо слабостями, тѣмъ настойчивѣе долженъ я утверждать, что, если сказанное мною—научно-истинно, то преступленіемъ является не проповѣдь этого научнаго ученія, а преслѣдованіе его.

Теперь я докажу вамъ, что это ученіе истинно и вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ тѣхъ же доказательствъ вы сами увидите, какъ безконечно далекъ я былъ въ своей лекціи отъ всякаго намѣренія вызывать возбужденіе.

Я покажу вамъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ не только истинно, но и представляетъ собой лишь очень незначительную долю истины, что она выражаетъ ее еще слишкомъ мягко, что я могъ бы сказать о налогахъ вещи гораздо болѣе рѣзкія, гораздо болѣе возбуждающія, что, слѣдовательно я не только не имѣлъ цѣли возбуждать, но, наоборотъ, старался сказать какъ можно меньше, лишь столько, сколько было безусловно необходимо, чтобы развить основную философскую мысль моей лекціи.

И обратите, господа, особенное вниманіе на то, какъ и кѣмъ я буду научно доказывать вамъ это. Я не стану ссылаться на писателей, принадлежащихъ къ моему направленію въ политической экономіи, я буду ссылаться на тѣхъ ученыхъ мужей, которые защищаютъ только интересы буржуазіи въ политической экономіи; я докажу вамъ это словами вождей господствующихъ школъ, заявленіями наиболѣе прославленныхъ, знаменитѣйшихъ буржуазныхъ экономистовъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Писатели, на которыхъ я буду ссылаться, распадаются на двѣ группы: одни — желаютъ отмѣны косвенныхъ налоговъ по причинѣ указанныхъ ихъ недостатковъ; другіе—не желаютъ этого. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія практической рутины косвенные налоги представляютъ нѣкоторыя крупныя преимущества. Они взимаются такъ, что плательщики и не замѣчаютъ этого, взимаются и малыми долями и въ то же время доставляютъ въ казну изумительно громадныя суммы, такъ что безъ радикальныхъ реформъ нельзя придумать,

---

[1]) Съ юридической точки зрѣнія

чѣмъ замѣнить этотъ источникъ дохода. По этимъ причинамъ многіе изъ писателей, на которыхъ я буду ссылаться, стоятъ за сохраненіе косвенныхъ налоговъ. Но всѣ безъ исключенія признаютъ факты, которые я привелъ въ своей лекціи насчетъ косвенныхъ налоговъ. Вы увидите, что въ этомъ отношеніи всѣ они единодушны.

Судъ первой инстанціи не хотѣлъ вѣрить мнѣ на слово, и потому я рѣшился ничего не говорить сегодня безъ подробныхъ доказательствъ. Я начну съ основного положенія моей критики косвенныхъ налоговъ, что всякій налогъ, падающій на плательщика не пропорціонально его доходу— не равномѣренъ и потому несправедливъ и что, слѣдовательно, равномѣрны только пропорціональные налоги. Въ подтвержденіе этого я приведу вамъ авторитетъ, котораго вы, конечно, не станете отрицать— авторитетъ прусскаго законодательства. Еще въ эдиктѣ 28 апрѣля 1743 г. сказано: „Въ государствѣ, гдѣ всѣ пользуются равной защитой, всѣ должны участвовать въ несеніи необходимыхъ для этого расходовъ и всякій соразмѣрно съ своими доходами“ [1]).

Въ своей лекціи я не имѣлъ въ виду спеціально налоговъ, я говорю о нихъ лишь между прочимъ, всего на двухъ страницахъ, вслѣдствіе чего я не коснулся многихъ другихъ крупныхъ недостатковъ косвенныхъ налоговъ, напр., чрезвычайно большихъ расходовъ на ихъ взиманіе; по той же причинѣ я охотно допустилъ, что пропорціональные прямые налоги, взимаемые въ равномъ процентномъ размѣрѣ съ доходовъ, вполнѣ удовлетворяютъ этому принципу.

Но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Послушайте, что говоритъ Сэй, глава французской буржуазной экономіи, профессоръ политической экономіи въ Collège de France при Луи Филиппѣ, знаменитѣйшій и любимѣйшій авторитетъ правовѣрной буржуазной экономіи во Франціи. Въ своемъ „Cours complet d'économie politique“, VIII, partie IV, глава о налогахъ, ихъ законности и предѣлахъ, p. 495 брюссельскаго изданія 1844 г., онъ говоритъ слѣдующее: „Съ другой стороны, развѣ просто пропорціональный налогъ не тяжелѣе для бѣднаго, чѣмъ для богатаго? Развѣ человѣкъ, производящій только то количество хлѣба, какое необходимо лишь для прокормленія его и его семейства, долженъ платить налогъ совершенно въ той же пропорціи, какъ и тотъ, кто, благодаря своимъ особеннымъ дарованіямъ, своимъ огромнымъ имѣніямъ, своимъ значительнымъ

---

[1]) Ср. правительственное предложеніе чинамъ завоеванной Силезіи отъ 1741 г. См. Ranke. „Neue Bücher preussischer Geschichte“, II, 467.

капиталамъ, не только самъ наслаждается всѣми благами роскоши и доставляетъ ихъ своему семейству, но еще ежегодно умножаетъ свое богатство? Не находите ли вы въ этомъ притязаніи, господа, нѣчто, оскорбляющее справедливость?“

Итакъ, Сэй—и вслѣдъ за нимъ много еще другихъ авторовъ—находитъ, что даже пропорціональный прямой налогъ несоразмѣрно обременителенъ для бѣдныхъ классовъ; онъ требуетъ, чтобы даже прямой налогъ, чтобы быть справедливымъ, былъ прогрессивнымъ налогомъ, т. е., чтобы съ большаго дохода взимался большій процентъ; между тѣмъ я ни словомъ не заикнулся объ этомъ своимъ слушателямъ,—вотъ до чего я былъ далекъ отъ намѣренія возбуждать и озлоблять!

Но что же говоритъ онъ о косвенныхъ налогахъ?

Буквально слѣдующее (р. 496):

„Налогъ на потребленіе необходимо пропорціоналенъ количеству потребляемаго товара; но такъ какъ количество потребляемаго товара не можетъ соотвѣтствовать степени достатка, то изъ этого слѣдуетъ, что этотъ родъ налога, играющій главную роль въ странахъ, гдѣ налоги велики, тѣмъ тяжелѣе падаетъ на плательщика, чѣмъ онъ бѣднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, имѣющій 300.000 франковъ дохода, не можетъ потребить въ 300 разъ больше сахару и вина, чѣмъ человѣкъ, у котораго только 1.000 франковъ дохода. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, мелкія состоянія подвергаются, дѣйствительно, прогрессивному налогу, т. е. тѣмъ пропорціонально большему, чѣмъ меньше состояніе плательщика. Это одинъ изъ крупныхъ недостатковъ косвенныхъ налоговъ, и возрастающая прогрессивность прямаго обложенія была бы лишь справедливымъ, но еще недостаточнымъ возмѣщеніемъ за него“.

Такъ говоритъ Сэй. А въ слѣдующей главѣ, сравнивая выгоды и невыгоды косвенныхъ налоговъ, онъ замѣчаетъ (р. 499): „Говорили, что косвенные налоги менѣе стѣснительны и уплачиваются не такъ тяжело, какъ прочіе; говорили даже, что плательщики платятъ ихъ, сами того не замѣчая и смѣшиваютъ ихъ взносъ съ общей суммой пожертвованій, на которыя они соглашаются, чтобы пользоваться предметами потребленія, обложенными пошлиной. Кажется, даже что они могли бы избѣжать уплаты этого налога, отказавшись отъ потребленія предметовъ, дающихъ поводъ взимать его съ нихъ. Но это связано со многими неудобствами.

„Прежде всего очень важно неудобство производить и не потреблять своихъ продуктовъ или продуктовъ, которые можно было бы пріобрѣсти въ обмѣнъ на собственные. Именно потому, что тутъ жаловаться не ан

кого и агенты казны могутъ отвѣтить на жалобы: вы вольны избѣжать этихъ налоговъ, если казна вздумаетъ дать имъ скандальное развитіе, какъ это, напр., было съ акцизными пошлинами въ Англіи и съ управленіемъ косвенныхъ налоговъ во Франціи.

„Они непропорціональны средствамъ плательщиковъ. Соль потребляетъ и богатый, и бѣдный; но богатый, обладающій состояніемъ въ 100.000 разъ большимъ, чѣмъ бѣдный, не потребляетъ, однако, въ 100.000 разъ больше соли. Налогъ на спиртные напитки принуждаетъ $^{7}/_{8}$ населенія Франціи лишать себя въ обыденной жизни вина, укрѣпляющаго напитка, въ изобиліи производимаго ихъ страною; но распредѣленіе налоговъ, однимъ дозволяющее пользоваться продуктомъ, а другимъ запрещающее это, очевидно, несправедливо.

„Этотъ налогъ, далѣе, не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ цѣнами. Онъ не можетъ соразмѣряться ни съ урожаями, ни съ качествомъ. Такса въ 30 франковъ, составляющая 10% съ бочки цѣною въ 300 франковъ, превращается въ 300-процентную съ бочки цѣною въ 10 франковъ; но хуже всего то, что высокую-то таксу платитъ бѣдный, а низкую богатый.

„Можно смѣло утверждать, что налоги на потребленіе самые неравномѣрные изъ всѣхъ и что въ націяхъ, гдѣ они преобладаютъ, самыя недостаточныя семьи приносятся имъ въ жертву. Это одна изъ язвъ Англіи".

Такъ говоритъ Сэй! Я только что еще началъ, господа, безконечный рядъ цитатъ, рядъ, до того безконечный, что, при желаніи, могъ бы цѣлыхъ двѣ недѣли и больше провести въ этомъ цитированіи; я только что еще началъ его, а вамъ, можетъ быть, уже кажется, что приведенныхъ словъ одного изъ вождей господствующей буржуазной экономіи вполнѣ достаточно для доказательства моего положенія. Вы видѣли, что Сэй говоритъ то же самое, что и я, но еще гораздо рѣзче, еще гораздо сильнѣе и обстоятельнѣе.

Я говорю, что косвенные налоги падаютъ на людей непропорціонально ихъ капиталу и доходу; Сэй говоритъ, что косвенные налоги представляютъ собой даже прогрессивный налогъ въ обратномъ смыслѣ, т. е., что они тѣмъ тяжелѣе ложатся на человѣка, чѣмъ онъ бѣднѣе. Я говорю, что это непомѣрно обременяетъ бѣдные классы; нѣтъ, поправляетъ меня Сэй, это отдаетъ ихъ въ жертву, sacrifie, убиваетъ ихъ. Я говорю, что европейская буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, что они были и до нея, что она только развила ихъ до неслыханной системы; нѣтъ, говоритъ Сэй, она дала имъ скандальное развитіе!

Я говорю, что это странное противорѣчіе и оригинальная справедли-

вость—взваливать почти всѣ государственные расходы на косвенные налоги, а мѣриломъ избирательнаго права, т. е. права политическаго господства дѣлать прямые налоги, дающіе изъ 108 милліоновъ общей суммы бюджета всего лишь 12 милліоновъ. Слѣдовательно, я, по крайней мѣрѣ, даю возможность думать, что хотя бы эти 12 милліоновъ прямыхъ налоговъ справедливы и равномѣрны, такъ какъ у меня и въ мысляхъ не было возбуждать противъ податныхъ учрежденій. Помилуй Богъ! Зачѣмъ! говоритъ Сэй; прямой налогъ тоже несправедливъ, если онъ не прогрессивенъ, и лишь возрастающая прогрессія процентнаго обложенія была бы справедливымъ, но все же недостаточнымъ еще возмѣщеніемъ за великую несправедливость косвенныхъ налоговъ, этого прогрессивнаго налога навыворотъ, внизъ, по отношенію къ бѣднѣйшимъ классамъ!

Но вы, господа, этого не знали и такимъ образомъ, осудили меня за фактъ, давно уже установленный въ наукѣ.

Послушаемъ другого знаменитаго авторитета, человѣка, одинаково великаго и въ качествѣ политико-эконома, и, въ качествѣ историка, знаменитаго историка Франціи и Италіи, Симона де-Сисмонди, члена Французскаго Института, Императорской Петербургской Академіи Наукъ, Королевской Берлинской Академіи Наукъ и многихъ иныхъ ученыхъ обществъ, перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько минутъ.

„Если мы попробуемъ,—говоритъ онъ въ своихъ „Nouveaux Principes d'economie politique", t. II, p. 207 парижскаго изданія 1819 г., въ главѣ о налогѣ—сосчитать различныя части доходовъ богатаго человѣка, которыя, такимъ образомъ, ускользаютъ отъ налога, то увидимъ, что самое большее- одна десятая доля его расходовъ облагается какими-либо налогами; мы увидимъ, что налоги эти все возрастаютъ въ отношеніи къ доходамъ, по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ болѣе бѣднымъ классамъ населенія и что самый несчастный изъ всѣхъ классовъ — классъ фабричныхъ работниковъ, потребленіе которыхъ состоитъ почти исключительно изъ предметовъ, покупаемыхъ въ городахъ и ввозимыхъ туда, не спасаетъ отъ налога ни малѣйшей доли своего дохода.

И вслѣдъ затѣмъ Сисмонди продолжаетъ: „Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ въ высшей степени несправедливо и какъ безчеловѣчно предлагать, какъ это часто дѣлаютъ, уничтожить всѣ прямые налоги и взимать всю сумму государственныхъ доходовъ путемъ налоговъ на потребленіе; это предложеніе равносильно предложенію освободить всѣхъ богатыхъ ото всякихъ налоговъ и взимать ихъ только съ бѣдныхъ. Во мно-

гихъ отношеніяхъ это значило бы вернуться къ старой феодальной системѣ, гдѣ дворяне ничего не платили; но, въ такомъ случаѣ, аристократизмъ былъ бы еще болѣе усиленъ, такъ какъ достаточно было бы разбогатѣть, чтобы тѣмъ самымъ избавиться отъ платежей".

Вы видите, такимъ образомъ, что и этотъ великій ученый, что и Сисмонди, подобно Сэю, высказываетъ тѣ же самые „софизмы", утверждаетъ тѣ же самые „невѣрные факты", что и я, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ. А между тѣмъ прокуроръ упрекалъ меня именно въ этомъ, и за это же судъ осудилъ меня. Я говорю буквально такъ: „косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на людей пропорціонально ихъ капиталу и доходу, въ дѣйствительности уплачиваются въ несравненно большей своей части бѣднѣйшими классами общества". Не „въ несравненно большей части", говоритъ Сисмонди, а почти исключительно одними бѣдными; богатые же почти совсѣмъ изъяты отъ платежа налоговъ на потребленіе.

Наука признавала это уже въ 1819 г. Но такъ какъ прокуроръ и судъ находятся въ блаженномъ невѣдѣніи относительно азбуки государственныхъ наукъ, то вотъ теперь, почти что черезъ 50 лѣтъ послѣ этого признанія меня еще за него обвиняютъ, осуждаютъ и наказываютъ!

Есть въ политической экономіи имя, еще болѣе знаменитое, чѣмъ имена Сэя и Сисмонди, имя человѣка, жившаго задолго до нихъ. Я говорю о великомъ основателѣ современной политической экономіи, о шотландцѣ Адамѣ Смитѣ, родившемся въ 1723 г. и въ 1775 г. издавшемъ свою книгу о „Богатствѣ Народовъ", составившую эпоху въ наукѣ. Послушаемъ, что говоритъ по интересующему насъ вопросу Адамъ Смитъ [1]).

„Налоги на первыя жизненныя потребности оказываютъ на участь народа почти такое же вліяніе, какъ неблагодарная почва или дурной климатъ. Налоги эти поднимаютъ цѣну съѣстныхъ припасовъ, какъ будто бы для произведенія послѣднихъ необходимо больше труда и расходовъ, чѣмъ сколько требуется въ дѣйствительности". „Когда такого рода налоги поднимутся до извѣстной степени, то они представляются такимъ же ужаснымъ бѣдствіемъ, какъ безплодіе почвы или суровый климатъ, а между тѣмъ они встрѣчаются вообще чаще всего въ богатыхъ и промышленныхъ странахъ. Никакая другая мѣстность не въ силахъ была бы выдержать такой жестокой болѣзни. Подобно тому, какъ только самое крѣпкое тѣло можетъ поддержать въ себѣ жизнь и даже здоровье при самыхъ неблагопріятныхъ

---

[1]) Русскій переводъ Бибикова. С.-Пб., 1866 г.

условіяхъ жизни, такимъ же точно образомъ существовать и даже благоденствовать подъ игомъ такого рода налоговъ могутъ только такіе народы, производительности которыхъ наиболѣе благопріятствуютъ самыя счастливыя обстоятельства, какъ естественныя, такъ и искусственныя". (Т. II, стр. 282—83).

Переходя, затѣмъ, къ болѣе подробному разсмотрѣнію косвенныхъ налоговъ вообще и вліянія ихъ на положеніе рабочихъ классовъ, Адамъ Смитъ говоритъ (кн. V, гл. II, т. III, стр. 264): „Повышеніе цѣны предметовъ, обложенныхъ налогомъ, не вызоветъ необходимо увеличенія заработной платы. Налогъ на табакъ, напримѣръ, составляющій предметъ роскоши, какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго, не подниметъ заработной платы. Хотя онъ обложенъ въ Англіи пошлиной въ три раза, а во Франціи пошлиною въ 15 разъ превосходящею его первоначальную цѣну, все-таки такой чрезвычайный даже налогъ, кажется, не произвелъ никакого вліянія на величину заработной платы, ни въ той, ни въ другой странѣ; то же самое можно сказать и о налогахъ на чай и сахаръ, обратившіеся въ Англіи и Голландіи въ предметы роскоши для послѣднихъ классовъ народа; на шоколадъ, получившій, какъ говорятъ, то же значеніе въ Испаніи. Различные налоги, установленные въ продолженіе послѣдняго столѣтія въ Англіи на спиртные напитки, не произвели, какъ думаютъ, никакого дѣйствія на величину заработной платы. Возвышеніе цѣны портера [1]) вслѣдствіе добавочнаго налога въ 3 шиллинга на боченокъ портера (вы знаете, господа, что этотъ напитокъ въ Англіи потребляется самыми низшими классами народа и сдѣлался у нихъ привычной потребностью; самое названіе его происходитъ отъ носильщиковъ—porters, porte-faix) не подняло заработной платы чернорабочаго въ Лондонѣ".

Въ другомъ мѣстѣ (кн. I, гл. XI, т. I, стр. 468) онъ говоритъ о рабочихъ классахъ: „Они терпятъ, быть можетъ, гораздо больше (чѣмъ отъ цѣнъ на хлѣбъ) отъ искусственнаго повышенія посредствомъ налоговъ цѣнъ на нѣкоторыя обработанныя произведенія, какъ соль, мыло, кожи, свѣчи, солодъ, пиво, эль и проч.".

Уже эти откровенныя заявленія Адама Смита показываютъ вамъ, господа, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ это думаетъ прокуроръ, что налоги, падающіе на предметы потребленія рабочихъ классовъ, не возмѣщаются имъ въ рабочей платѣ; впрочемъ, ниже я поговорю подробнѣе объ этомъ.

---

[1]) Въ переводѣ г. Бибикова сказано „пива", но рѣчь идетъ о портерѣ.

Но что же думаетъ Адамъ Смитъ о другомъ вопросѣ, о томъ, дѣйствительно ли несравненно большая часть косвенныхъ налоговъ уплачивается бѣднѣйшими классами, какъ я утверждалъ это въ своей лекціи? Во времена Адама Смита статистики еще совсѣмъ не было и, поэтому, можно было думать, что въ этомъ отношеніи онъ могъ еще ошибаться. Но нѣтъ, господа! Ошибка была здѣсь невозможна. Достаточно было здраваго смысла, какъ я сказалъ, возражая прокурору въ первой инстанціи, чтобы a priori вполнѣ понять истинное положеніе вещей, хотя у Адама Смита и не было подъ рукой столбцовъ статистическихъ данныхъ.

Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ (кн. V, гл. II, т. III, стр. 285): „Слѣдуетъ замѣтить, что все количество потребленій низшихъ классовъ народа и тѣхъ, которые стоятъ вслѣдъ за средними классами, въ каждой странѣ превышаетъ не только количествомъ, но и цѣнностью все потребленіе среднихъ и высшихъ классовъ. Все количество издержекъ низшихъ классовъ несравненно значительнѣе той суммы, которая истрачивается высшими классами“.

И въ полномъ согласіи со мной онъ заключаетъ отсюда (ib. стр. 286): „Слѣдовательно, налоги на издержки, производимыя, главнымъ образомъ, высшими классами, какъ на меньшую часть годового дохода, должны дать меньше дохода государству, чѣмъ налогъ, падающій безразлично на все общество или даже на одни только низшіе его классы“.

Итакъ, мои софизмы, мои невѣрные факты оказываются полностью и у Адама Смита! Они признаны наукой уже съ 1770 г., т. е. уже цѣлыхъ 100 лѣтъ!

Но, быть можетъ, вы предпочитаете послушать, вмѣсто англичанъ и французовъ, представителей нѣмецкой науки? Извольте!

Послушаемъ, напр., герцогскаго саксенъ-кобургскаго регирунгсрата Лотца, который въ 1822 г. издалъ трехтомное руководство по государственной экономіи и хозяйству.

Подобно многимъ другимъ, онъ доказываетъ, что косвенные налоги повышаютъ расходы низшихъ классовъ на предметы ихъ потребленія не только на всю сумму самихъ налоговъ, не только въ размѣрѣ громадныхъ издержекъ на взиманіе ихъ, въ десять разъ превышающихъ издержки на сборъ прямыхъ налоговъ, но въ еще большемъ размѣрѣ, такъ какъ предприниматели, помимо того, взимаютъ въ цѣнѣ товаровъ обычную прибыль и со всей затраченной ими суммы налога. Онъ говоритъ (B. III, p. 185): „Это главная причина, почему всѣ налоги на потребленіе всегда такъ тягостны для бѣднѣйшей и большей части народа. Повышеніе цѣнъ на всѣ

жизненныя потребности, это всегдашнее неизбѣжное слѣдствіе этой податной системы, уже само по себѣ чрезвычайно угнетаетъ бѣднѣйшіе и низшіе классы народа; но еще больше или, по крайней мѣрѣ, столько же угнетаютъ ихъ барыши, которые они вынуждены удѣлять богатымъ классамъ за полученныя отъ нихъ ссуды; послѣдствіемъ всего этого является при подобной податной системѣ почти полная невозможность развитія предпріимчивости и благосостоянія среди низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ".

Какова возбуждающая сила выраженій, господа! Какъ скромно, сдержанно, мягко звучитъ въ сравненіи съ этимъ все, что я сказалъ. Тотъ же чиновникъ и экономистъ продолжаетъ такъ (ib. p. 186): „Словомъ, налогъ на потребленіе взваливаетъ бремя уплаты пошлинъ на тотъ классъ народа, который меньше всего въ силахъ платить ихъ; этимъ до самыхъ основъ потрясаются не только равенство въ распредѣленіи общественныхъ издержекъ, но и всѣ начала общаго благосостоянія".

И далѣе: „Конечно, зажиточные и богатые люди могутъ переносить эту податную систему безъ особенно чувствительнаго ущерба для себя. Но для низшаго и бѣднѣйшаго класса она не можетъ не быть безусловно пагубной. Уже сама по себѣ она достаточно обременительна. Но къ этому присоединяется еще другое бремя, вытекающее изъ того преимущества, какое она даетъ здѣсь богатому надъ бѣднымъ. Тутъ главное зло для бѣдныхъ заключается въ томъ, что потребности давятъ на бѣдняка гораздо сильнѣе, чѣмъ на богатаго; особенно же важно здѣсь то, что гнетъ этотъ въ той же мѣрѣ понижаетъ цѣну труда и услугъ бѣдняка, оказываемыхъ богатому, въ какой позволяетъ послѣднему вымогать у перваго высокія цѣны за свои ссуды на его потребности. Ибо, чѣмъ тяжелѣе положеніе бѣднаго люда и чѣмъ сильнѣе ухудшается оно податями, тѣмъ больше вынужденъ бѣднякъ искать себѣ чужой работы и тѣмъ нестерпимѣе тяготитъ его привилегированное положеніе богатыхъ. Пошлины на потребленіе лишь еще болѣе усиливаютъ это противоестественное преимущество, вытекающее изъ самой сущности дѣла, и этимъ окончательно, до самыхъ основъ, разрушаютъ необходимое равенство въ распредѣленіи общественныхъ налоговъ; и всего скорѣе достигается такой результатъ путемъ косвенныхъ налоговъ".

И на стр. 188: „Такимъ образомъ, легко можетъ случиться, что этотъ налогъ, составляющій по расчету до 25% чистаго дохода каждаго лица, окажется для бѣдняка въ 40 и болѣе процентовъ, тогда какъ богатый уплатитъ всего лишь 10% или меньше, а то и совсѣмъ ничего, или же, наконецъ, пожалуй, даже еще выиграетъ, благодаря пониженію

заработной платы, на которое бѣднякъ вынужденъ теперь согласиться“.

Но стоитъ ли, господа, приводить цитаты изъ экономистовъ! По настоящему, мнѣ слѣдовало бы прочесть вамъ цѣлыя сочиненія, цѣлыя библіотеки! Прочтите, напр., спеціальный трудъ ординарнаго профессора политической экономіи въ гейдельбергскомъ университетѣ, д-ра Эшенмайера, „Ueber die Consumptionssteuer“, вышедшій въ 1813 г. Онъ приводитъ противъ нихъ одиннадцать пунктовъ, изъ которыхъ второй гласитъ (р. 36): „они никогда не могутъ соблюсти справедливаго и равнаго отношенія въ дѣлѣ обложенія налогомъ богатаго и бѣднаго“; а четвертый: „если бы даже и были обложены абсолютныя потребности, то и тогда они больше всего и тяжелѣе всего обременяютъ именно бѣднѣйшій классъ народа, какъ самый многочисленный въ государствѣ“. А то послушайте велико-герцогскаго гессенскаго гофкаммеррата Крёнке, который въ IV части своего сочиненія „Abhandlungen über staatswirthschaftliche Gegenstände“, стр. 141 и слѣд., говоритъ о косвенныхъ налогахъ такъ: „Согласно § 10 я называю косвенными тѣ налоги, доходъ съ которыхъ въ точности неизвѣстенъ и которые взимаются не необходимо и не по заранѣе установленнымъ правиламъ, а лишь при извѣстныхъ и въ большинствѣ случаевъ предоставленныхъ на волю плательщиковъ условіяхъ и обстоятельствахъ, требующихъ платежа налоговъ“. „Главные изъ нихъ суть таможенныя и мытныя пошлины, пошлины на потребленіе, гербовый сборъ и пошлины за разнаго рода разрѣшенія“. „Очевидно, говоритъ онъ на стр. 146, имѣется ли въ виду установить налогъ пропорціонально положительному имуществу или относительному,—во всякомъ случаѣ налоги на абсолютныя жизненныя потребности или на предметы, которые, благодаря привычкѣ, стали жизненными потребностями большинства народонаселенія, не могутъ быть справедливыми, такъ какъ потребности эти соразмѣряются вообще съ числомъ душъ, а у бѣдныхъ ихъ, по крайней мѣрѣ, не только не меньше, чѣмъ у богатыхъ, но часто даже больше. Такъ какъ потребности эти безусловно необходимы, то налогъ на нихъ, въ сущности, то же, что подушная подать. Для бѣдныхъ налогъ этотъ даже гораздо убыточнѣе подушной подати, такъ какъ этотъ классъ населенія обыкновенно вынужденъ тяжело трудиться и вслѣдствіе этого еще больше нуждается въ этихъ потребностяхъ; такимъ образомъ, ему приходится уплачивать государственнаго дохода, получающагося отъ этого налога, больше, чѣмъ сколько слѣдовало бы съ него по числу душъ“.

Онъ доказываетъ, что кофе, табакъ, водка и пр., благодаря привычкѣ, стали самыми необходимыми жизненными потребностями и заключаетъ (р. 151): „слѣдовательно, акцизъ на кофе, табакъ и водку оказываетъ то же вліяніе, что подушная подать“.

Прочтите также книгу фонъ-Ульменштейна о выгодахъ и недостаткахъ косвеннаго обложенія, Дюссельдорфъ 1831 г. или „Aphorismen und Notizen über wichtige Zweige des Finanzwesens“, фонъ-Лихтенштерна, Альтенбергъ 1821 г. Прочтите также, появившуюся въ Лейпцигѣ въ 1822 г., книгу „Lehre von der Wirtschaft des Staats“ д-ра Бера, негодованіе котораго выливается въ такой, нѣсколько преувеличенной, формѣ: „Этимъ только подтверждается то, что я публично заявилъ еще въ 1810 г. и чему съ тѣхъ поръ постоянно встрѣчалъ все новыя подтвержденія, а именно, что косвенные налоги изобрѣтены или грубымъ невѣжествомъ или мошеннической хитростью; они защищаются при помощи самыхъ тонкихъ софистическихъ пріемовъ и поддерживаются тунеядцами, умножаются благодаря нуждѣ и, до поры до времени, не отмѣняются лишь изъ-за боязни хлопотъ, связанныхъ съ осуществленіемъ справедливости“. Нѣтъ, господа, косвенные налоги изобрѣтены не такъ, какъ это думаетъ д-ръ Беръ. Д-ръ Беръ совершенно упускаетъ изъ виду ту внутреннюю историческую и органическую необходимость, благодаря которой косвенные налоги должны были возникнуть и распространиться; въ своей лекціи я достаточно выяснилъ въ общихъ чертахъ эту необходимость. Но приведенныя мною единодушныя свидѣтельства славнѣйшихъ представителей науки ясно показываютъ вамъ, что негодованіе д-ра Бера, дѣйствительно, вполнѣ законно и основательно.

Я нарочно привелъ вамъ слова д-ра Бера, чтобы показать, какой свободой печати и слова пользовались въ Германіи раньше, при абсолютизмѣ.

Меня вотъ присуждаютъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію за спокойныя, умѣренныя и строго объективныя слова, что косвенные налоги падаютъ на людей не пропорціонально ихъ капиталу и доходу и что, поэтому, несравненно большая ихъ доля уплачивается неимущими, бѣднѣйшими классами націи; что, такимъ образомъ, косвенные налоги являются въ рукахъ крупнаго капитала средствомъ обезпечить себѣ податную льготность, какая въ феодальное время была удѣломъ дворянскаго землевладѣнія. Какая же участь постигла бы этого экономиста за его страстную выходку, которую онъ допустилъ не только въ своемъ сочиненіи, но, какъ самъ сознается, и въ публичной рѣчи? Вѣдь его, по меньшей мѣрѣ, тотчасъ же слѣдовало бы казнить!

Но всѣ приведенные мною авторитеты жили послѣ Адама Смита. Значитъ ли это, что наука нуждалась въ новыхъ основаніяхъ, данныхъ ей политической экономіей, чтобы понять столь ясныя и простыя вещи, какъ тѣ, о какихъ у насъ рѣчь идетъ? Нисколько!

Прочтите знаменитую книгу „Recherches et Considérations sur les Finances de France“, вышедшую въ 1758 г. въ Базелѣ, въ двухъ большихъ томахъ in quarto, первоначально безъ имени автора, которымъ былъ генералъ-инспекторъ королевскаго монетнаго двора Франціи, Форбонне. Онъ заявляетъ (Т. I, стр. 260), что отмѣна косвенныхъ налоговъ и покрытіе государственныхъ нуждъ путемъ прямого налога на доходы и должно быть цѣлью всѣхъ финансистовъ въ интересахъ справедливости, общественнаго благосостоянія и увеличенія государственнаго могущества.

Онъ глубоко скорбитъ, что бѣдные классы народа, благодаря косвеннымъ налогамъ и зависящей отъ этого дороговизнѣ товаровъ, лишены возможности потреблять. Онъ говоритъ, напримѣръ, по поводу провинціи Лангедокъ (Т. I, стр. 319): „Лангедокъ страдаетъ отъ другой внутренней язвы, тайна которой хранится богатыми и которая, съ теченіемъ времени, должна нанести этой провинціи большой вредъ“. Эта язва, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что цѣна на землю и на всѣ товары возросла, тогда какъ положеніе ремесленниковъ, арендаторовъ, сельскихъ работниковъ стало хуже. „Что за причина такого, повидимому, страннаго явленія?“—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Причина та, что поденная плата, цѣна сельскихъ работъ не возросла въ той пропорціи, какъ цѣна товаровъ; во многихъ мѣстахъ этой провинціи она и теперь равна всего лишь 6 су, какъ сто лѣтъ и болѣе тому назадъ; вотъ истинный источникъ непорядка, который утаивается очень ложно понятымъ личнымъ интересомъ“. О, какъ часто слѣдовало бы припоминать эти великодушныя слова Форбонне! Даже разсуждая о войнѣ, онъ замѣчаетъ (Т. I, стр. 485): „Въ какомъ бы положеніи ни находились дѣла, въ богатой странѣ въ случаѣ войны всегда можно изыскать значительный источникъ налога, не обременяющаго бѣднѣйшій классъ гражданъ“. И, исполненный благороднаго негодованія, онъ восклицаетъ (Т. II, стр. 83): „Можно было бы такимъ способомъ получить налогъ, который отнялъ бы у богатыхъ какой-нибудь десятокъ червонцевъ, бросаемый ими на игру и вообще на самыя вздорныя прихоти, тогда какъ работникъ зналъ бы о немъ только развѣ по наслышкѣ“. Но, прибавляетъ онъ, „если бы вышелъ эдиктъ, предписывающій подобный налогъ, поднялись бы вопли и ропотъ какихъ-нибудь 2—3 милліоновъ людей: какъ можно требовать съ насъ? Такимъ образомъ

истощаютъ деревни; правда, холодно скажутъ эти люди, народъ страдаетъ, но общій интересъ выше частнаго, и этимъ хамамъ (cette espèce d'hommes), т. е. низшимъ классамъ, не слѣдуетъ пользоваться благосостояніемъ"!

Пойдемте еще дальше назадъ, заглянемъ въ еще болѣе знаменитую книгу, вышедшую въ 1697 г.: „Le détail de la France" Буагильбера, lieutenant général au baillage de Rouen, прозваннаго Христофоромъ Колумбомъ политической экономіи.

Вся эта книга, съ начала и до конца, представляетъ собой непрерывный рядъ доказательствъ неисчислимаго вреда и неправды косвенныхъ налоговъ, обличаемыхъ съ благороднѣйшимъ жаромъ краснорѣчивой страсти.

Буагильберъ показываетъ, какъ тогдашніе косвенные налоги Франціи, la taille, т. е. налогъ на земледѣліе, les aides—акцизъ на вино—и таможни, повышая цѣну продуктовъ, лишаютъ народъ, т. е. бѣднѣйшіе классы, возможности потреблять ихъ, давятъ эти классы, но этимъ самымъ наносятъ вредъ и богатымъ классамъ, хотя послѣдніе этого, конечно, и не подозрѣваютъ; онъ доказываетъ, наконецъ, что страна легко доставила бы королю вдвое больше налоговъ и даже больше, если бы способъ распредѣленія, свойственный косвеннымъ налогамъ, не былъ такъ пагубенъ.

„Потребленіе прекратилось, такъ какъ оно встрѣтило абсолютную преграду, оно стало абсолютно невозможно",—говоритъ онъ (T. I, ch. 2, p. 184 большого французскаго Collection des economistes). „Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ (T. I, ch. X, p. 194), бывали годы, когда налогъ въ розничной продажѣ въ двадцать разъ превышалъ оптовую цѣну товара; это до того убиваетъ потребленіе, что бѣднымъ работникамъ приходится пить воду, потому что изъ-за цѣнъ къ спиртнымъ напиткамъ подступа нѣтъ". Далѣе (ch. 19, p. 200) онъ показываетъ, что это прекращеніе потребленія вина работниками должно разорить десятокъ другихъ промысловъ: „То же и со всѣми другими товарами,—восклицаетъ онъ.—Нѣтъ ни одного, ограниченіе потребленія котораго, благодаря вышеуказаннымъ непорядкамъ, не подорвало бы тотчасъ же десятокъ или дюжину другихъ промысловъ, такъ или иначе связанныхъ съ нимъ, и не отразилось бы, въ концѣ концовъ, на королѣ и на представителяхъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ профессій". Онъ называетъ (VI Part. ch. IV, p. 212) эти aides—акцизъ прямо „droits effroyables"—ужасающими налогами, обвиняетъ ихъ (ch. XIII, p. 188) въ томъ, что они уничтожаютъ потребленіе и, слѣдовательно, разоряютъ страну ради частной выгоды, которая не возна-

граждаетъ и тысячной доли зла, наносимаго ими государственному организму, который есть общій источникъ всѣхъ доходовъ короля“.

Онъ крайне любопытно объясняетъ основаніе этихъ налоговъ (Part. II, ch. 8 p. 225): „Во Франціи вѣчно вопятъ на налоги, и богатые еще громче бѣдныхъ; причина этому та, что у насъ привилось несчастное обыкновеніе не соблюдать никакой справедливости въ распредѣленіи общественныхъ тяготъ; благодаря этому, всякій отстаиваетъ себя какъ только можетъ, и чѣмъ могущественнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше онъ платитъ, потому что у него тѣмъ больше средствъ избѣжать уплаты налога. Вопли и жалобы служатъ однимъ изъ главныхъ средствъ добиться такой привилегіи, но въ устахъ богатыхъ они гораздо звучнѣе, чѣмъ въ устахъ бѣдныхъ, и потому послѣдніе всегда угнетены; но угнетеніе ихъ, въ свою очередь, отражается, какъ мы видѣли, и на богатыхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, разоряются всѣ“. „Итакъ,—говоритъ онъ, возвращаясь къ этому на стр. 223,—таково несчастное положеніе перваго министра: онъ видитъ, что вся страна въ движеніи, всѣ вліянія пущены въ ходъ, чтобы не только обмануть его, но и заставить пожертвовать своимъ государемъ и народомъ въ пользу частныхъ интересовъ,—такъ какъ ему рукоплещутъ лишь тѣ, кто почитаетъ себя исключительно всѣмъ свѣтомъ, лишь настолько, насколько онъ даетъ себя обмануть, а при малѣйшей попыткѣ его упереться, всѣ набрасываются на него“.

Какое разительное сходство съ нашимъ временемъ! Можно подумать, что всѣ слова, которыя, конечно, относятся не къ однимъ первымъ министрамъ, а ко всякому, кто заступается за бѣдные классы, написаны сегодня!

Обращаясь къ королю, онъ заканчиваетъ такъ: „Государь, вы вѣдь хотите только, чтобы вамъ платили, хотите только получать какъ можно больше денегъ; но способъ, какимъ вы дѣйствуете, изобрѣтенъ, повидимому, для того, чтобы разорить насъ и васъ также; вѣдь, все наше и ваше богатство получается только отъ продажи произведеній вашей земли; слѣдовательно, вашъ способъ губитъ все. Но пусть лучше Ваше Величество составитъ какой угодно счетъ всему, что вамъ нужно, и мы заплатимъ вдвое, только оставьте намъ свободу продавать и потреблять такъ, какъ мы это найдемъ нужнымъ“.

Я могъ бы также привести не мало цитатъ изъ знаменитаго „projet d'une dime royale“,—проекта королевской десятины, маршала Вобана, который, несмотря на свою принадлежность къ первымъ сановникамъ

Франціп, сохранилъ однако въ душѣ способность сочувствовать страданіямъ народа.

Бросимъ также взглядъ при этомъ обозрѣніи народовъ и на Нидерланды. За одинъ 1748 годъ въ Нидерландахъ появилось не меньше 8 сочиненій, направленныхъ противъ косвенныхъ налоговъ; перечень ихъ вы можете найти въ 1012 примѣчаніи „Geschcihte der Volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer“ Гейдельбергскаго доцента, д-ра Этьена Ласпейреса,—работѣ, увѣнчанной ученымъ обществомъ князя Яблоновскаго.

Однако, я опять очутился въ XVIII столѣтіи. Сдѣлаемъ, поэтому, большой скачекъ назадъ, скачекъ черезъ 215 лѣтъ, къ 1649 году! Въ этомъ году испанецъ Діего Сааведра Фахардо издалъ свое сочиненіе „Idea Principis Christiano-Politici“, гдѣ въ 67 символѣ, p. 557 кёльнскаго изданія 1650 г., по которому я цитирую, говорится: „Nec imponi debent tribuna iis rebus, quae ad vitam praecise sustentandam sunt necessariae; sed iis potius, quae deliciis deserviunt aut curiositati aut ostentationi et pompae; sic enim fiet, ut correcto immodico luxu, major oneris pars incumbat in ditiores et magis potentes et subleventur agricolae et opifices, quae communitatis pars vel maxime fovenda et conservanda est in Republica“ [1]).

А то вернемся еще на столѣтіе назадъ. Въ 1584 г. Жанъ Боденъ написалъ свою знаменитую книгу „De Republica“ (p. 661 и 663): „Quod si quis est qui scire de me velit, quodnam genus vectigalium immortali Deo gratissimum, civitatibus pulcherrimum, principibus honestissimum plebi utilissimum videatur, illud est quod iis rebus imponitur, quae ad corrumpendos civium mores, quae ad delicias, quae ad luxum, quae ad libidinem spectant... rerum vero civibus utilium aut nulla aut levissima pretia esse debuerunt, ut vectigal facilius dissolveretur et peregrini mercatores ad eas res majore copia advehendas allicerentur. Etenim Romanis legibus vectigalia nulla indicta sunt earum rerum, quae ad vitam commodius honestiusque degendam asportantur“ [2]).

---

[1]) „Не слѣдуетъ налагать пошлинъ на такія вещи, которыя безусловно необходимы для поддержанія жизни, а лучше налагать на тѣ, которыя служатъ наслажденіямъ, или любопытству, или тщеславію и роскоши; ибо такимъ образомъ оказывается противодѣйствіе непомѣрной роскоши, большая часть бремени перелагается на богатыхъ и сильныхъ, а земледѣльцы и ремесленники получаютъ облегченіе, и они, какъ это и должно, поощряются и сохраняются въ государствѣ“.

[2]) „Если кто-нибудь захочетъ узнать отъ меня, какой родъ налоговъ всего пріятнѣе вѣчному Богу, всего лучше для гражданъ, всего

Я могъ бы еще продолжить этотъ историческій обзоръ, но думаю, и сказаннаго достаточно. Итакъ, вотъ уже три столѣтія, какъ эти положенія передаются въ наукѣ изъ одной книги въ другую! Ни одинъ учебникъ не выходитъ безъ нихъ,—и вотъ почему, господа, мое осужденіе такъ ужасно!

Всякое положеніе требуетъ своего особеннаго мужества. Изъ исторіи ученый знаетъ, что новыя великія открытія часто бываютъ сопряжены для него съ рискомъ, что онъ можетъ подвергнуться за нихъ гоненіямъ, клеветѣ, наказанію. Это очень печально, но это такъ и ученый знаетъ, что это такъ и находитъ себѣ утѣшеніе въ славѣ своего открытія.

Но быть наказаннымъ за положеніе, которое вотъ уже 300 лѣтъ треплется въ наукѣ, переходитъ изъ книги въ книгу вплоть до учебниковъ, быть наказаннымъ потому только, что прокуроръ и судьи никогда не брали въ руки ни одного учебника по государственному хозяйству—это ужасно, тутъ есть отъ чего прійти въ негодованіе! Или, пожалуй, здѣсь остается только забыть о всякой злобѣ и преисполниться безконечной всепрощающей снисходительностью!

Однако, въ подтвержденіе своихъ словъ прокуроръ привелъ одинъ доводъ или, по крайней мѣрѣ, нѣчто, напоминающее собою доводъ; и справедливость требуетъ разсмотрѣть его.

Прокуроръ сказалъ, что хотя косвенные налоги и повышаютъ цѣну продуктовъ, но они не могутъ обременять рабочаго сословія, потому что „тѣмъ же отношеніемъ опредѣляется и размѣръ заработной платы", слѣдовательно, „рабочее сословіе вовсе не платитъ косвенныхъ налоговъ", такъ какъ заработная плата сообразуется съ цѣной продуктовъ, а, слѣдовательно, и съ косвенными налогами.

Должно быть, господа, прокуроръ слыхалъ кое-что объ извѣстномъ экономическомъ законѣ, по которому средній размѣръ заработной платы всегда представляетъ собой минимумъ средствъ, безусловно необходимыхъ для существованія. Отсюда прокуроръ заключаетъ, что для работниковъ все равно,

---

приличнѣе для государей, всего полезнѣе для народа, то я отвѣчу—тотъ, который налагается на вещи, служащія для развращенія нравовъ гражданъ, для наслажденій, роскоши и сладострастія... на вещи же, полезныя гражданамъ, не слѣдуетъ вовсе налагать никакихъ пошлинъ или самыя малыя, чтобы налогъ легче уплачивался и чтобы иностранные купцы побуждались привозить эти вещи въ большемъ количествѣ. Дѣйствительно, римскими законами вовсе не полагается налога на вещи, которыя служатъ для удобствъ и приличія жизни".

какъ бы ни дорожали отъ косвенныхъ налоговъ средства къ жизни. Заработная плата всегда опредѣляется цѣною ихъ, возрастаетъ съ ихъ вздорожаніемъ, и, слѣдовательно, косвенные налоги, отъ которыхъ продукты дорожаютъ, уплачиваются, въ концѣ концовъ, не работниками, а предпринимателями.

Въ такой формулировкѣ разсужденіе это, конечно, плодъ круглаго невѣжества. Ни одному экономисту никогда и на умъ не приходило утверждать нѣчто подобное. Вспомните, господа, слова Адама Смита, которыя я привелъ вамъ выше, гдѣ онъ говоритъ, какъ чувствительно обременяетъ работника налогъ на чай или кофе, пиво, масло, мыло, освѣщеніе, табакъ, вызывая вздорожаніе этихъ предметовъ; слѣдовательно, это вздорожаніе не уравновѣшивается повышеніемъ заработной платы, хотя всѣ эти предметы и въ дѣйствительности, и по словамъ Адама Смита, принадлежатъ къ числу обычныхъ потребностей работника.

Это мѣсто такъ важно, что я снова процитирую его: „Они, т. е. рабочіе классы, терпятъ, быть можетъ, гораздо больше отъ искусственнаго повышенія, посредствомъ налоговъ, цѣнъ на нѣкоторыя обработанныя произведенія, какъ соль, мыло, кожи, свѣчи, солодъ, пиво, эль и пр.“.

Припомните также другое, приведенное мною, мѣсто изъ Адама Смита, гдѣ онъ говоритъ, что, благодаря налогу, вздорожаніе табака, чая, сахара и портера не подняло заработной платы, хотя эти предметы, по его собственнымъ словамъ, принадлежатъ къ числу необходимыхъ и повседневныхъ жизненныхъ потребностей низшихъ классовъ народа въ Англіи.

Итакъ, ясно, что Адаму Смиту и въ голову не приходило утверждать нѣчто подобное тому, что говоритъ прокуроръ.

Но и Адамъ Смитъ, и его еще болѣе великій преемникъ Рикардо утверждали нѣчто другое и, вѣроятно, прокуроръ слышалъ этотъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ.

Именно, говоря о безусловныхъ и неизбѣжно-необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ, подъ которыми онъ разумѣетъ преимущественно хлѣбъ, Адамъ Смитъ, а также и Рикардо утверждаютъ, что заработная плата всегда должна быть достаточна для доставленія безусловно необходимой пищи, такъ что, слѣдовательно, повышеніе, благодаря налогу, цѣны на хлѣбъ всегда возмѣщается для работника повышеніемъ заработной платы и, слѣдовательно, налогъ на хлѣбъ падаетъ не на работниковъ, а на предпринимателей и капиталистовъ.

Положимъ, что это такъ; но для интересующаго насъ вопроса это не имѣетъ ровно никакого значенія. Работникъ живетъ, вѣдь, не однимъ хлѣ-

бомъ; ему, вѣдь, нужны и пиво, чай, кофе, табакъ, мыло, свѣчи и пр.; а объ этихъ предметахъ и Адамъ Смитъ говоритъ, что налоги на нихъ падаютъ на самого работника; я же говорю въ своей лекціи не спеціально о налогѣ на хлѣбъ, а вообще о косвенныхъ налогахъ и, слѣдовательно, сказанное мною вполнѣ подтверждается и Смитомъ, и Рикардо.

Однако, посмотримъ, справедливо ли Смитъ и Рикардо утверждаютъ даже относительно хлѣба, относительно безусловно-необходимыхъ жизненныхъ потребностей, что работникъ посредствомъ заработной платы можетъ, будто-бы, переложить наложенную на нихъ пошлину на предпринимателя?

Нѣтъ, господа! Это совершенно невѣрно! Со времени Рикардо прошло уже 40 лѣтъ и за это время вся наука признала, что онъ ошибался. Даже школа Смита и Рикардо признала и отвергла эту ошибку, несмотря на упрямство, съ какимъ англичане держатся за авторитетъ своихъ великихъ учителей.

Я могу представить вамъ на этотъ счетъ троякаго рода доказательства:

1) внѣшнее доказательство—свидѣтельство новѣйшихъ современныхъ намъ авторитетовъ науки;

2) внутреннее доказательство—доводы, вскрывающіе ошибочность этого мнѣнія;

3) статистическое доказательство, подтверждающее справедливость этихъ доводовъ.

Итакъ, обратимся сперва къ авторитетамъ.

Возьмемъ учебникъ политической экономіи тайнаго совѣтника, профессора Карла Рау въ Гейдельбергѣ, третье изданіе, 1851 г. Авторъ этого руководства отнюдь не склоненъ проводить въ немъ какихъ-либо самостоятельныхъ еретическихъ взглядовъ, да это и не въ его характерѣ. Профессоръ Рау въ своемъ учебникѣ излагаетъ только господствующіе въ настоящее время въ наукѣ взгляды. Относительно интересующаго насъ вопроса профессоръ Рау говоритъ слѣдующее (Bd. III, 2 Abt. § 421):

„Налогъ на необходимыя средства жизни, какъ картофель, хлѣбъ, топливо, полотно и т. п., приноситъ очень большой доходъ и оказываетъ почти такое же дѣйствіе, какъ подушная подать, потому что взносъ каждаго лица опредѣляется главнымъ образомъ числомъ его домочадцевъ; но именно поэтому налогъ этотъ нарушаетъ правило, что взносъ каждаго долженъ опредѣляться его податной платежеспособностью. Этотъ налогъ пробовали защищать тѣмъ соображеніемъ, что онъ перелагается

на нанимателей, такъ какъ заработная плата, будто-бы, непремѣнно доставляетъ необходимыя средства жизни. Но это весьма сомнительно. Заработная плата соотвѣтствуетъ только среднимъ потребностямъ, такъ что, напр., отецъ многочисленнаго семейства не получаетъ въ ней возмѣщенія за вздорожаніе средствъ къ жизни. Вообще, заработная плата не обладаетъ такой подвижностью, какъ цѣна товаровъ. Хотя цѣна жизненныхъ средствъ всегда до нѣкототорой степени опредѣляетъ размѣръ заработной платы, однако, отношеніе предложенія труда къ спросу на него имѣетъ огромное вліяніе на положеніе наемнаго работника. Пока заработная плата держится еще выше нормы, опредѣляемой безусловно-необходимыми потребностями жизни, неблагопріятныя условія конкуренціи могутъ понизить ее, и въ этомъ случаѣ вздорожаніе жизненныхъ средствъ не такъ-то скоро подниметъ ее. Если капиталъ націи возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ народонаселеніе, то налоги эти цѣликомъ или отчасти будутъ тяготѣть на рабочихъ до тѣхъ поръ, пока впослѣдствіи замедленіе роста населенія не повыситъ заработной платы. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, налоги эти очень вредны“ [1]).

Итакъ, вы видите, что профессоръ Рау вполнѣ подтверждаетъ сказанное мною. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что налогъ на хлѣбъ оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ подушная подать, т. е. что всѣ платятъ абсолютно въ одинаковомъ размѣрѣ, богатый столько же, сколько и бѣдный; эти слова звучатъ гораздо сильнѣе и рѣзче того, что я говорилъ въ своей лекціи, гдѣ я утверждалъ только, что косвенные налоги не пропорціональны.

Или возьмемъ „Систему политической экономіи“ лейпцигскаго профессора политической экономіи д-ра Рошера, 3 изданіе, 1858 г. Въ этой книгѣ (т. I, § 164) профессоръ Рошеръ говоритъ: „Удешевленіе средствъ къ жизни влечетъ за собою пониженіе наемной платы, если кругъ потребностей рабочаго сословія не расширяется пропорціонально этому удешевленію, равнымъ образомъ вздорожаніе жиненныхъ средствъ должно поднимать наемную плату, если она такъ низка, что удовлетворяетъ только необходимѣйшимъ потребностямъ. Но въ первомъ случаѣ переходъ совершается легко, тогда какъ во второмъ сопровождается самыми печальными кризисами. Чѣмъ медленнѣе поднимается цѣна на средства къ жизни,

---

[1]) Есть русскій переводъ. См. „Основныя начала финансовой науки“. Переводъ подъ редакціей Лебедева. С.-Петербургъ, 1868 г., томъ II, стр. 164.

тѣмъ болѣе поводовъ опасаться, что работники будутъ побуждены этимъ не къ переселеніямъ, не къ уменьшенію числа браковъ и т. д., а къ ограниченію своихъ потребностей, къ употребленію дурной пищи и т. д. Впрочемъ, все это относится только къ продолжительнымъ колебаніямъ цѣнъ на средства къ жизни; такія колебанія вызываются, напр., развитіемъ земледѣлія, налогами и т. д.“

Учебники профессора Рау и профессора Рошера считаются наилучшими изъ всѣхъ существующихъ у насъ руководствъ. Что касается лично меня, то по моему глубокому убѣжденію эти люди — неисправимые оптимисты. Вы, можетъ быть, сами замѣтили это по тѣмъ усиліямъ, по тому отвращенію, по той неохотѣ, съ какими они высказываютъ свои взгляды, стараясь какъ можно больше смягчить и ослабить ихъ разными оговорками, предположеніями и увертками. И все же, ихъ точка зрѣнія вполнѣ опредѣленна. Оказывается, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ думали еще Смитъ и Рикардо; оказывается, что ученіе ихъ въ этомъ отношеніи всѣми признается теперь ошибочнымъ.

Но пока довольно авторитетовъ. Разсмотримъ теперь внутреннія основанія, на которыя приведенныя цитаты лишь намекаютъ. Это объяснитъ намъ дѣло гораздо лучше и уничтожитъ всякія сомнѣнія. Я приведу вамъ четыре основанія.

Во первыхъ:

Какъ только цѣна на хлѣбъ, благодаря налогамъ, поднимается, между разными сословіями общества тотчасъ же начинается всеобщая борьба изъ за того, что каждое хочетъ свалить бремя налоговъ на другое. Работники оказываются въ этой борьбѣ въ самомъ невыгодномъ положеніи, такъ какъ имъ приходится ежедневно думать о насущномъ хлѣбѣ; если бы они даже и могли разсчитывать на побѣду, то не иначе, какъ послѣ очень долгихъ и мучительныхъ страданій.

Но могутъ ли они вообще разсчитывать на побѣду, если, какъ единогласно признаютъ всѣ экономисты, высота заработной платы опредѣляется отношеніемъ предложенія къ спросу, т. е. отношеніемъ числа ищущихъ работы къ величинѣ національнаго капитала, затрачиваемаго на трудъ. Капиталъ націи, рабочій фондъ, не только не увеличивается, благодаря косвеннымъ налогамъ, но, по мнѣнію Смита и Рикардо, даже значительно уменьшается. Если рабочій фондъ, капиталъ, затрачиваемый на трудъ, не увеличивается, т. е. если не увеличивается спросъ на рабочія руки, то заработная плата не можетъ подняться, пока число работниковъ не уменьшится. По теоріи Смита и Рикардо выходитъ даже, что работникъ

теперь вдвойнѣ стѣсненъ, онъ оказывается между двухъ огней: съ одной стороны, его давитъ вздорожаніе хлѣба, а съ другой—уменьшеніе предпринимательскаго капитала, уменьшеніе спроса на трудъ. Можетъ ли быть здѣсь рѣчь о повышеніи заработной платы?

Это первое основаніе. Второе состоитъ въ слѣдующемъ:

Тамъ, гдѣ заработная плата такъ низка, что доставляетъ только предметы, безъ которыхъ уже рѣшительно невозможно существовать, какъ, напр., въ Ирландіи и у индійскихъ райотовъ, тамъ, дѣйствительно, повышеніе цѣны хлѣба необходимо влечетъ за собой повышеніе заработной платы. Это справедливо. Дѣло только въ томъ, что экономисты любятъ умалчивать о способѣ, какимъ, въ дѣйствительности, совершается это повышеніе заработной платы. Объ этомъ говорятъ какъ то неохотно. Объ этомъ способѣ можно сказать то же самое, что во второй части „Фауста" Мефистофель говоритъ о матеряхъ.

„О нихъ говорить—неудобно".

И если я, вслѣдъ за Мефистофелемъ, скажу здѣсь:

„Не охотно выдамъ я эту высшую тайну", то меня, какъ и Мефистофеля, побуждаетъ къ этому общее положеніе дѣлъ.

Этотъ способъ выражается въ слѣдующемъ. Когда заработная плата стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ средствъ существованія, какъ у ирландцевъ и индійскихъ райотовъ, тогда—ссылаюсь на Мальтуса, на „Histoire des deux Indes" аббата Рейналя, на „History of British India" Милля — тогда повышеніе цѣны хлѣба вызываетъ въ рабочемъ сословіи болѣзни общій упадокъ силъ, голодную смерть. И намъ знакомы эти явленія подъ именемъ тифа силезскихъ ткачей! И когда ангелъ смерти достаточно опустошитъ ряды рабочихъ, когда онъ достаточно истребитъ ихъ и помѣшаетъ имъ обзавестить новыми семьями, когда путемъ „предупредительныхъ и разрушительныхъ задержекъ", какъ выражается школа Мальтуса, онъ достаточно поубавитъ ихъ ряды, тогда, дѣйствительно, да, тогда, господа, только тогда заработная плата повысится пропорціонально повышенію цѣны на хлѣбъ, произведенному налогомъ, тогда она будетъ опять представлять собою минимумъ средствъ существованія; она повысится, такъ какъ рабочихъ стало меньше и, слѣдовательно, предложеніе рабочихъ рукъ понизилось сравнительно со спросомъ на нихъ.

Наука знаетъ этотъ способъ. Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ она занесла его въ свои протоколы и помѣстила въ архивы исторіи литературы. Говоря о повышеніи заработной платы, благодаря повышенію цѣны на

хлѣбъ, безъ одновременнаго увеличенія національнаго капитала и, слѣдовательно, спроса на рабочія руки, авгуры науки очень хорошо знаютъ, какіе способы слѣдуетъ здѣсь разумѣть, какіе факторы создаютъ, въ дѣйствительности, этотъ результатъ. Только они не любятъ распространяться объ этомъ и предпочитаютъ просто подразумѣвать это обстоятельство, очень хорошо знакомое всякому посвященному. Но я обязанъ былъ разъяснить вамъ; господа, эти любопытныя причины повышенія заработной платы въ данномъ случаѣ.

Но, вѣдь, мы еще не превратились въ ирландцевъ, господа! Рабочее сословіе Германіи, въ общемъ, еще не дошло до положенія ирландцевъ, индійскихъ райотовъ и силезскихъ ткачей. Рабочій—не все еще потерялъ! Правда, заработная плата всегда даетъ лишь необходимыя средства существованія, но такого существованія, какое считается у насъ необходимымъ въ силу нашихъ обычаевъ и привычекъ. Къ потребностямъ такого существованія еще принадлежатъ у насъ, какъ и въ Англіи, по словамъ Адама Смита, кофе (или чай), сахаръ, пиво, табакъ, мясо, масло, мыло, свѣчи и пр., хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи. Нѣмецкое рабочее сословіе, въ общемъ, еще не опустилось до уровня существованія ирландцевъ, чтобы питаться однимъ картофелемъ и спать вмѣстѣ со свиньями!

Слѣдовательно, привычныя жизненныя потребности нашего рабочаго сословія еще таковы, что отъ нихъ можно еще кое-что урвать. А пока это такъ,—вздорожаніе хлѣба, производимое косвеннымъ налогомъ, падаетъ всею тяжестью на рабочее сословіе. Косвенные налоги — это гнетъ, понижающій standard of life—жизненный уровень рабочаго класса, а отъ его высоты зависитъ вся культура и весь прогрессъ страны. Это скажутъ вамъ всѣ экономисты! Это вы слышали изъ устъ Рау и Рошера въ приведенныхъ мною цитатахъ. Теперь я докажу вамъ, что и англійскіе экономисты, сами нынѣшніе вожди Смито-Рикардовской школы, признали его и сознались въ ошибкѣ своихъ учителей, хотя, правда, очень неохотно и съ явнымъ неудовольствіемъ.

Послушайте Джона Стюарта Милля, самаго блестящаго изъ современныхъ представителей школы Рикардо въ Англіи. Въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи“ онъ говоритъ [1]) (т. II, стр. 367): „Если устанавливается налогъ, положимъ, на хлѣбъ, и поднимается соразмѣрно ему цѣна хлѣба,—результатомъ этого вздорожанія бываетъ одно изъ двухъ. Во-первыхъ, отъ этого можетъ понизиться положеніе рабочихъ классовъ, и времен-

---

[1]) Русскій переводъ изданія А. Н. Пыпина. С.-Пб., 1865 г.

нымъ образомъ оно понизится почти неизбѣжно. Если отъ этого работники начинаютъ потреблять земледѣльческихъ продуктовъ меньше прежняго или начинаютъ употреблять пищу, родящуюся изобильнѣе и потому болѣе дешевую, отъ этого въ извѣстной мѣрѣ земледѣліе сжимается на болѣе производительныя земли или на менѣе дорогіе процессы, и цѣнность и цѣна хлѣба понижаются, такъ что съ прибавкой налога хлѣбъ будетъ продаваться по цѣнѣ, возвысившейся не на всю сумму налога, а лишь на часть ея".

Слѣдовательно, Д. С. Милль предполагаетъ здѣсь, что вслѣдствіе налога потребленіе хлѣба уменьшится,—что невѣрно, какъ мы это увидимъ ниже, когда перейдемъ къ третьему основанію. Но даже и въ этомъ случаѣ, по его же собственнымъ словамъ, хлѣбъ вздорожаетъ, хотя и не на всю сумму налога, а лишь на извѣстную часть ея, и этой частью налогъ будетъ неизбѣжно долгое время тяготѣть на рабочемъ сословіи. Далѣе (т. II, стр. 398) онъ говоритъ прямо: „Должны быть отвергнуты также всѣ налоги на предметы первой необходимости и на матеріалы и орудія для производства такихъ предметовъ. Эти налоги всегда способны захватывать то, что должно быть изъято отъ налога, захватывать доходы не болѣе какъ достаточные для здоровой жизни". Въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 355) онъ признаетъ эту истину въ условной формѣ: „Попытка подвергнуть налогу простыхъ работниковъ въ старой странѣ просто оказывается равносильною установленію спеціальнаго налога со всѣхъ хозяевъ, употребляющихъ черный трудъ, если не производитъ такой налогъ другого, гораздо худшаго дѣйствія пониженіемъ постоянной нормы того, что работники считаютъ благосостояніемъ".

Еще рѣшительнѣе признаетъ ошибку Смита и Рикардо другой современный вождь ихъ школы, Макъ Куллохъ, писатель, пользующійся въ Англіи очень большой славой, но, по моему мнѣнію, крайне несамостоятельный; впрочемъ, это обстоятельство придаетъ еще болѣе значенія его заявленіямъ противъ авторитета его учителей.

Въ сочиненіи своемъ „A Treatise on the Principles and practical Influence of Taxation". London. 1845 г., p. 98, онъ говоритъ прямо: „Д-ръ Смитъ утверждаетъ, что рабочіе классы уплачиваютъ очень незначительную долю налога, и Рикардо выразилъ свое согласіе съ этимъ мнѣніемъ. Но, при всемъ уваженіи къ ихъ авторитету, изъ вышеприведенныхъ цифръ очевидно, что это мнѣніе надо принимать съ большими оговорками. Если бы оно касалось только домашнихъ служителей, то было бы очень близко къ истинѣ; но оно можетъ быть, и мы думаемъ, что въ огромномъ

большинствѣ случаевъ оно и бываетъ очень далеко отъ истины, если касается рабочихъ, работающихъ внѣ дома за повременную или за издѣльную плату".

Конечно, господа, домашняя прислуга, живущая на хозяйскихъ харчахъ, не терпитъ или непосредственно мало терпитъ отъ повышенія цѣны на хлѣбъ; но въ такомъ положеніи находятся только нѣкоторые сельскіе работники и нѣкоторые ремесленники. Великое промышленное рабочее сословіе, примѣру котораго все болѣе и болѣе слѣдуютъ и болѣе крупныя ремесленныя предпріятія, давно уже забыло о хозяйскихъ харчахъ, да и въ деревняхъ денежная плата распространяется все болѣе и болѣе.

Перехожу теперь къ третьему основанію, которое должно доказать ошибочность воззрѣній Смита и Рикардо. Оба писателя впадаютъ въ явное прямое противорѣчіе съ самими собой.

Вздорожаніе чая, кофе, табака, пива, мыла, спиртныхъ напитковъ, свѣчей и пр., вслѣдствіе наложенныхъ на эти предметы пошлинъ, нисколько не повышаетъ, по мнѣнію Смита и Рикардо, заработной платы, хотя эти предметы, по ихъ же собственнымъ словамъ, принадлежатъ къ числу повседневныхъ потребностей рабочаго класса и все же вздорожаніе ихъ не перелагается на предпринимателя путемъ повышенія заработной платы. Но налогъ на безусловно необходимыя средства жизни, на хлѣбъ, перелагается на предпринимателя. Это мнимое различіе между обоими случаями при внимательномъ отношеніи тотчасъ же исчезаетъ, и стоитъ только получше вдуматься, чтобы понять, что если въ первомъ случаѣ налогъ не можетъ перелагаться на предпринимателя, то невозможно это и во второмъ. Это мнимое основаніе, почему во второмъ случаѣ налогъ можетъ, будто-бы, перелагаться на предпринимателя, заключается въ томъ, что хлѣбъ безусловно необходимъ для существованія. Но эта причина можетъ привести лишь къ тому результату, что работникъ превратитъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ налогъ, наложенный государствомъ на хлѣбъ, въ налогъ на чай, кофе, табакъ, пиво, мыло, свѣчи и пр.; другими словами, работникъ станетъ потреблять хлѣба не меньше прежняго, несмотря на вздорожаніе его, но зато онъ сократитъ свое обычное потребленіе въ другихъ отношеніяхъ: онъ станетъ меньше потреблять кофе, табаку, пива и пр., чтобы покрыть этимъ вздорожаніе хлѣба. Слѣдовательно, налогъ на хлѣбъ падаетъ на него, тяготитъ его и понижаетъ его standart of life.

Я могъ бы привести вамъ еще болѣе глубокія, болѣе рѣшительныя основанія. Но для этого мнѣ пришлось бы коснуться самыхъ основъ политико-экономическихъ теорій, что здѣсь неумѣстно и не входитъ въ мои

намѣренія. Приведенныхъ трехъ основаній за глаза достаточно, чтобы показать вамъ, что налогъ на хлѣбъ и повышеніе имъ цѣны хлѣба дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ и налоги на прочіе предметы потребленія и что заработная плата не повышается, благодаря вздорожанію хлѣба отъ налога.

Наконецъ, въ четвертыхъ, я приведу вамъ историко-статистическое доказательство. Въ англійской литературѣ есть книга, представляющая собой безсмертный памятникъ человѣческаго трудолюбія—„Исторія цѣнъ съ 1793 по 1857 г.“ Томаса Тука, книга, надъ которой авторъ трудился большую часть своей необыкновенно долгой жизни. Тукъ былъ богатый англійскій купецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однпъ изъ значительнѣйшихъ экономистовъ Англіи; онъ пользовался такимъ значеніемъ, что парламентъ нерѣдко приглашалъ его въ эксперты при обсужденіи экономическихъ мѣропріятій. Что касается фактовъ, свѣдѣній о высотѣ и историческихъ колебаніяхъ цѣнъ, то въ этомъ отношеніи книга его пользуется въ наукѣ неоспоримымъ довѣріемъ. Притомъ, Тукъ—типичный буржуазный экономистъ; онъ очень неохотно, съ отвращеніемъ дѣлаетъ свои признанія, стараясь по возможности смягчить ихъ, хотя-бы способомъ выраженія, хотя и не погрѣшаетъ противъ истины. Быть можетъ, онъ и не высказывалъ бы такихъ признаній, если бы не имѣлъ въ виду своею книгою противодѣйствовать банковымъ ассигнаціямъ сэра Роберта Пиля, а эта цѣль побуждала его быть болѣе безпристрастнымъ по отношенію къ статистическому матеріалу, которымъ онъ пользовался въ своей „Исторіи цѣнъ“.

Для примѣра приведу вамъ только нѣсколько выдержекъ изъ 6-ти-томнаго сочиненія, которое въ нѣмецкомъ изданіи д-ра Ашера составляетъ 2 тома почти въ 1800 страницъ; я буду цитировать по этому изданію.

Въ I томѣ, стр. 219, онъ заключаетъ свои изслѣдованія по интересующему насъ здѣсь вопросу слѣдующими словами:

„Весь опытъ, какъ современный, такъ и историческій, положительно доказываетъ, что изъ всѣхъ предметовъ обмѣна заработная плата послѣдней повышается въ цѣнѣ, когда наступаетъ вздорожаніе продуктовъ или паденіе цѣны денегъ“; и въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слова другого англійскаго писателя: „Тщательное изученіе положенія народа въ царствованіе Елисаветы, которое представляетъ собой такое поразительное сходство съ нынѣшнимъ временемъ по уменьшенію цѣны денегъ, могло бы подтвердить то правило, что заработная плата лишь съ трудомъ можетъ повышаться, въ соотвѣтствіи съ вздорожаніемъ средствъ къ жизни“.

Но гораздо краснорѣчивѣе этихъ общихъ стилистически-прикрашенныхъ заявленій фактическія данныя Тука.

Такъ, разсматривая 3-хлѣтній періодъ 1799—1801 (т. I, стр. 111), онъ говоритъ: „Изъ разныхъ свидѣтельствъ того времени явствуетъ также, что недѣльная плата, напр., портныхъ-подмастерьевъ, въ 1775—1795 гг. равнялась 1 фунту 1 шилл. 9 пенсамъ; на эту сумму они могли купить 36 ковригъ хлѣба по $7^1/_4$ пенсовъ за каждую; въ 1801 г. высшая плата была 27 шилл., за что по тогдашнимъ цѣнамъ можно было купить только $18^1/_2$ ковригъ“. Итакъ, вы видите, господа, что номинальная плата увеличилась немного, всего съ 22 до 27 шилл., но, въ дѣйствительности, по покупательной своей силѣ она упала, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба, на 50 процентовъ!

Далѣе Тукъ продолжаетъ: „Столь же недостаточно было повышеніе заработной платы наборщиковъ съ 24 шилл. до 30. По таблицамъ гринвичскаго госпиталя заработная плата плотниковъ и другихъ строительныхъ работниковъ была въ 1801 г. только на нѣсколько пенсовъ выше, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, а именно:

Плотниковъ	вмѣсто	2	шилл.	6	пен.	3	шилл.	32 п.
Каменщиковъ	„	2	„	4	„	3	„	— „
Каменотесовъ	„	2	„	8	„	2	„	10 „
Кровельщиковъ	„	3	„	—	„	3	„	3 „ и т. д.

Заработная плата поднялась всего на нѣсколько пенсовъ, по сравненію съ прошлымъ, а въ то же время цѣна хлѣба возросла, по свидѣтельству Тука (ib., стр. 108), такъ:

Пшеница	съ	49	шилл.	6 п.	до	134	шилл.	5 п.
Ячмень	„	29	„	4 „	„	69	„	1 „

т. е. почти втрое!

О періодѣ 1808—1812 гг. Тукъ говоритъ (т. I, стр. 150): „Поэтому, когда дороговизна вновь повторилась въ періодъ 1808—1812 гг., то значительная часть различныхъ сословій находилась уже въ отношеніи средствъ въ лучшемъ положеніи, хотя улучшеніе это и не соотвѣтствовало поднявшимся цѣнамъ. Но иное дѣло заработная плата фабричныхъ рабочихъ. Здѣсь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, она вовсе не поднялась, а гдѣ и поднялась, то сокращеніе рабочаго времени по большей части болѣе, чѣмъ парализовало это“.

Еще категоричнѣе выражается онъ въ слѣдующихъ словахъ (т. I, стр. 409): „Положеніе рабочихъ классовъ въ 1839 г., въ противополо-

жность только-что описанному благосостоянію ихъ въ 1835 г., вновь подтверждаетъ, что заработная плата лишь долгое время спустя слѣдуетъ за повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ на средства существованія, но и то не пропорціонально,—слышите, господа, и то не пропорціонально!—тому и другому. Въ деревняхъ поденная плата кое-гдѣ поднялась, но незначительно въ сравненіи со вздорожаніемъ жизненныхъ средствъ, и притомъ скорѣе вслѣдствіе страха или человѣколюбія, чѣмъ благодаря усиленному спросу на трудъ. Въ фабричныхъ же округахъ, наоборотъ, заработная плата вовсе не поднялась и даже понизился спросъ на трудъ, такъ что при вздорожаніи жизненныхъ средствъ почти вдвое и при дороговизнѣ многихъ другихъ предметовъ потребленія, какъ чай, сахаръ, табакъ, рабочіе оказались вдвойнѣ обремененными: съ одной стороны, они стали получать меньше, а съ другой —меньше могли купить теперь на свой заработокъ".

Вы видите, господа, что статистика подтверждаетъ сказанное мною вамъ выше, — что, благодаря повышенію цѣнъ на средства существованія, рабочій оказывается даже между двухъ огней.

Этихъ статистическихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать, что повышеніе цѣны хлѣба приводитъ совершенно къ тому же результату, что и повышеніе цѣны прочихъ товаровъ, и этотъ ущербъ отнюдь не возмѣщается повышеніемъ заработной платы.

Я отнимаю у васъ, господа, слишкомъ много времени! Но это уже не моя вина. Мнѣ не менѣе вашего скучно, и даже еще гораздо скучнѣе тратить на доказательство давно уже всѣмъ извѣстныхъ экономическихъ истинъ драгоцѣнное время, которое вы могли бы съ гораздо большей пользой посвятить своимъ многосложнымъ служебнымъ обязанностямъ, а я—на изслѣдованіе новыхъ научныхъ истинъ. Но прокуроръ вынудилъ меня къ этому! Прокуроръ позволилъ себѣ назвать „ложными и софистическими" высказанныя мною научныя положенія, которыя, какъ видите, во всемъ вполнѣ отвѣчаютъ фактамъ и основаны на самыхъ убѣдительныхъ доказательствахъ; прокуроръ призналъ ихъ преступными, назвалъ мое ученіе о налогахъ „удивительнымъ", и этимъ вынудилъ меня дать подробное научное доказательство соотвѣтствующихъ фактовъ, заставилъ меня доказывать, что моя яко-бы „удивительная" теорія совершенно истинна и всѣми признается. Увѣряю васъ, что, доказывая это, я далеко не исчерпалъ всѣхъ доводовъ, какіе могъ бы привести, если бы самъ не ограничилъ себя.

Слѣдовательно, пеняйте на прокурора, если моя длинная защита вызо-

ветъ въ васъ чувство досады; пеняйте на прокурора, который такъ безразсудно вздумалъ тягаться со мной въ этой, чуждой для него, научной области.

Но, восклицаетъ прокуроръ, обвиняемый умышленно упускаетъ изъ виду, что косвенные налоги падаютъ не на одни предметы первой необходимости, но также и на другіе предметы, „прежде всего на предметы роскоши, и налогъ на эти предметы, напр., на шелкъ и даже на сахаръ, не касается бѣдныхъ!“

О, если бы я могъ, господа, раздѣлять райское невѣдѣніе прокурора въ этой мрачной наукѣ политической экономіи!

Если бы была возможность удовлетворить налогомъ на предметы роскоши хотя бы какую-нибудь, достойную вниманія, часть государственныхъ потребностей, увѣряю васъ, господа, кто бы ни былъ первымъ министромъ, я ли, господинъ ли фонъ-Бисмаркъ, Шульце-Деличъ или г. фонъ-Мантейфель, словомъ, каковы бы ни были политическіе взгляды и направленіе правительства,—налогъ на первыя потребности давно обратился бы въ налогъ на предметы роскоши. Каковы бы ни были, говорю я, политическія убѣжденія и направленіе человѣка, стоящаго во главѣ правительства, самое положеніе заставляетъ его почувствовать, какъ необходимо облегчить бремя налоговъ, выше всякой мѣры тяготѣющее на низшихъ классахъ народа. Если бы можно было достигнуть этого такимъ легкимъ и дешевымъ способомъ, какъ налогъ на роскошь, то давно замѣнили бы налогъ на предметы потребленія налогомъ на предметы роскоши.

Но такъ называемые налоги на роскошь оказываются въ очень курьезномъ положеніи:

или налогъ на роскошь — вовсе не налогъ на роскошь, т. е. онъ падаетъ на предметы, обыкновенно потребляемые также и низшими классами народа, каковы: кофе, чай, пиво, водка, мыло, свѣчи и т. п.; въ такомъ случаѣ, неизмѣримо большая часть этихъ налоговъ уплачивается низшими классами, рабочими, крестьянами и мѣщанами,—

или это дѣйствительно налогъ на роскошь, но, въ такомъ случаѣ, онъ не приноситъ ничего, ничего сравнительно съ дѣйствительными государственными нуждами и доходами.

Все это очень ясно и просто. Настоящіе налоги на роскошь представляютъ собой одно изъ двухъ:

Или они налагаются въ умѣренномъ размѣрѣ,—и тогда это налогъ, падающій на кучку людей, настолько ничтожную, что вы даже не представляете себѣ этого. Объ этомъ рѣчь будетъ у насъ ниже. И такъ какъ

эта ничтожная кучка людей платитъ пустяки, то сборъ оказывается настолько ничтоженъ, что о немъ и говорить не стоитъ.

Или они налагаются въ значительномъ размѣрѣ.

А тогда они приносятъ и того меньше! Такъ какъ въ этомъ случаѣ и эта горстка людей, за немногими исключеніями, отказывается отъ потребленія значительно вздорожавшихъ предметовъ роскоши, предпочитая искать наслажденія въ чемъ-либо другомъ, — и налогъ, въ этомъ случаѣ, почти ничего не приноситъ.

Я никогда не кончилъ бы, если бы вздумалъ цитировать вамъ все безконечное множество свидѣтельствъ и статистическихъ данныхъ, подтверждающихъ мои слова.

Послушайте отца официіальной прусской статистики, основателя правительственнаго статистическаго бюро, дѣйствительнаго тайнаго, не только тайнаго, а дѣйствительнаго тайнаго оберрегирунгсрата Гоффмана.

Въ сочиненіи своемъ „Die Lehre von den Steuern", Берлинъ, 1840, онъ на стр. 229, говоритъ: „Желая какъ-нибудь возстановить свои разстроенные финансы послѣ потрясеній, нанесенныхъ государству несчастной войной 1806—7 г., прусское правительство ввело новую податную систему и— эдиктомъ отъ 28 октября 1810 г. о новыхъ налогахъ на потребленіе и роскошь—установило рядъ прямыхъ налоговъ на роскошь, какъ-то: на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей и собакъ.

„Лицо, содержавшее для личныхъ услугъ мужскую прислугу, должно было платить въ годъ 6 талеровъ за одного слугу; если кто держалъ двухъ, то за каждаго изъ нихъ въ годъ приходилось платить по 8 талеровъ, если трехъ, то по 10 за каждаго, четырехъ по 12, пятерыхъ по 15, если шесть и болѣе, то по 20 талеровъ. Кто, содержа батрака или ученика для сельскаго хозяйства или ремесла, пользовался имъ и для личныхъ услугъ, тотъ долженъ былъ платить за него по 3 талера въ годъ. Изъ женской прислуги одну служанку можно было держать безпошлинно. При двухъ за одну полагалось платить 2 талера; при трехъ—по 3 талера за каждую изъ двухъ лишнихъ; при четырехъ—за каждую, кромѣ одной, по 4; при пяти—по 5, при шести и болѣе—по 6 тал. за каждую, кромѣ одной, которая не облагалась налогомъ. Кто для личнаго пользованія держалъ четырехколесный экипажъ, тотъ платилъ за него 8 талеровъ, за двухколесный—6; при двухъ экипажахъ съ каждаго взималось 1 талеромъ больше, при трехъ и т. д.— 2 тал. больше съ каждаго. Съ верховой или упряжной лошади взималось 6 талеровъ въ годъ; съ двухъ—по 8 за каждую; съ трехъ—по 10, съ четырехъ и болѣе—по 15 тал. Съ собаки платилось по 1 талеру въ годъ;

отъ налога были изъяты только собаки, содержавшіяся для какого-либо промысла, пастушьи собаки и крестьянскія дворняжки. Законъ былъ очень строгъ насчетъ всего этого и, казалось, представлялъ мало лазеекъ для обхода его подъ благовидными предлогами".

Вы видите, господа, что этотъ налогъ на роскошь падалъ на все, что только можно было обложить: на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей, собакъ. Дальше этого налогъ на роскошь ужъ не можетъ итти, ибо онъ ложился на всѣ семьи, содержавшія двухъ женскихъ прислугъ. Если даже одинъ мужской слуга составляетъ уже признакъ богатства, то двѣ женскія прислуги совсѣмъ не рѣдкость и въ семьяхъ средняго сословія. Кромѣ того, налогъ былъ высокъ, носилъ прогрессивный характеръ; но онъ былъ не настолько высокъ, чтобы лицо, державшее раньше, напр., экипажъ и лошадей, могло изъ-за этого, отказаться отъ нихъ.

И все же, господа, знаете, что вышло?

„Однако,—продолжаетъ Гоффманъ,—доходъ съ налога оказался поразительно малъ. А именно, въ теченіе отчетнаго года, съ 1 іюня 1811 по 1 іюня 1812 г., съ этого налога въ казну поступило"... Ну, сколько вы думаете?

Гоффманъ, спеціально обозначая доходъ съ каждой провинціи, насчитываетъ не болѣе 158.828 талеровъ, что для государственныхъ нуждъ составляетъ до смѣшного ничтожную сумму. 158.828 талеровъ всего сбора со всѣхъ налоговъ на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей и собакъ!

Гоффманъ продолжаетъ: „Въ слѣдующіе годы налогъ приносилъ еще меньше; между тѣмъ, постоянно накоплялись недоимки, постоянно возникала масса дѣлъ о преднамѣренномъ уклоненіи отъ платежа налога, и все это неопровержимо свидѣтельствовало о томъ, какъ налогъ для всѣхъ обременителенъ и ненавистенъ. Поэтому не стали даже дожидаться окончанія возобновившейся войны, и едва счастье улыбнулось намъ, какъ изъ главной квартиры въ Шомонѣ, во Франціи, было сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ налога на роскошь. Это былъ указъ 2 марта 1814 г., предписавшій прекратить сборъ налога за текущее отчетное полугодіе, съ 1 декабря 1813 г. по 31 мая 1814 г., и отмѣнившій всѣ дѣла объ уклоненіи отъ платежа налога".

Хотите еще примѣръ? Послушайте, что Гоффманъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дальше говоритъ:

„Еще до введенія этого налога на роскошь, по случаю закупки монетнымъ дворомъ золотой и серебряной утвари и установленія налога на

нее и на драгоцѣнные камни, былъ введенъ, указомъ 12 февраля 1809 г., штемпельный сборъ со всей наличной золотой и серебряной утвари, которую владѣльцы не хотѣли продавать правительству за ассигнаціи. Съ карата, т. е. $^{2}/_{3}$ лота золота взималось 3 талера, съ лота серебра—$^{1}/_{4}$ талера. Всѣ имѣвшіеся въ наличности драгоцѣнные камни и жемчугъ были обложены налогомъ въ $^{1}/_{6}$ ихъ стоимости. На всю золотую и серебряную посуду, которая будетъ изготовляться, начиная съ 25 апрѣля 1809 г., до выдачи ея заказчику или покупателю было предписано накладывать штемпеля, взимая при этомъ по 3 тал. съ карата золота и по $^{1}/_{6}$ талера съ лота серебра". Далѣе Гоффманъ приводитъ нѣкоторыя подробности насчетъ лигатуры въ золотой и серебряной посудѣ и продолжаетъ: „Указъ предполагалъ взимать въ видѣ налога $^{1}/_{3}$—$^{1}/_{4}$ стоимости металла, а если принять въ соображеніе лигатуру, то налогъ былъ еще гораздо выше. Но именно поэтому налогъ далъ очень мало дохода. Большинство честныхъ собственниковъ золотой и серебряной утвари предпочло продать ее правительству за ассигнаціи, при чемъ они могли быть увѣрены, что получатъ полную стоимость за свою утварь, если употребятъ ассигнаціи на покупку государственныхъ имуществъ или на платежъ налоговъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ ассигнаціи принимались по номинальной цѣнѣ. Другіе уклонялись отъ налога, утаивая драгоцѣнную утварь тѣмъ легче, что изобличить ихъ можно было бы только путемъ ненавистнаго населенію вторженія въ жилища, а на такія мѣры правительство не рѣшалось. Штемпельная пошлина на серебро, какъ и налогъ на роскошь отъ 28 октября 1810 г., была вызвана критическимъ положеніемъ государства; но поскольку здѣсь имѣлся въ виду постоянный источникъ дохода, она была еще менѣе доходна, еще болѣе ненавистна, чѣмъ послѣдній. Вслѣдствіе этого 9 іюля 1812 г. было объявлено, что главная цѣль указа 12 февраля 1809 г. вполнѣ достигнута закупкой утвари на ассигнаціи и потому дальнѣйшій штемпельный сборъ отмѣняется. Правительство отказалось также отъ дальнѣйшаго возбужденія преслѣдованій за утайку золотой и серебряной утвари отъ предписаннаго въ 1809 г. штемпельнаго сбора. Съ тѣхъ поръ прусское правительство вполнѣ оцѣнило и признало доводы, говорящіе противъ всѣхъ подобныхъ налоговъ, такъ что, по возстановленіи мира, никто уже и не помышлялъ о нихъ".

Вотъ что говоритъ Гоффманъ! Вотъ всегдашняя участь всѣхъ налоговъ на роскошь, въ какой бы формѣ они ни устанавливались. Всегда одинъ и тотъ же результатъ или, вѣрнѣе, никакого результата! Но почему же всѣ налоги на роскошь всегда такъ мало доходны, почему бремя бюд-

жета всегда несравненно большей своей частью необходимо падаетъ на низшіе классы? Я постараюсь выяснить вамъ это съ полной очевидностью.

Прокуроръ восклицалъ въ своей рѣчи: „Какъ странно желать утверждать, что косвенные налоги покрываются исключительно,—между прочимъ, я не говорилъ „исключительно“: это было бы нелѣпостью; въ моей лекціи сказано: „несравненно большею своею частью“, и я и теперь повторяю: несравненно большею своею частью,—„четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣдный фактически не въ состояніи сдѣлать этого“.

За одну эту фразу я прощаю прокурору все, что онъ наговорилъ. Ибо этой фразой онъ показываетъ, что сердце у него не плохое, что онъ на самомъ дѣлѣ вѣритъ тому, что говоритъ и что винить надо скорѣе сердце, чѣмъ голову!

Дѣйствительно, невѣжество, обнаруживаемое этой фразой относительно всѣхъ реальныхъ общественныхъ отношеній, чудовищно!

Но и то сказать: изучая параграфы уголовнаго права и живя въ буржуазномъ обществѣ, нельзя познать матеріальныхъ тайнъ общества; это познаніе можно пріобрѣсти, только посвятивъ нѣсколько лѣтъ жизни скучной и сухой наукѣ чиселъ. Я думаю, что и вы сами будете въ высшей степени непріятно изумлены тѣмъ рядомъ фактовъ, какіе я сейчасъ сообщу вамъ въ самой убѣдительной формѣ.

Займемся немного отечественной статистикой.

Вамъ извѣстно, что новымъ податнымъ закономъ отъ 1 мая 1851 г. всѣ жители монархіи, имѣющіе болѣе 1.000 талеровъ дохода, подлежатъ классифицированному подоходному налогу.

Но какъ вы думаете, сколько лицъ во всей Пруссіи подлежатъ этому налогу? Т. е., сколько во всей Пруссіи лицъ, имѣющихъ болѣе 1.000 талеровъ дохода?

Быть можетъ, вы изумитесь, господа, но вотъ официальныя подлинныя цифры. Онѣ составлены на основаніи официальныхъ данныхъ и публикованы въ отчетахъ правительственнаго статистическаго бюро, предсѣдателемъ его, недавно умершимъ, тайнымъ совѣтникомъ Дитерици, членомъ Королевской Академіи наукъ,—томъ VII, 1854 г., 179 стр. По этимъ отчетамъ оказывается, что во всей Пруссіи классифицированному подоходному налогу подлежатъ 44.407 лицъ [1]); въ монархіи съ болѣе чѣмъ 17 милліонами населенія

[1]) Ср. съ этимъ официальнымъ податнымъ спискомъ и дальнѣйшими сообщаемыми мною подробностями расчетъ, приведенный мною въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ“ (см. 2 т.), на основаніи данныхъ III и IV томовъ трудовъ статистическаго бюро Дитерици, согласно которымъ

только 44.407 человѣкъ имѣютъ больше 1.000 талеровъ дохода. Изъ этихъ 44.407 лицъ 14.428, т. е. 32% принадлежатъ къ послѣднему податному разряду, т. е. имѣютъ дохода 1.000—1.200 талеровъ; а вы сами можете судить, какую умѣренную степень благосостоянія можетъ доставить такой доходъ, принимая въ соображеніе, что обыкновенно на него приходится содержать цѣлое семейство.

Быть можетъ, скажутъ, что каждый естественно утаиваетъ свой доходъ отъ налога и что, поэтому, число лицъ, имѣющихъ болѣе 1.000 талеровъ дохода, въ дѣйствительности, должно быть гораздо больше, чѣмъ это показываютъ офиціальные податные списки. Но въ данномъ случаѣ это замѣчаніе не имѣетъ никакого значенія. Прежде всего государство очень заинтересовано въ томъ, чтобы не допускать слишкомъ низкой оцѣнки, такъ какъ дѣло идетъ для него о доходѣ. И, дѣйствительно, очень часто приходится слышать о безуспѣшныхъ протестахъ противъ слишкомъ высокой оцѣнки. Если доходъ однихъ оцѣненъ ниже дѣйствительнаго, зато доходъ другихъ переоцѣненъ, и послѣдніе не могутъ добиваться пониженія оцѣнки либо по соображеніямъ кредита, либо по какимъ-нибудь инымъ причинамъ. Такимъ образомъ, слишкомъ низкая оцѣнка въ однихъ случаяхъ легко возмѣщается слишкомъ высокой—въ другихъ. Но, кромѣ того, трудно, конечно, опредѣлить, имѣетъ ли человѣкъ 5.000 или 8.000 тал. дохода, и въ этомъ отношеніи ошибки, навѣрное, случаются очень часто. Но получаетъ ли человѣкъ больше 1.000 талеровъ дохода или нѣтъ, рѣшить не трудно, такъ какъ для этого имѣется слишкомъ много и легко устанавливаемыхъ признаковъ, и въ этомъ случаѣ большой ошибки быть не можетъ.

Наконецъ, допустимъ, что есть ошибка! Во всякомъ случаѣ, она должна составлять лишь опредѣленный процентъ всѣхъ оцѣнокъ свыше 1.000 талеровъ. Положимъ, что она составляетъ 3, 5, даже 10% общаго числа; тогда получится, даже при 10% на 44.000 человѣкъ всего только 4.400 лицъ—число, совершенно ничтожное съ интересующей насъ точки зрѣнія.

Слѣдующій классъ плательщиковъ налога—лица, владѣющія 1.200—1.400 тал. дохода, заключаетъ въ себѣ 7.355 человѣкъ; третій классъ, съ доходомъ въ 1.400—1.600 тал.,—4.721. Четвертый классъ, съ доходомъ въ 1.600—2.000 тал., обнимаетъ 5.499 лицъ. Дальше, т. е. свыше 2.000 талеровъ дохода, начинается уже дѣйствительное благосостояніе, хотя бы семей-

89—96% населенія живутъ въ стѣсненномъ положеніи, въ нуждѣ. Изъ этого видно, на какомъ невѣжествѣ покоится то недовѣріе, съ какимъ и публика и разныя газеты встрѣтили расчеты Дитерици.

ство состояло и изъ пяти человѣкъ. Но всѣ остальные 26 разрядовъ лицъ, имѣющихъ свыше 2.000 талеровъ дохода, содержатъ всѣ вмѣстѣ только 11.400 лицъ!

Итакъ, во всемъ государствѣ только 11.400 лицъ имѣютъ больше 2.000 тал. дохода, только 44.400 лицъ, включая сюда и эти 11.400, имѣетъ больше 1.000 тал. дохода.

Вотъ каковъ балансъ общества!

Не правда ли, господа, не будь это официально засвидѣтельствовано, вы никогда не повѣрили бы этому, никогда не сочли бы это возможнымъ?

И вотъ эта-то до смѣшного ничтожная кучка людей повсюду наполняетъ со своими семьями всѣ театры, всѣ концерты, всѣ собранія, балы, гулянья, рестораны и погребки, порождая этимъ впечатлѣніе чего-то многочисленнаго и повсюднаго. Она думаетъ только о себѣ, только о себѣ говоритъ, воображаетъ, что она—весь міръ, она располагаетъ всѣми газетами, всѣми мастерскими, гдѣ вырабатывается общественное мнѣніе, и успѣваетъ даже убѣдить другихъ, что она—эти 11.000 или эти 44.000—составляетъ весь свѣтъ!

И эта ничтожная кучка людей одна только копошится, одна только волнуется, разсуждаетъ, пишетъ, ораторствуетъ, думаетъ только о своихъ интересахъ, только за ними гоняется, увѣряетъ себя, что она—все и въ своемъ самообольщеніи начинаетъ воображать, что и налоги платитъ она. А тамъ, внизу, подъ нею, въ нѣмыхъ невыразимыхъ мукахъ изнемогаетъ безчисленное множество неимущаго народа, 17 милліоновъ людей, которые производятъ все, чѣмъ красна наша жизнь, что составляетъ необходимое условіе всякой нравственности, необходимое условіе существованія государства, которые на своихъ плечахъ выносятъ всѣ его битвы, платятъ налоги, и нѣтъ никого, кто подумалъ бы о нихъ и вступился бы за нихъ!

И прокуроръ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что имущіе, эти 44.000 человѣкъ, имѣющихъ больше 1.000 талеровъ дохода, платятъ косвенные налоги!

Сосчитаемъ по пальцамъ.

Если бы государство захотѣло получить съ имущихъ путемъ косвенныхъ налоговъ эти 96 милліоновъ талеровъ, которые оно собрало прямыми и косвенными налогами въ бюджетѣ 1855 г., о которомъ я говорилъ въ своей лекціи, то каждому изъ 44.000 имущихъ пришлось бы уплатить, въ среднемъ, по 2.186 талеровъ налога въ годъ. Но мы знаемъ,

что изъ этихъ 44.000 лицъ 14.428 человѣкъ имѣютъ только 1.000—1.200 тал. дохода и 17.575—не болѣе 2.000 тал. дохода; если сложить доходы всѣхъ лицъ, подлежащихъ классифицированному налогу и раздѣлить эту сумму на число всѣхъ плательщиковъ этого налога, то на долю каждаго изъ нихъ придется, въ среднемъ, 2.357 талеровъ дохода!

Во вторыхъ, спрашивается, какъ велика должна быть сумма, ежегодно потребляемая каждымъ изъ этихъ 44.400 имущихъ со своимъ семействомъ, чтобы съ нея приходилось уплачивать ежегодно косвеннаго налога 2.186 талеровъ? Другими словами, сколько долженъ человѣкъ потреблять въ годъ, чтобы съ его потребленія пришлось 2.186 талеровъ косвеннаго налога?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо, конечно, знать, какой процентъ потребляемаго дохода составляетъ налогъ.

Прямой налогъ, и притомъ самый высокій разрядъ его, а именно, классифицированный подоходный налогъ, не можетъ по закону превышать трехъ процентовъ съ дохода.

Положимъ, что косвенными налогами взимается 5% съ общаго годового расхода каждаго изъ 44.400 имущихъ лицъ; такое предположеніе будетъ гораздо выше дѣйствительности. Нѣкоторые изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ составляютъ, правда, несравненно болѣе высокій процентъ потребляемой цѣнности; зато другіе составляютъ гораздо болѣе низкій процентъ, а кромѣ того, наибольшая часть самыхъ дорогихъ расходовъ высшихъ классовъ вовсе не облагается косвенными налогами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ цитированные мною выше экономисты. Слѣдовательно, если взять цѣликомъ всѣ расходы имущихъ классовъ, какъ облагаемые налогомъ, такъ и не облагаемые имъ, то 5% цѣнности всего потребленія окажется слишкомъ высокой нормой для косвеннаго обложенія. Припомните, что говорилъ выше Сисмонди, а именно, что косвеннымъ налогамъ не подлежитъ и 10% расхода богатыхъ; а чтобы составить 5% съ общей суммы расхода, эти 10% облагаемаго расхода должны, въ свою очередь, облагаться 50% своей стоимости.

Однако, во избѣжаніе всякихъ препирательствъ, допустимъ это очевидное преувлеченіе, допустимъ, что косвенные налоги составляютъ 5% всего расхода имущихъ лицъ. Даже больше того: увеличимъ вдвое эту цифру, допустимъ, что косвенные налоги составляютъ 10%.

Если косвенные налоги составляютъ 10% общей суммы расхода, то для того, чтобы каждое изъ этихъ 44.400 лицъ, въ среднемъ, платило ежегодно по 2.186 талеровъ косвеннаго налога, надо помножить сумму

2.186 талеровъ на 10 и тогда мы получимъ общій средній расходъ каждаго изъ этихъ 44.400; такимъ образомъ, окажется, что каждый изъ нихъ въ среднемъ ежегодно расходуетъ 2.186×10=21.860 талеровъ! Впрочемъ, таковъ былъ бы ихъ расходъ лишь въ томъ случаѣ, если бы государство взимало путемъ косвеннаго налога всю сумму своихъ 96 мил. дохода съ 44.400 имущихъ.

Но если бы государство захотѣло получить съ этихъ 44.400 лицъ посредствомъ косвеннаго налога только половину тѣхъ 96 мил. талеровъ, какіе доставлены ему въ 1855 г. налогами вообще, т. е., если бы оно захотѣло получить съ нихъ всего 48 мил. талеровъ косвенныхъ налоговъ, то каждому изъ этихъ лицъ пришлось бы, въ среднемъ, заплатить все-таки еще 1.043 талера налога и, слѣдовательно, онъ все еще долженъ былъ бы ежегодно расходовать 10.430 талеровъ. А я въ своей, подвергшейся осужденію, лекціи подробно доказалъ, что изъ 96 мил. государство получаетъ прямыми налогами всего только 13 мил., слѣдовательно, косвенными цѣлыхъ 83 мил. Но положимъ, что изъ этихъ 96 мил. государство получаетъ съ 44.400 имущихъ косвенными налогами только четвертую часть, т. е., вмѣсто 83, только 24 мил. — и все же, и въ этомъ случаѣ каждому изъ этихъ лицъ пришлось бы расходовать въ годъ среднимъ числомъ по 5.215 талеровъ. Допустимъ, наконецъ, что съ 44.400 имущихъ косвенными налогами взимается только десятая часть этихъ 96 мил., т. е. 9.600.000,—и тутъ каждому пришлось бы, въ среднемъ, ежегодно расходовать 2.186 талеровъ! Но мы уже знаемъ, что изъ этихъ 44.400 лицъ 14.428 имѣютъ только 1.000—1.200 талеровъ дохода, а 17.575—только 1.200—2.000 талеровъ дохода. Изъ тѣхъ же списковъ у Дитерици вы можете убѣдиться, что во всемъ государствѣ имѣется только 3.340 человѣкъ, обладающихъ доходомъ болѣе 4.000 талеровъ и, какъ я уже сказалъ, доходъ каждаго изъ этихъ 44.400 лицъ простирается, въ среднемъ, только до 2.357 талеровъ. А, вѣдь, доходъ далеко еще не тождественъ съ расходомъ. Вѣдь, извѣстно, что богатыя сословія имѣютъ обыкновеніе ежегодно откладывать и копить часть своихъ доходовъ!

Я привелъ вамъ, господа, этотъ расчетъ, чтобы показать полную невозможность для государства взимать косвенные налоги съ имущихъ, невозможность получить съ нихъ хотя бы только десятую, хотя бы только двадцатую часть всего своего дохода.

Я привелъ вамъ этотъ расчетъ, чтобы показать, въ какихъ поистинѣ фантастическихъ представленіяхъ витаетъ прокуроръ, когда онъ

bona fide[1]) воображаетъ, что косвенные налоги уплачиваются цѣликомъ, или хотя бы на половину, или хотя бы на треть, или хотя бы на десятую или даже на двадцатую часть, имущими классами!

Я привелъ вамъ этотъ расчетъ, чтобы показать, откуда, съ какого класса берутся тѣ деньги, на которыя мы содержимъ государство и пользуемся благами цивилизаціи.

Будьте же справедливы, господа, къ этому классу и не зажимайте рта тому, кто вступается за нихъ,—онъ и безъ того одинъ въ полѣ воинъ!

Приведу вамъ еще болѣе точное и краткое доказательство.

Понятно, что прямые налоги, взимаемые съ дохода въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, прямые подоходные налоги, падаютъ на богатыхъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ косвенные налоги. Прямые налоги взимаются съ каждаго пропорціонально его имуществу и доходу, тогда какъ косвенные налоги, по свидѣтельству самыхъ умѣренныхъ экономистовъ, оказываютъ такое же дѣйствіе, какъ подушная подать, т. е. съ каждаго взимаютъ одинаковый взносъ, а по словамъ другихъ, берутъ даже съ человѣка тѣмъ больше, чѣмъ онъ бѣднѣе.

Какъ же можетъ прокуроръ находить страннымъ высказанное мною въ лекціи положеніе, что косвенные налоги въ несравненно большей своей части уплачиваются бѣднѣйшими классами, когда это положеніе несомнѣнно даже относительно прямыхъ налоговъ?!

А что это несомнѣнно даже относительно прямыхъ налоговъ и до чего это несомнѣнно,—въ этомъ вы можете убѣдиться, познакомившись съ цифрами, сообщаемыми правительствомъ въ бюджетѣ и статистическимъ бюро въ его офиціальныхъ отчетахъ; вамъ стоитъ только читать и складывать, не дѣлая никакихъ собственныхъ расчетовъ и оцѣнокъ и т. п.

Классифицированный подоходный налогъ, взимаемый во всемъ государствѣ со всѣхъ лицъ, имѣющихъ болѣе 1.000 талеровъ дохода, доставилъ, согласно офиціальному государственному бюджету за 1855 годъ, 2.928.000 талеровъ, включая сюда добавочныхъ 622.000 талеровъ. Вотъ, слѣдовательно, сколько внесли прямого налога всѣ лица, имѣющія свыше 1.000 талеровъ дохода.

По закону 1 мая 1851 г. прямой подоходный налогъ, такъ называемая классная подать, взимается со всѣхъ лицъ, имѣющихъ менѣе 1.000 талеровъ дохода, но не по всей странѣ, а лишь въ мѣстностяхъ, не платящихъ налога съ помола муки и за убой скота. По тому же бюджету этотъ налогъ принесъ 9.920.000 талеровъ.

[1]) Вполнѣ искренно.

Итакъ, и прямыми налогами низшіе классы, и то только нѣкоторыхъ мѣстностей, внесли втрое и вчетверо больше, чѣмъ всѣ имущіе всего государства!

Но это еще пустяки, господа! Посчитаемъ-ка получше цифры классной подати,—вы увидите, какъ краснорѣчиво онѣ заговорятъ!

Болѣе подробныя данныя объ этой классной подати, составленныя на основаніи офиціальной раскладки податей за 1853 г. вы можете найти въ отчетахъ статистическаго бюро тайнаго совѣтника Дитерици, Bd. VII, p. 195.

Всего за 1853 г. получено классной подати безъ дополнительнаго сбора 7.941.915$^{1}/_{2}$ талеровъ, т. е. столько же, сколько и въ 1855 г., безъ того же дополнительнаго сбора.

Эти 7.941.915 тал. распадаются на слѣдующіе три класса:

Первый, низшій классъ, состоитъ изъ трехъ разрядовъ съ четырьмя ставками обложенія: первый разрядъ $^{1}/_{2}$—1 талеръ классной подати съ семьи, второй—2 талера, третій—3 талера. Тайный совѣтникъ Дитерици опредѣляетъ (p. 175) ежегодные доходы этихъ трехъ разрядовъ плательщиковъ въ 100—120, 120—180, 180—250 талеровъ.

И на этотъ доходъ часто приходится еще содержать семьи! Вотъ, слѣдовательно, полные, настоящіе пролетаріи общества!

А между тѣмъ этотъ-то низшій, беднѣйшій классъ общества и уплачиваетъ несравненно больше всѣхъ другихъ классовъ прямыми налогами. Какъ видно изъ таблицы у Дитерици, онъ платитъ 3.891.117$^{1}/_{2}$ талеровъ классной подати, тогда какъ всѣ обложенные классифицированнымъ подоходнымъ налогомъ, т. е., имѣющіе болѣе 1.000 талеровъ дохода, уплачиваютъ безъ дополнительнаго сбора только 2.306.000 талеровъ классифицированнаго подоходнаго налога.

Этотъ низшій, бѣднѣйшій классъ платитъ классной подати гораздо больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ двухъ классовъ, обложенныхъ классной податью, онъ платитъ даже почти столько же, сколько они оба вмѣстѣ. Онъ платитъ 3.891.117 тал., тогда какъ 2-й классъ всего только 2.625.294 тал., а 3-й всего 1.425.504 тал., слѣдовательно, послѣдніе два вмѣстѣ всего только около 4 милл., — почти столько же, сколько низшій классъ одинъ.

Но это еще не все! Перейдемъ ко второму главному классу изъ обложенныхъ классной податью. Онъ обнимаетъ 5 разрядовъ, платящихъ 4, 5, 6, 8, 10 тал. классной подати и имѣющихъ, по расчету тайнаго совѣтника Дитерици (p. 175), 250 — 300, 300 — 320, 320 — 400 и 400—500 талеровъ годового дохода. Въ первомъ классѣ мы имѣли со-

вершенныхъ бѣдняковъ; но и второй классъ состоитъ еще изъ очень бѣдныхъ людей, такъ какъ на такой годовой доходъ приходится содержать цѣлыя семьи. Изъ пяти разрядовъ этого класса больше всѣхъ уплачиваетъ опять-таки низшій разрядъ, а именно—747.780 тал., а весь этотъ второй классъ совершенно неимущихъ и бѣдныхъ вноситъ 2.625.294 тал. классной подати.

Затѣмъ слѣдуетъ 3-й классъ обложенныхъ классной податью; онъ состоитъ изъ 4 разрядовъ, доходъ которыхъ опредѣленъ циркуляромъ королевскаго министра финансовъ отъ 8 мая 1851 г. Къ низшему разряду, обязанному платить 12 тал. подати, отнесены имѣющіе 500—650 тал. дохода; ко 2-му, съ 16 тал. подати, причислены лица, владѣющія 650—800 тал. дохода; къ 3-му, съ 20 тал. подати,—имѣющіе 800—900 тал. дохода и къ 4-му, съ 24 тал. подати—всѣ имѣющіе 900—1.000 тал. дохода.

Надѣюсь, вы согласитесь со мной, что низшій разрядъ этого послѣдняго класса, обладатели ежегоднаго дохода въ 500—650 тал., на который надо содержать себя и семейство, еще далеко не принадлежатъ къ буржуазіи, а къ тому сословію мѣщанъ, рабочихъ и крестьянъ, о которомъ я говорилъ въ своей лекціи. Этотъ низшій разрядъ платитъ 534.984 тал. классной подати. Второй разрядъ, обладатели дохода въ 650—800 тал., платитъ 366.832 тал.; третій, съ доходомъ въ 800—900 тал.,—264.080 тал. и, наконецъ, 4-й, съ 900—1.000 тал. дохода, платитъ 259.608 талеровъ классной подати.

Но будемъ уступчивы! Допустимъ, что всѣ лица, имѣющія на семью свыше 650 тал. дохода, не принадлежатъ уже къ неимущимъ и бѣднымъ классамъ націи, хотя это, очевидно, несправедливо. Теперь сдѣлаемъ простое сложеніе. Вотъ что мы получимъ:

Классъ.	Число плательщиковъ налога.	Процентное отношеніе къ общему числу плательщиковъ клас. налога.	Ежегодный взносъ подати въ талерахъ.	Процентное отношеніе ко всей суммѣ дохода съ классной подати.
I.	4.521.989	89,06	3.891.117½	48,99
II.	464.323	9,14	2.625.294	33,06
III. класса низшій разрядъ	44.582	0,88	534.984	6,74
Итогъ . .	5.030.894 [1])	99,08	7.051.395½	88,79

[1]) Извѣстно, что, по требованію закона относительно классной подати, въ это число одинаково включены какъ одинокіе, такъ и семейные.

Три остальныхъ разряда третьяго класса, которые мы причислили къ зажиточнымъ классамъ націи (!) даютъ слѣдующія цифры:

Разрядъ.	Число плательщиковъ налога.	Процентное отношеніе къ общему числу плательщиковъ клас. налога.	Ежегодный взносъ подати въ талерахъ.	Процентное отношеніе ко всей суммѣ дохода съ классной подати.
10	22.927	0,45	366.832	4,62
11	13.204	0,26	264.080	3,32
12	10.817	0,21	259.608	3,27
Итогъ . .	46.948	0,92	890.520	11,21

Итакъ, три послѣднихъ разряда плательщиковъ классной подати платятъ . . . . 890.520 тал.

Причислимъ къ этой суммѣ доходъ съ классифицированной подоходной подати за 1855 г. (не считая дополнительнаго налога въ 622.000 тал., такъ какъ мы не считали этого налога и въ классной подати). . . . . . 2.306.000 тал.

Слѣдовательно, всѣ мало-мальски имущіе классы платятъ прямыхъ налоговъ . . . . 3.196.520 тал., тогда такъ совершенно неимущіе классы платятъ 7.051.395 талеровъ, т. е. гораздо больше чѣмъ вдвое, почти 70⁰/₀ общей суммы прямыхъ налоговъ. — Если прямые налоги распредѣлены такимъ образомъ, то чему же „удивляется“ прокуроръ, если я въ своей лекціи сказалъ о косвенныхъ налогахъ, что „несравненно большей своею частью они ложатся на неимущіе, бѣднѣйшіе классы націи“?

Если изъ прямыхъ налоговъ, которые все же распредѣляются пропорціонально имуществу и доходу, совершенно неимущіе платятъ почти 70⁰/₀, то каково должно быть это отношеніе въ косвенныхъ налогахъ, которые распредѣляются пропорціонально потребленію, т. е. числу лицъ? Мы видѣли, что въ Пруссіи только 44.407 лицъ имѣютъ свыше 1.000 талеровъ дохода и потому могутъ быть названы зажиточными. Но причислимъ къ нимъ и три послѣднихъ разряда третьяго класса плательщиковъ классной подати, причислимъ къ нимъ всѣхъ имѣющихъ свыше 650 тал. дохода, хотя людей съ такимъ доходомъ, очевидно, нельзя считать зажиточными. Получимъ

44.407
+ 46.908

Итого 91.315 не неимущихъ налого-плательщиковъ въ государ-

ствѣ. Но 46.908 плательщиковъ налога. имѣющихъ 650 –1.000 талеровъ дохода, относятся лишь къ той части населенія, которая платитъ классную подать. Хотя эта часть и составляетъ почти $^7/_8$ всего населенія, однако, помимо того имѣются мѣстности, въ которыхъ взимается налогъ съ помола муки и за убой скота и не подлежащія классной подати. Слѣдовательно, нужно принять въ расчетъ и эту часть населенія. Въ XIII томѣ оффиціальныхъ статистическихъ извѣстій тайнаго совѣтника Дитерици (р. 182), населеніе прусскихъ мѣстностей, платящихъ налогъ за помолъ муки и убой скота, за 1858 годъ показано въ 2.284.745 душъ; общее число народонаселенія Пруссіи показано тамъ же въ 17.739.913 душъ, такъ что на долю плательщиковъ классной подати приходится 15.445.168 душъ. Мы должны предположить, какъ это и слѣдуетъ при среднихъ расчетахъ, что въ числѣ 2.284.745 плательщиковъ налога на помолъ муки и убой скота пропорціонально столько же лицъ имѣетъ свыше 650 талеровъ дохода, какъ и среди плательщиковъ классной подати; сдѣлавъ соотвѣтствующій расчетъ, мы получимъ для мѣстностей, платящихъ только что упомянутые налоги, 6.954 лица, имѣющихъ свыше 650 тал. дохода. Сложимъ:

6.954
91.315

Итого 98.269 лицъ во всемъ прусскомъ государствѣ имѣетъ свыше 650 тал. дохода. Предположимъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ семью въ 5 человѣкъ, какъ это обыкновенно и принимается, когда говорятъ вообще о всемъ населеніи, хотя о высшихъ сословіяхъ этого отнюдь нельзя предполагать, такъ какъ дѣтей у нихъ въ среднемъ бываетъ гораздо меньше, чѣмъ въ низшихъ сословіяхъ.

Но предположимъ такъ, хотя это и будетъ преувеличеніемъ. Тогда получимъ, что 98.269 налого-плательщиковъ представляютъ собой 491.345 душъ. Эта цифра такъ незначительна, что ею обыкновенно пренебрегаютъ при кругломъ счетѣ населенія въ большихъ государствахъ; она даже меньше той цифры, какою я пренебрегъ, опредѣляя населеніе Пруссіи; я сказалъ, что Пруссія имѣетъ 17 милліоновъ жителей, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она имѣла въ 1858 г. свыше 17.739.000 жителей.

Слѣдовательно, всѣ эти 17 милліоновъ, да еще съ избыткомъ, принадлежатъ къ совершенно неимущимъ классамъ!

А та ничтожная кучка людей все только толкуетъ о себѣ, все только про себя и слышитъ, все наполняетъ своимъ собственнымъ шумомъ и въ

своемъ самообольщенiи доходитъ, наконецъ, до того, что начинаетъ воображать, что она одна платитъ косвенные налоги!

Вы видите, господа, въ какой райской невинности пребывалъ прокуроръ относительно всѣхъ началъ государственныхъ наукъ, дѣлая мнѣ свои возраженiя, бросая мнѣ упрекъ въ неправдѣ и софизмахъ и восклицая отъ полноты своего добраго сердца, что бѣдный людъ фактически не въ состоянiи такъ много уплачивать въ формѣ косвенныхъ налоговъ!

Честь и слава его доброму сердцу, господа!

Что касается его умственной невинности, то на то онъ и юристъ, чтобы не вѣдать такихъ вещей. Напрасно только обвиняетъ онъ въ неправдѣ людей, которые больше его смыслятъ, и требуетъ наказанiя имъ за то, что онъ не имѣетъ никакого представленiя объ истинномъ положенiи вещей!

Но гораздо печальнѣе, что заблужденiе прокурора раздѣляется высшими представителями промышленности, которые воображаютъ себя людьми отмѣнно „практическими". Да этому удивляться нечего. Припомните, что говорилъ я вамъ выше: для того, чтобы познать положенiе народа, недостаточно простого наблюденiя надъ практической жизнью; къ такому познанiю ведетъ одинъ только путь—путь чрезъ скучную и сухую науку цифръ. Вотъ почему высшiе представители промышленности и вообще имущiе классы, оглушаемые своимъ собственнымъ шумомъ и неумолчной болтовней о самихъ себѣ, приходятъ, подобно прокурору, къ заключенiю, что косвенные налоги уплачиваются ими, имущими классами!

Одинъ коммерцiи-совѣтникъ какъ-то услыхалъ по поводу моего процесса, что я утверждаю въ своей лекцiи, что бѣдные классы уплачиваютъ наибольшую часть косвенныхъ налоговъ. У этого коммерцiи-совѣтника прекрасное состоянiе, прекрасный домъ и прекрасная жена; поэтому онъ принадлежитъ къ числу очень самодовольныхъ людей. „Какъ! —воскликнулъ онъ,—вотъ въ чемъ хочетъ увѣрить насъ Лассаль!? А кто же пьетъ шоколадъ у Штегели"?

Правда, господа! Коммерцiи-совѣтникъ и его собратья пьютъ шоколадъ у Штегели.

Но остановимся на минуту на этомъ шоколадѣ.

Изъ большого сочиненiя Гумбольдта и Бонплана, „Reise in die Aequinoctialgegenden", т. III, стр. 206, мы узнаемъ, что въ 1818 г. въ Европу ввезено 23 миллiона фунтовъ бобовъ какао, на сумму 7.360.000 тал. Наибольшая часть этого количества поступила въ Испанiю и Италiю, гдѣ

шоколадъ пьютъ всѣ. Въ 1847 г. въ предѣлы нѣмецкаго таможеннаго союза ввезено 1.143.500 фунтовъ бобовъ какао.

Въ Пруссію, по словамъ д-ра Мичерлиха въ его монографіи „Der Kakao und die Chokolade“, p. 43, въ 1821 г. было ввезено 500.000 фунтовъ. Ввозной пошлины взималось $6^1/_2$ талеровъ съ центнера. Итакъ, весь доходъ съ ввоза шоколада состовлялъ 35.500 талеровъ налога.

Вы видите, господа, что, если коммерціи-совѣтникъ и его собратья окажутъ государственному бюджету въ 108 милліоновъ за 1855 г. услугу тѣмъ, что одни разопьютъ весь шоколадъ у Штегели, то, во всякомъ случаѣ, это будетъ услуга совершенно незамѣтная для невооруженнаго глаза.

Взглянемъ на нѣкоторые другіе предметы, потребляемые исключительно высшими классами.

По даннымъ статистическаго бюро тайнаго совѣтника Дитерици, т. III, стр. 110, ввозъ устрицъ и морской рыбы въ предѣлы таможеннаго союза—не въ Пруссію, господа, а въ предѣлы всего таможеннаго союза—доставилъ пошлины всего 13.000 талеровъ!

Посмотримъ теперь на самый главный предметъ роскоши, потребляемый богатыми классами, какъ бы офиціально признанную принадлежность ихъ—на шампанское!

Таможенный союзъ не ведетъ особыхъ отчетовъ о ввозѣ шампанскаго. Только въ Берлинѣ Главное Управленіе налоговъ особо отмѣчаетъ бутылки шампанскаго, поступающія въ Берлинъ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Берлинъ поступаетъ не только то шампанское, какое распивается тутъ же на мѣстѣ, черезъ Берлинъ проходитъ все шампанское, идущее во всю Бранденбургскую провинцію, и даже Силезія получаетъ наибольшую часть своего шампанскаго отсюда же.

Имѣйте въ виду, что Берлинъ—столица и резиденція государства, городъ съ 550.000 жителей. Сколько тутъ выпивается шампанскаго! Сколько тутъ выпивается его при дворѣ и у министровъ, у иностранныхъ пословъ и всей аристократіей, и нашими денди у Эвеста, Герольда, Медера и въ разныхъ другихъ ресторанахъ, и на балахъ, празднествахъ и свадьбахъ! Даже въ среднихъ классахъ почти ни одно собраніе, ни одинъ званый обѣдъ не обходятся безъ этой, какъ бы офиціальной и почти обязательной роскоши, требуемой ради соблюденія приличія и достоинства.

Казалось бы, что шампанское должно литься въ Берлинѣ рѣкой.

И, несмотря на это, несмотря на то, что и Бранденбургская провинція, и Силезія получаютъ шампанское изъ того же Берлина, его ввезено за весь 1855 годъ, -ну, сколько бы вы думали?—148.900 бутылокъ, какъ

свидѣтельствуетъ объ этомъ тайный совѣтникъ Дитерици на основаніи отчетовъ Главнаго Управленія налоговъ въ X томѣ, стр. 134, Статистическихъ Извѣстій! Съ бутылки шампанскаго платится около $7^1/_2$ зильбергрошей пошлины, такъ что всего получается 370.22 талеровъ налога.

Какъ видите, господа, все гомеопатическія дозы!

Такъ какъ общій ввозъ шампанскаго во все государство неизвѣстенъ, то, чтобы получить, наконецъ, какую-нибудь крупную сумму, возьмемъ самый значительный предметъ потребленія исключительно имущихъ классовъ. Въ Пруссіи—это заграничное вино разныхъ сортовъ, въ томъ числѣ и шампанское. Съ него взимается столь большая ввозная пошлина, что, по оцѣнкѣ статистика Гюбнера въ „Jahrbuch für Vlkswirtschaft und Statistik". Jahrgang 1852, р. 120, она въ среднемъ равняется 56% продажной цѣны.

Въ бюджетѣ за 1855 г. и въ приложеніяхъ къ нему таможенный сборъ съ вина не показанъ особо, а включенъ въ общую рубрику ввозныхъ, вывозныхъ и провозныхъ пошлинъ.

Но мы можемъ опредѣлить цифру этого сбора по другимъ источникамъ.

Въ только что упомянутомъ статистическомъ ежегодникѣ Гюбнера, за 1856 г., стр. 78—81, приведены таблицы ввоза въ таможенный союзъ. Изъ нихъ мы узнаемъ (стр. 80), что въ 1854 г. въ таможенный союзъ ввезено:

43.086 центнеровъ вина въ бутылкахъ, давшихъ таможеннаго дохода . . . . 344.688 тал.

191.236 центнеровъ вина въ боченкахъ, давшихъ таможеннаго дохода . . . . 1.147.578 „

Итого таможеннаго дохода съ вина . . . 1.492.266 тал.

Но эта сумма приходится не на одну Пруссію, а на весь таможенный союзъ.

Въ томъ же журналѣ (стр. 87) мы находимъ расчетъ въ десятичныхъ доляхъ, сколько приходится таможеннаго сбора по каждому предмету ввоза на одного жителя всего таможеннаго союза. Оказывается, что сбора съ вина въ томъ году (1854) приходилось по 1,3 зильбергроша на душу.

Принимая въ настоящемъ случаѣ населеніе Пруссіи въ 17 милліоновъ, мы получимъ, считая по 1,3 зильбельгроша налога на душу, 733.333 талера налоговыхъ поступленій съ заграничныхъ винъ во всей Пруссіи.

Быть можетъ, потребуютъ, чтобы я присоединилъ сюда и налоги на туземное винодѣліе въ Пруссіи. Эти налоги относятся преимущественно къ

области по рѣкѣ Мозелю, а мозельское вино пьютъ не одни имущіе классы. Низшіе сорта мозельскаго вина потребляются на Мозелѣ и вообще въ Рейнской провинціи въ большомъ количествѣ мѣщанами и крестьянами. Однако, не станемъ торговаться, уступимъ и это вино на долю имущихъ классовъ. Государственный бюджетъ за 1855 г. показываетъ дохода съ налога на туземное винодѣліе 73.421 талеръ. Итакъ, заграничное и туземное вина, составляющія самый значительный предметъ потребленія исключительно имущихъ классовъ, даютъ вмѣстѣ 806.754 талера дохода.

Вы видите,—считаемъ, считаемъ, а все ни съ мѣста!

Прокуроръ особенно налегаетъ на шелкъ, составляющій, будто-бы, предметъ потребленія исключительно имущихъ классовъ.

Это неправда. Многія кухарки, напр., моя, надѣваютъ по воскресеньямъ шелковыя платья. Наконецъ, шелковыя ленты и шейные платки очень распространены въ низшихъ классахъ народа, особенно среди женщинъ. Для женъ и дочерей мѣщанъ они составляютъ даже соціальную необходимость на прогулкахъ и при разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Однако, согласимся съ прокуроромъ и, въ угоду ему, уступимъ шелкъ въ исключительное пользованіе имущихъ классовъ.

Изъ таблицъ Гюбнерова статистическаго ежегодника (годъ IV, стр. 81) мы видимъ, что въ 1854 г. въ таможенный союзъ ввезено:

Шелку-сырца 17.896 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода . . . . 8.948 тал.

Шелковыхъ товаровъ 3.913 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода . . . . 430.430 „

Итого таможеннаго дохода . . . . . 439.378 тал.

И опять-таки это таможенный доходъ всего таможеннаго союза.

Чтобы не наскучить вамъ кропотливыми расчетами, допустимъ, что на долю населенія Пруссіи приходится здѣсь $^3/_5$, что для нашей цѣли не только достаточно, но, пожалуй, и больше чѣмъ надо; въ такомъ случаѣ имущими классами Пруссіи заплачено по этой статьѣ 236.625 талеровъ.

Сложимъ теперь доходы съ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ четырехъ предметовъ исключительнаго потребленія высшихъ классовъ:

1) Шоколадъ коммерціи совѣтника . . . . 32.500 тал.

2) Шелкъ прокурора, хотя шелкъ потребляется не одними имущими классами . . . . 236.625 „

3) Вина, включая сюда шампанское и туземное вино, хотя послѣднее пьется не одними имущими классами . . 806.754 „

4) Устрицы и морская рыба во всемъ таможенномъ союзѣ, которыя мы предоставляемъ исключительно имущимъ классамъ Пруссіи . . . . 13.000 тал.

Всего внесено косвеннаго налога . . 1.088.879 тал.

Все еще не далеко уѣхали мы, господа! Сложивъ расходы на четыре предмета исключительнаго потребленія богатыхъ, мы получили сумму, которая, не говоря уже о какихъ-нибудь государственныхъ цѣляхъ, недостаточна даже для уплаты половины жалованья чиновникамъ, служащимъ по сбору податей. Изъ I тома приложеній къ государственному бюджету, стр. 93, мы видимъ, что на жалованье чиновникамъ по податному и таможенному вѣдомствамъ расходуется 2.526.190 тал.

И эти люди воображаютъ, что они уплачиваютъ всѣ налоги!

Обратимся теперь къ бѣдному люду! Возьмемъ хотя бы одинъ единственный предметъ его потребленія, далеко не самый крупный.

По бюджету 1855 г. водочный акцизъ и пошлины съ вывоза водки дали не менѣе 5.800.000 тал.; исключивъ отсюда вывозную пошлину, мы найдемъ, что съ водки, потребляемой въ странѣ, получается 5 милліоновъ талеровъ налога, какъ это подтверждаетъ и тайный совѣтникъ Дитерици, т. III, стр. 110.

Ну, сколько же вы вносите на этотъ налогъ, господа? Сколько потребляете вы въ годъ водки?

Ничего?—Я также ничего!

Эти примѣры, говорящіе о предметахъ, изъ которыхъ одни по самой природѣ своей предназначены служить исключительно потребленію имущихъ классовъ, а другіе исключительно потребленію неимущихъ; это отношеніе дохода съ пошлины на водку къ доходу съ шоколада, вина и шелка даетъ вамъ наилучшее общее мѣрило для оцѣнки участія обоихъ классовъ въ косвенныхъ налогахъ, падающихъ и на тѣ предметы, какіе одинаково потребляются ими обоими.

Однако, мы не можемъ примириться этимъ общимъ соображеніемъ.

Поземельный налогъ составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ статей бюджета; по бюджету 1855 г., доходъ съ него простирался до 10.084.182 тал.

Правда, бюджетъ причисляетъ его къ прямымъ налогамъ. Но я уже выяснилъ въ своей лекціи и ниже покажу это еще убѣдительнѣе, что нашъ поземельный налогъ есть въ сущности налогъ на хлѣбъ, т. е., что онъ перелагается на цѣну хлѣба, а въ домахъ — на цѣну квартиръ;

слѣдовательно, уплачивается потребителями и потому составляетъ налогъ косвенный.

Сколько же изъ этихъ 10.084.182 тал. уплачивается неимущими и сколько имущими?

Самые умѣренные изъ экономистовъ, профессоръ Рау и другіе, говорятъ, какъ вы уже слышали объ этомъ отъ меня, что налогъ на хлѣбъ оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ и подушная подать. Но въ дѣйствительности онъ еще обременительнѣе для бѣднаго класса, такъ какъ чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ меньше потребляетъ онъ одного только хлѣба. Я проживаю много. Но хлѣба лично я не съѣдаю и на 9 пфенниговъ, такъ какъ ѣмъ много чего другого.

Однако, хотя это и не совсѣмъ вѣрно, но допустимъ, что налогъ на хлѣбъ распредѣляется, какъ подушная подать.

Разсматривая офиціальныя таблицы доходовъ съ податей, мы нашли, что въ Пруссіи всего 44.407 налого-плательщиковъ имѣетъ свыше 1.000 тал. дохода. Положимъ, что каждый изъ нихъ представляетъ семью изъ пяти душъ, что, повторяю, было бы крупнымъ преувеличеніемъ для высшихъ сословій. Тогда окажется, что 222.035 душъ принадлежатъ въ Пруссіи къ зажиточному сословію.

Слѣдовательно, если налогъ на хлѣбъ распредѣляется какъ подушная подать, то изъ 10.080.000 тал. дохода съ него на долю имущаго класса приходится 126.450 тал., а на долю неимущаго—9.953.550 талеровъ!

Но причислимъ къ имущему классу всѣхъ, имѣющихъ свыше 650 тал. дохода. Мы знаемъ число ихъ. Выше я вычислилъ, что ихъ 98.269 лицъ, считая тутъ и тѣхъ, которые имѣютъ свыше 1.000 тал. дохода, и населеніе округовъ, уплачивающихъ налоги на помолъ муки и за убой скота; предполагая опять, что каждое отдѣльное лицо представляетъ семью изъ 5 душъ, получимъ 491.345 душъ; беря пропорцію—17.700.000 : 10.080.000 = 491.345 : X, находимъ, что X = 279.200 т., т. е. не вполнѣ неимущія лица вносятъ 279.200 т. въ общую сумму дохода 10.080.000 т. съ хлѣбнаго налога; такимъ образомъ, на долю совершенно неимущихъ приходится 9.800.000 талеровъ изъ 10.080.000 талеровъ дохода съ хлѣбнаго налога.

А они еще воображаютъ, что платятъ налоги!

И всюду такъ, какой бы предметъ потребленія мы ни взяли.

Прокуроръ толковалъ про сахаръ, говоря, что налогъ съ него не касается бѣдныхъ классовъ. Это большое заблужденіе, господа! Виною этому

опять-таки сердечная доброта прокурора, побуждающая его лишать рабочіе классы даже сахара!

Я уже приводилъ вамъ слова Адама Смита, что табакъ, сахаръ и чай, который у насъ замѣняется кофе, принадлежатъ къ числу общихъ привычныхъ, повседневныхъ потребностей низшихъ сословій. Да иначе оно и быть не можетъ, такъ какъ кофе составляетъ у насъ одну изъ необходимѣйшихъ потребностей низшихъ классовъ, а рабочіе, кромѣ того, употребляютъ при этомъ обыкновенно и сахаръ.

Если недостаточно Адама Смита, то послушаемъ тайнаго совѣтника Дитерици. Въ III томѣ офиціальныхъ Статистическихъ Извѣстій, стр. 110, онъ говоритъ: „Мысль увеличить число косвенныхъ налоговъ встрѣчаетъ важное возраженіе въ томъ, что налоги эти только тогда приносятъ значительный доходъ, если налагаются на предметы общаго потребленія"; и на стр. 111 онъ поясняетъ это соображеніе такъ: „Сахаръ, кофе и табакъ доставляютъ больше половины всего дохода съ ввозныхъ пошлинъ, они принадлежатъ къ числу предметовъ, потребляемыхъ также и бѣднѣйшими классами народа. Если повысить налоги на эти предметы общаго потребленія, то можно опасаться сокращенія потребленія, и во всякомъ случаѣ бѣднѣйшіе классы потерпятъ отъ этого всего больше. Если ввести новыя пошлины на предметы, еще свободные отъ налога, то надо, конечно, избирать предметы общаго потребленія, и, слѣдовательно, бремя это опять-таки падетъ преимущественно на бѣдныхъ. Невозможно повысить эти пошлины, не обременяя преимущественно низшіе слои общества, и было бы, наоборотъ, желательно понизить ихъ, дабы облегчить бремя простого люда и дать ему возможность дешевле удовлетворять свои жизненныя потребности".

Тайный совѣтникъ Дитерици, бывшій директоръ нашего статистическаго бюро, не отличается, повидимому, такимъ благодушіемъ, какъ прокуроръ, но зато онъ лучше его знаетъ дѣло, и вы видите, что всякій знатокъ дѣла, въ какихъ бы чинахъ и должностяхъ онъ ни состоялъ, всегда рѣшаетъ этотъ вопросъ одинаково.

И вы всюду найдете ту же самую громадную разницу, гдѣ только возможно внимательно прослѣдить его распредѣленіе предметовъ потребленія.

Вы знаете, господа, что если имущіе классы и не курятъ исключительно ввозныхъ, т. е. американскихъ сигаръ, то все же они курятъ только такія сигары, которыя производятся или въ Америкѣ, или въ Гамбургѣ и Бременѣ, городахъ, не принадлежащихъ къ таможенному союзу. А какая масса, казалось бы, выкуривается ихъ съ ранняго утра до поздней ночи!

Изъ таблицъ Гюбнеровскаго статистическаго ежегодника, годъ IV, стр. 81, видно, что въ 1854 г. во всѣхъ государствахъ таможеннаго союза получено не болѣе 235.720 тал. таможенной пошлины со всего ввоза сигаръ изъ Гаванны, изъ Гамбурга, Бремена, вообще изъ-за границы. Изъ этой суммы на Пруссію приходится 52%; таково отношеніе потребленія Пруссіи къ потребленію всего таможеннаго союза по расчету тайнаго совѣтника Дитерици, въ IX т., стр. 54, Статистическихъ Извѣстій; слѣдовательно, на долю Пруссіи приходится 122.574 тал. пошлины.

Неимущіе классы, наоборотъ, потребляютъ сигары туземнаго приготовленія, а также и почти весь курительный табакъ, за исключеніемъ самой ничтожной доли.

Изъ тѣхъ же таблицъ видно, что табаку въ листьяхъ и корешкахъ ввезено въ томъ же году въ таможенный союзъ 367.462 центнера, давшихъ пошлины . . . . 1.441.848 тал.

Прибавимъ сюда пошлину съ табака въ сверткахъ . . 109.307 „

Итого . . . . . 1.551.155 тал.

На долю Пруссіи приходится 52% этой суммы, т. е. 786.600 тал. пошлины, слѣдовательно, почти въ шесть разъ больше, чѣмъ пошлина на сигары, уплачиваемая лишь имущимъ классомъ. Однако, это еще, несомнѣнно, самое неблагопріятное для имущаго класса отношеніе; невыгода ихъ въ данномъ случаѣ зависитъ отъ того, что съ центнера ввозимыхъ готовыхъ сигаръ взимается 20 тал. пошлины, съ центнера же табака въ сверткахъ только 11 тал., а съ центнера табака въ листьяхъ и корешкахъ лишь 4 талера; между тѣмъ остальные предметы общаго потребленія или совсѣмъ нельзя, или далеко еще нельзя облагать пошлиной по такой классификаціи.

Къ этимъ 786.000 тал. надо прибавить еще налогъ на туземное табаководство; согласно бюджету, онъ даетъ 140.000 тал. и уплачивается также исключительно неимущимъ классомъ.

Конечно, такое же отношеніе, и даже еще гораздо болѣе невыгодное, представляютъ собой для низшихъ классовъ и пошлины на муку, мясо, солодъ, пиво, лотереи и вообще всѣ статьи налога, дающія государству мало-мальски крупный доходъ. Я охотно разсмотрѣлъ бы всѣ статьи бюджета, одну за другой, если бы не считалъ себя обязаннымъ дорожить вашимъ временемъ.

Да и чего ради нуженъ здѣсь такой подробный разборъ, разъ я доказалъ вамъ, что во всемъ государствѣ только 44.407 налого-плательщи-

ковъ, т. е. самое большее 222.000 душъ, имѣетъ свыше 1.000 талеровъ дохода, и только 98.269 налого-плательщиковъ, включая сюда и только что названныхъ, т. е. самое большее 500.000 душъ, имѣетъ свыше 650 талеровъ дохода. Очевидно, что такая ничтожная кучка людей не можетъ такъ много потреблять, чтобы государство получало съ ея потребленія сколько-нибудь значительный доходъ. И самъ тайный совѣтникъ Дитерици, какъ вы только что слышали, прямо говоритъ, что всякій косвенный налогъ, какъ бы онъ ни назывался, чтобы быть сколько-нибудь доходнымъ, непремѣнно долженъ падать на бѣдный классъ.

Ограничимся, поэтому, анализомъ распредѣленія одной изъ важнѣйшихъ статей налога.

Какъ видно изъ бюджета за 1855 г., стр. 22, соляная монополія приноситъ государству 8.302.924 тал. дохода. Сюда не включены еще доходы съ налога на добываніе соли. Бюджетъ отводитъ имъ особое мѣсто (стр. 24) подъ рубрикой „доходъ съ солеваренъ“ и опредѣляетъ ихъ въ 1.190.583 тал. Но въ этой суммѣ содержится извѣстный чистый доходъ съ этого производства, доставляемый казнѣ не율янымъ налогомъ, а барышами съ производства соли, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гоффманъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ, стр. 512, и какъ это видно изъ самаго бюджета, который считаетъ доходъ съ солеваренъ въ 1.190.583 тал., а въ приложеніяхъ, т. I, стр. 324, показываетъ расходы по соляному вѣдомству въ 1.121.920 тал. Слѣдовательно, остается разница въ 70.000 тал., которые, собственно, нужно отнести къ доходу съ соляной монополіи и которые, во всякомъ случаѣ, составляютъ настоящій налогъ.

Какъ же распредѣляются эти 8.302.000 или, вѣрнѣе, 8.372.000 тал. налога между различными классами населенія?

Относительно соляного налога мы можемъ обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Я знаю, господа, что факты, къ которымъ мнѣ приходится теперь обратиться, возбудятъ въ васъ непріятныя чувства. Но я не могу избавить васъ отъ этого. Необходимо, чтобы вы хотя-бы отчасти поняли мотивы, вызывающіе мою дѣятельность и руководящіе мною въ ней.

Я опять приведу вамъ оффиціальныя данныя, взятыя мной изъ одного изъ самыхъ любопытныхъ правительственныхъ изданій. Въ іюнѣ 1848 г. королевская сельскохозяйственная коллегія въ Берлинѣ признала своевременнымъ и отвѣчающимъ ея задачамъ произвести подробное изслѣдованіе положенія рабочихъ классовъ, поскольку они входятъ въ кругъ спеціальныхъ

интересовъ королевской сельскохозяйственной коллегіи, т. е. въ кругъ интересовъ земледѣлія.

Вслѣдствіе этого, 22 іюня 1848 г. коллегія разослала всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ циркуляръ, начинающійся слѣдующими словами:

„Вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ есть вопросъ дня, въ высшей степени важный по всему современному положенію вещей. Удовлетворительное разрѣшеніе его зависитъ отъ полнаго и точнаго ознакомленія какъ съ условіями, требующими улучшенія, такъ и съ потребностями, которыя желательно удовлетворить“. Сельскохозяйственная коллегія поставила два главныхъ вопроса: во первыхъ, сколько, приблизительно, должна получать въ среднемъ ежегоднаго содержанія сельская рабочая семья изъ пяти душъ, чтобы безбѣдно существовать въ различныхъ правительственныхъ округахъ прусскаго королевства. Во вторыхъ, насколько соотвѣтствуютъ этому среднему уровню достаточнаго и устойчиваго существованія средства слѣдующихъ трехъ классовъ, на которые королевская сельскохозяйственная коллегія разбила все сельское рабочее населеніе: 1) батраковъ или наемныхъ полевыхъ работниковъ (Dienstleute oder Feldgesinde); 2) посленцевъ или колонистовъ, называемыхъ также коссетами (Häusler oder Kolonisten, auch Kossäten genannt); 3) жильцовъ или съемщиковъ (Einlieger oder Heuerlinge) [1]).

Въ отвѣтъ на свой циркуляръ королевская сельскохозяйственная коллегія получила отъ сельскохозяйственныхъ обществъ 185 отчетовъ и поручила королевскому сельскохозяйственному совѣтнику и генеральному секретарю коллегіи, профессору Александру фонъ-Ленгерке, обработать ихъ; работа эта была представлена министерству земледѣлія и по его приказанію обнародована подъ заглавіемъ „Die ländliche Arbeiterfage, herausgegeben von Professor Dr. A. v. Lengerke“. Берлинъ. 1849.

По выходѣ въ свѣтъ этой книги коллегія получила еще 56 отчетовъ, и проф. Ленгерке счелъ, поэтому, нужнымъ произвести новый расчетъ средняго размѣра содержанія. Въ 1852 г. онъ представилъ этотъ трудъ королевской сельскохозяйственной коллегіи, которая постановила напечатать этотъ новый расчетъ и поправку прежняго въ офиціальныхъ извѣстіяхъ, издаваемыхъ статистическимъ бюро тайн. совѣтника Дитерици, гдѣ они и напечатаны въ т. V, стр. 270—387.

---

[1]) Все это различные виды батраковъ. Подробное объясненіе этихъ терминовъ см. ниже, стр. 241 и слѣд.

Всѣ эти подробности необходимо было сообщить вамъ, чтобы вы могли должнымъ образомъ оцѣнить все значеніе нижеслѣдующихъ данныхъ.

По той же причинѣ необходимо еще одно замѣчаніе. Весь этотъ трудъ былъ предпринятъ съ откровенно высказанной цѣлью противодѣйствовать возникшей тогда въ печати агитаціи по поводу положенія рабочаго сословія, съ цѣлью опровергнуть эту агитацію. Самъ проф. Ленгерке прямо говоритъ объ этомъ въ предисловіи. „Чѣмъ громче,—говоритъ онъ,—раздавался по этому поводу голосъ общественнаго мнѣнія и его органа—печати, тѣмъ чувствительнѣй ощущался недостатокъ фактическихъ свѣдѣній объ условіяхъ и обстоятельствахъ, породившихъ этотъ шумъ. Спорящія стороны сражались больше фразами и разсужденіями; вмѣсто принциповъ и мотивовъ въ споры вносилось нѣчто совсѣмъ не идущее къ дѣлу; вносились духъ партійности и страсти; такимъ образомъ, постепенно утеряли изъ виду цѣль изслѣдованія, и въ результатѣ всего вмѣсто практическихъ мѣропріятій и вѣрной помощи предлагались большей частью совѣты, не выдерживающіе никакой критики, и смѣлые эксперименты. Вслѣдствіе этого, коллегія признала дѣломъ первой необходимости добыть по возможности обширныя и полныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи вещей, привлекшихъ къ себѣ такое исключительное вниманіе. Чтобы избѣжать, такимъ образомъ, опасности прійти къ выводамъ, не согласнымъ съ дѣйствительностью и истиной, и не обсуждать столь важнаго вопроса въ такой формѣ, какая, вмѣсто успокоенія и благодѣянія, привела бы лишь къ еще большимъ смутамъ и волненіямъ.

Итакъ, цѣлью этого труда было по возможности противодѣйствовать печати. Дѣло въ томъ, что хотя наша пресса тогда дѣйствительно часто обнаруживала недостаточное знакомство съ фактами, но она еще переживала въ то время пору своей юности! Она еще сочувствовала положенію и страданіямъ народа! Она еще вступалась за его дѣло! Она еще была далека отъ рутиннаго, старческаго тупоумія нашей нынѣшней прессы, которая только тогда начинаетъ слышать и говорить, когда затрагиваются интересы имущихъ классовъ.

Итакъ, имѣлось въ виду противодѣйствовать этой прессѣ. Обратите особенное вниманіе на это обстоятельство. Подчеркивая это, я отнюдь не думаю подвергать сомнѣнію безпристрастный характеръ сочиненія; я хочу только указать на то обстоятельство, что книга, написанная, по собственнымъ словамъ автора, съ нарочитою цѣлью успокаивать и смягчать, скорѣе будетъ склонна къ преуменьшеніямъ, чѣмъ къ преувеличеніямъ, скорѣе станетъ грѣшить излишнимъ оптимизмомъ, чѣмъ пессимизмомъ, или,

по крайней мѣрѣ, постарается придать соотвѣтствующимъ фактамъ по возможности менѣе рѣзкую форму.

И все же смотрите, какихъ только признаній мы не находимъ въ этой книгѣ!

Приблизительный средній размѣръ безбѣднаго существованія сельской рабочей семьи изъ пяти душъ былъ опредѣленъ для каждаго правительственнаго округа на основаніи дѣйствительныхъ потребностей тамошняго населенія и оказался слѣдующимъ (см. таблицы въ прибавленіяхъ у Дитерици, V, 319):

Въ Кёнигсбергскомъ округѣ.	. . .	109 тал.	29	зильбергрошей.
„ Гумбинненскомъ „	. . .	85 „	12	„
„ Данцигскомъ „	. . .	94 „	18	„
„ Маріенвердерскомъ „	. . .	105 „	12	„
„ Познанскомъ „	. . .	76 „	19	„
„ Бромбергскомъ „	. . .	80 „	—	„
„ Потсдамскомъ „	. . .	94 „	14	„ и т. д.

Для всего государства въ среднемъ 105 т. 2 з. 9 пф. Таковъ средній размѣръ необходимаго содержанія семейства изъ 5 душъ; слѣдовательно, на ежегодное потребленіе одного человѣка приходится 21 талеръ!

Но, вѣдь, это еще только желательное положеніе вещей, господа! Желательно, чтобы каждая семья изъ 5 душъ имѣла этотъ доходъ, который даетъ ей возможность существовать, удовлетворяя своимъ настоятельнымъ потребностямъ; но вы увидите, что ей еще далеко до этого. Именно теперь возникаетъ вопросъ: имѣется ли въ дѣйствительности этотъ доходъ у трехъ названныхъ выше классовъ, батраковъ, поселенцевъ и съемщиковъ? Для большей ясности замѣчу, что подъ батраками или наемными полевыми работниками разумѣются тѣ рабочіе, которые, не имѣя сами поземельной собственности, обязаны контрактомъ служить какому-либо помѣщику и, получая отъ него извѣстное вознагражденіе натурой и опредѣленную поденную плату, состоятъ въ его исключительномъ распоряженіи.

Подъ поселенцами, колонистами или коссетами разумѣются лица, которыя, хотя и владѣютъ небольшой поземельной собственностью, какъ-то домомъ, садомъ, клочкомъ пашни и т. п., но не могутъ прожить на одинъ доходъ съ этой собственности и, благодаря этому, вынуждены искать себѣ сверхъ того работы за деньги.

Жильцами или съемщиками называются лица, не состоящія въ опредѣленномъ служебномъ отношеніи, но и не обладающія поземельной соб-

ственностью, проживающія на наемныхъ квартирахъ по деревнямъ или колоніямъ и вынужденныя жить исключительно работой, которую они должны искать.

Отвѣтъ проф. Ленгерке на поставленный выше вопросъ сводится, коротко говоря, къ тому, что необходимое содержаніе имѣетъ только первая категорія, т. е. батраки, не имѣющіе никакой собственности, а двѣ остальныя категоріи, съемщики и поселенцы, далеко не имѣютъ его.

На стр. 14 проф. Ленгерке говоритъ буквально слѣдующее: „Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что вообще въ прусской монархіи только батраки въ состояніи своимъ заработкомъ въ достаточной степени удовлетворять свои потребности, хотя это далеко не вездѣ носитъ устойчивый характеръ“.

„Обратимся теперь,—продолжаетъ онъ, —къ классу такъ называемыхъ поселенцевъ (колонистовъ); изъ сказаннаго нами видно, что положеніе ихъ, говоря вообще, менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе батраковъ; мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и во многихъ случаяхъ, положеніе ихъ ничѣмъ не лучше положенія жильцовъ или съемщиковъ“.

А каково это положеніе, объ этомъ проф. Ленгерке говоритъ на стр. 17: „Положеніе сельскаго работника представляется въ самомъ худшемъ видѣ у съемщиковъ и жильцовъ; положеніе ихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ скудное и непрочное“.

Но прежде всего, господа, не забывайте, что положеніе это скудно и непрочно въ сравненіи съ чѣмъ?—съ нищенскимъ содержаніемъ 5 душъ на 105 талеровъ, что считается уже благопріятнымъ и обезпеченнымъ существованіемъ!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній слѣдуютъ подробныя свѣдѣнія о разныхъ правительственныхъ округахъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ еще болѣе вразумительныя признанія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, на стр. 84, о положеніи поселенцевъ (Häusler oder Kätner), т. е. обладателей нѣкоторой собственности, въ Маріенвердерскомъ округѣ сообщается слѣдующее: „Собственники находятся почти въ одинаковомъ положеніи со съемщиками, потому что собственность (Kate) ихъ всегда очень ничтожна и большею частью обременена долгами; большинство и тѣхъ и другихъ стоитъ на очень низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія“. И на той же стр. о поселенцахъ Штумскаго округа говорится: „Здѣсь этотъ классъ живетъ въ большой нищетѣ“, и ниже: „гибельное, чрезмѣрное дробленіе поземельной собствености зна-

чительно умножаетъ этотъ классъ и, повидимому, необходимо поспѣшить на помощь ему посредствомъ законодательства“.

На стр. 87 о жильцахъ и съемщикахъ Кёнигсбергскаго округа Мемельской области читаемъ: „Положеніе этихъ работниковъ, называемыхъ здѣсь дольщиками — Loosleute — во всякомъ случаѣ самое необезпеченное“.

О положеніи съемщиковъ въ Гумбинненскомъ округѣ онъ дѣлаетъ такой общій выводъ, стр. 102: „Такое же вліяніе оказываетъ этотъ плодъ (картофель) на положеніе здѣшнихъ съемщиковъ. Оно рѣшительно всегда и всюду печально, самое худшее изъ всѣхъ. При неурожаѣ этого почти исключительнаго здѣсь предмета питанія они тотчасъ же впадаютъ въ нужду и нищету“.

Стр. 107: „Рабочее сословіе жаждетъ облегченія, которое слѣдуетъ оказать ему и которое необходимо должно наступить, если произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ податной системѣ, всею своей тяжестью преимущественно обременяющей его“.

Курсивомъ набранныя слова принадлежатъ самому проф. Ленгерке.

Онъ дѣлаетъ далѣе общій обзоръ каждой провинціи и на стр. 121 о провинціи Пруссіи говоритъ такъ: „Резюмируя все выше сказанное, мы, безъ сомнѣнія, приходимъ къ тому выводу, что положеніе сельскихъ работниковъ, не состоящихъ въ прочныхъ наемныхъ условіяхъ, въ особенности съемщиковъ и жильцовъ, почти рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ по истинѣ печально. Ихъ образъ жизни положительно жалокъ, т. е. болѣе чѣмъ скуденъ. Пища ихъ состоитъ только изъ картофеля, соли и водки. Такое доведенное до крайнихъ предѣловъ упрощенное питаніе, понятно, должно оказывать рѣшительное вліяніе на физическое состояніе этого класса населенія; большей частью онъ отличается вялостью и менѣе способенъ къ труду, чѣмъ въ другихъ областяхъ, такъ что здѣсь, несмотря на поразительно низкую заработную плату, трудъ часто все же обходится значительно дороже“.

О Франкфуртскомъ округѣ провинціи Бранденбургъ онъ говоритъ (р. 158): „Гораздо хуже положеніе собственно поселенцевъ, у которыхъ кромѣ дома нѣтъ никакой земли, ни огорода, ни пашни. Большей частью имъ не приходится платить ни аренды, ни податей, потому что они, обыкновенно, сами получаютъ плату отъ жильцовъ; однако, положеніе ихъ мало чѣмъ отличается отъ положенія жильцовъ, такъ какъ дома ихъ требуютъ большихъ расходовъ на ремонтъ. Поэтому, можно считать, что и тѣ, и другіе находятся въ одинаковыхъ условіяхъ и т. д.“. О жиль-

цахъ и съемщикахъ Потсдамскаго округа (p. 161): „Вообще, положеніе этихъ людей безнадежное";—Франкфуртскаго округа (p. 164): „Положеніе поденщиковъ, не имѣющихъ господъ, становится все неблагопріятнѣе въ сравненіи съ положеніемъ полевыхъ работниковъ у хорошихъ хозяевъ. Изъ молодыхъ поденщиковъ многіе не могутъ снискать себѣ прочныхъ средствъ къ жизни или добываютъ ихъ съ большимъ трудомъ; крупные и мелкіе землевладѣльцы едва въ состояніи дать всѣмъ не имѣющимъ господъ поденщикамъ какой-нибудь клочекъ земли подъ картофель или совсѣмъ избѣгаютъ этого, такъ какъ на наличныя деньги можно дешевле купить ихъ трудъ. Такимъ образомъ, главная основа прежняго благосостоянія поденщиковъ, — возможность самимъ производить нужные имъ продукты въ достаточномъ количествѣ, все болѣе и болѣе утрачивается. Поэтому поденщики стараются пріобрѣсти во владѣніе—покупкой или арендой – мелкіе участки земли, но это отчасти приводитъ къ совершенно противоположному результату, такъ какъ при слишкомъ ничтожныхъ размѣрахъ участка, вдобавокъ еще дурного качества, существованіе поденщика скорѣе подвергается риску, чѣмъ обезпечивается". Потомъ онъ говоритъ обо всемъ вообще сельскомъ рабочемъ населеніи Франкфуртскаго округа (p. 172): „Что касается вообще положенія южной части Кёнигсбергскаго округа, то нельзя отрицать, что физическая сила тамошнихъ сельскихъ работниковъ понижается; отчасти это необходимое слѣдствіе преобладающаго потребленія картофеля и изготовляемой изъ него водки; отчасти же,—что относится исключительно къ не имѣющимъ господъ поденщикамъ,—это зависитъ отъ недостаточной и дурной пищи вообще, вслѣдствіе недостаточнаго вознагражденія за трудъ".

О положеніи поселенцевъ и колонистовъ въ Силезіи, въ Неймарктскомъ округѣ (p. 261) читаемъ: „Во всякомъ случаѣ они гораздо менѣе обезпечены, чѣмъ съемщики".

О бывшихъ барщинныхъ (p. 265): „При такихъ обстоятельствахъ этотъ классъ не можетъ существовать, въ особенности если еще приходится платить проценты съ нѣсколькихъ сотъ талеровъ долга; онъ не можетъ существовать, если не представится случай пріарендовать землю или найти работу у помѣщика. Поэтому многіе предпочли бы совсѣмъ не получать свободы, которой прежде такъ жаждали и добивались".

Вообще о положеніи поселенцевъ во всей Силезіи (p. 268): „Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что положеніе этихъ людей часто ничѣмъ не лучше положенія неимущихъ работниковъ; только въ Лигницскомъ округѣ

условія ихъ жизни нѣсколько благопріятнѣе. Вообще, поселенцамъ лучше тамъ, гдѣ еще сохранились остатки барщинныхъ отношеній“ и т. д.

О положеніи наемщиковъ въ Оппельнскомъ округѣ (р. 276): „Такимъ образомъ, значительная часть совершенно неимущаго рабочаго класса, за недостаткомъ работы и за полнымъ отсутствіемъ побочныхъ занятій, почти всегда нуждается въ средствахъ пропитанія, несмотря на ихъ дешевизну“.

Затѣмъ объ общемъ положеніи всѣхъ сельскихъ работниковъ въ Оппельнскомъ округѣ профессоръ Ленгерке пишетъ курсивомъ (р. 292): „Большей частью этотъ классъ людей не достигаетъ престарѣлаго возраста, чему виной, конечно, дурной образъ жизни, чрезмѣрный трудъ и недостатокъ пищи“.

Тоже и о Вестфаліи, Арнсбергскій округъ (р. 355): „И въ этомъ округѣ (выше, р. 354, было говорено о Мюнстерскомъ округѣ) положеніе этого класса работниковъ (поселенцевъ) въ главныхъ чертахъ одинаково съ положеніемъ третьяго класса—съемщиковъ“.

Еще хуже въ Рейнской провинціи, гдѣ про поселенцевъ Дюссельдорфскаго округа говорится (р. 380): „Преимущества положенія этихъ людей большей частью мнимыя, ибо ихъ собственность, обыкновенно, до того обременена долгами, что проценты съ нихъ почти что поглощаютъ всю наемную плату, получаемую съ жильца или съемщика. Единственное дѣйствительное преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ свой клочекъ земли, на которомъ влачатъ убогое существованіе“.

О поселенцахъ Кобленцскаго округа онъ говоритъ (р. 381), подтверждая, между прочимъ, сказанное мною выше: „Положеніе ихъ ухудшается еще благодаря тому, что высота заработной платы не измѣняется и при повышеніи цѣны на хлѣбъ“. А о съемщикахъ Кёльнскаго округа (р. 385): „Всего тревожнѣе то, что даже имущія рабочія семьи, находящіяся въ благопріятномъ положеніи, благодаря постоянной работѣ, все-же не могутъ обезпечить себѣ достаточнаго существованія своимъ заработкомъ“.

Резюмируя общее положеніе сельскаго рабочаго населенія Рейнской провинціи, проф. Ленгерке говоритъ (р. 387): „Послѣ всего вышесказаннаго, и принимая во вниманіе условія рабочаго класса, еще не упомянутыя тамъ, мы можемъ дать такую общую оцѣнку достаточности и обезпеченности его положенія:

„Рейнско-прусскій работникъ по большей части не имѣетъ достаточнаго и постояннаго содержанія, и это тѣмъ чаще, чѣмъ

больше недостатокъ въ постоянной работѣ, чѣмъ больше растутъ въ послѣднее время цѣны на средства къ жизни, затрудняя ему удовлетвореніе насущныхъ потребностей“.

Но, чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ приведенныя фактическія данныя, мы должны еще бросить взглядъ на цифры, касающіяся въ отдѣльности каждой изъ трехъ упомянутыхъ категорій сельскихъ рабочихъ.

По расчету проф. Ленгерке число батраковъ или наемныхъ полевыхъ работниковъ простирается до 903.181 (Прибавленія у Дитерици, т. V, p. 325). Это, слѣдовательно, люди, дѣйствительно имѣющіе вышеприведенный средній доходъ въ 80, 90, 100, 110 талеровъ и т. д., который для всего государства въ среднемъ равенъ 105 талерамъ 2 зильбергрошамъ 9 пфеннигамъ на семью изъ 5 лицъ; по словамъ проф. Ленгерке, доходъ этотъ достаточенъ, но не носитъ прочнаго характера.

Двѣ другія категоріи— поселенцы и съемщики—не имѣютъ этого дохода, не имѣютъ даже этого средняго содержанія на семью изъ 5 лицъ въ 80, 90, 100, 110 т. и т. д., смотря по среднему нищенскому уровню жизни въ отдѣльныхъ округахъ, не имѣютъ, слѣдовательно, этихъ 105 тал., въ среднемъ приходящихся на все государство. Пусть теперь проф. Ленгерке самъ скажетъ вамъ, какъ громадно число людей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ классамъ.

Онъ считаетъ 1.497.440 поселенцевъ и 749.173 съемщика (Прибавл. у Дитерици, V, 325). Однихъ съемщиковъ со всѣми членами ихъ семействъ онъ насчитываетъ до 3.745.865 душъ. Предоставляю вамъ самимъ судить, какъ громадно число душъ во всѣхъ семействахъ поселенцевъ; по Ленгерке, оно вдвое больше числа душъ въ классѣ съемщиковъ.

Замѣтьте притомъ, — какъ это прямо и говоритъ проф. Ленгерке (p. 324),—что здѣсь имѣются въ виду только рабочіе, занятые въ земледѣльческой промышленности, а не всѣ живущіе въ деревняхъ; здѣсь не приняты въ расчетъ занятые въ горномъ дѣлѣ, въ промыслахъ, на фабрикахъ, хотя бы они и жили въ деревняхъ.

Всѣ эти факты опубликованы самимъ министерствомъ, опубликованы, конечно, для того, чтобы ихъ узнали, чтобы привлечь къ нимъ свѣтъ и вниманіе общественнаго мнѣнія, чтобы вызвать ихъ обсужденіе, чтобы тронуть ими сердца имущаго сословія, хотя наша пресса и проходитъ мимо ихъ съ величайшей апатіей и равнодушіемъ.

Передъ этими вопіющими фактами, которые я былъ вынужденъ развернуть передъ вами, передъ этими великими вопросами, которые сокрыты въ нихъ,—какимъ ничтожнымъ кажется мнѣ, какимъ ничтожнымъ долженъ

казаться вамъ этотъ жалкій вопросъ о томъ, гдѣ придется мнѣ заниматься своей работой въ теченіе 4 мѣсяцевъ, въ стѣнахъ ли моего кабинета, или въ стѣнахъ тюрьмы!

Если бы сообщеніемъ этихъ фактовъ мнѣ удалось, господа, породить въ васъ и вообще въ моихъ согражданахъ убѣжденіе, что въ такомъ положеніи дѣла не могутъ оставаться дольше, что улучшеніе ихъ есть настоятельнѣйшая потребность нашего времени, о!—тогда я радовался бы этому процессу!

Но вернемся къ вопросу, который заставилъ насъ взять въ руки книгу проф. Ленгерке.

Сколько соли потребляетъ это населеніе?

У проф. Ленгерке подробно обозначены въ 8 столбцахъ потребности населенія каждаго округа: жилище, отопленіе и освѣщеніе, пища, одежда, кормъ скота, ремонтъ рабочихъ инструментовъ, соль и подати. Лучше всего вамъ справиться въ таблицѣ у Дитерици (B. V, p. 319), гдѣ цифры провѣрены и сопоставлены. Изъ этой таблицы вы видите, что въ Кёнигсбергскомъ округѣ, гдѣ среднее содержаніе семейства—109 тал. 29 зильбергр., на соль тратится 3 т. 14 з., въ Гумбинненскомъ округѣ, гдѣ среднее содержаніе — 85 т. 12 з., на соль тратится 3 т. 21 з., въ Данцигскомъ, гдѣ среднее содержаніе семейства—94 т. 18 з., соль обходится въ 3 т. 17 з. и т. д.; во всемъ государствѣ среднее содержаніе 105 т. 2 з. 9 пф. для сельской рабочей семьи изъ 5 лицъ, а соль обходится среднимъ числомъ въ 2 т. 22 з. 2 пф., т. е. почти 3% дохода, еще только идеальнаго дохода, которому дѣйствительный доходъ далеко не соотвѣтствуетъ!

Итакъ, здѣсь изъ 105 тал. на соль приходится расходовать 2 т. 22 з. какъ разсчитываетъ проф. Ленгерке, а я ниже докажу, что этотъ расчетъ еще слишкомъ малъ; теперь спрашивается, насколько потребляетъ соли наше сословіе?

Принимая въ вашихъ семьяхъ по 5 душъ, я имѣю полное основаніе утверждать, что вы расходуете на соль самое большее, да, самое большее, по 1 тал. 10 зильбергр. съ семьи. Спросите вашихъ женъ, господа, онѣ подтвердятъ мой расчетъ.

Не удивляйтесь, что вы расходуете на соль сравнительно такъ мало. Извѣстно, что чѣмъ проще и менѣе питательна пища, тѣмъ больше надо прибавлять къ ней соли. Достаточно привести свидѣтельство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гоффмана изъ его посмертныхъ сочиненій (p. 499):

„Она (поваренная соль) тѣмъ необходимѣе для бѣдныхъ, чѣмъ грубѣе и менѣе питательна ихъ пища“.

Слѣдовательно, 98.269 семействъ, имѣющихъ по всей Пруссіи свыше 650 тал. дохода, расходуютъ на соль по 1 т. 10 з. съ семейства, всего 131.355 т. Вотъ сколько вносятъ они государству изъ 1.190.583 т. его дохода съ добычи соли и изъ 8.302.924 т., которые соляной налогъ даетъ бюджету. Весь излишекъ сверхъ того, т. е. около 9.360.000 тал., вносится бѣдными классами.

При такомъ положеніи вещей, можно ли еще обвинять меня, если я стараюсь расположить общественное мнѣніе въ пользу низшихъ классовъ?

Если я не могу успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ, то можно ли на основаніи этого приписывать мнѣ мятежныя мысли, хотя, впрочемъ, и за мятежныя мысли нельзя наказывать, а только за мятежные поступки.

А знаете ли, почему я не могу успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ?

Опубликованный приговоръ заявляетъ, что я причисляю самого себя къ рабочему сословію. Авторы приговора, повидимому, не поняли одной фразы въ моей лекціи, хотя она вполнѣ ясна. Я сказалъ, что мы всѣ работники въ томъ смыслѣ, что я причисляю къ работникамъ всякаго члена человѣческаго общества, въ томъ числѣ и васъ самихъ, если только онъ умѣетъ быть полезнымъ обществу. Причислять себя къ работникамъ въ какомъ-либо иномъ внѣшнемъ смыслѣ, или въ какомъ либо спеціальномъ смыслѣ— для этого я не имѣю никакой возможности и основанія. По своему положенію я, наоборотъ, буржуа, такъ какъ мои доходы даютъ мнѣ возможность вести жизнь, посвященную наукѣ, и приносить этой цѣли значительныя жертвы.

Что же заставляетъ меня возставать противъ этихъ пошлыхъ фразъ и привлекать вниманіе общественнаго мнѣнія къ несправедливому и вопіющему положенію низшихъ классовъ?

Я иду своимъ путемъ, одинокій среди общества, преслѣдуемый прокурорами, осуждаемый судами, ненавидимый современной либеральной прессой, которая,—повѣрьте мнѣ,—глядитъ на меня еще съ большимъ ужасомъ, чѣмъ всѣ прокуроры и суды вмѣстѣ!

Что же заставляетъ меня итти этой дорогой?

Я объясню вамъ это, господа!

Я потому не могу успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ, что мои знанія глубже и шире, что мой кругозоръ обширнѣе. Да, я могу сказать вамъ это, и при настоящихъ обстоятельствахъ я долженъ сказать!

Великія и могучія конвульсивныя потрясенія, которыми Европа охвачена уже цѣлыя десятилѣтія и которыя равно прискорбны для всѣхъ насъ, не могутъ имѣть той цѣли, какую имъ приписываютъ временные предразсудки.

Не для того совершались величайшіе перевороты въ жизни народовъ, чтобы гг. фонъ-Унру и фонъ-Финке могли пикироваться съ королемъ и министрами, могли придаваться пріятной иллюзіи, что они тоже не послѣднія спицы въ колесницѣ, что они тоже люди съ вѣсомъ, тузы, hommes d'importance! Не для того пролилось столько крови, столько мукъ пережито, не для того пережиты такія страшныя конвульсивныя потрясенія, чтобы крупная буржуазія — сливки тѣхъ 44.407, не довольствуясь своими дачами, театрами, содержанками и другими своими благами, могла удовлетворить еще своему тщеславію — быть собственнымъ господиномъ, блистать передъ публикой на парламентской трибунѣ! Нѣтъ, такой результатъ далеко не вознаградилъ бы общество за все пережитое безпокойство.

Выслушайте, что я вамъ скажу сейчасъ. Это будетъ послѣдній выводъ изъ долгихъ и утомительныхъ ученыхъ изслѣдованій; въ одной единственной фразѣ я передамъ вамъ общій результатъ моихъ трудовъ въ самыхъ различныхъ отрасляхъ историческихъ наукъ.

Одно изъ двухъ: или станемъ пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ дѣвушекъ, т. е., или предадимся самой пошлой жаждѣ наслажденій, или, если мы хотимъ говорить еще о государствѣ и нравственности, посвятимъ всѣ наши силы улучшенію ужасной доли громаднаго большинства человѣческаго рода. Мы, имущіе, выдаемся изъ темной пучины его, словно рѣдкія, разбросанныя сваи, поставленныя какъ бы для того, чтобы показать, до чего мрачна эта пучина, до чего глубока ея пропасть!

Не одного меня, господа, привели ученыя изслѣдованія къ такому конечному выводу.

Послушайте, въ какихъ скорбныхъ словахъ изливается, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, самый блестящій изъ современныхъ представителей школы Рикардо, т. е. самаго глубокаго и научнаго направленія въ буржуазной экономіи, Джонъ Стюартъ Милль: „Если бы масса человѣческаго рода, говоритъ онъ (т. I, стр. 422), навсегда должна была остаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи — рабомъ труда, въ выгодахъ котораго не имѣетъ она никакого участія и къ которому она, поэтому, безучастна, — массою рабовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, невѣжественныхъ, потому что нельзя учить тѣхъ, кого нельзя удовлетворительно прокормить, эгоистичныхъ, не

имѣющихъ ни побужденія, ни охоты быть гражданами и членами общества, волнуемыхъ ядовитымъ чувствомъ, что несправедливо лишены они того, чѣмъ пользуются другіе; если бы всегда должно было остаться такъ, то, мнѣ кажется, не слѣдовало бы человѣку, не лишенному разсудка, и думать о судьбахъ человѣческаго рода. Мудрость для каждаго состояла бы лишь въ томъ, чтобы съ эпикурейскимъ равнодушіемъ извлекать изъ жизни все личное наслажденіе для себя и любимыхъ имъ лицъ, сколько можно извлечь безъ обиды другимъ, а такъ называемую цивилизованную жизнь съ ея безсмысленною суетою оставить безъ вниманія".

Не всегда-то онъ такъ разсуждалъ!

Было время, когда онъ рѣзко полемизировалъ противъ тѣхъ, кто говорилъ это, но дальнѣйшія изслѣдованія и размышленія привели его самого къ познанію этой истины.

А что говоритъ прусскій дѣйствительный тайный совѣтникъ? „Такимъ образомъ,—говоритъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гоффманъ, стр. 224 посмертныхъ сочиненій, — съ общаго одобренія всѣхъ благомыслящихъ и разумныхъ людей явилось средство уменьшить наемную плату ручного труда. Это привело къ ужаснымъ формамъ развращенія; впрочемъ, все это развилось вполнѣ только въ новѣйшее время и, благодаря введенію прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, достигло такихъ размѣровъ, что теперь отъ нихъ гибнетъ значительная часть нѣкоторыхъ особенно знаменитыхъ фабричныхъ мѣстностей. Остановить распространеніе этого зла могутъ только самыя сильныя правительства, и возвратъ къ лучшему возможенъ лишь очень медленнымъ путемъ. Великобританія, которая первая ринулась на этотъ гибельный путь, первая же начинаетъ теперь ограничивать примѣненіе дѣтскаго и женскаго труда на фабрикахъ. Все, что до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ отношеніи, еще далеко недостаточно для прекращенія зла, но въ законодательной и исполнительной власти это знаменуетъ собой уже начало новаго теченія, которое должно имѣть своею конечной цѣлью освобожденіе промышленности отъ позорнаго упрека въ томъ, что благосостояніе націи покупается ею цѣной развращенія большинства ея членовъ".

Что̀ было бы, господа, если бы я это сказалъ? Если бы я сказалъ, что на современной промышленности тяготѣетъ „позорный упрекъ", что благосостояніе націи покупается ею цѣной развращенія большинства ея членовъ? Какое разительное доказательство неслыханнѣйшаго возбужденія къ ненависти и презрѣнію нашелъ бы въ этихъ словахъ прокуроръ!

Наши сторонники свободной торговли во что бы то ни стало, эти обезьяны манчестерцевъ, эти шуты, воображающіе себя экономистами, заполняютъ собой всѣ столбцы нашей ежедневной прессы, безъ конца воспѣваютъ обманутому народу отмѣнное превосходство нашего экономическаго строя, какъ злое начало проклинаютъ государство, отъ мѣропріятій котораго и прусскій тайный совѣтникъ Гоффманъ, и англійскій экономистъ Дж. Ст. Милль одинаково ждутъ единственно-возможнаго улучшенія положенія вещей,—и все это лишь для того, чтобы не допустить никакихъ гуманныхъ перемѣнъ въ нынѣшней выгодной для нихъ волокитѣ. Всѣми возможными средствами стараются они убаюкать здравый смыслъ общества, въ чемъ они уже достигли успѣха относительно самихъ себя. И неужели вы, господа, въ виду этого, захотите помѣшать мнѣ привлечь общественное мнѣніе на сторону той великой цѣли, какую, какъ вы видите, единодушно признаютъ всѣ истинные мужи науки, несмотря на всѣ протесты алчныхъ до наживы хлопковыхъ королей и ихъ безсмысленныхъ нѣмецкихъ поклонниковъ?

А другого средства дѣйствовать въ пользу этой цѣли у меня не было.

Въ началѣ этого столѣтія, во времена патріархальнаго абсолютизма, когда хотѣли предложить какія-либо необходимыя и спасительныя реформы въ государственной жизни, обращались къ королю и подавали ему памятную записку. Если бы я жилъ въ то время, то, вѣроятно, избралъ бы этотъ путь.

Но въ настоящее время, господа, какъ я докажу вамъ это однимъ разительнымъ примѣромъ, король и министры при всемъ желаніи не могутъ произвести реформъ, если ихъ не поддерживаетъ достаточно сильное давленіе со стороны общественнаго мнѣнія. Что же остается мнѣ иного, какъ не апеллировать къ общественному мнѣнію, какъ не попытаться вызвать это необходимое давленіе общественнаго мнѣнія?

Но, прежде чѣмъ итти дальше, мнѣ надо разъяснить вамъ еще два пункта изъ моей лекціи. Пусть никто не говоритъ, что я оставилъ безъ опроверженія хотя бы малѣйшую долю того, что прокуроръ оспаривалъ и подвергалъ сомнѣнію.

Въ своей лекціи и въ преніяхъ на судѣ первой инстанціи я сказалъ, къ величайшему изумленію прокурора, что исключая доходы съ государственныхъ имуществъ, всѣ налоги, кромѣ классифицированнаго подоходнаго и класснаго, являются, въ сущности, косвенными налогами, хотя бюджетъ и не причисляетъ ихъ къ нимъ и даже прямо относитъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., промысловый и поземельный налоги, въ разрядъ прямыхъ. Это

зависитъ отъ того, что въ своей классификаціи бюджетъ не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать научнымъ принципамъ, а соображается единственно съ внѣшнимъ способомъ взиманія налоговъ. Съ научной точки зрѣнія прямыми налогами являются, въ сущности, только тѣ, которые налагаются на имущество, или на доходъ, тогда какъ косвенные налоги это тѣ, которые ложатся на личность лишь посредствомъ какой-нибудь особенной потребности ея, такъ что къ нимъ принадлежатъ соляной, почтовый, лотерейный налоги и всѣ налоги, хотя и взимаемые прямо, но обыкновенно перелагаемые на другихъ, какъ, напр., поземельный; однимъ словомъ, у насъ это будутъ всѣ налоги, какъ бы они ни назывались, за исключеніемъ класснаго и подоходнаго.

Слушая эту теорію, прокуроръ неустанно выражалъ удивленіе.

Но послушайте, до чего теорія эта твердо установлена въ наукѣ.

Въ приложеніи къ № 304 официіальной „Allgemeine Preussische Staatszeitung“ за 1829 годъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Гоффманъ напечаталъ статью, впослѣдствіи перепечатанную въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, р. 461. Она начинается такъ:

„Когда, 20 лѣтъ, тому назадъ велись споры о выгодахъ и невыгодахъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, споры, гораздо болѣе поверхностные и случайные, чѣмъ нынѣшніе, то въ то время еще не чувствовалось потребности опредѣлить напередъ, какіе именно налоги считать прямыми и какіе косвенными. Хотя во Франціи обладаніе важными политическими правами зависитъ отъ уплаты извѣстнаго прямого налога, однако, и тамъ, повидимому, не было спора о томъ, какіе налоги считать прямыми. Особенно патентный сборъ, какъ и у насъ соотвѣтствующій ему промысловой налогъ, считался всѣми прямымъ налогомъ, и только недавно нѣкоторые писатели начали подвергать это сомнѣнію. У насъ, конечно, нѣтъ никакого повода возбуждать подобный споръ (потому,—думаетъ Гоффманъ,—что тогда въ Пруссіи съ прямыми налогами еще не соединялось никакихъ политическихъ правъ); тѣмъ не менѣе не лишне будетъ напомнить понятія, на которыхъ основано общее раздѣленіе всѣхъ налоговъ на прямые и косвенные“.

Видите, что говоритъ здѣсь дѣйствительный тайный! Онъ говоритъ, что если бы съ налогами соединялись политическія права, то это послужило бы дѣйствительнымъ поводомъ точно выяснить понятіе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Вотъ уже 14 лѣтъ, какъ этотъ поводъ существуетъ у насъ. Я слѣдую совѣту дѣйствительнаго тайнаго. Я выясняю понятіе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и ихъ взаимное отношеніе, а проку-

роръ съ судьями усматриваютъ въ этомъ возбужденіе къ ненависти и презрѣнію!

Но идемте дальше. Гоффманъ объясняетъ, что классификація бюджета потому не представляетъ и не можетъ представлять научной строгости, что бюджетъ не можетъ рѣшать, насколько налого-плательщикъ самъ несетъ налогъ или перелагаетъ его на другихъ, а самъ, слѣдовательно, является только кредиторомъ.

Затѣмъ онъ устанавливаетъ такое основное различіе между прямыми и косвенными налогами: „Налогъ берется или съ того, что есть, или съ того, что происходитъ“. Первые—прямые налоги, вторые—косвенные. Имущество есть то, что есть, оно—нѣчто существующее. Поступокъ есть то, что дѣлается, происходитъ.

Я могъ бы назвать вамъ еще много авторовъ, которые подобнымъ же образомъ стараются опредѣлить истинное различіе между прямыми и косвенными налогами. При болѣе внимательномъ отношеніи, вы легко можете убѣдиться, что моя мысль есть та же самая мысль Гофмана, которую я только формулирую, какъ въ томъ увѣренъ, болѣе ясно и опредѣленно. Я считаю косвенными всѣ тѣ налоги, которые падаютъ на личность не въ силу ея имущества, а вслѣдствіе какой-либо особенной потребности ея, имѣющей отношеніе къ налогу; при этомъ совершенно безразлично, въ какой формѣ налагается налогъ государствомъ и кто ссужаетъ его.

Впрочемъ, не стоитъ препираться о томъ, какое опредѣленіе теоретически всего правильнѣе; въ своей лекціи я и не обсуждалъ этого вопроса, такъ какъ тамъ это было излишне, я просто положилъ это опредѣленіе въ основу данныхъ тамъ результатовъ. Что же касается самыхъ этихъ практическихъ результатовъ, что касается того, что къ косвеннымъ налогамъ принадлежатъ всѣ налоги, падающіе на личность, благодаря извѣстнымъ ея потребностямъ, какъ бы ни называлъ ихъ бюджетъ—косвенными ли налогами, или монополіями, или доходами съ разныхъ публичныхъ функцій и т. п.,—относительно этого нисколько не сомнѣваются ученые даже тѣхъ націй, которыя отнюдь не склонны ломать головы надъ опредѣленіями, подобно намъ, нѣмцамъ.

Вотъ, напр., большое сочиненіе „Instituts du Droit administratif français“ барона де-Жерандо, члена Французскаго Института. Онъ начинаетъ II главу, о косновенныхъ налогахъ (Т. IV, стр. 100) словами § 1045: „Подъ косвенными налогами разумѣютъ многоразличныя пошлины“. Затѣмъ онъ объясняетъ понятіе косвенныхъ налоговъ примѣрами, что французскому уму

доступнѣе, нежели нѣмецкія опредѣленія. „Нѣкоторые взимаются прямо съ извѣстныхъ предметовъ непосредственнаго потребленія; таковы пошлины на напитки, на соль, на игральныя карты“. § 1046: „Нѣкоторые, установленные на предметы потребленія, связаны съ государственной монополіей, какъ, напр., пошлины на табакъ, на порохъ“. § 1048: „Иные наложены на транспортъ, какъ сборъ съ судовъ, паромовъ и лодокъ, сборъ съ почтовой корреспонденціи, сборъ съ ѣзды на почтовыхъ“. § 1050: „Иные взимаются въ связи съ извѣстными актами, которымъ обезпечивается, такимъ образомъ, извѣстная гарантія, таковы судебныя пошлины, нотаріальныя, гербовая бумага, пробирный сборъ“.

Итакъ, вы видите, прокуроръ напрасно удивлялся, что я причислилъ штемпельный сборъ къ косвеннымъ налогамъ; кромѣ него, никто не сомнѣвается въ правильности такого пріема.

По этому случаю прокуроръ воскликнулъ: „Равнымъ образомъ бѣдняку рѣдко приходится платить штемпельный сборъ, особенно высокій, и, такимъ образомъ, онъ не несетъ этого—косвеннаго!—налога“.

Зная сердечную доброту прокурора, я удивляюсь, какъ онъ не сообразилъ, что мелкому ремесленнику или землевладѣльцу такъ же тяжело, и даже гораздо тяжелѣе, заплатить гербовую пошлину при займѣ въ 200 талеровъ, нежели фабриканту или крупному землевладѣльцу гораздо высшую пошлину при крупномъ займѣ.

Но не въ этомъ дѣло! Дѣло въ томъ, что прокуроръ и тутъ, очевидно, увлекаемый своей сердечной добротой, не видитъ, что высокая гербовая пошлина, вносимая богатымъ, только ссужается имъ, а въ дѣйствительности уплачивается, въ концѣ концовъ, потребителями, т. е. опять-таки бѣдняками. Да, разумѣется! Если бы займы заключались съ расточительными цѣлями, то, дѣйствительно, нотаріальныя и вексельныя пошлины уплачивались бы изъ имущества. Но мы живемъ въ очень экономномъ обществѣ, и только самая ничтожная доля ежегодно заключаемыхъ займовъ тратится расточительно.

Зато при займахъ, заключаемыхъ помѣщикомъ для сельскохозяйственныхъ предпріятій и меліорацій, фабрикантомъ и купцомъ для веденія своихъ дѣлъ, всѣ гербовые расходы по векселямъ, заемнымъ письмамъ и закладнымъ, какъ и проценты съ займовъ, причисляются къ необходимымъ расходамъ на производство, повышаютъ его цѣнность и, въ концѣ концовъ, уплачиваются въ цѣнѣ продуктовъ потребителемъ, т. е. бѣднякомъ.

Чтобы лишь отчасти показать вамъ, къ какимъ сложнымъ вреднымъ

послѣдствіямъ, къ какимъ источникамъ обѣднѣнія, о которыхъ на первый взглядъ и не подумаешь, часто ведутъ гербовыя и судебныя пошлины,— я позволю себѣ привести одинъ отрывокъ изъ вышеупомянутаго правительственнаго изданія профессора Ленгерке.

Вотъ что онъ говоритъ о поселенцахъ Рагнитскаго округа (р. 79): „Огромнымъ, часто непреодолимымъ бременемъ служатъ для этихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ выдѣлы. Они препятствуютъ улучшенію крестьянскаго хозяйства и ведутъ къ частнымъ тяжбамъ и обѣднѣнію. Производить выдѣлы заставляетъ страхъ передъ вмѣшательствомъ судовъ въ раздѣлъ наслѣдства, такъ какъ это влечетъ за собой огромные расходы. Собственники этихъ участковъ, опасаясь, что имъ будетъ не подъ силу справиться съ дѣломъ, особенно если мужъ и жена подвержены продолжительной болѣзни, часто еще въ не старыхъ годахъ уступаютъ свой участокъ сыну, а чаще всего постороннему, съ условіемъ жениться на ихъ дочери. Пишется купчая, и родителямъ выговаривается стариковскій выдѣлъ въ видѣ различнаго рода довольствія. Иногда на одномъ участкѣ лежатъ 3—4 такихъ выдѣла. Но самое худшее здѣсь то, что молодая чета, обыкновенно, не старше 16, 20, 22 лѣтъ, по молодости и неопытности, не обладаетъ достаточной дѣловой энергіей и умомъ. Было бы очень желательно, чтобы подобные выдѣлы, наличными ли деньгами или натурой, впредь не дозволялись, но въ такомъ случаѣ необходимо отмѣнить пошлины съ наслѣдствъ“.

На стр. 83 о Гумбинненскомъ округѣ: „Большое зло составляетъ бремя такъ называемыхъ выдѣловъ, тяготѣющее на участкахъ поселенцевъ“ и проч.

Противъ всего сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ можно сдѣлать лишь одно возраженіе. Но, благодаря своему полному незнакомству съ экономической наукой, прокуроръ именно это-то возраженіе и упустилъ изъ виду.

Тѣмъ не менѣе я коснусь коротко и этого обстоятельства, такъ какъ вы, господа, конечно, лучше знакомы съ этой наукой, чѣмъ прокуроръ и легко можете сами сдѣлать мнѣ это возраженіе.

Дѣло въ томъ, что къ косвеннымъ налогамъ я причисляю и поземельную подать. Въ наукѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что поземельная подать есть налогъ на чистый доходъ землевладѣльца, т. е. что это налогъ на поземельную ренту.

Этого мнѣнія держались всѣ до Рикардо.

Но великій англичанинъ Рикардо доказалъ, что поземельный налогъ

оказывалъ бы такое вліяніе лишь въ томъ случаѣ, если бы совершенно не касался земель самаго низшаго качества, какія только разрабатываются въ странѣ, но налогъ, распространяющійся и на эти земли — какъ это имѣетъ мѣсто у насъ и повсюду,- какъ бы низокъ онъ ни былъ и если бы даже онъ возрасталъ пропорціонально на земли лучшаго качества, всегда оказываетъ и долженъ оказывать такое же вліяніе, какъ и налогъ на производство хлѣба, т. е. онъ перелагается землевладѣльцемъ на цѣну хлѣба.

Не желая посягать на ваше время, я не стану развивать здѣсь причинъ этого, такъ какъ онѣ необходимо связаны съ самыми основами теоріи поземельной ренты Рикардо. Приведу только слова самого Рикардо. Онъ говоритъ, что поземельный налогъ, не касающійся обрабатываемыхъ земель низшаго качества, дѣйствовалъ бы какъ налогъ на поземельную ренту, и затѣмъ продолжаетъ такъ: „Но если поземельный налогъ взимается со всѣхъ обрабатываемыхъ земель, то, какъ бы онъ умѣренъ ни былъ, онъ становиться налогомъ на продукты и, слѣдовательно, возвышаетъ ихъ цѣну“ [1]).

Затѣмъ онъ беретъ именно тотъ случай, который наблюдается у насъ, т. е., что поземельный налогъ распространяется на всѣ обрабатываемыя земли, но пропорціонально ихъ доходу. „Такой налогъ,—говоритъ онъ,— можетъ соразмѣряться съ качествомъ почвы и съ количествомъ ея продукта и, въ такомъ случаѣ, онъ ничѣмъ не отличается отъ десятины“!

Слѣдовательно, прежнее мнѣніе, котораго прокуроръ, правда, не привелъ противъ меня, но могъ бы привести, опровергнуто Рикардо и съ тѣхъ поръ признается ложнымъ, а вамъ извѣстно, что школа Рикардо теперь господствуетъ въ наукѣ, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ.

Но чтобы вполнѣ доказать вамъ, что и нѣмецкая наука принимаетъ ученіе Рикардо, я вкратцѣ передамъ мнѣніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гоффмана изъ его „Lehre von den Steuern“, p. 137: „Возвышеніе поземельнаго налога вызываетъ повышеніе рыночныхъ цѣнъ и, такимъ образомъ, постигаетъ все народонаселеніе“.

Перехожу къ послѣднему пункту моего изложенія теоріи косвенныхъ налоговъ, котораго мнѣ надо коснуться. На стр. 21 своей лекціи я ска-

[1]) См. Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ Н. Зибера. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. С.-Петербургъ, 1882 г., глава XII: „Поземельный налогъ“, стр. 107.

залъ: „Правда, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали раньше, но буржуазія развила ихъ до неслыханной системы и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы“.

Прокуроръ усмотрѣлъ нѣчто въ высшей степени преступное въ этомъ историческомъ утвержденіи, что буржуазія, хотя и не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, но развила ихъ въ неслыханную систему. Онъ дважды съ особенной силой упоминалъ объ этихъ моихъ словахъ.

Но я не могу ни на іоту отступиться отъ этой исторической истины, какъ не могъ этого сдѣлать относительно моихъ прежнихъ заявленій. Наоборотъ!

Если бы я не хотѣлъ придерживаться строжайшей фактической точности, я имѣлъ бы полное внутреннее основаніе сказать, что буржуазія создала систему косвенныхъ налоговъ! Правда, еще у римлянъ и у другихъ древнихъ народовъ существовали vectigalia [1]). Въ началѣ среднихъ вѣковъ, при Каролингахъ существовали, хотя и временно, нѣкоторые виды пошлинъ, какъ это доказывается капитуляріями [2]).

Но все это носило совершенно иной характеръ и имѣло совершенно другое значеніе, нежели нынѣшняя система косвенныхъ налоговъ. И все же я такъ щепетильно соблюдалъ историческую точность, что сказалъ, что буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, а только развила ихъ въ неслыханную систему.

До чего это безусловно вѣрно,—объ этомъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя слова буржуазнаго экономиста Сэя, что въ новѣйшее время косвеннымъ налогамъ дали une extension scandaleuse, скандальное развитіе. Впрочемъ, это лишь мнѣніе, а, вѣдь, и Сэй, хотя и буржуазный экономистъ, а все же могъ ошибаться. А потому посмотримъ на факты.

Не безпокойтесь, я не стану вдаваться подробно въ эту долгую и кропотливую матерію, которая отняла бы у насъ еще нѣсколько часовъ. Болѣе чѣмъ достаточно немногихъ замѣчаній и фактовъ.

Извѣстно, что въ раннюю пору среднихъ вѣковъ короли вообще не взимали налоговъ, а покрывали государственные расходы изъ доходовъ отъ такъ называемыхъ доменъ, которыя предоставлялись имъ для этой цѣли. Иногда чрезвычайные расходы требовали чрезвычайныхъ вспомогательныхъ сборовъ, называвшихся adjutoria, по-французски—aides, у насъ Beden (отъ beden, bitten, просить или, по Юстусу Мёзеру, отъ Baete, Bat — помощь).

---

[1]) Различнаго рода пошлины.

[2]) Сборники законовъ.

Эти aides или вспоможенія производились очень рѣдко и то лишь въ позднѣйшее время и состояли изъ очень незначительныхъ акцизовъ или пошлинъ на потребленіе, которыя взимались притомъ недолгое время.

Гораздо чаще состояли они изъ окладовъ, т. е. прямыхъ налоговъ, которые отчасти были подушными, а отчасти—и это чаще всего—очень значительными прямыми подоходными налогами.

Такова, въ общихъ чертахъ, средневѣковая система налоговъ.

Я приведу нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе сказаннаго и въ доказательство разницы между духомъ налоговой системы среднихъ вѣковъ и нынѣшней.

Взглянемъ сперва на Англію.

Первый налогъ, съ виду похожій на косвенный, былъ установленъ при Ричардѣ Львиное Сердце. „Довольно замѣчательно,—говоритъ сэръ Джонъ Синклеръ въ своей „History of the Public Revenue of the British Empire“,—t. I, стр. 96,—что царствованію этого монарха суждено было представить примѣръ полученія дохода посредствомъ разрѣшенія привилегій,—вы знаете, господа, они принадлежатъ къ косвеннымъ налогамъ,—которыя въ новѣйшее время сдѣлались такимъ излюбленнымъ средствомъ полученія дохода“. Вы видите, между прочимъ, что баронетъ Синклеръ придерживается того же мнѣнія, что и буржуазный экономистъ Сэй. Но въ чемъ состоялъ этотъ косвенный налогъ при Ричардѣ Львиное Сердце? Онъ касался турнировъ!

„Ричардъ постановилъ,—продолжаетъ сэръ Джонъ Синклеръ,—чтобы всякій желающій принять участіе въ этихъ военныхъ упражненіяхъ покупалъ разрѣшеніе по слѣдующей таксѣ: съ графа—20 серебряныхъ марокъ, съ барона—10 марокъ, съ рыцаря, владѣющаго землей—4 марки, съ безземельнаго рыцаря—2 марки. Лица не-рыцарскаго званія не имѣли права принимать участія въ состязаніяхъ“.

Вы видите, слѣдовательно, что, если это разрѣшеніе по формѣ и было привилегіей, т. е. косвеннымъ налогомъ, то по духу оно было нѣчто совершенно иное, нѣчто совершенно противоположное тому, что нынѣ разумѣется подъ косвенными налогами. Это былъ прямой подоходный налогъ въ формѣ косвеннаго налога. Вмѣсто того, чтобы ложиться на потребленіе и потребности, онъ представлялъ собой классифицированный, сообразно званію и состоянію, налогъ на сословныя удовольствія высшихъ классовъ.

Первая субсидія была введена при Ричардѣ II, въ 1379 году.

„Налогъ,—говоритъ сэръ Джонъ Синклеръ—стр. 128,—извѣстный подъ

именемъ субсидіи, былъ впервые установленъ во второй годъ этого царствованія. Цѣлью этого налога было пощадить бѣдныхъ и возложить главное бремя на богатыхъ. Онъ взимался отчасти въ видѣ подушной подати, отчасти въ видѣ налога на доходъ. Герцоги Ланкастерскій и Бретанскій платили по 10 марокъ каждый; каждый графъ по 4 фунта; каждый баронъ по 40 шиллинговъ и т. д. Но масса народа, купцы, ремесленники и крестьяне были обложены большей или меньшей суммой, сообразно размѣру имущества каждаго".

Такой характеръ носила податная система среднихъ вѣковъ!

Обратимся теперь къ Франціи. Въ 1147 г. Людовикъ Младшій установилъ налогъ на имущество всѣхъ подданныхъ въ размѣрѣ $^1/_{20}$ его стоимости, т. е. 5-ти-процентный сборъ съ капитала. Филиппъ Красивый впервые призываетъ третье сословіе на общее собраніе государственныхъ чиновъ и въ 1302 г. оно даетъ свое согласіе на подоходный налогъ въ 20% со всѣхъ доходовъ.

Что сказали бы теперь имущіе классы, если бы у нихъ потребовали подоходный налогъ въ 20% съ ихъ дохода.

При Іоаннѣ Добромъ въ 1350 г. чины утверждаютъ 4-хъ процентный налогъ съ дохода, распространяющійся на всѣхъ, отъ принца крови до поденщика.

Поземельный налогъ, taille, становится постояннымъ только съ Карла VII; нѣкоторые другіе налоги обратились въ постоянные лишь съ половины XIV вѣка при Филиппѣ VI Валуа.

При Іоаннѣ Добромъ, въ половинѣ XIV вѣка, сдѣлали робкую попытку взимать пошлину въ 8 deniers съ ливра со всѣхъ съѣстныхъ и прочихъ товаровъ.

Но эти налоги были не по вкусу современникамъ. Въ 1484 г. Карлъ VIII замѣнилъ этотъ налогъ на съѣстные припасы нѣкоторой добавкой къ taille, которая,—надо помнить это,—при тогдашнихъ условіяхъ производства была далеко не то, что нашъ нынѣшній поземельный налогъ.

Относительно Германіи я для краткости сошлюсь на превосходную книгу Ланга „Historische Entwicklung der Deutschen Steuerverfassung", Берлинъ. 1793 г. Приведу изъ нея только небольшой отрывокъ, который покажетъ вамъ, когда и какъ возникли у насъ пошлины на потребленіе и какъ онѣ распространились. Лангъ говоритъ объ эпохѣ вестфальскаго мира, р. 234: „Такимъ образомъ была введена пошлина на потребленіе, акцизъ, лиценція, добавочный налогъ; пошлина на товаръ; всѣ эти обозначенія употреблялись тогда безъ всякаго различія. Слово акцизъ было извѣстно уже въ XIV вѣкѣ,

но подъ нимъ разумѣли скорѣе временную добавочную пошлину, чѣмъ постоянный государственный налогъ. Такое же значеніе имѣла пошлина, наложенная въ Австріи въ 1556 г. въ виду войны противъ турокъ, на вино, муку, рыбу и тому подобное.

„Обыкновенно полагаютъ, что нынѣшнія пошлины на потребленіе происходятъ изъ Соединенныхъ Нидерландовъ, которые первые ввели такъ называемую лиценцію,—пошлину, взимавшуюся за разрѣшеніе (licentia) подвозить извѣстные товары ихъ врагамъ, испанцамъ.

„Говорятъ, что имперскій городъ Кёльнъ въ видѣ репрессіи ввелъ то же самое и у себя.

„Первый слѣдъ лиценціи въ Брауншвейгѣ встрѣчается, говорятъ, въ сеймовомъ постановленіи отъ 3 ноября 1620 г. Однако, въ 1639 г. не удалась попытка всеобщаго введенія лиценцій. Впрочемъ, впослѣдствіи затрудненія эти были устранены“ и т. д. „Первое формальное общее постановленіе о введеніи акциза на потребленіе въ курфюршествѣ Саксонскомъ относится къ 1707 г.“. „Подобно лиценціи, гербовая бумага есть также изобрѣтеніе голландцевъ, которые пользовались ею, какъ налогомъ van de bezegelde brieven. Въ 1682 г. штемпельный сборъ былъ введенъ не только въ Вранденбургѣ, но и въ курфюршествѣ Саксонскомъ, гдѣ онъ распространялся также, кромѣ бумаги, на башмаки, сапоги, туфли, парики“.

Такъ говоритъ Лангъ. Вы видите, господа, какъ юна эта система косвенныхъ налоговъ, какъ незначительны и робки были ея первые шаги. Вы видите, что ея медленное первоначальное развитіе и ея дальнѣйшее распространеніе совпадаютъ со временемъ развитія европейской буржуазіи, какъ я это показалъ въ своей инкриминируемой брошюрѣ. Такъ, шагъ за шагомъ, достигла она, наконецъ, могущества и господства. Вы видите, какъ строго-исторично и незыблемо, какъ точно мое утвержденіе, что буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, а лишь развила ихъ въ неслыханную систему.

Въ своей лекціи я показалъ кратко, но и достаточно глубоко, эту необходимую внутреннюю связь. Капиталъ, дѣлаясь постепенно господствующей силой, необходимо долженъ стремиться, насколько возможно, обезпечить себѣ привилегію податной льготности, какъ это дѣлаютъ всѣ господствующія сословія.

Нѣтъ никакой необходимости, чтобы капиталисты ясно сознавали эту связь; наоборотъ, это сознаніе встрѣчается рѣдко. И все же связь эта играетъ въ данномъ случаѣ главную роль, она является здѣсь двигателемъ. Въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго, а тѣмъ болѣе не можетъ быть

случайнымъ такое поразительное совпаденіе въ развитіи такихъ крупныхъ, имѣющихъ міровое значеніе, фактовъ.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ англійскихъ экономистовъ, сэръ Джемсъ Стюартъ, писавшій еще за 10 лѣтъ до Адама Смита, въ 1760 г., ясно понималъ эту связь между системой налоговъ и политическимъ господствомъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ англійскій баронетъ въ своемъ въ высшей степени почтенномъ сочиненіи,—„An inquiry into the principles of political economy“, t. II, p. 119,—что я подмѣтилъ замѣчательную разницу въ воззрѣніяхъ на налоги въ странахъ, гдѣ установлены эти двѣ различныя формы правленія (самодержавная и конституціонная). Въ чистой (абсолютной) монархіи государь, повидимому, ревниво заботится о возрастаніи богатства и потому налагаетъ подати на людей обогащающихся. При конституціонной монархіи налоги разсчитаны такъ, чтобы падали на тѣхъ, кто бѣднѣетъ“.

Философіей, наукой мы называемъ тотъ умственный трудъ, который вскрываетъ передъ нами невидимую прочную внутреннюю связь между всемірно-историческими фактами, а не тотъ, который нагромождаетъ матеріалъ и блещетъ библіографической ученостью. Въ моей инкриминируемой брошюрѣ вы встрѣтите очень мало матеріала. Но она именно вскрываетъ эту внутреннюю связь, ничего не говоря о томъ матеріалѣ, который положенъ въ ея основу. Но тѣмъ глубже ея научность, ибо масса положительнаго матеріала, отвлеченный выводъ изъ котораго она должна дать, находится не въ ней самой, а подъ ней, въ ея основѣ, въ неизмѣримой глубинѣ, „въ багряномъ сумракѣ“.

А прокуроръ имѣлъ безпримѣрное мужество выставить эту лекцію сплетеніемъ лжи и софизмовъ! Это заставило меня ради васъ и ради себя самого развернуть передъ вами хотя бы часть,—впрочемъ, самую ничтожную,—того матеріала, на которомъ она основана. Если я отнялъ у васъ несмотря на все мое стараніе ограничить себя, слишкомъ много времени то обвиняйте въ этомъ не меня, а прокурора. Моя цѣль достигнута: вы убѣдились, что каждое слово мое облечено тройной броней изъ науки и истины!

Итакъ, довольно ученыхъ цитатъ.

И все же, господа, я долженъ привести вамъ еще одинъ авторитетъ, который скажетъ вамъ о косвенныхъ налогахъ то же самое, что говорю я; но это будетъ уже не научный авторитетъ.

Какой же авторитетъ приведу я вамъ сейчасъ, въ заключеніе моего разбора косвенныхъ налоговъ?

Авторитетъ—короля! Авторитетъ—правительства! Авторитетъ—министерства Мантейфеля, котораго никто уже не заподозритъ революціонеромъ!

Въ 1849 г. сентября 21 дня министерство представило палатамъ высочайшее королевское посланіе съ предложеніемъ законопроекта о введеніи подоходнаго и класснаго налога; какъ вы сейчасъ узнаете, проектъ этотъ не былъ принятъ.

Въ немъ предлагалось, съ одной стороны, отмѣнить налогъ съ помола муки и за убой скота, а съ другой—ввести классный и 3-хъ процентный подоходный налоги. Въ разъясненіи мотивовъ, вызвавшихъ этотъ проектъ, министерство говоритъ буквально то же самое, что говорилъ и я сегодня въ своей лекціи. Вы можете найти этотъ проектъ подъ №№ 171 и 172 официальныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ второй палаты за 1849 годъ, т. II. Я позволю себѣ привести изъ него лишь нѣкоторыя выдержки.

Въ началѣ своихъ мотивовъ министерство разъясняетъ, что законопроектъ не преслѣдуетъ увеличенія государственныхъ доходовъ, а исходитъ изъ той „едва ли требующей дальнѣйшихъ доказательствъ“ мысли, что необходимо болѣе справедливое распредѣленіе податного бремени. „Современныя соціальныя условія,—говоритъ министерство,—требуютъ улучшенія въ томъ отношеніи, что нужно освободить бѣднѣйшіе классы народа отъ тѣхъ государственныхъ податей, которыя чрезмѣрно обременяютъ ихъ своимъ размѣромъ и способомъ взиманія или, по крайней мѣрѣ, нужно облегчить ихъ участь; возникающій отсюда ущербъ для государственныхъ доходовъ долженъ быть переложенъ на тѣхъ, кто до сихъ поръ несъ государственныя повинности не въ соотвѣтствіи съ той пользой, какую доставляютъ имъ государственныя учрежденія, не въ соотвѣтствіи со своей налого-способностью.

„Надо придать, наконецъ, всей финансовой системѣ такое основаніе, которое способно вызвать въ народѣ довѣріе къ справедливости и безпристрастію въ дѣлѣ распредѣленія налоговъ“.

Затѣмъ правительство напоминаетъ, что оно еще въ 1847 г. предлагало соединенному ландтагу, въ видахъ отмѣны другихъ налоговъ, ввести подоходный трехъ и двухъ-процентный налогъ, но безуспѣшно.

Правительство оговаривается, что желаетъ дѣйствовать какъ можно умѣреннѣе и осторожнѣе, что поэтому оно не имѣетъ въ виду прибѣгать къ прямому подоходному налогу, „какъ къ безотлагательному и неограниченному средству пополнить всѣ недочеты въ государственныхъ доходахъ, которые возникли бы отъ отмѣны другихъ податей“. Оно утвер-

ждаетъ, что рѣшается посягнуть на основы настоящей податной системы лишь настолько, насколько это „безусловно необходимо“, и поэтому отнюдь не имѣетъ въ виду требовать „отмѣны цѣлаго ряда существующихъ налоговъ, простирающихся до 30 милліоновъ, и замѣны ихъ общимъ подоходнымъ налогомъ“.

Оно предлагаетъ отмѣнить пока только налогъ на помолъ муки и за убой скота и замѣнить ихъ прямымъ подоходнымъ налогомъ.

„Въ такомъ видѣ законопроектъ этотъ, быть можетъ, не оправдаетъ надеждъ тѣхъ, кто ожидаетъ оздоровленія этой области государственной жизни только отъ радикальныхъ преобразованій всей нынѣшней финансовой системы. Во всякомъ случаѣ, нельзя, по крайней мѣрѣ, не признать, что онъ все же представляетъ собой шагъ впередъ въ податной системѣ, т. е., что онъ считается съ соціальными отношеніями и желаетъ достигнуть болѣе справедливаго распредѣленія государственныхъ повинностей, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время: здѣсь провозглашается новый принципъ, согласно которому въ будущемъ должны распредѣляться политическія права гражданъ, въ ихъ отношеніяхъ къ государству и общинѣ, въ соотвѣтствіи съ справедливостью и интересами всего общества“.

Можно надѣяться, что дальнѣйшее распространеніе прямыхъ налоговъ дастъ мало-по-малу возможность, я цитирую буквально, „понизить и отмѣнить еще нѣкоторыя другія подати изъ числа тѣхъ, которыя мало отвѣчаютъ требованію болѣе равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія общественныхъ повинностей, при возможно-большемъ облегченіи участи бѣднѣйшихъ классовъ народа“.

Далѣе правительство объясняетъ, почему необходимо прежде всего замѣнить прямымъ налогомъ налоги на помолъ муки и за убой скота. Прошу васъ обратить особенное вниманіе на слѣдующія положенія его.

„Самое главное здѣсь то,—читаемъ мы въ мотивахъ къ королевскому посланію, стр. 8,—что въ своемъ настоящемъ видѣ налоги на помолъ муки и за убой скота, особенно первый, чрезмѣрно обременяютъ простой народъ въ сравненіи съ зажиточнымъ классомъ“. Слышите, господа,—чрезмѣрно обременяютъ! Королевское посланіе говоритъ совершенно то же, что и я. „На это обстоятельство было обращено особенное вниманіе и въ неоднократно цитированной выше запискѣ—запискѣ 1847 года. Для примѣра укажемъ, до чего доходитъ это чрезмѣрное обремененіе бѣднаго народа въ Берлинѣ“. Чрезмѣрное обремененіе бѣднаго народа, господа! Королевское посланіе говоритъ слово въ слово то же, что и я!

Правительство показываетъ, что рабочая семья, состоящая изъ мужа, жены и троихъ дѣтей, потребляетъ въ Берлинѣ среднимъ числомъ 1.100 фунтовъ или 10 центнеровъ ржи въ годъ, причемъ налога на помолъ муки приходится съ этого количества до 2 талеровъ 15 зильбергрошей.

„Изъ мяса,—говоритъ дальше правительство,—бѣдное населеніе потребляетъ въ Берлинѣ преимущественно свинину. Если считать на рабочую семью только 6 фунтовъ въ недѣлю, что, конечно, немного, если только семья эта не совсѣмъ обнищавшая, то получимъ въ годъ 312 ф.; съ этого количества приходится:

налога за убой скота	4 тал. 7 зильбергр.
причисляя сюда налогъ на помолъ муки	2 „ 15 „
всего налоговъ съ семьи	6 тал. 22 зильбергр.
Между тѣмъ класснаго налога (включая сюда 50% общиннаго сбора) съ этой семьи приходилось бы самое большее	1 тал. 15 з.
Слѣдовательно, ей приходилось бы платить на . .	5 тал. 7 зильбергр.

меньше теперешняго. Но въ дѣйствительности условія гораздо болѣе суровы — болѣе суровы, господа! — гораздо тяжелѣе — тяжелѣе, господа!—если принять во вниманіе, что зажиточный человѣкъ участвуетъ въ этой повинности не въ большемъ размѣрѣ, въ соотвѣтствіи съ своимъ благостояніемъ; при извѣстныхъ условіяхъ онъ можетъ, наоборотъ, участвовать въ ней въ гораздо меньшей степени, чѣмъ бѣднякъ“.

Вотъ что говоритъ королевское посланіе: что богатый несетъ этихъ повинностей гораздо меньше, чѣмъ бѣдный! — Слово въ слово то же, что и я говорю!

„Если на это возразятъ,— продолжаетъ посланіе,—что косвенные налоги уплачиваются незамѣтнымъ образомъ, мелкими взносами, то все же остается фактъ, что нынѣшняя податная система отнимаетъ у бѣдняка часть его дохода, пріобрѣтаемаго съ такимъ трудомъ, тогда какъ при болѣе справедливомъ распредѣленіи государственныхъ повинностей онъ могъ бы употребить эту часть на улучшеніе своего экономическаго положенія. При этомъ онъ отнюдь не получаетъ, какъ на это возражаютъ, достаточнаго возмѣщенія въ томъ, что цѣна труда и пр. до извѣстной степени сообразуется съ цѣнами на необходимѣйшія средства жизни“.

Такимъ образомъ, королевское правительство признаетъ положительно ложнымъ и отвергаетъ и тотъ доводъ прокурора, что рабочіе классы получаютъ, будто бы, возмѣщеніе въ заработной платѣ за ту дороговизну,

которая вызывается косвенными налогами. „Этого отнюдь нѣтъ“, гласятъ мотивы къ королевскому посланію. Не удивляйтесь, господа, что королевское правительство до такой степени расходится во взглядахъ съ прокуроромъ и утверждаетъ за вѣрное то, что прокуроръ считаетъ софизмами и выдумками. Дѣло въ томъ, что, разсуждая о такихъ предметахъ, правительство обыкновенно совѣтуется не съ такими знатоками, какъ прокуроръ.

Далѣе королевское правительство такъ заканчиваетъ свои разсужденія (стр. 11): „Положеніе, создаваемое этими налогами, вообще не совмѣстимо съ принципами правильнаго государственнаго хозяйства и отвѣчающаго требованіямъ справедливости податного законодательства; оно требуетъ изысканія какого-либо средства, могущаго замѣнить проектируемые налоги, если бы другія основанія не требовали обширныхъ преобразованій въ системѣ налоговъ“.

Относительно промыслового налога, который бюджетомъ причисляется къ прямымъ налогамъ, посланіе,—я цитирую дословно,—говоритъ (стр. 12), что „онъ далеко не отвѣчаетъ намѣреніямъ закона, что налогъ этотъ привелъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, къ какимъ вообще приводятъ косвенные налоги, такъ какъ всѣ промышленники, имѣющіе мало-мальски обезпеченное дѣло, могутъ легко вернуть себѣ налогъ, уплачиваемый ими съ своего промысла, посредствомъ повышенія цѣны своего товара, съ покупателей или съ работниковъ, которымъ они даютъ работу, такъ что самимъ имъ совершенно не приходится платить налога“.

Далѣе (стр. 13 мотивовъ) правительство находитъ, что „поземельный налогъ имѣетъ совершенно тѣ же послѣдствія, что и указанный промысловый налогъ“. Равнымъ образомъ правительству очень хорошо извѣстно, что низшіе классы, благодаря своему численному превосходству, платятъ и прямыми налогами несравненно больше зажиточныхъ классовъ, а прокуроръ не хотѣлъ допустить этого даже относительно косвенныхъ налоговъ! Это доказывается тѣмъ (стр. 14), что изъ 4.891.777 налого-плательщиковъ, насчитывавшихся въ то время въ странѣ, къ двумъ первымъ классамъ тогдашней классной подати принадлежало только 86.632 налого-плательщика, платившихъ налога 1.661.509 тал., а къ двумъ низшимъ классамъ—4.805.145 налого-плательщиковъ, платившихъ 6.118.781 тал.

Разумѣется, правительству очень хорошо извѣстно, что въ косвенныхъ налогахъ эта непропорціональность даетъ себя знать еще гораздо рѣзче. Правительство продолжаетъ такъ: „Но именно потому-то и необходимо еще болѣе развить систему прямыхъ налоговъ, которые распространялись бы

и на низшіе классы городского и сельскаго населенія; этого настоятельно требуетъ ближайшій интересъ этихъ же классовъ, такъ какъ лишь въ такомъ случаѣ является возможность обойтись въ крупныхъ городахъ безъ пошлинъ на предметы общаго потребленія, а, какъ мы выше показали, пошлины эти еще гораздо обременительнѣе для низшихъ классовъ—еще гораздо обременительнѣе, господа, т. е. онѣ берутъ съ низшихъ классовъ еще гораздо больше, чѣмъ прямые налоги! Съ другой стороны, теперь, когда конституція дала всѣмъ классамъ народа непосредственныя права въ отношеніи государства, еще болѣе слѣдовало бы установить, что бремя государственныхъ повинностей должно соотвѣтствовать платежеспособности".

Видите! Правительство признаетъ даже и то, что прямой подоходный налогъ, чтобы быть справедливымъ, необходимо долженъ быть прогрессивнымъ налогомъ, хотя пока оно и не требуетъ этого.

Теперь вы можете ясно видѣть, господа, въ чемъ дѣло. Все, что я говорилъ, говорится и въ мотивахъ къ королевскому посланію. Мужи науки такъ долго, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій вопили объ этомъ, не щадя своего горла, что это дошло, наконецъ, и до слуха правительства. Только одинъ прокуроръ, только одинъ судъ ничего не слыхали, только до ихъ слуха не дошелъ общій шумъ, ибо, подобно Одиссею, они залѣпили себѣ уши воскомъ. И за это я долженъ итти въ тюрьму? Какъ это несправедливо!

Вы спросите, быть можетъ, какая судьба постигла этотъ законопроектъ министерства Мантейфеля?

Infandum regina jubes и т. д.! Уже въ комиссіи второй палаты законопроектъ съ трудомъ прошелъ большинствомъ 10 голосовъ противъ 8. Тщетно взывалъ въ палатѣ министръ финансовъ (стр. 2323 стенографическаго протокола сессіи 1849—50 г.): „Правительство его величества короля съ давнихъ поръ считаетъ эту реформу настоятельнѣйшимъ требованіемъ времени". Одинъ берлинскій депутатъ возразилъ на это, — на что горько жаловался правительственный комиссаръ Биттеръ (стр. 2333 стен. пр.),—что правительственное предложеніе „основано исключительно на пустой теоріи", совершенно такъ же, какъ прокуроръ, заявившій, что моя лекція основана на софизмахъ и выдумкахъ.

Наконецъ, министерскій подгоняло, какъ сказали бы въ Англіи, съ величайшимъ трудомъ собралъ въ пользу законопроекта ничтожное большинство въ 32 голоса.

Высшія сословія стараются всѣми силами вооружить противъ закона общественное мнѣніе, что имъ, конечно, легко удается, такъ какъ въ ихъ ру-

кахъ всѣ средства дѣлать общественное мнѣніе,—и въ первой палатѣ законопроектъ проваливается!

Несмотря на всю справедливость и ясность его мотивовъ, первая палата отвергла этотъ столь робкій, нерѣшительный и смиренный въ своей положительной части законопроектъ, что я ни за что не подписался бы подъ нимъ; законопроектъ, который, по собственному признанію правительства, явился лишь первымъ еще шагомъ на новомъ пути. Новый путь основательно преграждается при первой же попыткѣ вступить на него! Вмѣсто того, первая палата принимаетъ другой законопроектъ, который еще болѣе умѣряетъ этотъ, болѣе чѣмъ умѣренный, законопроектъ и превращаетъ его по всѣмъ главнымъ пунктамъ въ его полную противоположность! Налоги на помолъ муки и за убой скота остаются; вмѣсто простого процентнаго подоходнаго обложенія вводятся различныя градаціи, устанавливается максимальный размѣръ для крупныхъ доходовъ, такъ что самые большіе доходы совершенно освобождаются отъ налога и т. д.

Но предоставимъ слово министерству Мантейфеля.

Потерпѣвъ пораженіе въ первой палатѣ, испытавъ почти ту же участь во второй, несмотря на всѣ пущенныя въ ходъ правительственныя вліянія, едва сплотивъ вокругъ себя большинство всего въ 32 голоса, враждебно встрѣчаемое „общественнымъ мнѣніемъ“, министерство Мантейфеля обратилось къ палатамъ 2 января 1851 г. съ новымъ королевскимъ посланіемъ, въ которомъ оно отказывалось отъ своего прежняго законопроекта и принимало законъ, выработанный первой палатой.

„Правда,— съ глубокимъ вздохомъ замѣчаетъ министерство Мантейфеля, мотивируя это свое новое посланіе (печатные отчеты палатъ сессіи 1850—1851 г., т І, № 26, стр. 22),— правительство и теперь остается при убѣжденіи, что ясно обнаружившаяся и общепризнанная потребность преобразованій въ налогахъ можетъ быть удовлетворена болѣе основательно и соотвѣтственно новой организаціи государства только принятіемъ его прежняго предложенія о замѣнѣ всѣхъ существующихъ различныхъ формъ налоговъ однимъ прямымъ налогомъ, распредѣленнымъ по одному принципу и обнимающимъ всѣ классы налого-плательщиковъ“. Но министерство сознается, что оно не въ силахъ преодолѣть сопротивленія палатъ и общественнаго мнѣнія!

„Нельзя не принять въ соображеніе,—говорится въ мотивахъ (стр. 22),—что вторая палата приняла правительственное предложеніе очень незначительнымъ большинствомъ (32-хъ голосовъ); что послѣ этого рѣшенія и вплоть до преній объ этомъ предметѣ въ первой палатѣ со всѣхъ концовъ

государства послѣдовали заявленія противъ предполагаемой и уже близкой къ своему осуществленію системы налоговъ. Заявленія болѣе рѣшительныя и многочисленныя, какія когда-либо дѣлались со времени подобнаго же правительственнаго проекта въ 1847 г.; что, наконецъ, рѣшеніе первой палаты было, такимъ образомъ, какъ бы лишь данью общественному мнѣнію, которое выразилось такъ опредѣленно“.

Вслѣдствіе этого правительство говоритъ (стр. 23), что „послѣ такихъ заявленій оно не можетъ разсчитывать на достаточную поддержку своего проекта со стороны общественнаго мнѣнія, безъ чего невозможно его осуществленіе“.

Съ этимъ вздохомъ министерство Мантейфеля распростилось со своимъ собственнымъ законопроектомъ и приняло проектъ первой палаты. Это нашъ нынѣшній податной законъ, и вы знаете теперь, слѣдовательно, какъ онъ возникъ!

Законопроектъ министерства Мантейфеля и особенно мотивы къ нему дѣлаютъ честь этому министерству; но зато оно заслуживаетъ тяжкаго упрека за то, что не сумѣло преодолѣть въ данномъ случаѣ сопротивленія первой палаты и общественнаго мнѣнія, которое составляетъ въ настоящее время монополію имущихъ и всегда неблагопріятно интересамъ низшихъ классовъ. Умѣло же министерство Мантейфеля преодолѣть общественное мнѣніе, когда рѣчь шла о введеніи осаднаго положенія или объ отмѣнѣ суда присяжныхъ въ политическихъ процессахъ и въ дѣлахъ о печати и вообще когда дѣло касалось ограниченія публичныхъ вольностей?

Вы видите, господа, что и теперь, какъ 200 лѣтъ тому назадъ, при Буагильберѣ, голоса богатыхъ въ податныхъ вопросахъ и ихъ жалобы раздаются громче и сильнѣе и потому производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ голоса бѣдныхъ.

Конечно, право было министерство Мантейфеля, заявляя, что оно не можетъ надѣяться, чтобы общественное мнѣніе было достаточно подготовлено въ настоящее время.

Ну вотъ, я и стараюсь поправить этотъ грустный фактъ, существованіе котораго правительство констатируетъ съ такимъ глубокимъ вздохомъ; я стараюсь подготовить общественное мнѣніе, расположить его въ пользу мѣры, которую правительство называетъ „настоятельно необходимою“ въ интересахъ справедливости—и что же? Прокуроръ, съ ногами залѣзая въ мою лекцію, обвиняетъ эти мои старанія въ возбужденіи къ ненависти и презрѣнію, называетъ мою брошюру смѣсью выдумокъ и софизмовъ!

На этомъ я кончаю рѣчь о косвенныхъ налогахъ, я покидаю область

того, что, будто-бы, послужило мнѣ средствомъ для выполненія преступленія и перехожу къ тому, что судъ первой инстанціи призналъ внутреннимъ преступленіемъ въ моей лекціи—перехожу къ общей тенденціи ея.

Эта внутренняя тенденція ея заключается въ историческомъ положеніи, что, подобно тому, какъ въ средніе вѣка землевладѣніе, а въ новое время капиталъ являлись господствующимъ началомъ общества, такъ въ третьемъ, новомъ міровомъ періодѣ, начавшемся съ 1848 года, господствующимъ принципомъ общества должна сдѣлаться выясненная мною нравственная идея рабочаго сословія, принципъ труда.

Правда, приговоръ первой инстанціи не могъ не признать, что все это есть чисто-научное изложеніе исторіи, „разсматриваемой,—какъ онъ выражается,—съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго“.

Но, вынося мнѣ этими словами оправдательный приговоръ, меня все же затѣмъ признаютъ виновнымъ за то, что я изображаю современный историческій міровой періодъ призваннымъ сдѣлать принципъ рабочаго сословія господствующимъ принципомъ, сдѣлать рабочее сословіе, къ которому я положительно причисляю въ своей лекціи всѣхъ безъ исключенія, какимъ-либо образомъ приносящихъ пользу обществу, а слѣдовательно, и васъ, и себя—господствующимъ сословіемъ общества.

Я достаточно показалъ въ своей апелляціонной жалобѣ, въ какія ужасныя внутреннія противорѣчія впадаетъ приговоръ первой инстанціи, а потому не стану больше возвращаться къ этому.

Я показалъ тамъ, что моя лекція даетъ лишь строго-объективное изложеніе того, что совершалось само собою по необходимымъ историческимъ законамъ, хотя и очень медленно, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Я доказалъ, что все это изложеніе чисто-научно: какъ естествоиспытатель заранѣе опредѣляетъ по зародышу будущую форму организма, такъ по зачаткамъ современнаго мірового періода, какъ по справедливости можно назвать его первыя истекшія пятнадцать лѣтъ, я опредѣляю будущую форму его, въ которую онъ необходимо долженъ самъ собою развиться по своимъ естественнымъ законамъ.

Я показалъ, что въ моей лекціи не было никакого призыва къ рабочимъ классамъ, кромѣ призыва работать надъ своимъ собственнымъ образованіемъ; я показалъ, что всякій подобный субъективный призывъ необходимо исключается самой сущностью такого объективнаго воззрѣнія на исторію, что всякая такая попытка заранѣе осуждается имъ какъ безполезное и глупое.

Я доказалъ, наконецъ, что судъ первой инстанціи, желая во что бы

то ни стало найти въ моей лекціи призывъ къ возмущенію, рѣшился— horribile dictu! [1])—измѣнять мои слова, подставлять, приписывать мнѣ слова, какихъ я совсѣмъ не говорилъ!

Не буду повторять здѣсь всего этого.

Приведу еще одно только доказательство, но зато дѣйствительно разительное!

Точно по предчувствію воскликнулъ я въ своей первой защитительной рѣчи: меня никогда не рѣшились бы обвинять, еслибы я прочелъ свою лекцію, напр., въ консерваторіи, передъ такъ называемыми сливками общества!

И въ самомъ дѣлѣ! Мое осужденіе произвело сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ всего этого мнѣ вскорѣ сообщили объ одной лекціи, о которой я до тѣхъ поръ не слыхалъ. Эта лекція была прочитана въ консерваторіи почти одновременно съ моей инкриминируемой лекціей, 15 февраля 1862 г., а впослѣдствіи была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ, которое я вамъ и представляю. Она принадлежитъ никому иному, какъ королевско-прусскому тайному совѣтнику, д-ру Энгелю, нынѣшнему директору правительственнаго статистическаго бюро, ученому, котораго всѣ признаютъ первымъ статистикомъ Германіи. Заглавіе этой лекціи слѣдующее: „Die Volkszählungen, ihre Stellung zur Wissenschaft und ihre Aufgabe in der Geschichte".

Тайный совѣтникъ Энгель говоритъ въ ней слѣдующее (р. 5): „Третье сословіе эмансипировалось. Возникаетъ новая аристократія денегъ и ума. Ученые, чиновники и капиталисты, составляющіе буржуазію, становятся господствующей силой. Но теперь, когда умственный трудъ, поддерживаемый крупнымъ капиталомъ, завоевалъ себѣ свои права, физическій трудъ, говоря вообще, лишенный помощи капитала, также требуетъ признанія и уравненія въ правахъ. Подъ всемогуществомъ индустріализма, созданнаго паромъ, рабочіе классы выросли въ самостоятельное четвертое сословіе, они стали общественной силой, которая такъ же естественно стремится къ единовластію въ государствѣ, какъ этого добивались, пока могли, первое, второе и третье сословія".

И далѣе (р. 6): „Конечно, производство, т. е. созданіе богатства много выиграло отъ торжества свободы торговли; но этимъ борьба для четвертаго сословія еще не закончилась [2]). Для него вопросъ не столько въ созданіи новыхъ богатствъ, въ увеличе-

---

[1]) Страшно сказать!

[2]) Къ свѣдѣнію г. Шульце-Делича.

ніи абсолютной массы накопленнаго богатства, сколько въ распредѣленіи его, т. е. въ отношеніи богатства къ числу лицъ, которыя могутъ и должны пользоваться имъ. При ложномъ политическомъ и экономическомъ направленіи производства, далеко не устранена опасность безконечнаго обогащенія немногихъ при одновременномъ обнищаніи массы [1]), а это, конечно, всего вреднѣе отражается на четвертомъ сословіи при постоянно усиливающемся раздробленіи его силъ [2]). Остановить это раздробленіе силъ, снова сплотить элементы старыхъ союзовъ, неустанно разлагающихся и ставшихъ безполезными, придать имъ новую современную форму— такова одна изъ величайшихъ задачъ нашего времени. Задача разумной государственной политики, понимающей требованія своего времени, задача, рѣшеніе которой до сихъ поръ удавалось только случайно, состоитъ не только въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ о возможно большемъ, раціональномъ производствѣ, наряду съ этимъ и вопросъ о распредѣленіи долженъ быть разрѣшенъ въ такой формѣ, которая отвѣчала бы общему интересу. Побѣда, освобожденіе четвертаго сословія необходимо требуютъ разрѣшенія этихъ обоихъ вопросовъ [3]). Могучимъ орудіемъ этой побѣды является общественная самопомощь, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ различными затѣями соціализма и коммунизма, которые стремятся не къ здравому экономическому распредѣленію, а добиваются болѣзненнаго или насильственнаго, грубо-физическаго дѣлежа.

Слышите, господа! То самое, что на основаніи подробнаго историческаго анализа я призналъ новѣйшей фазой постепенно - развивающагося историческаго процесса, то самое, что судъ призналъ преступной тенденціей моей лекціи, — это же самое говоритъ тайный совѣтникъ Энгель также опредѣленно, въ самой рѣзкой формѣ! „Рабочіе классы,—говоритъ онъ,—выросли въ самостоятельное четвертое сословіе, они стали общественной силой, которая такъ же естественно стремится къ единовластію въ государствѣ, какъ этого добивались, пока могли, первое, второе и третье сословія“.

Если судить по внѣшней формѣ выраженія, то тайный совѣтникъ Энгель идетъ еще гораздо дальше меня. Онъ прямо говоритъ о едино-

---

[1]) Къ свѣдѣнію г. Шульце-Делича.

[2]) Опять къ свѣдѣнію г. Шульце-Делича.

[3]) Ср. мой „Гласный Отвѣтъ“ (см. т. 2 наст. изданія), гдѣ проводится совершенно та же самая мысль.

власти, говоритъ, что рабочіе классы естественно должны стремиться къ нему, между тѣмъ какъ я,—впрочемъ, и тайный совѣтникъ Энгель говоритъ тоже что и я, какъ объ этомъ недвусмысленно свидѣтельствуетъ общій смыслъ только что цитированныхъ его словъ, — между тѣмъ какъ я говорю только о господствѣ идеи рабочаго сословія и признаю рабочее сословіе предназначеннымъ сдѣлаться господствующимъ лишь постольку, поскольку оно объемлетъ насъ всѣхъ, — всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ приноситъ пользу обществу; поскольку, какъ я прямо говорю, оно объемлетъ весь человѣческій родъ и не содержитъ въ себѣ ни іоты какихъ бы то ни было новыхъ различій.

Во всякомъ случаѣ, мы оба, я и тайный совѣтникъ Энгель, говоримъ, слѣдовательно, совершенно одно и тоже.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, поразительное согласіе, господа!

Въ одно и то же время мы оба, каждый у себя въ кабинетѣ, не вѣдая другъ о другѣ, работаемъ надъ публичными лекціями, въ которыхъ высказываемъ однѣ и тѣ же мысли одними и тѣми же словами!

Одни и тѣ же научныя знанія привели насъ къ одинаковымъ выводамъ!

Но почему же, спрашиваю я васъ, тайный совѣтникъ Энгель не сидитъ теперь рядомъ со мной на этой скамьѣ подсудимыхъ, въ качествѣ моего сообщника, обвиняемый въ томъ же самомъ преступленіи? Гдѣ же равенство передъ закономъ, господа?

Тайный совѣтникъ Энгель высказываетъ извѣстныя мысли и, какъ и подобаетъ, взысканъ всѣми государственными почестями.

Я высказываю тѣ же мысли, и исполненная гнѣва Ѳемида бросаетъ мнѣ въ лицо свои вѣсы и склоняетъ долу мою чашку.

Дальше, господа! Тайный совѣтникъ Энгель напечаталъ свою лекцію, прочитанную имъ въ консерваторіи, въ редактируемомъ имъ съ 1862 г. офиціальномъ журналѣ статистическаго бюро. Журналъ этотъ издается и распространяется государствомъ, на государственныя средства; расходы на него покрываются изъ налоговъ, взимаемыхъ съ гражданъ. Слѣдовательно. провозглашаемое мною ученіе есть какъ бы государственное ученіе, ученіе, распространяемое государствомъ за свой счетъ и подъ покровомъ своего авторитета,—а я на скамьѣ подсудимыхъ, я приговоренъ къ карѣ!

Но и это еще не все, господа!

Познакомившись уже послѣ суда съ этой лекціей тайнаго совѣтника Энгеля, я, хотя и не имѣю чести знать его лично, послалъ ему свою под-

вергшуюся осужденію брошюру съ кое-какими шутливыми замѣчаніями насчетъ различныхъ послѣдствій, постигшихъ нашу проповѣдь одного и того же ученія.

На это тайный совѣтникъ Энгель отвѣтилъ мнѣ письмомъ, которое я, съ полнаго его согласія, позволю себѣ прочесть вамъ:

Берлинъ, 14-го февраля 1863 г.

„Многоуважаемый г. Лассаль!

„Почтительнѣйше отвѣчая Вамъ на Ваше вчерашнее письмо, свидѣтельствую Вамъ прежде всего мою благодарность за любезную присылку мнѣ Вашихъ новыхъ брошюръ. Лекцію о связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія я читалъ еще прошлымъ лѣтомъ и тогда же съ удовольствіемъ нашелъ въ Васъ одного изъ даровитѣйшихъ защитниковъ моихъ философскихъ и историческихъ взглядовъ. Съ такимъ же удовольствіемъ встрѣтилъ я подобныя же мысли въ остроумной книгѣ Арнольда о собственности. Съ экономическими истинами повторяется та же исторія, которую мы ежедневно можемъ наблюдать при всѣхъ открытіяхъ: онѣ оказываются зрѣлымъ плодомъ древа, который уже самъ по себѣ готовъ упасть вамъ въ руки.

„Ваше замѣчаніе, что судья, обсуждающій спеціальныя научныя сочиненія, долженъ самъ обладать свѣдѣніями въ этой области, позволю себѣ истолковать въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ процессахъ по поводу спеціально-научныхъ предметовъ окончательное рѣшеніе должно быть основано на отзывѣ экспертовъ, подобно тому, какъ нынѣ это дѣлается въ процессахъ, связанныхъ съ медицинскими, техническими, коммерческими и т. п. вопросами“.

Я прошу васъ, господа, пріобщить это письмо къ дѣлу.

Приходилось ли вамъ, господа, когда-либо сталкиваться съ болѣе рѣзкимъ, болѣе вопіющимъ противорѣчіемъ?

Чиновники, поставленные государствомъ во главѣ именно тѣхъ отраслей науки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, выражаютъ мнѣ благодарность и удовольствіе за обнародованные мною результаты моихъ научныхъ изслѣдованій, называютъ ихъ экономическими истинами, зрѣлыми плодами древа знанія, а чиновники судебнаго вѣдомства въ то же время преслѣдуютъ и осуждаютъ меня за тѣ же результаты!

Сознайтесь же, господа, въ томъ, что и безъ того ясно, благодаря лекціи тайнаго совѣтника Энгеля: здѣсь подверглось осужденію не то, что

подлежитъ вѣдѣнію уголовнаго суда, не то, что было сказано, не содержаніе! Нѣтъ! Здѣсь подверглось осужденію лицо, высказавшее эти мысли и мѣсто, гдѣ онѣ были высказаны!

Моя лекція осуждена потому, что я ее читалъ и читалъ передъ работниками!

Что это такое, господа? Справедливость или нѣчто совершенно противоположное справедливости, чему и имени придумать нельзя?

Справедливость требуетъ, чтобы не было лицепріятія; а что касается мѣста, то по § 100 Уголовнаго Уложенія судья долженъ имѣть въ виду только одно — публичный характеръ его.

Но, вѣдь, и консерваторія такое же публичное мѣсто, какъ и рабочее собраніе.

Что не преступно въ одномъ публичномъ мѣстѣ, то не можетъ быть преступнымъ и въ другомъ.

Судья, признающій преступнымъ для публичнаго собранія работниковъ то, что было бы не преступно во всякомъ другомъ публичномъ мѣстѣ, что было бы не преступно для публичнаго собранія буржуазіи — совершаетъ этимъ неслыханное превышеніе власти, создаетъ новое запрещеніе, неизвѣстное уголовному закону, — онъ становится притѣснителемъ извѣстнаго класса!

Судъ первой инстанціи самъ не могъ не сознаться, что онъ потому осуждаетъ мою лекцію, что она была прочитана работникамъ. Авторы приговора усматриваютъ преступность моей лекціи, буквально, „именно въ самыхъ пріемахъ обвиняемаго, въ томъ, какъ онъ сопоставляетъ и формулируетъ результаты своихъ размышленій, какъ онъ преподноситъ ихъ публикѣ, которая не обладаетъ такой высотой образованія, чтобы понять научную сторону его лекціи“.

Итакъ, моя лекція потому и преступна, что работники необразованы.

Тутъ мнѣ приходитъ на умъ одно достопамятное историческое воспоминаніе изъ нашей отечественной исторіи. Въ 1811 г., мая 9, владѣльцы дворянскихъ вотчинъ (чины) округовъ Лебуса, Шторкова и Бускова подали королю адресъ, въ которомъ они протестовали противъ революціонныхъ мѣропріятій Гарденберга, причемъ ссылались также на необразованность низшихъ сословій. Король передалъ адресъ государственному канцлеру Гарденбергу, который сдѣлалъ на поляхъ такое замѣчаніе: „Вы толкуете про необразованныхъ? Кто же необразованные? Не сами ли

дворяне-помѣщики, авторы этого адреса—первые въ томъ числѣ? Все это одно бахвальство [1])!" Такъ-то думалъ Гарденбергъ!

Что касается меня, то я могу дать двоякій отвѣтъ судьѣ первой инстанціи — одинъ отвѣтъ in facto [2]), другой in jure [3]). Сперва отвѣтъ фактическій. Судья первой инстанціи страшно заблуждается, полагая, что работники, какъ люди необразованные, менѣе способны воспринимать научныя ученія, чѣмъ „стоящая на высотѣ образованности" публика консерваторіи. Если рѣчь идетъ о свѣтскомъ образованіи изящныхъ салоновъ, то, конечно, между буржуазіей и работниками громадная разница. Но если мы имѣемъ въ виду научныя ученія, то работники въ общемъ отнюдь не меньше, а гораздо больше способны понимать ихъ, чѣмъ образованная буржуазія. Худое знаніе и полузнаніе вѣдь больше удаляютъ людей отъ науки и отъ способности воспринимать ее, чѣмъ даже незнаніе.

Конечно, работники еще необразованы, въ томъ именно смыслѣ, что они еще не усвоили результатовъ науки. Они до того еще необразованы, что рукоплещутъ даже партизанамъ свободы торговли, которые проповѣдуютъ имъ такія вещи, что всякій знакомый съ экономической наукой съ изумленіемъ спрашиваетъ: что это такое — полное невѣжество или насмѣшка и издѣвательство надъ этими бѣдняками?

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что работники не способны понимать истиннаго научнаго ученія, когда оно доходитъ до нихъ?

Не слѣдуетъ ли отсюда, наоборотъ, что надо доводить его до нихъ, знакомить ихъ съ результатами науки? Посмотрите на Англію! Тамъ министры зачастую посѣщаютъ рабочія собранія и читаютъ имъ лекціи по самымъ труднымъ вопросамъ. Такъ, 1 ноября 1854 г. лордъ Пальмерстонъ читалъ гампширскимъ поденщикамъ лекцію, гдѣ онъ возставалъ противъ догмата о первородномъ грѣхѣ. Онъ же 6 ноября 1856 г. читалъ манчестерскимъ работникамъ лекцію о двойственной природѣ человѣка, интеллектуальной и моральной, и о характерѣ нашего времени. Въ 1854 г. лордъ Джонъ Россель читалъ работникамъ лекцію о препятствіяхъ, стоящихъ на пути прогрессу цивилизаціи.

Что касается ученія объ отношеніи между прямыми и косвенными налогами, составляющаго, по мнѣнію суда, преступность моей лекціи, то

---

[1]) См. „Die Neuere und neueste Preussische Geschichte, mit Benutzung vieler bisher ungedruckter Quellen" д-ра Фр. Ферстера, Bd. II, p. 523.

[2]) Фактическій.

[3]) Съ юридической точки зрѣнія.

его-то и слѣдуетъ больше всего распространять именно въ рабочемъ сословіи.

Хотите знать, какой главный доводъ приводятъ защитники рутины въ пользу косвенныхъ налоговъ? Они сознаются, что налоги эти вредны, но находятъ невозможнымъ замѣнить ихъ прямыми налогами одинаковаго размѣра именно изъ опасенія того неудовольствія, какое подобная мѣра вызвала бы въ низшихъ классахъ. Говорятъ, что народъ ненавидитъ сборщиковъ податей и ни за что не согласится платить такихъ суммъ прямыми налогами, т. е. ясно сознавая, что платитъ налогъ; косвенные же налоги онъ платитъ безсознательно, воображая, что уплачиваетъ лавочнику за товаръ ту сумму, которую онъ, въ сущности, уплачиваетъ государству.

Джонъ Стюартъ Милль называетъ этотъ доводъ ребяческимъ и основаннымъ на заблужденіи. Но онъ не можетъ отрицать его относительной справедливости, и съ этимъ нельзя не согласиться.

Итакъ, самымъ важнымъ препятствіемъ къ замѣнѣ этого нечувствительнаго налога прямымъ и чувствительнымъ является, какъ это утверждаютъ защитники косвенныхъ налоговъ, мнимый или дѣйствительный предразсудокъ низшихъ классовъ народа.

Если такъ, то кому, какъ не работникамъ слѣдуетъ больше всего выяснять истинную природу косвенныхъ налоговъ, доказывать ихъ вредъ для народа, раскрывать, какъ несправедливо обременяютъ они его! Кому, какъ не рабочему сословію слѣдуетъ говорить все это, если, какъ не совсѣмъ несправедливо утверждаютъ, именно его нежеланіе стоитъ на пути къ этой реформѣ? Тотъ, кто объясняетъ ему это, дѣйствуетъ въ высшей степени благотворно, поступаетъ какъ истинный государственный мужъ, такая дѣятельность безусловно необходима; она неизбѣжно должна предшествовать реформѣ въ этомъ направленіи, такъ какъ иначе такая реформа невозможна.

Но судъ первой инстанціи ничего этого не вѣдалъ!

Въ 1856 г. въ Брюсселѣ происходилъ международный конгрессъ благотворительности (congrès international de bienfaisance). Тамъ были экономисты всѣхъ странъ. Здѣсь были представители Англіи, Франціи, Германіи. Труды этого конгресса изданы въ Брюсселѣ въ 1857 г. въ 2 томахъ.

Въ числѣ принятыхъ этимъ конгрессомъ резолюцій и предложенныхъ мѣропріятій мы находимъ первымъ слѣдующее постановленіе (I, p. 484): „Конгрессъ предлагаетъ принятіе слѣдующихъ принциповъ и мѣръ: 1) Свободу торговли съѣстными припасами и вообще всѣми предметами первой необходимости“.

Это первое постановленіе можно присоединить къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя признаютъ вредъ косвенныхъ налоговъ, а въ числѣ ихъ налоги на предметы первой необходимости играютъ очень значительную роль; я говорилъ вамъ раньше, что списокъ свидѣтельствъ въ пользу этого мнѣнія легко было бы продолжить и дальше. Но 9 постановленіе конгресса гласитъ такъ: „Распространеніе политико-экономическихъ ученій, способныхъ разсѣять предразсудки и доказать необходимость свободы торговли хлѣбомъ и вообще съѣстными припасами; популярныя изданія, могущія просвѣщать массы“.

Но конгрессъ ученыхъ всѣхъ націй ошибся, онъ не принялъ въ расчетъ прусскую прокуратуру.

Вотъ я распространяю подобныя ученія, выпускаю такія популярныя изданія, какъ этого требуетъ международный конгрессъ благотворительности, а меня преслѣдуютъ и осуждаютъ за то, что я распространялъ такія ученія среди рабочихъ!

Мой юридическій отвѣтъ будетъ, если возможно, еще вразумительнѣе.

Я уже говорилъ, что согласно § 100 законъ принимаетъ въ соображеніе только публичность мѣста; такимъ образомъ, законъ не допускаетъ, чтобы дозволенное для одного публичнаго мѣста считалось недозволеннымъ для другого.

Статья 4 конституціи гласитъ, что всѣ прусскіе подданные равны. Они должны быть равны, слѣдовательно, и передъ уголовнымъ судомъ, и передъ наукой, которую можно сообщить имъ. У насъ нѣтъ кастовыхъ различій, которыя запрещали бы распространять въ одной кастѣ то, что разрѣшено для другой.

Какъ? Статья 20 конституціи гласитъ, что „наука и ея ученіе свободны“, а вы хотите устранить рабочее сословіе отъ науки?

Но приговоръ, противъ котораго я протестую, наводитъ на другія, еще болѣе серьезныя недоумѣнія. Я докажу, что онъ является тяжкимъ посягательствомъ противъ всего нашего публичнаго права, посягательствомъ, которое необходимо привело бы къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ, если бы у насъ имѣлась въ настоящее время строгая послѣдовательность прежнихъ временъ.

Если бы раньше, при самодержавномъ режимѣ, для признанія лекціи преступной, руководились тѣмъ соображеніемъ, что она была прочитана передъ работниками, которые считаются людьми необразованными, то и тогда это было бы лишено всякаго юридическаго значенія, но это было бы, по крайней мѣрѣ, понятно. Въ то время царилъ принципъ: все

для народа, ничего через народъ. Низшіе классы не принимали участія въ законодательной власти, они не оказывали на нее никакого вліянія. При такихъ обстоятельствахъ было понятно, что распространеніе научныхъ знаній въ низшихъ сословіяхъ считалось вреднымъ возбужденіемъ.

Но можно ли такъ разсуждать въ конституціонномъ государствѣ? Что бы ни говорилъ судья первой инстанціи, — эти необразованные являются однимъ изъ факторовъ законодательной власти, черезъ своихъ избранныхъ представителей они создаютъ законы, и судья, слѣдовательно, изъ ихъ рукъ получаетъ законъ, который онъ обязанъ примѣнять!

Дурно ли, хорошо ли это, но это такъ!

Они не стоятъ „на высотѣ образованія", говоритъ судья первой инстанціи. Но своими выборами они рѣшаютъ всѣ законодательные вопросы, возражаю я ему на это.

Будучи косвенно законодателями, не должны ли эти необразованные пользоваться своимъ избирательнымъ и законодательнымъ правомъ cum cegnitione causae [1]). Не хочетъ ли судья присудить ихъ слѣпо бросать свои шары въ избирательную урну, не вѣдая, что и о чемъ рѣшаютъ?

Не имѣютъ ли эти необразованные абсолютнаго права быть освѣдомленными обо всѣхъ важныхъ вопросахъ законодательства, права, покоющагося на всемъ публичномъ правѣ страны и совпадающаго къ нимъ?

Могутъ ли мнѣ запретить предпринять мирную и законную агитацію въ пользу отмѣны косвенныхъ налоговъ и убѣждать этихъ необразованныхъ избирать выборщиками и депутатами только такихъ людей, которые солидарны со мной во взглядахъ на косвенные налоги и на всеобщее избирательное право?

Могутъ ли препятствовать этимъ необразованнымъ законодателямъ пріобрѣтать необходимыя имъ свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ, чтобы пользоваться, въ качествѣ законодателей, своимъ избирательнымъ правомъ?

Вы помните, какъ вздыхало министерство Мантейфеля, находя общественное мнѣніе еще недостаточно подготовленнымъ для этой необходимой реформы, неотложность которой государство признавало уже въ 1847 г. Вы помните, какъ правительство сознавалось, что оно ничего не въ состояніи сдѣлать, пока не создастся соотвѣтствующаго общественнаго мнѣнія? У кого же необходимо создать это общественное мнѣніе? У высшихъ сословій, которыя остались глухи даже къ правительственному предложенію? Или у низшихъ сословій, насущные интересы которыхъ

---

[1]) Съ полнымъ разумѣніемъ.

сильно затронуты въ данномъ случаѣ, которыя приносятся въ жертву нынѣшнему общественному мнѣнію и которыя въ своихъ собраніяхъ и въ своемъ избирательномъ правѣ обладаютъ законнымъ средствомъ создать иное общественное мнѣніе?

Обо всемъ этомъ судья первой инстанціи попросту забылъ, когда говорилъ о публикѣ, не стоящей на высотѣ образованности. Его мысль витала въ далекихъ временахъ самодержавія, когда считалось вреднымъ возбужденіемъ просвѣщать необразованный народъ, misera plebs contribuens [1]), насчетъ податныхъ учрежденій и другихъ законовъ, вліять на которые онъ былъ безсиленъ, за отсутствіемъ необходимыхъ законныхъ средствъ.

Судьѣ, вскормленному и взросшему въ самодержавіи, весьма естественно уноситься къ нему мыслью, и само по себѣ это еще небольшая бѣда.

Но дѣло имѣетъ и другія болѣе серьезныя послѣдствія.

Судебный приговоръ приводится въ исполненіе публичной силой, полиціей и войсками.

Всякій судебный приговоръ, слѣдовательно, есть и долженъ быть дѣйствіемъ, примѣняющимъ силу, актомъ силы.

Насильственно удерживая меня—и не одного меня, а всѣхъ находящихся въ томъ же положеніи и имѣющихъ то же желаніе,—насильственно запрещая намъ просвѣщать низшіе классы насчетъ законодательныхъ вопросовъ, судебный приговоръ насильственно препятствуетъ народу пользоваться своимъ конституціоннымъ законодательнымъ и избирательнымъ правомъ cum cognitione causae. И, такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ или точнѣе едва ли могъ бы возникнуть вопросъ, если бы въ наше время царила строгая послѣдовательность римскихъ юристовъ: не является ли этотъ приговоръ насильственнымъ посягательствомъ на конституцію государства?

Приведенные выше офиціальные акты министерства Мантейфеля и мотивы къ королевскому посланію вполнѣ доказываютъ, господа, какъ безусловно законна и дозволительна была бы мирная агитація, предпринятая въ видахъ отмѣны косвенныхъ налоговъ. Эта агитація, апеллирующая къ общественному мнѣнію, была бы актомъ высокой государственной мудрости и заслуживала бы похвалы.

Но, вѣдь, я даже и такой агитаціи не предпринималъ! Даже этого я не сдѣлалъ! И поступилъ я такъ не потому, чтобы не желалъ горячо замѣны косвенныхъ налоговъ прямыми, а потому, что слишкомъ хорошо понимаю

---

[1]) Жалкая платящая чернь.

эти вещи, я знаю, что серьезная податная реформа невозможна, пока не осуществлены предварительно нѣкоторыя другія мѣры; въ особенности же если нѣтъ законодательнаго корпуса, избраннаго на основаніи всеобщаго избирательнаго права.

И если вы припомните отмѣченный мною выше фактъ, что само королевское правительство сознается, что, несмотря на всѣ свои усилія, съ 1847 г. оно не могло сдѣлать даже перваго шага на пути необходимыхъ податныхъ реформъ, то вы поймете, какъ правъ я въ данномъ случаѣ.

Слѣдовательно, моя лекція могла преслѣдовать лишь чисто-научную и теоретическую цѣль—дать рабочимъ классамъ представленіе о характерѣ настоящей эпохи.

Одинъ остроумный мой другъ замѣтилъ мнѣ какъ-то потомъ: вамъ слѣдовало бы озаглавить свою лекцію такъ: „Рабочее состояніе и состояніе рабочихъ въ исторіи“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, это эпиграмматическое заглавіе вполнѣ выражаетъ собою основную мысль моей лекціи. Меня пригласили,—мнѣ не принадлежала даже инициатива въ этомъ дѣлѣ,—прочитать лекцію въ рабочемъ собраніи. О чемъ мнѣ было читать имъ? О томъ, сколько тюковъ хлопка привозится ежегодно изъ Америки въ Англію или что-нибудь подобное, что на другой же день вылетаетъ изъ головы? Нѣтъ, сказалъ я себѣ; надо представить имъ всю богатую исторію современныхъ націй во всей простотѣ ея внутренняго закономѣрнаго развитія, насколько это доступно для величайшей научной энергіи; надо раскрыть имъ внутреннія пружины развитія этой исторіи и преисполнить утомленныя сердца угнетенныхъ бодростью и отрадой, показавъ имъ, что дѣло ихъ движется впередъ, хотя и медленно и непримѣтно, но, въ то же время, неустанно и неуклонно.

А прокуроръ называетъ эту бодрость и отраду—ненавистью и презрѣніемъ!

Если, кромѣ того, моя лекція имѣла еще какую-нибудь практическую цѣль, то развѣ только ту, чтобы дать теоретическое обоснованіе для законной и мирной агитаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Цѣль эта ясно выражена въ словахъ, какими я заканчиваю свое разсужденіе о налогахъ: „Господа! обратите вниманіе на это своеобразное про-

---

[1]) По-нѣмецки не передаваемая игра словъ: „Der Arbeiterstand und der Stand der Arbeiter in der Geschichte“.

тиворѣчіе, на эту своеобразную справедливость: все содержаніе государства взваливается на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, политической власти дѣлается прямой налогъ, дающій на государственныя нужды изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю въ 12 милліоновъ!“

Цѣль эта ясно выражена и въ собственныхъ словахъ прокурора, который восклицаетъ: „Обвиняемый упускаетъ изъ виду, что въ дѣйствительности государственныя повинности распредѣлены далеко неравномѣрно и что степень участія въ повинностяхъ должна соотвѣтствовать степени участія въ правахъ!“

Я вполнѣ примыкаю къ этому юридическому тезису прокурора, я крѣпко стою на немъ, и на немъ же построена вся моя лекція.

Если правда, что повинности должны влечь за собой соотвѣтствующія права и если, съ другой стороны, правда, какъ утверждаетъ само правительство, что бѣдные классы платятъ безконечно больше зажиточныхъ даже въ формѣ прямыхъ налоговъ, а тѣмъ болѣе, слѣдовательно, въ формѣ косвенныхъ, которые еще больше обременяютъ низшіе классы,— если все это правда, то почему же бѣдные классы, платя налоговъ въ 5, 6, 10, 20 и болѣе разъ больше зажиточныхъ, пользуются въ то же время только $^1/_3$ избирательнаго права?

Гдѣ же тутъ справедливость? И почему преступно желать склонить общественное мнѣніе въ пользу отмѣны такихъ несправедливыхъ условій, осужденныхъ и словами правительства, и собственными словами прокурора?

Одно изъ двухъ, господа.

Или чистое самодержавіе—или всеобщее избирательное право! О томъ и о другомъ можно судить различно, можно спорить; но все, что между ними, все промежуточное, во всякомъ случаѣ, невозможно, непослѣдовательно и нелогично.

Самодержецъ, благодаря своему положенію, чуждый всѣхъ классовыхъ противорѣчій, поставленный высоко надъ обществомъ и его интересами, по крайней мѣрѣ, могъ по мѣрѣ силъ своихъ посвящать себя общему благу, благу безконечнаго большинства народа. Дѣлалъ ли онъ это и насколько дѣлалъ,—это зависѣло отъ случая, отъ его личнаго ума, таланта и направленія всего его характера. По крайней мѣрѣ, онъ могъ это дѣлать, и положеніе его напоминало ему, что онъ обязанъ это дѣлать. Таковъ и былъ, дѣйствительно, девизъ стараго самодержавія въ пору его наивысшаго расцвѣта: ничего черезъ народъ, все для народа.

Эти времена прошли. Настало время конституціонализма, т. е. время,

когда общество, считая себя совершеннолѣтнимъ, захотѣло взять въ свои собственныя руки свою судьбу.

Съ этой минуты стало логически невозможно, стало очевиднымъ противорѣчіемъ, вопіющей несправедливостью отдавать эту судьбу въ руки меньшинства, въ руки зажиточныхъ классовъ общества. Они не стоятъ надъ общественными интересами, они, наоборотъ, захвачены ихъ перекрестнымъ огнемъ и по всему своему положенію они не могутъ не рѣшать этой судьбы иначе, какъ въ своемъ собственномъ классовомъ интересѣ, они, слѣдовательно, не могутъ не жертвовать своему частному интересу общимъ интересомъ безконечнаго большинства низшихъ сословій, слабымъ примѣромъ чему можетъ служить судьба Мантейфелевскаго законопроекта. Но разъ признается принципъ общественнаго самоуправленія, то было бы вопіющей несправедливостью, логической невозможностью передавать путемъ класснаго избирательнаго закона въ руки одного класса, рѣшеніе участи всего народа вмѣсто того, что бы ввѣрять это рѣшеніе самому народу. Передавать, какъ привилегію, въ руки именно тѣхъ классовъ, которые,—ссылаюсь на собственный тезисъ прокурора!—принимаютъ лишь самое ничтожное участіе въ несеніи государственныхъ повинностей!

Надо выяснить общественному мнѣнію эту несправедливость и эту невозможность, надо убѣдить въ этомъ всѣхъ, даже упорствующіе умы. Надо создать мирныя условія для устраненія учрежденія, которое, дѣйствительно, можетъ вызвать, наконецъ, сословную ненависть, если все останется по старому.

Надо, прежде всего, убѣдить самое буржуазію, что ей остается выбирать только между чистымъ самодержавіемъ и всеобщимъ избирательнымъ правомъ, что все промежуточное будетъ раздавлено желѣзнымъ ходомъ исторіи, что если ей, дѣйствительно, дорогъ конституціонализмъ, то есть только одно средство спасти его—положить въ его основу всеобщее избирательное право, всеобщее избирательное право сдѣлать своимъ откровеннымъ боевымъ лозунгомъ.

Я стараюсь спасти буржуазію отъ той участи, какая во Франціи повергла ее во власть Наполеона, а прокуроръ называетъ это обращеніе къ общественному разуму и общественной совѣсти возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію!

Я долженъ отвѣтить еще на два пункта.

Въ первой части своей лекціи, когда я касался среднихъ вѣковъ, я сказалъ, что уже въ 1672 г. на германскомъ имперскомъ сеймѣ, въ 1614 г. на французскихъ Etats généraux требовали отмѣны цеховъ. Я

сказалъ, что въ 1776 г., во Франціи, министръ-реформаторъ Тюрго уничтожилъ цехи, но что вопли привилегированныхъ классовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заставили короля отмѣнить свой собственный эдиктъ; что, наконецъ, штурмъ Бастиліи въ одинъ день сдѣлалъ то, чего тщетно добивались въ Германіи и во Франціи въ теченіе двухъ столѣтій.

Затѣмъ я высказалъ слѣдующее, совершенно объективное историческое замѣчаніе: „Изъ этого вы видите, господа, что при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ путь легальныхъ преобразованій имѣетъ во всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ одно большое неудобство, неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; а съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои неоспоримыя невыгоды, имѣетъ то преимущество, ьто быстро и энергично ведетъ къ практической цѣли“.

Въ этомъ замѣчаніи, строго-объективномъ и историческомъ, которое въ одинаковой мѣрѣ отмѣчаетъ какъ выгодныя, такъ и невыгодныя стороны революціи и которое я высказалъ въ связи съ историческимъ обзоромъ средневѣковаго періода, судья первой инстанціи усматриваетъ основаніе къ осужденію, дѣлая отсюда тотъ выводъ, что я, слѣдовательно, предпочитаю революціонный пунктъ легальному и что я, слѣдовательно, думаю то же самое и о современномъ историческомъ періодѣ, и о тѣхъ цѣляхъ, какія предстоитъ еще въ немъ осуществить, что, слѣдовательно, въ глубинѣ души я таю мысль, что рабочимъ классамъ слѣдуетъ теперь же дѣйствовать революціонно! Услыхавъ это, я едва вѣрилъ своимъ ушамъ!

Не говоря уже о томъ, что если бы и было что-либо подобное, то, въ такомъ случаѣ, меня можно было бы обвинять развѣ только въ возбужденіи къ революціи противъ государственной власти, а не въ возбужденіи ненависти и презрѣнія противъ гражданъ,—неужели судья первой инстанціи не понимаетъ, что такой приговоръ, основанный на догадкахъ, представляетъ собой самое вопіющее нарушеніе всѣхъ принциповъ права?

Всѣ его заключенія сдѣланы вкривь и вкось, всѣ они ложны. Ихъ несостоятельность я показалъ, хотя и кратко, но достаточно ясно въ своей апелляціи.

Но если бы даже эти заключенія были вполнѣ вѣрны,—неужели судья первой инстанціи не понимаетъ, что онъ не имѣетъ права дѣлать ихъ! Что онъ обязанъ держаться только сказаннаго мною и не смѣетъ вторгаться въ святое святыхъ моей интимной свободы мысли? Что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права привлекать меня къ уголовному суду за мои невысказанные взгляды, хотя бы онъ и могъ заключить изъ моихъ словъ о существованіи ихъ въ глубинѣ моей души?

Мое изумленіе передъ этимъ приговоромъ было непомѣрно, такъ какъ онъ попираетъ всѣ самые святые принципы права, попираетъ въ такой вопіющей формѣ, какой не знали даже времена величайшаго безправія.

Знаете, господа, какой случай приводятъ консервативные историки въ качествѣ самаго ужаснаго, разительнаго примѣра полнаго безправія террористическихъ трибуналовъ во время французской революціи? Случай осужденія, основаннаго на томъ, что обвиненный былъ изобличенъ въ пѣніи пѣсни: „O, Richard mon roi!“—„О, Ричардъ, мой король!“

Такъ! Но вотъ меня осудили не за то, что я пѣлъ голосомъ, а за то, что я, какъ догадывается судья, пѣлъ въ глубинѣ своей души: „O, Révolution, ma reine!“—„О, революція, моя царица!“

Что же, не хотятъ ли суды, дѣйствительно, заставить насъ итти путемъ французской исторіи? Что же, намъ слѣдуетъ лишать другъ друга жизни изъ-за различія во мнѣніяхъ? Неужели призывъ къ нѣмецкому правовому чувству не находитъ уже отклика въ духѣ нашихъ судей? Неужели оно вымерло въ насъ? Неужели сознаніе права личности, которымъ германская нація всегда славилась, совершенно изсякло въ насъ и поистерлось за долгій историческій процессъ? Неужели мы до того романизировались, чтобы преслѣдовать другъ друга, какъ преступниковъ, за свои убѣжденія?

Не скрою отъ васъ, господа, что мы сильно расходимся во взглядахъ. Я, конечно, желаю многаго, чего вы вовсе не желаете, и, наоборотъ, не желаю много, чего вы желаете.

Но имѣетъ ли это какое-либо отношеніе къ области нашего права?

Наши вѣрованія раздѣляютъ насъ еще больше, нежели наши желанія.

Вы, господа, не вѣрите въ революцію. Меня же, да, меня, мои ученыя занятія привели къ вѣрѣ въ революцію.

Въ своей защитительной рѣчи на судѣ первой инстанціи я объяснилъ то научное значеніе слова революція, въ какомъ я его всегда разумѣю.

Значеніе это состоитъ въ томъ, что на мѣсто существующаго порядка вещей ставится новый принципъ, безразлично, дѣлается ли это путемъ насилія или безъ него.

Въ этомъ смыслѣ,—говорю прямо,—я убѣжденъ, что революція должна, во всякомъ случаѣ, совершиться въ будущемъ!

Она совершится или вполнѣ законнымъ путемъ среди всѣхъ благодѣяній мира, если благоразумно рѣшатся во-время произвести ее сверху,

или же она, сопровождаемая насильственными потрясеніями, ворвется съ дико развѣвающимися волосами, въ желѣзныхъ сандаліяхъ на ногахъ!

Такъ или иначе, но она придетъ, и когда, вдали отъ уличнаго шума, я углубляюсь въ исторію, я слышу ея приближающіеся шаги.

Но неужели вы не видите, что, несмотря на все различіе нашихъ вѣрованій, мы все-же идемъ рука объ руку въ нашихъ стремленіяхъ?

Вы не вѣрите въ революцію и потому хотите помѣшать ея наступленію. Хорошо! Дѣлайте же, что повелѣваетъ вамъ долгъ вашей службы. Но я вѣрю въ революцію и потому, что я вѣрю въ нее, я хочу не произвести ее,—ибо, какъ я уже доказалъ въ своей критикѣ приговора, и какъ это вытекаетъ изъ всего моего историческаго міросозерцанія, усилія трибуна такъ же безсильны произвести революцію, какъ мое дыханіе безсильно вызвать бурю на морѣ,—а лишь заранѣе цивилизовать, гуманизировать ее, на тотъ случай, если она придетъ и притомъ придетъ снизу!

И я докажу вамъ это на примѣрѣ послѣдняго пункта предъявленнаго ко мнѣ обвиненія.

Обвиненіе ставитъ мнѣ въ вину, что я отмѣтилъ фактъ грубаго эгоизма, т. е. фактъ безнравственности высшихъ классовъ.

Не буду напоминать вамъ, что то же отмѣчали Фихте, Руссо, Евангеліе.

Но, спрашивается, по какому поводу говорилъ я объ этомъ?

„Быть можетъ,—говорю я въ лекціи,—мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ началомъ государства и общества покажется очень опасной и безнравственной, грозящей погубить нравственность и просвѣщеніе въ современномъ варварствѣ“. „Но,—продолжаю я,—этотъ страхъ есть лишь ложный предразсудокъ и можно, напротивъ, доказать, что эта мысль представляетъ собой величайшій прогрессъ и высшее торжество нравственности, какое до сихъ поръ извѣстно въ исторіи. Это—предразсудокъ, говорю я, и притомъ предразсудокъ именно только нашего времени, еще проникнутаго привилегіей. Было время, когда царилъ даже совершенно противоположный предразсудокъ. Это было во время первой французской республики 1793 г.“.

Вы видите, слѣдовательно, что я заговорилъ объ этомъ только для того, чтобы оправдать свой взглядъ на предстоящую нашему всемірно-историческому періоду задачу, чтобы опровергнуть упрекъ въ развратѣ и грубости, упрекъ, который многіе очень охотно дѣлаютъ, несмотря на его полную несостоятельность.

Уже одно это обстоятельство исключаетъ въ сказанномъ мною о прав-

ственности высшихъ классовъ всякій элементъ вражды къ кому бы то ни было, исключаетъ всякое намѣреніе провоцировать и возбуждать. Все это сказано лишь для того, чтобы научно показать значеніе нашего историческаго періода и опровергнутъ ошибочныя возраженія. Но 20 статья конституціи: „наука и ея ученіе свободны“—должна же имѣть, по крайней мѣрѣ, хотя бы тотъ смыслъ, что наукѣ позволяется говорить все, что необходимо для развитія и доказательства ея положеній, что для нея нѣтъ ничего безусловно запретнаго, ничего наказуемаго, ничего такого, чѣмъ она не должна была бы пользоваться для своей конечной научной цѣли.

Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Я имѣю въ виду другое обстоятельство.

Въ какомъ смыслѣ говорю я о сословной безнравственности, которая, какъ думаетъ Фихте, все возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по соціальной лѣстницѣ, и въ какомъ смыслѣ говорю я о противоположномъ предразсудкѣ санкюлотства?

Я говорю: „Въ то время этотъ противоположный взглядъ былъ доведенъ до крайности: всякій, на комъ былъ цѣлый камзолъ, за одно это казался развращеннымъ и подозрительнымъ, и добродѣтель, честность и патріотическая нравственность считались возможными только въ лохмотьяхъ. То былъ періодъ санкюлотства. Господа, этотъ взглядъ имѣетъ въ своей основѣ истину, которая здѣсь только выражена въ л о ж н о й и п р е в р а т н о й формѣ. А нѣтъ ничего опаснѣе истины въ ложной и превратной формѣ, ибо какъ ни относись къ ней, все же выйдетъ плохо. Если истина воспринимается въ своей ложной, превратной формѣ, то при извѣстныхъ условіяхъ отсюда проистекаютъ самыя п е ч а л ь н ы я п о с л ѣ д с т в і я, какъ это было съ санкюлотствомъ“.

Итакъ, я рѣшительно высказываюсь противъ санкюлотскаго пониманія этого принципа, открыто признаю его ложнымъ и превратнымъ, признаю, что онъ повиненъ въ самыхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, и то же самое необходимо будетъ и у насъ, если заранѣе не выяснятъ народу всей его ложности и превратности, но для этого необходимо вскрыть истинное содержаніе, скрытое въ этой ложной формѣ.

И я показываю дальше, что высшія привилегированныя сословія необходимо, помимо всякой личной вины, д о л ж н ы быть безнравственны, такъ какъ личный интересъ н е о б х о д и м о ставитъ ихъ въ п р о т и в о р ѣ ч і е къ историческому прогрессу, къ идеализму культурнаго развитія, въ преданности которому и состоитъ вся истинная нравственность. Благодаря этому противорѣчію, преданность прогрессу могутъ питать среди высшихъ сословій только тѣ личности, которыя выработали себѣ широкій кругозоръ и

поднялись, благодаря этому, высоко надъ личными интересами,—а къ этому способны, конечно, очень немногіе. Въ низшихъ классахъ нѣтъ такого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, тогда какъ высшія сословія обречены, благодаря этому, на историческую безнравственность помимо всякой личной вины. Низшіе классы, наоборотъ, находятся въ счастливомъ положеніи, такъ какъ у нихъ историческая нравственность совпадаетъ съ ихъ личнымъ интересомъ. Поэтому имъ легко быть нравственными. Правда, и въ нихъ еще достаточно своекорыстія; но здѣсь это порокъ частныхъ лицъ, тогда какъ въ высшихъ сословіяхъ это необходимый продуктъ ихъ сословнаго положенія.

Итакъ, что же говорилъ я въ данномъ случаѣ работникамъ? Чему поучалъ я ихъ?

Знаете ли вы, господа, внутреннюю связь событій французской революціи? Я знаю ее до мельчайшихъ подробностей!

Что породило французскій терроръ?

„Nous battons de la monnaie sur la place de Greve"—„Мы чеканимъ монету на Гревской площади" (гдѣ совершались казни),—говорилъ Барреръ. Во имя „vertu", во имя республиканской добродѣтели, Робеспьеръ казнилъ богатыхъ за то, что они не раздѣляли патріотической любви къ равенству, а ему это казалось личнымъ преступленіемъ. Люди были тогда безсильны что-либо измѣнять въ объективномъ характерѣ общественныхъ установленій, они были безсильны измѣнить объективное неравенство матеріальнаго положенія, они, наоборотъ, въ принципѣ признавали это неравенство какъ своего рода догматъ, и исполненные гнѣва за то, что они безсильны измѣнить что-либо въ положеніи вещей, которое естественно и необходимо порождаетъ въ личностяхъ соотвѣтствующій образъ мыслей, они сваливали всю вину на личность и казнили богатыхъ во имя добродѣтели!

Наученный этимъ грознымъ прошлымъ и хорошо зная, какъ склонны бѣдные классы къ этой пагубной ошибкѣ, я взываю въ своей лекціи къ работникамъ: Если событія когда-либо отдадутъ власть въ ваши руки, то обращайте вниманіе только на обстоятельства, старайтесь разумно улучшить ихъ, измѣнить ихъ характеръ, но людей оставьте въ покоѣ! Ихъ безнравственность, отсутствіе у нихъ патріотической добродѣтели есть не ихъ вина, а необходимое выраженіе ихъ классового положенія. Будь вы на ихъ мѣстѣ, вы ни на волосъ не были бы лучше.

Это такое же возбужденіе къ ненависти и презрѣнію, какъ напр.,

слова Спасителя: „кто сознаетъ себя чистымъ, брось первый камень!“— были призывомъ къ убійству.

Какая иронія! Я всей душою стараюсь внушить работникамъ не винить личностей, такъ какъ онѣ лишь ни въ чемъ неповинный и непроизвольный продуктъ обстоятельствъ, а меня обвиняютъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ этимъ личностямъ!

Послѣднее слово, господа!

Какъ возможно было возбудить противъ меня это обвиненіе, какъ возможно было предположить во мнѣ умыселъ совершить это преступленіе, безъ чего самое обвиненіе невозможно?

Какъ? Человѣкъ, одержимый безконечной жаждой познанія, дошелъ упорнѣйшимъ и серьезнѣйшимъ трудомъ отъ греческой философіи и римскаго права черезъ различныя отрасли исторической науки до современной экономіи и статистики,—и вы серьезно можете думать, что онъ намѣренъ закончить это свое долгое изученіе тѣмъ, что вложитъ въ руки пролетаріата факелъ пожара?

Какъ? Неужели такъ мало знаютъ нравственную, цивилизующую силу науки, такъ мало вѣрятъ ей, что считаютъ это возможнымъ?

Неужели вы не видите, что, допуская это, вы оскорбляете тѣмъ не только меня, но и себя, и всю науку?

Что же остается еще въ наукѣ, если она не порождаетъ необходимо этого этическаго направленія духа? Что же такое нравственность, если не необходимый результатъ истиннаго знанія? Если бы предположеніе, которое внушаютъ вамъ, было состоятельно хотя бы въ самой слабой степени, то вся культура была бы просто великой ложью, и всѣ узы, внутренне связующія цивилизованный міръ, пали бы.

Нѣтъ, этого я не могу желать.

Чего же добиваюсь я, обращаясь къ работникамъ съ мирной агитаціей и стараясь воздѣйствовать на ихъ убѣжденія?

Я чувствую, что долженъ отвѣтить вамъ на это въ двухъ словахъ. Я намекалъ на это уже въ своей защитительной рѣчи на судѣ первой инстанціи, я говорилъ объ этомъ и въ другіе разы. Я добиваюсь свободныхъ ассоціацій работниковъ, но добиваюсь при этомъ и всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ желаю ихъ и считаю возможными и дѣйствительными только подъ благодѣтельной, цивилизующей эгидой государства!

Я приписываю государству высокую, великую задачу,—развить зародыши человѣчности, что оно дѣлало отъ начала исторіи и будетъ дѣлать

во вѣки вѣковъ, я требую, чтобы оно, какъ органъ всѣхъ, устроило своей благодѣтельной рукой жизнь всѣхъ.

Это ученіе, господа, не проповѣдь разрушенія и варварства; это въ высшей степени государственное ученіе!

Господа! Вы, вѣдь, не принадлежите къ манчестерцамъ, къ этимъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство—не ту или иную форму государства, а вообще государство! Которые, какъ сами они иногда сознаются, хотѣли бы уничтожить всякое государство, хотѣли бы продать съ молотка правосудіе и полицію и вести войну при помощи акціонерныхъ обществъ, дабы во всей вселенной не осталось ничего нравственнаго, ни одного пункта, откуда можно было бы оказывать сопротивленіе ихъ вооруженной капиталомъ эксплоататорской алчности!

Какъ ни расходимся мы во взглядахъ, господа, но мы заодно противъ этого разрушенія всякой нравственности! Заодно съ вами защищаю я противъ современныхъ варваровъ вѣковѣчный священный огонь цивилизаціи—государство!

Я кончаю.

Вы сами видите, какія громадныя усилія употребилъ я, чтобы добиться оправданія! Апелляціонная жалоба и эта защита отняли у меня столько времени, такихъ жертвъ потребовали онѣ отъ меня, что въ сравненіи съ этимъ четырехмѣсячный арестъ показался бы мнѣ пустяками.

Но я обязанъ былъ ради васъ вполнѣ выяснить вопросъ, чтобы предохранить васъ отъ безпримѣрной несправедливости!

Я обязанъ былъ ради науки отстоять великую сферу умственной дѣятельности.

Я обязанъ былъ ради страны выяснить, тотъ ли еще у насъ судъ, о которомъ при Фридрихѣ Великомъ вплоть до предѣловъ Франціи дошла поговорка: il y a des juges à Berlin—есть судьи въ Берлинѣ!

Каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ,—онъ будетъ достопамятенъ. Не пустымъ трезвономъ нашей ежедневной прессы угрожаю я вамъ. Сама наука,—да, я имѣю нѣкоторое право говорить отъ ея имени,—запишетъ этотъ приговоръ въ лѣтописяхъ исторіи!
